

ПАУЛЬ ҚАРЕЛЬ

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

книга 1

ГИТЛЕР ИДЕТ НА ВОСТОК

1941–1943

Одно из наиболее читаемых в мире произведений о Второй мировой войне, выдержавшее многочисленные издания. Данная книга посвящена действиям германского Вермахта на Восточном фронте в период с 22 июня 1941 г. по февраль 1943 г. В основу легли воспоминания участников событий - немецких солдат, офицеров и генералов, а также документы.

Издание проиллюстрировано фотографиями из фотоальбома П.Кареля "Der RuЯlandkrieg Fotografiert von Soldaten" ("Война в России, сфотографированная солдатами"), изданного в ФРГ в 1967 г.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей Второй мировой войны.

- [Пауль Карель](#)
 -
 - [ОТ РЕДАКТОРА](#)
 - [ОТ АВТОРА](#)
 - [Книга первая. Гитлер идет на Восток 1941-1943.](#)
 - [Часть вторая.](#)
 - [Часть третья.](#)
 - [Часть четвертая.](#)
 - [Часть пятая.](#)
 - [Часть шестая.](#)
 - [Часть седьмая.](#)
 - [Библиография](#)
-

Пауль Карель

Гитлер идет на Восток (1941-1943)

Одно из наиболее читаемых в мире произведений о Второй мировой войне, выдержавшее многочисленные издания. Данная книга посвящена действиям германского Вермахта на Восточном фронте в период с 22 июня 1941 г. по февраль 1943 г. В основу легли воспоминания участников событий - немецких солдат, офицеров и генералов, а также документы.

Издание проиллюстрировано фотографиями из фотоальбома П.Кареля "Der RuЯlandkrieg Fotografiert von Soldaten" ("Война в России, сфотографированная солдатами"), изданного в ФРГ в 1967 г.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей Второй мировой войны.

Предлагаемая читателю книга была написана в разгар "холодной войны" и вышла в свет в Германии в 1963 г. Она сразу была переведена на все европейские языки. За первые десять лет только на немецком языке она выдержала 8 изданий общим тиражом более 400000 экземпляров. В Советском Союзе эта книга была помещена в библиотеки спецхрана и долгое время была доступна только специалистам.

Книги П.Кареля "Гитлера идет на восток" и "Выжженная земля" не являются строго научным трудом по истории Второй мировой войны. Автор писал их в то время, когда основная масса архивных документов была недоступна для исследователей: советские архивы были засекречены, а архивы вермахта изучались союзниками. Тем не менее, П.Карель стремился привлечь для описания как можно больше документальных источников. Ему пришлось проделать большую работу: описание крупных и мелких событий войны он оживил интервью с очевидцами событий, дневниковыми записями, отрывками из документов и книг о войне, выпущенных не только на Западе, но и в Советском Союзе. Таким образом, получилось целостное историко-публицистическое произведение, в котором автору удалось отразить весь размах и трагизм событий на немецком Восточном фронте. Они показаны с точки зрения немецких солдат, офицеров и генералов.

Использование при работе над книгой некоторых трудов советских военных историков, а также мемуаров советских полководцев, вышедших в свет в 1950-1960-е годы по замыслу автора должно было придать книге большую объективность. Но написать по-настоящему объективную книгу о войне ему не удалось. Правдивые, порой натуралистические картины боевых действий в повествовании иногда перемежаются стереотипами, заимствованными еще из геббельсовской пропаганды: здесь речь идет и о неисчислимых "сибирских" и даже "монгольских" дивизиях, "о коммунистах-фанатиках" и "непрестанных потоках американской военной помощи". А причины немецких поражений автор склонен видеть не в героизме советского народа, всем миром поднявшегося на борьбу с захватчиками, а в ущербных авантюрных планах Гитлера, плохих русских дорогах, осенней и весенней распутице, зимней стуже, летней жаре, и, наконец, - в "нехватке последнего батальона".

Периодизация войны, предложенная автором, отличается от принятой советскими и российскими военными историками. Она соответствует видению войны с немецкой стороны и определяет структуру книги.

В изложении подробностей русской истории, биографиях некоторых советских государственных и военных деятелей, статистических и географических данных, а также тактико-технических данных боевой техники автором местами допускаются неточности. Ко многим положениям книги следует относиться критически, учитывая время ее написания, взгляды автора и многочисленных очевидцев, чьи суждения он приводит.

Тем не менее книга эта несомненно представляет интерес для любителей истории Великой Отечественной войны, поскольку показывает ее с другой стороны, в восприятии немецких солдат и офицеров, принимавших в ней участие, и первого послевоенного поколения ФРГ.

В предлагаемом издании книга проиллюстрирована фотографиями из фотоальбома П.Кареля "Der RuЯlandkrieg Fotografiert von Soldaten" ("Война в России, сфотографированная солдатами"), изданного в ФРГ в 1967 г. и оригинальными схемами боевых действий с переводом на русский язык.

Описывать сражения войны, которая была проиграна и стала достоянием истории как преступный акт агрессии, - задача невероятно трудная, почти невыполнимая для хрониста нашего десятилетия. Всегда есть соблазн исправить случившееся на бумаге с помощью пера или дать затянуть себя в болота пустых сожалений и вины.

Автору не хотелось ни того, ни другого. Он лишь стремился рассказать об обстоятельствах операции "Барбаросса", кампании Гитлера, нашедшей свое завершение в Сталинграде. Он пытался нарисовать полную и правдивую картину происходившего, основанную на тщательных исследованиях, подлинных документах, эссе, боевых журналах и дневниках, рассказах участников событий, мемуарах и публикациях, увидевших свет как с той, так и с другой стороны.

Достигнуть цели удалось только благодаря помощи едва ли не тысячи добровольных помощников и значительного числа опытных специалистов. Чтобы перечислить всех, понадобится больше двадцати страниц. В этом списке окажутся как генерал-полковник, командующий армией, так и рядовой солдат, начальник главного штаба и простой связист, командир дивизии и ефрейтор, начальник управления снабжения и санитар или конюх. Всем им автор выражает свою благодарность, в особенности за исторические документы, оригиналы приказов, наброски, оперативные отчеты, которые удалось, часто с большим трудом и риском, сохранить в хаосе войны и в послевоенный период.

Только благодаря этому стало возможным пролить свет на многие противоречивые вопросы истории и сделать достоянием общественности немаловажных, прежде скрытых фактов.

Книга первая. Гитлер идет на Восток 1941-1943.

Часть первая. МОСКВА.

Двое суток они, затаившись, просидели в ельнике подле своих танков и бронемашин. Они пробрались туда тайно, двигаясь в темноте с погашенными фарами, в ночь с 19 на 20 июня. Днем сидели тихо - нельзя было издать ни звука. Даже скрипа люка или дверцы хватало, чтобы вызвать гнев командиров. Только с наступлением сумерек им разрешили повзводно выходить на поляну, чтобы умыться в ручье.

Командир взвода лейтенант Вайднер стоял возле палатки ротного, когда мимо, крадучись, проходил 2-й взвод во главе с унтер-офицером Зарге.

– Чем не место для праздничного пикника, фельдфебель, - с усмешкой проговорил Вайднер.

Унтер-офицер Зарге остановился и, поморщившись, бросил:

– Не люблю я праздники, господин лейтенант. - А потом добавил уже мягче: - Что происходит? Мы никак на ивбнов собрались? Или правду говорят, что мы тут ждем, когда Сталин откроет нам дорогу через Россию к черному ходу в Персию, чтобы мы могли ударить в спину англичанишкам и вытрясти душу из их великой империи?

Вопрос Вайднера не удивил. Он, так же как и Зарге, слышал множество самых разных предположений с тех пор, как их учебный батальон сделался 3-м батальоном 39-го танкового полка, входившего в состав 17-й танковой дивизии, и был передислоцирован сначала в Центральную Польшу, а потом вот сюда, в Пратулинский лес. Здесь всего менее пяти километров отделяло их от реки Буг, служившей границей на участке, где с противоположной стороны располагалась мощная цитадель Брест-Литовска, занятого русскими в ходе раздела Польши осенью 1939 г.

Стоявший в лесу полк находился в полной боевой готовности. К башне каждого танка крепилось по десять канистр с горючим, а сзади имелись прицепы, на которых находилось по три бочки с бензином. По всему казалось, командование готовило часть не к сражению, а к продолжительному маршу. "В бой с канистрами на башне не ходят", - уверенно говорили опытные танкисты.

Подобные заключения служили вескими доводами в спорах с теми, кто упорно твердил о предстоящей войне с Россией. "Россия? Что за чушь?! Разве нам мало того, что мы уже захватили? К чему опять воевать? Иваны ничего плохого нам не сделали. Они наши союзники, они шлют нам зерно, к тому же британцы тоже их враги". Так считали многие и полагали, что войска стягивают не для войны с русскими, а для похода в Персию - эдакого гигантского отвлекающего маневра.

Отвлекающий маневр? Но для чего? С какой целью? Кого и от чего нужно отвлекать? Конечно же, британцев. Все эти действия на востоке предпринимаются затем, чтобы сбить с толку англичан перед вторжением на острова на противоположном конце Европы. Шепоток об этом шел из уст в уста под аккомпанемент понимающих кивков - мол, нам-то все ясно. Те, кто думал так, не читали датированной 18 февраля записи в дневнике командующего ВМФ Германии:

"Наращивание сил для вторжения в Россию должно проходить в обстановке строжайшей, невиданной в военной практике секретности. Все надлежит представить как средство для отвлечения внимания от приготовлений к предполагаемому вторжению в Британию".

Старые солдаты - те, что всегда знают, откуда дует ветерок, те, что все видят и все замечают, те, кто умеет читать между строк, - рассказывали и другую историю, трогательную и очаровательную в своей простоте. "Сталин, - говорили они негромко и с расстановкой, начищая до блеска сапоги или полоща в ручье котелок, - Сталин одолжил Украину Гитлеру на время, и мы войдем туда как оккупационная армия". Люди на войне верят самым разным небылицам. Вот и унтер-офицер Зарге верил. Он верил в пакт, заключенный Гитлером и Сталиным в августе 1939 г., как верили и все остальные граждане Германии, считавшие это соглашение величайшим дипломатическим достижением их фюрера.

Лейтенант Вайднер подошел вплотную к Зарге и спросил:

– Вы верите в сказки, фельдфебель?

Зарге посмотрел на офицера с удивлением, а тот, бросив взгляд на часы и многозначительно проговорив: "Потерпите еще часок", скрылся в палатке.

В то время как унтер-офицер Зарге и лейтенант Вайднер вели эту короткую беседу в Пратулинском лесу, на Вильгельмштрассе в Берлине шел куда более конкретный разговор. Риббентроп открывал коллегам величайшую тайну: рано утром Вермахт переходит границу России.

Что ж, наконец то, о чем многие догадывались, становилось правдой. Они надеялись, что все так и останется начертанным на бумаге планом, но теперь кости были брошены. Время политики и дипломатии прошло, теперь говорить будут пушки. В тот момент послы, дипломатические представители и руководители министерств задавались одним и тем же вопросом: "Останется ли на своем посту, в свете складывающейся ситуации, фон Риббентроп? Может ли он продолжать быть министром иностранных дел? Не следует ли ему, согласно правилам, оставить должность?"

Год и девять месяцев тому назад, вернувшись из Москвы с Германо-Советским договором о дружбе, он объяснял им: "Соглашение со Сталиным позволит нам прикрыть тылы. Германии не придется воевать на два фронта, как это случилось прежде и стало причиной катастрофы. Я рассматриваю этот альянс как венец достижений моей внешней политики".

И вот теперь завтра война, а венец достижений валяется в пыли.

Риббентроп чувствовал окружившую его стену молчания. Он подошел к окну и окинул взглядом парк, где любил прогуливаться знаменитый канцлер Бисмарк - человек, тоже считавший союз России и Германии венцом своей внешней политики. Может быть, Риббентроп вспомнил о великом предшественнике? Он резко повернулся и громко произнес:

– У фюрера есть сведения, что Сталин стягивает силы с намерением в подходящий момент нанести по нам удар. А до сего времени фюреру не случалось ошибаться. Он заверил меня, что Вермахт разобьет войска Советского Союза в течение восьми недель. Таким образом, тылы у нас будут прикрыты, причем гарантией безопасности станет уже не только добрая воля Сталина.

Восемь недель. А что, если понадобится больше времени? Нет, восьми недель будет вполне достаточно. Прежде фюрер никогда не ошибался, а в течение месяца Германия сможет, если понадобится, сражаться на два фронта.

Такова была ситуация. Теперь надлежало поставить в известность войска. В зарослях Пратулинского леса жаркий июньский день подходил к концу, в воздухе смешивались сладкие запахи смолы и резкие - бензина. В 21.10 из штабной палатки роты в танк № 924 негромкий голос донес приказ: "Построение в 22.00. Место 4-й роты учебного танкового полка - на большой поляне". Радист Вестфаль передал приказ экипажу танка № 925, откуда тот отправился дальше от танка к танку.

Когда рота построилась, ночная тьма уже сгустилась. Обер-лейтенант фон Абендрот доложил капитану о построении. Взгляд ротного скользнул по шеренгам солдат. Они сделались

неузнаваемыми в темноте. Черная стена из людей с белыми пятнами вместо лиц - танковая рота... безликая масса.

– Четвертая рота! - закричал капитан Штрайт. - Сейчас я зачитаю вам приказ фюрера.

В лесу около Брест-Литовска воцарилась мертвая тишина. Капитан включил фонарик, висевший на второй пуговице полевой куртки. Лист бумаги вспыхнул ослепительной белизной. Ротный начал читать, и хрипотца в голосе выдавала охватывавшее его волнение:

– Солдаты Восточного фронта!

Восточный фронт? Он сказал - Восточный фронт? Именно тогда эти слова прозвучали впервые. Что ж, ведь так оно и было.

Капитан продолжал:

– Мои солдаты. Отягощенный грузом величайшей заботы, вынужденный многие месяцы хранить наши планы в тайне, наконец-то я могу сказать вам открыто всю правду... - Люди жадно внимали словам командира, желая поскорее услышать, что же так отягощало их фюрера все эти месяцы. - У наших границ выстроилось до ста шестидесяти дивизий русских. В течение многих недель границы постоянно нарушаются - и не только границы самой Германии, но и другие, на Крайнем Севере, а также границы Румынии.

Военнослужащие внимали словам фюрера, который рассказывал о том, как русские дозоры вторгаются на территорию рейха, откуда их приходится выдвирать только с применением силы. Устами командира 4-й роты Гитлер говорил:

– Солдаты Восточного фронта, как раз сейчас силы наши так велики, что равных им не было в истории всего мира. Плечом к плечу с финскими дивизиями и героями Нарвика наши товарищи ожидают схватки с противником в Арктике... Вы - на Восточном фронте. В Румынии, на берегах Прута, на Дунае, вдоль побережья Черного моря германские и румынские силы, руководимые главой государства Антонеску, стоят в едином строю. Величайшие в истории мира армии готовы к бою не только потому, что их вынуждает к тому суровая текущая военная необходимость, требующая окончательного решения, или тому или иному государству требуется защита, а потому, что в спасении нуждается вся европейская цивилизация и культура. Немецкие солдаты! Скоро, совсем скоро вы вступите в бой - в суровый и решительный бой. Судьба Европы, будущее германского рейха, само существование народа Германии находится теперь в ваших руках. - На какое-то мгновение капитан умолк. Луч фонарика скользнул в сторону, перестав освещать лист бумаги в руке командира роты. Затем он произнес негромко, так, будто бы не излагал подчиненным приказ, а просто напутствовал их: - Да пребудет с нами Всевышний, да поможет Он нам в нашей борьбе.

Когда прозвучала команда "Вольно!", строй загудел, точно пчелиный улей. Так, значит, им все же придется драться с русскими. Уже завтра утром. То есть буквально сегодня. Солдаты поспешили к своим машинам.

Пробегая мимо Зарге, унтер-офицер Фриц Эберт бросил:

– Допайки на каждую машину.

Он откинул борт своего грузовика, где лежало все, о чем только мог мечтать боец на передовой: выпивка, сигареты и шоколад. Тридцать сигарет в одни руки. Бутылка коньяка на четверых. Что еще нужно солдату, кроме спиртного и курева?

Личный состав лихорадочно готовился к выполнению задания: солдаты снимали палатки, готовили к бою танки. Управившись со всем этим, люди стали ждать. В основном с сигаретами в зубах. К спиртному почти никто не прикасался. Спали в ту ночь немногие - только те, у кого очень крепкие нервы.

В эту ночь все смотрели на часы, а стрелки двигались очень медленно если они вообще шевелились. И так было повсюду вдоль границы Германии и Советского Союза. Повсюду.

Повсюду на расстоянии в полторы тысячи километров от Балтийского до Черного моря никто или почти никто из немецких солдат не сомкнул глаз. Три миллиона человек на 1500-километровой границе, кто в лугах, кто в лесах, кто в полях, затаившись под покровом ночи, ждали команды. Фронт немецкого наступления разделялся на три направления - Север, Центр, Юг.

Группе армий "Север", возглавляемой генерал-фельдмаршалом риттером фон Леебом¹, предстояло наступать силами двух армий и одной танковой группы из Восточной Пруссии через Мемель (Клайпеду). Задача этой группировки заключалась в уничтожении сил Советов на территории Балтийских государств и в захвате Ленинграда. Острием наступательного бронированного клина фон Лееба служила 4-я танковая группа под командованием генерал-полковника Гёпнера. Два входивших в нее подвижных корпуса возглавляли генералы фон Манштейн и Рейнгардт. Приданым этой группе армий 1-м воздушным флотом командовал генерал-полковник Келлер.

Группой армий "Центр" командовал генерал-фельдмаршал фон Бок. Участок ее тянулся на 400 километров от Роминтенер-Тайде вниз и заканчивался южнее Брест-Литовска. Эта самая мощная из трех групп армий включала в себя две армии и 2-ю танковую группу под командованием генерал-полковника Гудериана, а также 3-ю танковую группу генерал-полковника Гота. 2-й воздушный флот генерал-фельдмаршала Кессельринга, в состав которого входило большое количество эскадрилий пикирующих бомбардировщиков "Штука"¹, усиливал и без того прочный танковый кулак германской наступательной группировки. Задача группы армий "Центр" заключалась в уничтожении сильных советских войск, включая их многочисленные танковые и моторизованные части в треугольнике Брест-Вильна (Вильнюс)-Смоленск. После того как в результате решительного броска танковых соединений будет взят Смоленск, верховное командование примет решение о том, что делать дальше - повернуть ли в северном направлении или же наступать на Москву.

На южном участке, между Припятскими болотами и Карпатскими горами, должна была наступать группа армий "Юг" генерал-фельдмаршала фон Рундштедта, состоявшая из трех армий и одной танковой группы. Ей надлежало, связав боями и уничтожив группировку советских войск генерал-полковника Кирпоноса в Галиции и на Западной Украине на правом берегу Днепра, обеспечить переправу через эту реку и в итоге овладеть Киевом. Поддержку с воздуха сухопутным силам на данном направлении должен был обеспечить 4-й воздушный флот генерал-полковника Лёра. Румынские части и немецкая 11-я армия, находившиеся под началом Рундштедта, составляли резерв. На севере другой союзник Германии, Финляндия, должна была находиться в состоянии боевой готовности и начать действовать 11 июля, когда немецкие войска начнут наступление на Ленинград.

Построение немецких войск для наступления ясно показывает, что основные силы сосредоточиваются на участке группы армий "Центр". Несмотря на неблагоприятный рельеф местности, изобилующей руслами рек, оврагами и болотами, на этом направлении применялись целых две танковых группы, задача которых состояла в том, чтобы быстро решить исход кампании.

Советская разведка, совершенно очевидно, просчиталась и не смогла определить направления главного удара противника, поскольку основные силы русских сосредоточивались на юге, где им предстояло встретить силы групп армий Рундштедта. Туда Сталин направил 64 дивизии и 14 танковых бригад, тогда как на Западном фронте у него было всего 45 дивизий и 15 танковых бригад, а на Северо-Западном - 30 дивизий и 8 танковых бригад.

Совершенно очевидно, что главное командование Красной Армии ожидало немецкого вторжения на юге, предполагая, что целью его станут главные промышленные и сельскохозяйственные районы Советского Союза. Именно поэтому тут для организации

подвижной обороны было собрано ядро танковых частей русских. Но так как в общем и целом танк - орудие наступления, такое сосредоточение танковых войск на южном рубеже позволяло советским армиям нанести удар по Румынии - жизненно важному для Германии источнику топлива.

План Гитлера был настоящей авантюрой и состоял в том, чтобы применить метод, уже успешно опробованный на Западе, где немецкое наступление в Арденнах стало для французов настоящим сюрпризом. Немцы ударили на неблагоприятном для наступления (в плане местности) участке - там, где линия Мажино была наиболее слабой, что и принесло им быструю победу. Гитлер намеревался применить ту же схему и в случае с Советским Союзом: бросить все силы на решительный прорыв там, где противник меньше всего этого ожидает, быстро продвинуться к жизненно важным центрам - Москве, Ленинграду и Ростову - и захватить их, используя энергию наступательного порыва. Затем вторая волна наступления должна была, по замыслу Гитлера, вывести войска на линию Астрахань-Архангельск. Вот в чем и заключалась суть плана "Барбаросса". Часы показывали 03.00, и все еще стояла полная темнота. Короткая летняя ночь властвовала на обоих берегах Буга. Ничто не нарушало мирную тишину вокруг, разве что нечаянный негромкий звук ударившегося обо что-то футляра противогаза. С реки доносилось кваканье лягушек. Никто из солдат и офицеров передовых частей Вермахта, лежавших в высокой траве неподалеку от Буга в ночь с 21 на 22 июня 1941 г., никогда не забудет этого тревожного лягушачьего концерта.

В пятнадцати километрах от западного берега Буга на высоте 158 у селения Вулька Добрыньска высилась деревянная наблюдательная вышка - одна из тех, что во множестве выросли по ту и эту сторону границы за последние несколько месяцев. У подножья высоты 158, в небольшой рожице, размещался командный пункт 2-й танковой группы - мозг танковых сил Гудериана. Солдаты прозвали группу "Белой G" - из-за большой белой буквы "G", нанесенной на танках и прочей технике из состава группы. "G" означало Гудериан. Таким образом, одного взгляда хватало, чтобы опознать боевую машину как "одну из наших". Гудериан впервые применил маркировку во время французской кампании. Простота и действенность такого подхода пришлась по душе Клейсту, и он велел нанести на технике своей танковой группы белую "K".

Сутками раньше, в ночь с 20 на 21 июня, на КП в обстановке строжайшей секретности прибывали офицеры штаба. Теперь они находились в своих палатках или в штабных автобусах, занимаясь изучением карт и письменных приказов. Радиостанции бездействовали: соблюдался строжайший режим радиомолчания, чтобы ничто не могло возбудить подозрения службы радиоперехвата русских. Даже телефон разрешалось использовать только в самом крайнем случае. Личный транспорт командующего Гудериана - две радиyjne машины, несколько легковых вездеходов и мотоциклов - стоял возле палаток и автобусов, скрытый от посторонних глаз искусно выполненной маскировкой. Подъехала командирская бронемашина. Гудериан быстро поднялся.

– Доброе утро, господа.

Часы показывали 03.10. Обменявшись с офицерами несколькими фразами, Гудериан со своей командирской группой отправился на вершину высоты на наблюдательную вышку. Светящиеся стрелки его часов продолжали движение по кругу.

03.11. В палатке оперативного отделения штаба раздался резкий голос телефона. Начальник этого подразделения, подполковник Байерлейн, поднял трубку. Звонил подполковник Брюкер, начальник оперативного отделения 24-го танкового корпуса, или, как он тогда назывался, 24-го моторизованного армейского корпуса. Не тратя слов на приветствия, Брюкер проговорил:

– Байерлейн, с Коденским мостом все в порядке.

Байерлейн перевел взгляд на фрайгерра1 фон Либенштейна, начальника штаба группы, и кивнул. Затем он произнес:

– Хорошо, Брюкер. Пока. Удачи вам. - И повесил трубку.

Овладение мостом у Коденя служило важнейшим условием, обеспечивавшим возможность быстрого прорыва танков через Буг к Бресту. Штурмовая команда 3-й танковой дивизии имела приказ захватить объект за несколько минут до начала операции, уничтожить охранявших мост русских пограничников на восточном берегу и обезвредить подрывные заряды. С задачей группа справилась успешно.

Все находившиеся в штаб-квартире Гудериана офицеры вздохнули с облегчением - несмотря на тщательную подготовку к акции, она вполне могла сорваться. У 4-й армии все было готово для наведения мостов через Буг выше и ниже Бреста. Примерно в восьмидесяти километрах севернее Бреста, у Дрогичина, саперы 178-го батальона скрытно добрались в заданную точку, чтобы навести понтонный мост для переправы через реку тяжелого вооружения и снаряжения 292-й и 78-й пехотных дивизий.

Было 03.12. Все то и дело поглядывали на часы. У каждого в горле стоял липкий ком. Сердца тревожно бились. Тишина становилась непереносимой.

03.13. Даже и теперь еще не поздно было изменить ход событий. Еще не случилось ничего непоправимого. Но по мере того, как минутные стрелки на циферблатах совершали свой путь по окружности, война с Советским Союзом, города и села которого мирно спали, окутанные предраассветной темнотой, неотвратимо приближалась.

Приложение 3

Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами

Верховное главнокомандование вооруженных сил

Штаб оперативного руководства

Отдел обороны страны

№ 33408/40 Ставка фюрера 18.12.40

9 экземпляров

2-й экземпляр

Сов. секретно

Только для командования

Директива № 21

План "Барбаросса" Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант "Барбаросса".)

I. Общий замысел

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга-Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

II. Предполагаемые союзники и их задачи

....

III. Проведение операций

А) Сухопутные войска (в соответствии с оперативными замыслами, доложенными мне)

Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее нее и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы важного центра коммуникаций и военной промышленности. Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно.

Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, и имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска на Украине еще до отхода последних к Днепру.

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение двух задач:

На Юге - своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн.

На Севере - быстро выйти к Москве. Захват этого город означает как в политическом, так и в экономическом отношениях решительный успех, не говоря уже о том, что противник лишится важнейшего железнодорожного узла.

Подписано

Адольф Гитлер Байерлейну вспомнился сентябрь 1939 г. Тогда - год и девять месяцев назад - он тоже был здесь, в Бресте, с Гудерианом. 22 сентября 1939 г. русские - в лице генерала Кривошеина с его танковой бригадой - прибыли как союзники. Вместе они провели через доставшуюся им в качестве добычи раздавленную Польшу демаркационную линию. Границей стал Буг. В соответствии с договором, заключенным Сталиным и Гитлером, немцы отходили на западный берег реки, оставляя Брест и его цитадель советским войскам.

Условия соглашения строго соблюдались, немцы и русские, чувствуя друг друга, устроили совместный парад. Затем были произнесены тосты, поскольку без водки и застольных речей русские не считают вошедшим в силу ни один договор.

Генерал Кривошеин напрягся и, припомнив весь небогатый школьный немецкий, произнес тост на языке союзников. В процессе Кривошеин допустил одну забавную ошибку. Он сказал: "Я пью за вечную вражду... - но, немедленно поправившись, с улыбкой произнес: - Вечную дружбу между нашими народами"1.

Все с воодушевлением подняли бокалы. Это происходило всего лишь двадцать один месяц назад, а теперь истекали последние минуты "вечной дружбы". Снова на место поспешно поставленной генералом Кривошеиным буквы "р" встало ошибочное сочетание звуков. Едва забрезжит рассвет утра 22 июня 1941 г., "дружбе" настанет конец.

Было 03.14. Вышка на высоте 158 у селения Вулька Добрыньска высилась одиноким призраком на фоне сереющего неба. С востока шел новый день, а на участке группы армий "Центр" все еще безраздельно царствовала гробовая тишина. Спали леса и поля. Неужели

русские не замечали, что граница с запада ошетилилась жерлами орудий готовых к бою полков? Ожидающих приказа армий, которые с минуты на минуту, дивизия за дивизией совершат бросок по всему бесконечному фронту?

Стрелки часов тщательно сверивших время командиров показывали 03.15.

И тут словно кто-то где-то повернул гигантский электрический выключатель, и тысячи молний прорезали предрассветную мглу - это разом изрыгнули огонь орудия всех калибров. Трассирующие снаряды понеслись по темному небу. По всему протянувшемуся по берегу Буга фронту запылали вспышки. Спустя мгновение гром разыгравшейся военной грозы паровым катком обрушился на вышку у селения Вулька Добрыньска. Свист минометных мин зловеще сливался с грохотом пушек и гаубиц. К востоку от Буга растеклось целое море огня и дыма. Дым заволакивал узкий серпик луны.

Мир приказал долго жить, повеяло первым дыханием ужасной войны.

Прямо перед Брестской крепостью располагалась 45-я пехотная дивизия (прежде австрийская 4-я дивизия) под командованием генерал-майора Шлипера. 130-му и 135-му пехотным полкам отводилась задача первого штурма мостов и самой цитадели. Под прикрытием темноты первая волна атакующих устремились к Бугу. Железнодорожный мост казался призрачным. В 02.00 через него, громко пыхтя и ярко сияя фарами, паровоз протащил товарный состав. Это был последний поезд с зерном, который Сталин отправил своему союзнику Гитлеру.

Что это, некая хитроумная уловка или невероятное, неслыханное доверие? Такой вопрос задавали себе офицеры и солдаты штурмовых рот и батальонов, лежа в высокой траве и среди всходов зерновых, у железнодорожной насыпи и напротив Западного острова. Они не знали, сколько таких поездов прошло по мосту за несколько последних недель. Они не знали, как твердо придерживался Сталин условий германо-советского торгового договора. С 10 февраля 1940 г. и до двух часов ночи 22 июня 1941 г. Сталин направил Гитлеру 1 500 000 тонн зерна.

Таким образом, Советский Союз стал главным поставщиком зерновых для Германии. Но по мостам через Буг в западном направлении следовали не только рожь, овес и пшеница. За шестнадцать месяцев дружбы Сталин, строго в соответствии с соглашениями, поставил Германии около 1 000 000 т нефтепродуктов, 2700 килограммов платины и большое количество марганцевой руды, хрома и хлопка.

В отличие от добросовестных русских, немцы со своей стороны с самого начала не проявляли стремления следовать букве договора. Однако даже и при таком раскладе Советский Союз получил из Германии товаров на сумму 467 000 000 марок, включая и наполовину законченный тяжелый крейсер "Люцов". На тот момент, когда в 02.00 22 июня последний поезд с зерном пересек Буг, Гитлер был должен Сталину 239 000 000 марок. Однако ничего этого не знали 22 июня офицеры и солдаты возле Брестского железнодорожного моста. У маленькой деревянной хибарки в конце моста еще царила мирная атмосфера. На поезд поднялись два немецких таможенника. Часовой помахал русскому машинисту. Даже пристальный наблюдатель не заметил бы ничего необычного, ничего подозрительного. Паровоз медленно попыхтел в направлении находившейся на немецкой стороне станции Тересполь.

И вот стрелки показали 03.15, прозвучала команда "Огонь!", и начался дьявольский танец. Заходила ходуном земля. Девять батарей 4-го полка минометов специального назначения тоже внесли свой вклад в адскую симфонию. За полчаса 2880 снарядов со свистом промчались над Бугом и обрушились на город и крепость на восточном берегу реки. Тяжелые 600-мм мортиры и 210-мм орудия 98-го артиллерийского полка обрушивали свои залпы на укрепления цитадели и поражали точечные цели - позиции советской артиллерии. Казалось, от крепости камня на камне не останется. Но... тут немцев ждал первый в длинной цепи неприятных сюрпризов.

Лейтенант Цупме из 3-й роты 135-го пехотного полка пристально следил за тем, как

минутная стрелка его часов проделывала последний отрезок пути к отметке 03.15. С первым залпом Цумпе выскочил из рва у насыпи и, увлекая за собой солдат штурмового подразделения, закричал:

– Вперед! Вперед!

Каски вынырнули из высокой травы. Солдаты побежали за своим лейтенантом на мост мимо сторожки немецких таможенников. Грохот солдатских сапог на тесовых балках мостового покрытия потонул в громе артиллерийских залпов. Пригибаясь и прячась за высокими ограждениями по обеим сторонам моста, отряд рвался на ту сторону. Солдат не покидал страх, заставляя их задавать себе только один вопрос: "Взлетим мы на воздух или не взлетим?" Они не взлетели. Все, что успел сделать советский часовой, - дать очередь из своего автомата.

Следом застрочил пулемет - ожил дзот охраны моста. Наступающие ждали этого. Ефрейтор Гольцер полил огнем из своего пулемета позицию русских. Тенями понеслись к цели саперы из 1-й роты 81-го саперного батальона (их группа была придана штурмовому подразделению Цумпе). Раздался взрыв, взметнулись языки пламени, поднялся дым. Все было кончено.

Люди Цумпе оставили позади разрушенный дзот, рассредоточились по левую и правую сторону от насыпи и залегли. Сам лейтенант с саперами вернулся к мосту. К центральному быку был прикреплен подрывной заряд. Цумпе обезвредил его. Луч фонарика лейтенанта обшаривал бык в поисках какой-нибудь еще адской машины. Больше ничего. Точно начальник железнодорожной станции, Цумпе дал зеленый свет оставшимся по ту сторону реки немцам: мост чист! Немедленно вперед помчалась первая бронемашина разведки. У Пратулина, где через Буг переправлялись 17-я и 18-я танковые дивизии, моста не было. В 04.15 солдаты передовых частей вскочили в резиновые шлюпки и десантные лодки и быстро форсировали реку. Пехотные и мотоциклетные взводы имели при себе легкие противотанковые орудия и крупнокалиберные пулеметы. Русские на сторожевых заставах начали стрелять из автоматов и ручных пулеметов, но немцы быстро подавили огонь противника. Солдаты мотоциклетного батальона окопались, а затем с той стороны на плацдарм доставили все необходимое. Саперы занялись наведением понтонного моста.

Но что было бы, если бы русские послали в атаку на плацдарм бронетехнику? Что смогли бы противопоставить ей немцы? Танки и другое тяжелое снаряжение удалось бы доставить на восточный берег на баржах или паромах только с очень большим трудом.

Именно поэтому на данном участке впервые было применено новое секретное оружие - танки, способные преодолевать водные преграды по дну, или ныряющие танки, как их часто называли. Перейдя на другой берег подобно субмаринам, они могли вступить в бой как самые обычные танки, подавить оборону противника и сорвать попытку контратаки.

Это фантастическое оружие подготавливалось годом раньше и предназначалось для выполнения совершенно другого плана: операции "Морской лев" - вторжения на Британские острова. Идея подводных танков родилась вскоре после того, как Гитлер вознамерился захватить Англию. Предполагалось выгружать такие машины с бортов транспортных судов у британского побережья на глубине метров семь-восемь, чтобы они вышли из морских вод подобно Нептуну и подавили оборону англичан по обеим сторонам от Гастингса. Тогда бы немцы смогли создать береговой плацдарм для приема первых десантных судов, после чего танки двинулись бы на захват прибрежных районов, круша все на своем пути и сея панику в рядах англичан.

Замысел начали немедленно претворять в жизнь. В июле 1940 г. из состава восьми танковых полков удалось набрать четыре взвода опытных экипажей для ныряющих танков, которые отправили в Путлос на немецком берегу Балтики для подготовки. Так танкисты Т-III и Т-IV превратились в подводников.

Оперативные задачи требовали обеспечения движения в воде на глубине от семи с

половиной до девяти метров. Это означало, что танки должны были выдерживать давление воды в две атмосферы и быть совершенно водонепроницаемыми. Место соединения башни с корпусом герметизировалось довольно просто с помощью мотоциклетной камеры, которую надувал стрелок-заряжающий, находящийся внутри машины. На дуло надевалась специальная резиновая заглушка, для удаления которой требовалось не более секунды.

Особую сложность представляла подача воздуха к двигателю и членам экипажа. Здесь применялся принцип, затем положенный в основу действия шнорхелей¹ подводных лодок. Рукав длиной примерно метров пятнадцать оснащался поплавком со всасывающим устройством. На поплавке, кроме всего прочего, устанавливалась антенна. Управлялись танки с помощью гирокомпаса.

Во второй половине июля 1940 г. четыре взвода в обстановке строжайшей секретности проходили подготовку в Горнуме на острове Зильт. На старом пароме машины вывозили в море, где они скатывались в воду по сходне и возвращались на берег по морскому дну. Его неровная поверхность, казалось, не пугала бронированных чудовищ. Эксперимент удался по всем статьям, но затем к середине октября 1940 г. операцию "Морской лев" отменили. История подводных танков подошла к концу. Три из особых взводов влились в состав обычного танкового полка, 18-го, а четвертый был приписан к 6-му танковому полку 3-й танковой дивизии.

Весной 1941 г., когда ОКХ, занимавшееся разработкой плана операции "Барбаросса", обсуждало переправу через Буг севернее Бреста, кто-то в генштабе вспомнил о ныряющих танках. "У нас же были такие штуки..." Стали выяснять. Наконец спросили командира 18-го танкового полка. "Да, конечно, у нас еще остались эти старые ныряющие танки". Командование распорядилось оборудовать специальный водоем в окрестностях Праги, где 18-й танковый полк приступил к проверке возможностей старых танков. Поскольку теперь они предназначались не для передвижения по морскому дну, а только для переправы через реки, пятнадцатиметровый резиновый шнорхель заменили трехметровой стальной трубой. На выхлопные патрубки установили однонаправленные клапаны. Прошло немного времени, и подводные танки уже действовали в новом качестве. 22 июня 1941 г. они наконец приняли боевое крещение.

В 03.15 на участке 18-й танковой дивизии пятьдесят батарей всех калибров открыли огонь, чтобы обеспечить форсирование реки ныряющими танками. Командир дивизии генерал Неринг описывал операцию как "великолепный спектакль, вместе с тем довольно бессмысленный, поскольку русским хватило ума отвести свои войска из приграничных районов, оставив только несколько частей пограничников, которые сражались храбро.

В 04.45 унтер-офицер Виршин погрузился в Буг на танке № 1. Пехотинцы наблюдали за происходящим с изумлением. Вода сомкнулась над крышей башни танка.

– Во дают танкисты! Играют в подводников!

Где теперь находился танк Виршина, можно было определить по торчавшей из реки тонкой металлической трубе да по пузырькам от выхлопов на поверхности, которые сносило течением.

Так, танк за танком 1-й батальон 18-го танкового полка во главе с командиром батальона Манфредом графом Штрахвицем скрылся на дне реки. И вот на берег выползло первое из диковинных "земноводных". Негромкий хлопок, и ствол орудия освободился от резиновой заглушки. Стрелок-заряжающий спустил мотоциклетную камеру вокруг башенного погона. То же проделали и в других машинах. Распахнулись башенные люки, из которых показались "капитаны". Трижды взлетела вверх рука комбата, что означало: "Танки вперед!"

Восемьдесят танков форсировали реку под водой. Восемьдесят танков устремились в бой.

Появление бронетехники на береговом плацдарме пришлось весьма кстати - приближались бронемшины разведки противника. Тотчас передовым танкам пришел приказ:

– Башни на один час, броневой заряд, дальность восемьсот метров, по группе

вражеских бронемашин. Беглый огонь.

Жерла пушек "земноводных" изрыгнули пламя. Несколько бронемашин загорелись. Остальные поспешно отступили. Танковый кулак группы армий "Центр" устремился в направлении Минска и Смоленска.

Южнее Бреста, у Коденя, после успешного захвата моста внезапная атака 24-го танкового корпуса под командованием генерала фрайгерра Гейра фон Швейппенбурга также развивалась в соответствии с планом. Танки переходили по доставшемуся немцам целым мосту. Головные части 3-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Моделя переходили реку по наскоро наведенным мостам. Командиры танков высывались из люков, обозревая местность, по которой отходили арьергарды советских войск. Первые подавленные позиции противотанковой артиллерии, первые пленные, отправляемые в тыл, и все ближе и ближе оперативная цель - пункт, который должен быть взят в этот день, Кобрин на Мухавце.

К северу от Бреста, около Дрогичина, где 178-й инженерно-саперный батальон продвинулся вплотную к Бугу на участке 292-й пехотной дивизии, чтобы при первой же возможности навести понтонный мост для переправы тяжелого вооружения дивизий 9-го корпуса, все тоже шло согласно намеченной схеме. Усиленные 507-й и 509-й пехотные полки - с 508-м дальше справа от них - форсировали Буг на резиновых шлюпках и штурмовых лодках под плотным прикрытием артиллерийского огня. Прошло всего полчаса, и немцы, сметя с лица земли советские заставы, создали плацдарм на восточном берегу. С первым залпом орудий саперы вскочили и потащили к воде понтоны. В течение четверти часа русские со своего берега вели огонь из винтовок и пулеметов. Потом все смолкло. Ровно в 09.00 наведение моста - первого на участке 4-й армии - было закончено. Тяжелая техника двинулась в путь по шатким понтонам. 78-я пехотная дивизия в сомкнутом строю ожидала команды о начале переправы.

На всей восьмисоткилометровой, проходившей вдоль Буга границе не сорвалась ни одна акция по захвату мостов. Равно как повсюду, где планировалось, удалось навести переправы, за одним лишь исключением - на участке 62-й пехотной дивизии, которая входила в состав 6-й армии и, следовательно, находилась в северном крыле группы армий "Юг". 22 июня генерал-фельдмаршал фон Рундштедт начал наступление на левом фланге силами 17-й и 6-й армий, сосредоточившимися к северу от Карпат. Далее на юг располагались 11-я армия и одна румынская, они оставались на месте, с целью ввести русских в заблуждение, а также предотвратить их возможную атаку на нефтяные районы Румынии. Наступление на Черном море предполагалось начать не ранее 1 июля.

На северном фланге группы армий "Юг", на участке стоявшей на Буге 6-й армии Райхенау, немцам удалось далеко продвинуться уже в первый день кампании, несмотря на сложности, с которыми столкнулась 62-я пехотная дивизия при наведении моста.

56-я пехотная дивизия генерал-майора фон Офена форсировала реку без проблем на резиновых шлюпках. Поскольку позиции противника были хорошо разведаны, артиллерия вела настолько точный огонь, что атакующие не понесли почти никаких потерь. Уже утром саперы закончили понтонный мост в районе Хелма, на участке 192-го пехотного полка. Артиллерия быстро переправилась на восточный берег. В первый же день полки 17-го корпуса продвинулись на пятнадцать километров в глубь русских приграничных оборонительных сооружений.

На южном фланге группы армий, где границей служила река Сан, дивизии 17-й армии генерала фон Штюльпнагеля столкнулись с некоторыми трудностями. Берег Сана к северу от Перемышля был голым и гладким как коленка - ни рощицы, ни оврага, никакого естественного укрытия, где бы мог спрятаться целый полк. В связи с этим штурмовые батальоны 275-й пехотной дивизии из Берлина не могли выдвинуться на исходные позиции из района своего сосредоточения до самой ночи с 21 на 22 июня. "Ни звука" - такой приказ получил командир

полка. Оружие укутывали одеялами, штыки и футляры противогазов оборачивали во что придется.

– Спасибо тебе, Господи, за лягушек, - прошептал лейтенант Алике. Их кваканье заглушало звуки, издаваемые продвигавшимися к берегу ротами.

Ровно в 03.15 бойцы штурмовых подразделений, залегшие с обеих сторон от Радымно, вскочили на ноги. Железнодорожный мост оказался захвачен с ходу. Однако у таможенного склада русские оказали наступающим отчаянное сопротивление. Лейтенант Алике погиб. Он стал первым в длинном списке погибших солдат дивизии. Его похоронили прямо у таможенного склада. Мимо Алике проезжала техника, которая по "его" мосту переправлялась на восточный берег Сана.

На юге система оповещения у русских действовала с неожиданной быстротой и точностью. Врасплох немцам удалось застигнуть только самые передовые заставы. 457-му пехотному полку пришлось почти целый день вести ожесточенный бой с курсантами школы червонных старшин в Высоком, всего в полутора километрах от реки. 250 курсантов школы сражались упорно и искусно. Только во второй половине дня сопротивление русских было подавлено огнем артиллерии. У 466-го пехотного полка дела пошли еще хуже. Не успели его батальоны форсировать реку, как угодили под удар советской 199-й дивизии резерва.

В полях Стубенки колосья колыхались на ветру, точно волны на поверхности моря. В этом море купались солдаты. И русские и немцы старались подловить друг друга, подкрасться как можно незаметнее один к другому. Ручные гранаты, пистолеты и самозарядные карабины стали главным оружием в тот день. И вот они встретились лицом к лицу - русские и немцы. Глаза в глаза. Чей палец на курке быстрее? Чья лопатка первой раскроит череп противнику? Из окопа высунулся ствол русского автомата. Кого скосит очередь? Или же раньше немецкая граната выполнит свою работу? Кровопролитная рукопашная завершилась только тогда, когда пала ночь. Противник отступил.

Солнце свалилось за горизонт большим красным диском. А в море колосьев все еще то тут то там раздавалось отчаянное, безнадежное: "Санитара! Санитара!" Санитары мчались на зов с носилками, чтобы собрать кровавый урожай. Урожай одного дня, одного полка. Это был обильный урожай. В полосе группы армий "Север" интенсивная артподготовка велась лишь на нескольких участках. В большинстве случаев волны пехоты вместе с саперами из штурмовых команд вскоре после 03.00 беззвучно поднимались из окопов, вырытых посреди полей вдоль границы с оккупированной советскими войсками Литвой. Затем в предрассветной дымке, точно фантомы из лесных зарослей, выдвигались танки.

Военнослужащие 30-й пехотной дивизии из Шлезвиг-Гольштейна дислоцировались к югу от Мемеля. Им не приходилось начинать войну с форсирования водных преград. Взвод саперов передовой части под командованием обер-лейтенанта Вайса ползком подобрался к проволочным заграждениям. Много дней они наблюдали за противником. Постоянного патрулирования заграждений русские не вели. Оборонительные рубежи находились дальше от границы и располагались вдоль возвышенности.

Тихо. Тихо...

Лязгали кусачки. С поста донесся шум. Тихо - надо прислушаться. Однако на той стороне ничего не происходило. Вперед. Быстрее. Проходы были проделаны. По ним в направлении вражеских позиций уже спешили перебежками, пригибаясь, военнослужащие 6-й роты. Ни единого выстрела. Двое советских часовых, в страхе уставившись на стволы карабинов, медленно поднимают руки.

Дальше. Дальше...

Наблюдательные вышки на высотах 71 и 67 чернели на фоне неба. Русские занимали

сильные позиции. Немцы - в том числе и прислуга батарей тяжелых орудий 30-го артиллерийского полка, оставшихся за спиной у штурмовых подразделений, - понимали это. Заговорили русские пулеметы с вышки на высоте 71. Эти выстрелы стали первыми, которые прозвучали в ту ночь на участке между Мемелем и Дубисой. Тут же пришел ответ с тщательно замаскированных позиций тяжелых гаубиц 2-го дивизиона 47-го артиллерийского полка, дислоцированного вдоль дороги из Траппенена в Вальдаиде позади расположений полков 30-й пехотной дивизии. Там, где взрываются их фугасы, долго потом не растет трава.

Штурмовые орудия вперед! Под прикрытием стальных чудовищ бойцы боевого отряда Вайса бросились на штурм возвышенности. И вот они уже прорвали оборону русских. Советские солдаты оказались застигнутыми врасплох. Многие просто не успели занять места на вновь возведенных и частично не завершенных укреплениях. Русские все еще находились в своих районах сосредоточения - монгольские строительные батальоны, военнослужащие которых занимались возведением оборонительных сооружений. Там, где немцы сталкивались с ними, успевшие занять оборону бойцы стройбата небольшими группами, численностью до взвода, оказывали упорное и даже отчаянное сопротивление.

Немецкие солдаты начинали осознавать, что с таким противником нельзя не считаться. Эти люди демонстрировали нападавшим не только храбрость, но и изрядное коварство. Они в совершенстве владели техникой маскировки и устройства засад и были превосходными стрелками. Русская пехота всегда славилась умением наносить удары из засад. Бойцы передовых застав, смятые, израненные, дожидались, когда первая волна немецкого наступления прокатится дальше, а потом вновь начинали сражаться. Вооруженные превосходными самозарядными винтовками с оптическими прицелами, снайперы, сидя в окопах, терпеливо поджидали свои жертвы. Они "снямали" водителей снабженческих грузовиков, офицеров и связных на мотоциклах.

126-я пехотная дивизия из земли Рейн-Вестфалия, сражаясь бок о бок с солдатами из Шлезвиг-Гольштейна, также на собственном горьком опыте познала силу и стойкость советских войск. 2-й батальон 422-го пехотного полка понес серьезные потери. Бойцы пулеметного заслона затаились в полях среди необрунных зерновых и дождалась, когда первая волна атакующих прокатится дальше. Во второй половине дня, когда ничего не подозревавший капитан Ломар повел свой находившийся в резерве батальон на передовую, поле ожило. Сам командир батальона скоро оказался в списках убитых, а его заместитель среди тех, кто получил тяжелые ранения. Целой роте потребовалось три часа на то, чтобы очистить поле от врага. Солдаты противника продолжали стрелять даже тогда, когда немцы подошли к ним вплотную и с расстояния трех метров забросали гранатами.

На северном фланге, прямо на берегу Балтийского моря, на небольшом углу территории Мемеля, находилась 291-я пехотная дивизия из Мазурии под командованием генерала Герцога. Тактическим знаком ее служила голова лося символ местности, где была сформирована дивизия, лежавшей теперь в восьмистах километрах к югу. Лейтенант Цупме смелым броском захватил железнодорожный мост в Бресте, полковник Ломейер во главе штурмового подразделения 505-го пехотного полка прорвался через долговременный оборонительный рубеж, застав врасплох советских пограничников. Под прикрытием утреннего тумана русские поспешно отступили. Но Ломейер не давал им ни отдыха, ни срока: он наступал им на пятки и с приходом ночи вышел к границе между Литвой и Латвией. На следующее утро 505-й овладел Приекуле. За 34 часа Ломейер со своим полком углубился во вражескую территорию на 70 километров. На участке 56-го танкового корпуса генерала фон Манштейна, на покрытой лесами местности к северу от Мемеля, не было особого простора, чтобы как следует развернуться. Вследствие этого для нанесения первого удара через границу командир выбрал только 8-ю

танковую и 290-ю пехотную дивизию. Им предстояло прорваться через передовую линию дотов. Причем прорваться быстро. По плану корпусу надлежало в первый день пройти по вражеской территории, нигде не останавливаясь и не задерживаясь ни под каким предлогом, 80 километров, чтобы внезапным ударом успеть захватить виадук через Дубису у Ариогалы. Если им не удастся достигнуть цели, корпус застрянет в узкой долине реки, а противник получит время на перегруппировку. Но что хуже всего, идею внезапного захвата важного центра, города Даугавпилса, придется оставить.

Роты 290-й пехотной дивизии понесли тяжелые потери - и прежде всего в офицерах - уже в ходе форсирования водной преграды на границе. Лейтенант Вайнровски из 7-й роты 501-го пехотного полка стал, наверное, первым немецким военнослужащим, погибшим от пуль советских пограничников на севере в первые же минуты войны. Его скосила очередь из замаскированного под телегу дота. Между тем русские пограничники не могли остановить немецкий натиск. В авангарде наступления 8-й танковой дивизии находилась 11-я рота 501-го полка. Продвигаясь через чащу мимо лесной деревушки, солдатам пришлось под огнем противника разбирать заграждения из поваленных древесных стволов. Командир роты, оберлейтенант Хикман, погиб, и командование принял лейтенант Зильцер.

– Рота, слушай мою команду!

Они достигли небольшой речки Митува, захватили мост и, как учили, создали плацдарм на другом берегу.

Тотчас же вперед выдвинулась вся 8-я танковая дивизия генерала Бранденбергера. Командир корпуса генерал фон Манштейн ехал в колоннах дивизии на своем командирском танке.

– Веселей! Веселей! Не останавливаться! - подгонял он солдат и офицеров. Генерал велел им забыть о флангах, не думать о прикрытии. Необходимо овладеть виадуком и неожиданным для противника броском захватить Даугавпилс.

Манштейн, смелый человек, но вместе с тем холодный расчетливый стратег, лучше, чем кто бы то ни было, знал: победить в военной игре под названием план "Барбаросса" немцы могут, только разгромив русских в первые же несколько недель боев. Он осознавал то, что до него понимал Клаузевиц: эту огромную страну нельзя завоевать и полностью оккупировать. Единственное средство сделать это - нанести серию стремительных и сокрушительных ударов по военно-политическим центрам государства, свалить правящий режим, лишив тем самым русских руководства и парализовав их огромный потенциал. Вот так только и можно достигнуть цели... вероятно. В противном случае война будет проиграна уже тем же летом, когда и начата.

И чтобы она не была проиграна в первые восемь недель кампании 1941 г., необходимо как можно быстрее овладеть Ленинградом. Надо как можно скорее взять Москву, а основные силы русских войск в Прибалтике и в Белоруссии нужно смять, окружить и взять в плен. И чтобы сделать это, танковый корпус не должен останавливаться, что бы ни случилось, ему надлежит продвигаться, нанося удары по жизненно важным узлам обороны. В данном случае, на участке этой конкретной группы армий, главной целью являлось овладение Ленинградом. Однако, чтобы взять Ленинград, нужно сначала форсировать Западную Двину, к которой и рвались 56-й танковый корпус Манштейна и наступавший слева от него 41-й танковый корпус генерала Рейнгардта. Для осуществления безопасной переправы через эту полноводную реку следовало во что бы то ни стало захватить мосты в Даугавпилсе и Екабпилсе, пока их не взорвали красноармейцы. Но мосты эти находились в 350 километрах от границы. Вот так выглядела ситуация.

В 19.00 в штаб 8-й танковой дивизии пришло сообщение: "Ариогальский виадук взят". Манштейн кивнул и сказал:

– Не останавливаться. - И более ничего.

Танки продолжали продвижение. Гренадеры стремились вперед в клубах обжигающей пыли. Не останавливаться. Манштейн выполнял танковый бросок, который назвали бы невозможным в любом военном училище. Удастся ли корпусу с налета овладеть Даугавпилсом, застав обороняющихся врасплох? Сможет ли он прорваться через рубежи противника, с ходу пройти 370 километров и захватить мосты через Западную Двину неожиданным броском?

То, что эта танковая война в Прибалтике не станет веселой прогулкой, легким блицкригом, встречей профессионалов с дворовой командой, немцы на горьком примере познали уже в первые сорок восемь часов после начала кампании. У русских тоже имелись танки - да еще какие! 41-й танковый корпус, действовавший на левом фланге 4-й танковой группы, первым сделал это неприятное открытие.

24 июня в 13.30 Рейнгардт прибыл на КП 1-й танковой дивизии с известием о том, что на пути к Западной Двине 6-я танковая дивизия столкнулась с мощной бронетехникой противника к востоку от Расейняй на Дубисе и ведет тяжелые бои. Свыше 100 тяжелых советских танков подтянулись с востока навстречу 41-му танковому корпусу и вошли в боевое соприкосновение с 6-й танковой дивизией генерала Ландграфа. В тот момент никто и не подозревал, что Расейняю суждено вписать свое имя в книгу военной истории. Здесь, далеко от головных колонн наступления танкового корпуса Манштейна, у немцев на северном направлении впервые создалась критическая ситуация.

В связи с этим 1-я танковая дивизия поспешила на выручку 6-й. С большим трудом танки продвигались вперед по песчаной и заболоченной местности. То и дело завязывались короткие ожесточенные схватки, а наутро танкисты были подняты по тревоге. Советские танки, среди которых находились и тяжелые, смяли 2-й батальон 113-го стрелкового полка. Ни пехотные противотанковые орудия, ни пушки истребителей танков и немецких танков не могли пробить броню вражеских чудовищ. Чтобы остановить противника, немцам пришлось вести огонь прямой наводкой с самых коротких дистанций. Только маневренность танков и боевой опыт немецких экипажей позволили им справиться с неприятельскими тяжеловесами. Используя все свои знания и наработки, а также эффективную радиосвязь, немецкие танкисты сумели отбросить врага на три-четыре километра.

Советские танки, столь внушительно "представившиеся" немцам, принадлежали к совершенно незнакомому им семейству КВ (Клим Ворошилов) КВ-1 и КВ-2, весившие, соответственно, 43 и 52 тонны.

Вот отчет о бое, который вела с этими машинами тюрингская 1-я танковая дивизия:

КВ-1 и КВ-2, с которыми мы повстречались здесь впервые, представляли собой нечто невиданное! Наши роты открыли огонь примерно с 800 метров, но безрезультатно. Расстояние сокращалось, при этом противник приближался к нам, не проявляя никакого беспокойства. Скоро нас разделяло от 50 до 100 метров. Ожесточенная артиллерийская дуэль не принесла немцам никакого успеха. Русские танки продолжали наступать как ни в чем не бывало, а бронебойные снаряды просто отскакивали от них. Таким образом, сложилась тревожная ситуация, когда русские танки шли прямо через позиции 1-го танкового полка на нашу пехоту и в наш тыл. Наш танковый полк, сделав полный разворот, поспешил за КВ-1 и КВ-2, следуя едва ли не в одном строю с ними. В процессе боя, применив специальные боеприпасы, нам удалось лишить хода некоторые из них с очень короткой дистанции - от 30 до 60 метров. Затем была организована контратака и русских удалось отбросить. В районе Восилискиса был создан оборонительный рубеж. Бои продолжались. В течение нескольких дней на берегу Дубисы шла битва немецкого 41-го танкового корпуса с 3-м танковым корпусом русских, которые бросили на врага свыше 400 танков, в большинстве своем тяжелых. Генерал-полковник Федор Кузнецов

задействовал свои ударные танковые части, включая 1-ю и 2-ю танковые дивизии.

Бронирование советских танков на большинстве мест корпуса и башни составляло 80 мм, при этом в отдельных местах оно достигало 120 мм. Вооружение состояло из 762-мм или 155-мм1 длинноствольных пушек, а также из четырех пулеметов. При этом скорость танков на ровной местности достигала 40 км/ч. Самой большой головной болью на первых порах стало их бронирование: на одном КВ-2 остались следы от более чем семидесяти попаданий, при этом ни одному снаряду не удалось пробить его броню. Поскольку противотанковые пушки оказались бесполезным средством борьбы с КВ, немцы решили стрелять в гусеницы гигантов, применять против них полевые и зенитные орудия или поражать их с малой дальности с помощью кумулятивных снарядов.

Перелом в битве наступил 26 июня. Наступали русские. Немецкие артиллеристы заняли позицию на возвышенности среди танковых полков и встретили противника огнем прямой наводкой. Затем немецкие танкисты контратаковали. В 08.38 1-й танковый полк соединился с наступающими частями 6-й танковой дивизии. Советский 3-й танковый корпус был смят.

Две немецкие танковые дивизии вместе с 36-й моторизованной пехотной дивизией и 269-й пехотной дивизией, действовавшими между ними, уничтожили основную массу советских танковых соединений в Прибалтике. Было выведено из строя две сотни советских танков. Двадцать девять уничтоженных тяжелых КВ-1 и КВ-2, построенных на Колпинском заводе в Ленинграде, остались на полях сражений. Дорога на Екабпилс на Западной Двине была открыта теперь также и для 41-го танкового корпуса.

А где был Ломейер? Этот вопрос задавали себе в штабе 18-й армии и 291-й дивизии каждый день.

Вечером 24 июня полковник во главе своего 505-го пехотного полка находился в одиннадцати километрах от Лиепай. 25 июня он попытался захватить город врасплох стремительной атакой. Пехотинцы и моряки из морского штурмового подразделения под командованием капитан-лейтенанта фон Диста, приданного Ломейеру, атаковали укрепления по узкой полоске суши. Однако успеха достигнуть не смогли. Решительный штурм, предпринятый капитан-лейтенантом Шенке с его 530-м батальоном морской пехоты, также провалился. Прежде чем Ломейер смог перегруппировать свои силы и до того, как подтянулись два других полка дивизии, гарнизон Лиепай при поддержке танков предпринял попытку прорыва. Некоторым из контратакующих удалось прорваться к самым позициям немецкой артиллерии. 27 июня русские устроили массированную вылазку, пробили брешь в кольце окружения и, прорвавшись к дороге у побережья силами нескольких боевых групп, создали критическую для немцев ситуацию. Закрывать "окно" немцы сумели лишь с большим трудом. В конечном итоге примерно в полдень батальонам 505-го пехотного полка и нескольким штурмовым пехотным группам удалось прорвать южные рубежи обороны, а на следующий день атакующие проложили себе путь в город.

После этого там в течение следующих сорока восьми часов шли ожесточенные уличные бои. Для подавления тщательно замаскированных в зданиях пулеметных огневых точек русских пришлось подтянуть тяжелую пехотную артиллерию, полевые гаубицы и минометные батареи.

Организация обороны Лиепай находилась на высоком уровне. Советские солдаты имели хорошую боевую подготовку и сражались с отвагой фанатиков. Русские считали чем-то само собой разумеющимся жертвовать собой во имя того, чтобы их главное командование могло выиграть время или чтобы другие могли перегруппироваться и пойти на прорыв. В сражении за Лиепай немцы впервые столкнулись с типичным для советского командования мышлением: оно безжалостно бросало в мясорубку мелкие подразделения ради спасения более крупных. Такой подход приводил к росту потерь у немцев: так, в Лиепай погибли оба офицера, командовавшие

штурмовыми морскими подразделениями.

Наконец 29 июня морская крепость пала. Пехота 18-й армии записала себе в актив первую крупную победу. Однако не обошлось и без печальных уроков: в Лиепеае солдаты Красной Армии впервые продемонстрировали, что при наличии у них умного, опытного командира и при условии, что неуклюжая цепочка командования успевает сработать и организовать оборону, они вполне способны удерживать сильные позиции.

В отличие от защитников Лиепай, оборону Даугавпилса русские вели вяло, неумело и бестолково.

С рассветом 26 июня судетская 8-я танковая дивизия со всей поспешностью двигалась вдоль главного шоссе, которое шло из Каунаса прямо в Ленинград. Скрежетали гусеницы, ревели моторы. Командиры танков высовывались из люков, прикладывая к глазам полевые бинокли. На протяжении четырех прошедших дней они так же вот катились мимо заболоченных лугов и лесистых холмов, подавляя сопротивление отдельных частей противника, продолжая наступать через леса, пески, болота и оборонительные рубежи русских, разбив две армии генерала Кузнецова и преодолев расстояние 300 км.

И вот до Даугавпилса осталось 10 км. Потом только 5. В этом было нечто сверхъестественное.

Над башней головного танка рука командира взлетела вверх, а затем опустилась, указывая вправо. Сигнал означал: собраться справа от меня и остановиться. После того как танковый кулак замер в ожидании, механизированную колонну догнала странная команда - четыре трофейных советских грузовика с водителями в форме солдат Красной Армии. Командиры танков понимающе улыбались. Они знали, что за диковинная группа им повстречалась: солдаты из Бранденбургского полка, специальная часть адмирала Канариса, начальника немецкой военной разведки.

Под брезентом в кузове сидел обер-лейтенант Кнаак со своими людьми. Задание, которое им предстояло выполнить, было столь же простым, сколь и фантастическим - въехать в город, захватить мосты через Западную Двину, не допустить, чтобы русские взорвали их, и удерживать до тех пор, пока на соединение с разведчиками не выйдут части 8-й танковой дивизии.

Грузовики Кнаака двинулись к цели, оставив позади головную группу дивизии. Они поднялись на невысокий пригорок, откуда были видны излуцина реки и город. Транспорт и люди двигались по автомобильному мосту в центре Даугавпилса словно в мирное время. По большому железнодорожному мосту в клубах пара и дыма пыхтел паровоз. Грузовики Кнаака покатали к городу, миновали советские аванпосты. Водители в русской форме перекидывались словом-другим с красноармейцами.

– Где теперь немцы? - спрашивали те.

– Далеко еще!

Они ехали дальше. Вот уже пригород. Было почти 07.00. Машины разведчиков влились в потоки городского движения, шли, обгоняя трамваи. И вот большой автомобильный мост уже совсем рядом. Педаль газа до пола. Вперед!

Первый грузовик прошел пост. Однако когда второй поравнялся с русским часовым, тот попытался остановить машину. Когда же она не остановилась, по ней открыли пулеметный огонь. Командир взвода крикнул:

– Прыгайте, ребята! Покажем им!

Услышав выстрелы, всполошилась охрана на противоположном конце моста. Красноармейцы встретили головной грузовик пулеметными очередями. Но Кнааку удалось вывести своих людей. Охране пришлось отойти в укрытие. Второй взвод сумел прорваться к железнодорожному мосту, перебить часовых и перерезать провода детонаторов. Однако в ходе

схватки часть заряда все же взорвалась, немного повредив пролет моста. С высоты на подходах к городу наблюдатели из головной танковой колонны генерала Бранденбергера видели, как разведчики Кнаака вступили в бой. Когда заговорило оружие, командир первого танка нырнул в башню, захлопывая за собой люк.

– Вперед! - закричал он в микрофон рации совсем не по-военному.

– Вперед! - эхом отозвался водитель.

Люки закрыть! Башня на 12 часов! Осколочным! Они мчались в город. В 08.00 генерал фон Манштейн получил сообщение: "Атака на город Даугавпилс и мосты прошла успешно. Автомобильный мост захвачен целым. Железнодорожный немного поврежден в результате взрыва подрывного заряда, но движение возможно".

Обер-лейтенант Вольфрам Кнаак и еще пять человек из его группы погибли, остальные двадцать военнослужащих, находившихся под его командованием, все до одного получили ранения. Офицер, отвечавший за обеспечение охраны мостов, был взят в плен. На допросе он сказал:

– Я не получил приказа взрывать мосты. Не имея такого приказа, я не мог принять на себя ответственность. Однако мне было некого спрашивать.

Тут мы видим наглядный пример слабости нижнего командного эшелона Красной Армии. Этот недостаток нам еще будет встречаться, и не раз. Но на войне никто не думает о причинах, главное - Манштейну удалось воплотить в жизнь свой замысел. Танковый бросок, которого не знала военная наука, увенчался успехом. Конечно, в Даугавпилсе тоже пришлось сражаться, но Даугавпилс оказался не под стать Лиенае. Командовавший русскими силами в Даугавпилсе приказал взорвать несколько объектов, поджечь все склады, а затем увел свои части из города. Потом его обстреляла русская артиллерия. На последнем этапе боев в воздухе появилась эскадрилья советских бомбардировщиков, которые предприняли упорную попытку уничтожить мосты. Немецкие зенитчики и летчики-истребители из состава 1-го воздушного флота показали, на что они способны, и окончательно вырвали у противника победу в схватке за мосты Даугавпилса.

Но что толку от победы, если плодами ее не пользуются? Немцы переправились через широкую Даугаву, захватив также жизненно важный железнодорожный узел между Вильнюсом и Ленинградом. 8-я танковая и 3-я моторизованная пехотная дивизии находились на правом берегу. А что же дальше? И в самом деле, что? Должен ли был Манштейн развивать наступление? Должен ли он был извлечь выгоду из беспомощного положения, в котором очутился противник, осознав, что не в состоянии ничего противопоставить сокрушительному натиску немцев, совершивших свой фантастический танковый бросок? Или же Манштейну следовало, сделав все по науке, первым делом позаботиться о безопасности своего корпуса, остановить продвижение и ждать, когда подтянется пехота? Вот в чем был весь вопрос - вопрос, ответ на который решал судьбу Ленинграда.

Как будто бы логично предположить, что Гитлеру надо было выбрать рискованный вариант. Однако если как следует поразмыслить, становится ясно, что выбор в действительности отсутствовал. Следующий шаг логически вытекал из общего плана кампании. Вся стратегия Вермахта на Востоке основывалась на смелых решениях и авантюрах. Гитлер вознамерился одним махом переломить хребет гигантской империи, которая - и он прекрасно сознавал это - только в западной своей части располагала более 200 готовыми к бою дивизиями. А что кроме этих дивизий? За Уралом лежала неизведанная земля, о которой никто ничего толком не знал, кроме того, что там находятся крупные промышленные центры, военные заводы и что бескрайняя Сибирь является источником неисчерпаемых людских ресурсов. Таким образом, вся военная игра на Востоке могла быть выиграна - если ее вообще можно было выиграть - только

при условии, что дуб свалит молния. И молния эта должна была стремительно, неожиданно, мощно ударить в политическое и военное сердце Советской империи. Нельзя позволить противнику собраться с силами и дать ему развернуться. Самые первые дни войны преподнесли урок и стали предостережением: там, где командование противника охватывал паралич, победа доставалась немцам легко, когда же у неприятеля находилось время на организацию обороны, его солдаты дрались как черти.

Вся логика плана операции "Барбаросса" диктовала схему дальнейших действий: необходимо продолжать решительное продвижение. Манштейн это прекрасно понимал. Противнику нельзя позволить мобилизовать свои резервы и направить их против остановившегося на занятых позициях авангарда немецкого наступления. Если он получит такую возможность, тогда - и только тогда открытые фланги множества малочисленных танковых частей окажутся под серьезнейшей угрозой. Пока же наступление развивается, Кузнецову придется бросать в бой все, что есть у него под рукой.

Когда-то давно Гудериан сформулировал главную аксиому танковой войны: "Не расплыться - собирать все силы воедино". Манштейн добавил второе непреложное правило: "Безопасность танкового соединения в тылу противника зависит от беспрестанного движения".

Конечно, существовал риск в том, чтобы корпус Манштейна продолжал действовать к северу от Даугавы, в то время как 41-й танковый корпус Рейнгардта и все левое крыло 16-й армии генерал-полковника Буша все еще находились более чем в ста километрах южнее, но вести эту кампанию без риска было нельзя, не говоря уж о том, чтобы выиграть ее. Враг не проявил особого уважения к немецким танковым клиньям - иными словами, он не снимал войск с других участков, а бросал против переправившегося через Западную Двину Манштейна те части, которые мог наскрести. Но происходило так не потому, что советское Верховное Главнокомандование оказалось готовым к встрече танковых клиньев, а вследствие полного незнания истинного положения дел. Ни Кузнецов, ни Верховное Главнокомандование в Кремле не представляли себе подлинной картины складывавшейся ситуации. Необходимо было воспользоваться этим.

Вместе с тем главное командование немецких войск не смогло понять логики собственной же стратегии. Гитлер внезапно встревожился - испугался своей храбрости. Совершенно очевидно, что человек, строивший свои планы главным образом на смелости, безрассудстве и вере в удачу, на деле сам же с предостережением указал пальцем на открытые фланги. Он не очень-то верил в военный гений своих генералов. С мнением Гитлера главному командованию было не совладать. И вот Манштейн получил приказ: "Остановить продвижение. Защищать Даугавпилсский плацдарм. Ожидать подхода левого крыла 16-й армии".

Аргумент, что проблемы снабжения и опасность вражеских контратак сделали остановку неизбежной, безусловно, верный - с точки зрения понимания ситуации консервативным генштабом, - однако если рассуждать в таком духе, то Манштейну и вовсе не следовало переходить Даугаву, как двумя неделями спустя Гудериану - Днепр. Нет, приказ Гитлера остановить продвижение стал следствием беспокойства и даже в большей мере неуверенности, куда направить первый удар - на захват Ленинграда или же Москвы. Именно нерешительность Гитлера остановила Манштейна. И эта остановка стала спасением для Ленинграда. Раскатами отдаленного грома докатились до боевых командиров на передовой разногласия между фюрером и главным командованием в отношении Москвы и Ленинграда, и из этого кризиса произросло впоследствии много крупных ошибок, которые одна за другой гвоздями вошли в гроб немецких армий на Востоке. Шесть дней танковому корпусу Манштейна пришлось топтаться на месте. В течение трех из них он оставался на большом удалении от остальных частей группы армий. Случилось то, что и должно было случиться. Кузнецов поскреб по сусекам и собрал все резервы,

которые только удалось найти. В районе Пскова. В Москве. В Минске. Затем Кузнецов бросил все силы против передовых позиций Манштейна. Когда же наконец 2 июля Манштейн получил зеленый свет на продолжение наступления с целью последующего захвата Ленинграда, драгоценное время было уже упущено. Советское Верховное Главнокомандование употребило это время на приведение в порядок своих охваченных паникой дивизий и на подготовку к обороне на возведенных еще в тридцатые годы рубежах линии Сталина, проходивших по прежней советско-эстонской границе между Чудским озером и Себежем. Начался второй раунд. А как проходили в эти первые дни операции на юге?

Генерал-фельдмаршал фон Рундштедт и командующий 1-й танковой группой генерал-полковник фон Клейст вытащили самый трудный билет. Южный фронт русских, войска которого прикрывали богатый зерном регион Украины, был наиболее сильным, а оборона на данном участке - наиболее продуманной и проработанной. Генерал-полковник Кирпонос, командовавший советским Юго-Западным фронтом, разместил четыре своих армии в два эшелона на большую глубину от границы. Тщательно замаскированные ряды дотов, батареи тяжелой артиллерии и хитроумно устроенные противотанковые заграждения заставили атакующих немцев дорого заплатить за попытку прорыва.

Дивизиям 17-й армии под командованием генерала пехоты фон Штюльпнагеля пришлось прокладывать себе путь к Львову и Перемышлю через ряды дотов, а 6-й армии Райхенау - форсировать Стырь, встречая серьезное противодействие. Когда танковой группе фон Клейста удалось прорваться восточнее Львова и машины с белой "К" на броне уже собирались устремиться в молниеносное наступление, Кирпонос быстро блокировал их продвижение, не позволив противнику окружить советские части. Бросив вперед танки, он нанес сильнейший удар по наступавшим немецким войскам. Он послал в бой тяжелые танки КВ-1 и КВ-2, а также сверхтяжелые версии семейства "Клим Ворошилов" с пятью вращающимися башнями¹. Против них Т-III с их 37-мм или 50-мм пушками оказывались бессильными, и немцам пришлось отступить. Чтобы остановить вражескую бронетехнику, прибегали к помощи полевой и зенитной артиллерии. Но самым грозным противником стал советский Т-34 - бронированный гигант длиной 5,92 м, шириной 3 м и высотой 2,44 м, обладавший высокой скоростью и маневренностью. Весил он 26 тонн, вооружен 76-мм пушкой, имел большую башню, широкие траки гусениц и наклонную броню. Именно недалеко от реки Стырь стрелковая бригада 16-й танковой дивизии впервые столкнулась с ним.

Истребительно-противотанковая часть 16-й танковой дивизии быстро выдвинула на позиции свои 37-мм противотанковые пушки. По танку противника! Дальность 100 метров. Русский танк продолжал приближаться. Огонь! Попадание. Еще одно и еще одно попадание. Прислуга продолжала отсчет: 21, 22, 23-й 37-мм снаряд ударил в броню стального колосса, отскочив от нее, как горох от стенки. Артиллеристы громко ругались. Их командир побелел от напряжения. Дистанция сократилась до 20 метров.

– Целиться в опору башни, - приказал лейтенант.

Наконец-то они достали его. Танк развернулся и начал откатываться. Шариковая опора башни была поражена, башню заклинило, но в остальном танк оставался неповрежденным. Расчет противотанкового орудия вздохнул с облегчением.

– Ты это видел? - спрашивали артиллеристы один другого.

С того момента Т-34 стал для них жупелом, а 37-мм пушка, так хорошо зарекомендовавшая себя в прежних кампаниях, получила презрительное прозвище "армейского дверного молоточка".

Генерал-майор Хубе, командир 16-й танковой дивизии, описывая то, как развивалось наступление на юге, использовал выражение "медленно, но верно". Однако "медленно, но

верно" не вписывалось в рамки операции "Барбаросса". Войска Кирпоноса в Галиции и на западе Украины надлежало окружить и уничтожить в результате быстрого и сокрушительного удара.

На румыно-советской границе, где дислоцировалась 11-я армия генерал-полковника риттера фон Шоберта, 22 июня ничего существенного не происходило. Не было артиллерийской подготовки и затем штурма. Если не считать действий дозоров, переходивших служившую здесь границей реку Прут, и нескольких налетов советской авиации, все выглядело вполне мирно. Гитлер выжидал намеренно, рассчитывая в начале июля загнать расположенные на этом участке советские войска в "котел", который готовили для них на севере.

В тот роковой день, в 03.15, Прут, укрытый покрывалом туманной дымки, лениво нес воды на юг. Генерал-майор Рёттиг, командир 198-й пехотной дивизии, лежа около реки неподалеку от деревеньки Скулени, вместе с офицерами разведки и связистами обзирал противоположный берег. На пограничном посту русских стояла тишина, и тут внезапно воздух потряс взрыв. Это группа диверсантов из 198-й пехотной дивизии, переправившись через Прут, взорвала советскую сторожевую башню. Больше никакого шума на южном фланге Восточного фронта не было.

Только вечером 22 июня 198-я пехотная дивизия провела разведку боем через Прут с целью захвата деревни Скулени, через которую протекала река и проходила граница. 305-й пехотный полк, захватив населенный пункт, создал плацдарм. В следующие дни защитники плацдарма подверглись серьезному натиску противника.

Проходили сутки за сутками. Промедление на северном фланге группы армий, на участке наступления 6-й и 17-й армий, означало, что дивизия Шоберта тоже не может продвигаться. Наконец 1 июля командование дало зеленый свет. 198-я пехотная дивизия атаковала со своего плацдарма. Через двадцать четыре часа за ней последовали остальные дивизии из состава 30-го корпуса: 170-я пехотная дивизия генерал-майора Виттке, а также румынские 13-я и 14-я дивизии. Два других корпуса армии - 54-й и 11-й - форсировали Прут левее и правее 30-го корпуса.

Несмотря на то что никто не мог надеяться на возможность застать неприятеля врасплох через восемь дней после начала войны, 170-й дивизии удалось тем не менее захватить целым деревянный мост через Прут около деревни Тутора. В ходе этой хитроумной и смелой операции лейтенант Йордан быстро провел свой взвод через противотанковые рубежи вдоль советской границы. Был очищен от неприятеля 800-метровый проход через болото. Немцы одолели посты противника в рукопашной. Утром на земле, неподалеку от моста возле пулеметов лежало 40 мертвых красноармейцев. Но и взвод Йордана заплатил за победу дорогой ценой: 24 военнослужащих погибли или получили ранения.

Наступление 11-й армии набирало обороты. Немцы держали курс на северо-восток, к Днестру. Но дела пошли по незапланированному сценарию. Шоберт не смог загнать отступающего неприятеля в приготовленную для него ловушку, немцам удавалось лишь медленно оттеснять ожесточенно сопротивляющегося врага.

После десяти дней яростных боев танковые дивизии Рундштедта смогли продвинуться на территорию противника только на 100 км. Им приходилось сражаться с превосходящими силами врага, постоянно отражать контратаки со всех сторон и защищаться от нападений справа, слева, с фронта и с тыла. Крупные силы противника организовали упорную, но вместе с тем и подвижную оборону. Генерал-полковнику Кирпоносу удалось ускользнуть из приготовленной ему немцами к северу от Днестра ловушки, не позволить прорвать фронт и отвести свои сохранившие боеспособность соединения к хорошо укрепленной линии Сталина по обе стороны от Могилева. Рундштедт, таким образом, не сумел осуществить запланированного

широкомасштабного прорыва. График наступления группы армий "Юг" оказался сорванным. Можно ли было наверстать упущенное? С другой стороны, на Центральном фронте события развивались благоприятно. После стремительного прорыва танковые и моторизованные дивизии из танковых групп Гота и Гудериана, действовавшие на флангах группы армий, вели быстрое наступление в соответствии с планом через смятые, лишённые толкового руководства армии Западного фронта русских. Танковые щупальца тянулись на восток в охватывающем движении (для реализации замыслов на данном направлении командование располагало 1600 боевыми бронированными гусеничными машинами). Именно здесь, на Центральном фронте, с самого начала предполагалось нанести наиболее решительный удар, который при содействии 4-й танковой группы генерал-полковника Гёпнера, пока что действовавшей на участке группы армий "Север", - должен был завершиться захватом Москвы. План начинал срабатывать. Танковые дивизии демонстрировали блицкриг в лучших традициях - как в старые времена, как в Польше и на Западе. По крайней мере, все выглядело так для тех, кто находился в танках, на острие немецкого наступления. У пехоты же и здесь, как на северном участке, складывалось совсем иное впечатление, и самым типичным примером стала крепость Брест-Литовска.

22 июня 45-я пехотная дивизия никак не ожидала, что ей придется понести столь крупные потери при штурме этой старинной цитадели. Капитан Пракса готовился к удару в сердце Брестской крепости с превеликим усердием. 3-му батальону 135-го пехотного полка отводилась задача овладения Западным островом и центром с казармами. Немцы отработали все предстоящие действия на макете, который сделали, руководствуясь данными аэрофотосъемки и планами, оставшимися со времен польской кампании, когда Брест находился в руках Вермахта, прежде чем его передали русским. Офицеры штаба Гудериана с самого начала поняли, что для танков крепость неприступна и взять ее могут лишь пехотинцы.

Вокруг выстроенной по окружности цитадели, занимавшей площадь около пяти квадратных километров, пролегли глубокие рвы, укрепления ее омывали рукава реки, само же внутреннее пространство делилось каналами и протоками на четыре небольших острова. В кустах и под деревьями искусно скрывались эскарповые галереи, снайперские окопы, бронированные башни с противотанковыми и зенитными орудиями. 22 июня всего в Бресте находилось пять полков Красной Армии, включая два артиллерийских полка, один батальон разведки, одну отдельную часть ПВО, батальон снабжения и медицинский батальон.

Генерал Карбышев, захваченный за Березиной вскоре после начала кампании, на допросах показал, что в мае 1941 г. он как специалист в области фортификационных сооружений получил приказ провести инспекцию западных оборонительных рубежей. 8 июня он отправился в поездку. 3 июня по 4-й армии русских объявили учебную тревогу. В оказавшемся в руках немцев рапорте об этих учениях, в котором речь шла о 204-м тяжелом гаубичном полке, говорилось: "В течение шести часов после объявления тревоги батареи оказывались не в состоянии открыть огонь". О 33-м стрелковом полке было сказано следующее: "Дежурные офицеры не знакомы с положением об объявлении тревоги. Полевые кухни не работают. Полк выступает на марш без прикрытия..." О 246-м зенитном дивизионе в рапорте сообщалось: "Когда была объявлена тревога, дежурный офицер оказался не в состоянии принять решение". После прочтения вышеприведенного документа ни у кого уже не возникнет удивления, почему войска в Бресте не могли оказать сильного организованного сопротивления. Однако в цитадели немцев ждал большой сюрприз.

Когда в 03.15 началась артподготовка, 3-й батальон 135-го пехотного полка располагался в 30 метрах от реки Буг, прямо напротив Западного острова. Земля задрожала. В небо взметнулись языки пламени и клубы дыма. У немецких артиллеристов все было рассчитано поминутно: каждые четыре минуты смертоносный град продвигался вперед на очередные 100 метров. Это

был точно спланированный ад.

После такого камня на камне не могло остаться. Так, по крайней мере, полагали пехотинцы штурмовой части, лежавшие, прижавшись к земле, у берега реки. Они надеялись на это, поскольку, если смерть не соберет урожая внутри крепости, она возьмет свое у них.

Когда истекли первые четыре минуты, показавшиеся немцам вечностью, ровно в 03.19, штурмующие первой волны вскочили на ноги. Они спустили на воду резиновые шлюпки, вскочили в них и подобно теням, окутанные туманом и дымом, поспешили на другую сторону. В 03.23 за первой последовала вторая волна. До восточного берега люди добрались словно бы на учениях. Быстро поднялись по пологому склону. Затем они затаились, пригнувшись к земле. Ад бушевал в небе над ними и впереди на земле. В 03.27 командир 1-го взвода лейтенант Вильч выпрямился. Пистолет в его правой руке крепился шнуром к кобуре, чтобы в случае необходимости офицер мог освободить руки для ручных гранат, торчавших у него за поясом и лежавших в двух висевших на плече брезентовых подсумках. Командовать не было необходимости. Быстрыми перебежками они пересекли сад, промчались мимо фруктовых деревьев и старых конюшен. Потом перешли через дорогу, пролежавшую вдоль укреплений. Сейчас они войдут в крепость через разбитую сторожку у ворот. Но тут их ждал первый сюрприз. Артподготовка, даже тяжелые снаряды 600-мм мортир, не причинила особого вреда мощной кладке цитадели. Все, чего достигли немецкие артиллеристы, - подняли как по тревоге гарнизон. Полуодетыми русские побежали занимать боевые посты.

К полудню батальоны 135-го и 130-го пехотных полков в одном или двух местах проложили себе дорогу в глубь укреплений цитадели. Однако на Северном острове, так же как в районе офицерской столовой и казарм на Центральном острове, они не продвинулись ни на сантиметр. Советские снайперы и пулеметчики в бронированных башнях преградили путь атакующим. Поскольку наступающие и обороняющиеся находились в тесном боевом соприкосновении, немецкая артиллерия не могла вмешаться. Во второй половине дня в бой был брошен резерв корпуса, 133-й пехотный полк. Тщетно. Вперед выдвинулась батарея штурмовых орудий. Они вели огонь прямой наводкой из своих 75-мм пушек. Все тщетно.

К вечеру списки убитых пополнили 21 офицер и 290 унтер-офицеров и рядовых. В числе погибших оказались и командир батальона, капитан Пракса, и капитан Краусс, командир 1-го дивизиона 99-го артиллерийского полка, вместе с их штабными офицерами. Стало ясно, что пехоте достигнуть цели на данном участке вражеской обороны не удастся. Штурмовые части были отозваны, и за дело вновь взялись артиллерия и бомбардировщики. При этом немцы старались не попасть в церковь цитадели: там, окруженные, сидели семьдесят человек из 3-го батальона, не имея возможности продвинуться ни вперед, ни назад. К счастью для них, с ними оказалась рация, с помощью которой они смогли сообщить в дивизию о своем местонахождении.

Настал рассвет третьего дня штурма Брестской крепости.

Пронзив клубы дыма, солнечные лучи осветили развороченную позицию русских зенитчиков. В грудях кирпичей лежал пулеметный расчет ефрейтора Тойхлера из состава взвода лейтенанта Вильча. Полный страданий хрип вырывался из горла стрелка. Пуля пробила ему легкое, и он умирал. Командир пулеметного расчета сидел, прислонившись спиной к треноге, точно окаменев. Он давно уже умер. Ефрейтор Тойхлер, получивший пулю в грудь, лежал на патронных коробках. Ударивший ему в лицо луч света привел ефрейтора в сознание. Он осторожно повернулся на бок. Тойхлер слышал голоса умирающих, звавших санитаров. Он видел, как на галерее в 300 метрах блеснула вспышка выстрела. Выстрел следовал оттуда всякий раз, когда раненые пытались сесть или отползти в укрытие. Снайперы! Именно они уничтожили расчет Тойхлера.

В полдень сильное штурмовое подразделение 1-го батальона 133-го пехотного полка прорвалось с Западного острова в церковь крепости. Запертые в ловушке немцы получили свободу. Ефрейтора Тойхлера нашли. Однако деблокировочный отряд не смог продвинуться ближе к офицерской столовой.

Восточный форт на Северном острове также продолжал держаться. 29 июня генерал-фельдмаршал Кессельринг отправил бомбить крепость эскадру пикировщиков "Штука". Однако 500-килограммовые бомбы не принесли желаемого результата. Во второй половине дня в дело пошли 1800-килограммовые. Кладка начала разрушаться. Женщины и дети покинули форт, сопровождаемые 400 военнослужащими. Однако защитники офицерской столовой продолжали упорно держаться. Здание пришлось разрушить до основания. Никто не сдался.

30 июня в рапорте 45-й пехотной дивизии было записано о завершении операции и о захвате крепости. Дивизии досталось 7000 пленных, включая 100 офицеров. Потери немцев составляли 482 человека, включая 40 офицеров убитыми и около 1000 человек ранеными, многие из которых впоследствии скончались. Размеры потерь, понесенных в ходе захвата крепости немцами, лучше всего видны в сравнении. Общие потери Вермахта на Восточном фронте к 30 июня достигали 8886 человек убитыми. Таким образом, на долю Брестской крепости пришлось свыше 5 процентов.

Истории, подобные защите Брестской крепости, стали бы широко известными в других странах. Но мужество и героизм защитников Брестской крепости остались невоспетыми. Вплоть до смерти Сталина в СССР словно бы не замечали подвига гарнизона цитадели. Крепость пала, и многие из ее защитников сдались в плен - в глазах сталинистов это рассматривалось как позорное явление. А потому не было никаких героев Бреста. Крепость просто вычеркнули из анналов военной истории, стерев имена рядовых и командиров.

Однако в 1956 г., через три года после кончины Сталина, была предпринята примечательная попытка реабилитации защитников Бреста. Публицист Сергей Смирнов выпустил небольшую книжечку под названием "В поисках героев Брест-Литовска". Читатель ее узнает, со сколькими трудностями пришлось столкнуться автору в попытках отыскать героев, переживших ад в Бресте. Никто из них не афишировал свое прошлое, поскольку спустя пятнадцать лет после сражения и через десять лет после окончания войны они все еще находились на подозрении и считались предателями. Смирнов пишет: "В России живет примерно 400 уцелевших защитников Брестской цитадели. Многие из них попали в плен к немцам тяжело ранеными. Нужно признать, что мы не всегда относимся к этим людям так, как они того заслуживают. Не секрет, что враг народа Берия и его приспешники способствовали выработке неправильного отношения к бывшим военнопленным, вне зависимости от того, по каким причинам эти люди попали в плен и как они вели себя, находясь там. Вот причина того, почему до сих пор не стала известна правда о Брест-Литовске". А какова же правда?

Смирнов прочитал ее на стенах внутри крепости. Один из защитников ногтем нацарапал на штукатурке: "Нас тут трое москвичей - Иванов, Степанчиков и Шунтяев. Мы защищаем церковь и поклялись не сдаваться. Июль 1941 г.". Ниже он прибавил: "Я остался один. Степанчикова и Шунтяева убили. Немцы в церкви. У меня осталась одна граната. Живым они меня не возьмут".

В другом месте мы читаем: "Дела все хуже, но мы полны решимости. Умирая, мы верим. Июль 1941 г."

В подвале казарм на Западном острове осталась надпись: "Умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина". Подписи не было, только дата - 20.7.41. Совершенно очевидно, что отдельные группы защитников продолжали сопротивление до конца июля.

В 1956 г. мир наконец узнал, кто руководил обороной цитадели. Смирнов пишет: "Из найденного боевого приказа № 1 нам известны имена командиров частей, оборонявших центр:

комиссар Фомин, капитан Зубачев, ст. лейтенант Семененко и лейтенант Виноградов". 44-м стрелковым полком командовал Петр Михайлович Гаврилов. Комиссар Фомин, капитан Зубачев и лейтенант Виноградов входили в состав боевой группы, вырвавшейся из крепости 25 июня, однако на Варшавском шоссе ее окружили и уничтожили. Трое офицеров попали в плен. Виноградов пережил войну. Смирнов разыскал его в Вологде, где он, никому не известный в 1956 г., работал кузнецом. По словам Виноградова: "Перед тем как пойти на прорыв, комиссар Фомин надел форму убитого рядового. В лагере военнопленных комиссара выдал немцам один солдат, и Фомина расстреляли. Зубачев умер в плену. Майор Гаврилов пережил плен, несмотря на тяжелое ранение. Он не хотел сдаваться, бросил гранату и убил немецкого солдата".

Много времени прошло, прежде чем имена героев Бреста были вписаны в советскую историю. Они заслужили свое место там. То, как они сражались, их непоколебимое упорство, преданность долгу, храбрость, проявляемая ими вопреки всему, - все это было вполне типично для советских солдат. Немцам пришлось столкнуться с еще многими подобными примерами.

Упорство и верность присяге защитников Бреста произвели глубочайшее впечатление на немецких солдат. Военная история знает немного столь же героического презрения к смерти. Когда генерал-полковник Гудериан получил рапорты об операции, он сказал офицеру связи главного командования при его танковой группе, майору фон Белову:

– Эти люди заслуживают высочайшего восхищения. 2. Сталин в поисках спасителя Первые бои в окружении - Как получилось так, что СССР оказался застигнутым врасплох? - Сталин знал сроки нападения - "Красная капелла" и доктор Зорге - Эскадра Равеля - Два недоверчивых диктатора - Генерал Потатурчев взят в плен и допрошен.

"Материальные и моральные последствия любого крупного военного столкновения, - писал генерал-фельдмаршал граф Мольтке много-много лет тому назад, - имеют столь далеко идущие последствия, что, как правило, совершенно меняют ситуацию".

Военные эксперты согласны с тем, что заявление это справедливо и сегодня, и, безусловно, оно вполне применимо к 1941 г. Не известно, читал ли Сталин Мольтке, но поступал он в соответствии с вышеприведенным тезисом. Он осознал, что катастрофическое положение на Центральном фронте стало причиной того, что с советской стороны там нет талантливого организатора, жесткого, опытного боевого командира - человека, смелые и неожиданные ходы которого позволили бы покончить с хаосом, вызванным стремительным прорывом танков Гота и Гудериана.

Но где было взять такого человека?

Сталин думал, что нашел его на Дальнем Востоке. Вождь, ни секунды не сомневаясь, верил ему спасение русских войск на Центральном фронте.

В тот момент, когда лейтенант Вильч со своим взводом врывался в Брестскую цитадель, когда корпус Манштейна переходил через Западную Двину по мосту в Даугавпилсе, а танки Гота рвались к историческому "окну" у Молодечно, откуда Наполеон после своего катастрофического отступления из Москвы сообщил миру о гибели Великой армии и о том, что сам император пребывает в добром здравии, - в этот самый момент на железнодорожном вокзале Новосибирска, в 1500 километрах восточнее Уральского хребта, начальник станции и начальник управления тыла Сибирского военного округа шли по платформе, на которой стоял транссибирский экспресс, заглядывая в окна. Наконец они нашли нужное купе.

Начальник станции подошел к открытому окну.

– Товарищ генерал, - обратился он к широкоплечему обитателю купе, товарищ генерал, министр обороны просит вас сойти с поезда и следовать дальше самолетом.

– Хорошо-хорошо, - ответил генерал. Начальник управления тыла поспешил в вагон, чтобы вынести багаж генерала.

Было 27 июня 1941 г. Жаркий день. Солнце уже перевалило за полдень. На платформе туда и сюда сновали люди в военной форме. По ту сторону здания вокзала, на площади, надрывался громкоговоритель. В Сибирском военном округе шла мобилизация.

Генерал, сопровождаемый начальником управления тыла и начальником станции, прокладывая себе путь через толпы мобилизованных, ожидавших прихода поездов, чтобы добраться в места расположения своих частей. Генерала звали Андрей Иванович Еременко. Он имел орден Боевого Красного Знамени. Ехал Еременко из Хабаровска, где еще неделю тому назад командовал 1-й Дальневосточной армией. В Верховном Главнокомандовании Вооруженных Сил Советского Союза его знали как жесткого командира, человека беспримерной личной храбрости, превосходного тактика и преданного члена Коммунистической партии. В Красной Армии он служил с самого ее основания, был телохранителем Троцкого, начинал младшим командиром и прошел всю Гражданскую, закончив ее уже на командной должности.

22 июня, вскоре после полудня, Еременко в большом волнении позвонил генерал Смородинов, начальник штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии:

– Андрей Иванович, немцы с раннего утра обстреливают наши города. Война началась.

Еременко так описывает этот эпизод в своих мемуарах: "Как человек, посвятивший свою жизнь профессии военного, я нередко размышлял о возможности войны, особенно в отношении того, как она может начаться. Я пребывал в уверенности, что нам всегда удастся вовремя распознать намерения неприятеля и мы не позволим ему застать нас врасплох.

Но теперь, слушая Смородинова, я мгновенно осознал, что нас застали врасплох. Мы совершенно ни о чем не догадывались. Все мы - солдаты, офицеры и советский народ. Какой катастрофический просчет допустила наша разведка!" Однако Смородинов не дал Еременко времени на раздумья. Начштаба передал командарму приказ. Первое: Особая Дальневосточная армия должна быть приведена в состояние полной боевой готовности.

– Надо понимать так, что есть угроза нападения и здесь - со стороны японцев? - спросил Еременко, пораженный.

Смородинов поспешил успокоить его. Тревога, как объяснил он, есть мера предосторожности. Нет признаков наличия у японцев намерения напасть на СССР. И действительно, второй приказ верховного командования косвенно подтверждал его уверенность в отношении возможности атаки японцев Еременко предписывалось немедленно отбыть в Москву для нового назначения.

Генерал-лейтенант Еременко не знал, что его ожидает. Он не знал, что из всех своих маршалов и генералов Сталин остановил выбор именно на нем, на генерал-лейтенанте с Дальнего Востока, решив поручить ему спасение Центрального фронта. Сталин считал, что Еременко как раз тот, кто ему нужен, - мастер импровизации, русский Роммель, знакомый с трудностями, сопряженными с руководством крупными объединениями. За высокий уровень боевой подготовки Особая Дальневосточная армия удостоилась почетной награды - ордена Боевого Красного Знамени. Еременко казался той самой железной рукой, которая способна навести порядок в бедлам Западного фронта. Если кто-то и мог остановить развал, так это Еременко - жесткий и талантливый руководитель, к тому же беззаветно преданный Сталину.

Ситуация на Белостокском направлении сложилась безнадежная. Три советских пехотных дивизии - 12-я, 89-я и 103-я - не просто не оказали сопротивления немцам, но, когда комиссары, размахивая пистолетами, попытались заставить личный состав сражаться, пристрелили их и затем разбежались. Многие с радостью сдались в плен. Происшествие шокировало Сталина. Ситуация требовала присутствия очень жесткого командира.

В тот же день, 22 июня, Еременко сел в Хабаровске на транссибирский экспресс. Он с

беспокойством считал часы, которые ему придется провести в дороге. Человек, которого в Москве выбрали на роль спасителя Центрального фронта, путешествовал к цели поездом! Наконец кто-то что-то понял, и генерала сняли с поезда в Новосибирске.

Еременко сразу же поехал в штаб Сибирского военного округа. Но новостей с фронта генералу там не предоставили. Как и всегда в аналогичных случаях, ходило множество всевозможных слухов, которые передавали из уст в уста даже высшие офицеры. Немцев, говорили они, встретили мощным лобовым ударом. Танки генерала Павлова уже выдвигаются от Белостока и расчищают путь к Варшаве для пехоты. Капитан Горобин, которого только недавно перевели в Новосибирск из штаба 1-й казачьей армии, подмигнув, сказал:

– У нас на картах были размечены позиции всех немецких дивизий до самого Рейна.

В Новосибирске царил оптимизм. 26 июня пришло сообщение: "Немцы взяли Брест", но никто не принял новость всерьез. Брест? Ничего - Брест, это же где-то в Польше!

Двумя часами спустя Еременко поднялся на борт двухмоторного бомбардировщика, взявшего курс на Москву. Путь предстоял неблизкий - 2800 километров. Четырежды самолет садился для дозаправки, техосмотра и отдыха. Россия - огромная страна. Жаркие бои кипели где-то в 3500 километрах от Новосибирска на Западном фронте. Новосибирск же находился примерно на половине пути от Брест-Литовска до Владивостока.

Когда 28 июня Еременко, сидя в бомбардировщике, летел в направлении Омска на высоте 800 метров над бескрайней тайгой, когда потом проносился над безрадостными пейзажами Свердловска и над Уральскими горами, человек, с которым предстояло помериться силами избраннику Сталина, находился в своей командирской машине всего в восьмидесяти километрах к юго-западу от Минска, столицы Белоруссии.

Генерал-полковник Гейнц Гудериан, командующий 2-й танковой группой, отправил сообщение своему начальнику штаба, полковнику фрайгерру фон Либенштейну: "29-я моторизованная дивизия, в настоящий момент ведущая бои на широком фронте, противостоящая попыткам прорыва русских в 175 километрах к юго-западу от Минска, в районе Слоним-Зельва, должна как можно скорее развернуться для броска в направлении Минск-Смоленск".

Когда приказ Гудериана поступил в штаб танковой группы, расположившийся в древнем замке Радзивиллов в Несвиже, Байерлейн и Либенштейн - начальник оперативного отдела и начальник штаба Гудериана, склонившись над картами, расставляли на них флажки. Штаб переехал в замок только утром. Два подбитых русских танка все еще стояли около моста. Связанная с ними история передавалась из уст в уста по всей танковой группе.

В ночь с 26 на 27 июня генерал Неринг, командир 18-й танковой дивизии, присматривал место для штаб-квартиры своего танкового полка. В открытой бронемашине генерал осторожно подъезжал к замку. Подходы к мосту прикрывал танк Т-III. Метрах в сорока от танка Неринг приказал водителю остановиться и в этот момент услышал скрежет гусениц. Неринг поднялся и, посветив фонариком назад, похолодел от страха. Два устаревших русских танка Т-26 находились совсем близко, их пулеметы смотрели на бронемашину Неринга.

– Давай вправо! - громким шепотом приказал генерал водителю.

Тот выжал сцепление, выполняя распоряжение командира. Но тут в немецком танке заметили что-то неладное. Не прошло и секунды, как в воздухе просвистел первый снаряд 50-мм орудия. Затем второй и третий. Русские танкисты не успели дать ни очереди из своих пулеметов.

Теперь советские машины стояли около замка почерневшими от дыма и гари - вещественными напоминаниями о небольшом приключении генерала. На стене в помещении четвертого этажа замка Радзивилла находился некий любопытный сувенир - сделанная в 1912 г. фоторграфия группы охотников. Почетным гостем в центре был не кто иной, как сам кайзер Вильгельм II.

Либенштейн и Байерлейн сразу же поняли, какой замысел скрывается за приказом Гудериана. Кампания на центральном участке фронта вошла в решительную фазу. Начинали вырисовываться контуры первого крупного успеха: 17-я танковая дивизия - острое наступления, нацеленное на Минск с юга, достигла города. На севере генерал-полковник Гот со своей 3-й танковой группой сформировал северную охватывающую дугу и силами 20-й танковой дивизии генерала Штумпфа вклинился в Минск 26 июня. Таким образом, группы Гота и Гудериана соединились. Это означало, что гигантские клещи, созданные 4-й и 9-й армиями вокруг Белостокского выступа, сомкнулись. Крышка "котла", в который угодили четыре советские армии - 23 дивизии и 6 отдельных бригад - между Белостоком, Новогрудком и Минском, закрылась. Четыре армии полмиллиона человек. На Восточном фронте разворачивалась первая битва на уничтожение - сражение, которого еще не знала военная история. Вполне в духе Гудериана было то, что принимающий реальные формы успех не опьянил его; генерала не соблазняла идея прославиться, собрав несколько сотен тысяч военнопленных. Он считал, что танковые соединения существуют не для того, чтобы выполнять роль загонщиков или тем более пастухов для пленных. Все это он оставлял пехоте. Мобильные части должны двигаться, используя для этого любую возможность. Они должны наступать через Березину, а потом через Днепр. Неустанно идти к первой крупной стратегической цели кампании - к Смоленску.

Вот почему Гудериан хотел освободить 29-ю моторизованную дивизию генерал-майора фон Больтенштерна от обязанностей держать оборону на южной стороне котла около реки Зельвянки и в районе населенного пункта Зельва, где пытались прорваться русские, и задействовать ее для броска в северном направлении - к Смоленску. Но 29-я моторизованная дивизия, солдат которой называли "ястребами" из-за их тактического знака, глубоко увязла в обороне против отчаянно пытавшихся вырваться из окружения советских частей на более чем 60-километровом участке боковины огромного клина. Русские надеялись пробить брешь в немецком кольце. Они собирались в глухих зарослях и при поддержке танков и артиллерии устремлялись на прорыв тонкой линии, образованной немецкой дивизией.

К юго-западу от деревни Езёрница советская кавалерия атаковала противника, устремившись прямо на пулеметный огонь мотоциклетного и пулеметного батальонов 5-го полка под крики "Ура! Ура!", откатываясь, перегруппировываясь и атакая снова и снова силами дивизионов и полка. Около Зельвы им удалось ворваться на передовые позиции разведчастей. Немецкие 15-й и 71-й пехотные полки из Касселя и Эрфурта находились в бою без отдыха. Особенно доставалось батальонам 15-го пехотного полка. Позиции 5-й роты пролегли всего километрах в двух от городка Зельва, буквально кишевшего русскими. Вновь и вновь они бросались на немцев с душераздирающим "Ура!" - ротами, батальонами, полками.

Эта картина поражала воображение немецких солдат. Русские атаковали широким фронтом, сомкнутым строем, живыми валами - за первой волной накатывалась вторая, третья, четвертая.

— Они, наверное, сошли с ума, - поражались солдаты 29-й дивизии. Словно загипнотизированные, они взирали на приближавшуюся к ним бурую как земля стену из одетых в военную форму человеческих тел. Русские бежали ровными шеренгами, оцетинившимися длинными штыками винтовок.

— Ура! Ура!

— Это убийство, - проворчал командир 1-го батальона капитан Шмидт. Но что же такое вообще война, если не убийство? Если они хотели погасить этот шторм, а не просто прижать атакующих к земле, следовало подождать подходящего момента. - Без моего приказа огонь не открывать! - скомандовал капитан.

Стена приближалась.

– Ура! Ура!

Лежа у пулеметов, немцы слышали, как бьются их сердца. Невозможно было выносить это. Наконец прозвучал приказ:

– Беглый огонь!

Пулеметчики нажали на спусковые крючки, зная, что, если они не уничтожат нападающих, те уничтожат их.

Загрохотали пулеметы.

– Огонь!

Защелкали карабины. Затарахтели автоматы. Первый вал как будто срезало. На убитых и раненых первой волны рушились солдаты второй цепи. И вот схлынула третья. Бурые холмы покрывали ровное поле.

Вечером они попытались снова. На сей раз русские использовали бронепоезд - советское оружие, бывшее, наверное, весьма действенным во время Гражданской войны, но едва ли пригодное в современной войне моторов. Бронированный паровоз тащил за собой орудийные платформы и защищенные броней вагоны для пехотинцев. Тяжело пыхтя парами и паля из всех стволов, чудовище шло со стороны городка Зельва. Два кавалерийских эскадрона наступали в направлении штаба 2-го батальона слева от железнодорожного полотна, а несколько танков Т-26 катились справа от него.

После того как саперы взорвали полотно, лишив бронепоезд возможности двигаться дальше, снаряды 37-мм противотанковой пушки 14-й роты подожгли его. Атака кавалерии захлебнулась под пулеметным огнем 8-й роты. Самым страшным, что доводилось слышать немцам, было ржание раненых и умирающих коней. Они кричали отчаянно, пытаясь встать на ноги, поднять свои разорванные пулеметными очередями тела, чтобы бежать куда угодно, лишь бы подальше от нестерпимой боли.

– Огонь! - Надо прикончить их, положить конец их ужасным страданиям.

Расчетам противотанковых пушек пришлось полегче - танки не кричат. Русские Т-26 не имели шансов против 50-мм орудий. Ни один из них не прорвался.

Но так или иначе повернуть на север 29-ю моторизованную дивизию, как намеревался Гудериан, возможным не представлялось.

В тот же вечер, 28 июня, бомбардировщик с Еременко на борту приземлился на военном аэродроме столицы Советского Союза. Генерал сразу же направился к министру обороны маршалу Тимошенко, приветствовавшему его словами:

– Мы вас ждали. - Отбросив традиционные слова приветствия, не задавая вежливых вопросов, маршал сразу же перешел к делу. Он подошел к карте и как вспоминает Еременко в своих мемуарах - сказал: - Причина наших неудач на Западном фронте состоит в том, что командиры в приграничных территориях продемонстрировали свою неспособность справиться с поставленными задачами.

Еременко был удивлен.

Тимошенко резко отозвался о командующем, генерал-полковнике Дмитрие Павлове, находившемся в Белостокском выступе с основными силами советских механизированных войск. В Красной Армии Павлова называли ранее "советским Гудерианом".

Еременко пришел в ужас, когда Тимошенко показал, какие территории потеряла Красная Армия за первую неделю боев. Карандаш в руке Тимошенко следовал по карте.

– Сейчас немцы на линии Елгава-Даугавпилс-Минск-Бобруйск. Белоруссия потеряна. Четыре армии Западного фронта отрезаны. Враг явно нацелился на захват Смоленска, а у нас не осталось войск, чтобы помешать ему.

Тимошенко сделал паузу. Как пишет Еременко, в помещении воцарилась полная тишина.

Затем маршал продолжал холодно, сдерживая раздражение:

– Опасность таится в танковой стратегии фашистов. Они атакуют крупными частями. В отличие от нас, у них целые танковые корпуса действуют отдельно, тогда как наши танковые бригады являют собой не более чем средство поддержки пехоты - техника рассеивается. Но немецкие танки не неуязвимы. У врага нет тяжелых танков - по крайней мере, он пока их не применял. Я осознал оперативную полезность Т-34. Все, которые есть, немедленно будут отправлены на фронт.

Весь драматизм ситуации нельзя описать лучше, чем делает это сам Еременко: "Маршал Тимошенко сказал: "Ну, товарищ Еременко, теперь картина вам ясна". - "Печальная картина", - ответил я. После короткой паузы Тимошенко продолжил: "Генерал Павлов и начальник его штаба освобождаются от должностей немедленно. Указом Правительства вы назначены командующим Западным фронтом".

– Какова задача этого фронта? - спросил Еременко.

Тимошенко ответил:

– Остановить наступление противника.

Приказ был ясным и точным. От того, как он будет выполнен, зависела судьба Москвы".

Немедленно возникает вопрос: почему во время разговора не присутствовал Сталин? Разве другой глава государства, Верховный Главнокомандующий отказался бы от возможности в такой критический момент лично ввести в должность генерала, которого он избрал на роль военного спасителя государства? Но не только Еременко - никто в Москве не услышал ни слова от Сталина в первые две недели войны. Не он, а Молотов, выступив по радио с обращением ко всему народу, рассказал людям о немецком вторжении и призвал их к борьбе. Сталин являлся председателем Совета Народных Комиссаров - то есть главной правительства - начиная с мая.

– Где он? - вопрошали русские. Вождь молчал. Он не появлялся на публике. Ни с кем не встречался. Даже не принял членов британской военной миссии, явившихся 27 июня, с тем чтобы предложить Советскому Союзу экономическую и военную помощь. Ходили самые невероятные слухи. Сталин свергнут, поскольку слишком доверился Гитлеру? Договаривались до того, что он бежал из страны. Уехал в Турцию или в Персию. Так или иначе, вождь не подавал признаков жизни, и в ночь с 28 на 29 июня Еременко пришлось отправиться выполнять крайне трудную задачу без сталинского благословения.

Тем временем стройные колонны немецких войск двигались под жарким солнцем по пыльным дорогам вперед и вперед. Беспреданно. Слово "дороги", впрочем, мало подходило для описания вязких песчаных лестных проселков. Вперед, скорее вперед. Туда, где танки ждет топливо, а экипажи - сигареты. Чертовы русские дороги! Артерии войны! Блицкриг являлся не одним лишь вопросом боевого духа, но, так сказать, и духа транспортного. Качество дорог определяло темп войны, а темп являлся решающим фактором в боях для танковых корпусов. Только тот, кто не понаслышке знаком с русскими дорогами, может себе представить, сколь гигантскую работу приходилось прodelьывать снабженцам.

Так, в зоне боевых действий танковой группы Гудериана, после пересечения ею Буга, имелось всего две хороших дороги для наступления - из Бреста в Бобруйск и в Минск. По этим двум дорогам и передвигались примерно 27 000 единиц техники танковой группы и еще около 60 000 машин следующей за ней пехоты, штабистов, снабженцев и связистов. Во избежание проблем и создания хаоса Гудериан выработал три уровня приоритетов. Машинам, имевшим приоритет № 1, все были обязаны уступать дорогу. Машины с приоритетом № 2 пропускали тех, которые обладали приоритетом № 1. Транспорт приоритета № 3 мог занимать дорогу только в том случае, если по ней не следовала техника с приоритетом № 1 и № 2. Нет нужды говорить, что такое деление вызывало бурю недовольства. Например, полк связи Люфтваффе "Герман

Геринг" получил приоритет № 3, поскольку в тот момент выполнял функции перевозок и устанавливал телеграфные столбы. Рейхсмаршал очень разозлился и велел командиру полка довести свое мнение до сведения Гудериана. Геринг требовал приоритета № 1.

Гудериан выслушал жалобу и спросил:

– Телеграфные столбы могут стрелять?

– Конечно, нет, господин генерал-полковник, - ответил командир полка.

– Вот потому-то, - пояснил Гудериан, - вам и дали приоритет номер три.

На сем вопрос был исчерпан. По крайней мере, официальная его сторона. В личном же плане дело обернулось трагедией. Командир полка не осмелился доложить рейхсмаршалу о своей неудаче и застрелился.

Итак, лишь немногие дороги могли служить артериями войны против России. Если бы советское командование вовремя осознало данный факт, то смогло бы сильно осложнить и без того непростую ситуацию со снабжением у немцев. Возьмем, к примеру, 3-й батальон 39-го танкового полка. Вечером 28 июня бывалые солдаты из учебного танкового полка лежали на траве в рощице неподалеку от Минска. Они ждали топлива. Подъехал бензозаправщик. Ефрейтор Пионтек не стал возражать против того, чтобы унтер-офицер Вилли Борн позволил себе подтрунивать над ним.

– Хорошо доехали, господин заправщик? Так и быть, возьмем у вас тридцать канистр! - Борн открыл маленький лючок в броневом листе, скрывавший под собой наливное отверстие.

Но Пионтек был не расположен к шуткам.

– Двенадцать канистр, и ни капли больше, - отрезал он.

– Мне и зажигалку заправить не хватит, - проговорил Борн. Затем он взглянул в лицо Пионтека и осекся.

– На нас налетели русские истребители, - произнес ефрейтор. - Пять грузовиков сгорело. Пять водителей погибли. Русские и дальше в тыл прорвались, перерезали дорогу, погромили снабженцев.

Вот где выявлялся побочный эффект танкового прорыва, в результате которого танкисты оказывались оторванными от своих на кишевшей солдатами противника территории. Целые дивизии русских прятались в лесах. Полку не впервые случалось оказаться в сложном положении. В районе Слонима складывалась незавидная ситуация. Они достигли насыпи ветки Белосток-Барановичи и внезапно услышали, что в городе идет бой. Когда танкисты пошли на прорыв, русская пехота попряталась, но теперь красноармейцы собрались и бросились громить зенитчиков, саперов и снабженцев.

1-й и 2-й взводы 9-й роты 39-го танкового полка повернули назад.

– Вышвырните их оттуда!

Это было легче сказать, чем сделать, поскольку русские сами атаковали через железнодорожную насыпь. Слоним пылал. Полк оказался отрезанным и был вынужден отражать натиск со всех сторон. Взводы окапывались, занимая круговую оборону.

В сером сумраке рассвета немцы в бинокли видели русских на противоположной стороне железнодорожного полотна. Танкисты включили радики на прием. Один за другим экипажи получили приказ комбата приготовиться. Радисты выворачивали регуляторы вправо, чтобы все слышали приказ командира:

– Не открывать огня до красной ракеты. Пусть противник подойдет поближе. Сосредоточьте огонь на танках.

Звук моторов приближался.

– Старик, наверно, спит, - взволнованно говорили танкисты. - Они сейчас нас раздавят!

Колонну противника возглавляла бронетехника. За ней шли грузовики, телеги на гужевой

тяге, полевые кухни и транспортеры для подвоза боеприпасов. До головного танка оставалось всего пятьдесят метров. И вот наконец в небо взлетела красная ракета.

В единое мгновение немецкие танки изрыгнули целый вал огня. Машина за машиной вспыхивала техника русских. Колонна распалась. Танки разворачивались, уходя в поля, прячась в высоких всходах. Солнце уже перевалило за полдень, когда немцам удалось выбить красноармейцев из Слонима и пресечь попытку прорыва русских. Случилось это три дня тому назад - через шесть дней после начала кампании.

Теперь 17-я танковая дивизия генерала фон Арнима находилась на южной окраине Минска. Солдаты видели пылающий город. По шоссе вдалеке движение шло в обе стороны. Радист Вестфаль забросил свой автомат за плечо, засунул бинокль за полу кителя и взобрался на танк. Вестфалю предстояло стоять на вахте три часа. Когда его сменит заряжающий, уже рассветет. Сколько еще до Москвы? Как велика эта страна? Расстояние между Москвой и Минском - 670 километров. До Могилева, где находился штаб генерала Павлова, командующего войсками на Белостокском направлении, - 490 километров. До публикации мемуаров Еременко считалось, что Павлов застрелился после того, как маршал Кулик по приказу Сталина снял его с должности, положив на стол пистолет. Еременко предлагает иную версию. Согласно его словам, он прибыл в штаб Павлова рано утром 29 июня, когда Павлов завтракал у себя в палатке. Павлов удивился, увидев Еременко. Встретил его Павлов довольно хмуро:

– Что тебя принесло в эту дыру? - Затем указал на стол. - Садись, позавтракай со мной. Расскажи, что нового. - Павлов хотел еще что-то добавить, но осекся, почувствовав холодок, исходивший от Еременко. Тот ничего не сказал. Молча вручил Павлову приказ о его отстранении от должности. Тот пробежал текст глазами. Лицо Павлова словно бы окаменело. И куда меня теперь?

– Народный комиссар приказал вам отправляться в Москву.

Павлов кивнул.

– Чаю-то хоть выпьешь? - спросил он.

Еременко отрицательно покачал головой:

– Я считаю более важным ознакомиться с обстановкой на фронте.

Павлов почувствовал укор в словах нового командующего и попытался оправдаться:

– Мои части оказались неготовыми к внезапному нападению противника. Мы не были организованы для ведения боевых действий. Значительная часть солдат и офицеров находилась в гарнизонах или на полигонах. Все занимались обычными мирными делами, когда враг напал на нас. Они просто прокатились по нам, раздавили, а сейчас у них в руках Бобруйск и Минск. Нас никто не предупредил. Приказ об объявлении тревоги в приграничных частях пришел слишком поздно. Мы ни о чем и понятия не имели.

Мы не подозревали - веская причина. И Еременко, у которого не находится других добрых слов для Павлова, пишет: "В этом Павлов был прав. Сегодня мы знаем. Приди приказ об объявлении тревоги в приграничных частях раньше, все могло выйти по-иному".

Тут для военных историков возникает жизненно важный вопрос: действительно ли русские оказались совершенно застигнуты немцами врасплох, верно ли, что они ни о чем не догадывались и занимались своими обыденными делами? Были ли они и в самом деле так уж неподготовлены и правда ли, что они отвели свои заведомо уступавшие немецким войска - как утверждают многие и поныне - к Дону и низовьям Волги, чтобы заманить немцев в глубь советской земли и там разделаться ними? Может, так все и было? Нет, не так.

Безусловно, совершенно не подлежит сомнению то, что 22 июня советские войска на границе оказались в тактическом отношении застигнутыми врасплох. Лишь несколько мостов на протяжении 1500-километровой границы русские успели взорвать вовремя. Наиважнейшие

мосты через Мемель, Неман, Буг, Сан и Прут - и даже мосты через Западную Двину в Даугавпилсе, несмотря на то что они находились в 250 километрах от границы¹, - оказались захвачены немцами в результате дерзких ударов или хитрости. Доказывает ли это, что русские ни о чем не догадывались?

Но как же тогда объяснить тот факт, что 22 июня 146 немецким дивизиям вторжения, общей численностью 3 000 000 человек, на противоположной стороне границы противостояли 139 советских дивизий и 29 отдельных бригад, численностью 4 700 000 человек? Только на летных полях в Белоруссии дислоцировалось 6000 самолетов ВВС Советского Союза. Значительная часть их, правда, была представлена устаревшими машинами, однако по меньшей мере 1300 или 1500 самолетов были самых новых марок. В то же время Люфтваффе начали кампанию, имея не более 1800 боеспособных самолетов.

Из всего этого напрашивается вывод, что на самом деле русские хорошо подготовились к обороне. Чем же тогда объяснить такое скверное положение дел на границе? Где же разгадка этой тайны?

23 февраля 1941 г. министр обороны Советского Союза Тимошенко заявлял следующее: "Несмотря на успех нашей политики нейтралитета, весь советский народ должен находиться в состоянии постоянной готовности к вражескому нападению".

10 апреля 1941 г. военный совет Советского Союза тайно объявил состояние повышенной боеготовности на так называемом Западном фронте. Почему? В силу каких обстоятельств? Ввиду какой информации, каких известий?

Что ж, новости, поступавшие в Москву с января 1941 г., выглядели довольно тревожными. Сведения доставлялись через прекрасно организованную советскую шпионскую сеть. Леопольд Треппер - кличка Гильберт, также известный как Большой шеф - свободно курсировал между Берлином и Парижем, собирая на всей подконтрольной Гитлеру территории информацию, которая затем передавалась в Москву через советское посольство в Берлине.

Действовавший в Брюсселе майор советской разведки Виктор Соколов кличка Кент - получал информацию от хорошо осведомленных членов западных компартий. Разведывательная сеть Соколова называлась "Красная капелла".

Из Швейцарии поставлял сведения самый изобретательный советский агент - Рудольф Рёсслер, работавший под псевдонимом Люси, член "Красной капеллы", подчинявшийся советскому резиденту Радо.

Но самым лучшим приобретением советской военной разведки являлся, безусловно, доктор Рихард Зорге, журналист, имевший тесные связи с посольством Германии в Токио. Зорге внес в дело победы советского народа в Отечественной войне вклад больший, чем целая армия. Именно Зорге предоставил Сталину верную информацию о том, что японцы не станут нападать на Красную Армию в Маньчжурии. Донесение Зорге позволило русским перебросить с Дальнего Востока дивизии, сыгравшие решающую роль в битве за Москву, Курск и Сталинград.

Все эти источники поставляли руководству Красной Армии горы информации о военных планах Гитлера в отношении Советского Союза. Вся агентура предупреждала о грядущем вторжении. И если даже в донесениях "пианистов" "Красной капеллы" и были какие-то пробелы, их вполне можно было восполнить за счет сведений представителей западных держав, пользовавшихся данными, добываемыми британскими и американскими секретными службами.

Вот одно свидетельство того, что нападение немцев, включая его дату, не могло являться полным сюрпризом для русских. 25 апреля 1941 г. военно-морской атташе Германии в Москве в своей телеграмме, направленной в верховное командование ВМФ через министерство иностранных дел в Берлине, сообщал: "Слухи о неминуемой войне между немцами и русскими ширятся. Британский посол называет дату ее начала - 22 июня".

Из этого следует, что по крайней мере за два месяца до нападения Германии на Советский Союз половина жителей Москвы находилась в курсе планов Гитлера - знала о готовившемся вторжении. А что же Сталин? Может, ему не говорили? Конечно же, говорили. Он прекрасно понимал значение разведки и лично курировал соответствующее ведомство.

В марте 1937 г. в обращении к ЦК Коммунистической партии относительно задач стратегической разведки он высказывался так: "Чтобы выиграть сражение в войне, понадобится несколько корпусов красноармейцев. Но лишить победы на фронте способны несколько шпионов в штабе армии, даже в штабе дивизии, которые могут, визнавав планы операций, передать их противнику".

На XVIII съезде партии в 1939 г. Сталин вновь коснулся данной темы: "Наша армия и разведка пристальным взором следят за врагами уже не внутри нашей страны, а за ее пределами". Можно ли после такого заявления поверить, что в 1941 г. Сталин не придавал значения поступавшим к нему от разведки сведениям о военных приготовлениях Германии к нападению на СССР? Мог ли он не располагать точными данными? В его распоряжении были первоклассные информаторы. От Берлина до Токио, от Парижа до Женевы, коммунистические агенты - часто весьма уважаемые люди вне каких бы то ни было подозрений занимали высокие посты и располагали ценными сведениями.

Величина вклада советских разведчиков выявилась в первые недели войны. Когда солдаты 221-й дивизии прикрытия в Ломзе взломали сейф, брошенный командующим 1-й казачьей армией, то обнаружили там карты всей Германии, где были помечены места дислокации групп армий, немецких армий и дивизий. Точность поражала - поставщики сведений не упустили ничего.

Однако даже это, в сущности, ерунда. Немцам предстояло сделать куда более впечатляющие открытия.

С начала войны служба радиоперехвата на морском курорте Кранц в Восточной Пруссии перехватывала огромное количество шифровок. Попытки взломать сложнейшие коды ни к чему не приводили. Наконец в ноябре 1942 г. немецкие разведчики заполучили ключ. Советский агент Виктор Соколов, кличка Кент, был схвачен в Марселе. Чтобы спасти свою любовницу, Маргариту Барша, он согласился работать на немцев и выдал код.

То, что узнал адмирал Канарис после расшифровки сообщений, превосходило самые мрачные предчувствия. Возьмем, к примеру, радиоперехват от 2 июля 1941 г. Через десять дней после начала войны Александр Радо сообщал из Женевы в Москву: "Рдо. В центр. KNR 34. Истинный план немцев план № 1, цель которого Москва. Действия на флангах - просто обманные маневры. Главный удар - на Центральном фронте. Радо".

Чуть больше чем через три недели, 27 июля, Радо сделал уточнения в связи с вопросами Москвы: "Рдо. В центр. KNR 92. Re RSK 1211. Если в процессе реализации плана № 1 возникнут трудности, будет выполняться план № 2, при этом главные удары будут наноситься на флангах. Об изменении планов мне будет известно в течение двух дней. План № 3, цель которого Кавказ, не станет рассматриваться до ноября. Радо".

Надо ли говорить, что в Берлине были поражены тем, что вражеский агент в Швейцарии обладал столь точной информацией, и сделали все возможное для выявления источников ее поступления - человека, который мог узнать об "изменении планов" главного германского командования "в течение двух дней". Однако правда так и не всплыла. Она не открылась и теперь. Александр Радо продолжал посылать по радиации в Москву информацию и дальше. Совершенно ясно только одно: главным информатором Радо был Рудольф Рёсслер, кличка Люси, коммунист, иммигрировавший в Швейцарию из Баварии. В книге "Советская армия" под редакцией британского военного историка Лидделла Гарта, доктор Раймонд Л. Гартофф,

досконально изучивший все источники, заявляет, что сведения о планах Германии напасть на СССР и даже дату этого события сообщил советским разведчикам анонимный источник в немецком генштабе.

Чего еще не хватало Сталину и Генштабу Красной Армии? Кремлю на блюдечке преподносили все секреты Гитлера. Следовательно, Москва могла превратить операцию "Барбаросса", по сути своей основанную на внезапности, в сокрушительное поражение для Гитлера в течение двадцати четырех часов. Предположим, конечно, что Сталин сделал верные выводы из предоставленных ему сведений. Почему же он ничего не предпринял?

Чтобы дать ответ на этот ключевой в советско-германской войне вопрос, надо выяснить, как же действовала немецкая разведка в Советском Союзе. Что знало немецкое командование о военных тайнах СССР? Для ответа требуется всего два слова - крайне мало. Немецкая разведка пустила в России очень неглубокие корни и ничего не знала о жизненно важных секретах русских, тогда как они знали о Германии все. Они знали о немецком вооружении, о дислокации немецких частей, о местах расположения учебных лагерей и о том, где находятся военные заводы. Русские точно знали, какое количество танков производится в Германии. Они точно представляли себе, сколько у немцев дивизий. Немецкое командование, в отличие от противника, оценивало силы Красной Армии в 200 дивизий. Не прошло и полутора месяцев после начала войны, как немцы сделали открытие - у русских не менее 360 дивизий. Немецкое командование и понятия не имело о наличии у русских тяжелых танков КВ и Т-34 или о страшном реактивном миномете, прозванном на фронте "Сталинским оргбном"1.

Естественно, военная разведка Германии, особенно после 1933 г., пыталась заглянуть за кулисы "советского театра". Однако руководство Советского Союза доверяло гитлеровскому третьему рейху еще меньше, чем Веймарской республике, и, соответственно, задача создания развитой шпионской сети в СССР не имела радужных перспектив. Кроме того, немецкие разведчики, не склонные особенно рисковать, не слишком-то усердствовали в данном направлении. В конце концов, германское Верховное командование не планировало воевать с Россией.

Позднее, когда Гитлер потребовал создания шпионской сети в СССР, оказалось, что сделать это в столь короткие сроки не представляется возможным. Бдительная охрана границ коммунистической империи, усиленная слежка за каждым прибывающим в страну иностранцем сделали решение этой задачи практически нереальным. Даже если разведчику из Финляндии, Турции или Ирака и удавалось обосноваться в России, он сталкивался со значительными трудностями при передаче собранной информации. Коль скоро советским гражданам не позволялось свободно выезжать за границу, о доставке сведений с курьером не могло идти и речи. За передвижением немногих туристов устанавливался строжайший контроль. Оставались лишь радиоприемники и голубиная почта в приграничных районах. И то и другое было сопряжено с колоссальным риском, а потому желающих находилось немного.

Вместе с тем при содействии немецких военных атташе добывать кое-какую ценную информацию все же удавалось. Гудериан опубликовал книгу, называвшуюся "Внимание - танки!", в которой, пользуясь заслуживавшими доверия источниками, приводил данные о количестве советских танков - 10 000 единиц. Однако в германском Верховном командовании генерала подняли на смех. Начальник Главного командования сухопутных войск, генерал-полковник Бек, обвинил Гудериана в преувеличении и даже в нагнетании пораженческих настроений. Притом из осторожности Гудериан вычел несколько тысяч из имевшихся в его распоряжении данных. И, как оказалось, совершенно напрасно, поскольку к началу войны у русских насчитывалось свыше 17 000 танков.

В 1941 г. такое количество представлялось совершенно невероятным. Результаты зимней

кампании, войны с финнами в 1939-1940 гг., стали причиной неверной оценки боеспособности Вооруженных Сил Советского Союза. Тот факт, что маленькая Финляндия смогла так долго и эффективно сопротивляться натиску советских войск, создал ощущение слабости Красной Армии. И по сей день остается немало историков, считающих, что Сталин нарочно вел войну с Финляндией устаревшим вооружением и наиболее неподготовленными войсками, что он пошел на этот гигантский блеф с целью ввести в заблуждение весь мир. И правда, советское верховное командование не применяло ни Т-34, ни тяжелых КВ, хотя строились они буквально рядом - в Колпино, как не вводило в бой реактивных минометов.

Финский маршал Маннергейм в своих воспоминаниях говорит о том, что в 1942 г. Гитлер признался ему, что русское вооружение стало для него огромным сюрпризом. "Если бы кто-нибудь сказал мне до начала войны, что русские смогут бросить в бой 35 000 единиц боевой техники, я счел бы его безумцем. Однако на настоящий момент число это именно таково - 35 000". Чтобы заглянуть за казавшиеся непреодолимыми стены, воздвигнутые вокруг секретов России, германское командование решило использовать методы, нашедшие применение у американцев спустя двадцать лет и ставшие причиной грандиозного политического кризиса, - тайную аэрофотосъемку с больших высот. Идея шпионажа с применением высотных самолетов, таким образом, принадлежала не разведке США. Гитлер успешно применял эту технологию за много лет до американцев. Однако до сих пор эта глава истории не получила заслуживающего освещения. Свидетельства этого мы находим в секретных архивах Америки. Можно не сомневаться, что изучение результатов немецкой аэрофотосъемки и подтолкнуло американцев к эксперименту с U-2. Секретные материалы хранились в папках с кодовой надписью: "Разведывательная эскадра командующего Люфтваффе".

В октябре 1940 г. подполковник Ровель получил совершенно секретное задание лично от самого Гитлера: "Вы создадите части дальней разведки, способные вести аэрофотосъемку территории на западе России. Вы будете действовать на очень большой высоте, чтобы Советы ничего не заметили. Вы должны быть готовы к 15 июня 1941 г."

В пожарном порядке на разных авиастроительных фирмах принялись создавать соответствующие самолеты на базе уже имевшихся машин. Специальные модели отличались наличием у них герметичной кабины, двигателей с турбокомпрессорами для полетов в разреженном воздухе, специальным фотооборудованием с широким углом наведения. Зимой эскадра Ровеля начала свои полеты. Первая эскадрилья действовала с Зеераппена в Восточной Пруссии и вела разведку территории Белоруссии. Пилоты летали на He-111 с предназначенными для больших высот двигателями. Вторая эскадрилья поднималась в небо с аэродрома в Инстербурге и фотографировала объекты на территории прибалтийских государств вплоть до озера Ильмень. Комплектовалась эта летная часть за счет специальной модели формы Дорнье, Do-215-B2. Летный потолок этой машины достигал 9000 м. Над территорией к северу от Черного моря действовала третья эскадрилья, укомплектованная He-111 и Do-215-B2 и взлетающая с аэродрома в Бухаресте. Из Кракова и Будапешта поднимались машины специальной эскадрильи Исследовательского центра высотного воздухоплавания, отрабатывавшие районы между Минском и Киевом. Тут применялись самолеты концерна "Юнкерс", Ju-88В и Ju-86Р великолепные разведчики, способные подниматься на высоту 9900 и 11 700 метров соответственно. В те времена такие высотные характеристики казались просто сенсационными.

Затея воплощалась в жизнь без помех. Русские ничего не замечали. Только у одного самолета произошли неполадки в двигателе, и он приземлился на аэродроме в Минске 20 июня, за два дня до начала войны. Однако прежде чем сдаться, экипаж поджег свою секретную машину. С началом боевых действий о происшествии забыли.

На первой стадии кампании данные аэрофотосъемки эскадры Ровеля являлись едва ли не единственным надежным источником получения разведывательных сведений. Удалось сфотографировать все аэродромы на западе Советского Союза, включая и тщательно замаскированные приграничные базы истребителей. То, что оставалось недоступным человеческому глазу, явственно проявлялось на специальной фотопленке. На передовых летных полях немцы, к своему удивлению, обнаружили большие скопления самолетов; огромное количество бронетехники скрывалось в лесах на севере.

Полученная информация позволила немцам нанести сокрушительный удар по советской оборонительной системе. Целые дни напролет генерал-фельдмаршал Кессельринг и его подчиненные изучали фотографии и обсуждали оперативные планы.

Более всего волновало их одно - время начала вторжения. Выбор пал на утренние часы 22 июня, чтобы свет позволил пехотинцам видеть цели. Именно поэтому решили начать артподготовку в 03.15. Между тем на центральном участке фронта в 03.15. было еще темно, и авиация действовать не могла. Таким образом, русские истребители и бомбардировщики, которые, естественно, поднимутся по тревоге после начала артобстрела, будут иметь в запасе полчаса или сорок минут, прежде чем над их аэродромами появятся немецкие самолеты. Нет нужды говорить, что опытные пилоты могли находить цели в темноте даже двадцать лет назад, но все дело в том, что нельзя было, чтобы авиацию заметили над границей преждевременно. В таком случае пехота лишилась бы эффекта внезапности. Наконец кто-то, генерал Лёрцер, генерал фон Рихтгофен или полковник Мельдерс - кто именно, потом уже никто не вспоминал, - предложил выход из положения. Замысел заключался в том, чтобы бомбардировщики подошли к аэродромам противника в темноте и на очень большой высоте, подобно тому как действовали самолеты дальней разведки.

План получил одобрение. На каждое летное поле с русскими истребителями выделялось по три экипажа немецкой бомбардировочной авиации, обладавшие опытом полетов в ночное время. Идя на большой высоте и над незаселенными районами - лесами и болотами, - эскадрильи скрытно подобралась к целям, появившись над советскими аэродромами с первыми проблесками рассвета - в 03.15 22 июня.

В тот же самое время, что и бомбардировщики, над территорией России появились машины эскадры Ровеля с людьми из разведывательного полка "Бранденбург" на борту. Им предстояло спуститься с парашютами около железно- и автодорожных узлов для проведения диверсий и для работы под прикрытием.

План полностью сработал. Русские истребители стояли на аэродромах, выстроенные рядами. Так, ряд за рядом они были уничтожены. Только в одном случае истребительные эскадрильи пытались подняться в воздух с появлением немецких бомбардировщиков. Но русские опоздали. Бомбы и снаряды обрушились на выруливавшие на взлетную полосу машины, уничтожая не только матчасть, но и самих пилотов. С самого начала основные силы советской истребительной авиации пали жертвой гигантского "авиационного Перл-Харбора". В результате немецкие пикировщики "Штука" и бомбардировщики в первый же день наступления исключили угрозу с воздуха для наступающих наземных частей. Летчики Люфтваффе проникли в глубь территории СССР на 300 километров и уничтожили также и базы бомбардировщиков. Если бы не это, ВВС Советского Союза стали бы опасным противником в процессе проведения первых, определяющих дальнейший ход кампании операций. Любой, кто оспаривает это утверждение, должен ознакомиться с данными о потерях, понесенных Люфтваффе на протяжении четырех первых недель войны. Несмотря на сокрушительный удар в самом начале, в период с 22 июня по 19 июля, Люфтваффе потеряли сбитыми или поврежденными 1284 самолета. Таким образом, война в воздухе на Восточном фронте отнюдь не являлась приятной прогулкой. 22 июня

действовавшие на Восточном фронте три воздушных флота совершили 2272 боевых вылета - 1766 бомбардировочных и 506 истребительных. Семью днями позже боеспособный летный контингент сократился до 960 машин. Тысячную отметку он вновь перевалил не ранее 3 июля.

Совершенно очевидно, что внезапный удар по ВВС Советского Союза имел огромное значение для действий наземных войск. Тут возникает еще один вопрос: как же все это оказалось возможным, если в Москве знали о неизбежном немецком вторжении? Как объяснить тот факт, что на передовой советские наземные войска и военная авиация буквально безмятежно спали, тогда как в тылу были сделаны все приготовления к войне? Подготовка к светомаскировке, например, оказалась настолько тщательной и повсеместной, что по всей Западной России с самого начала войны имелись в большом количестве синие лампочки и другие материалы. Полоски гуммированной бумаги для заклейки оконных стекол, чтобы те не выбило взрывной волной, были даже в очень маленьких деревнях.

Мобилизационная система также исправно функционировала. Перевозки людей и грузов в тылу повсюду осуществлялись на высоком уровне. Перевод промышленности на военные рельсы произошел без сбоев в соответствии с заранее намеченными планами. Уничтожение потенциальных "врагов народа" в приграничных территориях проходило с механической методичностью. В ночь с 13 на 14 июня 1941 г. - то есть за восемь дней до немецкого вторжения советские органы безопасности интернировали из республик Прибалтики несколько тысяч "подозрительных семей". Сотрудники НКВД в течение считанных часов погрузили в железнодорожные вагоны около 11 000 эстонцев, 15 600 латышей и 34 260 литовцев и отправили их напрямик в Сибирь. Все действовало без сбоев. 26 июня корреспондент Ассошиэтед Пресс Генри Д. Кэссиди в своем первом крупном репортаже для американских газет из Москвы описал путешествие на воинском эшелоне с берегов Черного моря в столицу советского государства. Кэссиди говорит: "В результате поездки у меня сложилось впечатление, что они хорошо начинают".

Хорошо начинают! Но почему же тогда так плохо начали передовые части на Центральном фронте? Настолько плохо, что генерал-полковник Гудериан написал в своих мемуарах: "Пристально наблюдая за русскими, я пришел к твердому выводу, что они ничего не знали о наших намерениях". Противник оказался застигнут врасплох по всему фронту наступления танковых групп.

Как это оказалось возможным? Неожиданный, но удовлетворительный ответ мы находим в воспоминаниях маршала Еременко, опубликованных в Москве в 1956 г. За все в ответе один Сталин - таков приговор Еременко.

"И.В.Сталин, как глава государства, считал, что может полагаться на соглашение с Германией, и не обращал должного внимания на признаки, указывавшие на грядущее нападение фашистов на нашу страну. Он считал сведения о неизбежном нападении Германии ложью и провокациями западных держав, которые он подозревал в попытках разрушить связи между Германией и Советским Союзом, чтобы втянуть нас в войну. Поэтому он не распорядился о принятии всех чрезвычайных и решительных мер для обороны границы, опасаясь, что это послужит гитлеровцам предлогом для нападения на нашу страну".

Следовательно, все же именно Сталин, несмотря на настояния Генштаба, отказался санкционировать объявление полной боевой готовности в дислоцированных у границы частях и запретил организацию эффективной обороны на всей территории приграничных районов. Сталин не верил ни Рихарду Зорге, ни Большому шефу - Гильберту, ни даже Малому шефу - Кенту. Он не верил Люси и менее всего склонен был доверять британскому послу.

Возможно ли такое? Это, безусловно, не представляется невозможным. История разведки и дипломатии полна примеров, когда исключительно точные донесения агентов, крайне важные

сведения не встречали веры. Одним таким примером может служить история Илайза Базна, американского слуги британского посла в Анкаре, начиная с 1943 г. получившего доступ к совершенно секретным телеграммам, хранившимся в сейфе посольства, и поставившего ценную информацию разведке Германии. Способ, которым Цицерону - так называл себя слуга сэра Хью Нэчбулл-Хьюгессена - удалось подобраться к секретным документам, был предельно прост. Отправляясь на завтрак, его превосходительство обычно оставлял ключ в своем пиджаке в спальне. Американец шел убирать кабинет посла, отпирает сейф, фотографировал документы и клал ключ обратно в пиджак. Что может быть проще?

Но Адольф Гитлер отказывался верить донесениям Цицерона, считая, что британцы намеренно поставляют ему дезинформацию. Фюрер боялся английской разведки больше, чем черт ладана. Он швырял донесения Цицерона на пол, не желая делать выводы на основании сверхсекретных сведений о планах союзников, которые подносили ему на блюдечке.

Похоже, Сталин питал точно такое же недоверие к своим информаторам, а недоверие его лишь возрастало по мере того, как поступали новые данные, подтверждавшие сведения о предстоящем немецком нападении. Хитроумный тактик, мастер очернять ни в чем не повинных людей, вождь стал жертвой собственной подозрительности. "Капиталистический Запад пытается столкнуть меня с Гитлером", - думал он. Со свойственным многим диктаторам упорством он отказывался верить, что Гитлер может оказаться настолько глупым, чтобы решиться напасть на Россию прежде, чем разгромит Британию. Он считал стягивание немцами войск к границам в Польше блефом. Возможно, на советского диктатора повлияли слухи, намеренно распространяемые немецкой разведкой, что концентрация войск на Востоке осуществлялась с целью ввести в заблуждение англичан, отвлечь их внимание от запланированного вторжения на Британские острова. Кроме того, человека вроде Сталина было крайне непросто убедить, что столь важные тайны, как предстоящее вторжение в Россию, охраняются так плохо, что о них знает уже весь мир.

Это мнение подтверждается крупнейшим авторитетом в области закулисных тайн Кремля и деятельности разведки Красной Армии Дэвидом Дж. Даллином. В книге "Советский шпионаж" он пишет: "В апреле 1941 г. чешский агент по кличке Шквор подтвердил донесение о том, что немцы стягивают войска к советским границам и что предприятиям "Шкоды" в Богемии приказано приостановить выполнение заказов Советского Союза. Измаил Ахмедов свидетельствует, что Сталин написал на полях донесения красными чернилами: "Эта информация - британская провокация. Найдите, от кого она исходит, и накажите виновного".

Во исполнение приказа Сталина майор Ахмедов отправился в Берлин под видом корреспондента ТАСС, чтобы найти виновного. Там Ахмедова и застало начало войны.

Совершенно очевидно, что сообщения о приготовлениях Гитлера к нападению не вписывались в рамки сталинской концепции. Он хотел, чтобы капиталисты и фашисты истощили силы друг друга в войне, предоставив ему возможность поступать так, как он того хотел. Этого он и ждал. Для этого и затеял перевооружение. И еще потому, что не хотел вызвать подозрения Гитлера и подтолкнуть его к преждевременному нападению.

По этой причине, как утверждает Еременко, вождь запретил дополнительную мобилизацию и объявление состояния повышенной боевой готовности в прифронтовых частях. В тылу, однако, Сталин позволил Генштабу поступать как ему угодно. И Генштаб, располагавший той же самой секретной информацией о предстоящем вторжении немецких войск, начал мобилизацию и развертывание войск в тыловых районах, не для наступления, но - летом 1941 г. - для обороны.

Действительно, генерал-фельдмаршал фон Манштейн, когда автор этих строк спросил его о том, какой характер носила дислокация советских войск, оборонительный или наступательный, озвучил мнение, которое ранее уже выразил в своих воспоминаниях: "Учитывая численность

живой силы в западных районах Советского Союза, а также значительное сосредоточение бронетехники как в районе Белостока, так и около Львова, Красная Армия могла бы довольно легко перейти в наступление. С другой стороны, то, как дислоцировались советские войска 22 июня, не говорило о намерении наступать немедленно... Наверное, наиболее точным будет определение характера сосредоточения советских частей как "развертывание на любой случай". 22 июня 1941 г. глубина расположения советских войск была такова, что применять их можно было только в оборонительных операциях. Однако картина могла быстро измениться. В течение очень короткого периода времени Красная Армия имела возможность перегруппироваться для перехода в наступление".

Генерал-полковник Гот, когда автор спрашивал его о том же, повторил заключение, сделанное им в прекрасной книге о ведении танковой войны на северном участке Центрального фронта:

"Стратегическая внезапность была достигнута. Но не стоит упускать из вида тот факт, что на Белостокском выступе русские сосредоточили поразительно много войск, особенно механизированных; их количество там было большим, чем может показаться необходимым для ведения оборонительных действий".

К какому бы мнению кто бы ни склонялся, Сталин, совершенно очевидно, не собирался нападать на Германию в 1941 г. Процесс полного перевооружения Красной Армии, особенно в том, что касается танковых частей, находился на середине. В войска поступали новые танки и самолеты. Очень возможно, что именно по этой причине Сталин старался не провоцировать Гитлера на нежелательные действия.

Подобная позиция Сталина, в свою очередь, только укрепляла Гитлера в его намерении. В самом деле, можно сказать, что эта война и жестокая трагедия, которой она обернулась, стали следствием зловещей игры политического покера, в который играли два крупнейших диктатора двадцатого века.

Беспристрастным свидетельством в поддержку теории политического механизма войны между Германией и Советским Союзом является вывод Лидделла Гарта, наиболее глубокого военного историка Запада. Гарт детально изложил его в своем эссе "Русско-немецкая кампания" в книге "Советская армия". Он уверен, что Сталин намеревался усилить свои позиции в Центральной Европе в ходе войны немцев с западными союзниками и, возможно, в удобный момент добиться больших уступок от оказавшегося в безвыходной ситуации Гитлера.

Лидделл Гарт напоминает, что в 1940 г., когда Гитлер еще воевал во Франции, Сталин воспользовался возможностью для аннексии прибалтийских республик, хотя в соответствии с Германско-Советским договором, одна из них Литва - находилась в сфере влияния Германии. Тогда Гитлер, наверное, впервые осознал, что Сталин может ударить ему в спину.

Вскоре после этого, когда Кремль вручил 24-часовой ультиматум Румынии, вынудив ее сдать Бессарабию, приблизившись таким образом к румынским нефтяным месторождениям, представлявшим жизненно важный интерес для Германии, Гитлер начал нервничать. Он двинул в Румынию войска и обеспечил целостность этого государства.

Сталин увидел в этом недружественный акт. В ведущейся в Красной Армии пропаганде все громче зазвучала антифашистская нота. Когда сведения об этом достигли Гитлера, тот быстро усилил части на восточной границе. Русские отреагировали на это тем, что подтянули дополнительные войска к своим западным рубежам.

Молотова пригласили в Берлин. Но запланированного глобального понимания между двумя диктаторами в отношении раздела мира - Гитлер был готов пожертвовать Советам куски Британской империи - не произошло. Гитлер с его эгоцентричным взглядом на вещи расценил это как свидетельство злонамеренности Сталина. Он усмотрел угрозу войны на два фронта и

продолжил запись такими словами: "Теперь я уверен, что русские не станут ждать, когда я разгромлю Британию". Тремя неделями спустя, 21 декабря 1940 г., фюрер подписал "Директиву № 21 - план Барбаросса". Там содержится одно важное предложение: "Все меры, принимаемые главнокомандующим в силу данного приказа, должны быть недвусмысленным образом представлены как превентивные шаги, которые мы делаем на случай, если Россия переменит к нам свое отношение".

Сталин, со своей стороны, рассматривал сделанное немцами Молотову предложение как признак слабости; он чувствовал преимущество своей позиции и не сомневался, что Гитлер, как и сам он, занимается политическим шантажом. Несмотря ни на какие донесения, он не воспринимал планов Гитлера всерьез или, по крайней мере, не верил, что Гитлер сочтет, что у него уже есть причины для нанесения удара. Вот почему он избегал действий, которые могли дать немцам такой подвод. То, как скрупулезно, как строго - и, как может показаться кому-то, чрезмерно скрупулезно и строго - приходилось сталинскому верховному командованию выполнять желание вождя не давать повода Германии, видно из того факта, что инспектировавшему фортификационные сооружения в районе Бреста в июне 1941 г. генералу Карбышеву было строго-настрого запрещено посещать передовые оборонительные рубежи. Сталин не хотел настраивать на войну военнослужащих приграничных частей и стремился избежать всего, что может походить на военные приготовления в глазах своих собственных солдат или сотрудников разведывательных служб Германии. Потому, несмотря на очевидное стягивание немцами войск, советские части у границы оставались неготовыми к ведению боевых действий. Дальнобойная артиллерия не была выведена на позиции, с которых она могла бы обстреливать дислоцированные по ту сторону границы немецкие резервы - план ведения заградительного огня тяжелой артиллерией отсутствовал. Последствия катастрофической концепции Сталина оказались ужасными. Ярким свидетельством тому могут служить действия советской 4-й танковой дивизии и ее гибель.

Генерал-майор Потатурчев, родившийся в 1898 г., которому, соответственно, летом 1941 г. исполнилось сорок три года, с усами а-ля Сталин, стал первым советским генералом, попавшим в плен к немцам. Потатурчев командовал советской 4-й танковой дивизией в Белостоке, в критической точке, где находилось ядро советской обороны на Центральном фронте. Советское верховное командование держалось о Потатурчеве высокого мнения. Он был членом партии, выходцем из подмосковной крестьянской семьи. Ефрейтором царской армии он перешел на службу в Красную Армию, где поднялся до звания генерала, командира дивизии. Его история достойна рассмотрения.

"В 00.00 22 июня (по московскому времени - то есть в 01.00 по летнему времени в Германии) меня вызвали к командиру 6-го корпуса генерал-майору Хоцкилевичу, - сообщал Потатурчев в своих письменных показаниях, которые давал 30 августа 1941 г. в штабе немецкой 221-й дивизии. - Мне пришлось ждать, поскольку генерала самого вызвали к генерал-майору Голубеву, командующему 10-й армией. В 02.00 (то есть в 03.00 по берлинскому времени) он вернулся и сказал мне: "Россия в состоянии войны с Германией". - "Какие будут приказания?" - спросил я. Он ответил: "Надо ждать".

Поразительная ситуация. То, что война начнется, - очевидно. И командующий советской 10-й армии знает об этом за два часа до ее начала. Но не отдает - вероятно, не может отдать - иного приказа, кроме как: "Ждите!"

Они ждали два часа - до 05.00 по немецкому времени. Наконец от командования 10-й армии пришел первый приказ: "Тревога! Занимайте предусмотренные позиции". Предусмотренные позиции? Что это означало? Означает ли это, что нужно начинать контратаку, к чему так долго готовили танкистов на учениях? Ничего подобного. "Предусмотренные

позиции" для 4-й танковой дивизии находились в огромном лесу к востоку от Белостока. Туда-то дивизия и должна была отправиться, чтобы затаиться и ждать.

"Когда дивизия численностью 10 900 человек стала менять дислокацию, то недосчиталась 500 военнослужащих. Медсанчасть, в которой числилось 150 человек, недосчиталась 125 человек. Тридцать процентов бронетехники находилось в нерабочем состоянии, а из оставшихся семидесяти многое пришлось бросить из-за отсутствия горючего".

Вот так выходило на боевые позиции ключевое в советской обороне соединение, дислоцированное в районе Белостока.

Но не успели два танковых полка и пехотная бригада из дивизии Потатурчева начать движение, как от командира корпуса пришел новый приказ: танковым и пехотным частям надо разделиться. Пехотинцам предстояло защищать переправу через Нарев, а танкистам - сдерживать наступление немецких танковых частей с Гродненского направления.

Приказы говорят о полной растерянности советского командования. Танковую дивизию разрывают на части вместо того, чтобы применять целиком для фронтальной или фланговой контратаки. Потатурчева и его дивизию ждала судьба вполне типичная для советских частей в приграничных районах. Сначала на головы им посыпались бомбы немецких пикировщиков. Судя по всему, танков они потеряли немного, но атака внесла смятение в ряды личного состава. Тем не менее Потатурчев вышел на заданные позиции. Но затем дела стали принимать для комдива скверный оборот. Острие немецкого бронированного клина обошло его, и он оказался отрезанным. Потатурчев попытался вырваться из окружения. Роты пришли в замешательство, рассеялись, и немецкие танковые части уничтожили их по одной. Та же печальная участь ждала и пехотную бригаду.

К 29 июня знаменитая сталинская 4-я танковая дивизия превратилась в ничто. Паролем стало "каждый сам за себя". Солдаты искали спасения в глухих лесах. Парами, тройками, самое большее по двадцать - тридцать человек пехотинцы, артиллеристы и танкисты скрывались в чащах. Несколько уцелевших бронемашин 7-го и 8-го танковых полков, прячась днем, ночью спешило к Беловежской пуце. Бескрайний лес стал их последней надеждой.

30 июня генерал Потатурчев с несколькими офицерами отделились от своих людей. Комдив намеревался пешком добраться до Минска и оттуда пробиться в Смоленск. Потатурчев шел, пока не натер ноги, и, поскольку не хотел, чтобы люди видели генерала, ковляющего по дороге, одетого в покрытую грязью форму, он добыл себе гражданскую одежду.

Однако под Минском он и его спутники попали в руки немцев. Потатурчев назвал свое имя и звание охранявшему пленных офицеру. 3. Цель - Смоленск Беловежская пуца - Мост через Березину - Советский контрудар Крупный сюрприз в виде Т-34 - Ожесточенная схватка за Рогачев и Витебск "Коктейли Молотова" - Через Днепр - Танки Гота перерезают шоссе на Москву Тюрингский пехотный полк штурмует Смоленск - Потсдамские гренандеры против Могилева.

Признания Потатурчева поразили пленивших его немцев: они и понятия не имели об огневой мощи дивизии. Советская 4-я танковая дивизия насчитывала в своем составе 355 танков - включая 21 Т-34 и 10 огромных 68-тонных КВ с 152-мм орудиями - и 30 бронемашин разведки. Артиллерийский полк имел на вооружении 24 ствола калибра 122-мм и 152-мм. Мостостроительный батальон располагал количеством понтонов, достаточным для наведения 60-метрового моста, способного выдержать 60-тонные танки.

Ни одна немецкая танковая дивизия на Востоке летом 1941 г. не располагала столь же внушительным вооружением. Во всей танковой группе Гудериана, состоявшей из пяти танковых и трех с половиной моторизованных дивизий, насчитывалось всего 850 танков. Но с другой стороны, ни одной из немецких танковых дивизий не руководили столь скверно и ни одной из

них не пожертвовали так же безжалостно, как 4-й дивизией Потатурчева. С оставшимися от дивизии частями немцам пришлось вести ожесточенные бои в Беловежской пушце. "Проклятая Беловежская чаща!" - ворчали солдаты. Вся Германия узнала о страшном заповедном лесу, последнем оставшемся в Европе. Баварцы и австрийцы, бойцы из Гессена, Рейнской области, Тюрингии и Померании сражались в зеленом аду.

Беловежская пушца представляла собой ловушку. Это был настоящий укрепрайон в тылу и на фланге у немцев. У тех, кто побывал там, навсегда остались в памяти села Старый Березов и - еще даже в большей степени Мохната.

Казачий эскадрон галопом шел по открытой местности, отчаянно стремясь к лесу, чтобы найти там укрытие. Конники растоптали аванпосты 508-го пехотного полка. Стук копыт, сабли блистают на солнце.

– Ура! Ура! - Казаки оказались почти в ста метрах от деревни, и тут 2-я батарея 292-го артиллерийского полка смела их огнем прямой наводкой.

78-я пехотная дивизия из Вюртемберга - та самая, которая позднее стала именоваться 78-й штурмовой дивизией, - получила приказ отправиться в Беловежскую пушцу, прочесать лес и выкурить русских к позициям, занятым 17-й пехотной дивизией на северной окраине огромного леса.

Русские показали себя непревзойденными мастерами войны в лесу. В отличие от них, немцы в ту пору еще не наработали опыта ведения боевых действий в непролазных, лишенных человеческого жилья, заболоченных лесах Восточной Польши и Западной России. В Германии немцам не очень-то позволяли вести учения в лесах - Лесной комитет очень ревностно относился к подведомственным ему борам и рощам. Действовать там приходилось осторожно. Что же до заповедных лесов, то в них Вермахту вообще практиковаться не приходилось. В то же время русские уделяли большое внимание операциям в лесу. Русская пехота не занимала позиции перед лесом или на опушке, но всегда в чаще, желательно за заболоченными участками. В тылу своих позиций они держали тактический резерв. В лесных сражениях красноармейцы предпочитали ближний бой, вести который они умели лучше всего.

Особенностью русской обороны являлись огневые точки - окопчики, неразличимые с фронта и предназначенные для стрельбы в спину противнику.

В то время как немецкая пехота очищала себе огневые коридоры - если приходилось, то вырубала деревья, что, конечно, облегчало проблему обнаружения их с воздуха, - русские действовали как американские краснокожие. Они вырубали подлесок на высоту в половину человеческого роста (до пояса), создавая огневые туннели, ведущие как вперед, так и в стороны. Так они обеспечивали себе прикрытие и поле обстрела. Немецким дивизиям пришлось заплатить дорогую цену, прежде чем они освоили тактику ведения боевых действий в лесу. Многие из этих дорогостоящих уроков они получили в Беловежской пушце. 29 июня 78-я пехотная дивизия выступила маршевыми колоннами: 215-й пехотный полк справа, 195-й пехотный полк слева и 238-й пехотный полк сзади, эшелонами. Боестолкновение произошло около деревни Попелево. Здесь остатки рассеянной 4-й танковой дивизии генерала Потатурчева, части еще трех дивизий, бригад и артиллерийских подразделений были переформированы в новый полк, которым блестяще командовал полковник Яшин. Противники сходились в рукопашной с ручными гранатами, пистолетами и винтовками с примкнутыми штыками - люди вцеплялись друг другу в глотки. Артиллерия действовать не могла, поскольку непонятно было, где свои, где чужие. Применялись только минометы.

Во второй половине дня 29 июня началась резня. 3-му батальону 215-го пехотного полка удалось сковать русских боем на фланге и в тылу. Началась паника. Красноармейцы обратились в бегство. Полковник Яшин остался лежать мертвым возле опорного пункта - завала из стволов

деревьев. В Попелеве вновь наступила тишина.

На следующий день дивизия действовала более рационально. Перед тем как пустить в лес пехоту, артиллеристы отрабатывали участок.

– Пехота входит повзводно!

Белая ракета означала: здесь свои. Красная говорила: противник атакует. Зеленая: артиллерийский огонь нужно перенести вперед. Синяя: вражеские танки. Да, танки - даже в лесу русские умудрялись применять бронетехнику - рассредоточенно для поддержки пехоты.

К вечеру 78-я пехотная дивизия наконец прошла через проклятую Беловежскую пущу. Русские потеряли 600 человек убитыми. Полкам досталось 1140 пленных. Около 3000 красноармейцев немцы гнали на позиции 17-й пехотной дивизии. За два дня боев в Беловежской пуще 78-я пехотная дивизия потеряла 114 человек убитыми и 125 ранеными. Штаб 197-й пехотной дивизии находился в средневековом польском замке Белая Вежа. Полки и батальоны получили задание очистить заповедный лес от последних остатков частей противника, которые обосновались в разных местах и представляли собой постоянную опасность для немецкого тыла.

Пехотный полк "Великая Германия" из состава 29-й моторизованной дивизии, которая блокировала русских, запертых в котле в районе Слонима, 29 июня оказался вынужден вести ожесточенный бой с противником, пытавшимся вырваться из западни. Пехотные дивизии 4-й и 9-й армий, которым предстояло добить окруженных русских, еще не подошли. Конечно, они спешили к цели, шли укоренным маршем, глотая пыль и обливаясь потом. Но пока они находились в пути, держать котел закрытым приходилось 29-й и 18-й мотопехотным дивизиям Гота, а также 19-й танковой дивизии. Эти части с нетерпением ждали, когда их освободят от обязанностей "тюремной охраны". Они горели желанием продолжать наступление, двигаться на восток к крупному стратегическому объекту - Смоленску.

– Мы должны выкорчевать под корень русские части, которые постоянно атакуют, пытаюсь прорваться. Мы должны выкурить их из нор в лесной чаще, говорил подполковник Франц, начальник оперативного отделения 29-й моторизованной дивизии, своему командиру, генерал-майору фон Больтенштерну. Тот соглашался.

– Полковник Томас к командиру! - отрапортовал командир тюрингского 71-го пехотного полка о прибытии в штаб. Офицеры изучили карты, наметили планы. И вот боевая группа под началом Томаса - части 10-й танковой дивизии, истребительно-противотанковые подразделения, два батальона 71-го пехотного полка, две артиллерийских батареи и саперы - выступила в лесистый район Зельвянки. Они продвигались двумя клиньями. С ними находился и сам командир дивизии. Только тут немцы узнали, с какими силами им придется иметь дело - под Зельвянкой сосредоточились значительные по численности части советской 4-й армии, пытавшиеся вырваться из котла в восточном направлении и выйти к Березине. Здесь, как они надеялись, им удастся закрепиться на новых оборонительных позициях, на так называемой линии Еременко, о которой они знали из радиосообщений.

Численно немцы значительно уступали противнику. Русские сражались отчаянно, в бой их вели решительные офицеры и комиссары, не поддавшиеся панике после первых сокрушительных ударов наступающих. Они смогли прорваться, отрезать боевую группу Томаса, двинуть свои танки в тыл 1-му батальону 15-го пехотного полка и попытались отбить железнодорожный мост через Зельву.

Офицеры штаба дивизии сидели в пехотных окопах с карабинами и автоматами. Подполковник Франц руководил действиями расчетов противотанковых орудий на наскоро созданном противотанковом рубеже. Русских удалось остановить. И вот наконец подтянулись так давно ожидаемые немцами пехотные дивизии. 29-я моторизованная дивизия получила теперь возможность выдвинуться к северу, чтобы выполнять новые и очень важные задания.

Спустя полмесяца номер дивизии будет у всех на устах. Река Березина, правый приток Днепра, занимает видное место в истории России. Здесь в ноябре 1812 г. отступавшая от Москвы Великая армия Наполеона понесла такие сокрушительные потери, что фактически прекратила свое существование. Нет сомнений, что Еременко помнил об этом историческом событии, когда вечером 29 июня 1941 г., приняв командование Западным фронтом в районе Минска, отдавал первый свой приказ. Там говорилось: "Переправу через Березину необходимо удержать любой ценой. Немцы должны быть остановлены на этой реке".

Когда Еременко подписывал этот документ, он еще не осознавал всех масштабов катастрофы, постигшей советские войска на Центральном фронте. Он считал дивизии, которых на самом деле уже не существовало. Он полагался на оборонительные рубежи, которые были оставлены. Он собирался останавливать немцев на Березине, когда Гудериан уже отдавал своим танковым дивизиям приказ о переходе Днепра. Еременко полагался на части, личный состав которых в тот момент отправлялся в лагеря военнопленных, как военнослужащие 4-й танковой дивизии генерала Потатурчева.

О том, как планы Еременко обратились в прах, автору рассказал генерал Неринг, командовавший 18-й танковой дивизией. "Вечером 29 июня, вспоминает Неринг, - острие наступления 18-й танковой дивизии достигло Минска. Часть танковой группы Гота - 20-я танковая дивизия - овладела городом 28 июня. 18-я танковая дивизия получила приказ, проследовав мимо Минска южнее, продолжать наступление по шоссе на Борисов на Березине и создать там береговой плацдарм. В тот момент этот план представлялся самым настоящим самоубийством, но в действительности он таковым не оказался. Вместе с тем знать это наперед было едва ли возможно. Дивизия, полагаясь только на саму себя, совершила бросок на стокилометровую глубину по занятой врагом территории".

Неринг выступил ранним утром 30 июня. К радости командиров танков, под гусеницы стелилась прекрасная дорога. Но вот дивизия столкнулась с сопротивлением русских, закрепившихся на сильных позициях. Противник сражался отчаянно. Совершенно очевидно, они осознавали, что приказ Еременко означал: выстоять или умереть. Ему требовалось время, чтобы создать новую линию обороны. Можно ли было выиграть гонку, призом в которой служило время? Неринг намеревался переиграть Еременко. В то время как основные силы дивизии вели бои с русскими, командир сформировал ударную группу под началом майора Тееге - 2-й батальон 18-го танкового полка и с ними на броне танков солдаты мотоциклетного батальона того же полка и разведка, а также артиллерийский дивизион майора Тайхерта.

К полудню 1 июля Тееге достиг Борисова. Застигнутые врасплох русские тем не менее оказывали яростное сопротивление. Это были курсанты и старшины Борисовского танкового училища - штурмовые части. Они осознавали значение моста через Березину и самоотверженно обороняли его; странно при этом, что они его не взорвали. Атакующие понесли серьезные потери. Еременко бросил в бой все силы, которые мог высвободить в районе Борисова. Но тут прибыли главные силы немецкой дивизии. Вскоре после полудня два батальона 52-го стрелкового полка при поддержке танков устремились на штурм русского плацдарма на западном берегу реки. 10-я рота пробила брешь в советской обороне. 1-й взвод унтер-офицера Букачека достиг моста и уничтожил две пулеметных точки на эстакаде. Раненный в плечо, Букачек и его люди пробежали по мосту и захватили команду подрывников прежде, чем советский лейтенант смог повернуть рукоять взрывного устройства.

Танки Тееге и мотоциклисты вместе с зенитчиками Лаубе переправились через Березину. 88-мм пушки 1 второй батареи отразили все попытки русских уничтожить мост. На следующее утро с первыми лучами рассвета на дороге появились советские штурмовые батальоны, двигавшиеся со стороны Борисова, чтобы уничтожить переправу. Батарея 88-мм зенитных

орудий лейтенанта Дёлля смела колонну и, ценой больших потерь от пуль снайперов, удерживала важный пункт под натиском пехоты и танков. Судьбоносная еще со времен кампании Наполеона в России река оказалась в руках немцев. Далее дорога лежала к Днепру. В восьмидесяти километрах южнее 3-я танковая дивизия генерала Моделя переправилась через Березину в Бобруйске, а еще южнее 4-я танковая дивизия из корпуса генерала фрайгерра Гейра фон Швейппенбурга, тоже уже форсировав эту реку, наступала на Могилев. Еременко проиграл раунд на Березине. Это было 2 июля 1941 г., как раз тогда, когда Александр Радо радировал из Женева в Кремль: "Цель наступления немцев - Москва".

На следующий день маршал Тимошенко лично принял командование Западным фронтом, а Еременко сделался его заместителем.

В ночь со 2 на 3 июля немцы, однако, форсировали Березину также и между двумя ключевыми пунктами - Борисовом и Бобруйском. Части 69-го и 86-го егерских полков 10-й танковой дивизии перед самым рассветом создали плацдарм в Березино и продолжили удерживать его, несмотря на то что оставшийся у них за спиной деревянный мост горел.

В тот же день, 3 июля 1941 г. - на двенадцатые сутки начала кампании на Востоке, - генерал-полковник Гальдер, начальник германского генштаба, написал в дневнике:

"В общем и целом, войска противника на Белостокском выступе, не считая весьма незначительных остатков, можно уже списывать со счетов. По фронту группы армий "Север" от 12 до 15 вражеских дивизий можно также считать полностью стертymi с лица земли. По фронту группы армий "Юг" враг тоже серьезно потрепан и по большей части уничтожен. Вообще говоря, можно заключить, что задача по разгрому советских армий перед Западной Двиной и Днепром выполнена. Наверное, не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение двух недель с ее начала. Естественно, это не означает ее завершения. Из-за огромных размеров страны и упорного сопротивления, с которым мы сталкиваемся повсеместно, нашим войскам не придется отдыхать еще много-много недель".

Надо заметить, что слова эти принадлежали не Гитлеру, а холодному и расчетливому высокопоставленному военному, начальнику Генерального штаба сухопутных войск Гальдеру. На него тоже произвели глубокое впечатление стремительный прорыв немцев и катастрофические потери Красной Армии. Для офицера, мыслящего категориями Центральной Европы, все происходившее означало неминуемый конец вражеских войск.

И если уж говорить честно, то, что написал командующий группой армий "Центр" генерал-фельдмаршал фон Бок в повестке дня 8 июля, вполне подтверждало это мнение:

"Двойное сражение за Белосток и Минск завершено. Группа армий вела бои с четырьмя русскими армиями, численностью около 32 пехотных дивизий, 8 танковых дивизий, 6 моторизованных, или механизированных, бригад и 3 кавалерийских дивизий. Из них 22 пехотные дивизии, 7 танковых дивизий, 6 моторизованных, или механизированных, бригад и 3 кавалерийских дивизии были разгромлены.

Существенно сократилась боевая мощь даже тех соединений, которым удалось избежать окружения. Потери противника чрезвычайно высоки. По состоянию на вчерашний день имеются следующие данные.

Взято в плен 287 704 военнослужащих, включая несколько командиров дивизий и корпусов; уничтожено или захвачено 2585 танков, включая и несколько сверхтяжелых; взято в качестве трофеев 1449 артиллерийских орудий и 242 самолета. Сюда еще нужно прибавить большое количество стрелкового оружия, боеприпасов и всевозможной техники, а также большие запасы продовольствия и топлива. Необходимо воспользоваться результатами этой победы".

Как же можно было ими не воспользоваться? Но Сталину и его маршалам ситуация виделась в ином свете. Для них потеря 300 000 человек не являлась непоправимой катастрофой.

Россия была в 46 раз больше, чем германский рейх в границах 1938 г. Население Советского Союза составляло 190 000 000 человек¹. Страна могла мобилизовать 16 000 000 человек призывного возраста. За Уралом находились огромные производственные мощности. Принимая во внимание ограничение во времени, даже при потере части западных территорий, Россия могла поставить под ружье десять миллионов солдат.

Время - вот за что билось командование Красной Армии в июле 1941 г. "Выиграть время! Остановить бросок немецких танков на восток! Любой ценой создать рубеж обороны!" Вот в чем заключалась суть приказа, отданного маршалом Тимошенко своему заместителю Еременко.

Тимошенко прекрасно понимал, что если немцев, которые уже форсировали Березину, не сдержать на Днепре и в низовьях Западной Двины, они устремятся из Борисова и Витебска к Смоленску. Когда падет Смоленск, Москва окажется в 370 километрах от линии фронта. Если же будет потеряна Москва, тогда Советский Союз лишится своего политического, духовного и экономического сердца. Смогут ли оставшиеся части страны продолжать существование? Будут ли они продолжать оставаться единым целым? Станет ли население удаленных провинций подчиняться центральному правительству? Может быть. А может быть, и нет. Ясно, что на подступах к Москве решалась судьба Советского Союза победа или поражение, жизнь или смерть. Сталин прекрасно понимал это и действовал соответственно.

Как же вытянулись лица удивленных офицеров штаба 18-й танковой дивизии на Борисовском плацдарме, когда 3 июля от воздушной разведки поступило сообщение:

– Сильные танковые колонны противника, в том числе 100 тяжелых танков, наступают по обеим сторонам дороги Борисов-Орша-Смоленск в районе Орши. Среди них тяжелые и прежде не встречавшиеся машины.

– Откуда они взялись? - с удивлением спросил генерал Неринг. - У русских что, по девять жизней?

Это была ударная часть, гордость советского верховного командования, 1-я Московская мотострелковая дивизия генерал-майора Я. Г. Крейзера, которую Еременко бросил в бой против наступающих соединений Гудериана.

Донесение воздушной разведки оказалось весьма точным. В своих воспоминаниях Еременко пишет: "В распоряжении дивизии имелось около 100 танков, включая некоторое количество Т-34, прежде на Центральном фронте не применявшихся".

Т-34! Теперь наступил через немцев на Центральном фронте познакомиться с чудо-оружием, впервые дебютировавшим на южном участке в первые сорок восемь часов после начала войны, где оно наводило страх и ужас повсюду, где появлялось.

В десяти километрах от Борисова, около деревни Липки, танковые колонны Неринга и Крейзера вошли в боевое соприкосновение. 18-я танковая дивизия из Хемница сошлась в яростном бою с солдатами, защищавшими центр марксистской революции.

Когда советские колонны только показались, сердца танкистов и артиллеристов тревожно забились при виде Т-34. Но попятая за ним, на дистанции 100 м шел еще больший монстр - 52-тонный КВ-2. Двигавшиеся между мощными машинами легкие Т-26 и БТ1 скоро стали загораться один за другим от снарядов Т-III. Однако 50-мм пушки немецких танков не причиняли никакого вреда двум бронированным гигантам. Первый Т-III вспыхнул в результате прямого попадания. Остальные немецкие танки обратились в бегство. Два советских чудовища продолжали наступать.

Три немецких Т-IV, прозванных "обрубками" из-за своих короткоствольных 75-мм пушек вышли вперед. Однако самый тяжелый из имевшихся в распоряжении Вермахта танков весил все же на три тонны меньше, чем Т-34, и дальность огня его была заметно меньше. Так или иначе, командиры немецких танков скоро поняли, что экипаж Т-34 действует неуверенно и очень

медленно стреляет. Немецкие машины умело маневрировали, уходя из зоны обстрела, и в конечном итоге смогли остановить противника, поразив его в гусеницы. Экипаж покинул танк и бросился в бегство, но угодил под огонь пулеметов одного из Т-Ш.

Тем временем огромный 52-тонный КВ-2 с 152-мм гаубицей все еще вел артиллерийскую дуэль с Т-Ш. Немецкие снаряды входили в броню русского танка не далее ведущих поясков и не причиняли КВ никакого вреда, но тут русские внезапно покинули танк - вероятно, из-за неполадок в двигателе.

Вышеприведенный случай демонстрирует радикальную ошибку русских. Они применяли Т-34 и тяжелые КВ не целыми формированиями, а пуская их поодиночке вместе с легкими и средними танками и для поддержки пехоты. Это была устаревшая тактика. В результате гораздо более современные и мощные советские танки уничтожались по одному танковыми ротами немцев, несмотря на страх последних перед мощью КВ и Т-34. В итоге контратака генерала Крейзера у села Липки захлебнулась.

С открытыми ртами танкисты Неринга изучали советские бронированные гиганты. Сам генерал, задумчиво стоя перед КВ, считал следы попаданий, оставленные на броне чудовища немецкими снарядами, - 11, и никакого толка.

Генерал-полковник Гудериан тоже повидал свой первый Т-34 у Московского шоссе к западу от Борисова. Три этих машины застряли в трясине и достались немцам неповрежденными. Гудериан пришел в восхищение от достижений конструкторской мысли, а особенно поразила его мощная пушка.

1-я Московская механизированная дивизия всеми силами продолжала сдерживать натиск немецкой 18-й танковой дивизии. Т-34 и КВ продолжали оставаться самым грозным ее оружием. На долю немецких пехотинцев на Востоке выпало первое серьезное испытание. Такой вывод можно сделать из боевого журнала 101-го стрелкового полка. Там содержится запись о схватке, которую вел с противником 2-й батальон:

5 июля. Русские танки атаковали на краю Толочино. Одна из машин застряла в лесу, и люди из взвода унтер-офицера Пиндайсена с солдатами 6-й и 7-й рот прикончили ее оружием ближнего боя. Перед нашими позициями на шоссе появились десять Т-26. Командир истребительно-противотанкового взвода лейтенант Изенбек приказал поставить на дорогу 50-мм противотанковую пушку. Русские танки наступали в рассредоточенных порядках. Изенбек, опустившись на колени, выпускал по ним снаряд за снарядом. Вспыхнул головной Т-26. Второй съехал в кювет. Третий с разбитой гусеницей замер на обочине. Один за другим были подбиты еще пять танков. Девятый остановили, угодив под башню, всего в 30 м, и теперь он полыхал как огромный факел. Десятый успел развернуться и, выполняя зигзагообразный маневр, покати́л назад.

7 июля. Русские танки вновь атаковали. Снаряд попал в головное орудие лейтенанта Изенбека. Расчет частью погиб, частью получил ранения. 52-тонный танк катком прокатился по нашим противотанковым заграждениям, но сам собой остановился. Однако и после этого он продолжал бить по позициям роты из своего орудия.

Лейтенант Кройтер, возглавлявший штаб роты 101-го стрелкового полка, подобрался к колоссу с дюжиной своих людей под прикрытием пулемета, стрелявшего специальными противотанковыми пулями с твердыми сердечниками. Однако пули эти отскакивали от брони КВ как горох.

Унтер-офицер Вебер поднялся и побежал вперед. Обер-ефрейтор Кюне последовал за ним, невзирая на пулеметный огонь русских танкистов. Пули вздымали фонтанчики земли и пыли. Однако Вебер и Кюне сумели достигнуть мертвой зоны, где стали неуязвимы для русских пуль. Чтобы увеличить мощность заряда, они связали вместе несколько гранат. Первым свою связку

швырнул Вебер, затем Кюне. Они упали на землю. Вспышка, грохот взрыва, дождь осколков. На предплечье Кюне зазияла кровавая рана. Но шариковая опора башни КВ была повреждена, и танк больше не мог осуществлять горизонтальную наводку орудия.

Подобно охотникам, готовым напасть на доисторическое животное, лежали на земле солдаты Кройтера с автоматами и пулеметами в руках. Лейтенант запрыгнул на броню и поднырнул под могучий ствол орудия.

– Гранату! - крикнул он. Рядовой Йедерманн кинул ему гранату. Тот поймал ее, выдернул кольцо и швырнул в короткое дуло гаубицы, затем спрыгнул и покатился по земле. Он едва успел. Грохнул взрыв, затем второй это сдетонировал снаряд в казеннике. По всей видимости, его разнесло на куски, поскольку даже люк распахнулся. Обер-ефрейтор Кляйн верно оценил радиус поражения взрыва в 7,5 м. Массивную башню сорвало с погона и отбросило на 4,5 м. Гигант полыхал факелом в течение нескольких часов. Он все еще курился, когда уже в сумерках командир батальона капитан Пеппер посетил позиции роты вместе с лейтенантом Крауссом.

– Ну и драндулет! - проговорил Пеппер. - Вы только посмотрите...

Он не закончил. Русский автомат дал две очереди. Пеппер и Краусс бросились в укрытие. На сей раз им повезло. Но на следующий день русский снайпер, устроившийся в кроне дерева, снял обоих, когда они направлялись в штаб полка. Пеппер погиб мгновенно, а сопровождавший его лейтенант Краусс умер в госпитале несколько часов спустя. Снайпер, засевший на дереве, легкораненый красноармеец пережил капитана на четверть часа. Сдаться он не пожелал".

Вот что поведал боевой журнал 101-го стрелкового полка.

В тот же день, 8 июля 1941 г., 17-я танковая дивизия тоже повстречалась со своим первым Т-34 севернее, в районе Сенно, на историческом отрезке суши между Западной Двиной и Днепром. Еременко подтянул свежие части советской 20-й армии и выдвинул их на стратегически важный участок между Оршей и Витебском, чтобы блокировать также и с этой стороны дорогу на Смоленск, которой пытались овладеть танковые дивизии Гота и Гудериана.

С рассветом в действие вступил передовой полк 17-й танковой дивизии. Он прошел через высокие всходы зерновой пшеницы, через картофельные поля и поросшие кустарником пустоши. Незадолго до 11.00 взвод лейтенанта фон Циглера вошел в боевое соприкосновение с противником. Подпустив немцев поближе, русские открыли огонь с хорошо замаскированных позиций. После первых выстрелов три батальона 39-го танкового полка развернулись веером на широком фронте. Противотанковая артиллерия поспешила на фланги. Начался танковый бой, занявший заметное место в военной истории, - битва за Сенно. Ожесточенное сражение полыхало с 11.00 и до наступления темноты. Русские действовали весьма искусно и старались зайти немцам во фланг или в тыл. В небе пылало жаркое солнце. На обширном поле битвы то там, то тут полыхали танки, немецкие и русские.

В 17.00 немецкие танкисты получили по радиации сигнал:

– Беречь боеприпасы.

В этот момент радист Вестфаль услышал в своем танке голос командира:

– Тяжелый танк противника! Башня - на десять часов. Бронбойным. Огонь!

– Прямое попадание, - отрапортовал унтер-офицер Зарге. Но русский монстр, похоже, и не заметил снаряда. Он просто шел вперед. Два, три, потом четыре танка из 9-й роты били по советской машине с расстояния 800-1000 м. Никакого толка. И вдруг он остановился. Башня повернулась. Вспыхнуло яркое пламя выстрела. Фонтан грязи взметнулся в 40 м перед танком унтер-офицера Горнбогена из 7-й роты. Горнбоген поспешил уйти с линии огня. Русский танк продолжал продвигаться по проселку. Там стояла 37-мм противотанковая пушка.

– Огонь! - Но гиганта, казалось, ничто не волновало. К его широким гусеницам прилипла трава и солома раздавленных колосьев. Водитель шел на последней передаче - непростая задача,

учитывая размеры машины. Едва ли не у каждого водителя под рукой лежала кувалда, которой он бил по рычагу переключения скоростей, если начинала барахлить коробка. Пример советского подхода. Так или иначе, танки их, даже тяжелые, бегали резво. Этот вот пер прямо на противотанковую пушку. Артиллеристы падали как черти. Осталось двадцать метров. Потом десять, потом уже пять.

И вот уже махина наехала прямо на них. Бойцы расчета прыснули в стороны с криками. Огромное чудовище раздавило орудие и как ни в чем не бывало покатило дальше. Затем танк взял немного вправо и направился к позициям полевой артиллерии в тылу. Путешествие свое он завершил в пятнадцати километрах от передовой, когда застрял на заболоченном лужке, где его и прикончило 100-мм длинноствольное орудие дивизионной артиллерии.

Уже темнело, а сражение все продолжалось. Подбитые танки пылали в полях зловещими кострами. Взрывались боеприпасы, взлетали в небо баки с горючим. Санитары опрометью метались то туда, то сюда, подбирая стонущих раненых и накрывая одеялами или брезентом убитых. Экипаж танка № 925 не без труда вытащил из разгорающейся машины грузного командира - унтер-офицера Зарге. Он был мертв, как и многие из тех, кто 17 дней назад стояли на поляне в лесу около Пратулина, слушая приказ фюрера. Многие получили ранения. Поле осталось за 17-й танковой дивизией, а тот, за кем остается поле, и есть победитель.

Существуют две причины того, почему Т-34 не стали оружием, решившим бои лета 1941 г. Первая - неверная тактика танкового боя у русских, практика распыления Т-34, применения их вместе с более легкими машинами или в качестве поддержки пехоты, вместо того чтобы, подобно немцам, наносить удары мощными бронированными кулаками, прорывать фронт противника и сеять хаос у него в тылу. Русские не усвоили основополагающего правила танковой войны, сформулированного Гудерианом в одной фразе: "Не распыляться собирать все силы воедино".

Вторая ошибка заключалась в технике ведения боя советских танкистов. У Т-34 имелось одно очень уязвимое место. В экипаже из четырех человек водитель, стрелок, заряжающий и радист - не хватало пятого члена, командира. В Т-34 командир выполнял функции наводчика. Совмещение двух задач - обслуживание орудия и контроль за происходящим на поле боя - не способствовало ведению быстрого и результативного огня. Пока Т-34 выпускал один снаряд, немецкий Т-IV расходовал три. Таким образом, в бою это служило немцам компенсацией дальнбойности пушек Т-34 и, несмотря на прочную наклонную 45-мм броню, танкисты Панцерваффе поражали русские машины в траки гусениц и другие "слабые места". Кроме того, в каждой советской танковой части имелся только один радиопередатчик - в танке командира роты. В результате русские танковые подразделения оказывались менее мобильными, чем немецкие.

Тем не менее Т-34 оставались грозным и внушавшим уважение вооружением на протяжении всей войны. Трудно даже представить, какие последствия могло повлечь за собой массированное применение Т-34 в первые недели войны. Какое впечатление производила тактика применения немцами своих танковых частей на советскую пехоту, честно и вполне исчерпывающе описал противник Гудериана, генерал Еременко. В своих мемуарах он говорит: "Немцы атаковали крупными танковыми формированиями, часто танки несли на броне пехотинцев. Наша пехота была не готова к этому. С криками "Танки противника!" наши роты, батальоны и даже целые полки начинали метаться туда-сюда, ища убежища позади позиций противотанковых или полевых орудий, ломая боевые порядки и скапливаясь около огневых позиций противотанковой артиллерии. Части теряли способность маневрировать, боеготовность их падала, а оперативный контроль, связь и взаимодействие становились совершенно невозможными".

Еременко ясно осознавал, в чем превосходство немецких танковых войск над советскими. И он сделал правильный вывод. Еременко издал строгий приказ - связывать боем танки противника: вести по ним сосредоточенный артиллерийский огонь, атаковать с воздуха бомбами, обстреливать из авиационных пушек и, сверх всего, применять ручные гранаты и новое средство ближнего боя, получившее у немцев, а потом и во всем мире название "коктейль Молотова". У этого оружия, которое до сих пор пользуется успехом у разного рода повстанцев и мятежников, интересная история.

Случайно Еременко узнал, что в Гомеле находился склад с легковоспламеняющейся жидкостью, называвшейся КС, - смесь бензина и фосфора, с которой Красная Армия экспериментировала перед войной, вероятно, с целью получить возможность быстро поджигать вражеские склады и военные объекты. Как всегда находчивый, Еременко приказал доставить на свой участок фронта 10 000 бутылок с этой жидкостью и передать их в боевые части для применения против вражеских танков. "Коктейль Молотова" не был чудо-оружием - оно появилось в результате импровизации как следствие отчаяния. Однако очень часто оно оказывалось весьма эффективным. Жидкость воспламенялась, едва вступив в контакт с воздухом. Вторая бутылка с простым бензином усиливала эффект. Когда под рукой имелся только бензин, перед тем как бросить бутылку в цель, поджигали шнур - импровизированный взрыватель. Если бутылка попадала удачно, в верхнюю часть башни, жидкость стекала в боевое отделение или в моторный отсек, от чего воспламенялось масло или топливо. Загорались железные громады танков на удивление легко, потому что металл часто покрывал горючий налет нефтепродуктов.

Нет нужды говорить, что танковые армии нельзя остановить бутылками с бензином, особенно немецкие танки, сила которых всегда заключалась в тесном взаимодействии с пехотой, пресекавшей попытки противника уничтожить бронетехнику в ближнем бою. Для того чтобы русские могли остановить немцев, помешать им наступать через Смоленск на Москву, командованию Красной Армии требовалось большое количество живой силы и очень много артиллерии.

Поэтому советское Верховное Главнокомандование перебросило части своей 19-й армии из Южной России в район Витебска. Выпрыгивая из кузовов грузовиков, полки красноармейцев шли прямо в бой с 7-й и 12-й танковыми дивизиями Гота. Еременко понимал, что просто медленно приносит в жертву значительную часть шести пехотных дивизий и моторизованного корпуса. Но что еще ему оставалось? Он надеялся, что так сможет по крайней мере задержать продвижение головных колонн немецкого наступления. Время - он очень остро нуждался во времени.

Но надежды Еременко не сбылись. Разведка 7-й танковой дивизии захватила советского офицера из части ПВО. При нем нашли приказ от 8 июля, из которого становились очевидными планы Еременко выгрузить дивизии 19-й армии к северу от Витебска и задействовать на узком участке земли между двумя реками. Генерал-полковник Гот принял немедленные контрмеры. Он приказал генерал-лейтенанту Штумпфу из 20-й танковой дивизии, которая 7 июля перешла на северный берег Западной Двины в районе Уллы, 9 июля наступать вдоль реки на Витебск. Тем временем 7-я и 12-я танковые дивизии теснили силы Еременко на перешейке к югу от Западной Двины. Танки Штумпфа вместе с быстро подтянувшейся 20-й моторизованной пехотной дивизией генерал-майора Цорна ударили в тыл высаживавшимся русским, посеяв хаос и панику среди красноармейцев.

Произошло это ранним утром 10 июля - на девятнадцатые сутки кампании. Этот день стал днем принятия драматического решения. Германский блицкриг находился на подъеме. Пал Псков, расположенный к югу от Чудского озера. 41-й танковый корпус генерала Рейнгардта

прорвал линию Сталина силами 1-й танковой дивизии и частями 6-й танковой дивизии, а 4 июля после ожесточенного танкового боя взяли Остров. Продолжая развивать наступление, северный танковый корпус 4-й танковой группы генерал-полковника Гёпнера, силами 36-й моторизованной пехотной дивизии и частей 1-й танковой дивизии, четыремя днями позже достиг жизненно важного пункта на пути к Ленинграду. Гёпнер приказал войскам поворачивать на северо-восток, в направлении города. Вероятно, Ленинград пал бы раньше, чем Смоленск. И если бы это произошло, Россия утратила бы свои позиции на Балтике. Северный фланг обороны Москвы оказался бы открытым. Затем началась бы гонка - кто быстрее въедет в Кремль, Гёпнер, Гот или Гудериан? Ситуация складывалась вполне обнадеживающая. Может быть, Гёпнер повторит свой варшавский триумф 1939 г., когда 1-я и 4-я танковые дивизии его 41-го моторизованного корпуса стояли к западу и югу от польской столицы уже на восьмой день после начала войны.

В трехстах с лишним километрах южнее Пскова находился Витебск, важнейший железнодорожный узел в верховьях Западной Двины и ворота к Смоленску. И Витебск пал. 20-я танковая дивизия овладела им в результате штурма 10 июля. Фанатики-комсомольцы подожгли город. Он пылал. Но танковым дивизиям Гота не требовались квартиры на ту ночь. Они просто проехали дальше, оставив позади горящий город, стремясь на восток, чтобы зайти в тыл русским в Смоленске. На участке Гудериана, где передовые части форсировали Березину в Бобруйске и Борисове, а теперь приближались к Днепру, наиболее важное решение 1941 г. также было принято 10 июля.

– Как вы думаете, Либенштейн? - обращался Гудериан к своему начальнику штаба каждый вечер, когда возвращался с передовой к себе в штаб-квартиру. - Стоит ли нам продолжать продвижение и форсировать Днепр силами одной бронетехники или лучше подождать, пока подтянутся пехотные дивизии?

Этот вопрос обсуждался в штабе 2-й танковой группы не один день. И постоянно возникал один и тот же аргумент. Пехота лучше, чем танковые полки, приспособлена для обеспечения переправ через реки. С другой стороны, прежде чем подойдет пехота, пройдет еще не менее двух недель. А какую пользу могут извлечь русские из того, что немцы полмесяца будут загорать на Березине или перед Днепром? Начальник оперативного отдела подполковник Байерлейн читал отчеты разведки о всех передвижениях противника. Там содержался ответ: воздушная разведка сообщала о продвижении в направлении Днепра крупных моторизованных соединений и новом сосредоточении войск русских к северо-востоку от Гомеля.

Появление этого нового скопления сил противника несколько остудило оптимизм германского Верховного командования, который 3 июля выражал генерал-полковник Гальдер. Если немцы не хотели, чтобы русские укрепились на позициях вдоль Днепра и создали там мощный оборонительный рубеж, требовалось действовать быстро и решительно.

Принимая во внимание эти доводы, Гудериан решительно высказался за продолжение операции на центральном участке. Штаб единодушно поддержал командующего. Сегодня мы знаем, что опасения Гудериана оказались обоснованными. Согласно воспоминаниям Еременко, как и более поздним военным публикациям, Тимошенко, действуя в соответствии с решением Государственного Комитета Обороны, реорганизовал то, что раньше называлось Западным фронтом, и лично возглавил руководство вновь сформированной группой армий западного направления. Северо-западным направлением обороны командовал маршал Ворошилов, юго-западным - маршал Буденный.

Начиная с 10 июля Тимошенко стягивал к Днепру дивизию за дивизией. 11 июля направление вновь состояло из 31 пехотной дивизии, семи танковых и четырех механизированных дивизий. К ним нужно еще добавить остатки 4-й армии - части, сумевшие

вырваться из Минского котла, - и части 16-й армии, переброшенные с юга на Центральный фронт. Всего к верховьям Днепра были стянуты 42 готовые к бою советские дивизии.

Тут нужно рассказать одну историю, касающуюся Гудериана и кампании во Франции. Во время подготовки к вторжению его доводов в отношении того, что успех танковых формирований зависит от быстрого и безостановочного продвижения прямо в тыл противника, многие коллеги Гудериана не разделяли. Ему пришлось много спорить с генерал-полковниками фон Рундштедтом и Гальдером. Когда 19-й танковый корпус Гудериана прорвал линию Мажино, он хотел наступать прямо к Ла-Маншу, чтобы отрезать войска англичан и французов, а его, после того как он повернул на запад, вновь и вновь останавливали. Штаб групп армий "А" и ставку фюрера преследовали страхи, вызванные тем, что у танковых клиньев остаются открытыми фланги. Поэтому командование хотело задержать быстрое продвижение Гудериана 15 и 17 мая 1940 г.

- Вы сами выбрасываете свою победу, - повторял Гудериан тогдашнему командующему генерал-полковнику фон Клейсту.

Пускаясь на хитрости, Гудериан вновь и вновь добивался принятия своей точки зрения, но с Дюнкерком ему не повезло. Тогда победу действительно выбросили.

- Вы сами выбрасываете свою победу, - кричал Гудериан всякий раз с самого начала июля 1941 г., когда получал приказ генерал-фельдмаршала Ганса Гюнтера фон Клюге, командующего 4-й армией, ждать на Днестре подхода пехоты.

9 июля генерал-фельдмаршал фон Клюге лично явился в штаб-квартиру Гудериана в Толочине. Вспыхнул жаркий спор. "Умный Ганс" - "дер клюге Ганс", как шутя называли командующего из-за его фамилии, - и "Быстрый Гейнц" - как прозвали солдаты Гудериана - столкнулись лоб в лоб. Гудериан хотел форсировать Днепр. Клюге говорил "нет". Гудериан яростно отстаивал свой план. Клюге оставался непреклонным. Затем Гудериан пошел на ложь, но на ложь во спасение. Он заявил, что большая часть его бронетехники уже развернута вдоль берега Днепра для атаки через реку, а такую диспозицию нельзя было сохранять долго без риска.

- Более того, я уверен в успехе операции, - уговаривал Гудериан Клюге. - И если мы быстро ударим на Москву, я не сомневаюсь, что кампания эта будет решена еще до конца года.

Такая экспрессия, такая уверенность поколебали беспристрастного Клюге.

- Ваши операции болтаются на тонкой ниточке, - сказал он, но все же разрешил Гудериану поступить так, как тот считал нужным.

Генерал-полковник обратился к своим офицерам:

- Выступаем, господа. Завтра мы первым делом переходим реку.

Завтра было 10 июля.

Фортуна благоприятствует смелым. Это вполне справедливо в отношении Гудериана. Развитие событий показало его правоту. Передовые части убедились в том, что русские укрепили оборону главных мостов через Днепр в Рогачеве, Могилеве и Орше. Попытки захватить переправы наскоком дорого обошлись атакующим. Однако разведывательные части танкового корпуса быстро выявили слабые места обороны противника на западном берегу Днепра - в Старом Быхове, Шклове и Копысе.

Старый Быхов находился на юге, на участке 24-го танкового корпуса; Шклов - в центре, на участке 46-го танкового корпуса, а на участке 47-го корпуса на севере был Копысь. В этих забытых Богом дырах даже и мосты отсутствовали. Русские и помыслить не могли, что немцы вздумают атаковать в данных точках. Но самый главный секрет успеха на войне - наносить удары там, где враг его меньше всего ждет.

Вот так наступающие форсировали Днепр в трех этих точках 10 и 11 июля без особых потерь. Выше и ниже Старого Быхова 3-я и 4-я танковые дивизии переправились с первой

попытки. 1-й батальон 3-го стрелкового полка, так же как и 10-я моторизованная пехотная дивизия перешли реку в Соборово, создали плацдарм и отбили все контратаки. В Старом Быхове 2-я рота 34-го мотоциклетного батальона капитана Роде с боем форсировала Днепр и образовала передовой плацдарм. 79-й инженерный батальон начал наводить экстренную переправу, которая была закончена к ночи с 10 на 11 июля.

В Копысе поначалу все пошло не так гладко. 29-й моторизованной пехотной дивизии пришлось форсировать реку под артиллерийским огнем и атаками с воздуха. В 05.15 11 июля инженерно-саперные роты подполковника Геккера переправились через Днепр на десантных судах под прикрытием огня самоходной артиллерии и перевезли на противоположный берег пехоту. За 45 минут там высадились четыре штурмовых батальона. Отвечая огнем на вражеский огонь, они окопались.

В Шклове, где переправлялась 10-я танковая дивизия, моторизованный полк "Великая Германия" столкнулся с ударной частью курсантов военного училища. Пулеметная рота лейтенанта Генерта из состава 1-го батальона моторизованного полка "Великая Германия" в конце концов сумела обеспечить полку простор, необходимый для того, чтобы отбросить русских обратно в леса. Саперы закончили наведение моста в рекордные сроки. По мосту на левый берег прошло тяжелое вооружение.

Что же до сильно укрепленных городов - Орши, Могилева и Рогачева, дивизии Гудериана просто обошли их и двинулись дальше на восток. Их целью был Смоленск.

Гудериану не хватало времени, поскольку маршал Тимошенко сумел собрать на юге, в районе Гомеля, 20 дивизий. Маршал попытался ударить во фланг Гудериану и таким образом спасти Смоленск. Очень тяжелые бои, которые приходилось вести немцам, лучше всего свидетельствовали о серьезности ситуации. Однако план Тимошенко не увенчался успехом. И заслуга в этом принадлежит прежде всего 1-й кавалерийской дивизии генерала Фельдта, который сумел отбить атаки Тимошенко. Его кавалерийская дивизия вместе с 10-й моторизованной пехотной дивизией и части из состава 4-й танковой дивизии прикрывали фланг 4-й танковой группы.

Основные действия 1-й кавалерийской дивизии заслуживают особого освещения. Единственное крупное соединение немецкой кавалерии во время Второй мировой войны до 1944 г., кавалерийские бригады генерал-майора Фельдта, действовали на периферии Припятских болот, на участках территории, непроходимых для танков. Дороги тут являлись не более чем верховыми тропами, а заросли кустарника делали местность идеальной для устройства ловушек и засад. 1-я кавалерийская дивизия проявила себя исключительно хорошо в этом районе, прикрывая фланг Гудериана, и находилась в постоянном контакте с частями группы армий Рундштедта, действовавшими к югу от бескрайних болот. Успешно отражая все атаки, кавалеристы дали Гудериану возможность продолжать наступление на Смоленск.

Удар следовал за ударом. Вечером 15 июля 7-я танковая дивизия, входившая в состав 3-й танковой группы генерал-полковника Гота, вышла за Смоленск с севера при сильной поддержке Люфтваффе и перерезала как железную дорогу, так и шоссе Смоленск-Москва. Город, таким образом, оказался отрезанным от поставок всего необходимого и от поступления пополнений, так образовался новый котел, в который угодило 15 советских дивизий. Советское Верховное Главнокомандование стремилось удержать Смоленск любой ценой. Смоленск являлся чем-то вроде Сталинграда - одновременно и символом и жизненно важным стратегическим пунктом. Смоленск был воротами в Москву, крепостью в верховьях Днепра, одним из наиболее старых русских городов. Именно здесь 16 и 17 августа 1812 г. Наполеон одержал победу, позволившую ему наступать на Москву. Именно здесь тремя месяцами позже, 16 и 17 ноября 1812 г., царский генерал-фельдмаршал Кутузов разгромил Великую армию Франции. Это объясняет ярость, с

которой Красная Армия защищала Смоленск. Солдаты 29-й моторизованной пехотной дивизии генерала фон Бальтенштерна очень быстро узнали об этом.

71-й и 15-й полки, 29-й артиллерийский полк, саперы и мотоциклетный батальон, а сверх того 2-я рота лейтенанта Генца, которые шесть суток удерживали захваченный с ходу мост через Днепр к востоку от города, никогда не забудут тех дней.

Согласно воспоминаниям генерала Еременко, комендант Смоленского гарнизона получил приказ держать "тотальную оборону". Красноармейцы перегородили улицы, возвели бетонные доты. Каждый дом, каждый подвал превратился в очаг обороны. Рабочим и служащим раздали оружие и, организовав их в подразделения, вместе с частями милиции бросили на защиту улиц. Ополченцам было приказано умереть, но не пропустить противника через свои баррикады. Кроме того, город обороняли стрелковые полки советского 34-го стрелкового корпуса.

И все же, несмотря ни на что, Смоленск пал. И более того, пал он быстро. Защитники не смогли выдержать натиска и изобретательности тюрингского 71-го пехотного полка. Утром 15 июля, в 07.00, полковник Томас со своей частью вступил в бой. Он обошел вражеские формирования, овладев проселочной дорогой в 15 километрах к юго-западу от города. Томас атаковал с юга. В 11.00 его 2-й батальон штурмом взял позиции батареи тяжелой артиллерии на Конюховских высотах. Пленные сообщили, что южный выход из города также сильно укреплен. Поэтому Томас вновь повернул свой полк вправо и атаковал с юго-востока. Когда в 17.00 защитники заметили передовые части штурмующих, было уже поздно. С наступлением ночи подразделения 71-го полка находились на улицах южного пригорода.

В 04.00 на следующее утро 71-й и 15-й пехотные полки совместными силами развернули решающую атаку. Тяжелая артиллерия, 88-мм зенитки, минометы, самоходные орудия и огнеметные танки расчистили путь пехотинцам. В северной части города, в индустриальных пригородах, милиция и рабочее ополчение сражались упорно. Каждый дом, каждый подвал приходилось зачищать отдельно, выбивая оттуда защитников стрелковым оружием, ручными гранатами и штыками. Ближе к 20.00 16 июля атакующие достигли северной окраины города. Смоленск был в руках немцев.

Таким образом, на двадцать пятые сутки после начала кампании первая стратегическая цель операции "Барбаросса" оказалась достигнута: передовые части группы армий "Центр" находились в районе Ярцево-Смоленск-Ельня-Рославль. Они покрыли 700 километров. До Москвы оставалось еще 350. Только в Могилеве, уже вдали от линии фронта, продолжалось ожесточенное сражение. В этом расположенном на Днепре областном центре Белорусской Советской Социалистической Республики с населением в 100 000 человек находился ремонтный завод локомотивов, кроме того, он являлся сосредоточением шелкового производства на западе СССР, а в прошлом, при царе, был местом, где находилась резиденция католического архиепископа. Теперь город упорно защищали три дивизии из советской 13-й армии генерал-лейтенанта Герасименко.

20 июля город к западу от реки находился в кольце четырех немецких дивизий, входивших в состав 7-го корпуса.

В тот же день в 14.00 на штурм пошли два полка из берлинско-бранденбургской 23-й пехотной дивизии генерал-майора Гельмиха. 9-й пехотный полк из Потсдама, хранитель традиций старых потсдамских пехотных гвардейских полков, смог перейти реку, но теперь лежал прижатый огнем на крохотном плацдарме. 68-й пехотный полк оказался не в состоянии прорваться через советскую оборону, и 67-й пехотный полк на следующий день тоже не мог похвастаться большими достижениями.

Когда фронтальная атака захлебнулась на окраине города, Гельмих попытался ударить по мосту, связывавшему Могилев и Луполово, с юго-востока - в направлении вверх по реке. Затея

удалась. В ожесточенном ночном бою 9-й пехотный полк смог вытеснить надежно окопавшегося и умело оборонявшегося противника.

Но потери немцев оказались очень высоки. 11-я рота лейтенанта Шротке (67-й пехотный полк) была буквально раздавлена. В саду противник ударил ей во фланг. Все офицеры в роте погибли, она потеряла две трети своей численности. Тем временем на западной стороне Днепра 10-я рота лейтенанта Брандта (67-й пехотный полк), прячась за берегом, пробралась прямо к автомобильному мосту. Затесавшись среди русской техники и пробежав на другую сторону, солдаты 10-й роты вошли в контакт с солдатами 9-го пехотного полка на плацдарме на восточной стороне.

Брандт удерживал мост и береговой плацдарм под неожиданно точным артиллерийским огнем, под обстрелом снайперов, снимавшим любого, кто высовывал голову, и отражая яростные атаки советских солдат. Когда майор Ганниг ворвался в восточную часть города с 1-м батальоном 9-го пехотного полка, атакующие угодили под пулеметный огонь. Серьезно раненный майор рухнул на мост, но приказал своим людям не останавливаться. Снайперы прикончили его.

Утром 26 июля русские под прикрытием тумана, лежавшего в долине Днепра, сумели взорвать 200-метровый деревянный мост в восточной части города, часть его уничтожив полностью. Можно сказать, что советские солдаты буквально сжигали свои мосты. Красноармейцы держались на уже потерянных позициях и дрались до последнего патрона. В конце концов, стиснутая мертвой хваткой 78, 15, 23 и 7-й пехотных дивизий, оборона испустила дух. Некоторые попытались прорваться в западном направлении на грузовиках, но безуспешно.

Немцы довольно быстро восстановили деревянный мост, и 23-я пехотная дивизия переправилась на восточный берег. 15-я пехотная дивизия заняла Могилев. Странно пахнущая бурая жидкость текла по улицам города: это русские взорвали огромные лагерные танки пивоваренного завода. Пиво потоками стекало в Днепр. Победителям не пришлось попить пивка, сваренного побежденными.

23-я и 15-я пехотные дивизии взяли 12 000 пленных. Среди них оказалось на удивление мало офицеров. Офицеры по большей части либо погибли, либо смогли прорваться. Потери 23-й пехотной дивизии составили 264 человек убитыми, 83-й - пропавшими без вести и 1088 - ранеными. Немалая цена за город, находившийся далеко в тылу у наступающих частей Вермахта. 4. Москва или Киев? Ад на Ельненском выступе - Гость из Мауэрвальда - Гитлер не хочет наступать на Москву - Гудериан летит на встречу с Гитлером - Судьбоносный спор в ставке Гитлера - "Мои генералы не понимают военной экономики".

Ни генералы, ни офицеры, ни рядовые на Восточном фронте не сомневались в том, какого рода действия предстоят им после Смоленска. Они знали, что станет следующей целью. Москва, конечно - Москва, центр нервной системы советской империи. Любой, кто даст себе труд взглянуть на предвоенную карту России, увидит, что все дороги ведут в Москву. Интеллектуальная и политическая метрополия - столица красного царства являлась к тому же и главным его транспортным узлом. Логично предположить, что, воткнув нож в сердце бескрайней державы, можно уничтожить ее всю. Так рассуждал командующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич. Мнение его разделяли и Гальдер, и Гудериан, и Гот, и Бок, и все прочие командующие на Восточном фронте. Все они соглашались с отцом современной стратегии Клаузевицем, отзывавшимся о русской кампании Наполеона как о верной и логичной в смысле выбора цели - Москвы, несмотря на понесенное французами поражение. Цель войны - страна противника, его столица, центр политической власти. Однако Клаузевиц подчеркивает: "Огромная Российская империя не есть страна, которую можно, завоевав, удерживать полностью иными словами, оккупировать ее. Нужно было потрясти до

основания самый фундамент государства. Только нанеся решительный удар по самой Москве, Бонапарт мог надеяться..." И верно, только так возможно разрушить империю русских, свергнуть в хаос всю страну, развалить ее и стереть с лица земли существующий режим. Причиной провала затеи Наполеона являлись нехватка у него войск, стратегия намеренного отступления русских и крепкие, непоколебимые связи народа и царя.

Немецкие генералы знали своего учителя Клаузевица наизусть. Разве все складывалось не в соответствии с его рецептами? Русские не отступали в глубь страны. Они принимали бой, но немцы превосходили их в сражениях. Русские явно не питали симпатий к большевизму, и нередко на территории запада России захватчиков встречали как освободителей. Что могло помешать им? Ничего. Ну так что же, тогда - на Москву.

Но Гитлер колебался, не спеша провозглашать Москву главной целью второй фазы кампании. Внезапно его охватило нежелание наступать на столицу Сталина. Он что, боялся разделить судьбу Наполеона? Или он не доверял традиционным стратегическим концепциям? Может быть, он не понимал значения Москвы для России?

Какими бы ни были истинные причины, фюрер не желал наступать на Москву. И вот, когда в Смоленске у немцев шли приготовления к броску в сердце России, когда победа, казалось, лежала на расстоянии вытянутой руки, когда весь мир ожидал приказа "Танки - вперед! Пункт назначения - Кремль!", Гитлер неожиданно все поломал. 22 августа после пяти недель ожидания и закулисных игр в перетягивание каната, изумленные генералы в главном командовании сухопутных войск и в штабе группы армий "Центр" прочитали приказ Гитлера, датированный 21 августа:

"Самая важная задача, которую надлежит выполнить до наступления зимы, есть не захват Москвы, а овладение Крымом..."

Ближе к полуночи 22 августа в штаб-квартире 2-й танковой группы в Прудках раздался телефонный звонок из Борисова - Гудериана хотели видеть в штабе группы армий. Звонил сам генерал-фельдмаршал фон Бок.

– Не могли бы вы приехать утром, Гудериан? Мы ждем гостей из Мауэрвальда, - сказал генерал-фельдмаршал.

Гудериан соображал быстро. Визит на высшем уровне? Все в конце концов решится? Наконец-то будет получен "зеленый свет" для похода на Москву? Однако Гудериан тут же почувствовал, что у Бока прескверное настроение, и поспешил осведомиться:

– Во сколько мне прибыть, господин генерал-фельдмаршал?

– Давайте остановимся на десяти часах, - отозвался Бок и повесил трубку.

Гость из Мауэрвальда. Так назывался лес в Восточной Пруссии, расположенный рядом со ставкой фюрера, там находилась военная штаб-квартира главнокомандующего сухопутными войсками и начальника Генерального штаба. Они? Или пожалует собственной персоной Гитлер?

Гудериан поинтересовался тем, не легли ли еще начальники его штаба и оперативного отдела? Спустя две минуты он в компании фон Либенштейна и Байерлейна сидел над картами в штабном автобусе. На главной карте виднелись черные и красные стрелки, флажки, номера и прочие знаки, обозначавшие направления ударов последних дней - охватные линии танковых клещей, котлы и все прочее. За всеми этими аккуратными линиями стояли сотни, тысячи, сотни тысяч человеческих жизней - смерть, кровь и страдания многих людей. Но все это не отразилось на карте. Ничто не говорило о том, сколько солдат и офицеров осталось в земле ради того, чтобы вон та красная стрелка прошла через деревню Кругловка.

На протяжении последних четырех недель Гудериан со своим штабом располагался в Прудках, что к западу от Починка. Немецкие моторизованные дивизии овладели знаменитой излучиной Десны и маленьким городком Ельня в середине июля. С тех пор все думали только об

одном - о Москве. Они достигли исходных позиций, несмотря на то что остро нуждались в отдыхе, что танковые колонны заметно поредели, а снабженческие грузы поступали кое-как. Однако задачи свои танкисты и мотопехота выполнили четко в соответствии с планом. Теперь после короткой передышки, создав новые базы снабжения, они были готовы к последнему рывку в сердце Советского Союза. Именно такого приказа все и ждали.

4 августа Гудериан и Гот имели разговор с Гитлером в штаб-квартире Бока в Борисове. Они сообщили фюреру, что их танковые дивизии смогут продолжить продвижение к Москве между 15 и 20 августа. Гудериан добавил:

– Мой фюрер, мы возьмем ее.

Однако, как ни странно, Гитлер не выказал энтузиазма. Он явно имел какой-то иной замысел и хотел сначала взять Ленинград, а возможно, даже и Украину. Генералы слушали удивленно. Они качали головами, реагировали холодно. Гитлер, почувствовав неприятие с их стороны, оставил вопрос открытым. Никакого решения он так и не принял, пребывая с тех пор в сомнениях. Тем временем боевые генералы надеялись, что в конце концов Гитлер прикажет наступать на Москву. Они тщательно приготовились к этому. С начала августа пехотные дивизии 9-го корпуса генерала Гейера - 137-я пехотная дивизия и 263-я пехотная дивизия - приводились в состояние готовности. В ночь с 18 на 19 августа они высвободили танковые и моторизованные части. Все было готово для старта. Стоять без движения и защищать свои позиции означало нести бессмысленные потери.

– Какое расстояние до Москвы от самых передовых позиций Двести девяносто второй пехотной дивизии на Ельненском выступе? - спросил Гудериан.

Ответ не стоил труда подполковнику Байерлейну.

– До окраины города триста, - немедленно проговорил он.

Триста километров. Гудериан бросил взгляд на карту. Ельненский выступ выдавался из линии фронта. В его оконечности находился так называемый "кладбищенский угол". На протяжении последних недель тут шли самые ожесточенные бои на Восточном фронте, что лучше всего отражается в приказе на день, составленном в штабе 46-го танкового корпуса 10 августа 1941 г. и зачитанном перед личным составом всех рот: "После трудного сражения на северо-восточном участке Ельни отделение унтер-шарфюрера¹ Фёрстера из состава 1-й роты мотоциклетного батальона СС "Лангемарк" дивизии "Рейх", получившее приказ прикрывать левый фланг своей роты, было обнаружено в следующем виде. Убитый командир отделения унтер-шарфюрер Фёрстер с простреленной головой все еще держал руку на кольце гранаты; первый номер пулеметного расчета, ротенфюрер² Клайбер, также с простреленной головой, продолжал прижимать приклад пулемета к плечу; номер второй, штурмманн³ Ольдебёрсгуис, стоял, поставив ногу на педаль своего мотоцикла, держась за рукоятку руля, убитый в тот момент, когда он собирался вскочить в седло и отправиться в тыл с донесением; водителя штурмманна Швенка обнаружили мертвым в одиночном окопе. Что касается противника, трупы лежали полукругом на расстоянии полета ручной гранаты от позиции отделения, служа наглядным свидетельством того, какую оборону пришлось держать немецким солдатам". Вот так обстояли дела под Ельней - забытой Богом дырой на реке Десне в 75 километрах к востоку от Смоленска. Этот городок и дал название участку фронта, где в течение пяти недель шло ожесточенное сражение. Тот отпор, которым встречали наступающих советские войска под Ельней, не был неожиданным. Также не было ничего неожиданного в том, что овладение "Ельненскими высотами" наряду со взятием Смоленска находилось в числе первых стратегических задач группы армий "Центр" в соответствии с планом "Барбаросса". В чем же причина? Находившаяся на господствующих высотах Ельня являлась транспортным узлом и важнейшим стратегическим пунктом для любого, кто стремился к взятию Москвы с западного

направления, равно как и для любого, кто защищал столицу России.

Немцы это прекрасно понимали, как, естественно, понимали и русские. Без колебаний Тимошенко бросил гражданское население на строительство оборонительных рубежей с целью превратить участок реки Десны к югу от Ельни в мощный барьер. Все силы, которые удалось наскрести Москве, были отправлены в район Ельни. Позициям Красной Армии на Десне предстояло превратиться в новый могучий заслон на пути немецкого наступления. Воздушная разведка немцев установила, каковы намерения противника. Многие поэтому считали разумным ударить как можно быстрее, прежде чем русские сумеют усилить свою оборону. 10-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Шаалья и моторизованная дивизия войск СС "Рейх" генерала Хауссера получили приказ овладеть Ельней и районом позади нее.

Теоретически все казалось легко, но совсем не просто для танковых дивизий Гудериана, прошедших с боями расстояние почти в 1000 километров, утопая в морях пыли, по грунтовым дорогам и девственным лесам. Огневая мощь наступающих войск заметно сократилась - они лишились многих батарей тяжелой и средней артиллерии. При наличии свежих войск, при более сильной поддержке техники и артиллерии Ельня не представляла бы проблемы. Однако в сложившейся ситуации все выглядело по-иному.

Командир 10-й танковой дивизии генерал Шааль посвятил автора в детали операции. За Днепром, как объяснил он мне, русские изменили тактику, стали действовать так, как позднее действовали крупные отряды партизан. Генерал Шааль привел следующий пример:

"Между Городищем и Горками авангард дивизии проходил через густые заросли леса. Там же затем в ночное время проследовала большая часть дивизии. Однако когда тем же путем пошла артиллерийская группа, она с обеих сторон подверглась минометному обстрелу, а потом атаке пехоты. К счастью, поблизости устроил стоянку мотоциклетный батальон дивизии СС "Рейх". Он пришел на помощь артиллеристам и спас их от неминуемой гибели.

Но куда большую, чем подобного рода случаи, опасность несли в себе износ техники и утомление экипажей в танковых частях. Ужасные дороги, жара и пыль были куда более серьезными врагами, чем Красная Армия. Танки тонули в густых облаках пыли, которая уменьшала ресурс двигателей - фильтры постоянно забивались, росло потребление горючего, двигатели перегревались, и их заклинивало. Так на пути к Ельне 10-я танковая дивизия оставила большую часть своих тяжелых Т-IV, потерявших ход не из-за действий русских, а из-за пыли. Механики и ремонтники трудились как проклятые, но не хватало запчастей. Поступления их не было - поставки фактически прекратились из-за того, что армейские склады остались далеко позади. Каждая колонна с боеприпасами или со снабженческими грузами теряла на пути треть своих грузовиков как от поломок, так и из-за устраиваемых неприятелем засад. На пределе сил работала не только техника, но и люди. Например, иногда случалось, что после короткого отдыха часть колонны не могла возобновить движения, поскольку солдаты и даже офицеры в ней спали мертвецким сном".

Все вышесказанное было справедливо не только в отношении 10-й танковой дивизии. То же самое на центральном участке происходило повсеместно - как там, где действовали дивизии Гота, так и там, где наступал Гудериан. В письме к генерал-фельдмаршалу фон Боку Гот писал: "Потери боевых бронированных машин достигают от 60 до 70 процентов от нормальной численности". Тем не менее войска задачу выполнили. 19 июля 10-я танковая дивизия овладела Ельней.

Несмотря на убийственное огневое противодействие, пехотинцы 69-го стрелкового полка преодолели широкий противотанковый ров, который круглосуточно копало гражданское население города. Дивизия несла тяжелые потери, но все равно упорно, метр за метром продвигалась вперед. К вечеру пехота прошла через Ельню и окопалась на дальней окраине

городка. Генерал-лейтенант Рокоссовский, командовавший наскоро собранными резервами, бросил свои полки на немецкие позиции. Но 10-я танковая дивизия не поддавалась. 20 июля дивизия СС "Рейх" закрепились на высотах слева от нее. Солдаты отчаянно нуждались в передышке.

Ельненский выступ выдавался вперед из фронта немецких частей, являясь плацдармом для наступления. Южнее фронт как бы подавался назад и проходил у Киева, а к северу извивался змеей к Смоленску и затем широким полукругом шел к Ленинграду. Одного взгляда на карту было достаточно, чтобы увидеть: Ельненский выступ представляет собой передовой плацдарм, логически обусловленный отправной пункт для наступления на Москву. Командование Красной Армии тоже это понимало и потому решило его уничтожить. С конца июля и по начало сентября группе армий "Центр" пришлось вести тут свое первое крупное оборонительное сражение. За этот месяц с небольшим через ельненский ад прошли девять дивизий: 10-я танковая дивизия, дивизия СС "Рейх", 268, 292, 263, 137, 87, 15 и 78-я пехотные дивизии, а также усиленный моторизованный полк "Великая Германия".

Советское Верховное Главнокомандование отдало в распоряжение Тимошенко все имевшиеся на тот момент под рукой резервы. На его фронте действовали части четырех армий. Тимошенко атаковал Ельненский выступ силами девяти пехотных дивизий и трех танковых соединений, которым никогда не противостояло больше четырех немецких дивизий. Только боевой опыт, высокая дисциплина, а сверх того, непоколебимая стойкость поредевших немецких батальонов и рот позволили немцам выстоять в этой мясорубке.

Вот отчет о происходившем на участке обороны моторизованного полка "Великая Германия", или просто "GD" (Gross Deutschland - Великая Германия).

Обер-лейтенант Хенерт из 4-й (пулеметной) роты 1-го батальона полка "GD" сидел в своем окопе и смотрел в бинокль. Дело происходило перед переездом у Кругловки на Ельненском выступе. На протяжении трех часов артиллерия русских била по немцам не переставая. Все провода были перерезаны, связные и ремонтники не смели и носа высунуть из своих окопов. И вот интенсивность огня возросла, однако участок 1-го батальона находился уже вне сектора обстрела.

Огонь переместился в глубину. "Сейчас они ударят", - подумал обер-лейтенант Хенерт. И верно, скоро он увидел их в окулярах своего бинокля. Обер-лейтенант не верил своим глазам: красноармейцы атаковали сомкнутым строем, офицеры ехали верхом впереди, сзади и по бокам, словно пастухи, которые гонят стадо бурых как земля овец. Двигаясь бегом, красноармейцы тащили за собой станковые пулеметы "Максим" жидкостного охлаждения, пехотные и противотанковые орудия, включая и грозные 76-мм полевые пушки, прозванные немцами "Бах-бух" - из-за настильной траектории полета их снарядов звук взрыва слышался раньше, чем выстрел.

Вот тут бы и вступить в дело немецкой артиллерии, но орудия ее стреляли нечасто. Впервые с начала кампании у них не хватало боеприпасов, поскольку подвоз почти прекратился. Это стало первым предупреждением.

Русские спрыгнули в канаву, по которой протекала маленькая речушка, и скрылись из вида. Через секунду они появились на берегу; офицеры спешили.

Люди 2-й роты обер-лейтенанта Рёссерта, окопавшиеся справа от позиций 4-й роты, следили за врагом, выглядывая из окопов. Русские находились в 700 метрах впереди. Потом в 600 метрах.

– Почему молчат пулеметы обер-лейтенанта Хенерта? - спрашивали солдаты фельдфебеля Штадлера.

– Он знает, что делать, - невесело отзывался тот.

Хенерт знал, что делал. Он смотрел в бинокль и мог уже разглядеть лица русских, но все еще не давал приказа открыть огонь. Чем раньше он сделает это, тем быстрее русские залягут и отползут под прикрытие. Хенерт по опыту знал, что русских необходимо срезать разом - одним решительным ударом. Упорство их пехотных атак граничило с механической тупостью. Даже если десять пулеметов будут выкашивать их ряд за рядом, они все равно не остановятся. Они будут кричать свое "Ура!" и погибать под пулями.

Почему? Зачем? Взятые в плен офицеры и военнослужащие сержантского состава дали ответ на вопрос. В Красной Армии командир лично отвечал за срыв атаки. Соответственно, он будет вновь и вновь гнать солдат на убой, чтобы выполнить приказ. Это не означает, что ему не жалко своих людей, однако отношение к жизни бойца в Красной Армии иное, чем в вооруженных силах западных стран. Передовыми позициями, укрепленными пунктами или угодившими в окружение частями пожертвуют без сомнения, если жертва эта окажется выгодной в стратегическом плане. С самого момента его призыва в армию советскому солдату говорят: главное - сойтись с противником в ближнем бою. Поэтому он всегда стремится к действиям именно такого характера и хорошо подготовлен для рукопашной схватки. На умение пользоваться штыком в период подготовки новобранца отводится значительная часть времени. В штыковой русские мастера. Они также обучены стрелять с колена и лежа, а пользоваться лопаткой и винтовочным прикладом умеют ничуть не хуже, чем солдаты немецких штурмовых рот. В полевом уставе 1943 г. говорится: "Победу приносит только атака, начатая с безудержным стремлением уничтожить врага в ближнем бою". Вот в каком духе мыслили русские, устремляясь в атаку.

Лейтенант Хенерт, сидевший возле железнодорожной насыпи у села Кругловка, видел, как они идут. До противника оставалось всего 500 метров. И вот наконец Хенерт поднялся и прокричал:

– Длинные очередями!

Разом, точно свора голодных псов, затаивкали немецкие пулеметы. Красноармейцы словно подкошенные падали на землю. На место мертвых и раненых первой волны вставали солдаты второй. Устремляясь вперед перебежками, они вели прицельный огонь одиночными, а русские - великолепные стрелки.

Гренадерам 2-й роты, если они хотели стрелять, приходилось поднимать головы над краями окопов. А стрелять было необходимо, чтобы выжить. Но как только кто-нибудь высовывался, он тут же получал пулю русских снайперов, которые стреляли из отличных винтовок с оптическими прицелами. Один за другим умолкали автоматы солдат 2-й роты пехотного полка "Великая Германия" у переезда около села Кругловка на Ельненском выступе.

Но последние пятьдесят метров красноармейцы преодолеть не смогли. Наступила ночь. Вновь заговорила русская артиллерия. Снаряды унесли жизни многих русских, находившихся на открытом пространстве, где не было места для укрытия.

В полночь обстрел прекратился. Солдаты Рёссерта и Хенерта вышли из своих окопов. Когда бой начался, в каждом сидело по два человека, теперь в большинстве случаев оттуда выходил только один. Уцелевшие звали санитаров, чтобы те вынесли раненых и убитых, многие из которых провели долгие часы рядом с живыми, пока те стреляли.

С рассветом битва возобновилась и продолжалась пять часов. По телам сотен погибших товарищей русские проложили себе путь на позиции 1-го батальона. В 20 метрах справа от унтер-офицера Штадлера замолчал пулемет: последний из стрелков получил пулю в живот - Бог его знает как, наверное, она от чего-то отрикошетила. Унтер-офицер Штадлер услышал громкий пистолетный выстрел: ефрейтор предпочел сократить длинный и мучительный путь к смерти от раны в живот. Через десять минут русские прыгнули в окоп. Штадлер выпрямился и положил

перед собой три ручные гранаты. Он выдернул кольцо первой и бросил в цель. Неделет. Вторая попала в край окопа. Полетели осколки. Третья граната угодила точно в окоп. Фейерверком взлетели в небо пулеметные патроны.

В шестую ночь, уже 27 июля, немцы оставили позиции у железнодорожной насыпи около Кругловки. 2-я рота отошла примерно на 800 метров к опушке леса. Русские шли следом. Ситуация развивалась аналогичным образом и в других местах. 18 августа измотанный полк сменила 263-я пехотная дивизия. За 10 дней 2-й батальон 463-го пехотного полка отбил 37 атак противника. 25 августа разведывательная часть 263-й пехотной дивизии вместе с соседним 2-м батальоном 483-го пехотного полка разом атаковали русских, которые ворвались на немецкие позиции на важной высоте. В этом бою погиб командир разведчиков капитан Оршлер - первый военнослужащий Вермахта, награжденный "Золотым крестом". 29 августа в залитые кровью окопы прыгнули солдаты и офицеры 15-й пехотной дивизии. Сражение продолжалось. Только на северном участке под Ельней Тимошенко пожертвовал тремя советскими дивизиями. Взятый в плен русский врач показал на допросе, что на его перевязочный пункт в Стамятке на участке 263-й дивизии еженедельно поступало 4000 раненых.

Человеческие трагедии не находили отражения на оперативной карте в штабном автобусе Гудериана, над которой склонился командующий танковой группой 22 августа 1941 г. На карте стояли бесстрастные треугольные флажки, обозначающие местонахождения штабов 15, 292 и 268-й пехотных дивизий, а также черные квадратные флажки, воткнутые там, где находились полковые штабы. Перед позициями немцев на карту были нанесены номера частей противника - 22 августа, по данным разведки, у русских на данном участке насчитывалось девять пехотных и две танковые дивизии.

Гудериан, который никогда не сидел на месте и постоянно общался с солдатами и офицерами на передовой, знал, что скрывается под холодными цифрами, стрелками и флажками, нанесенными на карту штабными.

– Приготовьте карту. Завтра утром я возьму ее с собой в Борисов, сказал командующий. - Спокойной ночи, господа. А как обстояли дела у другой танковой группы на Центральном фронте у танковой группы генерал-полковника Гота, действовавшей к северо-востоку от шоссе?

В мемуарах генерала Еременко мы находим жесткие и прямые слова: "Отбить у противника Смоленск оказалось делом невозможным. Поэтому в конце июля Верховное Главнокомандование решило отдать приказ 20 и 16-й армиям, окруженным войсками Гота к северу от Смоленска, прорываться из котла. К тому моменту численность личного состава дивизий этих армий сократилась до 2000 человек. В распоряжении всей 20-й армии осталось всего 65 танков и девять самолетов". Такова была мера триумфа Гота. Как и Гудериан к югу от шоссе Смоленск-Москва, Гот приказывал своим дивизиям не останавливаться. Он достиг реки Воль, где его измотанные боями войска оказались перед линией Сталина, укрепленной за поразительно короткий срок. Силами моторизованных частей и пехотных дивизий, которые шли за мобильными войсками, он окружил 15 дивизий Еременко, посланных на освобождение Смоленска.

Еременко отчаянно сопротивлялся. Ему приходилось драться без помощи и в отсутствие снабжения, не имея права отступать. Советское Верховное Главнокомандование отдавало ему безжалостные приказы, не оставляя выбора. Командиры, которые отступали, подлежали суду трибунала. Солдат, которые покидали позиции, расстреливали. Советское Верховное Главнокомандование стремилось отбить Смоленск у немцев любой ценой. Тут надлежало остановить штормовую волну немецкого отступления. Это была генеральная репетиция Сталинграда.

Решимость Москвы подтверждается тем фактом, что по личному распоряжению Сталина

здесь применили новое оружие, секрет которого строжайшим образом охранялся, хотя оружие это еще не находилось в массовом производстве и не могло потому сыграть решающей роли в боевых действиях. В данном вопросе крайне интересна точка зрения Еременко: "Где-то в середине июля мне позвонили из ставки: "Есть мнение применить "Ерезу" в бою против фашистов. Вам будет придано подразделение, вооруженное этим новым оружием. Испытайте это оружие и сообщите нам ваши соображения".

"Ерезой" назывались первые реактивные минометы. Даже Еременко ничего не знал о них.

"Мы испытали новое оружие около Рудни, - пишет Еременко. - С душераздирающим воем реактивные снаряды пронзали небо огненными стрелами. С их длинными хвостами они казались кометами, которые, упав на землю, взрывались с оглушительным грохотом. Результаты взрыва 320 снарядов, выпущенных на протяжении 26 секунд по ограниченной площади, превзошли все ожидания. Немцы в ужасе бежали, объятые паникой. Надо признать, что и наши солдаты также покинули позиции. По соображениям секретности, мы не уведомили их о применении нового оружия".

Жертвами неожиданности стали части 12-й танковой дивизии группы Гота. Поначалу новое оружие русских произвело на немцев глубочайшее впечатление. Солдаты прозвали реактивный миномет "сталинским оргбном". Русские дали ему женское имя - "Катюша". К счастью, в распоряжении Еременко имелась всего одна такая часть. Таким образом, появление воюющей "Катюши" под Рудней не изменило хода событий, однако миномет стал еще одним напоминанием Гитлеру технологические возможности Советского Союза огромны. Это убедило германское Верховное командование в необходимости подстраховаться, или, иными словами, поспешить.

Незадолго до 10.00 23 августа "Физелер Шторх"1 Гудериана приземлился на летном поле в Борисове, и генерал на машине отправился в штаб группы армий. Командующие 4, 9 и 2-й армиями - генерал-фельдмаршал фон Клюге, генерал-полковник Штраус и генерал-полковник фрайгерр фон Вейхс - тоже только что прибыли. Гостя из Мауэрвальда - начальника Генерального штаба генерал-полковника Гальдера - ждали с минуты на минуту.

Он прибыл ближе к 11.00 и выглядел больным и подавленным. Причины этого скоро стали очевидными. Гальдер сообщил:

– Фюрер решил, что мы не будем, как он предполагал ранее, наступать на Ленинград и Москву, как предлагал Генеральный штаб сухопутных войск, а овладеем Украиной и Крымом.

Все окаменели. Гудериан стоял, вытянувшись точно шомпол.

– Не может быть.

Гальдер развеял последние надежды:

– Может. Мы спорили с ним пять недель, убеждая, что надо наступать на Москву. Восемнадцатого августа мы представили план наступления. А вот его ответ. - Гальдер прочитал текст на листе бумаги: - "Приказ фюрера от 21.8.1941 г.

План продолжения боевых действий на Востоке, представленный мне на рассмотрение Генеральным штабом сухопутных войск 18.8., не согласуется с моими намерениями. Поэтому я приказываю следующее:

(1) Самая важная задача, которую надлежит выполнить до наступления зимы, заключается не во взятии Москвы, а в овладение Крымом и промышленным и угледобывающим районом на реке Донец; на юге мы должны отрезать русских от нефтяных месторождений Кавказа; на севере - изолировать Ленинград и соединиться с финнами". В пункте № 2 приказа перечислялся список стратегических целей для групп армий "Юг" и "Центр", а в 3-м пункте содержались инструкции группе армий "Центр", которой предстояло принять участие в операциях по уничтожению русской 5-й армии, усилив части, уже занятые этим. И наконец, в приказе излагался план

Гитлера относительно продолжения операций после сражения за Украину. Говорилось там следующее: "(4) Захват Крымского полуострова острейшим образом необходим для охраны нефтяных месторождений Румынии. По этой причине необходимо попытаться перейти Днепр в направлении Крыма всеми имеющимися силами, включая и мобильные части, не дав врагу времени подтянуть свежие войска.

(5) Только плотная блокада Ленинграда, соединение с финнами и уничтожение русской 5-й армии создадут условия и позволят нам сосредоточить количество сил, достаточное для успешного наступления на группу армий под командованием Тимошенко, способного привести к ее разгрому, в соответствии с дополнительным распоряжением к приказу № 34 от 12.8.

(подпись) Адольф Гитлер". Таково было решение. Генералы всегда боялись его и надеялись, что ничего подобного не случится. Теперь слово прозвучало.

Поворот Гитлера от Москвы вполне традиционно считается главной ошибкой в летней кампании. Оспорить такое мнение невозможно, но автор не считает, что решение Гитлера повернуть войска в направлении Киева, в результате приведшее к потере времени, являлось единственной причиной трагедии, разыгравшейся на подступах к Москве. По здравом размышлении, решение Гитлера во многом представляется оправданным и разумным. Боевые действия того лета со всей очевидностью выявили одно обстоятельство: разные темпы продвижения бронетехники и пехоты неизбежно приводили к разделу армии на две следовавшие одна за другой составляющие, которые не только передвигались отдельно друг от друга, но и вели отдельные бои. В том и заключалась слабость немецких войск, которую враг мог рано или поздно использовать, поняв характер ведения боевых действий. Существуют четкие свидетельства того, что к концу июля 1941 г. Сталин разобрался в немецком подходе. Более того, огромные расстояния и, соответственно, большой износ техники и значительные потери сами по себе уже можно считать достаточной причиной. Правда также, что из-за более медленного продвижения групп армий "Север" и "Юг" фланги группы армий "Центр" оказывались открытыми. Советская 5-я армия представляла реальную угрозу растянутому флангу войск фон Бока. Надо было что-то предпринять для защиты флангов. Кроме того, опыт, полученный в боях с окруженными войсками противника, диктовал, что в будущем немецким танковым группам и пехоте предстоит уничтожать русские части в тесном взаимодействии. В свете того, что стало известно о мощи советской бронетехники и неисчерпаемых людских ресурсах СССР, осторожность Гитлера не кажется чрезмерной.

Но - и это очень важное "но" - время, подходящее для стратегии осторожности, прошло. На Центральном фронте немцы слишком углубились на территорию русских. Если Германия полностью отказывалась от идеи блицкрига, направленного в сердце Советского Союза, а противник получал время на перегруппировку, это означало, что кампания на Востоке будет, скорее всего, проиграна. В таком свете решение Гитлера представляет собой признание того, что немецкий блицкриг выдохся в боях под Смоленском и Ельней. Если генералы приняли бы такое мнение, это означало бы, что рухнуло основание, на котором строился план операции "Барбаросса". Именно этой точке зрения пытались противостоять начальник генштаба Гальдер и боевые командиры, особенно Гудериан.

– Мы можем как-то повлиять на это решение? - спросил Бок.

Гальдер покачал головой:

– Оно окончательное.

– Мы должны добиться его отмены, - не сдавался Гудериан. - Если мы ударим на Киев, зима наступит раньше, чем мы дойдем до Москвы. Мне страшно подумать, во что превратятся дороги и с какими трудностями мы столкнемся при организации снабжения войск всем необходимым. Я сомневаюсь, что наши танки выдержат такую нагрузку. У моих танковых корпусов, особенно у

Двадцать четвертого корпуса, не было и дня передышки с начала кампании.

Генерал-фельдмаршал фон Бок поддержал Гудериана. Разгорелась жаркая дискуссия. Наконец генералы решили, что Гудериан должен поехать вместе с Гальдером в ставку фюрера, попросить о встрече и попытаться разубедить Гитлера. Ближе к вечеру самолет взял курс на Растенбург в Восточной Пруссии. Когда Гудериан прощался с фон Бок, генерал-фельдмаршал процитировал слова, приписываемые офицеру стражи во дворце епископа Вормса, сказанные 17 апреля 1521 г. и адресованные Мартину Лютеру, когда тот попытался объяснить суть своего учения императору: "Монашек, монашек, путь твой непрост".

Ju-88 пророкотал моторами над огромным полем жнивья. Гудериан изучал карты и делал пометки в блокноте. В сумерках "Юнкерс" приземлился на летном поле ставки фюрера около Лётцена в Восточной Пруссии. Они поехали к "Вольфшанце" - лагерю из построенных под кронами могучих дубов бетонных бункеров, где жило и работало Главное верховное командование Вермахта. Часовой отдал честь, поднял шлагбаум, и машина покатила по асфальтированной дороге. Слева, в самом начале лагеря, находилось помещение для прессы. По обеим сторонам дороги тянулись серые строения, на крышах которых рос кустарник. Они проехали "Теехгаус" - столовую. Дом Кейтеля был налево, а в самом конце дороги, в небольшой низине располагался "домик фюрера" окруженный двойным кольцом охраны и забором в два ряда бункер. Чтобы попасть в святая святых ставки Гитлера требовался специальный желтый пропуск.

Жилище Гитлера ничем не отличалось от других - мрачное, спартанское, обставленное простой дубовой мебелью. Здесь "он" просиживал ночи напролет, склоняясь над картами, донесениями, фотографиями, графиками, докладными записками и прочими документами.

Не прошло и двух часов, как Гудериан стоял в совещательной комнате жилища фюрера, докладывая ему о состоянии дел в своей танковой группе. Следующий эпизод написан на основе информации, предоставленной генералом Байерлейном, которому Гудериан в деталях изложил свой разговор с Гитлером для записи в журнале группы, а также на заметках самого Гудериана.

Гитлеру не сказали, зачем к нему приехал Гудериан. Более того, генерал-фельдмаршал фон Браухич специально запретил Гудериану самому касаться темы Москвы. Поэтому тот начал беседу с рассказа о своих танковых частях - о поломках двигателей, о ситуации со снабжением, о сопротивлении русских и о потерях. Он не пытался сгущать краски, а просто докладывал все так, как было, надеясь, что Гитлер сам перейдет к тому, ради чего он приехал.

– Как вы думаете, ваши войска в состоянии достигнуть крупного успеха? - спросил Гитлер.

Все присутствующие воззрились на Гудериана. Он ответил:

– Если солдатам поставить высокую задачу, такую, выполнение которой воодушевило бы их всех, тогда - да.

Гитлер:

– Вы, конечно же, имеете в виду Москву.

Гудериан:

– Да, мой фюрер. Разрешите ли вы мне изложить мои доводы?

Гитлер:

– Разумеется, Гудериан. Говорите все, что думаете.

Наступил решающий момент.

Гудериан:

– Москву нельзя сравнить с Парижем или Варшавой, мой фюрер. Москва не только и голова и сердце Советского Союза. Она также - сосредоточение линий коммуникаций, политический мозг страны, важный промышленный центр, а кроме того, главный узел всей транспортной системы Красной империи. Падение Москвы будет означать победу в войне. - Гитлер слушал

молча. Гудериан продолжал: - Сталин знает это. Он знает, что падение Москвы станет для него окончательным поражением. И поскольку он это осознает, он бросит все военные силы страны на оборону Москвы. Он уже собирает последнее, что осталось. Несколько недель мы наблюдали это под Ельней. Перед Москвой нам предстоит столкнуться с главными силами русских войск. Если мы хотим разгромить армии Советского Союза окончательно, то именно там мы их и встретим. Там поле нашей главной битвы, и, если мы соберем в кулак все силы, мы возьмем приз с первого раза.

Гитлер по-прежнему молчал, а накал речи Гудериана достиг пика:

– После разгрома главных сил врага под Москвой и в Москве, после уничтожения главного транспортного узла Советского Союза Прибалтийский регион и индустриальные районы Украины достанутся нам значительно легче, чем до взятия Москвы, у которой останется возможность перебрасывать свои резервы - главным образом те, что находятся в Сибири, - на север или на юг.

Гудериан продолжал свою страстную речь. В помещении для совещаний царила тишина. Кейтель стоял, опершись на стол с картой, Йодль делал пометки в блокноте. Хойзингер слушал сосредоточенно.

В открытые окна лилась вечерняя прохлада. Великолепная сетка защищала комнату от мошек, комаров и мух, которых Гитлер не выносил. Целые сонмища этих насекомых кружили над озерцами и прудами, окружавшими резиденцию фюрера. Саперные части постоянно сражались с тварями, разбрызгивая бензин над стоялой водой пруда около жилища Гитлера. Запах бензина чувствовался в течение нескольких дней, но мошкара не собиралась погибать.

Гудериан подошел к карте и указал на нее:

– Мой фюрер, плацдарм для наступления на Москву до сих пор в наших руках. Планы развертывания войск и боевые приказы - все готово. Схемы движения транспортных средств и все инструкции соответствующим частям для наступления на Москву предоставлены. Во многих местах даже указатели заготовлены: такой-то и такой-то пункт - столько-то и столько-то километров до Москвы. Если вы отдадите приказ, танковые корпуса могут выступить уже сегодня ночью и прорваться через мощные сосредоточения войск Тимошенко под Ельней. Мне надо только позвонить к себе в штаб и произнести кодовое слово. Давайте же наступать на Москву - мы возьмем ее.

За всю историю существования прусских и немецких армий не происходило еще столь же полного драматизма разговора между генералом и верховным главнокомандующим. И наверное, в последний раз Гитлер столь же долго и терпеливо внимал словам генерала, который не соглашался с ним. Фюрер посмотрел на Гудериана. Поднялся. Несколько быстрых шагов - и вот он около карты. Гитлер встал рядом с Йодлем, начальником управления Верховного командования Вермахта, указал на Украину и завел речь в защиту своей точки зрения.

– Все мои генералы читали Клаузевица, - резким голосом начал Гитлер. - Но они не понимают военной экономики. Кроме того, я тоже читал Клаузевица и помню его максиму: "Сначала надо разгромить войска неприятеля, затем овладеть его столицей". Но дело не в этом. Нам нужно зерно Украины. Промышленность Донецкого бассейна должна работать на нас, а не на Сталина. Русских необходимо отрезать от запасов кавказской нефти, чтобы ослабить их мощь. И еще, мы должны овладеть Крымом, чтобы вражеские самолеты перестали представлять угрозу для румынских нефтяных вышек.

Гудериан почувствовал, как кровь ударяет ему в голову. Военная экономика не являлась стратегией. Воевать - значит уничтожать технику и живую силу противника, а не собирать рожь, яйца, взбивать масло, добывать уголь и нефть. Это был подход какого-то колониального правителя, а не Клаузевица.

Но Гудериан молчал. Что еще мог он, боевой командир, сказать человеку, располагавшему верховной политической и военной властью, после того, что он уже сказал? Политик принял решение, и солдату не оставалось ничего другого, как только подчиняться.

В полночь историческая встреча завершилась. Когда Гудериан доложил обо всем Гальдеру, которого Гитлер на совещание не пригласил, начальник Генштаба сухопутных войск не смог сдержать ярости:

– Почему вы не бросили ему рапорт об отставке?

– А почему вы не бросили? - удивился Гудериан.

– Потому что в этом нет никакого смысла, - ответил Гальдер. - Он с радостью избавится от нас, но мы должны делать свое дело.

Полчаса спустя в штабе 2-й танковой группы в Прудках зазвонил телефон. Дежуривший начальник оперативного отдела поднял трубку и услышал усталый голос Гудериана:

– Байерлейн, того, к чему мы готовились, не будет. Будем делать другие дела, гораздо ниже - вы поняли?

– Я понял, господин генерал-полковник. 5. Крупная ошибка Сталина Битва на уничтожение под Рославлем и Клинцами - Сталин верит своим тайным службам - Танковый удар на юг - Еременко ожидает наступления на Москву.

Байерлейн прекрасно понимал Гудериана. В течение дня из группы армий "Центр" стали поступать приказы в рамках нового плана: частям 2-й танковой группы предстояло ударить на юг для захвата Украины.

Сразу же после звонка Гудериана начштаба 2-й танковой группы полковник фрайгерр фон Либенштейн собрал офицеров на совещание. Он знал Гудериана. Когда командующий прибудет из Растенбурга, то не поймет, если у его штаба все не будет готово к выступлению.

Все в штаб-квартире 2-й танковой были сильно подавлены решением Гитлера нанести удар по Украине, отодвинув планы взятия Москвы. Никто не понимал почему. Все считали это ошибкой. Умы вышколенных штабных офицеров восставали против нарушения одного из базовых постулатов теорий Клаузевица: не поддаваться соблазну отказаться от главной цели, всегда придерживаться рамок оперативного плана и сконцентрировать все усилия для нанесения ударов по главным силам неприятеля.

Скоро должна была сделаться очевидной вся пагубность отказа от наступления на Москву в тот момент, когда она находилась уже так близко всего в каких-то трехстах с небольшим километрах - и, как можно было с уверенностью предположить, вероятнее всего, пала бы под ударами получивших пополнения танковых корпусов Гудериана и Гота.

Приказ - во всяком случае, в той его части, которая касалась танковых корпусов Гудериана, - был ясен. Он гласил: "Выдвинуться на юг в тыл советской 5-й армии на главном участке группы армий маршала Буденного "Юго-Западное направление", защищающей часть Левобережной Украины и Киев".

Первой целью Гудериана являлся Конотоп - железнодорожный узел на линии Киев-Москва. Следующий шаг будет зависеть от развития ситуации - от того, как далеко удастся продвинуться группе армий "Юг".

Когда 24 августа Гудериан прибыл в Шумячи (небольшое село на шоссе, ведущем в Москву), где Либенштейн устроил штаб-квартиру танковой группы, командующий вновь был полон вдохновения. Он поприветствовал приунывших Либенштейна, Байерлейна и майора фон Хойдука, начальника разведки, и направился прямо в штабной автобус.

– Я знаю, о чем вы думаете, - спокойно произнес он. - Вы спрашиваете себя: почему у него не получилось? Почему он сдался? - Не дожидаясь ответа, Гудериан продолжал: - Я ничего не мог сделать, господа. Мне пришлось сдаться. Я был один. Ни главнокомандующий генерал-

фельдмаршал фон Браухич, ни начальник Генерального штаба не присутствовали со мной вместе у фюрера. Мне противодействовали сплоченные ряды Главного командования Вермахта. Все присутствующие кивали в ответ на каждую фразу фюрера, и никто не поддержал моего мнения. Совершенно ясно, что накануне фюрер изложил им мотивы, которыми руководствовался при принятии этого странного решения. Я употребил все свое красноречие, но тщетно. Нечего теперь оплакивать крушение наших планов. Нам должно приложить все возможные силы и умение для выполнения новых задач. Такой кровью доставшиеся нам исходные позиции для броска на Москву - под Рославлем, Кричевом и Гомелем - послужат нам в качестве трамплина для прыжка на Украину.

Гудериан оказался прав. В результате операций, которые в начале августа вела группа армий в районе Рославля и Кричева, немцы взяли в плен 54 000 красноармейцев и создали условия для проведения операции в соответствии с новым планом. Давайте посмотрим, что происходило за три недели до того, как Гудериан вернулся в свой штаб из ставки Гитлера.

1 августа Гудериан, силами двух пехотных и одного танкового корпуса, развернул наступление на Рославль с целью окружения противника. Основные силы пехотных дивизий атаковали неприятеля, с тем чтобы связать его боем. 292-я пехотная дивизия, действуя как ударная часть 9-го корпуса, при значительной поддержке артиллерии и реактивных минометов, устремилась на юг в тыл русским. 3 и 4-я танковые дивизии выполнили быстрый охватывающий маневр с юго-западного фланга, сначала в восточном направлении, а затем в северном - через дорогу Рославль-Москва, и замкнули кольцо, соединившись с 292-й пехотной дивизией на Московском шоссе. План сработал - при Рославле русские оказались в классическом окружении.

Боевой журнал капитана Кюпперса, офицера по связи с артиллерией 197-й пехотной дивизии, боевые донесения 7-го армейского корпуса и ежедневные сводки с мест боев пехотного батальона - все они сохранились - дают возможность восстановить яркую картину событий.

Час "Ч" наступил в 04.30. Атака по всей линии 7-го корпуса началась без артподготовки. Головные колонны пехотных полков продвинулись вперед, оставив позади группу связи начальника артиллерии, которая вместе с подполковником Маркардом залегла на переднем крае с 03.00, изучая позиции русских. Там царил тишина. И вот тишину утра разорвал первый винтовочный выстрел - у пехотницев не выдержали нервы, и пальцы нажали на спусковые крючки. Русские часовые пробудились от полудремы. Заговорил советский пулемет. Заухали минометы. Командир 197-й пехотной дивизии генерал-майор Майер-Рабинген помчался на передовую на своем вездеходе. Дальше, в селе Шапки, 3-й батальон майора Вайхгардта из состава 332-го пехотного полка уже ворвался на позиции русских. В ход пошли штыки, лопатки и пистолеты. Через полчаса в небо взлетела белая ракета: "Мы на месте!"

"Артиллеристы - вперед!" - радировал передовой наблюдатель в тыл. Капитан Брид, командир 2-го дивизиона 229-го артиллерийского полка, приступил к действию через долю секунды. Его машина достигла окраины села. Вспыхнуло пламя, прогремел взрыв - минное поле.

Левое переднее колесо автомобиля Брида взлетело в воздух. Судьбу первой машины разделила и машина наблюдателя, попытавшегося свернуть с дороги. Получивший приказ "Саперы - вперед!" 229-й инженерно-саперный батальон занялся обезвреживанием мин. Между тем выдвинувшиеся на позиции орудия 2-го дивизиона оказывали огневую поддержку пехоте. Появились первые пленные. Один из них, невысокий украинец, говорил по-немецки. Слова его вызывали доверие. Переводчики дали ему хлопчатобумажную форму с нарукавной повязкой "Немецкий Вермахт".

В 04.00 2 августа пехотинцы вновь пошли в бой. Целью была главная дорога из Смоленска в Рославль. Для 347-го пехотного полка выдался особенно трудный день. Батальоны оказались на сильно пересеченной местности, атакуемые противником в заболоченном лесу, и продвигались

с большими потерями. Русские вновь продемонстрировали свое искусство воевать в зарослях кустарника и деревьев, безошибочно маневрируя в непроходимом подлеске. Их позиции, расположенные не на опушке, а глубоко в лесу, были превосходно замаскированы; дзоты и окопы устроены с дьявольской изобретательностью: они имели только задний сектор обстрела, оставаясь совершенно незаметными спереди и сверху. Немецкие пехотинцы, ничего не подозревая, углублялись в заросли и получали пулю в спину.

Кроме того, русские показали себя мастерами просачиваться на немецкие позиции. Двигаясь поодиночке, они держали связь с товарищами в чаще, имитируя крики животных и птиц. Проследовав немецкие позиции, красноармейцы собирались в штурмовые группы. Штаб 347-го пехотного полка на себе испытал "прелести" русской тактики.

В 02.00 раздалась команда "К бою!", тут же прозвучали выстрелы. Русские находились рядом со штабом полка. Они окружили его и, держа наперевес винтовки с примкнутыми штыками, ворвались в дом, где спали офицеры. Адьютант, дежурный офицер и начальник медслужбы полка полегли у входа в сторожку лесника. Унтер-офицеры и личный состав штаба были перебиты прежде, чем успели схватиться за пистолеты и карабины. Командиру полка подполковнику Бремеру повезло: он успел спрятаться за поленницей и в течение двух часов отстреливался из автомата. В конечном итоге Бремера выручили артиллеристы.

Между тем 332-й пехотный полк достиг главной дороги Рославль-Смоленск. Оберлейтенант Веде с 10-й ротой блокировал дорогу и штурмом взял село Глинки. Красноармейцы в Рославле осознали создавшуюся для них угрозу окружения. Сев на грузовики, они выехали из города и попытались выбить 10-ю роту с занятых ею позиций. Они забрасывали немцев гранатами, поливали очередями из пулеметов и автоматов. 10-я рота держалась, но после полудня упорство ее солдат иссякло, и русские отбили село.

Для того чтобы контратаковать немедленно, лейтенант Веде собрал в кулак все, что имел, и поставил под ружье снабженцев, сапожников, поваров. Ударив по врагу, он выбил красноармейцев с их позиций, но во второй половине дня они снова овладели Глинками. Еще одна контратака. Дом за домом отбивали немцы с огнеметами и гранатами в руках. Селу еще не раз предстояло перейти из рук в руки.

В воскресенье, 3 августа, 197-я пехотная дивизия оказалась в сложной ситуации из-за того, что 347-й пехотный полк значительно отстал. Советский войска пытались прорваться на границе между 347-м и 321-м пехотными полками. Артиллеристы палили из всех стволов. В довершение всех неприятностей зарядили дожди. Дороги превратились в вязкое месиво. В 16.00 лейтенант Веде погиб на подступах к Глинкам. 321-й пехотный полк отчаянно сражался за жизнь. Некоторые его подразделения оказались в окружении, и им пришлось отбиваться от противника со всех сторон.

На правом фланге 7-го корпуса складывалось более обнадеживающее положение. Ближе к 11.00 большая часть 78-й пехотной дивизии вышла на дорогу Кричев-Рославль. В восхищении пехота наблюдала за тем, как 4-я танковая дивизия выступает на охватный маневр к Рославлю.

Тем временем на самом левом крае, в полосе действий 292-й пехотной дивизии, 509 и 507-й полки с боями продвигались по слабым грунтам и превратившимся в кашу дорогам. Среди бойцов передовой роты 507-го пехотного полка на левом фланге плечом к плечу с ее капитаном шел человек в галифе с малиновыми лампасами - генерал-полковник Гудериан.

По мере продвижения приходило все больше сообщений о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться 292-й пехотной дивизии, - трудностях, которые могли пагубно сказаться на всем плане, что вынудило командующего лично встать в строй с простыми пехотинцами, чтобы самому понять, что же происходит. Позднее Гудериан говорил своим штабным об этом как о чем-то само собой разумеющемся:

– Мое присутствие заставляло их идти вперед, не растрачивая слов попусту.

– Быстрый Гейнц в шкуре пехотинца! - удивлялись солдаты. Они подтянулись. Когда головное штурмовое орудие остановилось в нескольких километрах от Московского шоссе, являвшегося целью того дня, Гудериан в одно мгновение забрался на него.

– Что случилось?

– По шоссе идут танки, господин генерал-полковник, - сообщил наводчик орудия.

Гудериан посмотрел в бинокль.

– Давайте белую ракету!

В небо поднялась белая ракета. Над шоссе в ответ взвилась другая. Это означало, что 35-й танковый полк 4-й танковой дивизии - уже на шоссе, ведущем к Москве. В 10.45 23-я пехотная дивизия пробилась в северную часть Рославля.

4 августа Глинки вновь оказались потеряны. Пикировщики "Штука" бомбили советский укрепленный пункт. Атака русских танков, ударивших в левый и правый фланг 197-й пехотной дивизии, захлебнулась под огнем, который вели немцы из всех имевшихся в их распоряжении стволов. Глинки опять сменили хозяев. Русские дрогнули и отошли. Они предприняли быструю и отчаянную попытку прорваться по Московскому шоссе.

5 августа стало известно, что мощная танковая часть русских сумела прорвать котел под Казаками в районе боевых действий 292-й пехотной дивизии. Полки дивизии были так сильно растянуты и вели столь ожесточенные оборонительные бои, что не смогли закрыть брешь. По пробитому коридору текли снабженческие грузы, шли пехотные и артиллерийские части. Гудериан немедленно поспешил к "окну". Он лично двинул танковую роту против русских, организовал боевую группу из штурмовых орудий и артиллерии, поставил ее под начало командующего артиллерией 7-го корпуса генерала Мартинека, которому в итоге удалось "залатать" брешь.

8 августа все закончилось. Немцы насчитали 38 000 пленных. В качестве добычи победителям досталось две сотни танков, большое количество разного рода техники и орудий. Советская 28-я армия под командованием генерал-лейтенанта Качалова перестала существовать. Но не это было главным. На расстоянии 40 километров в направлении Брянска и к югу не осталось частей противника. Открылись огромные ворота на Москву. Но Гудериан хотел подстраховаться. Чтобы по-настоящему обезопасить фланги в ходе броска к столице Сталина, предстояло сначала устранить угрозу с глубокого правого фланга под Кричевом.

Генерал фрайгерр Гейр фон Швеппенбург, жесткий и решительный командир 24-го танкового корпуса, дивизии которого только что захлопнули ловушку под Рославлем, приказал своим танкистам атаковать войска Тимошенко в районе Кричева смелым маневром. 14 августа операция успешно завершилась. Были разгромлены еще три русских дивизии, в плен попало 16 000 красноармейцев, немцам досталось много орудий и разного рода снаряжения.словно пудовым молотом, Гудериан разнес замок Тимошенко на воротах, ведущих в Москву.

Успех Гудериана разжег аппетит ставки фюрера. Уже на следующий день она потребовала нанести удар по крупным силам Тимошенко в Гомеле, чтобы высвободить 2-ю армию генерал-полковника фрайгерра фон Вейхса. Гудериан должен был направить одну танковую дивизию в помощь 2-й армии. Гудериан ответил:

– Если использовать, то целый корпус. Одной дивизии недостаточно для действий на таком расстоянии.

15 августа 24-го танковый корпус вновь отправился в путь - в южном направлении. Авангард составляли 3 и 4-я танковые дивизии, за ними - 10-я моторизованная дивизия. После прорыва этими силами вражеских позиций дивизии предстояло ударить на Гомель на западном фланге. Всего одной - как приказывало главное командование. Столь разумная интерпретация

приказа обеспечила победу. И Гудериан смог с умом ею распорядиться.

16 августа 3-я танковая дивизия овладела мглинской дорожной развязкой. Семнадцатого числа - железнодорожным узлом в Унече. Таким образом, железнодорожная линия Гомель-Брянск-Москва оказалась перерезанной. 21 августа два танковых корпуса Гудериана достигли важной исходной позиции под Стародубом и Почепом. Все приготовления к рывку на Москву завершились. И именно в этот день Гитлер отменил все планы захвата советской столицы, приказав наступать на Украину.

Столь драматический поворот событий. Значение его было в действительности даже большим, если принимать во внимание то, что произошло в Кремле. 10 августа Сталин получил донесение из Швейцарии от своего главного агента, Александра Радо. Радо уверял, что германское Верховное командование намерено позволить группе армий "Центр" нанести удар по Москве через Брянск. Информация вполне заслуживала доверия: таковы и были планы Главного командования сухопутных войск.

О том, какой эффект произвело это донесение на московское руководство, рассказывается в воспоминаниях генерала Еременко. 12 августа он получил приказ маршала Тимошенко немедленно отбыть в Москву для вступления в новую должность. Еременко пишет: "Я прибыл в Москву ночью и был немедленно принят в Ставке Верховного Главнокомандующего Сталиным и начальником Генштаба Красной Армии, маршалом Шапошниковым. Шапошников быстро обрисовал положение на фронтах. Его заключение, основанное на данных разведки и другой информации (вне сомнения, Радо), было таково: на центральном участке противник будет обязательно наступать на Москву через Брянск из района Могилев-Гомель.

После того как маршал Шапошников обрисовал ситуацию, И.В.Сталин показал на своей карте направления главных ударов противника и объяснил, что необходимо создать в районе Брянска сильный оборонительный рубеж для того, чтобы прикрыть Москву. В то же время, нужно создать ударную группировку для обороны Украины.

Затем Сталин поинтересовался у Еременко, где бы тот хотел служить. Этот эпизод проливает свет на интересную практику советского Генштаба, а также на то, как вел себя Сталин по отношению к своим генералам. Вот что говорит Еременко:

"Я ответил:

– Я готов отправиться туда, куда вы меня направите.

Сталин внимательно посмотрел на меня, и тень нетерпения пробежала по его лицу. Он очень коротко спросил:

– А на самом деле?

– Там, где труднее всего, - быстро отозвался я.

– И там и там положение в равной мере трудное и в равной мере сложное. Оборона Крыма так же важна, как брянский рубеж, - прозвучало в ответ.

Я сказал:

– Товарищ Сталин, пошлите меня туда, где будут атаковать танковые части противника. Я считаю, что смогу принести больше пользы именно там. Мне известен характер и тактика немецких танковых войск.

– Очень хорошо, - с удовлетворением произнес Сталин. - Завтра утром вы отправитесь создавать Брянский фронт. На вас возлагается ответственная задача по прикрытию стратегического участка московского направления с юго-запада. Бросок на Брянск будет осуществлять танковая группа Гудериана. Он употребит все силы на то, чтобы прорваться к Москве. Вы встретитесь с моторизованными частями вашего старого друга, с методами которого вы знакомы по Западному фронту".

Уверенность, с которой Сталин излагал планы группы армий "Центр", просто поразительна,

особенно если вспомнить о том, что в первые недели войны Верховное Главнокомандование советских войск почти ничего не знало о намерениях немцев.

Разумеется, тот факт, что взятие Москвы является одной из задач Вермахта, был ясен и без подсказок из тайных источников. Но немцы точно так же могли атаковать и с севера. И действительно, директивой Главного командования Вермахта № 34 от 10 или 12 августа такой вариант предусматривался. С другой стороны, Гудериан не хотел наносить удар через Брянск, но предполагал наступать на Москву из района Рославля по обеим сторонам Московского шоссе. Однако оперативный план, представленный на рассмотрение Гитлера 18 августа генерал-полковником Гальдером, начальником Генерального штаба сухопутных войск, предусматривал наступление из района Брянска и соответствовал тому, что Сталин говорил Еременко 12 августа.

Сталин считал, что атака на Москву будет развиваться через Брянск. Вождь верил Александру Радо и продолжал верить ему еще долго после того, как Гитлер отказался от плана Главного командования и приказал танковой группе Гудериана повернуть на юг.

Упорство, с которым Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Советского Союза продолжал считать Москву главной целью немецкого наступления, нашло отражение и в том, что он не желал прислушиваться к сведениям, полученным от пленных немцев, и к тревожным донесениям своей воздушной разведки. Еременко пишет:

"Ближе к концу августа мы взяли несколько пленных, которые на допросах показали, что немецкая 3-я танковая дивизия, достигнув Стародуба, должна была двигаться на юг, чтобы соединиться с танковой группой Клейста. Согласно показаниям этих пленных, 4-я танковая дивизия должна была идти правее параллельным курсом с 3-й танковой дивизией. 25 августа эти данные подтвердила наша воздушная разведка, заметившая крупную механизированную колонну противника, двигавшуюся в южном направлении".

Сведения, полученные от военнопленных - хорошо информированных военнослужащих, - были верны. Так все и происходило: 25 августа Гудериан приказал 3-й и 4-й танковым дивизиям, а также и 10-й моторизованной дивизии перейти Десну в районе Новгорода-Северского и Коропа. 17-я танковая и 29-я моторизованная пехотная дивизии прикрывали фланги от возможных ударов частей Еременко из района Брянска.

Но советский Генштаб и Еременко считали, что немцы собираются наступать на Москву. В Москве рассматривали поворот Гудериана на юг как широкомасштабный охватывающий маневр. Еременко пишет: "Из действий противника я сделал вывод, что своими мощными передовыми частями при поддержке сильных танковых соединений, он осуществляет разведку боем и выполняет маневр с целью нанесения удара во фланг нашего Брянского фронта".

Роковая ошибка. Продвигавшиеся на юг танковые дивизии Гудериана не собирались поворачивать к Москве, и 29-я моторизованная пехотная, и 17-я танковая дивизии, сражавшиеся против частей Еременко в гибельных, удобных для устройства засад лесах по сторонам автомобильной и железной дорог на Брянск, в действительности не ставили своей целью захват этого города. Они прикрывали продвигавшиеся к Десне войска Гудериана, которому предстояло захлопнуть ловушку за спиной у советских войск под Киевом. Прикрывавшие фланги части несли в боях ощутимые потери. Ожесточенное сражение в этих местах связано с названием населенного пункта Почеп. Тут пришлось держать оборону 167-й пехотной дивизии. Только за один день ее 331-й пехотный полк потерял почти полностью 3-ю роту.

Тем временем 3-я танковая дивизия - дивизия "Медведь" - из Берлина быстро шла к верхнему течению Десны, протекавшей по широкой заболоченной местности, где в последние несколько недель по приказу Тимошенко гражданское население лихорадочно возводило оборонительные рубежи. Днем немецкие солдаты сражались, а ночью спали на обочине дороги, лежа под танками и в кузовах грузовиков. Целью стала не Москва, а города Северной Украины.

Но советское Верховное Главнокомандование было слепо. Сталин не просто направил свои войска в неверном направлении, он сделал нечто куда более худшее. Он упразднил советский Центральный фронт с действовавшими на нем 21-й и 3-й армиями - фронт, служивший заслоном на пути немцев к Северной Украине, - и направил высвобожденные дивизии в распоряжение группы армий Еременко для обороны Москвы. Еременко с горечью замечает: "Верховное Главнокомандование вновь информировало нас, что удар Гудериана нацелен в правый фланг Брянского фронта - иными словами, на Москву. 24 августа товарищ Шапошников сообщил мне, что наступления надо ожидать через день или два".

Тщетно они ждали противника. Еременко продолжает:

"Однако это предположение не нашло подтверждения. Враг атаковал в южном направлении, едва задев наш правый фланг. В то время ни Верховное Главнокомандование, ни командование фронта не имели ясности в отношении того, что направление наступления немецкой группы армий "Центр" изменилось и она повернула на юг. Эта ошибка Генштаба привела к тому, что для нас на юге сложилась крайне сложная ситуация".

Гитлер и Сталин словно бы соревновались друг с другом в сведении на нет достижений собственных военачальников своими роковыми ошибками. Пока, однако, становились очевидными лишь ошибки Сталина.

Было 25 августа - жаркий день. Солдаты обливались потом. Густая пыль облаками окутывала колонны, покрывала лица людей и проникала под форму. Она оседала на броне танков и бронемашин, толстым слоем ложилась на мотоциклы и вездеходы. От нее - похожей на пшеничную муку - никто нигде не мог найти спасения.

Уже пять часов 3-я танковая дивизия шла от Стародуба по дороге на юг. Командир соединения, генерал-лейтенант Модель, находился в вездеходе во главе своей штабной группы, в которую входили бронемашина разведки, радиофургон, связные на мотоциклах и несколько вездеходов. Пехотинцы ругались всякий раз, когда эта группа проносилась мимо, поднимая еще более густые тучи пыли.

Возглавлявший группу Модель указал на старую ветряную мельницу слева от дороги. Машина проехала по мостику над речкой и оказалась на жнивье. Офицеры достали карты, и генерал провел штабное совещание прямо на голой земле. Вытянулись длинные антенны радиостанции в фургоне. Связные на мотоциклах отправились с приказами и вскоре возвратились. Водитель Моделя, прихватив два ведра, отправился к речке за водой. Модель протер монокль, и вот он уже сверкал на солнце в глазу генерала. Явился с докладом подполковник фон Левински, командир 6-го танкового полка.

– Где находится мельница? - спросил Модель, указывая на расстеленную на ящике из-под ручных гранат русскую карту масштаба 1:50 000.

– Здесь, господин генерал.

Кончик карандаша Моделя пробежал от холма, где стояла мельница, ко второму листу карты, который придерживал дежурный офицер. Карандашная линия закончилась на небольшом городе, Новгороде-Северском.

– Сколько до него?

Офицер разведки приложил к карте циркуль.

– Тридцать пять километров, господин генерал.

Радист явился с сообщением из передовой части.

– В Новгороде противник оказывает серьезное сопротивление. Укрепившись на плацдарме на западном берегу Десны, неприятель обороняет подступы к двум большим мостам.

– Русские собираются удерживать рубеж по Десне. - Модель кивнул. Разумеется, у Красной Армии имелись на то веские причины. Долина Десны представляла собой отличное

естественное препятствие шириной 600-1000 метров. Тот, кто хотел перейти реку с бесконечными болотами вместо берегов, должен был владеть мостами. Большой автомобильный мост в Новгороде-Северском имел в длину около 800 метров, а меньший по размерам пешеходный мост лишь немного уступал ему по протяженности. Оба моста были деревянными, и ни один из них, в соответствии с данными эскадрильи воздушной разведки дивизии, до сих пор не взорвали. Однако мосты защищали крупные силы противника.

– Один из этих мостов должен достаться нам, Левински, - обратился Модель к командиру танкового полка. - Иначе на то, чтобы переправиться через эту проклятую реку, у нас уйдут недели, а то и месяцы.

Левински кивнул.

– Мы сделаем все, что в наших силах, господин генерал, - сказал он, отдал честь и удалился.

– Поехали, - сказал Модель офицерам своего штаба. Поскольку на главном направлении наступления было не протолкнуться, штаб дивизии отправился в путь по песчаному проселку. Двигаясь через густые заросли, их машины углубились на вражескую территорию километров на пятьдесят. В любой момент они могли угодить под обстрел. Однако если думаешь о таких вещах, лучше сидеть на месте.

Издали доносился грохот боя. Танковые части на острие наступления вошли в соприкосновение с русскими. Солдаты мотоциклетных частей вели огневую дуэль с противником. На позиции выдвигалась батарея тяжелых орудий. В бинокль Модель видел прекрасные здания церквей и монастырей Новгорода-Северского на холмах на западном берегу реки. За этими высотами находилась долина Десны с двумя мостами.

Советская артиллерия вела огонь из города. Батареи 152-мм гаубиц били очень точно. Артиллерия еще с царских времен всегда была любимым родом войск у русских. Впоследствии Сталин назовет артиллеристов богами войны. Вот к грохоту пушек и свисту снарядов примешалось уханье минометных батарей. Секунду спустя мины уже рвались повсюду. Один осколок попал в руку Моделю. Его наскоро перевязали. Командиру 75-го артиллерийского полка полковнику Рису повезло меньше. Он умер от ран по пути в медсанчасть.

Русские самолеты атаковали на бреющем полете.

– Зенитки к бою!

Артиллерия противника успела пристреляться - время менять позиции.

В тот же вечер с наступлением темноты в атаку пошли 6-й танковый полк и мотоциклетный батальон. Но продвижению бронетехники мешали широкие противотанковые рвы со стенками, укрепленными бревнами. Тем временем пехотный полк, задачей которого было ударить на русских с северо-запада, застрял где-то на песчаных дорогах.

Всем остановиться! Атаку пришлось отложить до следующего утра.

В 05.00 все вновь пришло в движение. Артиллеристы начали бить по противотанковым заграждениям из тяжелых орудий. Саперы принялись проделывать ходы. Вперед! Кое-где русские дрались упорно и яростно, но в других местах обороняющимся явно не хватало расторопности и веры в свои силы. Некоторые уже начали сдаваться - люди между тридцатью пятью и сорока пятью, по большей части никогда прежде в армии не служившие и прошедшие лишь очень непродолжительную военную подготовку. Они не могли сдержать мощную атаку немцев, несмотря на комиссаров у себя за спиной. Немецкие танки, самоходные орудия, мотоциклисты и пехота наносили удары по уязвимым точкам обороны противника. В 07.00 обер-лейтенант Фопель с танками своей 2-й роты и бронемашинами из 1-й роты 394-го стрелкового полка заняли позиции к северу от Новгорода-Северского. Задача Фопеля состояла в том, чтобы оказать огневую поддержку штурмовому саперному подразделению лейтенанта Штёрка, целью которых стал 800-метровый деревянный мост. К маленькой боевой группе со

своими танками присоединился обер-лейтенант Бухтеркирх из 6-го танкового полка, считавшийся в дивизии Моделя экспертом по мостам. Ближе к 08.00 с южной стороны раздался звук мощного взрыва, и в небо поднялись клубы дыма и пыли - русские взорвали пешеходный мост.

Все теперь зависело от успеха действий Штёрка и Бухтеркирха.

Штёрк и его солдаты на бронетранспортерах не замечали того, что происходило справа и слева от них, а пробивали себе путь через русские колонны. Они шли вперед и вперед по отвратительным дорогам, утопая по колено в песке. Под прикрытием туч пыли они смешались с машинами отступающих частей противника и поспешили к северной части города. Затем поехали к большому мосту.

– Он все еще на месте! - крикнул Бухтеркирх. Водитель, радист и стрелок просияли, а лейтенант скомандовал: - У моста противотанковая пушка! Прямо на нее!

Русские бросились наутек. Лейтенант Штёрк и его люди спрыгнули с бронетранспортера и побежали к мосту. Перебили охрану. Вдоль ограждения пролегли ведущие к подрывным зарядам провода. Немцы оборвали их, а взрывчатку сбросили в воду. Бочки с бензином свисали с балок по обеим сторонам. Немцы перерезали веревки, и бочки свалились в реку. Штёрк и его люди побежали дальше - командир все время впереди, за ним фельдфебель Хайерес и унтер-офицер Штрукен. Обер-ефрейтор Фун и ефрейтор Бейле тащили пулемет. То и дело они пригибались, прячась за цистернами с водой и мешками с песком.

Внезапно Штёрк остановился. Унтер-офицеру не пришлось даже кричать, чтобы предостеречь командира, - лейтенант сам уже все видел. Посредине моста лежала тяжелая советская авиабомба с часовым взрывателем. Сохраняя спокойствие, Штёрк вывинчивал детонатор. Это было состязание со смертью кто быстрее. Успеет или нет? Он успел. Впятером они спихнули уже обезвреженную бомбу с дороги.

Они бежали дальше. Только теперь к ним пришло осознание того, как это много, 800 метров. Мост казался бесконечным. Наконец они добрались до цели и ракетой подали знак танкистам - путь свободен. Тем временем Бухтеркирх в своем танке медленно приблизился к берегу и въехал под мост. Фопель с остальными танками сверху обеспечивал огневую поддержку.

Вовремя. Когда русские осознали, что немцы захватили мост, они послали подрывные команды - крупные отряды из 30 или 40 человек, вооруженных канистрами с бензином, подрывными зарядами и бутылками с "коктейлем Молотова". Красноармейцы спустились под мост и взобрались по балкам.

Бухтеркирх хладнокровно открыл по ним огонь из пулемета с противоположной стороны реки. Несколько бочек с бензином взорвалось. Но везде, где пламя угрожало возгоранием деревянных конструкций, в дело вступали находившиеся на чеку немецкие саперы. Советские артиллеристы в ярости попытались уничтожить мост и захватчиков. Но безуспешно. Люди Штёрка подползали под покрытие моста и очищали его от зарядов взрывчатки в больших зеленых резиновых сумках. Она могла сдетонировать от какого-нибудь близко разорвавшегося снаряда.

Полчаса спустя танки, мотоциклетные части и штурмовые орудия уже шли по мосту. Позиции русских на Десне - ворота на Украину, застрять у которых так опасались немецкие генералы, с треском распахнулись. Горстка солдат, ведомых отчаянными офицерами, решила первый акт кампании за Украину. Богатые зерном районы России лежали перед танками Гудериана. Под сияющим небом уходящего лета они, скрипя гусеницами, катились на юг.

Командирская бронемашина генерала Моделя переезжала мост как раз тогда, когда санитар перевязывал поврежденную левую тыльную сторону ладони лейтенанта Штёрка.

Лейтенант доложил о случившемся. Модель не скрывал радости:

– Мост стоит всей дивизии, Штёрк.

В этот момент по мосту вновь принялась палить русская артиллерия. Но наводчики оказались не на высоте, и снаряды падали в воду. Генерал выехал на берег. Танки 1-го батальона 6-го танкового полка, а за ними 2-я рота 394-го стрелкового полка выдвигались на плацдарм. Шум боя впереди стал громче - к хлопанию минометов и треску пулеметов примешивался резкий лай 50-мм танковых пушек 2-й роты лейтенанта Фопеля. Русские, собрав все имевшиеся в их распоряжении силы, при поддержке танков и артиллерии бросили их в бой против немцев, закрепившихся на пока еще маленьком плацдарме. Они стремились уничтожить его и отбить мост Новгорода-Северского или хотя бы разрушить его.

Но Модель прекрасно понимал значение моста. Генерал не нуждался в настойчивых напоминаниях Гудериана по телефону: "Удержите его любой ценой!" Мост давал немцам шанс быстро выйти в тыл Юго-Западного фронта Буденного, ударив с севера. Если действующая южнее танковая группа Клейста из состава группы армий "Юг" Рундштедта сможет перейти на восточный берег Днепра в низовье и устремится на север, тогда образуется громадный котел - такой громадный котел, о котором любой стратег только может мечтать. 6. Битва за Киев Рундштедт ведет тяжелые бои на южном фланге - Танковая победа Клейста в Умани - Маршал Буденный пытается ускользнуть из западни - Приказ Сталина: "Ни шагу назад!" - Гудериан и Клейст захлопывают ловушку: 665 000 военнопленных.

Где же находился генерал-полковник фон Клейст? Как складывалась ситуация на фронте генерал-фельдмаршала фон Рундштедта? Где были танки с большой белой "К" на броне - бронированный кулак группы армий "Юг"? Что происходило на Южном фронте, пока на Центральном - под Белостоком, Минском, Смоленском, Рославлем и Гомелем - велись грандиозные бои на уничтожение?

Для группы армий "Юг" Киев значил то же, что и Смоленск для группы армий "Центр". Столицу Украины, располагавшуюся на правом берегу Нижнего Днепра, ширина которого достигает 700 метров, предстояло захватить после разгрома советских войск к западу от реки - сделать все так, как было в Смоленске после окружения частей Красной Армии в районе Белосток-Минск.

Вместе с тем группе армий "Юг" Рундштедта не удавалось воплощать в жизнь планы так же гладко, как это происходило у немцев на центральном направлении. Здесь наступающих ждало несколько очень неприятных сюрпризов. Поскольку, по политическим причинам, поначалу вести операции на 400-километровой румынской границе в Карпатах было нельзя, вся тяжесть наступления ложилась тут на левофланговые части - т.е. северное крыло группы армий. Там 17-й армии генерала фон Штюльпнагеля и 6-й армии генерал-фельдмаршала фон Рейхенау предстояло прорвать оборону русских, углубиться во вражеские позиции, двигаясь на юго-восток, а затем, повернув на юг, силами авангарда - танковой группой Клейста - окружить русских. При этом танкистам Клейста отводилась роль одного из "щупалец" охвата частей противника. Именно одного, поскольку, в отличие от группы армий "Центр", Рундштедт располагал всего одной танковой группой. Вторым "щупальцем" охвата, значительно более коротким, предстояло стать 11-й армии генерал-полковника риттера фон Шоберта, дислоцированной на юге Румынии. Эта армия должна была форсировать Прут и Днестр и наступать на восток в направлении танковой группы Клейста, чтобы замкнуть кольцо окружения за миллионной группировкой Буденного.

План был хорош и разумен, но Рундштедту попался умный противник. Кроме того, что еще более важно, он вдвое превосходил немцев численно. 600 танкам Клейста Буденный мог противопоставить 2400 бронированных боевых машин, включая чудовища вроде КВ. В

распоряжении советского маршала имелись целые бригады Т-34 - даже более грозных, чем КВ.

22 июня немецкие дивизии успешно перешли пограничные реки также и на юге, ударив по укрепленным рубежам противника. Но запланированного стремительного прорыва на северном фланге не получилось. Отведя роль ударных сил вторжения на столь обширную и очень хорошо защищенную территорию, как Украина, всего одной танковой группе, разработчики плана совершили ошибку. Быстрый успех на Центральном фронте стал следствием применения революционной тактики. Там две мощные танковые группы, возглавляемые смелыми и талантливыми командующими, смогли окружить и ликвидировать основное ядро советских войск. Однако на юге и на севере из-за отсутствия у командующего второй танковой группы для выполнения стремительного охватывающего маневра достигнуть столь же внушительных результатов не получилось. Выполнить запланированные задачи на юге немцам не удалось не из-за недостатка опыта и таланта у командиров, не из-за нехватки храбрости и не из-за недостаточной стойкости солдат и офицеров. Для столь крупных по масштабам операций, которые, по замыслу Гитлера, предстояло вести немецким армиям на Востоке, у него просто не хватало бронетехники - для выполнения плана "Барбаросса" у немцев было слишком мало танков.

Советская оборона начала поддаваться только 30 июня, после восьми дней яростных боев. Северное крыло группы армий Рундштедта рванулось вперед, но затем затормозилось на новом рубеже - прежде неизвестной немцам линии Сталина. Сильные грозы превратили дороги в непролазное месиво грязи, через которое, ревя моторами, продирались танки. Кипа за кипой гранатеры бросали в грязь солому, которую брали у крестьян в деревнях. Даже пехота увязала со своими машинами и едва продвигалась.

Рано утром 7 июля танковая группа Клейста сумела прорваться через линию Сталина с обеих сторон от Звягеля. 11-я танковая дивизия генерал-майора Крювеля, пройдя ряды дотов, в 19.00 смелым броском овладела городом Бердичев. Русские отступили. Но так было не везде. 16-я моторизованная пехотная дивизия застряла на линии оборонительных сооружений около Любани. Тут русские контратаковали силами бронетехники. 16-я танковая дивизия генерала Хубе тоже получила серьезный отпор у Старокопачева. У немцев кончались боеприпасы. Все необходимое для танков приходилось доставлять на транспортных самолетах. Бомбардировщики, пикировщики "Штука" и истребители 4-го воздушного флота, придя на помощь дивизии, нанесли сокрушительный удар по скоплениям бронетехники противника. Оперативно-тактическая группа Хёфера из 16-й танковой дивизии продвинулась дальше на восток и разгромила отходившие полки советской артиллерии. 1-му батальону 64-го стрелкового полка пришлось вести один из самых трудных и кровопролитных боев, сходясь в рукопашной с красноармейцами под Стара-Байзыми. На протяжении двух часов 1-я рота потеряла командира и затем еще одного за другим двух принявших на себя командование офицеров.

9 июля после трудного сражения 16-я танковая дивизия, опираясь на поддержку 210-мм мортир, прорвала линию Сталина в Любани. Генерал Хубе облегченно вздохнул - до Днепра оставалось всего 200 километров.

Единственным приятным моментом за все эти недели стал захват в начале июля дивизией продовольственного склада Красной Армии, где хранился миллион куриных яиц. Начальники снабжения пополнили свои запасы. Теперь единственной заботой поваров стало изобретение новых яичных блюд.

Перед офицерами штабов дивизий, корпусов и армий вставали другие проблемы. Все, кто думал, что штурмовые части, которым Сталин поручил оборону Украины, уже разгромлены, скоро утратили подобные иллюзии. Разбитые сегодня, они вновь собирались завтра. Они держали оборону на своих позициях, потом отступали, но чуть позднее вновь дрались насмерть.

Ожесточенные бои шли вокруг Бердичева. Русские использовали здесь свою артиллерию по максимуму и нанесли значительный урон немецким батареям. 11-й танковой дивизии Крювеля пришлось приложить все свои силы, опыт и боевую выучку, чтобы подавить упорство неприятеля. На южном участке обстановка складывалась сходным образом повсюду. Русские сражались с дьявольским упорством. Загнать Кирпоноса в ловушку Рундштедт не смог.

Бои шли уже почти три недели, но решающего успеха добиться все не удавалось. В ставке фюрера росло нетерпение. Гитлер считал, что события развиваются слишком медленно. Внезапно ему пришло в голову, что, возможно, дело пойдет лучше с "маленькими котлами". Поэтому он потребовал разделить танковую группу Клейста на три отдельных оперативно-тактических группы, которые смогли бы замкнуть кольца окружения вокруг сравнительно небольших соединений противника. Одной такой боевой группе предстояло вместе с 11-й армией, действующей с юга, создать "тонкостенный" котел около Винницы.

Вторая группа должна была наступать в юго-восточном направлении, с тем чтобы отрезать силы неприятеля, которые пытались отступить из района Винницы. И наконец, задача третьей группы состояла в том, чтобы вместе с 6-й армией атаковать Киев и захватить плацдарм на восточном берегу Днепра.

Генерал-фельдмаршал фон Рундштедт решительно возражал против подобного раздела своей единственной танковой группы. Таким образом, как считал он, немцы самым непростительным образом нарушали сам дух ведения танковой войны.

– Распыление бронетехники нигде и никогда не принесет результатов, сказал он, позвонив в ставку Гитлера. Гитлер сдался.

На западном берегу Днепра танковая группа Клейста миновала Киев и двинулась на юго-восток единой танковой массой, что позволяло создать условия для формирования или меньшей дуги в направлении Винницы, или же большей - в направлении Умани.

К югу от Киева был готов маленький и большой котел. Немцы учли все факторы, кроме одного - Буденного. Большеусый маршал, 10 июля назначенный командующим Юго-Западным направлением, разыграл последнюю карту. Он бросил дивизии 5-й стрелковой армии генерал-майора Потапова через непроходимые для бронетехники Припятские болота на северный фланг 6-й армии Рейхенау. Подобно тому как это случалось на участке группы армий "Центр", такая тактика русских привела к тому, что частям армии Рейхенау пришлось вести трудные оборонительные бои на левом фланге. Но и на юге все тоже в итоге обернулось хорошо.

16 июля танки Клейста достигли ключевого центра - Белой Церкви. Сложилась обстановка для окружения противника. Рундштедт планировал широкомасштабный охватывающий маневр и большой котел, но Гитлер предложил меньший вариант. На сей раз он был прав. Перемена погоды благоприятствовала продвижению танковых дивизий. Клейст нанес верный удар по отступающему противнику. 1 августа его части достигли Ново-Архангельска, но не задержались там и продолжили наступление на Первомайск. Затем они повернули в западном направлении и, действуя совместно с пехотными дивизиями 17 и 11-й армий, замкнули кольцо вокруг русских войск в районе Умани.

Котел получился не такой громадный, как в Белостоке, Минске или Смоленске. Тем не менее три советские армии - 6, 12 и 18-я - были разгромлены. Командующие 6 и 12-й армиями сдались. Но в плен, в результате этой классически проведенной в очень трудных условиях битвы на окружение, попало "всего" 103 000 солдат противника. Значительным по численности группам удалось вырваться из кольца, несмотря на то что 1 и 4-я горнострелковые дивизии, а также 257-я пехотная дивизия из Берлина прилагали все силы, чтобы заделать брешь. 1-й артиллерийский дивизион майора Виснера (257-я пехотная дивизия), словно на учениях, вел очень точный огонь, уничтожая одну за другой колонны врага, пытавшегося прорваться из

окружения. Масштабы боев лучше всего видны вот на каком примере: за четыре дня битвы за Умань четыре орудия 9-й батареи 94-го горного артиллерийского полка израсходовали 1150 снарядов. Такого количества выстрелов они не сделали за всю французскую кампанию. Само за себя говорит и количество уничтоженного или захваченного в виде трофеев советского вооружения: 850 орудий, 317 танков, 242 противотанковые и зенитные пушки оставили русские на полях сражений.

И все же цифры не отражают подлинного значения боев за Умань. В стратегическом плане победа группы армий "Юг" стоила много больше, чем просто захват сотни тысяч военнопленных.

Дорога на восток, в центр советский железнорудной и сталеплавильной промышленности Кривой Рог и к Черному морю, к городам Одессе и Николаеву, лежала открытой. Кроме того, танковый корпус Клейста мог теперь ударить в низовья Днепра и овладеть его западным берегом на участке между Черкассами и Запорожьем. Подобный ход давал возможность уничтожить скопления противника в районе Киева - этот шанс так манил Гитлера, что он остановил наступление группы армий "Центр" на Москву и велел Гудериану повернуть свои танки на юг - к Киеву. Эти мощные танковые клинья должны были теперь сойтись, чтобы разгромить советский Юго-Западный фронт и взять в кольцо миллионную группировку войск Красной Армии. 29 августа "Физелер Шторх" Гудериана поднялся в воздух с аэродрома в Новгороде-Северском и прочертил смелую дугу над позициями русских. Над атаковавшими немецкий плацдарм дивизиями Еременко самолет значительно снизился, затем заложил вираж и, перелетев Десну, вернулся в Унечу - туда, где располагался командный пункт танковой группы. Было почти 18.00.

Гудериан посетил 3 и 4-ю танковые дивизии, пытавшиеся расширить плацдарм, чтобы развивать наступление на юг. Но враг заставлял немцев вгрызаться в землю. Командующий побывал в 46-м корпусе. Его 10-й моторизованной дивизии, а также 17 и 18-й танковым дивизиям приходилось сдерживать яростные фланговые атаки советских частей. И тут складывалась далекая от идеала ситуация. От солдат требовалось слишком, слишком много. Они забыли, что такое сон, и у них не хватало танков.

Подполковник Байерлейн сидел рядом с Гудерианом, разложив на коленях карту. Широкими красными стрелками и дугами на ней обозначались крупные силы русских, атакующих немецкий плацдарм с фронта и с флангов.

- Еременко делает все, чтобы уничтожить наш плацдарм, - вслух размышлял Гудериан. - Если ему удастся задержать нас надолго и если советское Верховное Главнокомандование поймет, что мы намерены сделать с группой армий Буденного, весь великолепный план нашего Главного командования даст осечку.

Байерлейн разделял тревогу командующего.

- Вчера я связывался по телефону со Второй армией. Фрайгерр фон Вейхс, похоже, опасается того же. Начальник его оперативного отдела подполковник Файерабенд получает донесения от дальней разведки о том, что русские начинают отводить войска с Днепра ниже Киева. В то же время на позициях в Донбассе заметно оживление подготовительных работ.

- Все правильно. - Гудериан начал горячиться. - Буденный извлек урок из сражений под Уманью. Он пытается выскользнуть из западни. Все теперь зависит от того, кто из нас окажется быстрее.

Но Гудериан и Вейхс беспокоились напрасно. Верно, Буденный осознавал опасность, создававшуюся для его армейской группировки на днепровском выступе вокруг Киева в случае, если немцы ударят одновременно и с севера и с юга. Он собирался отступить и строил оборонительные рубежи по Донцу. Но Сталин и слышать не хотел об отступлении. Напротив, он

перебросил еще двадцать восемь крупных войсковых соединений в уже переполненный район излучины реки. Вся продукция, сходявшая со сборочных линий на харьковских заводах, отправлялась на излучину Днепра - современные Т-34, многобашенные Т-28, сверхтяжелые самоходные орудия, тяжелые гаубицы и минометы.

"Ни шагу назад! Держаться и, если придется, умереть", - приказывал Сталин. Корпуса Буденного выполняли приказ. Скоро дивизии на северном крыле группы армий Рундштедта осознали это на собственном опыте. Закаленная в боях 98-я пехотная дивизия из Франконии и Судет потеряла 78 офицеров и 2300 солдат за одиннадцать дней боев за ключевой пункт Коростень. Сражения на Десне между дивизиями Гудериана и Еременко также продолжались в течение восьми дней. Схватки были ожесточенными - с обеих сторон шла драка за каждую пядь земли. "Кровавый боксерский поединок" - так отзывался об этом Гудериан. Но вот наступил момент, когда, воспользовавшись привалившей удачей, немцы в результате смелой операции повернули фортуна против Буденного.

Во второй половине дня 3 сентября офицер разведки 26-го танкового корпуса положил пачку грязной обугленной бумаги на стол командира корпуса, генерала Гейра фон Швеппенбурга. Документы обнаружили в сбитом советском самолете связи. Гейр прочитал перевод, изучил карту, и лицо его засияло. По всему выходило, что между советскими 13 и 21-й армиями в обороне противника образовалось слабое место. Гейр тотчас же двинул туда свою 3-ю танковую дивизию. Гудериан получил сообщение по телефону.

Следующим утром Гудериан появился в штабе Гейра. Командующему потребовалось четыре с половиной часа на то, чтобы покрыть расстояние в 77 километров, - в таком состоянии находилась дорога после непродолжительного дождя. Однако новости, которые поджидали Гудериана в штабе Гейра, стоили того. 3-я танковая дивизия генерала Моделя вонзилась в слабый стык между двумя русскими армиями и оголила их фланги. Пехотные полки и артиллерийские дивизионы текли через брешь на юг, словно бурный поток через прорванную плотину.

Гудериан немедленно поехал к Моделю.

— Это наш шанс, Модель. - Больше ничего добавлять было не надо. Части дивизии уже мчались к Сейму и к Конотопу, осуществляя отчаянный и дерзкий бросок. Три дня спустя, 7 сентября, передовой батальон 3-й танковой дивизии под командованием майора Франка благополучно форсировал Сейм и создал береговой плацдарм.

9 сентября реку перешла и 4-я танковая дивизия. Юнкерсы "Штука", оказывавшие поддержку закаленному в боях 35-му танковому, а также 12 и 33-му стрелковым полкам, нанесли удар по частям советской 40-й армии, которые бросили на созданный немцами плацдарм. Русские начали откатываться.

Тем временем 6-й танковый полк из дивизии Моделя все еще находился у Конотопа. В "Вольфшанце" в Восточной Пруссии и в смоленской штаб-квартире Бока внимательно следили за стремительным броском Гудериана. Очень важно было вовремя отдать находившемуся южнее генерал-полковнику фон Клейсту приказ о наступлении.

Батальон майора Франка оставил позади Конотоп.

Гудериану позвонили из группы армий:

— Окончательный приказ: наступать на Ромны. Главный упор вправо.

Это означало, что кольцо вокруг армий Буденного замкнется в районе города Ромны. Там предстояло встретиться танкистам Гудериана и Клейста.

В декабре 1708 г. в Ромнах располагалась ставка шведского короля Карла XII, в 150 километрах от Полтавы, где в 1709 г. царь Петр I наголову разгромил шведов. Поражение было почти смертельным для северной империи и ознаменовало собой появление на политической

сцене мира России как будущей сверхдержавы. Неужели эре ее предстоит закончиться здесь, неподалеку от города Ромны?

Все работало как часы. Танки Гудериана совершили решительный прорыв у Конотопа. Лил дождь, но победа вдохнула новые силы в солдат. Острые наступления 3-й танковой дивизии приближалось к Ромнам. Танкисты Гудериана находились в глубоком тылу противника. Но где был Клейст? Где был второй клин, образующий гигантские клещи? Его до поры до времени благоразумно сдерживали, чтобы русские раньше времени не догадались о том, какая катастрофа ожидает их в скором времени.

Вечером 10 сентября 48-й танковый корпус Клейста под командованием генерала Кемпфа вышел к западному берегу Днепра около Кременчуга, где советская 17-я армия удерживала маленький плацдарм. Тут грозы и проливные дожди ранней осени также превратили дороги в грязевое месиво. Тем не менее 11 сентября к полудню саперы навели временный мост. Части 16-й танковой дивизии форсировали реку. Всю ночь напролет солдаты дивизии из земли Северный Рейн-Вестфалия под проливным дождем шли и ехали, перебираясь на противоположный берег. Следующим утром в 09.00 танки Хубе устремились в атаку. Несмотря на упорное сопротивление противника, дивизия за 12 часов продвинулась на 70 километров, утопая в грязи по колено. За ней последовала 9-я (Венская) танковая дивизия генерала Губицки.

13 сентября 16-я танковая дивизия штурмом овладела Лубнами. Город защищали зенитчики и части рабочего ополчения, а также подразделения НКВД. 3-я рота из состава инженерного батальона 16-й танковой дивизии внезапным броском захватила мост через Сулу. Применив "пехотные Штука"1 - завывающие при стрельбе дымовые реактивные минометы, - они сбили с толку русских, и передовые подразделения 16-й танковой дивизии под прикрытием дымовой завесы отчаянным штурмом захватили городские предместья. Позади следовал 2-й батальон 64-го стрелкового полка. Начались ожесточенные уличные бои. Советский командир призвал к оружию все гражданское население. Стреляли с крыш и из окон подвалов. На баррикадах солдаты, вооруженные бутылками с "коктейлем Молотова", забрасывали ими танки. Кровавопролитная битва продолжалась весь день.

14 сентября, в воскресенье, в действие вступил 79-й егерский полк. Во второй половине дня Лубны были уже в руках немцев. К вечеру разведывательное подразделение дивизии находилось в 100 километрах от острия наступления 3-й танковой дивизии.

Тем временем русские осознали грозящую им опасность. Воздушная разведка из состава немецких 2-го и 4-го воздушных флотов доносила о всевозможных вражеских колоннах, двигавшихся с фронта на Днепре в направлении открытого "окна". Чтобы не пропустить через него крупные силы Красной Армии, было необходимо закрыть проход.

Наступавшие с севера дивизии Гудериана взяли Ромны и Прилуки. Один из полков Моделя по превратившимся в месиво грязи дорогам прорывался к Лохвице. Остальные части дивизии все никак не могли выбраться из грязевых болот и отстали. Начальник оперативного отделения 3-й танковой дивизии майор Помтов рвал на себе волосы.

Между двумя танковыми группами все еще существовал проход шириной 50 километров. 50-километровая дыра! Русские разведывательные самолеты летали над брешью, указывая отступающим направление между позициями немцев. Наскоро собранные группы танков бросали на очистку путей отхода. Так генерал Гейр фон Швеппенбург в своем передовом штабе внезапно оказался атакованным пытавшимися вырваться из окружения русскими. Штаб превратился в опорный пункт, откуда сигналы СОС полетели во 2-й батальон 6-го танкового полка. Однако до них было целых 20 километров. В самый последний момент 2-я рота лейтенант Фопеля успела вырвать командира 24-го танкового корпуса из лап смерти. Наступление на юг продолжалось.

Время - 12.00, место действия - утопающая в грязи дорога около Лохвицы.

– Обер-лейтенант Вартманн к командиру! - полетел по колонне приказ.

Командир танковой роты Вартманн с трудом добрался по грязи до командирского танка подполковника Мунцеля, недавно получившего под свою команду 6-й танковый полк. Четверть часа спустя заревели танковые моторы, а бронетранспортеры 3-го взвода обер-фельдфебеля Шрёдера из состава 1-й роты 394-го полка съехали на обочину, уступая дорогу танкистам, которые снимали маскировку со своих машин: обер-лейтенант Вартманн собирал сильный отряд для проведения разведки в южном направлении. Приказ звучал так:

– Выдвинуться через позиции противника и соединиться с частями танковой группы Клейста.

В 13.00 небольшая боевая группа проследовала немецкие дозоры около Лохвицы. Какое-то время их вели пикировщики "Штука". В безоблачном небе ярко сияло солнце. Холмы уходили за горизонт. Впереди виднелись темные контуры леса. Танкистам предстояло пройти через него. Внезапно на пути возникла колонна русских, идущая через дорогу: обозные подводы, тяжелая артиллерия, инженерные батальоны, части аэродромного обслуживания, кавалерия, службы управления и проч. Трактора и лошади тащили подводы, груженные бочками с горючим и смазочными маслами.

– Башня на один час. Осколочным заряжай. Огонь!

Бочки с бензином вспыхивали точно факелы. Лошади вырывались из упряжи. Русские бросились искать убежища в лесу и за мазанками с соломенными крышами. На дороге воцарился хаос.

Немецкое подразделение продолжало движение. В их задачу не входило вступать в бой с врагом, им надлежало побыстрее соединиться с передовыми частями группы армий "Юг". Они все еще находились в зоне радиосвязи с дивизией. Майор Помтов сидел рядом с радистом, отслеживая донесения разведчиков о положении противника, о характере местности и о мостах.

– Соппротивление противника усиливается, - сообщила боевая группа. И все. Наступила тишина. Связь оборвалась. Что случилось?

Из танка Вартманна ситуация выглядела следующим образом. На дороге стояли телеги и тракторы. Пулеметный и противотанковый огонь велся из полей подсолнечника. Вартманн остановил свои танки. Посмотрел в бинокль. Внимание обер-лейтенанта привлекла ветряная мельница на пригорке неподалеку. С ней происходило что-то странное: крылья ее вращались то в одном, то в другом направлении. Затем и вовсе остановились. Вартманн негромко свистнул. Совершенно очевидно, что там находился вражеский наблюдатель, который и направлял огонь.

– Танки - вперед!

Через секунду 50-мм снаряды обрушились на мельницу. Больше ее крылья вращаться не будут. Вперед.

Радист Помтова с наушниками на голове начал записывать: "16.02. Достигли Луки, пересекли Сулу по мостам. Они в целости". Помтов заулыбался - хорошие новости. Группа Вартманна продвигалась все дальше и дальше по опасной местности по размытым дорогам, через болота и редколесье. Куда бы они ни повернули, им везде попадались колонны противника.

Танки Вартманна прошли 50 километров. День клонился к закату. Внезапно радиосвязь оборвалась. Вдалеке на юге, на фоне вечернего неба можно было рассмотреть город - вне сомнения, Лубны, район, где действует 16-я танковая дивизия. До группы Вартманна доносился шум боя. По-видимому, они подошли к линии фронта на южном участке. Но где противник? Он впереди или же они могут ударить ему во фланг?

Сопровождавшие танкистов бронемшины разведки осторожно покатали по полю со

стоявшими повсюду скирдами убранных колосьев - от одной к другой. Внезапно над головой появился самолет.

– Смотрите! Немецкий самолет-разведчик!

– Белую ракету! - скомандовал Вартманн. С шипением взметнулась в воздух белая ракета. Белые ракеты всегда означали: здесь немцы. Напряженный момент. Да, летчик заметил сигнал. Снизился. Сделал круг. Еще один.

– Он садится!

Вот уже машина катится по полю между скирдами. Противник недалеко. Но все в порядке. Смех. Рукопожатия.

Никто теперь не знает, как звали тех трех смелых летчиков. Они сообщили обер-лейтенанту Вартманну о ситуации на фронте: части 16-й танковой дивизии Клейста находились всего в десяти километрах. Через минуту-другую самолет вновь поднялся в воздух. Люди Вартманна провожали глазами машину, снизившуюся над широким оврагом.

– Танки - вперед!

Они шли и шли дальше. Через овраг.

Пехотинцы в защитной серой форме карабкались по склону.

– Белую ракету! - во второй раз за сегодня приказал Вартманн. Ответ пришел сразу - белая ракета. Раздались радостные крики солдат, размахивавших оружием. Это была 2-я рота инженерного батальона 16-й танковой дивизии, командовал ею обер-лейтенант Риншен. Офицеры пожали друг другу руки. Рукопожатие их означало, что в 210 километрах к востоку от Киева ловушка захлопнулась, хотя пока и чисто символически.

Радиостанция в штабе Моделя внезапно ожила.

– Связь восстановилась! - закричал радист и стал слушать. Через пять минут начальник оперативного отдела отдавал своему картографу приказ возле маленького синего озерца должна была появиться надпись: "14 сентября 1941 г., 18.20, соединение 1-й и 2-й танковых групп".

В саду вокруг штаба 2-го танкового полка, среди кустов и деревьев, стояли рядом хорошо замаскированные танки и бронетранспортеры с белой "G" и белой "K". В небе вспыхивали разрывы снарядов, грохотали пушки, выли минометные мины. Вот-вот должен был прозвенеть последний звонок перед заключительным актом сражения, которое закончилось самым крупномасштабным окружением в военной истории.

Уже на следующий день части 33-го танкового полка 9-й танковой дивизии, выдвинувшись в северном направлении по дороге к востоку от Сулы после захвата Миргорода, соединились с самыми передовыми частями 3-й танковой дивизии у Сенчаского моста. Теперь ловушка захлопнулась, и в ней оказались пятьдесят дивизий противника.

Еще предстояли яростные бои с окруженными армиями, а также с войсками, которые советское Верховное Главнокомандование бросило на выручку Буденному. Несколько раз создавались критические ситуации, особенно на растянутом восточном фланге Гудериана. 18 сентября около города Ромны атаковавшие 10-ю моторизованную дивизию и несколько батарей ПВО четыре русские дивизии оказались на расстоянии 900 метров от наблюдательного пункта Гудериана, оборудованного на вышке городской тюрьмы. Противника остановили с большим трудом.

В Путивле курсанты Харьковского военного училища с песнями шли в бой против 17-й танковой дивизии и мотопехотного полка "Великая Германия". Курсанты полегли все до последнего человека. Около Новгорода-Северского шесть советских дивизий при поддержке танковых частей ударили по закаленной в битвах 29-й моторизованной дивизии.

Но все напрасно. Атаки русских не были сосредоточены на одном участке и, создавая сложные и опасные ситуации для немцев, не могли изменить неизбежного. Нигде Красной

Армии не удалось продавить 250-километровый фланг Гудериана.

19 сентября пехотинцы 6-й армии - точнее, дивизии из состава 29-го армейского корпуса - взяли Киев. К 26 сентября грандиозная битва завершилась. Пять советских армий были полностью разгромлены, а еще две серьезно потрепаны. Миллион солдат и офицеров погибли, получили ранения, рассеялись или попали в плен. Старого товарища по оружию Сталина, маршала Буденного, в прошлом унтер-офицера царской армии, на самолете вывезли из котла по приказу Верховного. Сталин не мог допустить, чтобы герой Революции и Гражданской войны угодил в руки немцев или погиб. Командование вновь перешло от Буденного к генерал-полковнику Кирпоносу. Последний погиб в бою вместе с начальником своего штаба, генерал-лейтенантом Тупиковым, во время попытки вырваться из кольца.

В численном выражении итоги сражений выглядят следующим образом: 665 000 военнопленных, 3718 артиллерийских орудий, 884 боевые бронированные машины и огромное количество другого вооружения. Только один танковый корпус, 48-й корпус генерала Кемпфа, три дивизии которого вели бои прямо в центре, взял в плен 109 097 человек - больше, чем было взято в плен после битвы под Танненбергом во время Первой мировой войны.

Подобных прецедентов история войны еще не знала - было уничтожено пять армий. Победу принесли мастерство высших командиров, управлявших действиями немецких войск, и стойкость боевых частей.

Это было грандиозное поражение Сталина. Когда Гудериан спросил Потапова, сорокалетнего командующего советской 5-й армией, взятого в плен солдатами истребительно-противотанковых частей дивизии Моделя, почему он не эвакуировал свои части с днепровской излучины, русский генерал ответил: "Командование фронта издало приказы об отводе войск. Мы фактически уже отходили на восток, когда из ставки Верховного - то есть Сталина - пришел приказ вернуться и принять бой в соответствии с лозунгом: "Ни шагу назад, держаться и, если придется, умереть".

Потапов говорил правду. 9 сентября Буденный издал приказы о подготовке к отступлению и просил Сталина согласиться на оставление Киева и излучины Днепра. Но диктатор потерял самообладание и отдал свой знаменитый приказ: ни шагу назад, биться насмерть.

Ни шагу назад! Биться насмерть! Приказ обошелся в миллион человек. Он стоил всей Украины. Теперь перед наступающими лежали открытые дороги в Крым и на Донбасс. Ошибка и упрямство Сталина повлекли за собой ужасные последствия - ужасные, но не фатальные. И все же, если посмотреть на события в ретроспективе, эта ошибка обернулась победой России. Быстрое развитие кампании, вера в то, что стратегическая внезапность принесла свои плоды, и в непобедимость германского оружия стали причиной сверхъестественной гордыни, которая ослепила Гитлера и привела к серии непоправимых ошибочных решений.

Первая крупная ошибка заключалась в том, что после победы под Киевом Гитлер пришел к убеждению о неспособности русских в дальнейшем оказывать серьезное сопротивление на юге. Поэтому он отдал приказ: "Нужно овладеть Донбассом и Доном до наступления зимы. Удар в индустриальное сердце Советского Союза должен быть нанесен быстро".

Гитлер спешил с захватом промышленного сердца СССР, чтобы заставить его биться для Германии.

Но если власть Сталина пошатнулась после сокрушительных ударов, выпавших на долю России в летней кампании, почему же было не ударить также и в политическое сердце? Почему бы не воспользоваться деморализацией в стане противника и нанести Красной империи *coup de grace* захватом Москвы? Почему бы не свалить ошеломленного, качающегося колосса еще одним мощным решительным ударом?

Поэтому в последний день битвы за Киев Гитлер приказал начать битву за Москву.

Операция получила кодовое название "Тайфун". Днем "Д" стало 2 октября, целью - Москва. С громко бьющимися сердцами офицеры и солдаты на Восточном фронте слушали, как им зачитывают боевой приказ, изданный в ставке Гитлера:

– Последнее решительное сражение в этом году приведет к полному уничтожению противника. 7. Кодовое название "Тайфун" Икра для Черчилля - Таинственный город Брянск - Пройдена первая линия обороны Москвы - Мародеры на Садовом кольце - Остановленные грязью - Бои за Тулу и Калинин - Дневник русского лейтенанта - Совещание в Орше - Маршал Жуков приоткрывает завесу над советским блефом.

Мистеру Колвиллу не часто доводилось закрывать дверь спальни своего шефа, слыша несущиеся оттуда ругательства. Колвилл вернулся. Мистер Черчилль сидел в постели. Вокруг валялись утренние газеты. Перед премьером лежала открытая "Дейли экспресс".

В раздражении Черчилль накрыл страницу ладонью.

– Вы только посмотрите на это! - Он указал на официальное сообщение из Москвы. Прочитав текст, секретарь Черчилля лишился дара речи. Лорд Бивербрук, говорилось там, с 28 сентября находившийся в Москве в составе британско-американской делегации с целью подписать с Советским Союзом соглашение об оказании военной и экономической помощи для войны с Германией, велел одному из своих помощников потратить значительную сумму на икру для мистера Черчилля. - Какая мерзость! - рычал премьер. Колвилл знал, что Черчилль никого ни о чем подобном не просил.

В сентябре 1941 г. у Британии были иные проблемы - куда более серьезные. В Северной Африке Роммель осадил Тобрук и продвигался дальше на восток к Гальфайскому перевалу, угрожая Каиру.

Но не это самое плохое. Подводные лодки Гитлера развернули против англичан такую кампанию, что жизнь в Британии становилась все более и более трудной. Новая тактика немцев, действовавших теперь стаями и применявших более крупные подлодки, начинала сводить на нет успехи, достигнутые британцами летом. Битва в Атлантике полыхала с неослабевающей яростью. Только в сентябре "серые волки" Дёница пустили на дно кораблей общим водоизмещением 683 400 брутто регистровых тонн. Таким образом, общий тоннаж судов, потопленных с начала войны, достиг 13 700 000 т, что составляло половину тоннажа всего торгового флота Британии. При этом вновь спускаемые на воду суда могли возместить лишь 10 процентов потерь. Снабжение страны всем необходимым оказалось крайне затруднено. Большинство граждан считало, что им повезло, если удастся получить на завтрак одно яйцо в воскресенье. И вот теперь в прессе говорится, что Бивербрук закупает фунтами дорогие деликатесы для премьер-министра, который ежедневно требует от народа самопожертвования - крови, пота и слез.

Все еще находясь в постели, Черчилль в жестких выражениях продиктовал телеграмму, предназначавшуюся для передачи Министерством иностранных дел его светлости в Москве. Секретарь посольства вручил Бивербруку послание, когда тот находился на встрече с Молотовым и Гарриманом.

Беседа с вызванным московским корреспондентом проходила на повышенных тонах, но результата не принесла. Корреспондент уперся. Он настаивал, что история подлинная. Почему он не мог написать правду? Разве такие вещи не есть нечто само собой разумеющееся среди власть предержащих? Бивербрук сдался. Черчилль икры не получил.

Все это происходило в Москве 30 сентября 1941 г. - в тот самый день казалось, что судьба столицы Сталина вот-вот решится. Уже отдавались команды и приказы, выводились на марш войска. Именно в тот день группа армий "Центр" генерал-фельдмаршала фон Бока сосредоточивала все свои силы для удара на Москву.

Москвичи ни о чем таком не подозревали. С тех пор как в середине июля германский блицкриг против советской столицы остановился за Смоленском на Ельненском выступе и на реке Вопь, ее жители привыкли к тому, что враг находится в 300 километрах. 300 километров казались вполне терпимым расстоянием. Угроза Москве далека. Пожар войны перекинулся на юг. Конечно, что-то там такое случилось под Киевом, но советское Верховное Главнокомандование в своей сводке от 30 сентября лаконично сообщало: "Наши войска держат упорную оборону по всему фронту". Затем говорилось о каких-то 560 немецких самолетах, будто бы сбитых за шесть последних дней. Фантастика. Все выглядело так, будто немцы проигрывают войну в воздухе и уже не способны продвигаться на суше.

– А что говорят о том, как дела в Ленинграде? - спросил Иван Иванович своего отца, когда 30 сентября вернулся со строительства оборонительных сооружений - рывья противотанковых рвов на северных подступах к Москве.

– Ничего не говорят, - ответил вахтер дома № 5 по Калужской улице.

– А что эти вруны на радио говорят о ситуации на юге, где живет дедушка?

– Говорят, что мы уничтожили много танков на Юго-Западном фронте. И еще о том, что наши отошли на заранее подготовленные позиции.

– А тут что? Тут-то как дела? Что-нибудь передавали по радио?

– Да. - Отец Ивана гордо кивнул. - Под Витебском наши партизаны взорвали много составов с фашистами. А еще они взорвали дорогу, так что дальше гитлеровцы не пройдут.

Иван Иванович покачал головой и пошел на кухню за хлебом. Отец слышал ворчание сына - оставленный кусок показался ему слишком маленьким.

– Есть еще щи, - окликнул сына отец.

Когда утром 30 сентября Иван Иванович Крыленков невесело хлебал жидкие щи в полуподвале дома на Калужской улице в Москве, примерно километрах в пятистах или что-то около того, поблизости от Глухова, что на севере Украины, сидевший в бронетранспортере лейтенант Лозе, командир 1-й роты 3-го стрелкового полка, поднял руку:

– Вперед!

И когда головные колонны 3-й танковой дивизии двинулись на восток от Глухова, вместе с ними пришли в движение 4-я танковая, 10-я мотопехотная дивизии и весь 24-й танковый корпус. Слева шли 17 и 18-я танковые и 29-я моторизованная дивизии 47-го танкового корпуса генерала Лемельзена. Позади - 48-й танковый корпус генерала Кемпфа, еще два пехотных корпуса (всего шесть дивизий) и 1-я кавалерийская дивизия для обеспечения прикрытия флангов (позднее). Так 2-я танковая группа вновь двинулась на север широким клином, острие которого было нацелено на Москву. Началась операция "Тайфун" - "последнее решительное сражение в этом году, которое приведет к полному уничтожению противника", как отозвался о ней Гитлер.

Три дня инициатива принадлежала генерал-полковнику Гудериану, чтобы в нужный момент в нужном месте он мог сыграть свою роль в великом наступлении. Смелый план строился на точном расчете, задача состояла в том, чтобы перехитрить Сталина и обойти главные силы русских на подступах к Москве. Это был, наверное, самый выверенный план за все время войны, и все в нем работало как часы.

Современная битва при Каннах раскладывалась на два этапа. Первый должен был начаться с прорыва на советском Западном фронте, на участке 9 и 4-й армий, к северу и югу от шоссе Смоленск-Москва. Двум танковым группам предстояло выдвинуться через брешь в обороне противника, при этом задача 3-й танковой группы заключалась в формировании северного, а 4-й танковой группы - южного клина для предстоявшего охвата вражеских частей. Клещи должны были сомкнуться на шоссе около Вязьмы, что привело бы к окружению советских войск прямо перед оборонительными рубежами города. Одновременно танковый корпус Гудериана нанесет

удар с юго-запада, из района Глухова, с территории Северной Украины. Выйдя в глубокий тыл войск Еременко, корпус повернет на Брянск. Таким образом, в окружении очутятся три советские армии. Фаза вторая операции предусматривала преследование обращенного в бегство врага по широкому фронту силами всех трех танковых групп. Затем оставалось ударить на Москву и либо захватить город, либо полностью окружить его.

Под началом генерал-фельдмаршала фон Бока собирались значительные силы: три пехотных армии (9-я, 4-я и 2-я), две танковых группы групп армий "Центр" (2-я Гудериана и 3-я Гота), к которым добавлялась также 4-я танковая группа Гёпнера - ее пришлось перебросить с Ленинградского фронта для выполнения охватывающего маневра справа от шоссе Смоленск-Москва, тогда как 56-й танковый корпус укреплял левое крыло танковой группы Гота. Итак, для участия в операции были собраны четырнадцать танковых, восемь моторизованных дивизий, две моторизованные бригады и сорок шесть пехотных дивизий. Наступление поддерживали два воздушных флота. Армиям были приданы сильные части ПВО.

Превосходный план, вот только погоду разработчики не учли. Продержится ли она? Или польют дожди и дороги развезет прежде, чем войска дойдут до Москвы? В 1864 г. Мольтке писал: "Планируя операцию, нельзя выбирать погоду, но можно выбирать время года". Но самое подходящее для войны время прошло. Зима стучалась в двери, тем не менее Гитлер рискнул. Утром 30 сентября голоса танковых и противотанковых пушек возвестили о начале боев за Вязьму и Брянск - Канн Второй мировой войны, где было осуществлено самое блестящее окружение в военной истории.

Пехотинцы 3-й роты, подтянутой на передовую в качестве резерва, ехали на бронетранспортерах 1-й роты 3-го стрелкового полка, находившегося под началом полковника фон Мантойфеля. Зачем шагать, если можно ехать?

Лейтенант Лозе сидел в возглавлявшей колонну командирской машине 1-й роты.

– Берегись собак, Эйкмайер, - бросил он своему водителю.

– Собак, господин лейтенант? - удивленно переспросил ефрейтор.

– Почему? - не понял и пулеметчик, обер-ефрейтор Оштарек, и тоже посмотрел на лейтенанта с недоумением.

Лозе пожал плечами:

– Вчера в полку взяли трех русских пленных, при каждом была собака. На допросе они сказали, что служат в специальном московском подразделении, которое применяет собак с взрывчаткой против танков.

Оштарек хмыкнул:

– Я давно не слышал ничего более идиотского.

Лозе поднял руки к груди, как бы извиняясь:

– Я-то тут при чем? Командир полка лично предупредил об этом меня и капитана Пешке. Так или иначе, потом не говорите, что я вам ничего не сказал.

Машины шли через огромное поле. Слева застрочили русские пулеметы: первые советские позиции располагались на окраине села. Грохот 37-мм противотанковых орудий смешался с треском пулеметов. Пехотинцы 3-й роты попрыгали на землю и стали продвигаться между бронетранспортерами. В избы крестьян полетели гранаты. Машина смяла плетень. Они наступали. Около церкви находились другие позиции русских, хорошо замаскированные. Немцы действовали осторожно.

Пулемет унтер-офицера Дрегера не позволял русским поднять головы из укрытия. Внезапно Эйкмайер заорал:

– Собака!

К ним прыжками приближался доберман с каким-то странным, похожим на седло

предметом на спине. Прежде чем Ошгарек успел развернуть свой пулемет, капитан Пешке с расстояния 30 метров снял пса из карабина. Собака сделала еще один прыжок и рухнула на землю.

– Смотрите! Еще одна! - тут же закричал обер-ефрейтор Мюллер. Овчарка, красивое животное, приближалась осторожно, рысцой. Ошгарек дал очередь. Высоко. Собака поджала хвост, собираясь повернуть назад. Раздались голоса русских - они кричали на собаку, и та вновь продолжила путь к бронетранспортеру Лозе. Палили все, но попал в собаку только обер-ефрейтор Зайдингер, стрелявший из трофейной скорострельной винтовки, автоматический затвор которой работал на отводе газов.

– Предупредите всех об этих собаках по радиотелефону, Мюллер, приказал Лозе.

В наушниках раций машин зазвучало:

– Дора сто один всем. Берегитесь собак-мин...

Собаки-мины - так родился этот термин. Обозначение нового, вызывавшего много споров и пересудов советского оружия. На спине такие собаки несли две седельные сумки с взрывчаткой или противотанковыми минами. В качестве автоматического детонатора служил деревянный штырь сантиметров десять в длину. Собак специально натаскивали подлезать под танки. Если штырь наклонялся или ломался, происходил взрыв.

Удача улыбнулась 3-й танковой дивизии во время столкновений с четвероногими минами "московской пехотной роты". Не имело успеха советское оружие и на участке 7-й танковой дивизии. Но двумя днями позже 18-й танковой дивизии генерала Неринга повезло меньше. Танки подавили советские позиции в поле и противотанковые укрепления на восточной окраине Карачева. Части мотопехоты ворвались в город. 9-я рота 18-го танкового полка проложила себе путь к северным предместьям и вышла на огромное кукурузное поле. Наступающие заставили замолчать еще несколько противотанковых пушек. Противник больше не стрелял.

Командиры танков ждали в башнях. Только что прозвучал приказ ротного:

– Все ко мне, встать справа. Остановиться. Глушить моторы.

Захлопали открывающиеся люки. В этот момент танкисты увидели двух бегущих по полю овчарок с "седлами" на спине.

– Что это у них там на спинах? - в удивлении проговорил радист.

– Я думаю, сумки с донесениями. Или это санитарные собаки, предположил стрелок.

Первая собака поднырнула прямо под головной танк. Вспышка, приглушенный грохот, фонтаны грязи, клубы пыли, яркое пламя. Унтер-офицер Фогель первым понял, что происходит.

– Собака! - закричал он. - Собака!

Стрелок выхватил Р-08 "Парабеллум" и выстрелил во вторую собаку. Промаяхнул. Выстрелил снова. И опять мимо. Из танка № 914 дали автоматную очередь. Животное, словно споткнувшись, перелетело через голову. Когда люди подошли к овчарке, она еще дышала. Пистолетная пуля положила конец страданиям собаки.

В советских источниках ничего не пишут об этом дьявольском оружии собаках-минах. Но нет никакого сомнения, что они существовали и применялись, поскольку об этом говорится в дневниках солдат и офицеров из разных частей и соединений, например, 1-й и 7-й танковых дивизий. Из сведений, полученных на допросах проводников собак в 3-й танковой дивизии, удалось выяснить, что московская легкая пехотная рота располагала 108 такими собаками. В качестве учебных пособий использовались тракторы. Только под ними животным давали еду, при этом двигатели работали. Если собака не хотела лезть под трактор, то оставалась голодной. В бой их также пускали голодными в расчете на то, что голод заставит собак лезть под танки. Там вместо еды животных ждала смерть. Московская легкая пехотная рота не могла похвастаться особо успешным применением нового оружия. Редкие собаки оказывались

способны вынести рев двигателя и лязг гусениц настоящего танка. Вероятно, поэтому собаки-мины не использовались на более поздних этапах войны, если не считать отдельных случаев применения их партизанами. Но вернемся к ситуации на фронте. Можно было ожидать, что наступление Гудериана на Брянск встретит серьезное сопротивление хорошо подготовленных к обороне частей противника. В конце концов генерал Еременко приступил к созданию рубежа не позднее 12 августа, сразу после разговора со Сталиным, когда атака казалась неминуемой.

По сей день маршал Еременко в своих мемуарах настаивает на том, что в конце августа Гудериан не смог бы прорвать оборону на Брянском фронте, а потому ничего, кроме как повернуть на юг, к Киеву, немцам не оставалось. Лисе-Гудериану было не достать гроздьев московского винограда, потому-то он и пошел на Киев. Странно, что теперь, когда прошло почти полтора месяца, цель для немцев оказалась более достигаемой. Смело и решительно Гудериан протянул к ней руку, ударив на Брянск - важный транспортный узел.

Даже во времена броска Гудериана на Украину, в августе, город Брянск представлял собой опасность для немецкого фланга. Русские военнопленные показывали, что там находился генерал Еременко со своим штабом и специальными штурмовыми частями. Было известно, что Брянск - ключевой пункт обороны Москвы. Вокруг города росли густые леса, подступы к нему защищали болотистые низины. Из него русские то и дело устраивали вылазки против оголенного фланга Гудериана. И теперь, когда немцы готовились нанести решающий удар по Москве из района Рославль-Смоленск, сосредоточенные в Брянске и вокруг него советские армии представляли собой огромную опасность для фланга танковой группы Гудериана. Устранение этой угрозы являлось таким же неременным залогом успеха генерального наступления на Москву, как и ликвидация главных сил прикрытия в районе Вязьмы.

Таково было тактическое значение двойной битвы за Вязьму и Брянск.

Ко всеобщему удивлению, атака Гудериана на оборонительные рубежи Еременко увенчалась успехом с первого захода. Прорыв произошел на участке советской 13-й армии.

Стояла прекрасная сухая осень. Дороги в зоне боевых действий 2-й танковой группы оставались вполне проходимыми. Головная часть 24-го танкового корпуса, 4-я танковая дивизия, помчалась вперед так, словно за ней гнались черти. Догоняя передовую колонну наступления - майор фон Юнгенфельдт вел ее уже к Дмитровск-Орловскому, - Гудериан встретился с командирами корпуса и 4-й танковой дивизии, генералами фрайгерром Гейром фон Швеппенбургом и фрайгерром фон Лангерманн-Эрленкампом. Возникал важный вопрос: следует ли продолжать продвижение с целью полного уничтожения советской 13-й армии, которая уже пришла в замешательство, или нужно остановиться, дать своим частям возможность перегруппироваться и пополнить запасы топлива? Оба генерала рекомендовали осторожный вариант: они получали донесения о том, что горючее кончается, а люди измотаны.

Немного позднее около пригорка с ветряной мельницей под Севском Гудериан встретился с полковником Эбербахом, командиром танковой бригады.

– Я слышал, вы вынуждены остановиться, Эбербах, - сказал Гудериан.

– Остановиться, господин генерал-полковник? - с удивлением спросил полковник и добавил сдержанно: - У нас все идет прекрасно, и будет ошибкой останавливаться теперь.

– А как дела с горючим, Эбербах? Мне сказали, что оно у вас кончается.

Эбербах засмеялся:

– У нас есть горючее, о котором не доложено в батальон.

Гудериан, знавший своих людей, тоже рассмеялся.

– Хорошо, тогда вперед, - сказал он.

В тот день танки 4-й танковой дивизии с боями прошли 130 километров. Советская 13-я армия полностью сдала позиции. Случилось то, что Еременко считал невозможным: в полдень 3

октября танки Эбербаха взяли город Орел, находившийся в 20 километрах за линией Брянского фронта. Заставы перед городом оказались настолько застигнутыми врасплох, что не сделали ни единого выстрела. Первой машиной, которую увидели немцы на своем пути, стал вовсе не танк, а трамвай с пассажирами. Те решили, что видят советских солдат, и начали радостно махать им из окон.

Положение на Брянском фронте для его командующего становилось все хуже и хуже. 17-я и 18-я танковые дивизии из 47-го танкового корпуса мчались к Карачеву, они перерезали дорогу Брянск-Орел позади штаб-квартиры Еременко. 5 октября 18-я танковая дивизия овладела Карачевым. Ловушка захлопнулась. Еременко понял, какая катастрофа нависла над его войсками. Он позвонил в Кремль и попросил разрешения прорываться. Но начальник генштаба Шапошников не захотел слышать об этом. Он велел Еременко ждать, и тот ждал.

Но танковые соединения Гудериана не ждали. Передовые части усиленного 39-го танкового полка майора Градля ударили на Брянск от Карачева - то есть с тыла, из точки, расположенной в 50 километрах от командного пункта Еременко. 6 октября 17-я танковая дивизия генерала фон Арнима сделала то, что не считал бы возможным даже завзятый оптимист: быстрым броском она захватила Брянск и мост через Десну. Брянск оказался в руках наступающих. Город, кишевший красноармейцами, город, где было полным-полно тяжелой артиллерии и частей НКВД, пал так непостижимо легко. Напрасно 100 000 бутылок "коктейля Молотова" ждали своего часа на складах. Напрасно издавались строгие приказы: не сдавать без боя ни одного дома. Один из важнейших железнодорожных узлов европейской части России уже принадлежал немцам. 2-я танковая группа Гудериана и 2-я армия, наступавшая с запада, соединились. Прикрытие к северу от Карачева обеспечивала 18-я танковая дивизия и находившийся в оперативном подчинении ее командования мотопехотный полк "Великая Германия". Дальше на юге, по обеим сторонам от Добрика, фланги корпуса прикрывала 29-я моторизованная дивизия. В ловушке оказались три советские армии - 3, 13 и 50-я. Было 6 октября.

Ночью выпал первый снег. На несколько часов вокруг стало белым-бело. Утром снег растаял. Дороги превратились в непролазные болота. На покрытом наледью шоссе стало можно кататься на коньках. Командование принял "генерал грязь". Но это уже не могло спасти сталинские армии в районе Вязьмы и Брянска. На приведение в порядок дорог немцы бросали целые пехотные дивизии. Солдаты трудились как одержимые для того только, чтобы не останавливалось продвижение вперед.

Севернее, вдоль трассы Смоленск-Москва, наступление также началось успешно. 4-я танковая группа Гёпнера пустила три танковых корпуса - 40, 46 и 57-й корпуса - через позиции советских войск к югу от шоссе в Рославле позади 2-й танковой дивизии. Они развернулись веером и своим левым флангом ударили на север в направлении автомобильной трассы.

6 октября головные части 10-й танковой дивизии находились всего в 17-18 километрах к юго-востоку от Вязьмы, где вели бои с отступавшими советскими войсками. Вязьменское сражение достигло апогея. Ночью красноармейцы несколько раз предпринимали попытки прорваться через кольцо. С наступлением темноты показалось, будто бескрайние леса вокруг ожили. Стреляли отовсюду. Рвались боеприпасы, полыхали скирды соломы. Взлетали в черное небо сигнальные ракеты, на несколько секунд высвечивая фрагменты зловещих сцен, разыгрывавшихся внизу. В районе было полным-полно отбившихся от своих частей красноармейцев. Передовому командному пункту 40-го танкового корпуса пришлось сражаться не за победу, а за жизнь. Где находилась линия фронта? Кто кого окружал? Когда наконец кончилась длинная ночь, в предрассветном мареве нового дня, 7 октября, попытался вырваться из кольца советский кавалерийский эскадрон. Позади шло несколько грузовиков с женщинами, военнослужащими Красной Армии. Пулеметчики 2-й танковой дивизии пресекли попытку

прорыва. Пулеметчикам пришлось пережить неприятные минуты, когда кони и всадники падали на землю под длинными хлесткими очередями.

Утром 7 октября большая часть авангарда 10-й танковой дивизии генерала Фишера проложила себе путь через грязь и вышла в предместья Вязьмы, вскоре покончив с советским сопротивлением в пылавшем городе. У северной оконечности солдаты 2-го батальона 69-го стрелкового полка ползком добрались до брошенных русскими окопов. Головные части 40-го танкового корпуса генерала Штумме, а вслед за ними части 2-й танковой и 258-й пехотной дивизий выполнили задачи, стоявшие перед ними в первой фазе операции.

Южнее продвигались 11 и 15-я танковые дивизии, а также 252-я пехотная дивизия из состава 46-го танкового корпуса генерала фон Фитингхоффа. За ними, в свою очередь, следовали 20-я танковая дивизия, мотопехотная дивизия СС "Рейх" и 3-я моторизованная дивизия 57-го танкового корпуса генерала Кунтцена.

Два танковых корпуса Гота - 56 и 41-й - и 6-й пехотный корпус, осуществив прорыв на участке высоты к западу от Холма, к северу от Московского шоссе столкнулись с очень упорным сопротивлением противника, которое оказали им несколько хорошо окопавшихся пехотных дивизий русских, а также танковые бригады. Ввиду крайне неудобной местности, генерал-полковник Гот объединил танки 56-го танкового корпуса - в большинстве своем Т-III - в "танковую бригаду Колля", которая, продвигаясь по гати из уложенных в грязь бревен, после ожесточенных боев с противником прорвала советские позиции на реке Вопь. Следовавший позади 41-й танковый корпус обеспечивал прикрытие северного фланга атакой на Сычевку силами 1-й танковой и 36-й моторизованной дивизий.

Тем временем 6-я и 7-я танковые дивизии достигли неповрежденного моста через Днепр в Холме и тоже устремились к Вязьме. Вечером 6 октября закаленная в боях 7-я танковая дивизия - некогда находившаяся под командованием Роммеля и служившая ударной частью во французской кампании, вышла на Московское шоссе в тылу противника, повернувшись фронтом к западу уже в третий раз за пятнадцать недель. 7 октября танкисты Гота встретились с танкистами Гёпнера в Вязьме. Кольцо окружения вокруг шести советских армий, включавших в себя 55 дивизий, замкнулось.

Одновременно с прорывом к Вязьме оперативно-тактическая группа фон Мантойфеля смелым броском достигла Московского шоссе и перерезала его. Командующий армией генерал-фельдмаршал фон Браухич поздравил дивизию в следующих словах: "Я выражаю особую благодарность 7-й танковой дивизии, которая своим быстрым выдвиганием к Вязьме уже в третий раз на протяжении кампании внесла важнейший вклад в окружение противника".

В то время под Брянском два корпуса Гудериана также захлопнули северный и южный капкан за тремя армиями (26 дивизиями) Еременко. Вновь наступили тяжелые времена для пехоты, которой приходилось сдерживать отчаянные попытки прорыва русских, пробивавших бреши в кольце, уничтожавших отдельные опорные пункты. Немалой заботой становились и пленные - под конец русские стали сдаваться целыми полками. Бои продолжались до 17 октября. Конечно, части и отдельные группы окруженных красноармейцев прорывались из котлов, особенно из южного - в Брянске. Удалось избежать плена и генералу Еременко с его штабом. Сам командующий получил серьезное ранение, и его пришлось эвакуировать по воздуху.

Великая битва завершилась. Закрылся занавес первого акта пьесы под названием "Операция "Тайфун". В плен попало 663 000 человека; 1242 танка и 5412 артиллерийских орудий были уничтожены или достались победителям в качестве трофеев всего через три недели после сражения за Киев, где немцы разгромили полдюжины советских армий из группировки Буденного и пленили более 665 000 советских военнослужащих. Теперь противник лишился

огромного войскового контингента: девяти армий - от 70 до 80 дивизий и бригад оказались стертыми с лица земли на Центральном фронте.

Задача этих армии состояла в том, чтобы защитить Москву. Теперь израненные и деморализованные защитники столицы тащились в плен по непролазной грязи дорог. Москва лишилась и меча и щита. В обороне образовалась огромная брешь. Группа армий "Центр" получила свободу маневра для основной массы своих танковых и моторизованных соединений для захвата столицы империи Сталина. Теперь наступал момент дать старт второй фазе операции "Тайфун" - победоносным войскам ворваться в город на плечах бегущего противника, танкам собраться на Красной площади!

Они мчались вперед. Вернее, не мчались, а отчаянно продирались через грязь. Целым ротам приходилось вытаскивать застрявшие на раскисших дорогах грузовики. Мотоциклисты прилаживали к колесам своих машин импровизированные деревянные полозья и тащили мотоциклы волоком.

Майор Фогт, командовавший частями обеспечения 18-й танковой дивизии, находился на грани отчаяния. Как только русским удастся передвигаться по таким дорогам? Фогт нашел ответ на свой вопрос, обратив внимание на маленьких крепких лошадок местной породы, которых использовали крестьяне, и на их легкие подводы. Он задействовал их для организации снабжения передовых частей, загружая центнер-другой груза на каждую. Получилось. Механизированные колонны вязли в грязи, а маленькие крестьянские телеги проходили по ней. Великая цель - Москва - удесятерила силы людей. 13 октября пала Калуга, расположенная в 160 километрах к юго-западу от Москвы. 14 октября передовые части 1-й танковой дивизии Экингера овладели Калинином, что в 150 километрах на северо-запад от Москвы, перерезав железную дорогу Ленинград-Москва, и захватили мост через Волгу. Он стал единственным мостом через эту реку, который достался немцам целым и невредимым во время Второй мировой войны. Небольшой плацдарм, созданный на восточном берегу, удерживали 1-я танковая дивизия и 900-я моторизованная учебная бригада. Таким образом, краеугольные камни в 300-километровой "стене" первой линии обороны Москвы оказались выбитыми. Самым главным объектом этой линии являлся примерно 100-километровый рубеж, пересекающий автомобильную трассу между Бородином и Можайском. Здесь, в Бородино, в 100 километрах от Москвы, 14 октября занимала позиции мотопехотная дивизия СС "Рейх". Место это играло значительную роль в истории России. Тут в 1812 г. было положено начало разгрому армии Наполеона. Теперь же, в 1941 г., Сталин намеревался остановить здесь Гитлера, для чего поспешно бросил в бой лучшие силы - ударную часть из Сибири, 32-ю Сибирскую стрелковую дивизию из Владивостока, состоявшую из трех пехотных полков и двух танковых бригад, вновь укомплектованных танками Т-34 и КВ-2. Сталин откровенно обнажал свои дальневосточные границы. Он мог это себе позволить, так как знал, что японцы на СССР не нападут. Япония готовилась нанести удар по американцам на Тихом океане. Сталин получил вернейшие сведения от своего разведчика, доктора Зорге, советника немецкого посла в Токио. Для Сталина Зорге значил больше, чем целая армия.

Под Бородином полки мотопехотной дивизии СС "Рейх" и "бригады Гауэншильда" из состава 10-й танковой дивизии с 7-м танковым полком, а также батальоном 90-го моторизованного артиллерийского полка и мотоциклетным батальоном из 10-й дивизии впервые померились силами с сибиряками - высокими, широкоплечими парнями в длинных шинелях, в меховых шапках и в валенках. Сибиряки располагали сильными частями ПВО и противотанковыми пушками, но самое главное - имели на вооружении большое количество 76-мм многоцелевых орудий. Они сражались стойко. Никогда не впадали в панику - не сдавали ни пяди земли без ожесточенной драки. Они убивали и умирали. Битва шла не на жизнь, а

насмерть.

Русские применяли свои реактивные минометы, которые сами красноармейцы называли "Катюшами", а немцы "Сталинскими оргбнами". Они сеяли смерть и разрушения, превращая участки местности, куда попадали их снаряды, в выжженную землю. Кроме того, при Бородине танки Т-34 применялись массированно. Поскольку 88-мм зенитных орудий не хватало, пехотинцам приходилось уничтожать Т-34, используя подрывные заряды. Победа склонялась то на одну, то на другую сторону. Потери оказывались огромными, вплоть до того, что 3-й пехотный полк мотопехотной дивизии СС "Рейх" пришлось расформировать, а уцелевший личный состав перевести в состав полков "Дойчланд" и "Дер Фюрер". Вся артиллерия, имевшаяся в распоряжении танковой группы, была сосредоточена на этом участке и передана под командование командующего артиллерией 128-й дивизии, полковника Вайдлинга, который получил приказ пробить брешь в советской обороне для гренадеров войск СС, атаковавших противника с беззаветной отвагой. Сначала предстояло пробиться через огнеметные батареи с их дистанционным электрическим управлением. Затем наступал черед минных полей. Потом - колючей проволоки. После этого долговременных огневых точек. Опытные штурмовые команды подавили массированный заградительный огонь противозенитных, противотанковых и минометных батарей и в ближнем бою отразили контратаку русских танков. Ад полыхал на земле. Над головами сражавшихся солдат проносились советские штурмовики. В клубящихся дымных облаках мелькали немецкие истребители из 8-го воздушного корпуса.

На перевязочных пунктах было не протолкнуться. Генерал-лейтенант Хауссер, командир мотопехотной дивизии СС "Рейх", получил тяжелое ранение. Ряд за рядом покрывали землю уже не способные сражаться солдаты - танкисты в черных комбинезонах, гренадеры в рваной полевой форме и военнослужащие войск СС в пятнистом камуфляже. Мертвые, тяжело раненные, обожженные или забитые до смерти. С обеих сторон воюющие зверели - все забыли слово "пощада".

Наконец наступающим удалось пробить брешь в сильных позициях сибиряков, и два пехотных полка из дивизии СС "Рейх" - "Дойчланд" и "Дер Фюрер" - пошли на прорыв. Стрелять времени не осталось - в ход пошли лопатки и винтовочные приклады. Немцы ударили на батареи сибиряков с тыла. Расчеты за брустверами и в орудийных окопах зениток, противотанковых пушек и пулеметов сражались насмерть, и все до единого человека полегли в рукопашной. Пехотным полкам 10-й танковой дивизии тоже приходилось нелегко. Они бились на полях, где за 130 лет до них шли в атаку солдаты Наполеона, штурмовали отчаянно оборонявших овраг у Семеновского русских. Все жертвы, все усилия сибиряков оказались напрасными.

32-я Сибирская стрелковая дивизия полегла на бородинских холмах. Ключевой узел первой линии обороны Москвы на Московском шоссе перестал существовать. 10-я танковая и дивизия "Рейх" продвигались по заснеженным полям к Москве. Тут они преодолели последнее сопротивление русских оперативно-тактических групп. 19 октября 1941 г. пал Можайск. Можайск страж, стоящий на вахте у самых врат Москвы! Всего 100 километрах по шоссе, которое вело из Можайска прямо в советскую столицу.

– Можайск взяли! - шептали друг другу на улице москвичи. - Можайск взяли. Германцы идут. Из труб кремлевских зданий поднимался густой дым - температура на улице опускалась до 30 градусов ниже нуля. Горели секретные документы, которые правительство не могло взять с собой.

Москвичи не могли поверить в то, что случилось. Всего полмесяца назад они верили в победу - американцы пообещали оказать Советскому Союзу помощь. 2 октября представитель Черчилля лорд Бивербрук и представитель Рузвельта мистер Гарриман подписали в Кремле

протокол о направлении в Россию военных и других снабженческих грузов из Англии и США. Хотя Соединенные Штаты все еще сохраняли нейтралитет и не участвовали в войне, было заявлено о том, что три великие державы твердо намерены сотрудничать в борьбе против их общего врага, Германии. За первые десять месяцев с начала действия соглашения - с 1 октября - Британия и США пообещали поставить Советскому Союзу и поставили следующие виды техники: 3000 самолетов - на 2000 больше, чем имелось в распоряжении Люфтваффе на Восточном фронте по состоянию на 30 сентября, - 4000 танков - втрое больше, чем располагали все три немецкие танковые группы к 30 сентября, - и 30 000 автомобилей.

Но успеют ли все эти поставки в срок? Не получалось ли, что Гитлер вновь выигрывал гонку против западных держав, как он выиграл ее в Кремле в 1939 г.?

10 октября в московской гостинице "Националь" давали обед для дипломатов и журналистов. В меню входили блины, икра, щи, жаркое, пюре, тушеная морковь, шоколадный пудинг и кофе мокко. Поднимались тосты за Сталина, за оборону Москвы. И за победу. Именно в тот день Тимошенко освободили от командования и заменили человеком, которого тогда мало кто знал, - генералом армии Г.К.Жуковым. Он стал командующим Западным фронтом, генерал-лейтенанта В.Д.Соколовского назначили его начальником штаба, а член военного совета Н.А.Булганин стал начальником политотдела фронта.

Через пять дней, в 12.50 15 октября, министр иностранных дел Молотов принял посла США Стейнхардта, проинформировав его, что все правительство, за исключением Сталина, оставляет Москву и что дипкорпус эвакуируется в Куйбышев, в 840 километрах к востоку от Москвы. Каждому человеку разрешалось взять с собой столько багажа, сколько он мог унести.

Когда новость стала известна в городе, а особенно после того, как горожане узнали о том, что из Мавзолея на Красной площади убрали тело Ленина, в Москве вспыхнула паника.

— Немцы, немцы идут! - кричали люди. Те, кто жил на Можайском шоссе в Москве, напрягали слух - им все мерещился рев танковых моторов. Когда они появятся? Может, они уже тут? В те дни в Москве всякое казалось возможным.

У городов тоже есть нервы. И если напряжение становится невыносимым, они не выдерживают и сдаются. 19 октября 1941 г. нервы Москвы натянулись до предела. Повсюду носились тревожные слухи. Правительство бежало. Дипломатический корпус уехал из Москвы. Тело Ленина - мумифицированные останки отца русской революции - убрали, и где оно, никто не знает. Завершались все эти рассказы и разговоры словами: "Немцы уже под городом". Шепотом то один, то другой рассказчик добавлял: "Их танки могут войти сюда в любую минуту". Последнее особенно поражало население. Народ в одночасье лишился страха перед тайной полицией Сталина, милицией и органами безопасности. В очередях у булочных раздавались голоса озлобленных горожан: "Хватит, навоевались. Пора с этим кончать!"

И вот люди уже грабят первый магазин на Садовом кольце. Толпа захватила грузовик с консервами и, опустошив его, перевернула и подожгла. Бунт зрел в сердцах людей, бредущих в промозглом холоде улиц, мерзнущих в плохо отапливаемых квартирах, хлебающих пустые щи и грызущих горбушки черного хлеба. Власть Сталина зашаталась. Портрет вождя снимали со стены, некоторые уже сжигали свои партбилеты. Утром в почтовых ящиках появлялись наскоро нашлепанные на машинках листовки. "Смерть коммунистам!" говорилось в них. Содержались там и антисемитские лозунги. В ужасе взирали люди, получившие листовки, на напечатанный в них текст. Ужас охватывал мать Москву. Сердце Советского Союза стучало с перебоями. И все же небо не рухнуло.

Официальный летописец советской власти А.М.Самсонов так описывает ситуацию в своей книге "Великая битва под Москвой": "В городе распространялось тревожное настроение. Эвакуация промышленных предприятий, министерств, ведомств и учреждений шла с

нарастающим темпом. В то время бывали отдельные случаи проявления гражданами пораженческих настроений. Находились люди, сеявшие панику, бросавшие работу и спешившие покинуть город. Попадались предатели, которые пользовались ситуацией, чтобы похищать социалистическую собственность и подрывать мощь Советского государства". Кремлевский диктатор ударил по столу железным кулаком. 20 октября он ввел в Москве чрезвычайное положение. Столицу объявили районом ведения боевых действий. Теперь жизнь города регулировал фронтовой закон.

Самсонов пишет: "Указом предписывалось немедленно передавать всех нарушителей порядка военному трибуналу, а всех провокаторов, шпионов и других врагов, призывающих к мятежу, расстреливать на месте". Так и делалось. Столица стала передовой. А ее жители фактически сделались солдатами. Еще 11 июля по указу Комитета обороны были созданы дивизии народного ополчения, насчитывавшие в своем составе 100 000 человек, набранных из числа городского населения и развернутых на западных подступах к Москве. Позднее в ходе зимней кампании немцы встречали части народного ополчения на всех критических участках Центрального фронта. Нередко солдаты народной армии сражались как фанатики - так случалось на Селигере, под Ржевом, Дорогобужем и Малоярославцем. Начиная с 1 октября, списки жителей вновь подверглись "причесыванию". К оружию были призваны еще 100 000 москвичей. Они проходили 110-часовую подготовку - то есть всего двадцатидневную - и отправлялись на фронт.

Между 13 и 17 октября Москва поставила под знамена войны еще двадцать пять отдельных рабочих батальонов - эти люди ходили на работу и несли службу в своих частях. Численность их достигала 11 700 человек, то есть равнялась дивизии. Их задействовали в основном на восточном берегу канала Москва-Волга. В то же время из резервистов с опытом военной службы были сформированы 1-я и 2-я Московские стрелковые дивизии, а двадцать батальонов самообороны, насчитывавшие 18 000 человек, направлялись на поддержание порядка в городе. Таким образом, в столице фактически шла тотальная мобилизация.

Все мужчины и все женщины впрягались в военную машину. На рытье оборонительных рубежей второй линии призвали и направили 40 000 юношей и девушек младшее семнадцати лет, организовав их в команды по принципу военных частей. Вместе с 500 000 женщин и стариков они трудились по три смены - работали день и ночь в нечеловеческих условиях на сооружении 100 километровых противотанковых рвов, 285 километровых заграждений из колючей проволоки и 8000 километровых окопов и траншей.

Однако к концу октября ни фанатизм партии, ни военно-полевые суды, ни казни не могли остановить процесса развала. Дезертиры грабили или занимали квартиры и дома эвакуированных. По улицам повсюду шатались раненые, сбежавшие из трудовых частей подростки и дети. Органам безопасности приходилось беспрестанно прочесывать подземные туннели, вокзалы и разрушенные бомбами кварталы. Казалось, Москве приходит конец. Эти суровые, но бесспорные факты описаны учителем деревенской школы Менделем Манном, польским евреем, бежавшим из Польши в Россию. Его книга "Врата Москвы", впервые вышедшая в Израиле и затем переведенная почти на все языки стран западного мира, называется романом, однако основана она на личном опыте автора.

В этой книге мы находим эпизод, описывающий типичную для Москвы конца октября 1941 г. ситуацию: "Из маленького переулка вывернули два раненых солдата. У одного из них, высокого и худого, рука была в гипсе, другой, полный коротышка, ловко передвигался на костылях. Его ранило в колено. Они вышли на середину практически безлюдной улицы и закричали:

– Немецкие танки уже на Калужской и на Песчаной! Они уже в городе! Они здесь!

Спасайтесь, люди русские!

Патруль из шести вооруженных людей - троих милиционеров и троих работников НКВД - остановился у ворот и медленно попятился, пересекая Садовую. Они не обменялись и словом, только молча посмотрели друг на друга... Внезапно начали закрываться магазины. С грохотом опускались железные решетки. Двери подъездов домов распахивались, и оттуда выглядывали удивленные жильцы.

Оба раненых остановились на углу. Высокий указал куда-то здоровой рукой и закричал:

– Вот они, вот немцы!

Патрульные исчезли в темноте подъезда. Скоро эти шестеро появились вновь уже без шапок и без оружия. Они сняли милицейские петлицы со своих шинелей.

– Крысы бегут с тонущего корабля! - завизжала какая-то женщина. Пусть драпают! Их поймают!

Толпа постепенно превращалась в процессию, во главе которой шли двое раненых. Позади следовали несколько женщин, а за ними все остальные.

Какие-то мальчишки в возрасте четырнадцати или пятнадцати лет - дети, работавшие на фабриках, - выходили из переулков и, выкрикивая какие-то насмешки, присоединялись к растущей толпе. Вдруг один мужчина развернул кусок белой ткани и поднял его над головой, точно знамя. В центре его чернела свастика.

Толпа попятилась и остановилась как вкопанная.

– Смерть коммунякам! - завопил человек с флагом. - Бей жидов!

Тишина воцарилась под серым московским небом. Негнущимся полотнищем страха небеса опускались на плечи людей.

– Войне конец!

– Будь благословенна, Святая дева, мать Божья!

Автоматы патрульных сотрудников НКВД положили конец ужасной сцене. И немцы не пришли. Почему? Ведь они же шли по Можайскому шоссе в предместьях Москвы - были всего в получасе езды от города. Где они были? И правда, где?" Подполковник Вагнер расстелил карту на ящике из-под ручных гранат. Офицеры инженерно-саперного батальона 19-й танковой дивизии собрались вокруг командира.

– Здесь, - Вагнер указал на точку на карте, - здесь Малоярославец, в девятнадцати километрах впереди. Тут наши танки должны быть завтра. А вот Подольск, это в тридцати четырех километрах от Москвы. Задача дивизии овладеть им на следующей неделе. - Вагнер поднял глаза от карты и посмотрел на подчиненных. - Поэтому мы должны прорваться через эти чертовы доты, что перед нами, и открыть путь бронетехнике. Танки не могут пройти по раскисшим полям, а пехотинцам, что продвинулись вперед к югу от дороги, нужны боеприпасы и все прочее.

Было 16 октября. Сопровождение Вагнер проводил поблизости от Ильинского ключевого пункта первой линии обороны Москвы. Позиции тут удерживали курсанты Подольского военного училища. 19-я танковая дивизия из Нижней Саксонии застряла перед советскими дотами, где немцам противостояли будущие офицеры - молодые фанатики-коммунисты. Бомбы пикировщиков не могли уничтожить доты. Не лучше получалось это и у артиллеристов. Поэтому в дело предстояло вступить саперам Вагнера.

Штурмовая группа с двумя огнеметами и подрывными зарядами осторожно просачивалась на ровную заболоченную местность перед позициями русских. Воронки от бомб и снарядов помогали саперам прятаться, а артиллерия яростно била по дотам. Под прикрытием огня саперам удалось подобраться вплотную к бетонным сооружениям.

Снаряд разорвался слишком близко. Унтер-офицер Трипп, возглавлявший отделение

инженерного батальона 19-й танковой дивизии, поднял ракетницу. В небо взлетела белая ракета - условный сигнал, означавший: мы достигли цели. Пушки разом замолчали.

– Пошли!

Огнеметы изрыгнули длинные струи горючей жидкости, поливая ею два дота в середине и справа. С ревом ворвалось в амбразуры пламя. Все потонуло в черном дыму. Русские не могли надеяться выстрелить из автоматов или бросить гранаты. Дот слева немцы обстреливали из автоматов, стараясь попасть в амбразуру, а тем временем ефрейтор Фогель забрался на крышу. Он сверху бросил заряд взрывчатки в амбразуру и спрыгнул назад. Раздался грохот взрыва, полыхнуло пламя, повалил черный дым.

С вторым препятствием немцы покончили аналогичным способом. Но тут из бетонного хода, соединявшего доты, вдруг застрочил пулемет, скосивший огнеметчиков справа. Трипп побежал к ходу сообщения слева и открыл огонь из автомата. Русские подняли руки, только один комиссар продолжал бросать гранату за гранатой, пока его не настигла очередь.

Они пустили еще одну ракету - белую. Пехотинцы далеко позади повеселели:

– Получилось!

Стена под Ильинским была пробита.

Вперед по очищенному пути на Малоярославец пошел 27-й танковый полк подполковника Томале вместе с 2-м дивизионом 19-го артиллерийского полка и батареей 88-мм зенитных орудий. Во главе следовала 1-я рота обер-лейтенанта фон Вертерна. Роты 74-го стрелкового полка двигались по обеим сторонам шоссе. До Москвы оставалось 100 километров.

Реку Протва наступающие перешли без затруднений. Они продолжали продвижение. Целью их стал Верабый на реке Истья.

Мост оказался невзорванным. Переправу отчаянно защищал расчет советской противотанковой пушки.

"Огонь из всех видов оружия и перейти реку", - радировал фон Вертерн командирам подразделений, входившим в его полк. Лейтенант Ранге командовал головным танком. Водитель Курт Вигманн слышал приказ подполковника и не нуждался в указаниях. Он включил передачу и повел машину вперед.

Они почти уже достигли цели, когда броню их машины пробил снаряд советской противотанковой пушки, расположившейся на крутом берегу слева. Последовал удар, и танк наполнился дымом.

– Покинуть машину! - приказал лейтенант Ранге. Они все сумели выбраться из танка и спрыгнули в ров. Оттуда экипаж видел, как прямым попаданием русские подбили второй танк, который запылал как факел. Выскочить смог только командир. Через мост, развернув башню на 10 часов и ведя огонь, шла третья машина. Советскую противотанковую пушку накрыло прямым попаданием. Под огнем русской артиллерии, бившей с опушки леса, мост пересек тягач с 88-мм зенитным орудием. Расчет вывел его на позицию и начал стрелять по батареям противника. Пока все шло хорошо.

Несмотря на яростное сопротивление противника, 1-я рота Вертерна удерживала плацдарм. Со стороны русских действовали курсанты офицерского училища, сражавшиеся с невероятной отвагой. Вновь и вновь они атаковали немецкие танки на ближней дистанции.

Подполковник Томале переправил через мост все имевшиеся под рукой подразделения из состава своего 27-го танкового полка. Он оторвался от дивизии на 40 километров и должен был удерживать Истьянский плацдарм до подхода ее главных сил. Боевой группе Томале удалось справиться с задачей. К ночи немцы одолели русские рубежи, возведенные в спешке за последние несколько дней, но обороняемые сильными частями противотанковой и полевой артиллерии.

Командир 19-й танковой дивизии, генерал-лейтенант фон Кнобельсдорфф, посетил головные подразделения.

– Мы не должны позволить русским окопаться вновь, - сказал он. - Не останавливаться. Следующая цель - Нара.

Река Нара служила вторым и, по всей видимости, последним рубежом обороны на подступах к Москве.

Моросил дождь. Было холодно. Дороги становились все более труднопроходимыми. Техника вставала. Все чаще раздавались крики: "Русские танки!" Т-34 на своих широких гусеницах быстро катились с холмов. Конструкция этих машин идеально подходила для езды по грязи и снегу. Немцам они наносили огромный ущерб. Часто лишь в самый последний момент удавалось спасти ситуацию, подтянув 88-мм зенитные орудия и задействовав их в качестве средств ПТО. Но, невзирая ни на что, мотоциклетные части и танки 19-й танковой дивизии добрались до Нары. Несмотря на губительный огонь советских минометных батарей, саперный батальон в рекордные сроки в темноте навел понтонную переправу, и наступающие перешли на другую сторону реки. Удастся ли превратить ручеек наступления в бурный поток?

Неожиданным броском танкисты захватили высоты к востоку от Нары.

– Получилось! - шло радостное известие от одного солдата к другому. Через реку был переброшен 59-й стрелковый полк 20-й танковой дивизии, временно подчиненный 19-й танковой дивизии. Все теперь зависело от того, как быстро наступающим удастся достигнуть автомагистрали и преодолеть серьезный заградительный рубеж между Горками и Никольским. Тогда дорога в Кремль будет открыта.

Несмотря на состояние дорог, 98-я пехотная дивизия продвигалась форсированным маршем. У Детчино немцам пришлось пробиваться через хитроумно устроенные оборонительные позиции из линий дотов, выстроенных глубокими эшелонами. Защищали эти позиции монгольские и сибирские дивизии. Эти люди не сдавались в плен, потому что им сказали, что немцы сначала отрежут им уши, а потом пристрелят. Пять дней полыхало ожесточенное сражение. Немецкие батальоны несли тяжелые потери. Численность личного состава 282-го, 289-го и 290-го пехотных полков значительно сократилась; большинство батальонных и ротных командиров погибло или получило ранения. Саперный батальон потерял 100 человек. Но великая цель - Москва - подгоняла людей, хотя они и находились на крайней степени утомления. Кроме всего прочего, зарядили дожди, всех донимали холод и вши. До сих пор не прибыло зимнее обмундирование. И все же сознание того, что они ведут решительный и решающий бой, гнало солдат вперед. Они отдавали последние и самые последние остатки своих сил.

23 октября 290-й пехотный полк перешел Нару в Тарутине, южнее автомагистрали. Дивизии тотчас же повернули к северу, чтобы оказать поддержку 19-й танковой дивизии в деле зачистки Московского шоссе.

1 и 2-й батальоны (289-го пехотного полка) под командованием подполковника фон Бозе и капитана Штрёляйна штурмовали поросшие густыми зарослями леса высоты поблизости от Горок. Русские немедленно контратаковали и вытеснили 289-й полк с захваченных им позиций. Сражение продолжалось и на следующий день. Каждый сантиметр территории приходилось завоевывать в кровопролитных рукопашных схватках. В итоге наступающим осталось до шоссе всего 200 метров.

Обер-лейтенант Эммерт, исполняющий обязанности командира 1-го батальона 282-го пехотного полка, лично возглавил атаку 1-й роты. Командир ее, лейтенант Бауэр, погиб на месте. Слева и справа падали сраженные пулями и осколками солдаты. С огромным трудом наступающие добрались до зданий Горок и залегли. Русские отступили. Конечно, немцы

находились пока только в южной части города, однако на сей раз за спиной у них остался последний рубеж обороны Москвы. До нее от Горок оставалось только 65 километров.

– Шестьдесят пять километров - это как от Нюрнберга до Бамберга, заметил лейтенант Фрай, командир истребительно-противотанковой части из дивизиона 198-й дивизии. Самому ему, правда, довелось пройти всего три. Его похоронили около Горок, в Кусолеве.

Наступление на Москву являлось, по сути дела, битвой за дороги. Летом они служили жизненно важными для армии артериями, по которым поступали боеприпасы и снабженческие грузы. Но теперь с наступлением зимней грязи, когда все проселки, не говоря уж о бездорожье, превратились в непролазное месиво, от дорог зависели не только поставки всего необходимого для передовых частей, но сами действия танкистов и пехоты. Для наступающих непогода становилась серьезной помехой, зато она играла на руку обороняющимся. Обойти прикрывавшие перекрестки доты и дзоты удавалось все реже. Их приходилось брать, атакуя в лоб. Поэтому битва за Москву становилась битвой за каждый перекресток на пути к ней.

Одной из такого рода транспортных развязок являлись Горки на реке Нара, а также Наро-Фоминск на железной дороге Смоленск-Калуга-Москва. Следующим стало Крымское, расположенное между Московским шоссе и издревле знаменитым почтовым трактом.

Другими форпостами служили Звенигород, Истра, Дмитров, Тула и Калинин, которые все вместе образовывали широкий полукруг на подступах к столице Сталина.

Эти населенные пункты представляли собой ключевые точки второго рубежа советской системы обороны Москвы; позади, окруженная многочисленными линиями коммуникаций, точно паук в паутине пряталась Красная столица.

Свыше шестидесяти немецких дивизий вели ожесточенные и кровопролитные бои за Москву. Соединения насчитывали в среднем от 5000 до 10 000 человек. Каждая из дивизий заслуживает отдельного упоминания, но нам под силу проследить тяжкий, полный человеческих трагедий путь лишь немногих из них. Они так близко подошли к цели, что, казалось, она уже на расстоянии вытянутой руки. Они видели башни Кремля, стояли на автобусных остановках в пригородах. Одно подразделение подошло к Москве на расстояние восьми километров, а в начале декабря 1941 г. его танкисты прогревали моторы всего в 15-29 километрах от Кремля.

Они продолжали идти вперед, пехотинцы 78-й пехотной дивизии, по изрытой заполненными водой воронками дороге от Вязьмы к Москве. Шел дождь, потом он сменился снегопадом. В животах солдат урчало - полевые кухни застряли в грязи где-то далеко позади. Форма насквозь промокла и покрылась грязью. Все уже забыли о стремительных прорывах летней кампании. Как давно это было! Казалось, прошла вечность. Они наступали и наступали все лето и всю осень, а теперь входили в зиму с ее заморозками и грязью.

В то время как 78-я дивизия нескончаемой колонной продвигалась по правой стороне шоссе, роты 87-й пехотной дивизии шли по левой. Середина оставалась свободной и предназначалась для тех, кто ехал или шел в обратном направлении.

К югу от автомагистрали между Юхновым и Гжатском по плохой дороге наступала 197-я пехотная дивизия. В воскресенье 19 октября, когда падавший с неба дождь сменялся снегом, а снег дождем, часть преодолела 1500 километров пути. 1500 километров пешком!

Капитана Кюпперса, командира 1-го дивизиона 229-го артиллерийского полка, серьезно беспокоили темпы продвижения его части. Дорогу, по которой следовал дивизион, развезло до невозможности, и лошади с трудом тащили орудия через это нескончаемое месиво грязи. С разрешения возглавлявшего колонну подполковника Рюдерера капитан приказал своим свернуть на пересекающуюся с главной дорогу из Юхнова в Гжатск, с тем чтобы выйти на шоссе. Командир дивизиона рассчитывал, что так сумеет ускорить продвижение.

Артиллеристы добрались до автомагистрали. Но того, что они увидели, они никак не

ожидали: забитое техникой шоссе покрывали заполненные водой воронки. На что тут было рассчитывать Кюпперсу с его батареями на гужевой тяге? На участке от Гжатска до Можайска застряли от 2000 до 3000 единиц различной техники.

Узрев столь печальную картину, артиллеристы 197-й пехотной дивизии со всей поспешностью постарались вернуться обратно - прямо в грязь. Скорость их продвижения, равнявшая летом 45 километрам в день, теперь часто падала до полутора километров и никогда не превышала пяти километров в день. Когда наступала ночь, истощенные боями, измученные переходами, покрытые грязью и вшами, голодные и смертельно усталые, они жались к печам в жалких крестьянских избушках в маленьких деревеньках. На улице лошади объедали жухлую замерзшую солому с крыш. Внутри солдаты сушили свою форму, и если кто-то из них спрашивал: "Кто-нибудь знает, где мы?", то получал по-солдатски прямой и грубый ответ: "В самой заднице матушки Европы!" Утром они вновь шли на восток, день за днем, вперед, все время вперед за моторизованными дивизиями - к Москве.

К началу второй половины октября первый рубеж обороны Москвы был прорван повсюду на широком фронте от Калуги до Калинина. Немецкие дивизии наступали, атакуя вторую и последнюю линию обороны столицы СССР по трем главным направлениям - по дорогам из Малоярославца, из Наро-Фоминска и из Можайска. Второй рубеж обороны проходил с юга на север, начиная от Тулы к Серпухову, затем по реке Нара через Наро-Фоминск к озерам у автомагистрали, потом по долине Москвы-реки через Звенигород, Истру, Истринское водохранилище и Клин к Московскому морю к юго-востоку от Калинина.

Оборонительная линия в действительности не являлась линией, а представляла собой систему укрепленных рубежей значительной глубины. Более того, с запада от линии обороны русские максимально укрепили все автодорожные развязки и железнодорожные станции, даже те, которые располагались на значительном удалении. Вглубь же противотанковые заграждения - рвы, "ежи" и надолбы - эшелонами протянулись вплоть до городской черты столицы. От самых границ до Красной площади наступающих ждали баррикады, огневые точки, танковые ловушки и замаскированная бронетехника.

К концу октября казалось, что Москва обречена. На севере в бывшем районе боевых действий 3-й танковой группы Гота, а ныне - 3-й танковой армии под командованием генерала Рейнгардта, тюрингско-гессенская 1-я танковая дивизия сумела форсировать Волгу в Калинин и продвигалась в восточном направлении. Оперативно-тактическая группа Гейдебранда вместе с приданной ей 900-й учебной бригадой смелым броском по шоссе на Торжок достигла Медного и заблокировала автомобильные и железную дороги с севера. Правда, через несколько дней ожесточенных боев со свежими сибирскими танковыми частями оперативно-тактическая группа была вынуждена отступить к предместьям Калинина. Яростно контратакуя, русские старались отбить у немцев краеугольный камень обороны Москвы на Верхней Волге. Все попытки оказались тщетными. Части 6-й танковой дивизии, 14 и 36-й моторизованных дивизий, а позднее также 129-й пехотной дивизии общими усилиями сумели удержать жизненно важный плацдарм. Закрепиться на нем и консолидировать там свои силы немцам помог 41-й танковый корпус, которым теперь командовал генерал Модель. Тем не менее основной натиск немецкого наступления отмечался по обеим сторонам Московского шоссе. Самые ожесточенные бои здесь шли в полосе действий 40-го танкового корпуса генерала Штумме. 10-я танковая дивизия из состава этого корпуса овладела Шелковкой, важной и сильно укрепленной автотранспортной развязкой, и через Москву-реку выдвинулась в район севернее Рузы. Задача корпуса заключалась в том, чтобы нанести удар по Москве с северо-запада силами пехотной дивизии СС "Рейх" и 10-й танковой дивизии. 10-й танковой предстояло выйти к Красной площади первой.

Она была остановлена в 80 километрах от Москвы, но не русскими, а грязью. Снабжение

дивизии генерала Фишера осуществлялось по пятнадцатикилометровой гати - настоящей дороге из положенных на раскисшую почву бревен. По обеим сторонам гати стояли вросшие в грязь грузовики, тягачи, пушки и танки. Пехотинцы, саперы, солдаты истребительно-противотанковых частей закреплялись в лесах и в деревнях. В баках танков не осталось горючего. Артиллеристы получали всего по дюжине снарядов на орудие в день. А русские беспрестанно атаковали на своих Т-34, которые сохраняли маневренность даже на слабых грунтах. 10-я танковая увязла в болоте и медленно истекала кровью. Уцелевшие помнят и по сей день проклинают села Проковское и Скирминово.

Солдаты сидели в крестьянских избах и в отчаянье молили Бога, чтобы земля высохла и они могли возобновить продвижение. Но морозы в том году запаздывали. А дивизия тем не менее теряла последние силы. Когда генерал-майор Фишер доложил о том, какова действительная численность боеспособных солдат и годной к применению техники в его части своему корпусному командиру, генерал Штумме воскликнул:

– Боже мой! Да у вас всего лишь усиленный дозор разведки.

В сорока пяти километрах к югу от 40-го танкового корпуса 78-я пехотная дивизия, которая также вбила 30-километровый клин во вражескую оборону, наступая от Рузы по дороге Звенигород-Москва, подошла вплотную ко второму рубежу обороны Москвы. Ведя трудные бои с противником в лесах, пробиваясь через оборонительные рубежи, солдаты - в особенности военнослужащие 195 и 215-го полков - проявляли сверхъестественные чудеса храбрости, мужества и отваги. Им удалось захватить плацдарм к западу от Локотни, примерно в 65 километрах от Москвы.

Но и тут грязь остановила продвижение. Немцы с нетерпением ждали, когда подморозит.

Южнее шоссе, в зоне боевых действий 4-й армии Клюге, наступление поначалу развивалось самым наилучшим образом. 7 и 292-я пехотные дивизии овладели районом Крюково, перед самыми рубежами второй линии обороны Москвы. Немцы предприняли атаку на укрепления противника и... увязли в грязи. Пришлось отказать от попытки штурмовать главные позиции врага по реке Нара.

Что же, сама природа выступила против немецких войск? И нигде нельзя было добиться успеха? О нет, кое-где все же можно. 258-й пехотной и 3-й моторизованной дивизиям повезло больше других. Благодаря отчаянному броску, осуществленному 2-м батальоном (479-го пехотного полка) майора Любке, 258-й дивизии 22 октября удалось овладеть Наро-Фоминском на главной магистрали Рославль-Москва. Таким образом, вторая линия обороны Москвы была прорвана в 69 километрах от города.

22 октября к югу от Наро-Фоминска 29-й мотопехотный полк 3-й моторизованной дивизии форсировал Нару, создав плацдарм шириной одиннадцать километров.

– Дела опять пошли! - говорили солдаты друг другу. - Мы снова идем вперед!

Да, они снова шли вперед. 8-й мотопехотный полк, действовавший совместно с 29-м, не только отразил все контратаки русских, но сам в ответ контратаковал и уничтожил сильную оперативно-тактическую группу русских, взяв в плен 1700 военнослужащих противника, включая 52 офицера. Они служили в батальонах, набранных в Москве, в частях народного ополчения; среди них было немало украинцев. Многие кричали: "Война капут!" Позднее они выдавали немцам комиссаров и политруков, которые, сдаваясь в плен, сорвали знаки различия с формы.

Еще на 30 километров южнее 98-й пехотной дивизии также удалось преодолеть главное препятствие на своем пути - сильно укрепленный рубеж на реке Нара. На восточном берегу дивизия развернулась в северном направлении, чтобы совместно с 19-й танковой дивизией очистить большой автодорожный мост в Горках на шоссе, ведущем к Подольску и Москве.

19-я танковая дивизия из Нижней Саксонии форсировала реку севернее Горок - как уже говорилось, - и ее 27-й танковый полк успешно отразил все советские контратаки. С захватом Наро-Фоминска и переходом немцев через Нару выше и ниже Горок последние рубежи обороны к юго-западу от Москвы оказались прорванными в трех местах. Дамба, возведенная потом, кровью и слезами полумиллиона женщин, стариков и подростков, вот-вот перестанет сдерживать поток германского наступления.

Что, если дамба рухнет? Москвичи очень боялись, что так и произойдет. Но в тот момент, когда им казалось, что немецкие танки, которых уже больше почти ничто не могло остановить, ворвутся в их город, на помощь жителям столицы пришла погода. Дождь превратил землю в болото - непроходимое болото. Генерал-фельдмаршалу фон Боку пришлось уступить победу трясине. Он приказал войскам остановиться и ждать, пока земля затвердеет, чтобы войска могли продолжать движение. Если бы у немцев нашлось 5000 путеукладчиков с такими же широкими, как у Т-34, гусеницами, Москва пала бы к их ногам. А где же находился Гудериан, возглавлявший несколько успешных предприятий группы армий "Центр"? Где находилось острие наступления его закаленных в боях дивизий?

Его танковая группа была повышена в ранге до танковой армии - 2-й танковой армии, численность которой была доведена до 12 1/2 дивизий. Армия Гудериана образовывала южный фланг группы армий "Центр", а задача ее заключалась в том, чтобы наступать на Тульском направлении и закрыть подходы к Москве с юга. Главное командование вновь строило планы с учетом способности Гудериана вести молниеносные атаки и рассчитывало на то, что ему удастся блокировать Красную столицу с юго-запада. Началось все благополучно.

30 сентября 24-й танковый корпус выдвинулся на северо-восток силами 3 и 4-й танковых дивизий, находившихся в авангарде наступления. На следующий день части Гудериана достигли Севска, при этом головные подразделения прошли не менее 130 километров. 3 октября в результате стремительного броска 4-й танковой дивизии пал Орел. К 5 октября немцам удалось расширить береговой плацдарм на другом берегу Оки к северу от Орла.

Тем временем 3-я танковая дивизия оставила позади главную дорогу с целью наступать на север. После ночного перехода в невыносимой пурге дивизия форсировала реку Цон и продолжала стремительно продвигаться в заданном направлении. Пал Болхов - в плен угодило 800 красноармейцев. К середине октября части 3 и 4-й танковых дивизий с пехотным полком "Великая Германия" были готовы ударить через реку Сужа северо-западнее Мценска. Немцы перешли реку 23 октября и энергично преследовали обращенные в бегство русские войска. Была взята Чернь - всего в 90 километрах от Тулы. Но затем и тут грязь взяла бразды правления в свои руки.

Дорога на Тулу не годилась для тяжелой техники. Покрытие не выдерживало. Заполненные водой и грязью воронки, ямы и выбоины превратили шоссе в размытую и ни на что не похожую тропу. Грузовики со снабженческими грузами застревали в пути. Топливо не приходило. Баки пустели, и продвижение тормозилось. В результате у русских появлялось время сжигать и взрывать мосты, минировать дороги. Приходилось укладывать в грязь миллионы кубометров бревен и досок, чтобы возвести гати и пустить по ним колонны снабжения к оторвавшейся голове наступления.

Но Гудериан не мог допустить поражения от сил природы и принял вполне характерное для него решение: он объединил бронетехнику 24-го корпуса, части 75-го артиллерийского полка и 3-й стрелковый полк, а также пехотный полк "Великая Германия" в авангардное соединение под началом энергичного полковника Эбербаха и приказал им забыть обо всем, нигде не останавливаться и взять Тулу.

Оперативно-тактическая группа Эбербаха вгрызалась в оборону противника, скользила по

грязи и тараном пробивалась вперед. Повсюду, где немцы встречали сопротивление русских, в небе появлялись пикировщики "Штука", они с воем пикировали на вражеские позиции, после чего на штурм шли танкисты и гранадеры Эбербаха. Мценск был взят. Пала Чернь. 29 октября острие наступления находилось в пяти километрах от Тулы, индустриального центра с трехсоттысячным населением.

Русские сильно укрепили южные подступы к Москве, установив на последнем рубеже противотанковые и зенитные орудия. Причина вполне понятна: когда Гудериан проследует Тулу, Москва окажется с запада от него, в результате чего столица Сталина будет зажата в тиски. Древний город оружейников Тула располагался в 160 километрах от столицы, а потому в каком-то смысле являлся пригородом Москвы. Русские прекрасно это осознавали. Гудериан - тоже. Понимал это и Эбербах. Тула должна была пасть. Тула являла собой как бы половину Москвы и тоже служила своего рода символом. В Туле даже был свой собственный кремль.

Во 2-й роте пехотного полка "Великая Германия" осталось 60 человек. Шестьдесят из ста пятидесяти. Но лейтенант фон Оппен изо всех сил стремился добраться до города.

– Вперед, ребята! - подгонял он своих солдат, сдвигая назад каску. Вперед!

Таким образом, 2-я рота полка "Великая Германия" являла собой авангард всей танковой армии Гудериана. Солдатам нравилась подобная мысль. Дела у роты шли совсем неплохо. Перед ними в сумерках октябрьского вечера лежала Тула. Над городом поднимались клубы пыли и дыма. С гранатами, пистолетами и лопатками в руках солдаты прокладывали себе путь через позиции противника.

Русские ловили гранаты и швыряли их обратно.

– Не бросайте сразу, выжидайте, чтобы взрывались в воздухе! - завопил унтер-офицер. Сработало. Немцы вышли к южным окраинам городской промышленной зоны. Русские откатывались, но Эбербах не хотел рисковать.

– Всем остановиться, - приказал он по радию. Затем он лично посетил передовую и успокоил страсти в ворчащей роте: - Мы возьмем свою добычу завтра утром. Завтра утром. В пять тридцать.

Со всей пунктуальностью наутро полковник Эбербах вновь прибыл на позиции. Он лично провел рекогносцировку. Перебегая от дома к дому в маленьком рабочем районе, он посетил 2 и 3-ю роты и поговорил с солдатами.

– Вон там за складом пиломатериалов находится передовой укрепленный пункт русских, - доложил лейтенант фон Оппен. - А вот в том здании из красного кирпича, вероятно это казарма, полным-полно противотанковых пушек, минометов и снайперов.

Эбербах кивнул. Находившийся рядом командир полка "Великая Германия", полковник Гёрнляйн, посмотрел на циферблат часов и сказал только:

– Пять тридцать.

Куртуазность и излишняя обходительность были тут совершенно ни к чему. Они показались бы совершенно неуместными среди этих людей, лица которых поросли многодневной щетиной, а форма пропиталась грязью. В облепленных комьями земли ботинках, в кителях, карманы которых раздувались от ручных гранат и запасных магазинов, они жались к стенам и дверям зданий, держа сигареты так, чтобы русские не могли засечь их по огонькам.

Лейтенант забычковал сигарету, извлек из кобуры Р-08 "Парабеллум" и взвел курок.

– Пошли! - прозвучали негромкие слова долгожданной команды. Кто-то откашлялся. Кто-то задел обо что-то футляром противогаза. Они начали движение. Один за другим солдаты 2-й роты продвигались через сады рабочего района. На правом фланге с ними соединился взвод 4-й (пулеметной) роты.

Фон Оппен бросил взгляд в их направлении. словно бы надеялся увидеть там своего друга,

обер-лейтенанта Генерта. Его не могло быть там. В конце концов 17 октября Оппен присутствовал при похоронах товарища. Все происходило в роще возле ручья около Карачева.

Командир 4-й роты лейтенант Генерт стал первым в полку "Великая Германия", кто получил "Рыцарский крест". Генерту было двадцать семь, когда в ночь на 14 октября пуля из винтовки затаившегося на дереве советского снайпера вонзилась ему в живот. Генерт был типичным воспитанником Берлинского гвардейского училища. На Ельненском выступе он сдерживал бесчисленные атаки двух советских дивизий всего лишь с одной пулеметной и одной пехотной ротами и с частями из состава полка "Великая Германия". Под непрекращавшимся артобстрелом он с непоколебимым спокойствием отдавал приказы, несмотря на то что трижды получил ранения в руку и в ноги.

Когда ночью 14 октября известие о его гибели распространилось по батальону, имело место некое сверхъестественное явление, которое старые солдаты называют "превращение в зомби". Внезапно огонь русских утратил для них свою прежнюю ярость. Мысль о том, что эта война так жестока, так несправедлива к людям, если погибают такие, как Генерт, или его товарищи обер-лейтенант Дайес, лейтенант Лемп, лейтенант Бауманн, лейтенант Эрманн и унтер-офицеры Шнайдер и Ионассон, а также многие и многие другие, превращала солдат в фаталистов, и они сражались, забывая о смерти. Им удалось отразить советскую атаку и устранить угрозу, прикрыв открывшийся фланг пехотного полка "Великая Германия".

Тем временем лейтенант фон Оппен со своей передовой группой приблизился к складу пиломатериалов. Слева, оттуда, где проходила дорога, доносился звук танковых двигателей. Передовые артиллерийские наблюдатели двигались вместе с пулеметным взводом. Дальше вправо в серых предрассветных сумерках виднелись построены эшелонами цепи 3-го батальона. И вот заговорил первый русский "Максим". Солдаты поспешили попрятаться от огня. Вдруг разом война открыла все шлюзы: загрохотали пушки, засвистели мины, застрекотали автоматы. Каждый метр становился ареной, где испытывалось солдатское мужество. Маленькие группы бойцов собирались у каждого дома.

Не все сразу! Вот стремительной перебежкой пошел первый. За ним второй, а затем уже остальные. Теперь укрытием им стал служить следующий дом. Впереди всегда шли сорвиголовы и опытные бойцы. Они медленно, но верно продвигались от одного здания к другому, пока в итоге не подошли к последнему дому в квартале. Перед ними лежало метров двести открытой местности. Далее находился широкий противотанковый ров, а примерно в трехстах метрах за ним большое строение из красного кирпича.

Один за другим солдаты перебежками пересекли открытое пространство. Добежав до противотанкового рва, они попрыгали в него. Из кирпичного здания беспрестанно стреляли. Если бы они могли сделать хоть что-то с этим строением. Но ров не позволял пройти танкам. Осколок снаряда перебил провод телефона, и передовые наблюдатели не имели возможности навести огонь батарей на цель.

Уцелевший личный состав 2-й роты не мог высунуться из противотанкового рва. 3-я рота находилась слева, на другой стороне дороги перед кирпичным домом. Любого, кто поднимал голову, моментально снимал русский снайпер из своей самозарядной винтовки. Потери убитыми росли. Все чаще раздавались возгласы: "Санитара! Санитара!" Наконец артиллеристы, несмотря на острую нехватку боеприпасов, смогли пристрелять свои гаубицы к злополучному строению. 3-я рота, устремившись на штурм, овладела зданием. Однако тут же угодила под убийственный пулеметный и минометный огонь, который вел противник из многоквартирных домов на окраине города. Немцам пришлось срочно искать себе укрытие.

3-й батальон также не мог продвинуться.

– Если бы только мы сумели добраться вон до того сарая, мы смогли бы ударить на это

чертово кирпичное здание с фланга, - руссуждая вслух, произнес унтер-офицер Вихманн.

Трое бойцов расчета крупнокалиберного пулемета закивали.

– Ну что ж, тогда вперед, - сказал Вихманн. Он вскочил и перебежками помчался через открытое пространство к сараю. Тридцать метров. Уже пятьдесят. Русские начала стрелять. Пулеметный расчет, тяжело дыша, спешил следом за унтер-офицером. Осталось всего несколько шагов - меньше полудюжины. Вихманн споткнулся и упал, тяжело раненный в живот. Он умер не сразу, а позднее, уже по дороге в полевой госпиталь. Но солдаты с пулеметом выполнили задачу. Они собрали его и принялись поливать свинцом окна в красном кирпичном здании.

2-й роте удалось продвинуться на 50 метров, но затем она вновь оказалась прижатой к земле. 30 октября, когда зашло солнце, стало очевидным, что атака на Тулу застопорилась. Наступление на Москву потеряло темп. Не хватало бронетехники, не хватало артиллерии, не хватало гренадерских батальонов.

Прочие соединения 24-го танкового корпуса также не могли продвинуться. Танки Эбербаха были остановлены на дороге перед мощными противотанковыми заграждениями русских. Бронетранспортеры 3-й танковой дивизии, 1-й роты 3-го стрелкового полка и истребительно-противотанковая часть майора Пранка вели бои с новенькими Т-34. Огневая дуэль продолжалась до поздней ночи.

Таким образом, 29 октября 1941 г. бронированному острию наступления 24-го танкового корпуса - частям под командованием полковника Эбербаха пришлось остановиться в пяти километрах от Тулы. Попытка с ходу овладеть этим важным городом провалилась ввиду сильного противотанкового и зенитного противодействия, мощи обороны противника и, как следствие, больших потерь со стороны наступающих. 30 октября в результате более тщательно подготовленной атаки, осуществленной силами 3 и 4-й танковых дивизий и пехотного полка "Великая Германия", немцам также не удалось достигнуть сколь-либо заметного успеха. Правда, 3-я танковая дивизия генерал-майора Брайта кое в чем преуспела, сумев немного потеснить противника на своем участке. Но личный состав части совершенно выдохся, а из-за ужасного состояния дорог возникли чрезвычайные трудности со снабжением. Попробовали сбрасывать боеприпасы и горючее с самолетов, летавших на высоте 5-10 метров, но и это не стало решением проблемы. В большинстве своем взрывоопасные грузы взлетали на воздух при ударе о землю. Рейды Люфтваффе также не достигли цели из-за кольца ПВО, опоясывавшего Тулу. По состоянию на 31 октября 3-я танковая дивизия на подступах к Туле располагала всего 40 танками - 40 из 150, имевшихся в наличии изначально. Итак, наступление 3-й танковой дивизии Брайта у южной окраины Тулы тоже остановилось.

Русские обороняли Тулу с яростью отчаяния. Они бросали в бой все силы, использовали все имеющиеся средства, с тем чтобы сдержать натиск Гудериана. Здесь противник впервые задействовал крупные силы реактивных минометов, "Катюш", или "Сталинских оргбнов".

Поредевшие немецкие части оказались просто не в состоянии продолжать наступление. Вся материальная часть находилась в крайней степени износа, а люди испытывали нужду во всем, голодали. Головные части 43-го пехотного корпуса генерала Хайнрици - по словам самого командира корпуса, докладывавшего обстановку генерал-полковнику Гудериану, - не получали хлеба в течение последних восьми дней. Артиллеристам 24-го танкового корпуса приходилось сокращать количество выстрелов, поскольку боеприпасы застревали на размытых дорогах. Солдаты замерзали, терпели голод, баки танков и бронемашин пустели, у всех кончались снаряды и патроны. Тулу спасло не мужество русских, не мощь и неприступность их оборонительных сооружений, а перебои со снабжением у немцев.

Генерал Дж.Ф.С.Фуллер, один из наиболее авторитетных англосаксонских военных историков, подтверждает данную точку зрения в своей книге, посвященной Второй мировой

войне. Среди прочего он говорит: "По всей вероятности, в большей степени Москву спасло не сопротивление русских, каким бы упорным оно ни было, не погода, сковывавшая действия Люфтваффе, а тот факт, что немецкая техника застряла в грязи по всему фронту".

Не лучше обстояли дела и у пехотинцев 2-й танковой армии. Вот что рассказывается об этом в боевом журнале 112-й пехотной дивизии: "22 октября 1941 г. началось продвижение, в ходе которого 112-й пехотной дивизии пришлось преодолевать наибольшие трудности, когда-либо выпадавшие на ее долю. Хотя у дивизии имелся значительный опыт ведения боевых действий в условиях плохих дорог, но то, с чем она столкнулась теперь, не походило ни на что известное прежде. Просто нет слов, чтобы по достоинству описать раскисшие лесные тропы, заболоченные участки местности и липкую глину. 26 октября 1941 г., когда авангард дивизии достиг участка Оки около Уткина, картина выглядела следующим образом: вся техника беспомощно стояла на приколе. Та, что не застряла в грязи, не могла двигаться из-за нехватки топлива. Пехотные полки растягивались в бесконечные колонны, тяжелое снаряжение приходилось тащить вручную. В артиллерийских частях складывалась особенно трудная ситуация - то и дело приходилось бросать орудия. Не могло и речи идти о нормализации поставок продовольствия, подвоза фуража для лошадей и горючего для техники. Поэтому было принято решение объединить весь моторный транспорт дивизии истребительно-противотанковый дивизион, все четырнадцать рот, тяжелую роту 121-го разведывательного батальона и подразделения связи 112-го батальона связи - под командованием майора Вильдхагена, который постепенно сосредоточил их в Низине, а затем перебросил в Орел; с главными силами дивизии эти части соединились не ранее начала декабря. С 26 по 30 октября 1941 г. к западу от Оки была объявлена остановка, с тем чтобы собрать части и в то же время построить мост через Оку в Игнатьево. Трудности со снабжением удалось отчасти преодолеть потому, что солдаты научились сами добывать себе пропитание. На пути продвижения обнаруживались большие запасы овса для лошадей, хотя обычно части второго и третьего эшелона наступления испытывали большие трудности с получением всего необходимого, чем передовые. Повара полевых кухонь в дополнение к мясу, картофелю и иногда капусте использовали местные овощные культуры. Наибольшую проблему представлял хлеб. Местный русский хлеб был слишком грубым и вызывал у солдат желудочно-кишечные проблемы. По этой причине во многих батальонах создавали так называемые хлебные наряды - специальные группы солдат, двигавшиеся впереди колонны и реквизировавшие всю муку для выпечки своего хлеба. Постепенно в этом вопросе дела менялись к лучшему. Позднее, уже к востоку от Оки, приморозило, и ситуация с дорогами тоже стала не такой ужасной, но, с другой стороны, местность здесь оказалась сильно изрезанной глубокими оврагами, преодолевать которые уставшие лошади могли лишь с большим трудом.

5 ноября 1941 г. дивизия наконец достигла шоссе Плавск-Тула; офицеры штаба ехали верхом. Ввиду крайне сложных условий - отвратительного состояния дорог и погоды - продвижение требовало от личного состава огромных усилий, о чем особо говорилось в обращении генерал-полковника Гудериана, высказавшего похвалу в адрес 2-й танковой армии.

Моторизованные и танковые части танковой армии почти в полном составе остались позади на раскисших дорогах, так что наступление велось исключительно силами пехотных дивизий.

Только наступление заморозков позволило моторизованным частям возобновить продвижение". Приведенный выше отчет отражает вполне типичную ситуацию, сложившуюся для пехотных дивизий к концу октября 1941 г. на Центральном фронте.

Перед полуночью 31 октября санитары подбирали убитых и раненых уже на окраине Тулы. Командиры взводов формировали дозоры, подгоняли солдат.

– Держаться! - звучал приказ. - Держаться, пока наступление не возобновится!

Никто и не подозревал, что, прежде чем это случится, пройдет еще три недели.

В северной точке обороны Москвы, в Калинин, на плацдарме, созданном 41-м танковым корпусом на другой стороне Волги, дивизии и оперативно-тактические группы 3-й танковой армии генерала Рейнгардта тоже столкнулись с трудностями. 18 октября 1941 г. генерал-лейтенант Масленников вновь и вновь бросал сибирские батальоны своей 39-й армии, усиленные большим количеством артиллерийских и минометных батарей, а также танками, в бой против передовых частей усиленной немецкой 1-й танковой дивизии, которые продвигались через Волгу на север по дороге на Торжок. 19 октября танковая боевая группа Гейдебранда - усиленная 1-я стрелковая бригада оказалась вынуждена сдать частично разрушенный мост через Волгу в Медном, и теперь Масленников старался захватить важный авто- и железнодорожный узел самого Калинина.

Красные комиссары создавали "заградительные отряды", задача которых состояла в том, чтобы стрелять в передовые шеренги советских солдат, если те обратятся в бегство.

На северо-западной окраине города также шли ожесточенные бои. Вновь и вновь русские пересекали Волгу, либо с целью отбить железнодорожный мост, либо для того, чтобы перерезать линии снабжения, связывавшие 41-й танковый корпус с Калинин, дороги из Старицы и Латошина к береговому плацдарму на Волге. Не раз ситуацию удавалось спасти, в критический момент бросив в бой последние резервы. То было безжалостное испытание сил. В нескольких случаях немцев выручал только 8-й авиакорпус генерала фрайгерра фон Рихтгофена, его пикирующие бомбардировщики "Штука" наносили удары по скоплениям русской бронетехники и минометным батареям.

129-я пехотная и 36-я моторизованная дивизии - последняя усиленная моторизованной учебной бригадой - обороняли северную и юго-восточную части города. Находившаяся между ними 1-я танковая дивизия удерживала участок Волги с двумя мостами в северо-западном районе. 73-й самоходный артиллерийский полк, личный состав которого происходил из Веймара, Эрфурта и Гамбурга-Вандсбека, находился на южном берегу Волги, обеспечивая поддержку отчаянно сражавшимся танкистам и пехоте и вместе с несколькими дивизионами армейской артиллерии подавляя русские батареи на северной окраине города.

Дивизии генерала Моделя на Верхней Волге удерживали завоеванные позиции, но были слишком слабы, чтобы продолжать развивать наступление в северном направлении с целью, как планировалось, соединиться с дивизиями группы армий "Север", наступавшими через Валдайскую возвышенность. Солдаты устали от постоянных упорных боев, численный состав батальонов 1-го и 11-го танковых полков, а также танкового батальона специального назначения 101-й дивизии значительно сократился, а пехотинцы с гренадерами обнаруживали, что утраченное ими тяжелое вооружение больше не возмещается. В этом смысле грязь побеждала и в битве за Калинин. Наступление группы армий "Центр" постепенно выдыхалось. Соединениям 3-й танковой армии также приказали остановить продвижение и ждать, когда их нагонят пехотинцы 9-й армии.

– Ждите морозов!

Они ждали. Все больше и больше крестов появлялось на военном кладбище за церковью с южной стороны автомобильного моста через Волгу. 20 октября в последний путь туда отправился первый человек в 1-й танковой дивизии, которому присудили высокую награду - дубовые листья к "Рыцарскому кресту", майор доктор Иозеф Экингер. Уроженец Штирии, он командовал батальоном 113-го стрелкового полка, когда в результате смелого броска 14 октября немцам удалось захватить целыми оба моста через Волгу.

По всему почти 1000-километровому фронту группы армий "Центр" повторялась картина,

уже знакомая немцам по Туле и Калинин у в ноябре 1941 г.

Не лучше обстояли дела и у армий, наступавших на Москву в лоб, - 4-й танковой группы и 4-й армии. Журнал боевых действий одной пехотной дивизии, действующей на этом направлении, дает ясное представление о том, что происходило там в последние десять дней октября.

25 октября 195-й пехотный полк 78-й пехотной дивизии в Рузе получил приказ захватить Звенигород - укрепленный пункт второго рубежа обороны Москвы. Когда 2-й батальон вышел из леса, окружавшего Воронцово, он угодил под плотный огонь с высот по обеим сторонам Панова. Быстро сменив диспозицию, батальон атаковал, уничтожил три орудия, захватил счетверенную пулеметную установку и три гвардейских миномета, а с наступлением темноты овладел Пановом. Ночью батальон продвигался через густой лес в направлении Кривошейно. 27 октября весь полк двинулся из Кривошейно через Апальчино к Локотне. Он натолкнулся на огонь с линии дотов, которые, вне сомнения, имели целью прикрывать подходы к дороге Руза-Звенигород-Москва. Русские упорно сопротивлялись. Разгорелся ожесточенный бой, в который включились и танки. Несмотря на это, немецким войскам удалось вечером взять Апальчино и Колюбакино.

В ночь с 27 на 28 октября после того, как русская пехота при поддержке танков пошла в контратаку с юга, завязались жаркие бои за обладание двумя этими селами. В сражении с немецкой стороны участвовали все батальоны полка и все приданные ему штурмовые орудия. Ввиду ситуации, сложившейся на южном фланге, - особенно у 7-го корпуса, находившегося непосредственно справа, - пришлось отказаться от дальнейшего продвижения. Но поскольку захват Локотни с ее господствующими высотами являлся жизненно необходимым как исходной позиции для последующего броска вперед, солдаты получили приказ взять село. В результате 29 октября им пришлось вести с противником ожесточенную схватку за его позиции в лесу к западу от Локотни. Овладеть селом оказалось невозможно. Поэтому дальнейшие атаки также пришлось отменить. Дивизия перегруппировалась и заняла оборону по линии от Осакова через Колюбакино к Апальчину. В полосе действий 9-го корпуса враг был очень силен. Как и во всех прочих местах, здесь ждали начала холодов.

Дивизии стояли на приколе вдоль дорог и на них, утопая по горло в грязи. Линии коммуникаций были не просто опасно растянутыми, они едва действовали. Стремительные германские дивизии, привыкшие вести молниеносную войну, стали медлительными и неповоротливыми - почти такими же медлительными и неповоротливыми, как армия Наполеона в 1812 г. Первое, что сделали немцы, - постарались решить проблему поставок всего необходимого, переключившись на использование местного транспорта. Затем они преобразовали свои ослабленные части в меньшие по размеру, но более подвижные формирования. Так, танки 41-го танкового корпуса были перегруппированы в "боевые подразделения", которые пришли на смену ранее существовавшим двум-трем батальонам с восемью-двенадцатью ротами на полк, а оставшийся личный состав восьми пехотных рот реорганизовали в три роты дивизионного стрелкового батальона на бронетранспортерах. Разведывательные и мотоциклетные батальоны были сведены и разделены на новые батальоны, а команды разведки на бронев автомобилях собраны в единую роту, поставленную непосредственно в подчинение командира дивизии. Так командиры боевых частей пытались разрешать возникающие трудности. Все надеялись, что Главное командование отреагирует на изменение ситуации на фронтах и примет соответствующие меры. Но ставка фюрера находилась далеко, очень далеко - за много сотен километров в тылу, в Растенбурге, в Восточной Пруссии.

Со своей стороны, советское Верховное Главнокомандование старалось максимально использовать тот факт, что ему приходилось вести войну буквально на пороге Москвы. Оно

имело преимущество, так как действовало на внутренних операционных линиях. Сидя в Кремле, Сталин мог перебрасывать прибывавшие в столицу из восточной части империи войска и технику туда, куда ему было нужно, - с одного участка на другой, туда, где потребность в них в данный момент становилась наибольшей. В результате как только немецкие боевые группы где-либо прорывали рубежи советской обороны, то тотчас же оказывались перед лицом превосходящих сил противника, обладавшего сильным тактическим танковым резервом. Однако боевой дух советских соединений находился на низком уровне. Если не считать дальневосточных и гвардейских сибирских да еще нескольких кавалерийских дивизий, русские солдаты на передовой линии обороны Москвы мало походили на нестигаемых героев, изображаемых советскими военными историками.

Приведенный ниже отрывок взят из дневника советского лейтенанта, имя которого не будет названо, с тем чтобы не навредить его родителям или детям. Он погиб в районе Тулы 12 ноября. А 31 октября сделал следующую запись: "В ночь с 30 на 31-е мы пересекли шоссе Орел-Тула в районе Горбачева-Плавска и достигли села Федоровка. Еще до того, как мы перешли дорогу, случаи дезертирства достигли невероятного количества. Заместитель командира, лейтенант Алапорцев, и другие, самовольно взяв несколько офицерских лошадей, включая и мою, поскакали в обратном направлении - на ликероводочный завод. И это лучшие из офицеров! Я схватил грипп, чувствую ужасную слабость, у меня кружится голова и ломит виски. В нашем батальоне дезертировало 80 процентов личного состава, в том числе и казавшиеся надежными солдаты 3-го взвода. Они уходят в села, бросают оружие и обмундирование и одеваются во что попало. В деревнях насильно ликвидируются колхозы, народ делит лошадей, упряжь. Из амбаров растаскивают зерно, разбирают между собой семена. Повсюду только и говорят, что войне теперь все равно конец, а после нее никаких колхозов больше не будет". Так выглядела реальная картина. Все напоминало боксерский матч, где у обоих противников не осталось уже сил на удар. Измотанные, изнывающие от нехватки всего самого необходимого, немецкие части на передовой уже не могли нанести решающего удара шатающемуся красному колоссу.

- Эх, если б ударил мороз! - говорили солдаты. - Если бы только дороги вновь стали проходимыми!

Если бы только...

Мороз ударил в ночь с 6 на 7 ноября. По всему фронту группы армий "Центр" внезапно наступила зима. Пришел тот самый небольшой и такой желанный морозец, сковавший грязь и давший технике возможность двигаться вперед. По "загоравшим" у дорог войскам прокатился вздох облегчения. Да, у них не было зимнего обмундирования - многие еще носили летнюю форму, - но наконец-то кончалась эта ужасная грязь.

Артиллеристы вытаскивали пушки из замерзшей земли, повсеместно ломая колеса и оси лафетов. Ну и что в конце-то концов? Возобновились поставки того, о чем уже почти забыли, вернулось все, что так "греет" солдата на передовой: сигареты, письма из дома и спиртное. Появились запчасти, и танки стали возвращаться в строй, один за другим выходя из передвижных полевых мастерских. На передовую потекли патроны, снаряды, гранаты и мины. Потихоньку вновь начала крутиться машина войны. Вернулась надежда, что Москву все же удастся взять.

Нет нужды говорить - для того чтобы сделать это, последний удар надлежало нанести немедленно. Главное командование сухопутных войск настаивало на безотлагательных действиях. Командующий группой армий "Центр", генерал-фельдмаршал фон Бок, в равной мере беспокоился о скорейшем принятии решения о возобновлении боевых операций. Но войска были настолько измотаны, что нуждались в передышке. Поэтому первые дни стали особо напряженными днями для частей тылового обеспечения. На грузовиках, на санях, на телегах они

доставляли все необходимое на передовую. Для фронта делалось все, даже больше. Случались несколько странные вещи, причем такие, которые сильно раздражали солдат на передовой. Каких-то высокопоставленных тыловых начальников осенила, вне сомнения, достойная похвалы мысль поставлять на Восточный фронт все самое лучшее и одновременно поддержать виноторговлю Франции. В результате в Россию из Парижа прибыло два товарных состава с превосходным красным вином. В бутылках. Целые поезда с вином вместо боеприпасов! Одному Богу ведомо, кто благословлял эту затею. Так или иначе, когда ценный груз прибыл в Юхнов, в район дислокации 4-й армии, термометр показывал 25 градусов мороза. В вагонах грузчики обнаружили глыбы красного льда с прилипшими к ним осколками стекла.

– Замороженный глентвейн вместо зимнего обмундирования, - ворчали солдаты. Бывший тогда начальником штаба 4-й армии генерал Блюментритт уверял, что никогда прежде не видел солдат в такой ярости. 12 ноября термометр опустился на 15-градусную отметку. 13 ноября показывал 20 градусов. На аэродроме в Орше в тот день царила особая суета. Самолет Гальдера из Растенбурга и машины с высокопоставленными офицерами из штабов групп армий и командующими армиями прибывали одни за другими: генерал-полковник Гальдер, начальник Генерального штаба сухопутных войск, созвал на секретное совещание начальников штабов групп армий и всех армий, действующих на Восточном фронте.

Тема, которую предстояло обсудить участникам встречи, выражалась в следующем: как правильно поступить? Нужно ли дивизиям окопаться, встать на зимние квартиры и дожидаться наступления весны? Или же наступление главным образом наступление на Москву - следует продолжить, несмотря на зиму?

Совещание в Орше имеет важнейшее значение в истории Второй мировой войны. Пожалуй, тут можно поискать ответа на вопрос, не дающий покоя историкам и по сей день: "Кто в конечном счете ответственен за возобновление печальной памяти зимнего наступления?"

Гитлер? Или Генеральный штаб? Или - это самая свежая и самая сенсационная теория - то был коварный ход Сталина, который с помощью скормленной немецкой разведке дезинформации соблазнил Гитлера идеей возобновления наступательных действий и, таким образом, завлек в ловушку? Теория любопытная, а основание, положенное в ее фундамент, не так просто разрушить.

В своей книге "Советские маршалы дают ответ" Кирилл Калинов, офицер Генштаба Советской Армии, сбежавший на Запад из Берлина в 1949 г., а ранее, во время Второй мировой войны, работавший в советском Генеральном штабе, приводит интересное высказывание Жукова (хотя, правда, и без прямой ссылки). Согласно Калинову, маршал Жуков в 1949 г. будто бы сказал во время выступления: "Немецкая оценка количества уничтоженных ими советских войск выражалась фантастической цифрой - 330 дивизий. Поэтому они не предполагали, что в нашем распоряжении могут находиться свежие резервы, и соответственно рассчитывали встретить лишь части рабочего ополчения, наскоро сколоченные в Москве. Это была главная причина, почему Гитлер пошел на риск и начал решительное наступление на нашу столицу.

В связи с этим я должен открыть некоторые подробности, ранее остававшиеся тайной. Сведения о будто бы уничтоженных 330 дивизиях намеренно поступили от нас в Германию через военного атташе одной нейтральной страны, который, как мы знали, находился в связях с германской военной разведкой. Наша задача заключалась в том, чтобы поддержать Гитлера в споре с его генштабом. Как нам было известно, генералы советовали поступить так, как поступали немцы в 1914 г., - закрепиться на позициях и встать на зимние квартиры.

Нам было выгодно, чтобы немцы не отказались от своих планов в отношении Москвы, но перешли в наступление на лесистой равнине, где мы могли бы нанести им решительное поражение.

Меня поддержал товарищ Сталин, который был даже готов пойти на риск и потерять столицу. Поэтому в течение четырех дней на оборонительных рубежах на подступах к Москве мы задействовали исключительно части рабочего ополчения. У немцев должно было сложиться впечатление, что эти соединения все, что мы можем противопоставить их опытным и обычно не знавшим поражений дивизиям".

Принимая во внимание авторскую позицию, теорию нельзя просто сбросить со счетов. Она заслуживает тщательного рассмотрения. Решение о возобновлении наступления на Москву было принято 13 ноября в Орше. О том, как проходило это совещание, существует немало достоверных свидетельств, включая и то, что рассказал о нем генерал-майор Блюментритт, в то время являвшийся начальником штаба 4-й армии Клюге и присутствовавший на встрече.

Согласно Блюментритту, Гальдер обрисовал общую обстановку на 2000-километровом фронте от Ладожского озера до Азовского моря. Кульминационной точкой его доклада стал вопрос: "Следует ли продолжать наступление или же нужно перейти к обороне?" Генерал пехоты фон Зоденштерн, представлявший генерал-фельдмаршала фон Рундштедта и говоривший от имени командования групп армий "Юг", настаивал на прекращении наступательных действий и переходе к обороне. Рундштедт же находился на Дону, поблизости от Ростова, в 350 километрах восточнее линии фронта группы армий "Центр" на подступах к Москве.

Генерал-лейтенант Бреннеке, начальник штаба генерал-фельдмаршала риттера фон Лееба, без труда обрисовал незавидное положение группы армий "Север", которая после вывода из ее состава всех танковых сил была ослаблена настолько, что ни о каком наступлении не могло идти и речи. Фактически на этом фронте немцы давно уже находились в обороне.

Командование группы армий "Центр" не разделяло подобной точки зрения и настаивало на продолжении наступления на Москву. Генерал-майор фон Грайфенберг разделял мнение своего генерал-фельдмаршала о том, что взятие Москвы было необходимо как с чисто военной, так и с психологической точки зрения. Существовала, конечно, опасность, что овладеть столицей СССР немцам все же не удастся, но это было бы в любом случае не хуже, чем торчать в снегу и на морозе всего в 30 километрах от вожденной цели.

Доводы Бока вписывались в видение ситуации Верховным командованием. В ставке фюрера крепла убежденность в том, что русские находятся при последнем издыхании и что нужен лишь один последний решительный удар, чтобы покончить с ними раз и навсегда. Бок и его штаб - прежде всего Грайфенберг и начальник оперативного отдела подполковник фон Тресков - не разделяли такого оптимизма. Они знали, в каком состоянии находятся войска, и понимали, что до начала лютых зимних холодов осталось очень мало времени. Но, несмотря ни на что, Бок видел в продолжении наступления лучшую альтернативу. В противном случае немцам пришлось бы провести в полевых условиях долгую и холодную зиму - зиму, которая могла дать Сталину возможность выиграть время.

Гальдеру, как и командующему сухопутными войсками генерал-фельдмаршалу фон Браухичу, импонировало отношение к вопросу группы армий "Центр". Оба выступали за возобновление наступления, поскольку видели в этом единственный шанс завершить кампанию победой.

В кармане у Гальдера уже лежали боевые приказы, и теперь он огласил их. Амбициозные и тщательно разработанные планы. 2-й танковой армии Гудериана предстояло овладеть транспортным узлом Тулы и ее хорошо оборудованным аэродромом, затем наступать на юго-восток от Москвы через Коломну на старинный город Нижний Новгород (или Горький), расположенный на Волге в 400 километрах от столицы Советского Союза.

На севере 9-я армия должна была двигаться на восток по каналу Москва-Волга вместе с 3-й танковой армией, после чего повернуть к Москве, образуя левый клин охвата.

Вести фронтальную атаку в центре поручалось 4-й армии на правом и 4-й танковой группе на левом фланге.

Дата начала наступления еще не была назначена. Генерал-фельдмаршал фон Бок выступал за то, чтобы начать его немедленно, но положение дел со снабжением вынуждало отложить день "Д" на несколько суток.

Из вышесказанного видно, что немецкое Главное командование, хотя оно, по-видимому, и имело основания сомневаться в целесообразности последних наступательных действий 1941 г., возобновило наступление на Москву не единственно из-за давления Гитлера, как получается по словам Жукова. Генерал-фельдмаршал фон Бок, какие бы соображения им ни двигали, являлся убежденным сторонником нового наступления. Взятие Москвы всегда являлось для него главной целью. В этом он вполне сходил с Главным командованием сухопутных войск, которое постоянно заявляло о том, что овладеть Москвой есть наиважнейшая задача. Стремление достигнуть цели до конца года вполне оправданно. С другой стороны, этого требовала общая стратегия.

Следовало ли группе армий "Центр" закрепляться на захваченных позициях по всему тысячекилометровому фронту, имея в резерве всего одну пехотную дивизию? При том, что огромные пространства у нее в тылу кишмя кишели партизанами? Следовало ли уступать инициативу русским, давая им возможность там и тут переходить в наступление? Почему немцы должны были взирать на то, как Сталин использует Москву в качестве идеального распределительного пункта, куда стягивались войска со всех концов империи, чтобы потом ударить на неглубокие линии обороны заочневших солдат Вермахта? Допустить это - означало сделать большую ошибку.

Но существовало и еще одно важное соображение. Генерал-фельдмаршал фон Браухич, командующий сухопутными войсками, его начштаба, а особенно генерал-фельдмаршал фон Бок и генерал-полковник Гудериан еще со времен битвы за Смоленск добивались от Гитлера, чтобы тот дал им "зеленый свет" для атаки на Москву. Они противились его плану сначала сразиться с русскими за Ленинград, чтобы обезопасить фланг наступления на Москву. Они не хотели сворачивать с прямого пути и идти к Киеву и постоянно убеждали Гитлера, настаивали, предупреждали о том, что главной целью кампании должен служить только захват Москвы.

Со своей стороны Гитлер с самого начала не соглашался с мнением своего генштаба. Он не считал овладение Москвой наиважнейшей задачей и полагал, что возможность взятия столицы СССР определится в ходе кампании.

– Россия будет побеждена, когда мы захватим Ленинград и Финский залив на севере и когда овладеем зерном Украины и индустриальными районами Донбасса на юге, - возражал генералам фюрер.

Как ни странно, вразрез со своими обычаями он в итоге позволил военным уговорить себя отказаться от изначально избранного плана - взятия Ленинграда.

Москва в любом случае не являлась предпочтительной целью для Гитлера. Она была и оставалась излюбленной целью генштаба. И вот фюрер сдался на милость генералов. Могли ли теперь Браухич, Гальдер, фон Бок и Гудериан прийти к нему и сказать: "Извините, мы не можем взять Москву. Из-за неблагоприятных условий местности и зимних холодов нам следует окопаться в 40-50 километрах от нашей цели"?

Нет, они хотели продолжать наступление. Хотели взять Москву и считали, что могут сделать это вне зависимости от того, уничтожены или нет 330 русских дивизий.

Жуков ошибается, когда думает, будто Гитлер приказал возобновить зимнее наступление на Москву в пику своему Главному командованию. Таким образом, сенсационная теория, что Жуков поддержал Гитлера против уставшего от войны Главного командования путем передачи

немецкой разведке ложной информации о количестве плененных и таким образом заманил группу армий "Центр" в ловушку - как поступил князь Кутузов с Наполеоном, - не выдерживает критики. 8. Последний бросок к Москве "Дни ожидания - позади" - Кавалерийская атака под Мусино - На канале Москва-Волга - В восьми километрах от Москвы - Паника в Кремле - Сталин звонит на фронт - 40 градусов ниже нуля - Сражение за автомагистраль Люди, кони и танки в снегу и во льду - Все останавливается.

Днем начала осеннего наступления 1941 г. стало 19 ноября. Войска сделали все возможное, чтобы подготовиться к последнему и очень трудному бою. Решимость сделать максимум возможного отражается в задаче 4-й танковой группе, где содержится объявление о начале наступления. Документ похож на многие другие, изданные в те дни в соединениях и частях немецкой армии. "Всем командирам 4-й танковой группы. Дни ожидания - позади. Мы снова можем наступать. Нам осталось уничтожить последний рубеж обороны Москвы. Мы должны остановить биение сердца большевистской империи и завершить нашу кампанию в текущем году.

Танковой группе выпала честь нанести решающий удар по противнику. Для этого надлежит собрать в кулак все силы, весь боевой дух и всю решимость уничтожить врага". Один из ключевых пунктов битвы за Москву располагался в районе боевых действий 4-й танковой группы, между Шелковкой и Дорохово. Именно тут старинный почтовый тракт - историческая дорога, выбранная Наполеоном, а теперь современная автомагистраль - и железная дорога Смоленск-Москва пересекались с крупной транспортной артерией, пролежавшей с севера на юг из Калинина в Тулу. Тот, в чьих руках находились Шелковка и Дорохово, а также высоты около них, контролировал этот важный центр коммуникаций.

В конце октября 10-я танковая дивизия овладела Шелковкой, но русские продолжали удерживать высоты. Когда 10-ю меняла 7-я пехотная дивизия из Мюнхена - в состав ее также входили добровольцы "Французского легиона", или 638-й пехотный полк, - советские войска контратаковали прямо в процессе передислокации немецких частей, и повсюду завязались серии ожесточенных сражений.

Чтобы отбить у немцев Шелковку, Сталин перебросил из Внешней Монголии под Москву 82-ю моторизованную стрелковую дивизию. Подтянув к передовой свежие резервы, русские атаковали при поддержке двух танковых бригад, гвардейских минометов и армейской артиллерии. Немецкие 88-мм зенитки, которые применялись против наземных целей, не могли находиться одновременно повсюду. Таким образом, мюнхенцы оказались бессильны против частей Т-34, и понесшей крупные потери 7-й пехотной дивизии пришлось уступить транспортную развязку противнику. Тот факт, что советским войскам вновь удалось овладеть районом Шелковка-Дорохово, имел в дальнейшем далеко идущие последствия.

Дорога, служившая единственным источником поступления тылового обеспечения для частей 40-го танкового корпуса, действовавших в районе Рузы, оказалась перерезана. 10-я танковая дивизия, которая вела тяжелые бои между населенными пунктами Покровское и Скирминово, осталась без боеприпасов, без горючего и без продовольствия; она не могла теперь также отправлять в тыл своих раненых. Части дивизии СС "Рейх", в поддержке которых так нуждалась 10-я танковая дивизия, бессмысленно топтались в Можайске, не имея возможности прибыть к месту назначения.

То, как удалось разрешить эту опасную ситуацию, описал капитан Кандуч, офицер разведки штаба 40-го танкового корпуса, в дошедшем до нас донесении.

"В тот же вечер начальник штаба полковник фон Куровски приказал мне провести в 04.00 рекогносцировку в районе транспортной развязки и наискорейшим образом доложить, есть ли возможность подтянуть мотоциклетный батальон дивизии СС "Рейх". В 04.00 я вместе с обер-

ефрейторами Шютце и Михельсеном на мотоцикле с коляской отправился выполнять задание из нашей штаб-квартиры в Рузе. Поскольку получить бронемашину разведки мне не удалось, мне пришлось ехать на штабном автомобиле. Вплоть до Московского моста в Старой Руссе все было спокойно. Русская артиллерия вела спорадический беспокоящий огонь по дороге на Makeиху, и само это село то и дело становилось мишенью для внезапно повторявшихся оружейных обстрелов. В 05.15 я взял унтер-офицера из 440-го батальона связи, чтобы он провел телефонный кабель в направлении транспортного узла. В 05.40 восстановилась связь с капитаном Грушей, командиром 637-го минометного батальона, дислоцированного примерно в трех километрах к югу от Makeихи.

Оказалось, что минометчики подвергаются сильному натиску противника. Они окопались, будучи готовыми к отражению атаки русских. Доложив по телефону обстановку моему начальнику штаба, в 06.00 я направился в штаб-квартиру вновь сформированного пехотного батальона 267-й пехотной дивизии, расположенной примерно в полутора километрах от транспортной развязки, и приказал проложить туда телефонную линию. В тот момент атака немцев с целью овладения транспортным узлом была в самом разгаре. Шум битвы становился все громче. В районе боя велся интенсивный оружейный огонь. Дорогу постоянно простреливали русские пулеметчики. Поскольку телефонные провода тянули все дальше и дальше, по мере того как пехота продвигалась вперед, в 07.30 я смог отрапортовать своему начальнику штаба о том, что перекресток очищен от вражеского присутствия, а в 08.00 сообщить ему о прибытии первых подразделений мотоциклетного батальона из состава дивизии СС "Рейх", который проследовал через пересечение дорог с относительно незначительными потерями".

В начале ноября 7-й корпус генерала Фармбахера вступил в боевые действия силами 7-й (Бавария), 197-й (Средний Рейн-Саар) и 267-й (Нижняя Саксония) дивизий с целью выбить русских с высот и обеспечить беспрепятственное использование транспортного узла для предстоящего наступления. Атаку поддерживал 2-й батальон 31-го танкового полка 5-й (Силезия) танковой дивизии.

Быстро продвигаясь, танкисты ворвались на позиции монгольской бригады. Но сыны степей не бросились бежать: они принялись бросать в танки бутылки с "коктейлем Молотова". Следовавшим за бронетехникой пехотным полкам приходилось отбивать у противника окоп за окопом в штыковой. Там, где немцам удавалось прорваться, их встречали залпы реактивной артиллерии. Обе стороны несли серьезные потери.

Однако после двух дней боев русские на данном участке оказались отброшенными повсеместно. Вновь наладилось движение транспорта через Шелковский транспортный узел. Линия снабжения на правом фланге 4-й танковой группы восстановилась.

В период между 15 и 19 ноября дивизии группы армий "Центр" одна за другой, в соответствии с планами, начали решающее наступление на Москву. Командиры частей - от самых крупных до самых мелких - знали, что поставлено на карту. Генерал-полковник Гудериан пишет в своих воспоминаниях, что объяснил командирам корпусов, что больше нельзя терять ни минуты. Он внушал им сделать все, что в их силах, для достижения цели. Генерал-полковник Гёпнер тоже попытался подвигнуть свои войска на самый решительный и последний бой, обращаясь в приказе от 17 ноября к командирам своих частей: "Пусть ваши солдаты ясно осознают задачу. Воодушевите их. Покажите им цель, достижение которой станет для них славным венцом труднейшей кампании и принесет долгожданный отдых. Ведите их к победе с отвагой и верой! И пусть Повелитель армий и сражений дарует вам удачу!" Приведенный выше текст процитирован здесь вовсе не из-за своей напыщенности и высокопарности, обычных для призывов к бою во время войны. Значение документа в другом. Он позволяет понять, что столь

выдающийся полководец, как Гёпнер, человек величайшей личной храбрости, которому позднее суждено было окончить жизнь в петле как активному участнику заговора против Гитлера, 17 ноября 1941 г. пребывал в уверенности, что Москву можно взять.

16 ноября 5-й пехотный корпус Гёпнера начал атаку на город Клин, расположенный на северо-западе от Москвы на дороге к Калинин. Слева, в соответствии с планом, предстояло наступать 56-му танковому корпусу 3-й танковой армии.

Около Мусина, что к юго-западу от Клина, забрезжил рассвет - рассвет 17 ноября, серый и туманный. Ближе к 09.00 сквозь утреннюю дымку показался большой красный диск солнца. Наблюдательный пункт батареи тяжелых орудий располагался на холме. Километрах в трех дальше виднелся лес. Поля покрывало тонкое снежное одеяло. Было холодно. Все ждали приказа атаковать.

10.00. Командиры приникли к биноклям. На опушке леса появилась кавалерия. Идя на галопе, она скрылась за холмом.

– Русские танки! - раздался возглас. По замерзшей земле катились три Т-34. С окраины села открыли огонь противотанковые пушки. Казалось странным, что танки идут одни, без поддержки пехоты. Что бы это могло значить? Пока артиллерийские наблюдатели пытались разгадать загадку, раздался другой возглас:

– Внимание! Справа от леса кавалерия.

Так и было. Конники - передовой разъезд из сорока или пятидесяти человек - приближались на рыси. Вот численность отряда выросла до сотни или двух, а мгновением позже они вылетели из леса широким фронтом. Эскадрон за эскадроном они развернулись в гигантскую линию. Позади сформировалась следующая. Все походило на какой-то диковатый сон. Шашки офицеров взлетели в небо. Сталь сияла на утреннем солнце. Теперь они шли галопом.

– Кавалерийская атака силами полка. До атакующих две тысячи пятьсот метров! - Голос наблюдателя, по телефону передававшего информацию на батарею, звучал немного сдавленно. Он лежал в углублении в земле на брезентовом полотнище. Сразу же как выпал снег, оптическую трубу наблюдателя покрыли слоем побелки. Теперь прибор сливался с белым покрывалом, укутавшим поля и пригорки возле села Мусино. По нетронутому снегу стремя стремя скакали кони, всадники пригибались к шеем лошадей, держа в вытянутых руках над головами шашки.

Пулеметный расчет около пункта наблюдения приготовился. Стрелок снял митенки и положил их рядом с пулеметом. Командир расчета приник к биноклю.

– Две тысячи метров, - раздался голос наблюдателя, продолжавшего по телефону давать наводку батарее.

Прошло, наверное, не больше секунды, и на заснеженном поле под Мусином разыгралась кошмарная сцена, которую не мог бы представить себе даже человек с очень богатым воображением. 3-я батарея 10-го артиллерийского полка 106-й пехотной дивизии открыла огонь с короткой дистанции. Снаряды покинули стволы и обрушились прямо на атакующие эскадроны. Осколочно-фугасные снаряды противотанковых пушек в селе, которое только что подверглось атаке Т-34, упали среди головной группы. Падали кони. Всадники летели на землю. Вспыхивали огненные молнии. Поднимался к нему черный дым. Взлетали фонтаны пламени и грязи.

Советский полк продолжал наступать. Дисциплина их восхищала. Кавалеристы сместились в направлении своего правого фланга и устремились к селу. Но раз за разом, залп за залпом снаряды тяжелых орудий падали в боевые порядки атакующих эскадронов. Артиллеристы применяли шрапнельные гранаты, взрывавшиеся на высоте 7,5 метров над землей. Эффект,

производимый такими выстрелами, был сокрушительным. Всадников буквально разрывало на части в седлах, кони падали на землю искалеченными.

Но ужасающее представление еще не завершилось. Для продолжения атаки из леса появился второй полк. Офицеры, сержанты и рядовые наверняка видели, какая участь постигла их товарищей. Тем не менее они скакали вперед.

Со второй волной немецкие артиллеристы расправились еще быстрее, чем с первой. Лишь небольшой группе всадников на маленьких казачьих лошадках удалось прорваться через стену смерти. Человек тридцать из тысячи. Они мчались к высоте, на которой расположился артиллерийский наблюдатель. Их прикончили пулеметчики.

Две тысячи кавалеристов и коней - оба полка 44-й монгольской кавалерийской дивизии - остались лежать в красном от крови снегу, растерзанные, искалеченные, раненые. Множество лишившихся всадников лошадей металось по полям, уносясь одни к селу, другие в лес. Легко раненные кавалеристы ковыляли по снегу в поисках укрытия. В этот момент генерал-майор Денер отдал приказ о начале немедленной контратаки.

Из села и из-за высот показались цепи солдат 240-го пехотного полка. Отделениями и взводами они шли по покрытой снегом земле в направлении леса.

Никто не стрелял. Объятые страхом, пехотинцы проследовали кладбище 44-й монгольской кавалерийской дивизии - поле боя, где едва ли не в последний раз во время Второй мировой войны шли в атаку крупные кавалерийские части. Когда немцы вновь заняли село Спас-Блуды, гренадеры обнаружили, что их товарищей из 240-го пехотного полка, попавших в плен ранеными, убили.

Атака русских являлась совершенно бессмысленной с военной точки зрения. Два полка полегли, а при этом и волос не упал с головы хотя бы одного солдата противника. Никого с немецкой стороны даже не ранило. Однако атака кавалеристов показала с полной очевидностью, что советское командование не собиралось позволить немцам овладеть путями к Москве и было готово сражаться за это со всем возможным упорством.

Другой пример мы находим в дневнике советского лейтенанта, о котором уже упоминалось, он командовал минометным взводом, сражавшимся на южных подступах к Москве. 17 ноября 1 он написал следующие слова: "Дивизион получил категорический приказ овладеть позициями фашистов на высотах около села Теплое. Однако из-за очень сильного огня немцев мы не могли сделать и шагу. Криволапов доложил в полк, что без поддержки артиллерии продвинуться не сумеем. Последовал приказ: "Через двадцать минут вы возьмете эту позицию, или все офицеры пойдут под трибунал". Приказ повторялся шесть раз. Мы шесть раз атаковали. Командир погиб. Тароров, адъютант, и Иващенко, секретарь партиячейки, тоже. В дивизионе осталось только двадцать стволов".

Вот какими методами заставлял Сталин сражаться свои войска. Он задействовал все ресурсы, шел на все, чтобы защитить свою столицу. Вождь мобилизовал все людские и материальные резервы для обороны Москвы.

Сталин понимал значение Москвы и знал, к чему приведет ее потеря. Он признал всю серьезность положения в разговоре с представителем президента Рузвельта, Гарри Гопкинсом, сказав ему: "Если Москва падет, Красной Армии придется оставить всю территорию России к западу от Волги". Отчаяние Сталина лучше всего иллюстрируется предложением Рузвельту, о котором говорит Гопкинс: "Он, Сталин, приветствовал бы появление американских войск на одном из фронтов в России, и мало того, они действовали бы под неограниченным командованием Армии США".

Исаак Дойчер, биограф Сталина, очень справедливо указывает: "Это одно из наиболее откровенных высказываний Сталина, зафиксированное хроникерами во время Второй мировой

войны". И верно, оно как ничто другое показывает, сколь отчаянной представлялась Сталину ситуация, в которой он находился.

Рузвельт не стал посылать американских солдат в Советский Союз, и Сталину пришлось скрести по сусекам своей империи. Далеко не все части горели желанием сражаться. Многие полки прошли через горнило битв летней кампании. Целые дивизии удавалось заставить идти в бой только под страхом уничтожения следовавшими позади заградительными отрядами.

С другой стороны, переброшенные под Москву с Дальнего Востока монгольские и сибирские дивизии, отличавшиеся от других частей высоким боевым духом, сражались отважно. Отстоять Москву удалось во многом благодаря этим войскам и, конечно, из-за того, что Сталин мог со спокойной душой оголить 9000-километровую морскую границу от Берингова пролива до Владивостока и 3000-километровую сухопутную границу от Владивостока до Внешней Монголии, не опасаясь перехода в наступление Квантунской армии, которая могла бы помочь своим немецким союзникам, ударив в спину русским. От виртуозного разведчика доктора Зорге в Кремле знали, что дальневосточные союзники Германии намерены напасть на американскую базу в Перл-Харборе, чтобы захватить принадлежавшие США острова в Тихом океане. Решение Японии спасло Советский Союз. Впоследствии Сталин "щедро отблагодарил" японцев за оказанную услугу.

Появление сибирских дивизий под Москвой имело огромное значение, как бы ни оспаривал этот факт маршал Жуков, не желающий делить славу спасителя столицы с сибирскими резервами. Если верить Кириллу Калинову, Жуков заявил: "Помощь сибирских войск имела для нас чрезвычайно большое значение. Но на долю сибиряков приходилось не более 5 процентов использованных в сражении сил. Смешно даже говорить о том, что их вмешательство было решающим".

Советские военные историки опровергают маршала. В книге Самсонова "Великая битва под Москвой" мы читаем: "Пока стояла грязь, Верховное Главнокомандование стянуло из глубокого тыла - из Сибири и Центральной Азии - в район Москвы стратегические резервы. Были сформированы новые оперативно-тактические части".

Численность этих резервов была столь значительной, что в момент возобновления наступления на Центральном фронте в ноябре русские войска под Москвой, согласно Самсонову, впервые превосходили немцев. Самсонов приводит количественные данные по пехотным дивизиям 1:1,2 в пользу Красной Армии. Если учесть, что немецкие пехотные дивизии утратили от 30 до 50 процентов личного состава в ходе безостаточного продвижения и беспрестанных тяжелых боев, а от танковых дивизий, перешедших границу в июне, остались лишь воспоминания (не более трети нормальной численности), становится понятным происходившее под Москвой между 18 ноября и 5 декабря, как и то, что российские военные историки назвали "московским чудом".

Кавалерийская атака под Мусином стала всего лишь кровавой увертюрой к предстоящему прорыву 5-го корпуса на левом фланге 4-й танковой группы против жизненно важной для Москвы артерии на северо-западе - дороге Калинин-Клин-Москва. Генералу пехоты Руоффу предстояло открыть путь к Красной столице между этим шоссе и каналом Москва-Волга.

При мягкой зимней погоде, стоявшей в начале наступления, 2-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Вайэля быстро и уверенно ударила через реку Лама, сломив русское сопротивление. Дивизия обошла Клин на юге, тогда как 56-й танковый корпус 3-й танковой армии продвигался к этому городу с северо-запада. На фронт поступили первые скудные партии зимнего обмундирования - одна шинель на оружейный расчет. Одна шинель! Случилось это 19 ноября, как раз тогда, когда началась настоящая зима. Столбик термометра упал ниже 20 градусов по Цельсию. Выпал снег. Морозная дымка висела в воздухе даже в дневное время. Настоящая

русская зима пришла раньше, чем обычно, однако все же не необычайно рано, как частенько утверждают.

23 ноября боевая группа подполковника Докера, двигавшаяся в авангарде наступления 5-го корпуса вместе с частями 3-го танкового полка, с запада ворвалась в Солнечногорск. 2-я стрелковая бригада полковника Родта атаковала город с северо-запада силами 304-го стрелкового полка. Немцы сокрушили мощную оборону русских, уничтожив свыше двух дюжин танков. Мосты через канал достались наступающим целыми. Все вновь покатилося как по маслу. В результате 2-я венская танковая дивизия генерала Вайэля оказалась в 60 километрах от Москвы на великолепной дороге.

25 ноября полковник Родт взял Пешки, что юго-восточнее Солнечногорска, приблизившись к Москве на десять километров. Стоя на холме, полковник в бинокль разглядел три приближавшихся танка.

– Какие это танки? - спросил он своего дежурного офицера.

– Понятия не имею, господин полковник, - прозвучало в ответ.

Прогремел первый выстрел. Головные машины 1-го батальона 3-го танкового полка появились из-за холмов и открыли по застигнутым врасплох танкам противника огонь из 7,5-мм пушек. Два танка были подбиты, а третий отошел. Когда полковник Родт осмотрел уничтоженные машины, он немало поразился увиденному - британские танки Mk-III, броня которых не являлась непроходимым барьером даже для немецких 37-мм противотанковых пушек. На броне их были написаны переводы английских инструкций по пользованию танком. Так впервые на передовой появились образцы техники, присланной Британией Сталину в качестве военной помощи.

Пехотные дивизии 5-го корпуса - 106, 35 и 23-я, - как и танкисты, быстро продвигались по обеим сторонам шоссе на юг к Москве и на юго-восток к каналу Москва-Волга. Канал являлся последней естественной преградой на пути к Москве. Если бы северные ударные силы - 4-я танковая группа и 3-я танковая армия - преодолели этот рубеж, то могли бы считать, что худшее осталось позади. Потсдамская 23-я пехотная дивизия устремилась к каналу через Икшу силами 9-го пехотного полка. Другой пехотный полк из состава дивизии, 67-й, и 23-й батальон разведки со своей стороны уверенно продвигались к каналу к северо-востоку от Красной Поляны. Южнее усиленная 2-я стрелковая бригада, проследовав Красную Поляну, 1 декабря взяла Катюшки. Село переходило из рук в руки несколько раз. Дозоры 2-й роты 38-го танкового инженерного батальона наступали в направлении железнодорожной станции Лобня. Казалось, блицкриг вновь набрал полную силу.

Сначала русские смешались, и, как часто случалось в подобных ситуациях, у немцев появились большие возможности. Одна из них проиллюстрирована следующим эпизодом. Мотоциклетные дозоры 62-го танкового инженерного батальона, изначально действовавшего в составе 2-й танковой дивизии, но 30 ноября выдвинутого самим Гёпнером вперед - перед головными частями 2-й танковой дивизии - для нанесения удара по железнодорожной станции Лобня и по району к югу от нее, помчались к цели на своих мотоциклах и, не встречая противодействия, вышли к Химкам - маленькому речному порту, расположенному в восьми километрах от окраины Москвы. Нагнав страха и вызвав панику среди местного населения, мотоциклисты повернули назад. Эти мотоциклисты и саперы корпуса подобрались к берлоге Сталина ближе всех. Но части 106-й пехотной дивизии, атаковавшие на правом фланге 2-й танковой дивизии, подошли почти на такое же расстояние к Кремлю, когда боевая группа 240-го пехотного полка, усиленная дивизионом 52-го зенитно-артиллерийского полка, достигла Лунева. До сего дня в русских источниках вспоминают о тех днях с оттенком страха - отголоском того ужаса, который объял Кремль, когда в город пришла весть:

– Немцы в Химках!

В Кремле уныние царило уже фактически с 27 ноября. Сталин хмуро мерил шагами кабинет, в котором стоял огромный стол с разложенной на нем картой. Новости с фронта приходили катастрофические: "Вражеские войска из 3-й танковой армии форсировали канал Москва-Волга в Яхроме, в 70 километрах к северу от Москвы, и создали плацдарм на восточном берегу. Существует опасность прорыва противника к Москве с севера". Поскольку никаких оборонительных рубежей между столицей и каналом не существовало, слова "опасность прорыва с севера" означали, по сути дела, что, если не помешать крупным силам противника перейти на восточный берег канала, Москва будет потеряна.

Что же произошло?

Закаленный в боях 56-й танковый корпус генерала Шааля - в начале кампании это ударное соединение находилось под командованием Манштейна действовал левее 5-го корпуса силами 6 и 7-й танковых, а также 14-й моторизованной дивизий. 24 ноября они взяли Клин и вскоре после этого Рогачево. Нанося удар в слабое место обороны противника между 30 и 16-й советскими армиями, корпус вышел к каналу Москва-Волга и создал береговой плацдарм. Смелым броском полковник Гассо фон Мантойфель усиленным 6-м стрелковым полком и частями 25-го танкового полка завладел мостом в Яхроме и после атаки через канал закрепился на его противоположном берегу. Появившийся в районе боевых действий советский бронепоезд был атакован танковой ротой лейтенанта Орлоффа (офицера, награжденного "Рыцарским крестом") из состава 25-го танкового полка и уничтожен. Русские в полном замешательстве отступили; появились пленные, удалось захватить в целости и сохранности крупную электростанцию, обслуживавшую Москву. Таким образом, Мантойфель овладел самой восточной точкой Московского фронта, вдобавок к этому захватил для 3-й танковой армии плацдарм на восточном берегу канала, а ко всему еще и электрический рубильник Кремля.

Из хорошо охраняемой комнаты в самом сердце Красной столицы Сталин то и дело звонил Жукову, Ворошилову и генерал-лейтенанту Кузнецову, командующему 1-й ударной армией.

С помощью телефонных проводов Сталин влиял на тактические и даже стратегические решения, принимаемые военачальниками, - впоследствии практика эта подверглась критике со стороны Хрущева и его товарищей, усматривавших во вмешательстве Сталина причину многих поражений, понесенных советскими войсками в первый год войны. С другой стороны, нельзя не признать, что Сталин способствовал принятию множества решений, которые без его вмешательства едва ли когда-нибудь были бы приняты.

Так обстояло дело и 27 ноября. Сталин распорядился, отменяя в сторону все прочие соображения, немедленно направить против плацдарма Мантойфеля две бригады. Ликвидировать плацдарм надлежало любой ценой.

Ганс Лейбель и сейчас помнит тот день под Яхромой двадцать лет назад. Погода благоприятствовала русским. Во второй половине дня 27 ноября в течение всего каких-нибудь двух часов температура упала до 40 градусов ниже нуля. Для борьбы с арктическим морозом солдаты и офицеры Мантойфеля располагали лишь балаклавами¹, легкими и короткими шинелями и узкими сапогами. Даже со слабым противником было бы невозможно сражаться в такой экипировке в сорокаградусный мороз.

Немцам пришлось заплатить дорогой ценой за неподготовленность войск к русской зиме. Дело заключалось не только в отсутствии меховых тулупов, валенок и тому подобного снаряжения, хуже того, германское Главное командование не знало или же не умело применять на практике простые и доступные методы ведения боевых действий в зимнее время. О том, что к продолжительной войне в России не готовились - во всяком случае, немецкий генштаб, - лучше всего говорит полная неподготовленность Вермахта к ведению боев зимой. После первых

снегопадов финны, видевшие немецких солдат, обутых в сапоги, подбитые стальными гвоздиками, в удивлении качали головами и говорили: "Ваши сапоги - идеальные проводники холода, вы с таким же успехом могли бы ходить прямо в носках!"

Выступая ближе к концу войны в Доме офицеров в Москве, маршал Жуков сказал, что его уважение к немецкому генштабу впервые пошатнулось, когда он увидел военнопленных, взятых Красной Армией в ходе зимней кампании. "Солдаты и офицеры носили очень тесные сапоги. И конечно, у всех у них были обморожены ноги. Немцы не обратили внимания на тот факт, что с восемнадцатого столетия русские солдаты получали сапоги на один размер больше, чем нужно, что давало им возможность набивать их соломой, а в последнее время газетами и благодаря этому избегать обморожений".

Русские действительно избегали обморожений. У немцев же зимой 1941-1942 гг. на передовой случаи обморожения ног достигали во многих дивизиях сорока процентов.

Но мороз выводил из строя не только конечности солдат. В двигателях замерзало масло. Отказывались стрелять карабины, автоматы и пулеметы. Танковые моторы не заводились. Надо ли удивляться, что при таком раскладе боевой группе Мантойфеля, несмотря на упорное сопротивление, не удалось удержать Яхромский плацдарм, когда на нее обрушились солдаты 28-й и 50-й бригад из состава советской 1-й ударной армии, облаченные в зимние шинели и валенки. Стволы русских автоматов выглядывали из меховых чехлов, а затворы пулеметов были смазаны зимним маслом. Ничто не мешало русским сражаться. Если надо, они могли часами лежать на снегу, скрытно подползать к немецким аванпостам и уничтожать их. Пехоту поддерживали Т-34, тогда как в распоряжении 25-го танкового полка 7-й танковой дивизии остались только 48-тонные танки "Шкода Mark III" (Т-38(ч))1 с 37-мм пушками и несколько Т-IV с 75-мм орудиями.

Таким образом, 29 ноября Мантойфелю пришлось оставить плацдарм и занять позиции на западном берегу канала. На юго-западе правый фланг 56-го танкового корпуса прикрывала 6-я танковая дивизия. Его левый фланг обеспечивала 14-я пехотная и 36-я моторизованная дивизии. Шанс молнией ударить по Москве с севера оказался утрачен.

В свою очередь, в тридцати километрах южнее Яхромы ситуация приняла драматический оборот. К югу от Рогачева 41-й танковый корпус, который подтянулся от Калинина, 1 декабря атаковал переправу через канал севернее Лобни на правом фланге 3-й танковой армии. Первым делом предстояло вызволить из беды потсдамцев из 23-й пехотной дивизии, окруженной южнее Федоровки. Еще южнее, к северо-западу от Лобни, 2-я танковая дивизия генерала Вайэля угрожала Москве с северо-запада. Одна из боевых групп под командованием подполковника Декера, невзирая на метель и ледяной холод, несмотря на мины на участке дороги из Рогачева в Москву, прошла до Озерецкого и взяла село.

– А теперь прямым ходом в Кремль, на Красную площадь, - шутили солдаты передовых частей. Они стояли под навесом на автобусной остановке в пригороде Москвы, приплясывая на морозе и обхлопывая себя руками, чтобы хоть как-то согреться. - Где же этот чертов автобус? Как всегда, опаздывает.

Когда лейтенант Штраус из 1-й роты истребительно-противотанкового дивизиона 38-й дивизии проезжал мимо автобусной остановки в своей машине по дороге на Горки, водитель со смешком поинтересовался:

– А почему бы нам не сесть на автобус, господин лейтенант? Всего сорок пять минут, и мы в гостях дома у товарища Сталина.

Унтер-офицер преувеличивал достоинства советских автобусов. Расстояние до Красной площади составляло как-никак 38 километров.

Однако боевая группа усиленной 2-й стрелковой бригады под командованием полковника

Родта подошла к цели значительно ближе. 30 ноября стрелковые батальоны бригады и саперы, несмотря на упорное сопротивление спешившихся сибиряков-кавалеристов и московских ополченцев, овладели Красной Поляной. Наступающие взяли Пушки, а на следующий день Катюшки. Так 2-й батальон (304-го стрелкового полка) майора Райхманна выдвинулся к самым Горкам. До Кремля оставалось всего 30 километров, а до окраины Москвы - 20. Штурмовая команда 38-го танкового инженерно-саперного батальона пробралась на станцию Лобня и взорвала ее с целью не допустить подтягивания русскими тактических резервов. До окраины столицы было 15, а до Кремля - 27 километров.

Сердце Москвы вот-вот уже должно было перестать биться. В тот день на первой полосе "Правды" вышли два вполне типичных и захватывающих репортажа: один о расстрелах мародеров, а другой о смертных казнях спекулянтов продовольствием.

Москва оказалась на линии фронта. Через город, скрежеща гусеницами, проползали новенькие Т-34, сходявшие с конвейера завода, расположенного на восточной окраине, ехали к вокзалам грузовики с рабочими-ополченцами и комсомольцами - тактические резервы срочно требовалось перебросить для отражения немцев под Катюшками и Горками. Сибирские батальоны отправлялись на фронт на такси и на мобилизованных частных автомобилях партийных и государственных чиновников. Боеприпасы доставляли в точки, где создавалась угроза, на реквизируемых фургонах и автобусах. Батальон рабочих ополченцев с тракторного завода на восточной окраине столицы можно было перебросить и ввести в действие на западе или северо-западе в течение часа. Таково преимущество ведения боев, как выражаются специалисты, на внутренних операционных линиях. Именно это при наличии значительных тактических резервов и позволило Сталину остановить головные части немецкого наступления под Катюшками и Горками.

На дороге, ведущей из Старицы через Волоколамск к Москве, расположен маленький городок Истра. На него пал выбор как на ключевой пункт второго рубежа московской обороны. Удерживали Истру сибирские пехотные полки.

Солдатам 40 и 46-го танковых корпусов 4-й танковой группы пришлось отчаянно сражаться за каждую деревушку, за каждую рожицу или лесок. Медленно, пять за пятью, утопая в снегу, задыхаясь на колючем ветру, продвигались вперед боевые группы 5 и 10-й танковых дивизий и мотопехотной дивизии СС "Рейх". 23 ноября им удалось выйти к реке Истра и к Истринскому водохранилищу, протянувшемуся в длину на 18 километров и в ширину в среднем на два с половиной километра. Оно питало водой впадавшую в Москву р. Истру - реку шириной примерно 30 метров. Высокий восточный берег порос густым лесом. Там, среди деревьев обосновались русские, с позиций которых хорошо просматривались заснеженные поля на западном берегу. Любому, кто намеревался атаковать засевших в лесу красноармейцев, предстояло пересечь либо реку, либо водохранилище.

Несмотря ни на что, 11 и 5-й танковым дивизиям удалось 24 и 25 ноября переправиться через реку и водохранилище и создать на берегу плацдарм. 61-й мотоциклетный батальон из состава 11-й танковой дивизии, возглавляемый майором фон Узедомом, отчаянным броском преодолел скованную льдом Истру. Русские открыли по мотоциклистам огонь из артиллерийских орудий. В воздухе кружились куски стали и льда. Но немцы проложили себе путь на дальний берег и закрепились там на замерзшей земле. Водохранилище наступающие перешли около села Лопатино - в самом узком месте. Приближаясь к плотине водохранилища, солдаты испытали несколько волнительных минут. Она, по всей видимости, была подготовлена к уничтожению. Что бы произошло, если бы дамба взлетела на воздух и гигантские массы воды вырвались на свободу?

Но штурмовым частям 11-й танковой дивизии повезло. Сработал фактор неожиданности. У

русских просто не осталось времени на то, чтобы нажать кнопку. Саперы лейтенанта Брайчуха извлекли из конструкции плотины 1100 мин и две тонны взрывчатки.

Южнее немцы также благополучно осуществили форсирование важной для наступления реки Истра. Подполковник фон дер Шеваллери с усиленным 86-м стрелковым полком 10-й танковой дивизии захватил Бушаровский мост. Операция проводилась под прикрытием разыгравшейся метели. Группа Шеваллери состояла из остатков некогда гордившейся своим знаменем 10-й танковой дивизии. Теперь в ее 7-м танковом полку осталось всего двадцать восемь танков, а 69 и 86-й стрелковый полк сократились до четырех неполных стрелковых батальонов по 120 человек в каждом. Артиллерийский дивизион Бёрингера включал в себя один-единственный тягач и десять орудий. Но, невзирая ни на что, оставшиеся от 10-й танковой дивизии части сражались с воодушевлением.

Согласно уверениям участвовавших в тех боях военнослужащих, враг оказал упорное сопротивление, бросив в сражение все имевшиеся в распоряжении ресурсы. То, с каким самопожертвованием дрались русские, заслуживает самого большого восхищения, однако даже это не могло остановить ударные части группы армий "Центр", продолжавшие прокладывать себе путь к Москве вопреки всем стараниям неприятеля.

26 ноября, в холодный и пасмурный день, когда столбик термометра опустился до 20 градусов по шкале Цельсия, 10-я танковая дивизия пошла на штурм города Истра. Завязался кровопролитный бой. В лесном бою атакующие понесли серьезные потери от фугасов советских гвардейских минометов, но сумели все-таки выдавить красноармейцев - маньчжурские части из Хабаровска - из леса и в последнем натиске достигли северной оконечности Истры.

Тем временем подтянулись батальоны пехотной дивизии СС "Рейх". Мотоциклетному батальону СС под командой Клингенберга перво-наперво предстояло прорваться через укрепленный рубеж в лесу сразу к западу от Истры на шоссе Волоколамск-Москва, удерживаемый частями знаменитой 78-й сибирской стрелковой дивизии. Известность солдаты этой дивизии получили вследствие того, что не только не брали пленных, но и сами никогда не сдавались. Немцам пришлось с гранатами и лопатками в руках брать в жестокой рукопашной дот за дотом. Мотоциклисты Клингенберга сражались с величайшей храбростью, и многие молодые люди из войск СС отдали в том бою свои жизни. Капитан Кандуч докладывал о сражении своему командиру, генералу Штумме, со слезами на глазах. Многие сложившие голову на поле брани мальчишки - все от восемнадцати до двадцати лет - шли в атаку в сапогах на босу ногу. И это при температуре 15 градусов ниже нуля.

У самой Истры, в излучине реки, находилась городская крепость, господствовавшая на западных подступах. Дивизия СС "Рейх" сумела захватить крепость внезапным ударом. Пехотные полки СС "Дойчланд" и "Дер Фюрер", при поддержке артиллерийского полка СС "Рейх", прорвались с юга и просочились сквозь уличные баррикады. Гвардейцы Гитлера и Сталина не щадили друг друга. Сибирякам пришлось отступить. Истра, ключевой пункт последнего оборонительного рубежа Москвы, осталась в руках немцев.

27 ноября пало Полево. В тот же день советские ВВС принялись наносить безостановочные удары по Истре. Русские твердо решили разрушить этот жизненно важный транспортный узел на пути к Москве. Штабы немецких частей о чем стало известно из радиопереговоров - не могли найти себе пристанища. Колокольни церковей с луковицами куполов обращались в прах. Дом за домом красная авиация превращала город в руины. На маленький городок упало две тысячи бомб. Не осталось ни одной крыши, под которой могли бы разместиться немецкие штабисты.

28 ноября войска СС взяли Высоково и продолжили продвижение к Москве. К тому моменту штурмовые колонны находились в радиусе 30-35 километров от Кремля.

Термометр опустился до 32-градусной отметки ниже нуля. Солдатам приходилось ночевать

под открытым небом. Они натягивали на себя все, что имели, но это не спасало от всюду проникающего холода. У них не было ни овчинных тулупов, ни меховых шапок, ни рукавиц, ни валенок. Они отмораживали пальцы на ногах, а пальцы рук в тоненьких перчатках становились белыми и не гнулись от мороза.

Но, несмотря на ужасные условия существования, имелись все же и приятные моменты отдыха и покоя. Темными и промозглыми ночами на стыке ноября-декабря 1941 г., когда воздух звенел от мороза, когда над головами пехотинцев, танкистов и артиллеристов, ревя моторами, проплывали шедшие к Москве "Юнкерсы" и в небе вспыхивали разрывы зенитных снарядов, солдаты включали приемники и внимали доносившемуся из далекой студии в Белграде низкому голосу Лале Андерсен, которая пела "Лили Марлен". Кажется невероятным, но все, кто участвовал в той зимней кампании и остался жив, и по сей день помнят эту сентиментальную, вызывающую ностальгические чувства песню, которая заставляла плакать скучавших о доме солдат. 2 декабря передовые части моторизованной дивизии СС "Рейх" находились на подходе к Ленино. Лейтенант Вебер, адъютант командующего армейской артиллерией, полковника Вайдлинга, писал письмо матери в Гамбург: "Людские ресурсы у русских, похоже, бесконечны. Эшелон за эшелон каждый день прибывают все новые войска из Сибири, приходят новые пушки; повсюду появляются все новые и новые минные поля. Тридцатого мы атаковали в последний раз - штурмовали высоту под названием Грушевая гора и село Ленино. При поддержке артиллерии и минометов нам удалось овладеть высотой и половиной села. Но ночью нам пришлось сдать захваченные позиции, чтобы иметь возможность действительно обороняться от нескончаемых контратак русских. Если бы мы продвинулись хотя бы на тринадцать километров, то смогли бы обстреливать город из пушек, но все наши попытки оставались безуспешными". 4-я танковая группа просто не могла продвинуться. Штурмовые соединения прошли всего каких-то несколько километров. Ситуация, сложившаяся для 10-й танковой дивизии, была вполне типичной. Боевая группа закаленного огнем 69-го стрелкового полка при поддержке последних оставшихся в распоряжении дивизии танков 1 декабря вышла к Ленино, но смогла захватить лишь западную окраину села. В восточной части, отделенной небольшой речкой, противник закрепился так, что казалось, он просто врос в землю. Четыре дня русские и немцы лежали друг против друга. Советская артиллерия беспрестанно обстреливала немецкие позиции. Горстка бойцов 69-го полка все таяла и таяла, и они не могли захватить ни пяди земли. До Кремля оставалось всего 34 километров, до северо-западной окраины Москвы - 23 километра, а до северного порта - 18 километров.

Между тем другие дивизии все еще продолжали прокладывать себе путь через лед и снег к Красной столице. Южнее Истры, по обеим сторонам шоссе Руза-Звенигород и по Москве-реке, пытали удачу 252, 87 и 78-я пехотные дивизии 9-го корпуса генерала Гейера. Первой целью их было овладение дорогой Звенигород-Истра и самим городом Звенигород, где располагались склады боеприпасов и прочего военного снаряжения на западном участке Москвы.

Город находился среди утопавших в снегах заповедных лесов. Там во множестве замаскированных дзотов и в бетонных дотах притаились в ожидании противника полки советской 5-й армии. Первой преградой на пути немцев стала Локотня. Тут в конце октября увязла в грязи 78-я пехотная дивизия из Вюртемберга. Теперь она твердо вознамерилась прорвать вражеские рубежи.

Полковник Меркер повел свой усиленный 215-й полк в "наступление на цыпочках", выполнив смелый обходной маневр по боковым тропам через заснеженный девственный лес и выйдя в тыл русским, ударил в уязвимые места их обороны и 20 ноября захватил Локотню.

24 ноября пехотные полки, усиленные частями саперов, пробились к Александровскому, самой настоящей крепости, и к полудню 2 декабря - к восточной оконечности Ершово. К этому

моменту дивизия свои силы исчерпала. Овладеть Звенигородом ей не удалось.

Между соседом слева 78-й пехотной дивизии, 87-й пехотной дивизией (из состава 9-го пехотного корпуса), и мотопехотной дивизией СС "Рейх" (из 40-го танкового корпуса) атаковала 252-я пехотная дивизия, которая смогла прорваться на советские оборонительные рубежи. В непроходимых лесах разыгрались ожесточенные сражения, и полки оказались в трудном положении. 461-й пехотный полк был отрезан, и ему в течение следующих двух дней пришлось полагаться только на свои собственные силы. Бомбардировщики "Штука" утюжили русские позиции до тех пор, пока сопротивление противника не было сломлено. 7-й пехотный полк вышел к селу Покровское. 1 декабря боевая группа 2-го батальона, несмотря на непрекращающиеся атаки противника, передвинула линию фронта на несколько километров за Покровское, но дальше продвинуться не смогла. Снег, мороз и упорное сопротивление русских вынудили наступающих остановиться.

Русские показали себя мастерами быстро создавать укрепленные импровизированные линии обороны, особенно в зимних лесах и на болотах. Четырьмя месяцами ранее силы, которыми противник располагал на подступах к Москве, по всей вероятности, не смогли бы сдержать натиска немецких дивизий. Но для слишком растянутого, измотанного и полузамерзшего немецкого наступления, страдавшего от нехватки бронетехники и тяжелого вооружения, русские становились серьезным противником. Старая поговорка оказалась тут как нельзя более справедливой: все решает последний батальон. Лучшей иллюстрацией тому стало сражение за шоссе.

Автомост из Смоленска представляла собой самую короткую, самую быструю и самую лучшую дорогу к Москве. В том месте, где у Нарских озер шоссе сходилась со старым почтовым трактом - восточнее перекрестка Шелковка-Дорохово, - русские, окопавшись, блокировали самую важную артерию немецкого наступления.

Тщательно старалась 4-я танковая группа вместе с 7-м корпусом генерала Фармбахера прорваться через барьер, пролежавший от Нарских озер через шоссе и почтовый тракт к излучине Москвы-реки. 267-я пехотная дивизия из Ганновера, сражавшаяся к северу от Москвы-реки, вмерзла в глубокие снега. Состоявшая из проверенных временем и огнем ветеранов 197-я пехотная дивизия, известная как "Дивизия чистильщиков шоссе", и баварская 7-я пехотная дивизия вместе с отважно сражавшимися добровольцами "Французского легиона" безуспешно пыталась подавить вражескую оборону по линии Нарские озера-шоссе-почтовый тракт-озеро Полецкое-излучина Москва-реки путем обхода ее слева. Но перешеек в районе Кубинки оставался заблокированным.

Чтобы в конечном итоге завладеть современной автодорогой к Москве в точке к юго-востоку от Наро-Фоминска, генерал-фельдмаршал фон Клюге 1 декабря начал проведение в жизнь смелой операции силами 20-го пехотного корпуса 4-й армии в месте, где она граничила с 4-й танковой группой.

Затея едва не удалась. Официальный советский военный писатель полковник П.А.Жилин в своей книге "Наиболее важные операции Великой Отечественной войны" говорит следующее: "В начале декабря противник предпринял последнюю попытку прорваться к столице с запада. С этой целью танковые, моторизованные и пехотные дивизии 4-й армии были сосредоточены в районе Наро-Фоминска. Противнику удалось далеко углубиться в нашу оборону". Именно так и происходило. Клюге намеревался овладеть шоссе позади Нарских озер посредством стремительного охватывающего маневра, а затем прикрыть выполнявшие его части с фланга. Ближе к 05.00 1 декабря 20-й корпус генерала Матерна начал атаку на шоссе восточнее Наро-Фоминска силами 3-й мотопехотной, 103, 258-й и усиленной 292-й пехотных дивизий - главную задачу решала 258-я пехотная дивизия, которая уже овладела мостом через Нару в Таширове. В

условиях отрицательной температуры обширные фортификации к юго-востоку и к северу от города оказались прорваны. 292-я пехотная дивизия, усиленная частями 27-го танкового полка 19-й танковой дивизии, развернулась на север. Полковник Гане со своими штабными войсками и 2-м батальоном 507-го пехотного полка захватил Акулово. Это село располагалось всего в шести с половиной километрах от шоссе и в 56 километрах от Москвы.

2 декабря на правом фланге 20-го корпуса 183-я пехотная дивизия силами двух батальонов 330-го пехотного полка с боями проложила себе путь к самому шоссе к западу от Шаламова и, окопавшись, заняла круговую оборону. Утром 3 декабря 330-й пехотный полк, не испытывавший на себе натиска неприятеля, получил приказ отойти на исходные позиции на реке Нара к югу от Наро-Фоминска.

3-я моторизованная пехотная и 258-я пехотная дивизии начали выполнять обходной маневр для захвата Наро-Фоминска. Столбик термометра опустился до 34-градусной отметки, дул ледяной ветер, от которого буквально ломило кости. Впервые отмечались случаи отчаяния - то один, то другой солдат бросался на снег с криками: "Все, я больше не могу!" Силы батальонов таяли, причем больше не от действий противника, а от холода. В некоторых батальонах оставалось по восемьдесят человек.

В бранденбургской 3-й моторизованной пехотной дивизии 1-й батальон 29-го пехотного полка лишился всех командиров рот за первые несколько дней боев. В 5-й роте, в которой на момент перехода в последнее наступление насчитывалось всего семьдесят человек, вечером первого дня сражения осталось только двадцать восемь солдат и офицеров. Командир роты получил ранение, два унтер-офицера погибли, а из еще девяти унтер-офицеров четверо были убиты и трое ранены. Несмотря на это, 29-й пехотный полк взял Наро-Фоминск и прошел по шоссе еще пять километров на восток. Но затем атака вмерзла в землю при температуре 38 градусов ниже нуля.

Продвижение на восток отмечалось только на левом фланге, в полосе наступления 258-й пехотной дивизии. Здесь подвижная боевая группа, действовавшая под оперативным командованием командира 611-го зенитно-артиллерийского дивизиона, пробилась на северо-восток через Бархатово и Кутметово в Подасинский. "Передовое подразделение Брахта" силами 53-го моторизованного батальона разведки, 1-й роты 258-го истребительно-противотанкового дивизиона, двух взводов 1-й роты 611-го зенитно-артиллерийского дивизиона и нескольких самоходных орудий сумело выйти к Юшкову, что слева от шоссе. Отсюда до Кремля оставалось всего 43 километра.

На другой стороне дороги находилось село Бурцево - Богом забытое местечко: тридцать крытых соломой и наполовину занесенных снегом избышек. Площадь, вокруг которой они располагались, и являлась задачей головной колонны 258-й пехотной дивизии. Ближе к вечеру 2 декабря 3-й батальон 478-го пехотного полка вошел в село.

Части 2-го батальона в течение нескольких часов отчаянно сдерживали упорные атаки противника. Двадцать пять или тридцать изб казались солдатам сказочным оазисом, неким миражом в пустыне. Поднимавшиеся к небу дымки говорили о том, что в домах тепло. А ни о чем так не мечтали солдаты, как о тепле. Предыдущую ночь они провели в старых бетонных дотах на учебном танковом полигоне к западу от села. Им не повезло, температура внезапно упала до 35 градусов.

Колхозники задействовали доты в качестве курятников. Кур там, однако, не было, зато остались блохи. Ночка выдалась адская. Чтобы спастись от блох, приходилось выходить наружу, где царствовал беспощадный государь-мороз. Прежде чем солдаты понимали, что происходит, пальцы их рук белели, пальцы ног деревенели в сапогах. Утром за медицинской помощью обратилось тридцать человек, некоторые из них страдали от серьезных обморожений. Нельзя

было даже снять сапоги с больного, поскольку кожа оставалась на стельках и на материи, которой солдаты обматывали ноги. Отсутствовали медикаменты для оказания помощи обмороженным. Не было транспорта, чтобы доставить пострадавших в лазарет. Обмороженные оставались среди своих товарищей и мечтали о теплых избах Бурцева.

На рассвете батальон пошел в атаку без артиллерийской подготовки. Пехоту поддерживали три штурмовых орудия и одна 88-мм зенитная пушка. Русские на позициях возле Бурцева и в нем страдали от холода не меньше немцев, поскольку не имели теплого обмундирования, и, похоже, не очень-то стремились принимать серьезный бой. Раненые русские и сдавшиеся в плен красноармейцы совершенно очевидно находились под влиянием алкогольного опьянения. Они уверяли, что на этом направлении к Москве позади больше нет никаких оборонительных рубежей, если не считать нескольких позиций, занимаемых зенитчиками. В двух местах русские пытались поджечь село. Зловещее значение приказа Сталина оставлять после себя выжженную землю становилось очевидным.

Майор Штедке сократил количество часовых и дозорных до минимума, позволив остальным идти в дома отогреваться у теплых печей. Там, набившись в избы точно сельди в бочку, солдаты сидели или лежали рядом с хозяевами. Немцы клали на печки кирпичи. Каждый час, когда наступало время сменять часовых, несколько человек выходило на улицу, прихватив с собой кирпич, но не для того, чтобы греть на морозе свои руки или ноги. Тепло требовалось для других, более важных целей. Завернутые в тряпки нагретые кирпичи прикладывали к затворам пулеметов, чтобы масло не замерзло. Если из-за сугроба появится русский, который, возможно, пролежал там несколько часов, часовой не имеет права допустить, чтобы оружие заклинило. Так они каждый час и таскали горячие кирпичи, чтобы держать оружие теплым. Тот, кто, отстояв свою вахту, шел в избу, чувствовал себя так, будто возносился на небеса.

Но рай просуществовал недолго - в общем и целом шесть часов. Командир 258-й пехотной дивизии приказал усиленному 478-му пехотному полку отойти к Юшкову, 3-й батальон прикрывал отход, следуя в тыловом охранении. В 22.00 русские снова атаковали. Вперед пошли Т-34. Они знали, что делали, систематически паля по соломенным крышам и таким образом поджигая строения. Потом они ворвались в село. Бой продолжался при свете пылающих изб. 88-мм зенитка подбила два советских танка, но потом в нее самой прямым попаданием угодила снаряд. Штурмовые орудия и Т-34 гонялись друг за другом среди горящих домов. Пехотинцы прятались в огородах, за печками и в сараях. Лейтенант Боссерт и его штурмовое подразделение из состава 9-й роты уничтожили несколько Т-34, используя старые русские противотанковые мины.

С полдюжины бронированных монстров остались догорать на улице села. Но два из трех немецких штурмовых орудий тоже оказались выведены из строя. Одно пылало жарким пламенем возле сада, где в сарае с картошкой доктор Зиверс из медицинского корпуса устроил перевязочный пункт. Санитар Пингель без устали вкалывал раненым морфий или SEE - лекарство, состоявшее из Scopolamin, Eukodal и Ephetonin. Коробку с ампулами он держал в кармане форменных брюк, поскольку иначе лекарство замерзло. Конечно, такой способ хранения медикаментов далек от идеального, но где тут думать об асептике в таких-то условиях? Главное было облегчить страдания раненых, которым приходилось иногда подолгу лежать прямо на земле, и это в такую-то погоду.

Когда рассвело, 23-й батальон все еще цеплялся за руины Юшкова. Шесть Т-34 стояли на улицах села поврежденные или уничтоженные. Русские пехотинцы больше не атаковали. Штурм удалось отразить, но стало совершенно очевидно, что ни о каком дальнейшем продвижении к Москве не может быть и речи. Людей просто не осталось. Семьдесят тяжело раненных лежали в холодном сарае. Пришел приказ оставить Юшково и отойти за Нару. Вся целиком 4-я армия

приостанавливала наступление и отзывала головные части на исходные позиции.

Доктор Зиверс приказал грузить раненых на телеги, на которых ночью привезли боеприпасы и продовольствие. Но места не хватало. Раненых размещали на выведенной из строя технике, которую прицепляли к тягачу 88-мм пушки. Тех, кто находился в наиболее тяжелом состоянии, устраивали на штурмовом оружии. Мертвых приходилось бросать непогребенными. Отход напоминал отступление армии Наполеона.

Не успели колонны выехать из деревни, как русские принялись обстреливать их из артиллерийских орудий. Снаряды ложились точно. Телеги с ранеными переворачивались, несчастные умоляли о помощи. Внезапно впереди на опушке леса выросли силуэты советских танков.

– Русские танки! - вспыхнула паника. Все думали лишь о спасении.

Доктор Зиверс впервые достал из кобуры свой пистолет.

– Пингель, Бокхольт, живо сюда!

Трое - врач и два унтер-офицера медика - залегли у дороги с пистолетами в руках. Этого оказалось достаточно. Здравый смысл вернулся к солдатам. Раненых вновь погрузили на телеги. В каждую впряглось по двенадцать человек. Одну упряжку возглавлял Пингель, вторую - Бокхольт.

Они порысели к рощице, где заняло позицию последнее штурмовое орудие и где собрались оставшиеся силы части. 4 декабря они переправились обратно за реку Нара.

5 декабря ударные соединения 3-й танковой армии и 4-й танковой группы на левом фланге группы армий "Центр" вели тяжелые бои на широкой дуге к северу и северо-западу от Москвы. На канале Москва-Волга, всего в 65 километрах от Кремля, к западу от Яхромы удерживала позиции 7-я танковая дивизия. Примерно в 40 километрах дальше к югу боевая группа Вестхофена из состава 1-й танковой дивизии, взаимодействовавшая с частями 23-й пехотной дивизии, атаковала через Белый Раст на юго-восток и восток в направлении переправы через канал севернее Лобни. Мотоциклетный батальон, усиленный танками и артиллерией, ближе к вечеру взял Кусаево, что примерно в двух километрах к западу от канала и в 30-35 километрах от Кремля. Около Горок, Катюшек и Красной Поляны - в самых восточных для немцев точках, где-то в 10 километрах от Москвы - вели ожесточенные бои с противником солдаты венской 2-й танковой дивизии. На соседних участках 46 и 40-й танковые корпуса, а также 9 и 7-й пехотные корпуса 4-й танковой группы тоже оказались вынуждены сдерживать мощный натиск неприятеля.

В районе Катюшек - одного из самых юго-восточных форпостов 2-й танковой дивизии - части 2-й стрелковой бригады, усиленный 1-й батальон 304-го стрелкового полка под командованием майора Бука, отчаянно бились с русскими. Катюшки располагались так близко к Москве, что майор Бук с крыши избы в стереотрубу мог видеть, что делалось на улицах города. Казалось, стоит только протянуть руку... Но руки были коротки. Не хватало сил.

4 декабря прибыла еще небольшая партия зимних шинелей и толстых шерстяных носков. Одновременно по радио пришло сообщение: "Внимание, предупреждение об усилении мороза. Температура опустится до 35 градусов ниже нуля". И конечно же, далеко не все военнослужащие из 1-го батальона получили зимнее обмундирование. Кроме того, они уже в течение многих дней не ели досыта горячей пищи. Но даже и это было не самым страшным. Самым же страшным было то, что не хватало оружия и боеприпасов. В истребительно-противотанковых частях батареи состояли всего из двух 50-мм противотанковых пушек, а численность артиллерии сократилась на две трети от нормальной. И вот, будучи таким образом снаряженными, они должны были взять Москву в 30-40-градусный мороз.

То, что в те дни довелось вынести солдатам, дрожавшим от пробиравшего до костей холода

возле пулеметов и противотанковых пушек, кажется невероятным. Они стонали и выли от холода. Они плакали от злости и беспомощности, от того, что находятся всего лишь на расстоянии полета камня от своей цели и не могут, не могут достигнуть ее. В ночь с 5 на 6 декабря самые передовые дивизии получили приказ приостановить наступление. На тот момент 2-я танковая дивизия находилась в 16 километрах к северо-западу от Москвы.

В тот же самое время, в ночь с 5 на 6 декабря, генерал-полковник Гудериан также пришел к решению прекратить атаки Тулы на южном фланге группы армий "Центр" и отвести передовые части на оборонительные позиции от верховьев Дона через Спат к Упе. Впервые за все время войны Гудериану пришлось отступить. Это стало дурным предзнаменованием.

Сначала наступление на данном участке развивалось хорошо. 2-я танковая армия начала наступление, имея в своем составе двенадцать дивизий и усиленный пехотный полк "Великая Германия". Однако 12 1/2 дивизий лишь числились на бумаге: реальная численность составляла всего четыре.

18 ноября лейтенант Штёрк из 3-й танковой дивизии вновь провел блестящий бой силами инженерно-саперного взвода штаба роты 394-го стрелкового полка. К юго-востоку от Тулы он неожиданным броском захватил железнодорожный мост через реку Упа. На сей раз Штёрк, специалист по мостам, придумал особый ход.

Линия фронта проходила в основном в шести с половиной километрах от моста. Шесть с половиной километров голой земли, где негде спрятаться, затаиться, чтобы потихоньку, незаметно для неприятеля подкрасться к мосту и, застав врасплох русских, овладеть им. Однако Штёрк установил, что те, как и немцы, из-за холода предпочитают по ночам укрываться в деревенских избах, а потому предположил, что в темноте, возможно, удастся пробраться к мосту через редкие линии боевых охранений противника.

Первая часть плана сработала. Штурмовая команда, состоявшая из девятнадцати человек, имевшая при себе три пулемета, полагавшаяся только на компасы, под покровом темноты тихонько прокралась к объекту. На рассвете они находились всего в 500 метрах от моста. Затем операция вступила во вторую фазу.

Штёрк, унтер-офицер Штрукен и ефрейтор Бейле сняли боевое снаряжение и оделись так, чтобы походить на немецких военнопленных. Пистолеты и ручные гранаты они спрятали в карманы шинелей. Их винтовки взяли двое украинцев, Василь и Яков, находившиеся при саперном взводе последние два месяца. В своих длинных русских шинелях и пилотках они выглядели как самые настоящие красноармейцы. Громко разговаривая между собой по-русски, украинцы повели "пленных" к мосту, в то время как унтер-офицер Гейерес со своими людьми остался в укрытии, ожидая команды.

Первая группа охраны моста - четыре человека - спала в окопчиках. Все дело заняло несколько секунд. Никто не издал ни звука.

Теперь все пятеро шли к 80-метровому мосту. Шаги звучали на замерзшей земле. Василь и Яков, все также громко переговаривавшиеся, играли свою роль великолепно. Группа уже почти достигла моста, когда от него отделилась какая-то тень. К ним подходил часовой.

– Вот ты-то нам и нужен, - громко произнес Василь. - Мы с другого участка, может, заберешь у нас этих фашистов?

Все кончилось прежде, чем русский успел что-то заподозрить. Но второй часовой на краю моста оказался не таким доверчивым. Когда все пятеро приблизились, он окликнул их. Что-то ему не понравилось, он прыгнул на берег в укрытие и поднял тревогу. Слишком поздно.

Штёрк выпустил две белых ракеты. Унтер-офицер Гейерес быстро достиг моста со своим пулеметом и открыл огонь. Бейле и Штрукен бросили гранаты в укрытия советских часовых. Ошеломленные, не понимавшие со сна, что происходит, красноармейцы быстро поднимали

руки: 87 пленных, пять пулеметов, две тяжелые противотанковые пушки, три миномета и целехонький мост. Хитрость и отвага дали результат, сопоставимый с победой в сражении.

24 ноября 3 и 4-я танковые дивизии Гудериана и полк "Великая Германия", несмотря на упорное сопротивление сибирских стрелковых дивизий, окружили Тулу с юго-востока. Передовые подразделения 17-й танковой дивизии приближались к городу Кашира. Как раз в тот момент генерал-лейтенант И.В.Болдин бросил против ослабленных войск Гудериана советскую 50-ю армию. Натиск на неглубокий и растянутый немецкий фронт принял угрожающие размеры, поскольку максима Гудериана "Мы, танкисты, можем позволить себе роскошь открывать наши фланги" вполне подходила для блицкрига, но совершенно не годилась в условиях позиционной войны.

В письме жене Гудериан с горечью и дурными предчувствиями писал: "Холодное и никуда не годное жилье, недостаток обмундирования, большие потери в живой силе и технике, скудные поставки горючего, все это превращает боевые операции в пытку, меня все больше и больше гнетет тяжкий груз ответственности, который, несмотря ни на какие высокие слова, никто не может снять с моих плеч". Вместе с тем 167-я пехотная и 29-я моторизованная дивизии сумели 26 ноября окружить боевую группу сибиряков в районе Данской за Верхним Доном. В плен попало около 4000 красноармейцев, но основные силы сибирской 239-й стрелковой дивизии смогли прорваться из кольца.

Окружившие противника части - на севере 33-й стрелковый полк 4-й танковой дивизии, на юге и на западе подразделения 112 и 167-й пехотных дивизий 53-го корпуса и на востоке части 29-й моторизованной дивизии - были просто слишком слабы количественно. Прекрасно экипированные, одетые в белые маскхалаты с покрашенным в белый цвет оружием сибиряки вновь и вновь атаковали немецкое кольцо в ночных рейдах, уничтожая всех, кто оказывал им сопротивление, и в итоге прорвались на восток между 2-м батальоном 71-го моторизованного пехотного полка и 1-м батальоном 15-го моторизованного пехотного полка. Немецкие части больше не могли сдерживать противника. Батальоны 15 и 71-го пехотных полков понесли серьезные потери. Итак, несмотря на все усилия, оказалось невозможным взять Тулу - "маленькую Москву", как ее иногда называли, - или, проследовав мимо Каширы, наступать на Нижний Новгород. Правда, 27 ноября 131-я пехотная дивизия, ударив на восток, сумела овладеть Алексиным. Точно так же 3-й и 4-й танковой дивизии удалось 2 декабря выдвинуться к железной дороге Тула-Москва и взорвать пути. 3 декабря 4-я танковая дивизия вышла к шоссе Тула-Серпухов в районе Кострова. 43-й корпус попытался затем вновь соединиться с 4-й танковой дивизией к северу от Тулы и отбросить врага обратно на север. 3 декабря самые передовые части корпуса - 82-й пехотный полк 31-й пехотной дивизии находились в пятнадцати километрах от 4-й танковой дивизии, но осуществить намеченное соединение не смогли. 6 декабря на данном участке наступление также было прекращено. Живая сила и техника застыли на месте, точно примерзнув к окаменевшей земле на 30, а местами и на 45-градусном морозе.

Бессильный что-либо изменить, Гудериан сидел над картами и донесениями в своей штаб-квартире в пятнадцати километрах к югу от Тулы в знаменитой на весь мир помещицкой усадьбе - в Ясной Поляне, где жил и работал Лев Толстой. Неподалеку располагалась летом увитая плющом, а сейчас плотно укутанная снегом могила писателя. Гудериан позволил семье Толстого остаться в комнатах в большом доме, а сам со своим штабом обосновался в музее, но даже и тут две комнаты были отведены специально для хранения экспонатов и запгерты.

Там, в сельском жилище Толстого, в ночь с 5 на 6 декабря Гудериан принял решение отозвать передовые части своей танковой армии и перейти к обороне. Ему пришлось признать: "Наступление на Москву провалилось. Мы потерпели поражение". 9. Почему немцы не смогли взять Москву? Морозы и сибирские дивизии - Московское чудо не являлось чудом Глава из

истории германо-советского сотрудничества после Первой мировой войны - Неизвестная армия - Альянс Тухачевского с Рейхсвером - Большая интрига Гимmlера - Сталин обезглавливает Красную Армию.

В апреле 1945 г., когда русские войска вошли в Ораниенбург, Потсдам, Геннигсдорф и Гроссбеерен, судьба Берлина была предрешена. Но в 1941 г. немцы точно так же находились у ворот Москвы и были разбиты.

Почему? Что стало причиной поражения, имевшего столь судьбоносное значение для всей истории войны? Какие бы еще победы ни ждали дивизии группы армий "Центр" впереди, она так никогда и не оправилась от удара, нанесенного ей под Москвой. Никогда больше она не набирала полной численности и не смогла вернуть в полной мере своей эффективности как боевое соединение. Под Москвой хребет немецкой армии надломился: она замерзла, истекла кровью и исчерпала самое себя. Под Москвой впервые поколебалась вера Германии в непобедимость Вермахта.

Что стало причиной поражения? "Генерал Мороз" с его 30, 40 и даже 50 градусами ниже нуля победил немецкую армию на Востоке?

Или же отлично экипированные для ведения боевых действий в условиях сильных холодов ударные сибирские дивизии и кавалерия из Туркестана? Вне сомнения, необычные холода сыграли свою печальную роль. Столбик термометра опускался до рекордной отметки 52 градуса ниже нуля - к таким климатическим условиям не были готовы ни немецкие солдаты, ни немецкая техника и вооружение. И безусловно, отважные сибирские дивизии тоже внесли свой немалый вклад.

Однако холода и сибиряки являются лишь наиболее заметными причинами поражения немцев. "Московское чудо", как в СССР называют поворот в войне, произошедший на подступах к столице, представляет собой все что угодно, но только не чудо. Достаточно всего нескольких слов, чтобы понять, почему произошло то, что произошло. Слишком мало солдат, слишком мало оружия, чрезвычайная недалёковидность германского Главного командования, особенно в том, что касается обеспечения войск антифризами и зимним обмундированием. Более всего вредила немцам нехватка незамерзающей смазки для оружия. Будет или не будет стрелять винтовка? Застрочит пулемет как надо или, когда русские пойдут в атаку, у него заклинит затвор? От этих вопросов нервы у солдат натягивались точно струны. Люди импровизировали, придумывая различные способы для сохранения боеспособности своего оружия. Но такого рода экспромты годились, когда войска находились в обороне, в то время как атаковать или немедленно контратаковать, не зная, как поведет себя оружие, было совершенно невозможно.

Адольф Гитлер и ключевые фигуры его генштаба недооценили неприятеля, главным образом в том, что касается людских ресурсов, боевых качеств военнослужащих Красной Армии и их морального духа. Военное руководство Германии полагало, что даже ослабленные и измотанные немецкие войска сумеют нанести коммунистическому колоссу *coup de grace*. Это оказалось глобальной ошибкой.

Лиддел Гарт, наиболее значительный военный автор на Западе, в своей книге "Советская Армия" относит спасение Советского Союза на счет выносливости русского солдата, его способности терпеть нужду и вести бои в условиях, в которых любой западной армии настал бы неминуемый конец. Затем Лиддел Гарт добавляет, что большим преимуществом для русских стала даже примитивная организация их дорог. Большинство из них представляли собой не что иное, как грунтовые проселки. Стоило пройти хорошему дождю, как дороги превращались в болота. Данное обстоятельство внесло большой вклад в дело отражения немецкого вторжения, чем все самопожертвование солдат Красной Армии. Если бы в Советском Союзе были такие же

дороги, как в Западных странах, Россия пала бы столь же быстро, как Франция. Всего этого Гитлер не учел. Как и большинство военачальников Запада, он просто игнорировал подобные факты. Последние очаги обороны Москвы могли быть подавлены только свежими, хорошо экипированными, получающими должное тыловое обеспечение войсками, равными по численности группировке, с которой 22 июня Германия открывала кампанию в СССР. Но что же осталось от этих войск, когда они пришли под Москву? За пять месяцев ожесточенных боев с противником численность личного состава полков на передовой сократилась на две трети, а кое-где и больше. Остальное сделал мороз. Под Москвой потери от обморожения превышали боевые потери.

В нашем распоряжении имеются подлинные данные о потерях, понесенных 40-м танковым корпусом. Между 9 октября и 5 декабря дивизия "Рейх" и 10-я танковая дивизия, включая корпусные части, потеряли 7582 офицеров, унтер-офицеров и рядовых. То есть около 40 процентов от номинальной боевой численности.

Общие потери на Восточном фронте по состоянию на 5 декабря 1941 г. составили 750 000 человек или в среднем 23 процента от 3 500 000 чел. Почти каждый четвертый был убит, ранен или пропал без вести.

Русские понесли несравнимо большие потери, но и людскими ресурсами Советский Союз располагал значительно большими. В декабре 1941 г. группа армий "Центр" не получила ни одной свежей дивизии. Со своей стороны советское Верховное Главнокомандование перебросило под Москву тридцать свежих стрелковых дивизий, тридцать три бригады, шесть танковых и три кавалерийских дивизий.

На вопрос: "Почему немецкие войска не взяли Москву?" стратеги, командиры полевых соединений и летчики дадут разные ответы. Вне сомнения, экономисты в свою очередь изложат другие причины.

Например, генерал Блюментритт, начальник штаба 4-й армии, а позднее начальник хозяйственного управления главного штаба армии, видит причину катастрофы в ошибке, допущенной Гитлером в стратегическом планировании кампании, в том, что Москва и Ленинград не были взяты в благоприятное время - то есть сразу же после Смоленска. Это мнение стратега.

Любой, кто вспомнит о налетах авиации союзников на Германию во время войны, невольно спросит: а что же Люфтваффе? Он с удивлением узнает, что Люфтваффе не смогли помешать продвижению советских войск через транспортную сеть Москвы, как не предотвратили подвоза сибирских дивизий и не парализовали жизнь Москвы как объекта, расположенного прямо за линией фронта. Ничего подобного не произошло. Последний налет на Москву немецкая военная авиация осуществила в ночь с 24 на 25 октября восемью машинами. После этого, в декабре, проводились только беспокоящие рейды. Таким образом, в ходе осуществления решающей стадии операции нервный центр оборонительной системы русских, главный генератор сопротивления Советского Союза, не подвергался ударам с воздуха. Почему?

Все немецкие летчики, побывавшие под Москвой, знают ответ. Русские создали вокруг города чрезвычайно мощную систему ПВО. Леса кишели зенитными батареями. Более того, с Люфтваффе на Востоке происходило то же самое, что и с сухопутными частями: растеряв людей и матчасть в непрекращающихся сражениях, авиация оказалась вынуждена уступить небо советским ВВС, которые под Москвой численно вдвое превосходили немцев. Кроме того, у советских ВВС имелось много хорошо оборудованных аэродромов в непосредственной близости от линии фронта. Располагая теплыми ангарами, русские летчики могли вылетать на боевые задания по нескольку раз в день, невзирая на погодные условия. Немецкие же самолеты, напротив, базировались на примитивных летных полях, находившихся далеко от линии фронта,

что позволяло отправляться на боевые задания только при благоприятной погоде. Таким образом, Москве с воздуха почти ничто не угрожало.

Правда, маршал Жуков не считает слабость немецкой авиации решающим фактором. Выступая перед советскими офицерами, он говорил: "Немцы потерпели под Москвой поражение потому, что не имели достаточного количества паровозов для организации необходимого по масштабам подвоза продовольствия, вне зависимости от грязи и снега, используя лучшую в Советском Союзе сеть железных дорог - ту, что расположена в районе Москвы".

Безусловно, в этих словах есть резон. Но главное заключалось в том, что Сталин выиграл гонку за подготовку кадрового состава как для вооруженных сил, так и для военной промышленности.

Борьба за кадры стала одной из важнейших проблем во время войны. Невосполнимые потери немецкой стороны и вытекающая отсюда нехватка личного состава в боевых частях предрешили исход битвы под Москвой. Этот аспект не получил до сих пор должного освещения, но некоторые факты открываются в недавно опубликованных документах и письмах генерал-фельдмаршала Кейтеля, бывшего главы Верховного командования Вермахта.

Кейтель писал:

"Я нажал на Шпеера, нового министра вооружения и боеприпасов, добившись от него принятия программы, которая позволила бы мне вновь призвать на действительную службу 250 000 военнослужащих запаса, освобожденных от службы для работы на военных предприятиях. В тот момент началась никогда более не прекращавшаяся война за людские ресурсы".

Германский Вермахт - то есть Кейтель - в этом состязании проиграл. Количество людей, освобожденных от службы в вооруженных силах без веских оснований, оценивалось в полмиллиона человек. Кейтель пишет:

"Что означали эти люди для армии на Востоке? Подсчитать легко. При наличии 150 дивизий по 3000 человек в каждой, эти люди позволили бы довести численность личного состава до половины от нормального количества. Однако вместо этого в качестве пополнений в потрепанные части поступали конюхи, кузнецы и тому подобные военнослужащие, а тех в свою очередь сменяли добровольцы из числа русских военнопленных".

Кейтель приводит два показателя, которые наглядно иллюстрируют проблему:

"Ежемесячные потери одних только сухопутных войск в нормальных условиях и в отсутствие ведения крупных сражений составляли в среднем от 150 000 до 160 000 человек, при этом пополнения составляли только от 90 000 до 100 000 человек. Таким образом, действующая армия сокращалась на 60 000-70 000 человек ежемесячно. Нетрудно подсчитать, когда в частях на передовой наступит кризис".

А как виделось русским их московское чудо? Во всех военных обозрениях содержится один и тот же простой ответ: мы победили потому, что не могли не победить. Мы были лучше, мы были сильнее, потому что большевизм лучше и сильнее любой другой системы. Вот формулировка Самсонова: "Советский народ и его армия... измотали атакующую группу армий "Центр" в тяжелых боях и остановили ее продвижение на подступах к столице".

Но как же тогда объяснить тот факт, что, следуя от победы к победе, немцы докатились до самых ворот Москвы? Как объяснить тот факт, что даже само правительство Сталина ожидало падения столицы? И по сей день это остается слабым местом советской теории непобедимости армии рабочих и крестьян - армии, на которую не всегда в полной мере полагался сам Сталин. Никита Хрущев попытался найти подходящее объяснение причинам сокрушительных поражений русских в первые шесть месяцев войны, выдвинув аргумент, который всегда выдвигал советский офицерский корпус, но который ранее не находил официальной поддержки. В октябре 1957 г. в

Москве на XX съезде КПСС Хрущев заявил: только потому, что Иосиф Сталин лишил офицерский корпус Красной Армии лучших его людей во время чисток 1937-1938 гг., только из-за того, что в результате репрессий был полностью оголен и дезорганизован командный состав, немцам в 1941 г. удалось дойти до самых ворот Москвы.

Впечатляющая теория. После обвинений в том, что в силу излишней доверчивости он позволил Гитлеру внезапно напасть на Советский Союз, в вину Сталину ставится и военное поражение. А каковы же основания, положенные в основу такой теории? Совершенно верно, что в ходе чисток 1937 и 1938 гг. Сталин, по заслуживающим доверия сведениям, уничтожил от 20 000 до 35 000 кадровых офицеров Красной Армии. Тут теория Хрущева вполне обоснованна. Поскольку, когда политик убивает своих маршалов, генералов и офицеров, ему вряд ли стоит удивляться, если армия теряет боеспособность. Ликвидировать офицера Генштаба - все равно что срубить дерево: на подготовку майора Генштаба уходит от восьми до десяти лет, только после этого офицер способен организовать обеспечение дивизии или управлять его действиями. Сталин же казнил или отправил в лагеря по меньшей мере половину своего Генштаба.

Но почему диктатор уничтожил почти половину офицерского корпуса Красной Армии? Почему он ликвидировал 90 процентов генералов и 80 процентов полковников, которым палачи из НКВД приставили пистолеты к затылку? Почему трое из пяти маршалов, 13 из 15 командармов, 57 из 85 командиров корпусов, 110 из 195 комдивов, 220 из 406 комбригов, а также все командующие военными округами должны были пасть жертвами пуль одетых в зеленую форму расстрельных команд НКВД?

Сенсационный ответ, данный Хрущевым на XX съезде КПСС, звучал так: все те десятки тысяч офицеров, уничтоженных по обвинениям в государственной измене и враждебном отношении к партии, были невиновными, никто из них не являлся врагом партии, ни один не замыслил свержения советского строя, ни один не был немецким шпионом, в чем обвинял их Сталин. Все устроил Гитлер. Через свои секретные службы он снабдил Сталина ложной информацией о якобы существовавшем заговоре, возглавляли который маршал Тухачевский и другие выдающиеся военачальники. Были представлены свидетельства сотрудничества Тухачевского и его товарищей с германским Вермахтом. Хрущев в заключение сказал следующее: "С глубокой скорбью вспоминаем мы здесь многих видных деятелей Партии и правительства, которые лишились жизней, не будучи ни в чем виноватыми. Но и выдающиеся руководители армии, такие, как Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Егоров, Эйдеманн и другие, также пали жертвами репрессий. Это были люди, которые верой и правдой служили нашей армии особенно Тухачевский, Якир и Уборевич. Они были выдающимися военачальниками. Позднее жертвами репрессий пали Блюхер и другие хорошо известные военные. В иностранной прессе однажды прошел заслуживающий внимания репортаж о том, что в ходе подготовки к нападению на нашу страну Гитлер приказал своим секретным службам передать нам документы, где говорилось, будто бы товарищи Якир, Тухачевский и другие являлись агентами германского генштаба. Эти якобы "секретные документы" попали в руки президента Чехословакии Бенеша, и тот, по-видимому, из лучших побуждений передал их Сталину. Якир, Тухачевский и остальные товарищи были арестованы и впоследствии уничтожены. Были убиты многие выдающиеся командиры и политработники Красной Армии".

Вот так Хрущев! Премьер и руководитель Компартии Советского Союза, имевший в своем распоряжении все архивы, ссылается на публикации в иностранной прессе. Вне сомнения, у него имелись мотивы не выводить на свет Божий слишком много тайн. Несмотря на всю фантастичность теории, подобные заявления звучали и раньше.

Сенсационная история всплывала то тут, то там на протяжении целого десятилетия. Президент Чехословакии Бенеш, скончавшийся в 1948 г., и сэр Уинстон Черчилль оба

упоминали об этом в своих мемуарах, так же как два ведущих сотрудника секретной службы Гиммлера, доктор Вильгельм Гёттль - он же Вальтер Хаген - и Вальтер Шелленберг. Эти свидетельства вместе с ответственными докладами немецких и чехословацких дипломатов 1936 и 1937 гг. добавляют перца в зловещий макиавеллиевский спектакль, разыгравшийся в нашем столетии. Причем спектакль этот не настолько прост, как представляет его Хрущев или как думали Бенеш, Черчилль и подручные Гиммлера.

И конечно же, темные закулисы за кулисами этого театра заслуживают того, чтобы походить по ним. В конце концов дело Тухачевского является одним из крупнейших событий в истории XX века и одним из тех, которые имели самые судьбоносные последствия. В пьесе задействовано немало актеров, хватает сюжетных линий и временных планов, начиная с первых лет Советского Союза и тайного сотрудничества между Рейхсвером и Красной Армией в период с 1923 по 1933 гг. Гиммлер и Гейдрих появляются на сцене только в заключительном акте, но для того, чтобы лучше вникнуть в суть, нам следует поставить на первое место именно этот, последний акт. Начало свое он берет приблизительно в середине декабря 1936 г.

Париж, 16 декабря 1936 г. Бывший белый генерал Скоблин, работавший одновременно на секретные службы Сталина и Гиммлера, передал немецкой разведке два сообщения. № 1: командование советской армии планирует устроить заговор против Сталина. Глава заговорщиков маршал Тухачевский, заместитель наркома обороны. № 2: Тухачевский и его ближайшее окружение тайно сносятся с германским Верховным командованием и разведкой.

Сенсация. Как-никак человек, названный вождем предстоящего переворота с целью свержения Сталина, был заместителем министра обороны, бывшим начальником Генштаба, самым талантливым и самым выдающимся военачальником Советского Союза. Тогда сорокатрехлетний маршал обладал огромным влиянием в Красной Армии. Он являлся выходцем из аристократической среды, бывшим гвардейцем. Он прошел подготовку как офицер Генерального штаба в царской Александровской академии¹.

Вернувшись домой из немецкого плена, он вступил в ленинскую гвардию. В 1920 г. он разгромил генерала Деникина, главную фигуру белого движения. С тех пор он снискал славу величайшего военачальника Гражданской войны, спасителя Красной революции.

Гейдрих², холодный человек, обладавший тем не менее вкусом к крупным интригам, мгновенно осознал, какие возможности могла таить в себе поступившая из Парижа информация. Если сведения Скоблина верны, у власти в Советском Союзе может оказаться военная диктатура. Гигантской империей тогда будет управлять чрезвычайно талантливый организатор и стратег, красный Бонапарт, русский Наполеон. Будет ли это выгодно Германии Гитлера?

Ответ Гейдриха был "нет". При этом нужно помнить, он не сомневался в том, что Гитлер разделяет его точку зрения. Разумеется, нет оснований сомневаться, что он немедленно обсудил донесение с Гитлером, как есть все причины полагать, что Гитлер не хотел сильной России.

Что в такой ситуации было более естественным, чем дать информации из Парижа достигнуть Сталина и тем самым обезвредить самого талантливого военного России Тухачевского и его ближайшее окружение?

Но против этой затеи выступал Янке, сотрудник аппарата Гейдриха. Он указывал на то, что Скоблин имел связи с советской разведкой, а потому очень вероятно, что царскому генералу в Париже всю историю подсунили прямо из Кремля. Но для чего? Может быть, чтобы Гитлер начал подозревать собственных генералов. Или для того, чтобы заманить секретную службу Гитлера в западню, подтолкнуть немецкое руководство к принятию ошибочного решения. Кто мог знать?

Но Гейдрих посадил Янке под домашний арест и начал приводить в жизнь свой план. Тухачевский должен был быть отдан в руки палачей. Поставив себе эту задачу, Гейдрих сделал

несколько шагов, которые лишней раз обнаруживают в нем природный талант интригана.

С холодной улыбкой на лице он говорил своему другу, штандартенфюреру СС Герману Беренсу:

– Даже если Сталин всего лишь блефовал, желая информацией Скоблина сбить с толку немецкое руководство, я предоставлю старику из Кремля столько доказательств, что он поверит в свою ложь, как будто это чистейшая правда.

Он приказал находившейся у него на жалованье шайке высококлассных "медвежатников" проникнуть в архивы Главного командования Вермахта и стащить оттуда дело Тухачевского. Там содержались документы так называемого Специального подразделения "R", замаскированной организации Рейхсвера, существовавшей с 1923 по 1933 гг. под официальным названием GEFU (Gesellschaft zur Förderung gewerblicher Unternehmungen), что переводится как Ассоциация для продвижения торговых предприятий. Она находилась в ведении Управления вооружений, а задача ее заключалась в том, чтобы производить в Советском Союзе оружие и технику, которые, в соответствии с Версальским договором, Вермахту иметь не разрешалось. В деле содержались записи многих переговоров, которые велись между немецкими офицерами и советскими военными представителями, включая, естественно, и Тухачевского, являвшегося начальником Генерального штаба Красной Армии с 1925 по 1931 гг. Гейдрих кое-что изменил в деле GEFU. Он "усовершенствовал" его, снабдил новыми письмами и комментариями, внешне же документ оставался как бы подлинным - с настоящими подписями и печатями. Такое дело могло привести в трибунал по обвинению в государственной измене любого генерала в любой стране.

В подвалах дома на Принц-Альбрехт-штрассе Гейдрих с одобрением наблюдал за работой специалистов. Первый шаг был сделан. Теперь наступало время второго. Но как сделать так, чтобы дело попало в руки Сталина?

Сфабриковать фальшивку, причем такую, которая бы во всем выглядела как настоящий документ, задача для спецов из секретных служб не особенно трудная. Но вот отправить работу нужному адресату, не вызывая подозрений, это - проблема. А когда речь идет о таком адресате, как Иосиф Сталин, проблема и вовсе почти неразрешимая. Но Гейдрих нашел выход.

В 1936 г. Министерство иностранных дел Германии поддерживало связи с чехословацким министром в Берлине и время от времени вентилировало вопрос об отношении Чехословакии к возможной войне между Германией и Францией.

Вот тут Гейдрих и решил атаковать. В конце января 1937 г., пишет президент Бенеш в своих воспоминаниях, чехословацкий посол в Берлине, Мастны, прислал в Прагу телеграмму, где с удивлением отмечал внезапное падение интереса к данному вопросу со стороны Министерства иностранных дел. По определенным признакам можно было сделать вывод о том, что немцы поддерживают отношения с антисталинской группировкой в Красной Армии. Берлин совершенно очевидно ожидал смены режима в Москве, причем такого, который изменит баланс сил в Европе в пользу фашистской Германии. Президент Бенеш всерьез встревожился перспективой потери советской поддержки против Германии. Чехословакия, с взрывоопасной проблемой нацменьшинств, обеспокоенная вопросом судетских немцев, до сих пор не утратила независимости главным образом из-за антагонизма между Германией и Советским Союзом. Примирение, а возможно, и альянс между русской диктатурой и германским фашизмом поставили бы маленькую страну в очень опасное положение. Республика Бенеша появилась на свет в результате подписания Версальского договора, в то время как ликвидация последствий этого самого соглашения являлась программной задачей Гитлера. Если Россия окажется заодно с ним, то у фюрера не будет проблем с реализацией своих планов.

Совершенно естественно, что президент Бенеш немедленно вызвал к себе советского посла

в Праге, Александровского, и передал ему донесение Мастны. Заговор генералов против Сталина. Замешан Гитлер. Замешано руководство Вермахта.

Посол внимательно прочитал документ, поспешно вернулся в посольство, собрал чемодан и немедленно вылетел в Москву. Посылка Гейдриха была доставлена адресату.

Но Гейдрих любил делать все на совесть. Он не стал полностью доверять дело пражскому почтальону, а поступил в соответствии с разумным принципом: если уж берешься за работу, то выполняй ее только на отлично. Поэтому он поддержал свою пражскую акцию еще одной - парижской.

На дипломатическом приеме в Париже через два или три дня после беседы Бенеша с Александровским Эдуард Даладье, несколько раз бывший премьер-министром Франции, но в тот момент для разнообразия занимавший пост министра обороны, положил ладонь на руку советского посла, Владимира Потемкина, и отвел его к нише у окна. Быстро оглядевшись, не подслушивает ли кто, Даладье с тревогой сообщил Потемкину, что Франция встревожена. Поступили сведения о возможной смене курса Москвы. Ходят слухи о сотрудничестве фашистского Вермахта с Красной Армией. Разве его превосходительство может остаться безучастным? Потемкин выслушал Даладье с непроницаемым лицом и отделался уклончивыми фразами. Десятью минутами позже он ушел с приема, поехал в посольство и отправил кодированной "молнией" в Москву полученное от Даладье сообщение.

Как именно Гейдрих передал информацию Даладье, сегодня установить с точностью возможным не представляется. Возможно, контакт осуществлялся через человека из 2-го бюро в посольстве Франции в Москве.

После этой интермедии Гейдрих разыграл второй акт спектакля. Он отправил специального представителя, штандартенфюрера Беренса, в Прагу, где тот встретился с личным представителем чехословацкого президента и привлек его внимание к существованию документальных свидетельств против Тухачевского. Узнав об этом, Бенеш уведомил Сталина. Вскоре после этого человек Бенеша предложил представителю Гейдриха встретиться с сотрудником советского посольства в Берлине по имени Израйлович. Израйлович являлся сотрудником НКВД, служившим в русском посольстве в Берлине.

Человек Гейдриха встретился с ним и показал ему два подлинных письма из сфабрикованного дела. Израйлович, как и полагается, разыграл безразличие. Он спросил, что почем. Беренс пожал плечами. Израйлович пообещал встретиться с ним еще раз через неделю вместе с лицом, уполномоченным принимать решения.

Свидание состоялось. Человеком, уполномоченным принимать решения, оказался представитель Ежова, главы советской секретной службы. Тот первым делом тоже спросил о цене. Чтобы у деловых партнеров не возникло подозрений, Гейдрих запросил астрономическую сумму, 3 000 000 золотых руб.

– Но вы вольны позволить им сбить цену, - проинструктировал он своего представителя.

Но до торговли не дошло. Представитель Ежова просто кивнул, когда Беренс с самым деловым видом назвал самую безумную сумму, которую когда-либо платили за папку с документами в истории деятельности спецслужб.

Ни один план военной операции, ни одна измена, ни одно предательство в истории не оценивалось так высоко. Сделку обстряпали за один день. Человек Ежова отправился в Москву с фальшивкой Гейдриха. Произошло это приблизительно в середине мая 1937 г.

Три недели спустя, 11 июня 1937 г., мир потрясла новость, переданная ТАСС: маршал Тухачевский и семь ведущих генералов приговорены к смертной казни через расстрел Верховным судом Советского Союза под председательством председателя военного трибунала Ульриха. Приговор был приведен в исполнение немедленно.

"Подсудимые обвинялись, - говорилось далее в сообщении, - в неисполнении своих воинских обязанностей, в нарушении присяги и в предательстве Социалистической родины в интересах иностранного государства". Официальное коммюнике добавляло следующие подробности:

"В ходе расследования удалось установить, что обвиняемые, вместе с заместителем наркома обороны Гамарником, который недавно покончил жизнь самоубийством, создали антигосударственную группу, проводившую антисоветскую политику и поддерживавшую контакты с иностранным государством. Обвиняемые вели военный шпионаж в пользу этой страны. Целью их деятельности было привести Красную Армию к поражению в случае иностранной интервенции. Главная же задача подсудимых состояла в реставрации крупного помещичьего землевладения и капитализма. Все обвиняемые признались".

В довершение всего ТАСС огласило приказ по армии Ворошилова, доведенный до сведения войск в военных округах. Приказ требовал выдавать подозрительных. Там говорилось:

"Главной целью предателей было уничтожение советского строя любыми путями и любыми методами. Они замыслили свержение правительства рабочих и крестьян и подготавливали убийства руководителей Партии и государства. Они надеялись на помощь фашистских кругов иностранного государства, взамен чего были готовы отдать им советскую Украину. Главные организаторы находились в прямых контактах с генштабами фашистских стран".

Казнь Тухачевского и приказ Ворошилова способствовали сходу лавины, от которой нигде и никому не было спасения. Любой обозленный солдат, любой обиженный подчиненный мог теперь свести счеты с обидчиком, написав донос на начальника, которого ненавидел. В этой вакханалии политических чисток не находилось места оправданию. И каждый, кто попадал под жернова гигантской мельницы репрессий, тянул за собой друзей, товарищей и даже просто знакомых. Сначала сотнями, затем тысячами, а потом, по-видимому, и десятками тысяч офицеры отправлялись в подвалы НКВД, чтобы получить пулю в затылок или на долгие годы отправиться в сибирские лагеря. Всего за один год офицерский корпус Красной Армии сократился на 50 процентов, а высокое военное руководство было ликвидировано практически полностью.

Факты очевидно свидетельствуют о том, что в результате умело разыгранной обергруппенфюрером СС Рейнхардом Гейдрихом интриги Гитлер смог уничтожить весь высший командный состав Красной Армии за три года до нападения на Советский Союз. Иными словами, в подвалах НКВД и расстрельных камерах здания на Лубянке он подготовил почву для будущих побед германского оружия. Может ли это утверждение выдержать тщательную проверку? Могло ли быть так, что от 30 000 до 40 000 офицеров армии рабочих и крестьян погибли в результате ловкого трюка, проделанного специалистами из иностранной спецслужбы?!

Внешне все выглядит именно так, но внешнее и есть внешнее, оно лежит на поверхности. Гораздо больше остается под ней. Гейдрих не являлся автором пьесы, он лишь показал себя талантливым помощником. Искусно состряпанное им дело не стало само по себе причиной падения Тухачевского и его товарищей, а лишь составило алиби для Сталина. Корни трагедии, стершей с лица земли цвет советского офицерского корпуса, уходят гораздо глубже. Они стали следствием безжалостной борьбы, которую вели между собой два могущественных соперника. Единственная сила, способная свергнуть Сталина, нашла в итоге свой печальный конец. Случившееся ознаменовало собой победу грузинского деспота над русским Бонапартом Тухачевским, который - даже если он пока и не протягивал рук к высшей власти - уже превращался в фигуру, способную при поддержке армии принять бразды правления у диктатора-параноика и положить конец бесчинствам сталинской клики. Резня, учиненная над офицерским

корпусом, стала следствием драматического процесса борьбы за власть между политическим и военным руководством страны, а не только ловкого хода чужой разведки.

Данный эпизод занимает место в истории как кульминация германо-советских отношений после Первой мировой войны и как составляющая одной из самых крупных мировых трагедий - плана "Барбаросса". Все началось еще задолго до игр Гитлера в войну, а закончилось настоящей войной. Для лучшего понимания всей драмы войны между СССР и Германией необходимо познакомиться с первыми актами пьесы.

В апреле 1925 г. в свободном порту Штеттин произошел странный инцидент. Только что назначенный на работу в Штеттин офицер-таможенник - он еще жив, потому будем называть его Людвиг, хотя у него другое имя, занимался ночной рутинной проверкой, когда наткнулся на людей, пытавшихся вытащить из 1-го эллинга большой контейнер. Когда он окрикнул их, люди бросили ящик и растворились в темноте. Людвиг поднял тревогу. Другой таможенный офицер, явившийся неожиданно быстро, явно хотел замять инцидент. В Людвиге разыгрались подозрения, он осветил фонариком ящик. На нем виднелась сделанная большими черными буквами надпись на двух языках вверху на немецком, а ниже под ней на русском - "Механические запчасти". На наклеенном на контейнере ярлыке значился адрес получателя: GEFU, Берлин, Германия, и отправителя: GEFU, Липецк, СССР. Когда Людвиг пожелал изучить таинственный ящик получше, второй таможенник неожиданно спросил:

– Вы служили в армии, коллега Людвиг?

Людвиг удивился:

– Конечно.

Напарник кивнул:

– А в боях участвовали?

– Может, покажете мне ваш железный крест? - зло отпарировал Людвиг. Или мне предъявить вам свою солдатскую книжку фрейкора?!

Второй таможенник улыбнулся и примирительно проговорил:

– Ну что вы, коллега Людвиг. Однако думаю, теперь я могу сказать вам, что находится в этом ящике. Оцинкованный гроб с телом военного летчика, офицера Рейхсвера.

Людвиг от неожиданности испугался и даже сделал шаг назад.

– Да что вы такое говорите? Покойник? Военный летчик? Тут же написано "механические запчасти". К тому же контейнер отправлен из России.

– Все верно, - подтвердил напарник.

Они проговорили еще полчаса, стоя около 1-го эллинга в свободном порту Штеттин.

Удовлетворив свое профессиональное любопытство, Людвиг отдал честь коллеге и пошел дальше. Напарник негромко свистнул. Из тени эллинга появились четверо.

– Все в порядке, - проговорил таможенник. - Просто новый шкив еще не притерся к веревке. Однако нам надо поторапливаться, господа. Время поджидает.

Они поставили ящик на тележку и покатали к пирсу. Туда быстро причалила небольшая лодка. Мужчины осторожно погрузили в него контейнер. Затем спустились сами. Махнув на прощанье офицеру, они налегли на весла и отправились к берегу Одера.

Если бы таможенник Людвиг придерживался в политике левых, а не правых взглядов, инцидент в порту, возможно, вызвал бы громкий политический скандал, отзвуки которого разнеслись бы по всему миру. Эпизод в порту Штеттин с телом немецкого офицера, прибывшим из русского города Липецка в ящике с надписью "механические запчасти", разорвал бы покровы тайны, под которыми скрывались самые удивительные главы истории Веймарской республики - главы о тайном сотрудничестве между немецким Рейхсвером и Красной Армией. Это сотрудничество и послужило базой, на котором выросло обвинение против Тухачевского. Оно

ознаменовывает собой драматический период в германо-советском альянсе - альянсе, главные и второстепенные участники которого были уничтожены Сталиным и спустя годы реабилитированы Хрущевым. Германия была главным проигравшим во время Первой мировой войны. Но и Россия, хотя и являвшаяся в том конфликте противником Германии, тоже оказалась за бортом корабля стран-победительниц. Она находилась как бы отдельно, изолированно от всего прочего мира, точь-в-точь как Германия, поскольку Октябрьская революция и создание коммунистического советского государства заставило капиталистический Запад сплотиться с целью свержения большевизма. Поначалу они стремились достигнуть целей путем вооруженной интервенции. Когда затея провалилась, попытались за счет экономического давления вынудить советское государство признать обязательства, взятые на себя царской империей. Но ленинское правительство оказалось упорным, и республика советов отказалась выплачивать царские долги западным "капиталистическим" демократиям.

Германия тоже не хотела раскошелиться на выплату репараций, а особенно сопротивлялась предложению западных государственных деятелей, чтобы она также заплатила старые царские долги западным странам. Из этого общего неприятия условий победителей и возник союз побежденных и обездоленных. Вполне логично, что начало ему было положено на экономическом поприще. Первым плодом сотрудничества стало Рапалльское соглашение наскоро подготовленный договор, подписанный между немецкой и советской сторонами в маленьком итальянском курортном городке на Пасху 1922 г. В Рапалло были уничтожены остатки послевоенных разногласий между Советским Союзом и Германией. Оба государства отказались от взаимных претензий на выплату нанесенного ущерба. Было решено возобновить дипломатические отношения, считая друг друга равными партнерами, и предоставить взаимные режимы благоприятствования в торговле. В Рапалльском договоре отсутствовали секретные статьи о военном сотрудничестве, хотя и по сей день некоторые считают, что они все же существовали. Причина тут в том, что сугубо экономическое соглашение стало почвой для подписания других документов. Вполне логичное продолжение.

Рапалло положило конец политической изоляции как Германии, так и Советского Союза. Почему бы не использовать дух и букву договора для нарушения военных запретов и ограничений, наложенных в Версале на германский Рейхсвер? Рейхсверу, например, воспрещалось иметь какие бы то ни было танки и противотанковые пушки, любые самоходные орудия, авиацию и любые средства ведения химической войны. При таких ограничениях Германия не могла создать современную армию. Строгий запрет на владение бронетехникой лишал Германию возможности вести разработки в этой области, развивать накопленный во время Первой мировой войны опыт танкостроения, что было крайне важно для будущего вооруженных сил страны. Именно потому страны-победительницы в пункте № 171 Версальского договора настаивали, чтобы Германия не могла не только производить, но и "импортировать" бронеавтомобили, танки или иные аналогичные технические средства, пригодные для применения в военных целях". Что могла сделать Германия в таких условиях? До тех пор пока не найдется способ обойти эти запреты, каждая марка, потраченная на нужды Рейхсвера, будет выброшена напрасно.

Первые контакты советской стороны с генерал-полковником Рейхсвера фон Сектом организовал Карл Радек, блестящий интеллектual из старой ленинской гвардии, который помог Германии выскользнуть из цепких клещей Версальского договора.

Радек, убежденный большевик, великолепный народный трибун, один из основателей Коммунистической партии Германии, товарищ Ленина по Швейцарии, где последний находился в эмиграции, являлся пламенным сторонником идеи "общего врага Версаля", которого должен победить альянс Советского Союза и Германии. Радек не считал необходимым условием союза

обращение Германии в коммунизм. В действительности он считал германский национализм переходной стадией к коммунизму. Когда Альберт Лео Шлагетер, лейтенант из одного из фрейкоров подпольных бойцов против французской оккупации Рура, был приговорен французами к смерти и расстрелян в мае 1923 г. за совершение акта саботажа, 20 июня 1923 г. Радек отдал дань его памяти перед Коммунистическим Интернационалом, разразившись речью под названием "Лео Шлагетер, путешественник в никуда".

Карл Радек способствовал рождению военного союза между Красной Армией и Рейхсвером. Ему же предстояло стать могильщиком этого альянса.

Интерес советской стороны заключался в том, чтобы использовать опыт немецких офицеров для переустройства своих молодых вооруженных сил и возрождения находившейся в полном упадке военной промышленности. Рейхсвер, со своей стороны, нуждался в оружии, производить которое в Германии немцы не могли; к тому же им требовались полигоны, где солдаты могли бы обучаться обращению с тем самым запрещенным вооружением и техникой. На этом основании Рейхсвер и Генштаб Красной Армии заключили между собой несколько секретных соглашений. С немецкой стороны эту деятельность поручили "Специальной группе R" - "R" означало Россия - совершенно секретному управлению директората немецкой армии. Этот исполнительный орган являлся организацией экономического фронта, фирмой под названием GEFU, Ассоциацией для продвижения торговых предприятий.

Закамуфлированная фирма имела одну контору в Берлине и другую в Москве. Финансирование организации осуществлялось за счет секретных фондов Рейхсвера. Она заключала контракты с советскими властями, содержала дочерние компании в разных частях России и создавала германо-советские производства для тайного перевооружения, для выпуска не только авиабомб, танков, самолетов и средств ведения химической войны, но даже и подводок короче говоря, всего, что в соответствии с Версальским договором Германии запрещалось производить и использовать.

Джеффри Бейли, американский специалист в области изучения закулисных дел Красной Армии, в своей книге "Заговорщики" пишет:

"К 1924 г. фирма "Юнкерс" выпускала по несколько цельнометаллических самолетов в год на заводе в Филях под Москвой. Вскоре на реконструированных и модернизированных еще царских производствах в Ленинграде, Туле и Златоусте стало ежегодно выпускаться свыше 300 000 снарядов. Отравляющий газ делала фирма Берзоля в Троцке (теперь Красногвардейске), а подводные лодки и броненосцы закладывались и сходили со стапелей в Ленинграде и Николаеве. В 1926 г. на закупки вооружений и боеприпасов в СССР уходило более 150 000 000 марок, около одной трети годового бюджета Рейхсвера". Направляющим органом, контролировавшим данного вида деятельность немцев в России, являлась организация, скрывавшаяся под кодовым наименованием ZMO, сокращение от "Zentrale Moskau", или Центральная московская контора. ZMO представляла собой "министерство иностранных дел" немецкой армии в Советском Союзе. Представители ее, фон дер Лит-Томсен и профессор риттер Оскар фон Нидермайер, известный как Нойманн, вели все переговоры с ведущими руководителями Красной Армии и Советского правительства. ZMO присутствовала повсюду. ZMO фактически представляла собой функционировавшее в России теневое правительство Веймарской республики. И представители организации тщательно избегали яркого света рампы.

Естественно, производство запрещенных вооружений и техники было лишь одной стороной сотрудничества. Поскольку импортировать все это в Германию тоже запрещалось, а сохранить в секрете факты поступления военного оборудования и снаряжения не представлялось возможным, в наименьшей степени важно было создать учебные центры для подготовки личного состава за пределами Германии. Так Советский Союз превратился в полигон для Рейхсвера.

В период между 1922 и 1930 гг. для немцев создали заново либо расширили существующие объекты: центр германских ВВС в Вивупале около Липецка, в 250 километрах к юго-востоку от Москвы; школа для подготовки специалистов ведения химической войны в Саратове на Нижней Волге, действовавшая с 1927 г., школа по овладению техникой ведения боя на боевых бронированных машинах с полигоном в Казани на Средней Волге, введенная в действие с 1930 г.

Советские офицеры, которых готовили для штабов Красной Армии - бывшие унтер-офицеры царской армии, ветераны Гражданской войны, отличившиеся политруки и комиссары, - сидели в комнатах для занятий немецких военных академий бок о бок с будущими сотрудниками германского генштаба, учась вести войну по Мольтке, Клаузевицу и Людендорфу.

Обширное летное поле около курорта под Липецком располагалось на возвышенности, благодаря чему с него просматривался весь город. Начиная с 1924 г. аэродром начал превращаться в суперсовременную по тому времени авиабазу. Официально там дислоцировалась 4-я советская эскадрилья, но говорили в этой части по-немецки. Русскими были только офицер связи и охрана аэродрома. И конечно, несколько древних советских разведывательных самолетов с бросавшимися в глаза знаками различия. Все остальное было немецким.

На нужды базы в Липецке бюджет Рейхсвера выделял ежегодно 2 000 000 марок. Первые сто самолетов-истребителей, использовавшихся для подготовки немецких летчиков, прибыли в Россию с завода Фоккера в Голландии. В Липецке находилось от 200 до 300 немецких авиаторов. Там испытали первый немецкий истребитель-бомбардировщик. Проводя маневры в условиях, максимально приближенных к боевым, "липецкие истребители" учились производить бомбометание на малых высотах, тем самым закладывая основу техники вызывавших впоследствии суеверный ужас пикирующих бомбардировщиков "Штука".

Первые опытные образцы легких бомбардировщиков и истребителей, которые были окончательно доработаны для серийного производства, когда в 1933 г. началось строительство Люфтваффе, разрабатывались и испытывались в Липецке. Первые 120 превосходно подготовленных пилотов, ядро немецких ВВС, вышли из Липецка. Точно так же и первые сто наблюдателей. Если бы не Липецк, Гитлеру понадобилось бы еще десять лет для того, чтобы создать современную военную авиацию. Липецк стал такой авантюрой, которую в наши дни даже трудно себе представить. В то время как недоверчивые западные союзники и левые пацифисты в самой Германии выискивали признаки проводившегося перевооружения, далеко-далеко, в Аркадии германских коммунистов и леваков-марксистов, липецкие эскадрильи истребителей проносились над Доном, сбрасывая учебные бомбы на учебные цели, испытывая бомбовые прицелы, пролетали на бреющем над советскими селами Центральной России вплоть до предместий самой Москвы или действовали в качестве артиллерийских наблюдателей совместно с советскими сухопутными силами во время полномасштабных учений на армейском полигоне под Воронежем. Организационные достижения Липецка не уступали военным. Все вплоть до последнего гвоздя приходилось ввозить из Германии. Русские предоставляли землю и камни и больше ничего.

Необходимые материалы и прочие предметы снабжения прибывали морским путем в Ленинград из свободного порта Штеттин. Особо секретное или опасное оборудование или грузы, которые не получалось легко закамouflировать под что-то безобидное, в Штеттине не погружали. Их доставляли на борт парусных судов, где вся команда состояла из офицеров, и тайно везли через Балтику. Естественно, то там, то тут грузы пропадали. Обрато в Германию шли гробы с телами летчиков, разбившихся во время учений под Липецком: гробы устанавливали в ящики, писали на них "механические запчасти" и морем отправляли в Штеттин. Таможенники, доверенные люди Рейхсвера, помогали потихоньку переправлять скорбные грузы к месту их назначения.

Офицеров, уезжавших в Россию, сначала увольняли со службы и вычеркивали из армейских списков. Разумеется, им обещали восстановление по возвращении, но легально никто претензий не предъявлял. Естественно, поддержать подобный иск в суде было бы невозможно. Каждый офицер персонально шел на риск, отправляясь на учебу в Россию.

То, чем был для авиации Липецк, для танкистов была Казань. Там, на Средней Волге, Германия положила начало танковым дивизиям Гудериана, Гёпнера, Гота и Клейста. Данный факт служил главной причиной того, почему до прихода к власти Гитлера ни один русский или немецкий военный руководитель не помышлял о возможности войны между Германией и Советским Союзом. Рейхсвер, в лице своего создателя и вдохновителя генерал-полковника фон Секта, заботился о том, чтобы в союзе с Россией поскорее преодолеть последствия Версальского договора. Военные хотели поскорее стереть с карты границы, образовавшиеся в результате поражения в Первой мировой войне, и вернуть Германии ее прежние рубежи на западе. Не меньше им хотелось отодвинуть границу на восток - вернуть свои древние пределы, раздавив Польшу.

Летом 1922 г., когда вновь назначенный германский посол в Москве, граф Брокдорф-Ранцау, выступил против односторонней прорусской политики Германии и предостерег правительство от военного сотрудничества с Красной Армией, фон Сект ответил ему в меморандуме, датированном 11 сентября:

"Мы не можем терпеть существование Польши; оно противоречит жизненно важным интересам Германии. Польша должна исчезнуть с карты мира, и она исчезнет из-за собственной внутренней слабости и благодаря России - с нашей помощью. Русские больше, чем мы, не могут терпеть Польшу; ни одно русское правительство не примирится с существованием Польши. С Польшей, одним из самых прочных столпов Версальского мира, рухнет гегемония Франции". А как же Советы? Что значил для них альянс с прусскими генералами? Для них союз с немцами сулил усиление, преобразование и модернизацию Красной Армии накануне "последней битвы", ради победы в которой они были готовы на все. Более того, они любой ценой стремились помешать союзу Германии с западными державами, поскольку и Ленин и Сталин рассматривали участие в новой интервенции Антанты немецких войск как смертельную угрозу для коммунизма. И наконец, цель правых в Германии - уничтожение Польши являлась в равной мере и целью Москвы. Таким образом, антизападная ориентация Рейхсвера вписывалась в ленинскую, а позднее в сталинскую политическую концепцию. Более того, это устраивало советского партнера руководства вооруженных сил Германии, человека, который все чаще персонифицировал Красную Армию, - маршала Тухачевского.

Кто был этот человек, Тухачевский? Герой и военный гений, как о том заявляли добрый десяток лет вплоть до 1936 г.? Предатель, шпион германского Рейхсвера, "паршивая собака", как назвал его Сталин, отдавая приказ о расстреле? Или патриот-антисталинист, первая жертва злобного старого тирана, как уверяет в наши дни Хрущев? Где же правда?

5 декабря 1941 г., когда генерал-полковник Гудериан из своей утопавшей в снегу штаб-квартиры в имении Толстого в Ясной Поляне отдавал приказ 2-й танковой армии приостановить натиск на Москву, 45-я пехотная дивизия, которая служила связующей дивизией 2-й армии на правом фланге, вела ожесточенные бои за обладание городом Елец. Сам по себе город важного значения не имел, однако он располагался на перекрестке большого пути из Москвы через Тулу в район Дона и связывавшей восток и запад железной дороги, которая вела из Орла через Липецк в Сталинград. Липецк, бывшая тайная учебная база Рейхсвера, где молодые люди из будущих Люфтваффе обучались летному мастерству до 1933 г., находился всего в 65 километрах.

Закаленные огнем полки 45-й пехотной дивизии, упоминавшейся ранее в связи с сражениями за Брест-Литовск, в жуткий мороз сумели прорваться в Елец и выбить оттуда

русских. Дивизия оказалась в 24 километрах от верховий Дона - в 2000 километрах от места, с которого выступила в начале войны. Две тысячи километров маршей и боев всего за пять месяцев и две недели.

За два дня до штурма Ельца разведчики 135-го пехотного полка сумели подключиться к русской телефонной сети и прослушать разговоры, которые вели между собой русские боевые командиры. В разговорах часто упоминалось о соединении на западной окраине города - "Хабаровской команде". В штабе 135-го пехотного полка это обозначение считали поначалу кодовым наименованием, пока некоторые пленные не показали на допросе, что речь шла о некогда секретном, но уже давно распущенном подразделении. Офицеров этой части прозвали "Хабаровской командой": они служили в так называемом специальном корпусе Дальневосточной армии, краеугольном камне давно забытой военной политики маршала Тухачевского.

В истории корпуса скрыт ключ к тайне Тухачевского. Началась она летом 1932 г. В Германии на тот момент насчитывалось 6 000 000 безработных. Советский Союз переживал величайший в современной истории голод. Насильственно проводимая Сталиным коллективизация, экспроприации и массовые депортации зажиточных крестьян привели к полнейшему краху производства сельхозпродуктов. Миллионы советских граждан умирали от голода. Внутренний крах лишь усугублялся международным кризисом.

В 1931 г. в Азии японцы выплеснулись со своих бедных и слишком густонаселенных островов на континент, в Китай, стремясь найти там рынок для своих производителей и сырье для промышленности. В 1932 г. они захватили Маньчжурию с ее плодородной почвой и богатыми запасами полезных ископаемых, сделав эту страну, расположенную на границе с Восточной Сибирью, своим сателлитом - Маньчжурской империей. Таким образом Токио демонстрировал всему миру свою решимость, если надо силой оружия, создать в Восточной Азии мощный экономический блок.

Подобные намерения создавали серьезную угрозу интересам Советского Союза на Дальнем Востоке. Русско-японский конфликт на дальневосточной границе стал вдруг как никогда реальным. Случилось же это в тот момент, когда население империи Сталина косил голод.

В то время в Москве первый замнаркома обороны, генерал Гамарник, задумал один план, который и претворил в жизнь с помощью генерала Тухачевского. Он создал Дальневосточный, или "специальный", корпус, известный еще как колхозный корпус, офицеры которого скоро стали называть себя "Хабаровской командой" - город Хабаровск находился у маньчжурской границы.

Идея Гамарника и Тухачевского являлась одновременно и простой и гениальной: военнослужащие корпуса были солдатами и одновременно крестьянами - крестьянами в военной форме. В случае войны с Японией они должны были обеспечить независимое снабжение Дальневосточной армии продовольствием и фуражом. Другого способа решить проблему снабжения не существовало. Маршал Блюхер, властный командующий Дальневосточной армией, запретил экспроприацию имущества богатых крестьян и коллективизацию сельского хозяйства в Сибири, поскольку опасался за состояние морального духа призывников, 90 процентов из которых являлись выходцами из крестьянской среды. Таким образом, единственным способом обеспечить надежное поступление продовольствия для Дальневосточной армии оставался замысел Гамарника - военные поселения, в которых солдаты, демобилизовавшись, вернутся к своим семьям. Они образовывали крупные фермерские сообщества, но в то же время сохраняли военную организацию и оставались при оружии готовыми к ведению боевых действий. Многие труженики села и крестьянские сыновья из Центральной России шли добровольцами в специальный корпус. Здесь они получали во владение дом, большой земельный надел, корову,

кур, при этом на десять лет освобождались от налогов и получали иные привилегии.

К 1936 г. "колхозный корпус" насчитывал в своих рядах 60 000 человек плюс еще 50 000 резервистов, проживавших в армейских сельскохозяйственных поселениях. Это было войско численностью в десять дивизий, обладавшее своей собственной инфраструктурой и почти независимое от командной цепочки Красной Армии, к тому же дислоцированное далеко-далеко от сердца правящего режима, от Москвы, - идеальный инструмент для генерала с политическими амбициями. А Гамарник, безусловно, таковым являлся. Но еще в большей степени - его друг Тухачевский. Тухачевский, заместитель наркома обороны, с самого начала повальной коллективизации и последовавшего за ней голода был решительным оппонентом Сталина, лидером группы генералов, не согласных с диктатором. Человеком, ожидавшим момента, когда свержение тирана может стать возможным. "Колхозный корпус" идеально подходил для такого рода планов и мог сыграть решающую роль. В случае военного столкновения с просталинскими силами в армии и в партии, удаленный от центра восточносибирский специальный корпус мог превратиться в своего рода опорный пункт восстания и, если понадобится, обеспечить безопасный район для отступления.

В свете этих фактов фигура маршала Тухачевского приобретает черты, отличные от картины, нарисованной как сталинской пропагандой, так и западными биографами. Любой, кто склонен видеть в этом человеке "падшего ангела", царского гвардейца, принявшего большевизм, несмотря на текущую в его жилах кровь французских графов и итальянских герцогов, лишает себя возможности в полной мере понять эту яркую и выдающуюся личность и роль, которую она играла в советской истории.

Он был достойным противником Сталина. Он один мог бы сбросить тирана, заменить его и повернуть в ином направлении русло реки советской и мировой истории. Вся жизнь Тухачевского обличает в нем человека исключительного. Родившийся в 1893 г., в августе 1915 г. он, молодой поручик, попал в плен в битве за Варшаву - за тот самый город, возле которого почти ровно через пять лет ему предстояло пережить еще одно военное поражение. Его направили в лагерь для военнопленных № 9, в Ингольштадт. В 1917 г. он сбежал и добрался до Санкт-Петербурга. Когда Тухачевский прибыл туда, город на Неве уже перестал быть столицей Российской империи. Царь был низложен. Война закончилась. Власть принадлежала большевикам Ленина, которые вели бой с контрреволюционными белыми генералами.

Тухачевский, гвардейский офицер, потомок с полдюжины благородных европейских родов, не пошел к белым, он выбрал красных. Почему? Говорят, просто случайность. Другие списывают неожиданное решение на политическую неопытность молодого человека. Третьи считают это чистым проявлением оппортунизма. Ни одно из всех вышеприведенных объяснений не является верным. Тухачевский выбрал красных сознательно - из убеждений и честолюбия.

Революция, направленная против буржуазного миропорядка, просто из отчаянного вызова существующему положению вещей, согласовывалась с его собственным отрицанием западных традиций, христианства и европейского духа. Мечты свои Тухачевский связывал с Востоком, а не с Западом. Запад он повидал из своего лагеря для военнопленных. Запад для него олицетворялся с царем и его прогнившим, пребывавшим в упадке режимом. Запад и царизм, за реставрацию которого сражались белые, не устраивали Тухачевского. Будущее новых идей и новой власти находилось для него на Востоке.

Более того, у красных молодому человеку, для которого армия была всем, открывались большие возможности и широкие пути. Троцкий, создатель армии красной революции, нуждался в профессиональных солдатах, командирах и штабных офицерах для своих диких орд. Поэтому Тухачевский вступил в коммунистическую партию и сделался офицером Генерального штаба. В мае 1918 г., в возрасте двадцати пяти лет, он стал командующим 1-й армией. Он

отбросил белочехов за Волгу. В 1919 г. он возглавлял 5-ю армию на Урале. Красные на тот момент контролировали лишь одну шестую территории Российской империи. Дела для Ленина складывались самым худшим образом. Но Тухачевский разгромил белые дивизии адмирала Колчака, которые дошли до Казани, и, преследуя их, вышел за Урал. В 1920 г. он сбросил белого генерала Деникина в Черное море.

Тогда же молодой Советский Союз¹ оказался перед лицом новой военной угрозы. Поляки, пользуясь ослаблением России, устремились на Украину, овладели Киевом и взяли под контроль зерновые районы голодающего советского государства. Вновь спасителем стал Тухачевский. Он переиграл поляков, проведя великолепную военную операцию. Им пришлось убраться восвояси. Тухачевский преследовал их и шел к Варшаве. Красные наступали на запад. Будет ли Варшава первым этапом на пути победоносного шествия мировой революции по Европе?

Маршал Пилсудский пишет в своих мемуарах, что тогда судьба Польши рисовалась ему в самых мрачных тонах. Однако прошло еще двадцать четыре года, прежде чем Красная Армия действительно оказалась в Варшаве и в Европе. Тогда, летом 1920 г., поляки и заодно Европа были избавлены от ленинских знамен у себя над головами благодаря "чуду на Висле". Но чудом Запад был обязан не себе, а Иосифу Сталину - его глупости и нежеланию подчиняться приказам.

Тухачевский находился от Варшавы на расстоянии полета артиллерийского снаряда. Реввоенсовет в Москве, которому принадлежала высшая власть в Красной Армии, вручил ему верховное командование всеми силами на Западном фронте, включая Юго-Западную армию, кавалерийскими частями которой командовали Егоров и Буденный. Комиссаром Юго-Западной армии был Иосиф Сталин. Тухачевский отдал Юго-Западной армии правильный приказ - повернуть на север к Люблину, чтобы прикрыть фланг его армии, готовой нанести удар по Варшаве.

Но у Иосифа Сталина имелись свои соображения. Он хотел взять Львов. Он уговорил двух командиров, Буденного и Ворошилова, проигнорировать приказ Тухачевского и вместо Люблина наступать на Львов. Что они и сделали. Французский генерал Веган, являвшийся советником Пилсудского, главнокомандующего польскими войсками, не упустил шанса. Через образовавшуюся брешь поляки ударили в левый фланг Тухачевскому и смяли крыло его армии. Вспыхнула паника. Красные войска побежали. Польша была спасена.

Нетрудно представить, какие чувства питал к Сталину Тухачевский. Если, несмотря ни на что, под властью диктатора ему удалось получить звание маршала, пост начальника Генштаба и затем заместителя наркома обороны, то это лишь свидетельство умения держать себя в руках и военного таланта, против которого даже Сталин до поры до времени не мог ничего поделать.

Создание современной Красной Армии, а кроме того, механизация ее частей и появление бронетехники - за всем этим стоял Тухачевский. Он во многом следовал начинаниям строителя Рейхсвера, генерал-полковника фон Секта. Пруссаки Сект и революционный красный генерал Тухачевский - не должны ли были они походить друг на друга как вода и камень, лед и пламень? Конечно, между ними лежала пропасть величиною в мир, но все же многое их роднило. Сталинская система шпионажа, щупальцами опутывавшая армию, точно раковая опухоль разъедавшая моральный дух офицерского корпуса, дикие эксперименты в экономике с коллективизацией и уничтожением крестьянства превратили Тухачевского в заклятого врага сталинизма. Но главным стимулом для политической оппозиции служила, по всей видимости, внешняя политика Сталина. Тухачевский все больше убеждался в том, что сама история диктует создание прочного альянса между Германией и Советским Союзом - альянса, задачей которого станет борьба с "прогнившим Западом".

Тухачевский понимал, конечно, что достигнуть своих целей может лишь вопреки узколобой сталинской бюрократии. Поэтому он стремился вступить в неминуемое столкновение во

всеоружии. Хабаровский корпус стал его личной армией.

С 1935 г. у Тухачевского в Хабаровске, центре Восточной Сибири, образовалось нечто вроде своего ревкома. В него входили не только руководители высшего звена и высокопоставленные армейские командиры, но и некоторые влиятельные молодые партийные функционеры, такие, как, например, глава партии на Северном Кавказе Борис Шеболдаев. Состав очень важен. Он говорит о том, что Тухачевский не стремился к созданию антикоммунистического движения, но хотел мобилизовать прогрессивное и патриотическое крыло большевиков против сталинской тирании.

Весной 1936 г. Тухачевский отправился в Лондон как глава советской делегации для участия в похоронах короля Георга V. Дорога в Англию и обратно пролегла через Берлин. Он использовал возможность побеседовать с ведущими немецкими генералами. Ему хотелось убедиться в том, что Германия не воспользуется революционными волнениями в Советском Союзе как предлогом для похода на Восток. Более всего волновала его перспектива немецко-русского альянса после свержения Сталина. Каковы же признаки того, что все происходило именно так?

Джеффри Бейли в уже упоминавшейся здесь ранее книге цитирует и анализирует высказывания Тухачевского, сделанные в разговоре с министром иностранных дел Румынии Титулеску. Тухачевский сказал: "Вы совершаете ошибку, связывая судьбу своей страны со старыми и отжившими свое странами, такими, как Франция и Англия. Нам нужно развернуться в сторону новой Германии. По крайней мере на какой-то период Германия займет ведущее место на Европейском континенте".

Была весна 1936 г. Дата очень важна. Спустя девять месяцев Скоблин, агент ОГПУ в Париже, сделал так, чтобы информация о заговоре красных генералов против Сталина попала в руки людей группенфюрера СС Гейдриха. Гитлер понял, что настал момент передать красного Наполеона в руки палачей и обезглавить советскую армию. Но в действительности Гейдрих лишь выполнял заказ Сталина. Диктатор давно уже решил уничтожить Тухачевского.

Вот доказательства. В январе 1937 г. генеральный прокурор Вышинский, советский великий инквизитор, начал политическую чистку, направленную против старой большевистской гвардии, противников Сталина, в большом зале бывшего Дворянского собрания Москвы.

Главной фигурой на скамье подсудимых оказался Карл Радек, человек, который в период с 1919 по 1921 гг. организовал сотрудничество между Рейхсвером и Красной Армией. Теперь ему выпадала роль поставить точку в истории этого альянса. На утреннем заседании 24 января Радек, отвечая на вопрос Вышинского, вдруг упомянул Тухачевского. Фамилия маршала прозвучала безотносительно к предмету разбирательства. Но Вышинский ухватился за обмолвку Радека, и тот сказал:

– Естественно, Тухачевский и понятия не имел о тех преступлениях, в которых я участвовал. - В зале суда наступила ледяная тишина. В этой тишине Радек назвал имя одного из доверенных лиц Тухачевского, генерала Путны. Путна участвовал в заговоре вместе со мной, - произнес Радек.

Путна являлся экспертом по внешним связям в группе Тухачевского и как военный атташе имел контакты в Берлине, Лондоне и Токио. Более того, на момент проведения слушаний Путна уже находился под арестом. Его взяли под стражу незадолго до конца 1936 г.

Таким образом, шаги на "обложение" Тухачевского предпринимались с конца 1936 г. Конечно же, маршал и его друзья осознавали опасность. Что, если бы Путна заговорил? Вывод был очевиден для всех. Надлежало действовать быстро. В марте 1937 г. гонка между тайными агентами Тухачевского и Сталина принимала все больший и больший накал. Гролом приближавшейся грозы прозвучало высказывание Сталина на заседании Центрального

Комитета, на котором присутствовал и Тухачевский: "В рядах Красной Армии есть шпионы и враги государства".

Почему же маршал тотчас же не начал действовать? Почему колебался? Ответ прост. Действия офицеров Генштаба и армейских командиров, штаб-квартиры которых отделяли друг от друга иной раз тысячи километров, было совсем непросто координировать, особенно если учесть, что все руководители вооруженных сил находились под наблюдением спецслужб и были вынуждены действовать очень осторожно. Дату свержения Сталина назначили на 1 мая 1937 г., главным образом потому, что первомайский парад позволял, не вызывая особых подозрений, подтянуть к Москве значительные войсковые контингенты.

Однако то ли случай, то ли хитрость Сталина стали причиной переноса акции. Кремль объявил, что маршал Тухачевский возглавит советскую делегацию, направляемую в Лондон по случаю коронации короля Георга VI 12 мая 1937 г. Это должно было успокоить Тухачевского. И это его успокоило. Он отложил переворот на три недели, совершив тем самым роковую ошибку. Он не поехал в Лондон, и переворот не состоялся. 25 апреля его видели на весеннем балу в Доме офицеров в Москве. 28 апреля он присутствовал на приеме в посольстве США. Больше публично он нигде не появлялся. Все, что случилось потом, известно лишь по слухам и голословным пересказам информации, полученной из вторых и третьих рук.

Последнее официальное упоминание о маршале ТАСС сделал 11 июня 1937 г. В сообщении говорилось о том, что Тухачевский и семь высокопоставленных генералов были арестованы, приговорены к смертной казни и расстреляны. Генерал Гамарник, как сообщалось, покончил с собой. В действительности же его забили до смерти в ходе допросов.

О суде и казни циркулировало и циркулирует немало всевозможных историй. Наиболее правдивая, вероятно, та, в которой говорится, что обвинителем на заседании выступал Вышинский. Маршалы Блюхер и Буденный, равно как и другие высшие чины Красной Армии, являлись членами трибунала. Свидетелей не вызывали. Вышинский в них не нуждался: главным козырем на процессе служило сфабрикованное Гейдрихом дело из архивов Рейхсвера. Для Сталина и партии эти бумаги служили лучшим доказательством шпионской деятельности Тухачевского и его друзей. Более того, документы не позволяли генералам и маршалам ничего сделать, чтобы помочь заговорщикам. Так была пробита первая брешь в сплоченном фронте генералов. Они судили своих товарищей, сами становясь виновными в глазах остальных. Одно неблагоприятное деяние влечет за собой другое. Вскоре судьи Тухачевского перемещались на скамьи подсудимых, место на которых затем уступали своим судьям, пока и те в конечном итоге не превращались в обвиняемых. Так оно шло и шло.

Нет доказательств того, присутствовали ли Тухачевский и семеро его товарищей на заключительном заседании, и даже того, были ли они к тому времени живы. Заслуживающий доверия свидетель, сотрудник НКВД Шпигельглас, цитирует высказывание заместителя тогдашнего начальника ОГПУ Фриновского: "Сам советский строй висел на ниточке. Было невозможно поступать так, как в обычных случаях, - сначала судить, а потом приводить приговор в исполнение".

Как же умер Тухачевский - человек, сделавший для спасения ленинской революции больше, чем Сталин вместе со всеми его прихвостнями? И это тоже наверное не известно. Скорее всего, ему выстрелили в спину из восьмизарядного пистолета в каком-нибудь из подвалов здания на Лубянке, а тело бросили в общую могилу вместе с телами его товарищей.

День за днем, неделя за неделей множилось число общих безымянных могил. Сталин рубил под корень офицерский корпус Генштаба, уничтожал опытных командиров, а кроме того, рушил армейскую дисциплину, установленную Тухачевским, возводя на трон политработников и комиссаров и усиливая партийный контроль за вооруженными силами. Результаты "праведных

трудов" дали себя знать два года спустя, зимой 1939-1940 гг. Через три месяца после нападения Гитлера на Польшу Сталин направил "карательную экспедицию" против маленького соседа - Финляндии. Советский Союз потребовал от финнов сдать полуостров Ханко, расположенный в юго-западной части Финского залива "для защиты Ленинграда и Кронштадта". Когда финское правительство ответило отказом, Москва высказала жалобу в связи с обстрелом финской артиллерией приграничного советского села Майнила.

Финны разгадали намерения Сталина. Они предложили провести совместное расследование. Вместо этого русские атаковали соседа на суше, на море и в воздухе. Началась знаменитая русско-финская война. Однако события вскоре приняли совсем не тот оборот, которого ожидал Сталин со своими военными советниками. Сталину виделся некий блицкриг на манер друга и союзника Адольфа Гитлера. Но советские войска ждала ожесточенная и дорогостоящая в плане потерь кампания, завершившаяся позорным поражением Красной Армии, которое потрясло весь мир и оказало катастрофическое влияние на дальнейший ход его истории.

По сей день не изжито мнение, что Сталин намеренно бросил против Финляндии слабые и плохо экипированные войска, с целью ввести в заблуждение Германию. Но это не более чем сказка.

Русские наступали силами 7, 8, 9 и 14-й армий. От 150 000 до 200 000 финских военнослужащих встретились в бою с 700 000 советских солдат и офицеров. И тем не менее Красная Армия проиграла. Она использовала скверную тактику, применяла неверную стратегию, а боевой дух ее частей совсем никуда не годился. Вооруженные силы пожинали плоды чисток.

Финны, которым пришлось столкнуться с численно значительно превосходящим противником, обратили данный факт себе на пользу, достигнув тактических преимуществ. Они применили тактику Мотти, или котлов, ставшую предтечей великих немецких охватов. Быстрые финские лыжники прорывали линии коммуникаций советских дивизий, загоняли русских в леса, а по ночам били и били расстроенные части. Подбирались, как правило, скрытно и наносили удары своими пууко, или финками. Русские теряли дивизию за дивизией.

Конечно, одни финны не могли долго сдерживать натиск Красного колосса. 11 февраля 1940 г. маршал Тимошенко развернул широкомасштабное наступление силами тринадцати глубокоэшелонированных дивизий против 20-километровой финской обороны. Примерно 140 000 человек на 20 километров фронта, или по семь человек на каждый метр. Причем при поддержке танков, артиллерии и минометов.

Так Сталину в итоге удалось одержать победу и заполучить базы, завладеть которыми он и хотел. Однако попытаться установить в Финляндии коммунистический режим он не рискнул. Один русский генерал сказал: "Мы были рады выпутаться из этого дела. Мы захватили достаточно земли, чтобы похоронить там наших погибших".

Сталин извлек урок из финской катастрофы и попытался устранить выявившиеся недостатки. Гитлера, со своей стороны, чудовищное поражение Красной Армии укрепило в уверенности, что кампания в Советском Союзе станет прогулкой с оружием в руках, и ему удастся без особого риска заполучить его сырьевые запасы, чтобы, располагая ими, продолжить войну с западными державами. В этом смысле катастрофическое нападение на Советский Союз 22 июня 1941 г. представляло собой отложенный эффект расправы Сталина над Тухачевским.

Уничтожение военного гения привело СССР на грань ужасной катастрофы. Но наследие Тухачевского, возвращение к его принципам и методам сильного военного лидера спасло Россию и большевизм. Легкий привкус горькой правды чувствовали немцы на передовой в последний день наступления на Москву.

В лесу под Тахировом, на Нарском береговом плацдарме перед Москвой, среди множества

бетонных дотов, в начале декабря 2-й батальон 508-го пехотного полка захватил любопытного военнопленного - командира советской 222-й пехотной дивизии. Тяжелораненого полковника саперы извлекли из его разрушенного блиндажа - единственного оставшегося в живых среди тех, кто там находился.

Командир 2-го батальона капитан Роттер допросил полковника. Поначалу русский пребывал в подавленном настроении, им владела апатия, но постепенно он оттаял. Для него, как он сказал, это была уже пятая война. Роттер спросил полковника, думает ли он, что Россия может победить.

– Нет, - ответил пленный. На все его просьбы прислать подкреплений он слышал точно такой же ответ: "У нас ничего не осталось, вы должны держаться до последнего человека". Как сообщил полковник, в тылу у его дивизии находилось всего несколько сибирских частей, не считая батальонов рабочего ополчения. Капитан Роттер, конечно, поинтересовался, почему же тогда немцы повсюду встречают такое упорное сопротивление? Полковник кивнул. За несколько последних недель, как он сказал, в войска прибыло много новых офицеров, в основном людей среднего возраста - всех их выпустили на фронт из сибирских лагерей. Туда они угодили во время больших чисток, начавшихся с казни Тухачевского, но сумели выжить в тюрьмах и лагерях.

– На передовой у них есть шанс заработать реабилитацию. А если человек прошел лагерь, смерть его уже не пугает, - сказал полковник и тихо, словно бы все еще даже в плену страшился ушей сталинского ОГПУ, добавил: А кроме того, они хотят доказать, что были не предателями, но патриотами, такими же, как Тухачевский.

Когда запись допроса поступила в штаб-квартиру армии, кто-то из штаба Клюге заметил:

– Дух Тухачевского командует под Москвой.

Он думал, что пошутил.

Часть вторая.

ЛЕНИНГРАД.

Финская поговорка гласит: "Счастлив тот, кому не приходится питаться словами, сказанными вчера". Многие немцы в Финляндии летом 1941 г. слышали это изречение. В этом "вчера" остались позиция Германии по отношению к русско-финской войне и двусмысленные заявления, которые делали немецкие политики и дипломаты в связи с советской агрессией против финнов. Гитлер фактически соблюдал дружественный нейтралитет по отношению к Советам. И вот в заявлении Гитлера, прогремевшем из всех репродукторов 22 июня 1941 г., крупными буквами отпечатанном на первых полосах газет, зачитанном войскам от Арктики до берегов Черного моря, появилась следующая фраза: "Немецкие войска встают плечом к плечу с финскими дивизиями на страже Финляндии".

Когда автор предлагаемой вниманию читателя книги интервьюировал маршала Маннергейма в его тайной ставке в идиллической роще возле города св. Михаила, маршал особенно критиковал эту фразу в заявлении фюрера. Маннергейм сказал: "Формулировка рейхсканцлера не дает полного отражения ситуации в свете международного права, не говоря о том, что она предвосхищает дальнейшее развитие событий". Маннергейм указывал, что на пресс-конференции в Министерстве иностранных дел в Берлине 24 июня прозвучало публичное заявление о том, что Финляндия формально еще не находилась в состоянии войны с Россией. Маннергейм, однако, поспешил добавить: "Это не имело значения для дальнейшего развития событий, ибо я убежден, Сталин все равно атаковал бы нас в любом случае, чтобы прикрыть фланг - Ленинград и Прибалтику, - сколько бы мы ни старались поддержать нейтралитет. - Он выдержал небольшую паузу и закончил: - Избжать нападения мы могли бы, только перейдя на сторону Советского Союза. А это означало то же самое, что поражение".

В поддержку своей точки зрения Маннергейм процитировал слова Сталина, сказанные финскому министру в Москве вскоре после окончания зимней войны. "Я могу поверить, что вы хотите сохранить нейтралитет, - произнес Сталин. Но страна, расположенная так, как ваше маленькое государство, не может оставаться нейтральной. Интересы сверхдержав не позволят ей этого". Маршал Маннергейм сделал еще одно интересное замечание: "Уже в январе (1941 г.) я видел, что советское руководство рассматривает возможность открытого разрыва с Германией, что оно ожидает военного столкновения и просто старается оттянуть момент, когда это произойдет".

Все эти слова маршал произнес задумчиво, почти бесстрастным тоном. Он говорил медленно, отрешенно - *grand seigneur*, спокойно взирающий на приближение неизбежного и готовый вынести все, что выпадет на долю его и страны до конца.

Маннергейм не упускал ни одной возможности подчеркнуть, что Финляндия является не союзником Германии, но, как он сам выражался, "спутником, путешествующим по дороге войны, которую Финляндия ведет в целях самозащиты". Это он говорил разным чиновникам Министерства иностранных дел Германии и Вермахта, а также еще одному мудрому человеку, немецкому послу в Финляндии, господин фон Блюхеру.

"Мы не стремимся ни к каким завоеваниям, - неустанно повторял он, нам не нужен даже Ленинград". Вне сомнения, этот благородный господин, который говорил по-русски чище, чем по-фински, который в юности обучался в кадетском корпусе Великого княжества

Финляндского, в пажеском корпусе при царском дворе и служил в гвардии в Санкт-Петербурге, не мог с чистым сердцем поддерживать немцев в войне против России. Он воевал на стороне Гитлера по причинам, продиктованным политической необходимостью, просто потому, что у Германии и Финляндии был общий враг.

Маннергейм, надо думать, мысленно улыбался, когда вспоминал или слышал историю, ходившую среди населения Хельсинки и его окрестностей до начала войны и вызывавшую немало удивления и пересудов. За чайным столом в гостиной одной знаменитой в Финляндии дамы где-то осенью 1940 г. британский поверенный пожаловался, что Финляндия позволила немецким войскам пройти через свою территорию и выйти к Северной Норвегии. Хозяйка возразила:

– Мы в трудной ситуации. Русские вынудили нас открыть им доступ к их опорному пункту в Ханко. На каком же основании мы могли отказать немцам в праве пройти к их базам в Северной Норвегии?

– Это верно, - согласился англичанин. - Но большинство финнов встречают немцев с распростертыми объятьями!

Пожилая дама с усмешкой ответила:

– Боюсь, что и я из числа тех финнов. Ибо чем больше немцев на нашей территории, тем спокойнее мне спится по ночам.

Именно так и выглядела ситуация. После зимней кампании, которая принесла Сталину лишь половину победы, финны вполне естественно опасались мести Москвы. Поэтому в ноябре 1940 г. они с облегчением вздохнули, узнав о твердом отказе Гитлера Молотову в Берлине "благословить" возобновление советских операций против Финляндии.

На приватном завтраке министр иностранных дел Виттинг заметил:

– Когда посол фон Блюхер в осторожных выражениях сообщил мне об итогах поездки Молотова в Берлин и стало ясно, что, вразрез с ранее занимаемой позицией, теперь Адольф Гитлер возражает против намерений русских, огромный груз свалился с наших плеч!

Важно знать предысторию и тот фон, на котором разворачивались дальнейшие события, чтобы понять последующие решения военного "попугачика" Германии с Крайнего Севера. Финны были прекрасными и простыми людьми, храбрыми солдатами и настоящими патриотами своей страны. Достаточно привести в пример хотя бы почти легендарного генерала Пайари, который получил финский "Рыцарский крест" во время зимней войны за то, как он использовал старую трофейную советскую противотанковую пушку, один сдерживая атаку вражеских танков. Прицел и ударно-спусковой механизм не работали. Пайари наводил орудие прямо через ствол, а выстрел производил с помощью удара топора по затвору. Действуя таким образом, он уничтожил три из четырех советский танков. Когда его штаб подвергся вражескому обстрелу и офицеры стали советовать сменить дислокацию, Пайари зажал уши, сделав вид, что ничего не слышит, и сказал:

– Я ничего не слышу. Вы, должно быть, ошиблись.

В таких людях и заключалась разгадка чуда почти невероятного сопротивления, продемонстрированного финнами во время зимней войны. В итоге же им пришлось уступить перед лицом громадного численного превосходства противника, согласиться на невыгодный мир, значительную утрату территорий и городов. Ни одна из западных супердержав не пришла им на помощь, даже шведские братья молча взирали на то, как кренился финский корабль. Неудивительно, что 22 июня 1941 г. они увидели для себя шанс, под прикрытием щита могущественного Вермахта, отвоевать утраченные территории прежде всего древний город Випури - и восстановить прежнюю русско-финскую границу. Германское Верховное командование, как известно, возлагало на Маннергейма куда большие надежды. Когда 22 июня

группа армий "Север" генерал-фельдмаршала риттера фон Лееба начала прорыв между Сувалками и Клайпедой, перед ней стояла ясная и четкая оперативная задача - Ленинград.

В плане "Барбаросса" значилось, что после уничтожения вражеских войск в Белоруссии группой армий "Центр" подвижные соединения повернут на север, где, во взаимодействии с группой армий "Север", должны будут покончить с войсками в Прибалтике, а затем завершат задачу взятием Ленинграда. Наступление на Москву до овладения Ленинградом не предусматривалось.

Важно помнить, каким был ход событий в этом военном расписании. То, что немцы не стали придерживаться первоначального плана, стало одной из причин зимней катастрофы под Москвой.

Ленинград представлял собой жемчужину Европейской России. Русские в старину говорили: "Новгород - отец, Киев - мать, Москва - сердце, а Санкт-Петербург - голова Российской империи". С тех пор как Санкт-Петербург перестал быть Санкт-Петербургом и даже Петроградом, а стал Ленинградом, город в устье Невы, построенный на более чем сотне островов среди болот, более уже не являвшийся головой Российской империи, сделался совестью Красной монархии. Он носил имя отца революции, которая именно в нем и началась. Из его военных заводов, доков, обувных фабрик и мануфактур, с торговых кораблей и из морских частей стекались к большевикам солдаты революции. Здесь начинал свою борьбу Ленин.

Если, кроме того, принять во внимание расположение Ленинграда, его значение как крепости в Финском заливе, морской базы Балтийского флота, легко представить себе всю важность города в военном, экономическом и политическом аспекте. Взятие его стало бы неоценимой по результатам победой Гитлера, потеря его означала бы страшный удар для большевистского режима. Лейтенант Кнаак не дождал до момента, когда его операция по захвату автомобильного моста в Даугавпилсе увенчалась успехом. Его скосил русский пулеметчик, засевавший справа на эстакаде моста. Кнаак уже не видел, как тридцать его людей отражали яростную контратаку русских. Если когда-либо кто-либо заслуживал "Рыцарского креста" за операцию, решившую исход битвы, так это был он, посмертно награжденный им командир штурмовой группы. Быстрый захват переправы через Даугаву имел жизненно важное значение для боев на подступах к Ленинграду.

За счет своего броска через Даугаву танковая группа Гёпнера обеспечивала прикрытие фланга 18-й армии генерал-полковника фон Кюхлера, наступавшей вдоль балтийского побережья, и давала ей возможность продвигаться через республики Прибалтики. Полковник Лац, командир 43-го пехотного полка, вел передовой отряд подвижных частей 1-го армейского корпуса - мотоциклистов, истребительно-противотанковую и штурмовую артиллерию, зенитчиков и саперов - прямо на распадавшуюся оборону противника на протяжении километров ста через Бауску на Ригу, чтобы и там тоже перекрыть переправу для отступавших советских дивизий. Правда, немцы несли значительные потери, к тому же русским удалось взорвать мосты, но цели тем не менее достигнуть удалось: советские колонны, спасавшиеся бегством из Курляндии, лишились возможности переправиться через Даугаву и встретили свою судьбу на подходе к Риге.

Пока 18-я армия Кюхлера пробивалась в Латвию и Эстонию, 4-я танковая группа Гёпнера пересекла русско-эстонскую границу южнее Чудского озера. По границе проходила так называемая линия Сталина - созданный по последнему слову фортификационной техники укрепленный рубеж с дотами, противотанковыми заграждениями и тому подобными сооружениями. Генерал-полковник Кузнецов в спешном порядке попытался перебросить какие-то подкрепления в ключевые точки рубежа, в особенности к железнодорожной развязке в Острове. Немецкая воздушная разведка засекала передвижение. Жизненно важно было, чтобы

Гёпнер вышел к Острову раньше русских. Так началась большая танковая гонка генерала Рейнгардта к Острову.

Так же как 8-я танковая дивизия представляла собой авангард молниеносного выдвижения Манштейна к Даугаве, в головных колоннах 41-го танкового корпуса Рейнгардта шли части 1-й танковой дивизии. И эта дивизия под началом генерал-лейтенанта Кирхнера выиграла гонку от даугавского плацдарма в Екабпилсе через Южную Эстонию к Острову. 4 июля 1-я стрелковая бригада генерал-майора Крюгера вошла в город с юга силами 113-го стрелкового полка, усиленного частями 1-го танкового полка. В то время как 1-й мотоциклетный батальон продвигался с юго-запада, майор Экингер со своим батальоном пехоты на бронемашине при поддержке 7-й батареи 73-го артиллерийского полка наступал с севера. Немцы овладели автомобильным мостом через реку Великая.

Русские подкрепления, включая тяжелую бронетехнику, о которых докладывала воздушная разведка, прибыли спасать Остров с опозданием на двадцать четыре часа. Теперь противник бросил в бой против северной части Острова свои тяжелые танки КВ-1 и КВ-2. Но немцы атаку отразили.

Когда ближе к 14.00 5 июля боевая группа Крюгера - авангард 1-й танковой дивизии - начала наступление на Псков, она столкнулась с советскими танками, атаковавшими крупными силами. Механизированные противотанковые подразделения 1-й роты 37-го истребительно-противотанкового дивизиона со своими

37-мм пушками были буквально раздавлены тяжелой советской бронетехникой. Стрелки и артиллеристы вновь, так же как в Расейняе и Саукотасе, оказались бессильными что-либо сделать с этими огромными ползающими крепостями. Они попятились. Русские прошли сквозь заслон немецких танков в направлении Острова. Так что же, их ничем не остановить?

То был великий час для майора Зёта, командира 3-го дивизиона 73-го артиллерийского полка, ранее 2-го дивизиона 56-го артиллерийского полка, из Гамбурга-Вандсбека. Майор установил одну из своих тяжелых гаубиц 9-й батареи на дороге и приказал зарядить орудие бетонобойным снарядом, которые применялись для уничтожения мощных дотов. Наводчик орудия, обер-ефрейтор Георги, подпустил КВ-2 на расстояние уверенного выстрела.

– Огонь! - словно получив удар гигантским кулаком, КВ-2 резко свернул на обочину и остался там недвижимым. - Перезаряжай. Целься. Огонь!

Храбрый обер-ефрейтор и его расчет подбили еще двенадцать русских танков. Другие орудия тоже вступили в борьбу с советскими гигантами. В результате им удалось не только остановить атаку противника, но и вернуть пехоте уверенность в себе. Теперь при поддержке артиллеристов 3-го дивизиона они стали уничтожать вражеские танки с помощью подрывных зарядов. Уже очень скоро генерал-майор Крюгер получил возможность доложить: наступление продолжается.

Два дня спустя, 7 июля, 1-й танковый полк, возглавлявший боевую группу Вестхофена и образывавший авангард 1-й танковой дивизии, и следовавшая сразу за ней 6-я танковая дивизия начали атаку против остатков советских танковых соединений в районе Пскова. Дальше, слева от них эшелонем шла 36-я моторизованная дивизия - третья подвижная дивизия 41-го танкового корпуса. Капитан фон Фалькенберг, командовавший головной ротой, усиленной бронетранспортерами 1-го батальона 1-го стрелкового полка, следовал в башне танка № 700 к перекрестку к северу от Летова, напряженно вглядываясь в бинокль.

Капитан смотрел на лейтенанта Фромме, взвод которого являлся головной походной заставой 2-го батальона 1-го танкового полка и который открыл огонь из своего танка № 711 по приближавшемуся советскому танку. Прямое попадание. Вражеский танк задымился, но продолжил движение. Он пошел прямо на танк Фромме и таранил его. Трое русских

выпрыгнули из своей машины. Фромме тоже выскочил из своей с пистолетом в руке. Русские подняли руки. В тот момент в поле появились еще два советских танка. Трое сдавшихся было в плен красноармейцев, воспрянув духом, юркнули за свой танк. Фромме попытался выстрелить, но пистолет заклинило. Один из русских бросился на лейтенанта с быстротой молнии. Фромме пошарил рукой у себя за спиной и схватил топор, прикрепленный к прикрывающему гусеницу щитку. Размахивая им, он пошел на русских. Они побежали. Фромме забрался обратно в свой танк.

Капитан фон Фалькенберг нырнул в люк и захлопнул его за собой.

– Вперед! - крикнул он водителю. - К перекрестку!

Лейтенант Кёлер, командир 2-го взвода, тоже наблюдал за упражнениями Фромме с топором и поспешил ему на помощь. Он выдвинулся на позицию справа от взвода Фромме и тотчас же вступил в действие. Его четыре Т-Ш успели как раз вовремя, чтобы встретить на фланге следующую порцию советских танков. К ночи восемнадцать танков стояли без движения на участке Фалькенберга. Советская контратака к юго-востоку от Чудского озера надорвалась. Путь на Псков лежал открытым.

Устремляясь на восток, усиленный 1-й стрелковый полк боевой группы Вестхофена наступал до аэродрома Пскова, который, по всей видимости, в спешке покинула штаб-квартира крупного соединения советских ВВС. Карты в комнате для совещаний позволяли сделать кое-какие полезные выводы о намерениях противника. 1-я стрелковая бригада генерал-майора Крюгера внезапным ударом захватила целым мост в районе Церьёхи. Город Псков, на тот момент уже полыхавший в огне, был взят 36-й моторизованной дивизией в результате фронтальной атаки 9 июля.

В тридцати километрах к юго-востоку 6-я танковая дивизия тоже прорвалась через линию Сталина. Саперы уничтожили двадцать больших дотов и отбросили крупную группу вражеской бронетехники. Таким образом, танковая группа Гёпнера решила свою первую крупную задачу. Заграждения русских к югу от Чудского озера были прорваны, южный выход для противника из Прибалтики заблокирован, и подготовлена исходная позиция для наступления на Ленинград.

Стремительный удар по городу предстояло нанести в северном направлении через узкую горловину между озером Ильмень и Чудским озером. Задача оставалась прежней - "взять" Ленинград, то есть овладеть им. Операцию должны были поддержать финские войска, выдвигаясь с севера через Карельский полуостров и соответственно наступая с востока от Ладожского озера. Так город с населением в 3 000 000 жителей оказался бы заблокирован с севера и востока, не имея возможности ни получить подкрепления извне, ни осуществить прорыв изнутри.

В свете этой генеральной линии 4-я танковая группа намеревалась направить танковый корпус Рейнгардта к Ленинграду по дороге Псков-Луга-Ленинград, а танковый корпус Манштейна пустить к цели по другой дороге - той, что вела через Опочку и Новгород. Других путей достигнуть Ленинграда через сильно заболоченную местность с юга и юго-запада просто не существовало.

10 июля 1941 г. танковая группа начала атаку по всему фронту. 56-й танковый корпус, который 6 июля прорвал линию Сталина в районе Себежа силами механизированной пехотной дивизии СС "Мертвая голова" и в результате тяжелых боев овладел Опочкой на реке Великая, теперь выполнял охватывающий маневр к востоку и, наступая через Порхов и Новгород, перерезал большую боковую дорогу из Ленинграда в Москву в районе Чудова. 8-я танковая и 3-я моторизованная дивизии задействовались на переднем крае. Им приходилось преодолевать очень труднопроходимую лесистую местность.

41-й танковый корпус с 1 и 6-й танковыми дивизиями впереди и 36-й моторизованной

дивизией в тылу продвинулся по главной дороге через Лугу. Сначала враг сопротивлялся только в тылу. Русские откатывались. Были ли они и в самом деле готовы сдать здесь, на севере? Ничего подобного. Ворошилов не собирался уходить из Ленинграда или с берегов Финского залива. Уже на следующий день продвижение танкового корпуса Рейнгардта замедлилось. Дивизии оказались на очень пересеченной, сильно заболоченной и лесистой местности, предоставлявшей противнику прекрасную возможность для организации обороны.

Когда генерал Рейнгардт попробовал двинуть свои танки и батальоны бронетранспортеров, особенно боевые группы Крюгера и Вестхофена из 1-й танковой дивизии, в сторону от дороги Псков-Луга в обходном маневре, стремясь ударить на русские блокпосты с тыла, он сделал неприятное открытие, что местность справа и слева от шоссе практически не подходит для действий бронетехники.

6-ю танковую дивизию тоже пришлось отозвать с никуда не годной второстепенной дороги, где застряла масса техники, на главное направление наступления корпуса и поставить позади 1-й танковой дивизии. Ведение широкомасштабных операций стало невозможным. Танки утратили главное свое преимущество - скорость и маневренность. 12 июля наступление корпуса застопорилось на линии Заполье-Плюса.

На участке наступления корпуса Манштейна - то есть на правом крыле где, в соответствии с приказами главного командования, должны были сосредоточиться основные усилия атакующих, противник оказывал еще большее сопротивление. Выяснилось, что русские создали новый укрепленный район, включавший в себя Ленинград и Шимск на западном берегу озера Ильмень и тянувшийся по реке Луга до Яммы на реке Нарва. Как плацдарм на автомагистрали Даугавпилс-Ленинград город Луга являлся ключевой позицией и был сильно укреплен.

Со своей стороны, наземная и воздушная разведка 4-й танковой группы установила, что на левом фланге, в низовьях реки Луги, располагались довольно незначительные силы противника. Очевидно, из-за плохого состояния дорог в этом районе русские не ждали атаки здесь. Единственное ближайшее к этому району крупное соединение советских войск располагалось на восточном берегу Чудского озера около Гдова.

Генерал-полковник Гёпнер оказался перед трудным выбором: следует ли, строго придерживаясь приказа, сосредоточить все силы для атаки на правом фланге, в направлении Новгорода, заставив танковый корпус Рейнгардта буквально лбом прошибать мощные укрепления неприятеля в районе Луги, или же будет правильнее совершить смелый разворот влево к низовьям реки Луга, ударить по врагу там, где он слаб, и развивать наступление на Ленинград с запада, параллельно железной дороге Нарва-Кингисепп-Красногвардейск?

Гёпнер выбрал второе. Он развернул свои 1-ю и 6-ю танковые дивизии на север под прикрытием боевой группы Вестхофена, которая вела бои к востоку и северу от Заполья, и по главной дороге к Луге заменил их пехотными дивизиями. Затем 13 июля две танковые дивизии, за которыми следовала 36-я моторизованная дивизия, двинулись в северном направлении по труднопроходимой местности.

Покрывая форсированным маршем от 150 до 170 километров, механизированные дивизии отчаянным усилием вырывались вперед, местами опасно растягиваясь, местами, напротив, создавая скопления на узкой труднопроходимой дороге, изо всех сил стараясь не отстать от авангарда. Маленькие мосты проваливались. Дорога раскисала, превращаясь в болото. Саперам приходилось сооружать деревянные гати. Разведывательные подразделения на мотоциклах, истребительно-противотанковая артиллерия, передовые батареи пробирались через грязь вдоль флангов, чтобы занять позиции для прикрытия своих в наиболее открытых местах или для отражения постоянных атак противника из обширных болот. Однако рискованный маневр удался. На главном направлении наступления 6-й танковой дивизии передовой отряд,

усиленный бронетехникой и артиллерией 4-го стрелкового полка под командованием полковника Рауса, 14 июля овладел Поречьем. В руки специального подразделения полка "Бранденбург" попало два целых моста - вот до какой степени противник оказался застигнутым врасплох.

В тот же день усиленный моторизованный батальон 113-го стрелкового полка (на бронетранспортерах) под командованием майора Экингера из состава 1-й танковой дивизии вышел к реке Луга у Забска и к 22.00, невзирая на противодействие неприятеля, создал плацдарм на восточном берегу. Брод был расширен, и в течение ночи на увеличившийся плацдарм прибыла основная часть 113-го стрелкового полка. Так 1-й танковой дивизии удалось удержать Забск силами боевой группы Крюгера, отразившей 15 июля все отчаянные контратаки русских. Мост, однако, был уничтожен, но на следующий день немцы продолжали сосредотачиваться на плацдарме. 36-я моторизованная и 58-я пехотная дивизии разгромили противника, сосредоточившегося на западном фланге 4-й танковой группы, на Чудском озере около Гдова.

Препятствия были преодолены в низовьях Луги. В ста с небольшим километрах от Ленинграда образовался трамплин для прыжка к городу и его захвата. Стрелки и бронетехника корпуса Рейнгардта ждали, готовые к атаке, на двух протяженных плацдармах. Проведенная немцами операция полностью застала Красную Армию врасплох. Прежде всего, у противника отсутствовали сколь-либо значительные по численности соединения для отпора новому немецкому фронту. Наспех сколачивая соединения, ставя под ружье курсантов офицерских училищ Ленинграда, русские тщетно пытались уничтожить вражеские плацдармы. Однако немцам удалось не только отразить все атаки, но даже расширить плацдармы и улучшить тыловое обеспечение. Теперь наступающие ждали лишь приказа атаковать. Ленинград лежал перед ними беззащитный всего в двух дневных переходах.

И вот на севере, перед Ленинградом, произошла та же трагедия, что случилась южнее после того, как группа армий "Центр" овладела Смоленском. Германское Верховное командование задержало танки Гёпнера на реке Луге на три недели. Три долгих недели. Почему? Почему затормозилось наступление на данном участке? Почему не воспользовались так счастливо представившимся шансом? Вновь бюрократическая машина Главного командования не позволила нанести быстрый и, по всей видимости, удачный удар по основной цели.

Гитлер и Верховное командование Вермахта сходились во мнении относительно целесообразности приложения главных сил на правом фланге иными словами, они намеревались взять Ленинград за счет широкого флангового охвата противника с юго-востока. Задача прикрытия фланга участвовавших в операции войск отводилась 16-й армии, подтягивавшейся с запада, пока же брешь между ней и 4-й танковой группой заполняли только две дивизии 56-го танкового корпуса.

При таком раскладе русские дивизии, потоком откатывавшиеся из Прибалтики, должны были как в сеть угодить в огромную дугу, по бокам самым превосходным образом защищенную болотистыми берегами реки Волхов. План был хорош. Однако в нем имелась одна серьезная ошибка: из-за особенностей рельефа сильно заболоченной и лесистой местности на правом фланге наступления там не представлялось возможным с максимальной отдачей использовать танки. В итоге именно поэтому Гёпнер и повернул 41-й корпус влево. На правом фланге действовали сильные пехотные дивизии, артиллерия и авиация, но не хватало подвижных танковых сил, поскольку 8-я танковая и 3-я моторизованная пехотная дивизии в период между 15 и 19 июля увязли в ожесточенных боях с крупными силами противника, насчитывавшими от трех до пяти корпусов.

С другой стороны, вновь созданный центр наступления на левом фланге, в низовьях Луги, располагал бронетехникой, береговыми плацдармами и подготовленными исходными

позициями для дальнейшего броска к Ленинграду. Противник впереди практически отсутствовал. Однако здесь немцам не доставало пехотных дивизий для прикрытия протяженного танкового клина наступления. Гёпнер стремился к тому, чтобы за счет передвижения на север корпуса Манштейна получить пехотные части, которых у него не хватало и на переброску которых из тыловых районов требовалось слишком много времени. Но командование группы армий не могло или не хотело спорить со ставкой фюрера. Там же считали войска Рейнгардта слишком слабыми для того, чтобы штурмовать Ленинград в одиночку. Поэтому на правое крыло наступления, к озеру Ильмень, где шли очень тяжелые бои, продолжали подтягиваться все новые части.

Почему, спрашивает и сегодня генерал-полковник Рейнгардт, почему нельзя было перебросить корпус Манштейна на его фланг? Не следовало ли перенести направление сосредоточения основных усилий немецких войск на левый фланг, чтобы как можно скорее заблокировать узкий проход у Нарвы, а затем повернуть на восток и ударить по врагу, все еще удерживавшему позиции в среднем течении Луги, с тыла мощными соединениями?

Когда Гудериан оказался в аналогичной ситуации на Днепре перед Смоленском, генерал-фельдмаршалы фон Клюге и фон Бок позволили ему действовать так, как он считал нужным. Вероятно, если бы на месте Лееба находились все те же Клюге и Бок, они дали бы Рейнгардту возможность ударить на Ленинград. Но Лееб не был фон Боком. По всей видимости, он обдумывал идею предоставления "зеленого света" Гёпнеру и пытался добиться от Главного командования отмены приказа "все силы на правый фланг", но в действительности не сделал первого и не добился второго. Так в течение недель продолжалось роковое перетягивание каната. Это время позволило русским наскрести войска и стянуть их на позиции перед плацдармами, созданными солдатами Рейнгардта на берегу Луги. На фронте появились дивизии рабочего ополчения. Еще две дивизии - 111-я и части 125-й стрелковой дивизии - были доставлены на фронт по железной дороге. Поезда без конца приходили и уходили, прямо на глазах у немцев привозя на позиции вдоль шоссе подкрепления. Наконец в районе боевых действий появились танковые соединения, в составе которых имелись тяжелые КВ-1 и КВ-2.

Некоторые из этих новеньких супертанков управлялись гражданскими испытателями с заводов. Среди поддерживавших их пехотинцев действовала целая женская бригада студенток Ленинградского университета. В подбитых танках немцы также обнаруживали погибших или раненых женщин.

Все возраставший натиск противника на периметры плацдармов находил отражение также в воздушных атаках. Немцы не располагали бомбардировочными или истребительными частями для отражения советской авиации - все самолеты находились в районе озера Ильмень, в соответствии с приказом "все силы на правый фланг". Только истребительная группа Траутлофта время от времени принимала участие в боях в небе над Лугой, посылая звено-другое Ме-109 со своего передового аэродрома к западу от Плюсы.

Превосходство русских в воздухе привело к появлению среди солдат соединения Рейнгардта разного рода горьких шуток, нашедших выражение даже в поэтической форме. Небольшое рифмованное послание с просьбой оказать все-таки поддержку авиацией отправилось сначала в штаб дивизии, а оттуда в штаб корпуса. Однако все, чем смогло ответить командование, - послать по радиации ответ в стихах.

Не возникало никаких сомнений, что Советы использовали время для укрепления слабых мест в обороне Ленинграда. Шанс захватить город одним решительным ударом с северо-запада был утрачен. Позднее генерал-полковник Рейнгардт замечал: "Стало очевидным, что продолжить наступление немедленно не представляется возможным. Для начала предстояло привести в порядок систему дорог, чтобы обеспечить поступление на передовую предметов

снабжения и пополнений. Все это заняло бы несколько дней". Несколько дней конечно, но не три недели. С горечью Рейнгардт продолжал: "Вновь и вновь наш корпус требовал скорейшего возобновления атаки и просил передать нам какие-нибудь дополнительные части, хотя бы из корпуса Манштейна, особенно учитывая тот факт, что они все равно застряли на месте. Но все было напрасно".

Следующая цитата, взятая из дневника генерала Рейнгардта, датирована 30 июля, когда тот ждал приказа о возобновлении наступления целых две недели: "Вновь проволоочки. Это просто ужасно. Шанс, который мы получили, уже упущен, а положение день ото дня становится все более и более сложным".

События доказали правоту Рейнгардта. В то время как 41-й корпус, пользуясь благоволением фортуны, форсировал Лугу в ее низовьях, но оказался прикованным к месту приказом свыше, на восточном участке наступления танковой группы, там, где действовал 56-й корпус Манштейна, начинала складываться кризисная ситуация. Манштейн получил приказ взять Новгород, а затем захватить важный транспортный узел Чудово, с тем чтобы перерезать железную и автомобильные дороги из Ленинграда в Москву. 8-я танковая дивизия развивала наступление на Сольцы, чтобы создать плацдарм на берегу реки Мшаги. Слева действовала 3-я моторизованная дивизия, прикрывавшая фланг 8-й танковой и с боями прокладывая себе путь на северо-восток и на север. Тем временем противодействие неприятеля становилось все более сильным, а заболоченные низины все менее проходимыми. Более того, уход 41-го корпуса из Луги высвободил расположенные в том районе советские войска, в результате чего корпус Манштейна, состоявший только из 8-й танковой и 3-й моторизованной дивизии, но тем не менее успешно продвигавшийся вперед по прямой без резервов и прикрытия с флангов, внезапно оказался атакованным многочисленными дивизиями советской 11-й армии. Ворошилов бросил все имевшиеся войска против опасного немецкого танкового кулака наступления, нацеленного на Новгород, на его командный пункт и на Чудово - жизненно важный транспортный узел. Советской 146-й стрелковой дивизии удалось вклиниться между двумя немецкими дивизиями и перерезать пути их снабжения. Манштейн немедленно принял правильные контрмеры: он приказал 8-й танковой дивизии отойти и занять круговую оборону.

За этим последовали три критически важных дня. Ворошилов, очень нуждавшийся в успехе, любой ценой стремился уничтожить окруженные немецкие дивизии. Для чего он использовал полдюжины стрелковых дивизий, две танковые и сильные части артиллерии и авиации. Но стойкость немецких солдат и военный талант Манштейна предотвратили катастрофу. О том, сколь ожесточенные сражения шли в том районе боевых действий, говорит рапорт по итогам операции 3-й моторизованной дивизии, которой пришлось отразить семнадцать вражеских атак на протяжении всего одного дня. Даже артиллеристы сражались на передовой.

1-я батарея 3-го артиллерийского полка, находившаяся под командованием обер-лейтенанта фон Типпельскирха, уцелела после массированной атаки неприятеля. Батарея занимала позицию на опушке леса в трех километрах позади передовой линии обороны пехоты около Городища. Слева и справа от дороги лежали непролазные болота. Но были ли они непроходимыми также и для красноармейцев?

Чтобы защититься от неожиданной атаки из болот, артиллеристы выставили часовых и отправили дозоры на nasкоро сооруженную деревянную гать. Эта предусмотрительность и спасла батарею, поскольку Ворошилов привлек местных жителей в проводники, чтобы те вывели вновь сформированный батальон его 3-й танковой дивизии через болота с целью отрезать головные части немецкой дивизии. 15 июля батальон натолкнулся на немецкие дозоры. Те подняли тревогу. Русские, по-видимому решив, что имеют дело с пехотной частью, поспешно атаковали, не зная о том, что на позиции поблизости находится батарея тяжелой артиллерии. С

криками "Ура!" советские солдаты устремились вперед под прикрытием установленных на болоте пулеметов. Артиллеристы бросились к своим орудиям. Расчет 2-го орудия скосило пулеметным огнем, когда они выбежали из своего блиндажа. Офицер батареи лейтенант Гедерих сумел добраться на огневую позицию вместе с командирами орудий. Русские находились уже в 300 метрах.

– Огонь!

100-мм снаряды прямой наводкой стали падать в ряды атакующих. Пулеметы батареи косили противника.

Первая волна полегла на краю леса у самой опушки. Но вот русские установили крупнокалиберные пулеметы. Щиты орудий превратились в решета. Минометные мины заставили замолчать пулеметчиков батареи. С дюжину советских солдат подобралось к орудию Гедериха, в десяти метрах вскочили и бросились к нему. Гедерих со своими людьми отбивались лопатками, пистолетами, штыками. Четверо русских было убито. Трое или четверо скрылись в кустарнике. Лейтенант Гедерих получил ранение, как и весь расчет. Бой продолжался два часа. Боеприпасы почти кончились. Большинство офицеров и унтер-офицеров погибли, пришлось отправлять в битву водителей тягачей и других военнослужащих вспомогательного состава. Всего 120 человек дрались против целого батальона. В последнюю минуту в район боя прибыл командир батареи с мотоциклетным взводом 8-го пехотного полка и атаковал русских во фланг справа. Противник пришел в замешательство и отступил, уводя с собой раненых, но бросив все тяжелое снаряжение и оставив после себя пятьдесят трупов.

После того как командование 4-й танковой группы вновь предоставило дивизию СС "Мертвая голова" в распоряжение генерала фон Манштейна, 56-му танковому корпусу удалось исправить критическую ситуацию и к 18 июля восстановить пути снабжения корпуса.

К 18 июля угроза была устранена, но Манштейн воспользовался случаем, чтобы подтолкнуть группу армий и через генерала Паулюса надолго соединить два корпуса танковой группы и применить их вместе в качестве ударной силы предстоящего наступления. Причем Манштейн при этом не стремился "тянуть одеяло на себя", но рекомендовал использовать в качестве исходной позиции для штурма Ленинграда плацдармы, созданные танковым корпусом Рейнгардта.

Но и Манштейну не удалось ничего добиться. Группа армий и Главное командование настаивали на том, чтобы сконцентрировать все усилия на правом фланге. Все, на что они оказались готовы пойти, это высвободить корпус Манштейна с Мшаги и развернуть его в среднем течении реки Луги напротив важного города Луга. В предстоящем генеральном наступлении задачей Манштейна становилось овладение главной дорогой в районе Луги, уничтожение войск противника и выдвижение к Ленинграду.

Малопонятный план. Уже в течение недель немцы хорошо знали, насколько сильны оборонительные рубежи противника в районе Луги. И хотя местность там почти совершенно не годилась для применения танков, тем не менее остается загадкой, почему 56-му танковому корпусу, примененному как южная ударная группировка, были приданы только 3-я моторизованная, 269-я пехотная и вновь созданная полицейская дивизия СС, в то время как дивизия СС "Мертвая голова" осталась стоять у озера Ильмень, а 8-ю танковую дивизию отправили в тыл воевать с партизанами.

Наступление началось 8 августа. В 09.00 под проливным дождем дивизии Рейнгардта начали выдвигаться с лужских береговых плацдармов, но из-за плохой погоды без поддержки авиации. Двум танковым и 36-й моторизованной дивизии предстояло быстрым броском захватить открытую местность к югу от железнодорожной ветки Ленинград-Кингисепп-Нарва. Затем должны были выдвинуться вперед 8-я танковая дивизия и основная часть 36-й

моторизованной пехотной дивизии, а затем все соединение в целом - повернуть на восток за железную дорогу и ударить на Ленинград. План был хорош.

Однако там, где три недели назад стояли лишь слабые советские полевые заставы, на основательных полевых оборонительных сооружениях, построенных трудившимися без отдыха женщинами и детьми - пионерами и комсомольцами, дислоцировались теперь 125-я и 111-я советские стрелковые дивизии.

Перед плацдармом в Поречье стояли советские войска, располагавшие очень мощной артиллерией, и, в соответствии с показаниями пленных, они тоже 8 августа собиралась атаковать немцев на плацдарме. Однако 6-я танковая дивизия нанесла свой удар первой. Таким образом, она предотвратила то, что могло стать катастрофическим препятствием на пути немецкого наступления. И без того все было очень и очень непросто. После первого дня боев командование корпуса, ввиду понесенных потерь, всерьез задумалось, удастся ли ему развить наступление. Оно продолжалось только благодаря оптимизму командования 1-й танковой дивизии. Подполковник Вент фон Витерсгейм, под началом которого находилась боевая группа, более всего не хотел сдавать с таким трудом завоеванные позиции. Вера подполковника фон Витерсгейма и подполковника Венка, начальника оперативного отделения 1-й танковой дивизии, в благополучный исход начатого предприятия оказалась оправданной. Следующим утром полкам удалось значительно продвинуться, прорваться через рубежи противника, оказать помощь 6-й танковой дивизии в ее трудной атаке с плацдарма в направлении Ополя и пройти через 50-километровый пояс лесов к югу от Ленинградской железной дороги - последнюю естественную преграду на пути к столице на Балтике.

Сражение продолжалось. 14 августа все дивизии вышли на благоприятные позиции на открытой местности, оставив позади заболоченные леса. Противник был разгромлен. На пути попадались теперь только мелкие части. На полях сражений осталось несколько дюжин новеньких тяжелых советских танков.

Дорога на Ленинград вновь лежала открытой. Только на левом фланге все еще оставалась угроза со стороны отходивших из Эстонии к Ленинграду вражеских войск. Поэтому-то Рейнгардт и не пошел немедленно к окраинам города, хотя, если вспомнить об отсутствии противодействия впереди, мог бы сделать это.

Что же было нужно?

– Нам нужно немного войск для прикрытия фланга, - просил, настаивал, угрожал Гёпнер. - Двух дивизий, в крайнем случае одной будет достаточно, взывал он к генерал-фельдмаршалу риттеру фон Леебу.

Гёпнер находился в ситуации, очень похожей на ту, в которой очутился пятью неделями раньше него Гудериан, когда выбивал у Клюге разрешение продолжать прорыв от Березины через Днепр к Смоленску. "Вы выбросите нашу победу, если не позволите мне идти вперед", - убеждал Гудериан Клюге. "Вы выбрасываете нашу победу", - вот все, что мог сказать Гёпнер генерал-фельдмаршалу Леебу.

15 августа Лееб лично явился в штаб Гёпнера. После горячего спора генерал-фельдмаршал согласился передать закаленную в боях 3-ю моторизованную дивизию из танкового корпуса Манштейна под командование Рейнгардта.

Эта дивизия могла бы остаться у Луги. Хотя, как планировалось, 10 августа Манштейн также начал наступление с целью овладения Лугой, случилось неизбежное: его остановили сильные рубежи русской обороны. 3-я моторизованная дивизия, которой отводилась задача прикрытия корпуса с фланга на более поздней стадии операции, из-за этого вообще не была введена в действие. Было решено перенести штаб Манштейна также на север, в зону боевых действий Рейнгардта.

Решение Лееба способствовало развитию победных настроений в штаб-квартире Гёпнера. "Теперь Ленинграду от нас не уйти", - говорили друг другу офицеры. В штабе Манштейна тоже вздохнули с облегчением: период решения разрозненных задач, казалось, миновал, и теперь танковая группа снова могла превратиться в единый бронированный кулак.

15 августа Манштейн передал командование в Луге генералу Линдемманну с его 50-м корпусом. Сам же он взобрался в командирскую машину вместе со своими офицерами и поехал к озеру Самро - туда, где размещался штаб Гёпнера. Изрытая воронками дорога находилась в ужасном состоянии, поэтому 200-километровое путешествие заняло целых восемь часов. Пропыленные и усталые, Манштейн и его офицеры прибыли к месту назначения поздно вечером.

– Надевайте плавки, господа, и все живо в озеро! - распорядился он. Но в это время из фургона связи примчался связной.

– Звонок из танковой группы, господин генерал!

Манштейн нахмурился. Связной поспешил оправдаться:

– Очень срочно, господин генерал. На проводе сам командующий.

Не мешкая, Манштейн поспешил к полевому телефону.

2. Прорыв на Лужском фронте Критическая ситуация под Старой Руссой - Битва за Новгород - Карел передает русские карты - Немецкая 21-я пехотная дивизия против советской 21-й танковой дивизии - Через леса около Луги - На Оредеже - Лужский котел - На Дудергофских высотах - Радиосообщение от лейтенанта Дариуса: "Вижу Санкт-Петербург и море".

Солнце проваливалось за озеро Самро, окрашивая небо на западе в кроваво-красный цвет. Генерал фон Манштейн вошел в фургон связи. Радист протянул командиру телефонную трубку:

– На проводе господин генерал-полковник.

– Манштейн, - произнес генерал в микрофон.

– Это Гёпнер, - раздался голос командующего. - У меня скверные новости, Манштейн. Наше наступление на Ленинград отменяется. Шестнадцатая армия на озере Ильмень, в районе Старой Руссы, попала в трудную ситуацию. Вам придется взять на себя роль пожарной команды. Сейчас же остановите свою Третью моторизованную дивизию и поворачивайте ее обратно. Выступайте на юг. Дополнительно в ваше распоряжение передается дивизия СС "Мертвая голова" из состава Двадцать восьмого корпуса с Лужского фронта. Что же касается вас, завтра утром сразу же отправляйтесь с вашим штабом в штаб Шестнадцатой армии в Дно. Все остальные инструкции получите там у генерал-полковника Буша.

Новость вовсе не обрадовала Манштейна. Гёпнер почувствовал настроение командира корпуса.

– Генерал-фельдмаршал Лееб не остановил бы нашего наступления на Ленинград, если бы положение не было так серьезно, - сказал Гёпнер. - В любом случае не вешайте носа, Манштейн. Надеюсь, скоро вы вновь будете наступать на севере!

Надежде этой не пришлось осуществиться.

Когда Манштейн сообщил своему штабу о новом приказе, лица у офицеров вытянулись. Как им было скрыть свое настроение? Минуту назад они обсуждали неминуемое падение Ленинграда. И вот нб тебе!

– Опять все сначала, - пробурчал интендант майор Клайншмидт и занялся организацией транспорта корпуса.

Следующим вечером, 16 августа, Манштейн прибыл в Дно, в штаб-квартиру 16-й армии. На сей раз расстояние в 250 километров они покрыли за тринадцать часов.

Ситуация, сложившаяся там, была, как он сам выразился по-армейски грубовато и просто,

"дерьмовой".

Полмесяца тому назад, в начале августа, 10-й корпус силами трех пехотных дивизий - 126, 30 и 290-й - начал наступление на важный транспортный узел Старая Русса, что к югу от озера Ильмень.

Опытная 30-я пехотная дивизия из Голштинии атаковала оборонительные позиции противника в пятнадцати километрах от города, но, несмотря на отчаянные усилия 6 и 26-го пехотных полков, прорвать глубокоэшелонированную оборону противника не смогла. Полки 290-й пехотной дивизии из Нижней Саксонии тоже застряли у и в противотанковом рве, служившем главным звеном оборонительного рубежа русских.

Молодые ленинградские рабочие, никогда прежде не бывавшие на передовой, вместе с обстрелянными солдатами частей советской 11-й армии оказали упорное сопротивление, отражая атаки немцев в рукопашном бою. Каждый метр земли доставался с боем, в ход шло все - ружейные приклады, штыки, лопатки, пистолеты и огнеметы. Врытые в землю советские танки, бьющие продольным огнем пулеметы и снаряды тяжелой артиллерии в конечном итоге заставили немцев остановиться.

Малоприятным сюрпризом стали деревянные мины, с которыми солдаты Вермахта столкнулись здесь впервые. Электрические миноискатели их не обнаруживали. В некоторых местах немецкие саперы обезвредили до 1500 этих опасных новинок.

126-й пехотной дивизии из земли Северный Рейн-Вестфалия, действовавшей на северном участке фронта наступления, вдоль дороги из Шимска в Старую Руссу, повезло больше, чем 30 и 290-й дивизиям. После трех дней яростных сражений пехотные боевые группы, которым придали мобильность за счет усиления частями истребительно-противотанковой и полевой артиллерии, подразделениями саперов и мотоциклистов, проложили себе путь через советские укрепления. Немедленная контратака русских с участием танков была отражена на участке 426-го пехотного полка 12-й тяжелой пулеметной ротой лейтенанта Фаренберга, солдаты которой уничтожили вражескую бронетехнику противотанковыми гранатами.

Тогда, уже после того, как 126-я пехотная дивизия глубоко вклинилась в укрепления противника, 30-я пехотная дивизия ударила русским во фланг, и те оставили последние свои позиции перед городом.

Возглавлявший атаку 3-й батальон (426-го пехотного полка) майора Бунцеля ближе к полудню 6 августа штурмовал западную часть Старой Руссы. Немецкий прорыв оказался для противника таким неожиданным, что начальник оперативного отдела советской 11-й армии получил ранение и попал в плен.

После массированного воздушного налета на укрепленную восточную часть города, расположенную за рекой Полисть, где каждый дом был превращен в крепость, полку удалось дойти до восточной окраины. Русские все еще не складывали оружия, они контратаковали, бросаясь в отчаянные рукопашные схватки посреди пылающих улиц.

В течение следующих четырех дней беспрестанных сражений с яростно сопротивлявшимися советскими войсками немцы широким фронтом вышли к реке Ловать. Таким образом, правый фланг группы армий "Север" казался соответствующим образом прикрытым для атаки на Ленинград.

Но маршал Ворошилов, командующий советским Северо-Западным направлением русских, осознал значение операции противника. Применяв все имевшиеся под рукой войска, включая вновь созданную 34-ю армию, он 12 августа развернул атаку на "туннель" между озерами Ильмень и Селигер, где находился город Демянск. "Туннель", который словно бы приглашал русских для атаки, образовался из-за расхождения направлений наступления группы армий "Север" и группы армий "Центр" - одна из которых шла к Ленинграду, а другая к Москве.

Действуя численно значительно превосходящими немцев силами восемь стрелковыми дивизиями, одним кавалерийским и одним танковым корпусом, - советская 34-я армия начала выполнять охватывающий маневр против трех дивизий немецкого 10-го корпуса, угрожая сбросить их в озеро Ильмень.

Кроме того, Ворошилов намеревался, после разгрома 10-го корпуса, ударить на запад, заблокировать перешеек между озером Ильмень и Чудским озером, отрезав таким образом наступающие на Ленинград немецкие армии от их тыловых коммуникаций. Именно на разрешение вот такой крайне критической ситуации и послали Манштейна. И он справился с задачей.

Пока генерал Хансен со своим 10-м корпусом, заняв оборону, вел ожесточенные бои фронтом на юг (при этом озеро Ильмень оставалось у него за спиной), Манштейн незаметно для противника повел две своих подвижных дивизии прямо на открытый фланг и тыл советской 34-й армии.

19 августа 3-я моторизованная дивизия и дивизия СС "Мертвая голова" свалились на русских, точно снег на голову. Они прокатились по флангу армии и посеяли хаос в тыловых коммуникациях. Среди самых передовых частей 56-го танкового корпуса разведывательный батальон дивизии "Мертвая голова", который мчался вперед, далеко оторвавшись от основных сил дивизии, прибыл на наиболее критический участок, где его мотоциклисты выбили русских с занимаемых ими позиций. Они продолжали натиск и вынудили передовые советские части вернуться за Ловать. Смелый командир разведывательного батальона, штурмбаннфюрер 1 Бестманн, впоследствии погибший в бою, стал первым военнослужащим дивизии СС "Мертвая голова", заслужившим "Рыцарский крест".

В тот момент, когда советское командование было буквально парализовано произошедшим, в атаку пошли полки

10-го корпуса. Это довершило катастрофу 34-й армии Ворошилова. Ее постиг полный разгром.

В огромный перечень трофеев попало 246 орудий, включая первый целый реактивный миномет, наводивший на немцев ужас "Сталинский оргбн", а также новенькая батарея 88-мм зениток немецкого производства, с датой изготовления 1941 г. Откуда она взялась? Один раз, в Даугавпилсе, в арсеналах Советской Армии уже обнаруживалось новое немецкое вооружение. Каким образом оно попало в распоряжение Красной Армии, так никогда и не установили. Солдаты имели на сей счет свои соображения.

Успех 16-й армии означал, что угроза правому флангу группы армий "Север" была на настоящий момент устранена. Но о возвращении танкового корпуса Манштейна к Ленинграду на соединение с штурмовыми войсками Гёпнера пока не могло идти и речи, поскольку Ворошилов не оставлял попыток переломить ситуацию. Чтобы выполнить поставленную задачу - заблокировать узкую полосу суши между Чудским озером и озером Ильмень, - он бросил в бой еще три советские армии. В очередной раз русские продемонстрировали, сколь велики людские ресурсы Советского Союза. После уничтожения основных сил целой армии части трех других армий, доведенные за счет пополнений до полной численности, разворачивались в районе между Лугой и озером Ильмень.

А что же тем временем происходило на подступах к Новгороду - Великому Новгороду, как называли его в старину, - городу, расположенному на северном берегу озера Ильмень, как раз напротив Старой Руссы?

Здесь, в изначальной точке приложения сил немецкого наступления на Ленинград, южном краеугольном камне обороны северной столицы, немецкое командование на протяжении недель упорно пыталось прорвать советские рубежи, чтобы выйти к г. Чудово - железнодорожному узлу

Ленинград-Москва. В Чудове Мурманская железная дорога, ведущая на юг с берегов Северного моря, соединялась с так называемой Октябрьской железной дорогой. По этой транспортной артерии текли грузы и техника, доставляемые западными союзниками по морю в Мурманск - британская помощь, но что еще важнее, американские танки, грузовики, боеприпасы и самолеты для целого советского фронта, протянувшегося от Балтийского до Черного моря.

Ясной звездной летней ночью 9 августа дивизии 1-го корпуса из Восточной Пруссии скрытно выдвинулись на исходные позиции для наступления через широкую, с заболоченными берегами реку Мшага. Настал момент своротить краеугольный камень обороны Ленинграда.

Основную нагрузку в атаке брала на себя усиленная 424-м пехотным полком 126-й пехотной дивизии 21-я пехотная дивизия генерала Шпонгеймера, которой предстояло наступать по сильно укрепленной главной дороге на Новгород. Местность была трудной даже для пехоты. Болота, густые заросли кустарника и бесчисленные ручьи, реки и русла рек заметно затрудняли продвижение. Кроме всего прочего, русские превратили в крепость весь район: там располагались доты, минные поля, пулеметные гнезда, минометные батареи, блокировавшие немногочисленные дороги и тропы, что пролегали через заболоченную равнину.

В сером свете рассвета самолеты 8-го воздушного корпуса поднялись со своих баз и с 04.00 уже бомбили неприятельские позиции на противоположном берегу Мшаги. Бомбардировщики "Штука" заходили на бомбометание в глубоком пике, из которого выходили на высоте 50 метров, сбрасывая смертоносные грузы на блиндажи, оружейные позиции и пулеметные точки. Военная машина работала с великой точностью. Не успела упасть последняя бомба, как заговорили 200 орудий разного калибра. Это была классическая артподготовка.

Ровно в 04.30 командиры рот 2-го и 3-го батальонов 3-го пехотного полка, а также 1-го батальона 45-го пехотного полка поднялись из окопов и укрытий. Под прикрытием артиллерийского "зонта" солдаты поволокли к реке надувные лодки и быстро переправились на другую сторону. Вместе с пехотой Мшагу форсировали саперы, которые проделали на другом берегу проходы в минных полях для штурмовых подразделений, следовавших за ними по пятам.

Начало во всем прошло поразительно гладко. Противник, казалось, пришел в совершенное замешательство после бомбардировок и артиллерийского обстрела. Тяжелое оружие и артиллерия русских молчали.

Пригибаясь к земле, солдаты штурмовых частей побежали мимо белых лент, которыми саперы поместили проходы в минных полях. Немцы овладели плацдармом. Через реку уже переправляли тяжелое вооружение. Из составленных одна к другой барж образовывался импровизированный мост. Все было готово к полудню. Дивизия вышла на плацдарм.

24-й пехотный полк теперь также выдвинулся вперед. Противник медленно оправлялся от шока. Противодействие становилось все более упорным. Ближе к вечеру 24-й пехотный полк овладел селом Мшага. С наступлением ночи немцы, прорвав советскую оборону, углубились на восемь километров. На следующий день немцы взяли Шимск, который первоначально предполагалось обойти.

12 августа наступающие фронтальной атакой форсировали реку Ушницу. Пехотинцы шли увешанные оружием и ящиками с боеприпасами. Все приходилось нести на себе. Русские отчаянно сопротивлялись. Особенно жаркий бой кипел возле железнодорожной насыпи, где противник дрался за каждую пядь земли.

Советские солдаты продолжали стрелять до тех пор, пока в окопах их не находила пуля или пока их не разрывало на куски ручными гранатами. О каком продвижении можно говорить, когда враг бьется с таким отчаянием? Жестокие схватки шли за каждый метр.

Штаб 45-го пехотного полка расположился в канаве у обочины неподалеку от Волинова. Среди офицеров царило уныние. Сводки потерь потрясали. Чтобы поговорить с начальством,

командир полка полковник Хиль воспользовался телефоном, который связисты проложили прямо на передовую от штаба дивизии.

– Нужно, чтобы "Штуки" отработали по противнику еще раз, - настаивал он.

В какой-то момент в канаву спрыгнул связной, ефрейтор Виллюмайт. Едва переводя дыхание, он отдал честь командиру полка.

– Донесение из Второго батальона, господин полковник. Подполковник Матуссик посылает вам эту трофейную карту. Ее нашли у погибшего в бою советского майора, очевидно адъютанта какого-то высшего офицера.

Полковник Хиль бросил взгляд на карту в удивлении.

– Дружок, за это ты заслуживаешь моей последней сигары, - проговорил он, обращаясь к связному и доставая коробку с сигарами.

Виллюмайт улыбнулся, принял сигару и сказал:

– Я возьму ее, господин полковник, и с вашего разрешения поменяю на что-нибудь. Я не курю.

Все вокруг засмеялись.

Карта была ценной находкой. На ней было нанесено полностью положение советской 48-й армии по реке Веренда, до сих пор немцам неизвестной. На карте значились все опорные пункты, ложные позиции, оружейные окопы и огневые пулеметные точки.

В значительной мере благодаря найденной карте на следующий день немцам смелым броском удалось прорвать оборону противника. Это был жест судьбы, или, если кому-то больше нравится, слепая удача, которая приложила руку к течению сражения. Именно это имел в виду Фридрих Великий, король Пруссии, когда говорил: "Генералу мало храбрости и таланта, ему нужна также и la fortune".

Генерал Шпонгеймер не мог пожаловаться на недостаток la fortune под Новгородом. В дополнение к трофейной карте Фортуна, вновь улыбнувшаяся 45-му пехотному полку, послала командиру дивизии бесценного пленника. Его нашли в колонне советских грузовиков мотоциклисты из разведывательной части. Это был офицер-сапер из штаба советской 128-й стрелковой дивизии родившийся в Карелии финн, не питавший теплых чувств к большевикам.

– Nix Bolschewik!, - то и дело повторял он немецкому лейтенанту. Вскоре появился переводчик, и потоком потекли удивительные подробности. - Я знаю все фортификации, - сказал карел и, хитро улыбаясь, добавил: - Бумаги спрятаны в лесу.

– Хочешь поводить нас за нос? - спросил лейтенант.

Карел поднял три пальца:

– Матерью клянусь!

Лейтенант пригрозил ему пистолетом:

– Только не вздумай мне играть в игры! Если там засада или что-нибудь вроде того, тогда лучше сразу начинай молиться.

Переводчик перевел. Карел кивнул.

– Хорошо. Пойдем, - рискнул лейтенант. Он лично повел взвод в ближайший лес, все время держа в поле зрения карела. Последний водил их недолго. В густых зарослях кустарника, под валуном лежал брезентовый мешок. В нем оказались планы укреплений Новгорода, а заодно и минных полей вокруг него.

Лейтенант взял пакет и вместе с карелом доставил прямо в разведотдел дивизии. Начальник отдела помчался с документами прямо к начальнику оперативного отдела, майору фон дер Шеваллери. Тот чуть от радости с ума не сошел. На картах изображались все укрепления на подходе к Новгороду, включая оборонительные сооружения самого города и небольшого островка на Волхове, расположенного между двумя основными частями города.

Имея на руках план, было нетрудно прорвать русские позиции в самых уязвимых местах и выйти к окраине города без особых потерь.

Утром 15 августа солдаты 3-го пехотного полка увидели перед собой лежавший в лучах восходящего солнца Новгород Великий. Новгород - одно из древнейших поселений в России, основанное еще Рюриком Завоевателем¹, который жил там с дружиной в девятом веке, город, управлявшийся в средние века в соответствии с Любекскими законами, город, население которого несколько раз полностью выкашивали чума и холера, а здания съедали пожары, но который вновь поднимался из пепла. Новгород назывался еще "Золотым" из-за своей важности и богатства, полученных от торговли мехами и солью с ганзейскими городами Германии. Богатство сослужило Новгороду и весьма скверную службу - дважды в течение ста лет он подвергался разграблению, сначала войсками Ивана III, а потом Ивана Грозного, жителей частью вырезали, частью выводили в другие города. Сорок семь прекрасных церквей с замечательными фресками высились вокруг Новгородского кремля; кто владел Новгородом, тот контролировал и мосты через Волхов. Гордый город, никогда вплоть до 1941 г. на протяжении своей более чем тысячелетней истории не видевший на своих улицах завоевателей, если не считать непродолжительного периода шведской оккупации в начале Северной войны в семнадцатом столетии². Но вот теперь золотой, великий город России стоял на пороге своего унижения.

15 августа 1941 г. 21-я пехотная дивизия из Восточной Пруссии перехватила сообщение из Москвы советской 48-й армии. Приказ гласил: "Защищать Новгород до последнего человека". Случай распорядился так, что до последнего человека Новгород от атак 21-й пехотной дивизии обороняла советская 21-я танковая дивизия.

В 17.30 15 августа 8-й воздушный корпус начал массированный авианалет на укрепления русских, продолжавшийся двадцать минут. Новгород пылал. Три пехотных полка 21-й пехотной дивизии построились для штурма. С кромки древнего рва заговорили пулеметы, загрохотали орудия, захлопали минометы.

Держаться до последнего человека! "До последнего человека!" поторяли комиссары. С пистолетами наголо они оставались на своих позициях до тех пор, пока смерть не освобождала их от их долга.

С первыми проблесками рассвета 16 августа немецкие штурмовые роты находились в горящем городе. В 07.00 1-й батальон 424-го пехотного полка 126-й пехотной дивизии - в ходе этого боя приданного 21-й пехотной дивизии - водрузил знамя со свастикой на башне Новгородского кремля.

Однако праздновать победу было некогда. Чудово и Октябрьская железная дорога оставались по-прежнему главной целью.

- Вперед, вперед, скорее! - подгонял своих людей майор фон Глазов, командир разведывательного батальона, теперь возглавлявший наскоро сформированный авангард 21-й пехотной дивизии. Военнослужащие из велосипедных рот 24-го и 45-го полков изо всех сил нажимали на педали. Шли на рыси кавалерийские эскадроны, за которыми следовали механизированный истребительно-противотанковый взвод и механизированные батареи тяжелых орудий 2-го дивизиона 37-го артиллерийского полка. Танки отсутствовали, было только несколько штурмовых орудий 666-й штурмовой батареи. Основной груз боя лег на расчеты 37-го артиллерийского полка, а также на 9-й минометный батальон и 272-й армейский зенитно-артиллерийский дивизион - все они вместе были сведены в 123-е артиллерийское командование.

Роты 45-го пехотного полка вели штурм города. Ближе к полудню 20 августа унтер-офицер Феге со своим взводом ворвался на мост, пролежавший через Кереть в направлении Чудова с

юго-востока, и захватил его. Лейтенант Кале занял железнодорожный мост через Кереть так стремительно, что советский сторожевой пост у моста не успел повернуть рукоятку и активировать взрыватели.

Тем временем 24-й полк овладел мостом, по которому пролегла Октябрьская железная дорога. Мост достался немцам целым. Но это было еще не все. Тот день представлял собой бесконечную цепь счастливых событий. Подполковник Матуссик со своим 2-м батальоном 45-го пехотного полка, действуя разумно и с большим присутствием духа, обеспечил наступающим шанс продвижения на восток. Через Волхов шел большой железнодорожный мост дорога на Москву.

Матуссик в трофейном грузовике поехал прямо к мосту. Охраны нигде не наблюдалось. На ту сторону! Батальон быстро перебрался на другой берег реки, которой вскоре предстояло стать судьбоносной для группы армий "Север". Карл фон Клаузевиц, великий наставник прусского генштаба, никогда не уставал втолковывать своим ученикам, что от хорошо проработанного стратегического плана следует отступать только при самых исключительных обстоятельствах. Однако если такой отход становится неизбежным, то все надлежит проделать без колебаний, решительно и в полном объеме.

В Луге, где неодолимый советский оборонительный рубеж блокировал жизненно важную дорогу из Даугавпилса в Ленинград еще с середины июля, германское Верховное командование отказывалось следовать Клаузевицу ни в первом, ни в последнем случае.

Оригинальный план Верховного командования предусматривал ведение наступления на Ленинград по обеим сторонам этого шоссе, которое, являясь единственной мощной магистралью в данном районе, затем должно было служить в качестве артерии снабжения. Но теперь, однако, генерал-полковник Гёпнер, как уже говорилось, передислоцировал корпус Рейнгардта. А позднее пришлось развернуть основные силы 56-го танкового корпуса фон Манштейна на восток к Старой Руссе. С тех пор бои за город Лугу велись только 28-м армейским корпусом силами полицейской дивизии СС и 269-й пехотной дивизии. Фронтальное наступление этих дивизий на мощно укрепленный Лужский плацдарм, обороняемый пятью советскими дивизиями, не приносило никакого успеха, несмотря на ожесточенные бои и тяжелые потери. Сражения в лесах и в заболоченной дельте реки дорого обходились немцам. Полицейская дивизия СС одна потеряла убитыми и ранеными 2000 человек. Хотя со стратегической точки зрения укрепления на Луге потеряли ценность после падения Новгорода и Чудова, русские тем не менее цеплялись за них.

С другой стороны, германское командование отчаянно нуждалось в автомагистрали, главным образом для того, чтобы улучшить ситуацию со снабжением на северном участке. Поэтому 16-я армия решила попытаться овладеть сильно укрепленным городом Лугой за счет обходного маневра. Задача была поставлена перед 28-м корпусом генерала Викторина. 13 августа корпус развернул атаку через реку Луга восточнее города силами 122-й пехотной дивизии, которая к тому моменту вышла на позиции.

В отчете об атаке дивизии содержится упоминание о следующем инциденте. Рядовой Лотар Маллах из 1-й роты 410-го пехотного полка пересекал опушку леса с солдатами 1-го взвода, когда часть угодила под огонь протвника. Русские прятались в хорошо замаскированных окопчиках и стреляли только после того, как немцы проходили мимо них. Окопы противника можно было увидеть практически только с очень близкого расстояния - метр или чуть больше. Немецкие пехотинцы шли в бой с отвратительным ощущением, что им вот-вот выстрелят в спину.

– Берегись! - закричал унтер-офицер Павенденат. Он бросился за дерево и открыл огонь из трофейного советского автомата. Всего менее чем в трех метрах от него из своего окопчика

стрелял русский.

Унтер-офицер Тёдт, возглавлявший 1-ю роту потому, что ее командир, обер-лейтенант Крамер, принял батальон, засел за поленницей, откуда наводил огонь своих пулеметчиков на русские окопы. На правом дальнем крае опушки время от времени вспыхивали огоньки выстрелов русской автоматической винтовки.

– Где этот ублюдок? - проворчал Тёдт. Он просто кипел от ярости. Позади обер-ефрейтор Шмидт держал на руках ефрейтора Брауна, пулеметчика из 2-го отделения, стараясь хоть чуть-чуть облегчить его страдания. Ефрейтор корчился в муках: русский снайпер, засевший где-то на правом конце опушки, прострелил ему бедро и живот.

В том же месте вновь блеснула вспышка. Затем еще три. Но на сей раз сидевший за пулеметом ефрейтор Ганс Мюллер, второй номер расчета, внимательно следил за происходящим. Он открыл огонь. В том месте, откуда бил снайпер, полетели в разные стороны клочки мха, обломки веток и, наконец, русская каска. Больше оттуда никто по немцам не стрелял.

Унтер-офицер Тёдт отдал приказ о сборе роты. Перед тем как двигаться дальше, люди сделали короткую паузу. Ефрейтор Браун, пулеметчик 2-го отделения, умер на руках Шмидта. Они завернули его в брезент. Трое подняли ношу. Пора идти. Погибшего они похоронят вечером.

Сгибаясь под тяжестью груза - боеприпасы тоже приходилось нести на себе, - они пошли дальше. Под прикрытием батареи тяжелых гаубиц пехотинцы проложили себе путь на развалины старого ликероводочного завода.

– Внимание! Русские танки! - закричал кто-то. - Противотанковую пушку - вперед!

Орудийная прислуга быстро выкатила 37-мм пушку вперед и установила на огневой позиции. А танки противника уже подходили к ним. Легкие боевые бронированные гусеничные машины, танки поддержки пехоты - Т-26 и Т-281. Один из них открыл огонь по противотанковой пушке. Расчет бросился в укрытие. Рота рассыпалась. Первые танки прогрохотали мимо.

В тот момент лейтенант Кнаак, адъютант батальона, бросился вперед, продираясь через кустарник. Он схватился за лафет противотанковой пушки и развернул ее. Прицелился! Выстрелил! После третьего выстрела Т-26 запылал.

Сделанное лейтенантом послужило сигналом для остальных. Солдаты покинули укрытия, вышли из-за стволов деревьев и принялись метать подрывные заряды в советские танки. Пулеметчики обеспечивали прикрытия. Вот хода лишился второй Т-26. На него! Открыть люк башни и туда - гранату. Бах! Пылает третий танк. Еще три поворачивают обратно. С ними откатываются и русские пехотинцы.

Держа пулемет наперевес и стреляя из него, обер-ефрейтор Шмидт и унтер-офицер Павенденат побежали через дорогу за отступавшими русскими. Вот так роты 410-го, 411-го и 409-го пехотного полков форсировали Лугу.

Села Чепино и Волок, знаменитая железная дорога, разбитый ликероводочный завод, заболоченные леса и рощицы и деревянный охотничий домик царей, превращенный в пепелище в ходе орудийного обстрела - тут приходилось вести тяжелые бои генералу Махольцу и его 122-й пехотной дивизии.

На протяжении следующих семи дней батальоны прокладывали себе с боями путь к последнему естественному препятствию, отделявшему их от цели, - к реке Оредеж, достигавшей в некоторых местах 500 метров в ширину между ее заболоченными берегами. Форсировав реку, немцы смогут выйти на большое Ленинградское шоссе далеко позади Луги, перерезать автомагистраль и овладеть Лужским оборонительным районом с севера. Так выглядел план.

Первым эшелоном атаки предстояло идти 1-му батальону 409-го пехотного полка. Замысел

состоял в том, чтобы перейти через реку незаметно, неожиданным маневром занять село Паниково и смять русские оборонительные позиции, прикрывавшие шоссе.

В саду у рыбацкой избы комбат капитан Ройтер и командиры рот обсуждали план операции. Местность благоприятствовала. Занимаемый немцами правый берег был выше, чем северный, на котором находились русские. В результате немцам предоставлялся широкий обзор через реку: недавно вырытые противотанковые рвы тянулись от одного леса до другого перед селом, но что происходило в зарослях, никто не знал.

Немецкий берег спускался к реке довольно круто. Но избы, сады и огороды, сараи и прочие строения позволяли подобраться к реке незаметно.

На противоположной стороне никакого движения не отмечалось. Был полдень очень жаркого дня. Горячий воздух казался осязаемым. Незадолго до 14.00 саперы со своими штурмовыми лодками достигли исходной позиции у реки. Ни выстрела. Последний взгляд на часы. Еще одна минута.

В 14.00 ровно прозвучал свисток. Первые группы вскочили на ноги и отправились навстречу судьбе. Вместе с саперами пехотинцы спускали на воду лодки. От рывка заводились моторы. Стрелами мчались штурмовые лодки через реку.

Пулеметчики 1-й и 2-й рот 409-го пехотного полка напряженно ждали на берегу, держа пальцы на спусковых крючках. Как только с противоположной стороны раздастся первый выстрел по форсирующим реку колоннам, пулеметчики нажмут на спуск и сделают все, чтобы заставить противника прекратить огонь. Но никто не стрелял.

Прошло десять секунд. Лодки с первыми четырьмя группами быстро двигались через реку. Тридцать секунд. Следующие группы вскочили в лодки и отчалили от берега. Саперы штурмовых частей стояли по пояс голые, держа рукояти рулей навесных моторов. Остальные лежали на дне лодок, так что над планширами выглядывали только каски. Прошло пятьдесят секунд. Первой лодке оставалось покрыть всего 30 метров.

На участке переправы 1-й роты прозвучал первый выстрел. Все затаили дыхание: ну, сейчас начнется, берег противника изрыгнет огневую лаву и от лодок только клочья полетят. Но ничего не произошло. Одиночные выстрелы нескольких карабинов - немедленные ответные очереди немецких пулеметчиков. Потом вновь наступила тишина. Русские дозоры растворились. Но они, нет сомнения, поднимут тревогу.

Как ни странно, но и в следующие полчаса ничего не происходило. Батальон форсировал реку. Быстро сформировали дозоры. Они прошли лес насквозь и быстро возвратились.

– Противник не обнаружен.

Где русские? Спят, что ли? Вперед!

В 15.50 батальон начал продвижение через лес под Паниковым.

Противник sporadически вел беспокоящий огонь из легких орудий. Интервалы между выстрелами и взрывами были очень короткими. Офицеры наострили уши. Возможно, где-то близко танки. Они могли лишь надеяться на лучшее. Танки действительно находились поблизости.

Где-то в 80 метрах перед ротой, на левом фланге, среди молодых лесопосадок елей внезапно зазвучали моторы. Кусты раздвинулись. Ломая гусеницами молодые еловые стволы, появились три, четыре, пять, шесть русских легких Т-26 и, постоянно стреляя, ударили во фланг немецким частям. Самое худшее, с чем только может столкнуться пехота. Вот почему русские ждали в тишине. Они приготовили ловушку - смертельную ловушку для всего батальона.

Солдаты 2-й роты бросились в укрытия. Следом за бронетехникой из леса с криками "Ура!" высыпала русская пехота. Там и тут зазвучали разрывы ручных гранат. Небо со всех сторон прорезали трассеры.

Маневрируя среди деревьев, танки стремились стереть с лица земли немецких пехотинцев, прятавшихся за стволами и в густом подлеске. Все это напоминало охоту. Стоило появиться танку, как немецкие солдаты с проклятиями ныряли в кусты или заскакивали за стволы деревьев.

Причины для раздражения у них имелись - в батальоне не было ни одной противотанковой пушки. Они решили избежать сложностей, с которыми связано перетаскивание пушек через лес. Теперь настал черед заплатить за это. Т-26 могли беспрепятственно делать все, что им заблагорассудится.

Ко всем несчастьям, обе батальонные рации и рация артиллерийского наблюдателя вышли из строя. Капитану Ройтеру не оставалось ничего иного, как приказать:

– Занять оборону и держаться!

Под прикрытием бронетехники атаковала русская пехота. Началась рукопашная. Но, к счастью, русских оказалось немного, и немцам удалось сдержать их натиск. Только танки катались туда-сюда по полю боя.

Если бы с советской стороны нашелся талантливый командир и быстро поддержал эти полдюжины танков крупной стрелковой частью, судьба 1-го батальона капитана Ройтера была бы решена. Но русский командир не видел своего шанса. И связной из штаба 3-й роты лейтенанта Найтцеля сумел каким-то образом добраться до частей батальона, переходившего реку восточнее, и доложить о том, что происходило в лесу.

Так, ближе к 19.00, когда немецкое сопротивление уже начало ослабевать, в лесу послышался характерный звук металла. Потом еще и еще. Один советский танк вспыхнул, пораженный в борт. Еще одно попадание. Старые солдаты поднимали головы из укрытий.

– Слышите? Семидесятипятки! Немецкие танки!

И вот уже серые чудовища прокладывали себе путь через кустарник штурмовые орудия. Русские танки исчезли. Словно бы желая взять реванш за чуть не понесенное поражение, остатки роты, быстро собравшись, поспешили за штурмовыми орудиями прочь из леса к позициям противника, которые находились прямо перед ними.

Следующим полднем Паниково пало. Дорога в тыл советским войскам на рубеже вокруг Луги лежала открытой. Полицейская дивизия СС и 269-я пехотная дивизия, проложившие себе путь к Луге в ходе фронтальной атаки, вновь вступили в боевые действия. Они наступали справа и слева от города, производя его охват.

Усиленный 2-й стрелковый полк полицейской дивизии СС, подтянувшийся на Лужский плацдарм позади 122-й пехотной дивизии, смог выйти к городу с севера и пробиться к окраине Луги.

На правом фланге наступление 96-й пехотной дивизии протекало аналогичным образом - без помех. 11 августа солдаты из Нижней Саксонии прошли участок Мшаги, повернули на север и прорвали советские позиции на левом фланге. Продвигаясь дальше, передовая часть форсировала реку Оредеж у Печковы и таким образом перерезала еще одну артерию снабжения советских войск у Луги. Солдаты 96-й пехотной дивизии взяли под Лугой раненого начальника штаба советской армии в плен.

Для пяти дивизий советского 41-го корпуса сложилась критическая ситуация. В тылу у них батальоны 9 и 122-й пехотных дивизий рвались к единственной ведущей через болота дороге. Слева и справа для корпуса возникла угроза флангового обхода. Поэтому русский командир отдал своим войскам единственный правильный в таком положении приказ - с боями прорываться к Ленинграду малыми частями.

Однако он опоздал. Немцы загнали отступавшие советские части в болота к востоку от шоссе и впоследствии уничтожили их в так называемом Лужском котле действуя совместно

силами 8-й танковой и 96-й пехотной дивизий. Победителям достались 21 000 военнопленных, 316 танков и 600 орудий. Но более важным было то, что единственная ведущая к Ленинграду дорога с твердым покрытием находилась в полном распоряжении пехотинцев 50 и 28-го корпусов, которые могли наступать по ней и беспрепятственно получать предметы снабжения.

– Третьего сентября шоссе принадлежало немцам к большому облегчению всех боевых и тыловых штабов группы армий, - вспоминает генерал Шаль де Больё, начальник штаба танковой группы Гёпнера. Понять, почему они вздохнули с облегчением, нетрудно. Наконец-то в руках немцев оказался жизненно важный путь для последнего наступления на Ленинград.

Но что же происходило тем временем в полосе действий 41-го танкового корпуса Рейнгардта? Где находились передовые позиции 4-й танковой группы, изготовившейся к финальному удару на Ленинград с запада, где на ее пути к одной из главнейших целей кампании не ждали сколь-либо заметные силы противника? В этом вопросе содержится подлинная трагедия битвы за Ленинград - трагедии ошибок, повлекших за собой фатальные последствия для всего хода войны.

После того как в середине августа из-за кризиса в районе Старой Руссы 56-й танковый корпус генерала фон Манштейна вывели из состава 4-й танковой группы, генерал-полковнику Гёпнеру вновь пришлось тормозить успешно развивавшееся наступление на Ленинград. Фланги растягивались. Особенно в прикрытии от нападения вражеских дивизий, потоком откатывавшихся из Эстонии через Нарву и Кингисепп, нуждался северный фланг 4-й танковой группы. На первых порах 1-я пехотная дивизия из Восточной Пруссии задействовалась для обеспечения безопасности на большом открытом участке левого фланга группы, тогда как 58-я пехотная дивизия, следовавшая позади нее, развернулась к северу и наступала вдоль железнодорожной линии Кингисепп-Нарва. Но прошло немного времени, прежде чем генералу Рейнгардту пришлось использовать для прикрытия флангов едва ли не все свои моторизованные части и подразделения.

Усиленная 6-я стрелковая бригада генерала Рауса, а впоследствии 36-я моторизованная дивизия генерал-лейтенанта Оттенбахера прикрывали наступление слева. 8-я танковая дивизия, действовавшая на другом фланге корпуса, постепенно разворачивалась на юго-восток и в итоге повернула прямо на юг для последней атаки на Лугу. Таким образом, для штурма Ленинграда с запада оставались только усиленная 1-я танковая дивизия и боевая группа Колля (усиленный 11-й танковый полк 6-й танковой дивизии). Пытаться овладеть городом с многомиллионным населением столь незначительными силами было бы чистой воды авантюрой, особенно учитывая, что ударные войска 1-й танковой дивизии 16 августа располагали, если не считать двух недоукомплектованных батальонов пехоты на бронетранспортерах, 18 единицами Т-III, 20 единицами Т-III и шестью Т-IV. В таких условиях никакой боевой дух - на каком бы высоком уровне он ни находился - не мог поправить положения. Как не могли изменить ситуации эскадрильи ближнего действия из состава 8-го воздушного корпуса. Конечно, генерал-полковник Гёпнер воспользовался тем фактом, что между ним и городом не осталось сколь-либо значительных войск противника, и осторожно продвигался к нему километров по десять в день. Так 21 августа авангарды 4-й танковой группы вышли в районы к северо-западу и юго-западу от Красногвардейска - в 40 километрах от Ленинграда.

В сложившейся обстановке для групп армий "Север" существовало только одно решение - решение, принятия которого Гёпнер добивался от генерал-фельдмаршала риттера фон Лееба с 15 августа: нужно наконец перебросить 18-ю армию генерал-полковника Кюхлера из Эстонии на Лужский фронт, чтобы, по меньшей мере, обеспечить за счет нее прикрытия северного фланга танковой группы, высвободив таким образом ее подвижные соединения для решающего удара по Ленинграду.

Командующий группой армий "Север" не мог долго оставаться глухим к разумной просьбе. Но вместо того, чтобы поставить 18-й армии четкую и недвусмысленную задачу, генерал-фельдмаршал риттер фон Лееб 17 августа дал ей двойное задание. Армии предстояло уничтожить на балтийском побережье советскую 8-ю армию, затем отойти из Эстонии через Нарву - иными словами, ликвидировать угрозу танковым дивизиям Рейнгардта у Красногвардейска. В то же самое время Кюхлеру предписывалось захватить береговые укрепления вдоль южного побережья Финского залива, где продолжали окапываться советские войска. Приказ совершенно определенно влек за собой катастрофические последствия. Хотя в результате 18-я армия получила шанс записать себе в актив блестящую победу, победа эта - с точки зрения выполнения основополагающей задачи совершенно не нужная - стоила потери большого количества очень ценного времени. Русские укрепленные районы с обеих сторон от Нарвы можно было бы блокировать и уморить голодом. Совершенно незачем тратить время и боевые части на сражение с крупными силами противника на второстепенном участке фронта в тот момент, когда ударные силы группы армий на подступах к Ленинграду отчаянно нуждались в каждом батальоне, который только могли получить.

18-й армии понадобилось полных одиннадцать дней на то, чтобы добраться от Нарвы до Ополья - пройти расстояние в 40 километров по прямой. Во время проработки сражения за Ленинград, начальник штаба 4-й танковой группы справедливо заметил: "И это в то время, когда перед Ленинградом нам требовались все силы, каждый солдат!"

Если бы части и соединения 18-й армии прибыли для поддержки 4-й танковой группы вовремя и в полном объеме, у генерал-полковника Гёпнера появился бы шанс овладеть Ленинградом, нанеся стремительный удар подвижными силами, уже во второй половине августа. Гёпнер, старый кавалерист и один из самых опытных танковых командиров в Вермахте, задумывал одну из таких операций, которые приносили огромный успех его 16-му танковому корпусу в Польше и во Франции, равно как позволили в России быстро продвинуться по трудной местности к самым воротам Ленинграда. Но почему же был упущен такой шанс?

Генерал Шаль де Больё считает - и автор настоящей работы с ним согласен, - что генерал-фельдмаршал риттер фон Лееб заботился о том, чтобы дать пехотным дивизиям своего близкого друга, командующего 18-й армией, возможность заметного участия во взятии Ленинграда. Психологически такой шаг понятен, однако он имел самые плачевные последствия. Каждый день проволоочки, который выпадал Сталину на севере, использовался им для усиления обороны Ленинграда за счет резервов, которые в спешном порядке наскребались в огромном тылу, и для перегруппировки в районе Ораниенбаума войск, отступивших из Прибалтики за реку Лугу; таким образом, создавалась угроза северному флангу немцев. Каждый день простоя ударных частей немцев к северо-западу от Красногвардейска делал Сталина на подступах к Ленинграду сильнее. Продолжение упорного сопротивления в Луге связывало немецкие танковые соединения, с каждым днем сводя на нет преимущество, достигнутое Гёпнером вследствие стремительного перехода Даугавы, прорыва линии Сталина и дальнейшего броска с плацдармов на реку Луга. Шансы на овладение стремительным ударом вторым по величине городом Советского Союза, а с моральной точки зрения наиболее важным советским городом, величайшей северной столицей России, таяли.

Наконец в начале сентября пришло решение о финальном штурме "города белых ночей" на Неве - наступил момент, которого дивизии Гёпнера и передовые полки пехотного корпуса 18-й армии так долго ждали! Взятие Ленинграда являлось важнейшей задачей кампании на севере. Это была задача, понятная каждому солдату, - задача, подогревавшая боевой дух армии.

Сигнал к началу штурма был подан 8 и 9 сентября 1941 г. Главная ответственность возлагалась на 41-й танковый корпус генерала Рейнгардта.

Разведчики - особенно авиация - тщательно разведали местность. Не оставалось сомнений в том, что Жданов, комиссар обороны Ленинграда, действовавший как кронпринц Сталина, деливший с маршалом Ворошиловым высшую военную власть на Ленинградском фронте, в полной мере воспользовался постоянными проволочками с началом немецкой атаки.

В середине августа, после блестящих побед и молниеносного продвижения немецких частей, моральный дух советских войск и жителей города находился на очень низком уровне. Никто не верил в возможность отстоять Ленинград. По всей видимости, даже Жданов обдумывал идею оставления города. Отсрочка с наступлением у немцев дала передышку, предоставила время, необходимое пропагандистской машине для укрепления морального духа и на организацию противодействия.

Генерал Захаров получил назначение комендантом города, для защиты центра которого он собрал пять бригад численностью 10 000 человек каждая. Из числа 300 000 рабочих Ленинграда было сформировано двадцать дивизий Красного ополчения. Такие бойцы продолжали работать на заводах, но в то же время являлись солдатами - рабочими в военной форме, готовыми по первому приказу вступить в бой с врагом. Круглые сутки солдаты, ополченцы и гражданское население, включая женщин и детей, возводили вокруг города рубежи обороны. Они состояли из двух колец укреплений - внешнего и внутреннего. Внешняя линия - полукруг длиной примерно 40 километров - шла от центра города, из Петергофа через Красногвардейск к реке Неве. Внутренняя, или вторая, линия представляла собой полукруг фортификационных сооружений значительной глубины, пролегла в 25 километрах от центра, ключевой точкой ее являлись Дудергофские высоты. Краеугольными камнями в ней были промышленный пригород Колпино и старинное Царское Село.

Воздушная разведка доносила об огромных по размаху фортификационных сооружениях и проложенных за ними громадных противотанковых рвах. Систему траншей и окопов дополняли доты с установленными в них орудиями и пулеметами. Пройти здесь имели возможность только штурмовые части пехоты. Бронетехника могла рассчитывать лишь на проделанные в обороне бреши, чтобы, следуя за первой волной атакующих, поддерживать их огнем своих пушек.

Нанесение главного удара танковой группы Гёпнера по центру оборонительных рубежей Ленинграда в районе Дудергофских высот возлагалось на 41-й танковый корпус Рейнгардта. На главном направлении действовала 36-я моторизованная дивизия. За ней стояла наготове для поддержки первой волны атаки 1-я танковая дивизия. Справа располагались также готовые к штурму полки 6-й танковой дивизии. По шоссе из Луги старым "лужским" дивизиям полицейской дивизии СС и 269-й пехотной дивизии в составе 50-го армейского корпуса - предстояло наступать на Красногвардейск. На левом фланге разворачивались пехотные дивизии из Восточной Пруссии - 1, 58 и 291-я, представлявшие собой передовые части 18-й армии. На правом фланге, на реке Ижора, ждали приказа находившиеся в подчинении командования 28-го армейского корпуса 121-я, 96-я и 122-я пехотные дивизии, составлявшие ударные силы 16-й армии. На самом дальнем восточном участке, вдоль южной оконечности Ладожского озера, усиленная 20-я моторизованная дивизия вместе с боевыми группами Гарри Гоппе и графа Шверина, входившие в 39-й танковый корпус, имели задачу очистить плацдармы у Анненского и Лобанова. Конечной целью их служил захват Шлиссельбурга. Именно на Дудергофских высотах во время маневров за пределами Санкт-Петербурга русские цари, бывало, устраивали смотры войскам. И гвардия и цари остались в прошлом, но опыт проведения здесь учений жил и в Красной Армии; каждую рытвинку, каждую рощицу или лесок, каждый ручей или речушку, каждую тропинку извели здесь советские солдаты. Артиллеристы знали точное расстояние до всех основных точек на местности. В пехотных блиндажах, дзотах, бетонных дотах и противотанковых рвах вокруг Дудергофских высот Жданов, красный князь Ленинграда,

разместил гвардейцев - штурмовые формирования, состоявшие из молодых фанатиков-коммунистов, - и лучшие части рабочего ополчения Ленинграда.

Шаг за шагом 118-му пехотному полку 36-й моторизованной пехотной дивизии приходилось прокладывать себе путь вперед. Вся корпусная артиллерия, равно как и 73-й артиллерийский полк 1-й танковой дивизии утюжили советские позиции, но русские укрепления были сработаны на славу и столь же тщательно замаскированы.

"Нам нужны "Штуки", - радировал командир 1-го батальона дивизии, прижатого к земле противником. Генерал-лейтенант Оттенбахер отзвонил в 41-й танковый корпус. Из 4-й танковой группы в командование 1-го воздушного флота с офицером связи отправился срочный запрос. Через полчаса эскадрилья Ju-87 из состава 8-го авиакорпуса Рихтгофена, ревя двигателями, появилась над участком наступления 118-го пехотного полка. Бомбардировщики спикировали почти вертикально и с душераздирающим воем принялись сбрасывать бомбы на советские доты, пулеметные точки и позиции пехотной артиллерии. Взметнулись в небо языки пламени. Повалил дым, поднялись клубы пыли, создавая плотную завесу вокруг уцелевших укреплений.

Наступил момент для атаки.

– Вперед! - закричали комвзводов.

Гренадеры вскочили и бросились в атаку. Загрохотали пулеметы. Пошли в дело ручные гранаты. Огнеметы саперов изрыгнули длинные языки горючей жидкости. Немцы брали укрепление за укреплением. Захватывали окоп за окопом. Солдаты спрыгивали в траншеи. Пулеметная очередь вправо, пулеметная очередь влево.

– Руки в верх!

Как правило, однако, русские рук не поднимали, а продолжали драться до последнего. Вот так 118-й пехотный полк прорвал первую линию обороны Ленинграда и взял Аропакоси. Сражение прекратилось только с наступлением темноты.

Утром 10 сентября пехотинцы и саперы штурмовых батальонов вышли к Дудергофским высотам - главному бастиону последнего рубежа обороны Ленинграда. Высоты служили ключом ко второму кольцу укреплений города. Мощные бетонные доты с тяжелым вооружением, эскарповые галереи с морскими орудиями, пулеметные точки взаимной поддержки и глубокоэшелонированная система окопов с подземными ходами сообщений прикрывали подступы ко всем господствующим высотам - высоте 143 и к востоку от нее "Лысой горе", помеченной на карте как высота 167.

Продвигаться удавалось только метр за метром. Опасное положение стало складываться для 6-й танковой дивизии, атаковавшей справа от 36-й дивизии. Поблизости от 6-й танковой дивизии полицейская дивизия СС не могла прорваться через очень мощные укрепления. Но 6-я танковая дивизия под командованием генерал-майора Ландграфа продвигалась. Русские, разобравшись в обстановке, ударили 6-й во фланг. Не прошло и нескольких часов, как дивизия потеряла четырех командиров. В ближнем бою вестфальцы и рейнландцы отчаянно дрались за обладание завоеванными позициями.

В сложившейся ситуации представились удачные возможности 1-й танковой дивизии. Генерал Рейнгардт повернул 6-ю танковую дивизию на восток, против атаковавших с фланга советских войск и двинул 1-ю танковую дивизию в образовавшуюся в результате справа от 36-й моторизованной пехотной дивизии брешь.

Генерал-лейтенант Оттенбахер со своим штабом находился в тот момент совсем близко за штабом 118-го пехотного полка, штурмовые батальоны которого были прижаты к земле сильным огнем противника. Оттенбахер вновь собрал всю дивизионную артиллерию и батареи 73-го артиллерийского полка для внезапного и интенсивного обстрела северного гребня Дудергофских высот.

В 20.45 прогремел последний артиллерийский выстрел. Командиры рот выскочили из окопчиков. Взводные и командиры отделений скомандовали людям: "За мной!" Они бежали прямо в затянутую черным дымом преисподнюю, откуда все еще доносился ружейный и пулеметный огонь. Тяжело дыша, гранадеры падали на землю, чтобы перевести дух, нажимали на курки и вскакивали, чтобы скоро вновь растянуться на земле. Один пулеметчик упал и больше не поднимался.

– Франц, - позвал его первый номер расчета, - Франц! - Ответа не было. Два шага, и он на земле рядом с затихшим товарищем. - Франц!

Но второй пулеметчик 4-й роты 118-го пехотного полка уже не слышал ни слов помощника, ни шума битвы. Пальцы его все еще цеплялись за ручки коробок с лентами боеприпасов. Футляр с запасными стволами слетел, когда солдат упал.

Через двадцать минут солдаты 1-го взвода из состава 4-й роты спрыгивали в окопы, протянувшиеся вдоль северного края Дудергофских высот. Брешь немедленно расширили и углубили. Захват высоты 143 ленинградской обороны стал наградой немцам.

Вставала заря 11 сентября - ясного дня ранней осени. Дню этому предстояло стать великим для 1-й танковой дивизии. Полковник Вестхофен, командир 1-го стрелкового полка, выдавший виды лидер боевых групп, повел своих солдат на штурм Лысой горы. Главный удар наносил майор Экингер с его погруженным на пехотные бронетранспортеры 1-м батальоном 113-го стрелкового полка, усиленного 6-й ротой 1-го танкового полка и одним взводом 37-го танкового инженерного батальона, при поддержке 2-го дивизиона 73-го артиллерийского полка.

Майор Экингер пользовался репутацией командира, наделенного хорошим нюхом. Нюх помогал ему не упускать благоприятных возможностей. Он всегда чувствовал верную точку приложения сил, а кроме того, умел принять правильное решение и реагировал молниеносно. Такие качества и помогают военным выигрывать сражения.

На повестке дня стоял план захвата высоты 167. В то время как 1-й стрелковый полк обеспечивал прикрытие фланга на востоке, усиленный 113-й стрелковый полк наступал по дороге на Дудергоф, отбрасывая русских защитников к противотанковому рву второго оборонительного рубежа. Передовая пехотная часть Экингера на своих бронемашинах ударила на отходившего противника справа. Унтер-офицер Фрич со своим танковым саперным взводом ворвался в огромный противотанковый ров, выбил оттуда красноармейцев, прикрывавших переход, не позволил уничтожить его и обеспечил возможность прохода по нему немецких частей. С помощью штурмовых лестниц наступающие компенсировали крутизну скатов рва справа и слева. Подставив доски и бревна, они создали переправу для танков и бронемашин, спешивших следом. Солдаты из рот батальон Экингера ехали на броне танков и бронетранспортеров.

То был потрясающий спектакль. Над головами продолжавших продвижение солдат на созданном батальоном плацдарме завывали пикировщики "Штука" из 8-го воздушного корпуса. Они круто планировали и точно сбрасывали свои сеявшие смерть и разрушение грузы всего в 200 или 300 метров перед головными танками батальона прямо на русские доты, дзоты, блиндажи, танковые ловушки и противотанковые пушки.

Офицеры связи Люфтваффе находились в танках и бронемашинах впереди, а также рядом с командиром батальона бронетранспортеров. Офицер наведения Люфтваффе сидел за башней танка № 611 лейтенанта Штове, осуществляя радиосвязь с бомбардировщиками "Штука". Большой флаг Вермахта на корме танка указывал на то, что машина - "ведущий бомбардировщик". В грохоте боя лейтенант Люфтваффе направлял "Юнкерсы" с помощью ларингофона.

Операция развивалась с безукоризненной точностью. Немцы вторично овладели селом

Дудергоф, куда противник вновь проник после прохода авангарда 36-й моторизованной пехотной дивизии. Экингер повернул свой батальон на юг, затем вновь на восток и перевернутым фронтом атаковал Лысую гору.

Высота, кое-где поросшая низкими деревьями, представляла собой изрыгавшую огонь крепость. Но советские командиры не чувствовали уверенности, ошеломленные неожиданным маневром Экингера, сбитые с толку его действиями и не понимавшие его намерений.

Целая танковая рота и головная рота бронемашин сумели проникнуть в мертвую зону для огня смотревших на запад морских батарей противника без потерь. Пушки справа и слева от дороги заставил замолчать танковый полувзвод лейтенанта Коха из состава 8-й роты 1-го танкового полка. Под прикрытием огня этих танков саперы сумели проложить себе путь прямо к позиции мощных морских орудий. Прогрели взрывы ручных гранат, вырвались длинные языки пламени из огнеметов. В рукопашной немцы одолели оружейную прислугу. В 11.30 личный состав штаба 1-й танковой дивизии нечаянно услышал донесение, отправленное лейтенантом Дариусом, командиром 6-й танковой роты, командиру батальона. Слова командира роты вызвали вздох облегчения у начальника оперативного отдела дивизии подполковника Венка, который следовал за батальоном бронемашин в танке связи генерал-майора Крюгера. Венк улыбнулся, услышав сквозь грохот сражения слова романтически настроенного молодого танкиста. Дариус радовался:

– Вижу Санкт-Петербург и море.

Венк все понял. Дариус находился на высоте 167 - на вершине Лысой горы, и Ленинград лежал у его ног - только руку протянуть. Цитадель на последнем рубеже обороны, на "самых главных" царских горах, пала. 3. Пригороды Ленинграда "Выходите - конечная остановка! - В садах Слуцка - Гарри Гоппе захватывает Шлиссельбург - Приказ ставки фюрера: "Ленинград не брать" Крупнейшая ошибка Гитлера.

С Лысой горы Дариусу открывался поистине уникальный вид - панорама битвы за Ленинград. Через окуляры трофейных советских телескопов было хорошо видно происходящее на улицах города - движение транспорта, людские потоки. Поверхность Невы искрилась на солнце. Из заводских и фабричных труб валил дым - Ленинград продолжал лихорадочно трудиться.

На севере, на самом дальнем левом краю виднелись колонны немцев, наступавшие на Петергоф и Ораниенбаум. Там действовала 291-я пехотная, или "Лосиная", дивизия, под командованием генерал-лейтенанта Герцога, которая, вместе с 1-й пехотной дивизией из Восточной Пруссии, пробилась через укрепленный рубеж у Ропши. 11 сентября одни лишь батальоны 505-го пехотного полка уничтожили 155 бетонных дотов, в некоторых из которых стояли артиллерийские орудия. Затем дивизия развернулась в северном направлении, к Петергофу, чтобы прикрыть левый фланг от действий двенадцати русских дивизий, запертых в Ораниенбаумском котле.

20 сентября 1-я пехотная дивизия вышла к побережью в районе Стрельни.

Теперь немцы могли наслаждаться видами от Лысой горы до Кронштадта, созерцать порт и мощный советский линкор "Марат", обстреливавший сухопутные цели из тяжелых корабельных орудий. Разрывы 305-мм снарядов вздымали фонтаны земли высотой в большой дом; особенно часто они рвались на участке 58-й пехотной дивизии, очертя голову рвавшейся к берегу, чтобы поскорее захлопнуть ленинградскую ловушку в направлении Ораниенбаума.

Полки 58-й пехотной дивизии пробивались через линию укреплений в районе Красного Села. Батальоны 209-го пехотного полка проложили себе путь в населенный пункт и выбили оттуда советские войска. Немцы продолжали наступление, держа направление все время на север - к крышам пригорода Ленинграда, Урицка.

Было 20.00 15 сентября. Обер-лейтенант Зиртс, командир 2-й роты 209-го пехотного полка, лейтенант Лембке и унтер-офицер Папе, продвигаясь во главе острия наступления 1-го батальона, достигли большой прибрежной дороги из Урицка в Петергоф и теперь залегли в придорожной канаве. В нескольких метрах от них пролегали рельсы трамвайного пути, ведущие к Ленинграду. Гражданское население на велосипедах и с ручными тележками уходило из Петергофа. По всей видимости, никто из них не имел понятия о том, как близко находится противник. А затем - и это казалось почти невероятным - пришел трамвай, набитый едущим в город народом.

– Поднялись! - скомандовал Зиртс. Папе и его солдаты вскочили и выбежали на дорогу.

Вагоновожатый зазвонил в звонок: все с дороги - дайте проехать ленинградскому трамваю. Но тут вдруг он понял, что люди в касках с автоматами вовсе не обычные нарушители правил уличного движения. Он нажал на тормоза. Завизжали по рельсам колеса. Пассажиров бросило вперед.

Папе подошел к вагону и, усмехнувшись, проговорил по-немецки:

– Выходите, пожалуйста. Конечная остановка! - Затем он повернулся к Лембке. - Садимся, господин лейтенант? Такой шанс - у нас даже и вагоновожатый есть.

– Задержим вагоновожатого до утра, - отозвался Лембке. - Завтра он может понадобиться.

Солдатами владел понятный оптимизм. От Ленинграда их отделяло всего десять километров. Зиртс, Лембке, Папе и бойцы из 209-го пехотного полка полковника Крайпе находились практически уже в городе. С запада Ленинград был отрезан. Поворачивая стереотрубу на вершине Лысой горы в другую сторону, на восток, наблюдатель мог видеть главную дорогу Чудово-Ленинград и глубокую долину реки Ижора, по которой проходила первая линия обороны Ленинграда. Четырехметровый северный берег русские стесали, сделав его почти отвесным. Тут находился участок наступления 96-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Шеде.

Нужно было форсировать Ижору. Чтобы преодолеть это сильно укрепленное препятствие, генерал-лейтенант Шеде 12 сентября задействовал боевые группы Арнтцена и Гирте из 284-го пехотного полка подполковника фон Хаппуиса. Артиллерия и неутомимые бомбардировщики "Штука" из корпуса Рихтгофена вновь провели подготовку к атаке сухопутных войск, оставив берег в клубах густого дыма. Под прикрытием этой завесы роты Гирте перешли реку, ширина которой составляла 25 метров.

Раздался возглас "Лестницы вперед!", и тут же появилось специальное подразделение со штурмовыми лестницами; сотни их изготовили военнослужащие 196-го инженерно-саперного батальона. словно во время приступа средневековой крепости, атакующие устанавливали у крутого ската лестницы длиной каждая от 5 до 6 метров. Под прикрытием огня пулеметчиков штурмовые подразделения 2-го батальона 284-го пехотного полка вскарабкались на северную сторону. И снова гренадеры майора Арнтцена и приданные им саперы атаковали советские пулеметные точки и окопы на крутом склоне с ручными гранатами, огнеметами и реактивными минометами, которые называли "Штука-цу-Фусс", или "пехотные пикировщики".

Аналогичным образом форсировала реку боевая группа фон Хаппуиса. Вскоре они, однако, оказались вынуждены откатиться назад к советскому противотанковому рву под неожиданным натиском русских танков, поскольку немецкие 37-мм противотанковые пушки оказывались бессильными против изготовленных в Колпине Т-34 и КВ. Только вмешательство бомбардировщиков "Штука" в последнюю минуту спасло положение, и гренадеры избежали печальной участи быть передавленными по одному тяжелыми вражескими танками.

На протяжении всего 13 и 14 сентября продолжались ожесточенные бои с контратакующими советскими танковыми частями. Только с помощью выведенных на позиции

88-мм зениток и тяжелых 100-мм пушек немцам удалось отразить натиск вражеских танков.

16 сентября батальоны 96-й и 121-й пехотных дивизий ворвались в знаменитый парк Слуцка¹. На обширной парковой территории то тут, то там стояли дворцы во французском стиле. Они входили в состав летней резиденции царей, знаменитого Царского Села, переименованного большевиками в Пушкин. Теперь в этом идиллическом месте царствовала феерия войны. Пушкин пал.

Таким образом, 96, 122 и 121-я пехотные дивизии находились на расстоянии 25 километров от Ленинграда. Только важный промышленный пригород Колпино с его огромным танковым заводом да Пулковские высоты, где в 1919 г. захлебнулась атака белых на красный Ленинград², оставались пока в руках русских. Но к Пулкову немцы вышли 17 сентября, а к Колпину - 29-го.

Однако одного из элементов наступления в окуляры телескопа на Дудергофских высотах наблюдать было нельзя - битвы за Шлиссельбург, город на западном берегу Ладожского озера, там, где Нева выходит из него и делает большую дугу в направлении Ленинграда и Балтийского моря. Тот, кому принадлежал Шлиссельбург - не случайно же название это означает "ключ-город", - мог захлопнуть восточную дверь Ленинграда, заблокировать водный путь между Балтикой и Ладожским озером, а также систему каналов, связывавших город с Белым морем и Северным Ледовитым океаном.

Для захвата главного пункта в битве за Ленинград разрабатывалась специальная операция. Человеком, которому выпала честь провести ее, стал полковник Гарри Гоппе, командир 424-го пехотного полка 126-й пехотной дивизии. Все звали его между собой просто Гарри, поскольку полковник неизменно решал любые задачи просто и понятно для окружающих, вследствие чего солдаты верили ему и знали: если с ними Гарри, то успех операции обеспечен. Край, один из связных-мотоциклистов, на практике убедился в этом под Шлиссельбургом. Полковник, стоявший недалеко от рабочего поселка на окраине города с планом в руке, сказал Краю:

– Езжайте по этой дороге прямо в город, затем на первом повороте сверните направо и ждите меня там.

Мотоциклисты умчались в заданном направлении, никто из них не сомневался, что Гарри будет там, где сказал. Южный берег огромного Ладожского озера, где располагался Шлиссельбург, являлся наиболее важным в стратегическом смысле районом. Большевики использовали озеро и шлюзные ворота его каналов для выработки электричества. Широко разветвленная система каналов соединялась с железнодорожной сетью территории, расположенной глубже; и болотистые и лесистые участки обрабатывались и были заселены.

У Шлиссельбурга образовалось несколько крупных рабочих поселков, так просто, без тени фантазии и называвшихся Поселками: Поселок № 1, Поселок № 2, Поселок № 3 и так далее до Поселка № 8.

Именно отсюда, из этого центра важных коммуникаций и энергетического и промышленного производства, контролировались водные артерии, пролегавшие из Ленинграда и Балтики к Волхову, через озеро Онега к Белому морю и Северному Ледовитому океану с Архангельском и Мурманском, равно как и те, что соединяли Ленинград и Москву через посредство Рыбинского водохранилища и канала Москва-Волга. Любой, кто хотел захватить Ленинград, задушить его, уморить голодом его население и заставить покориться, должен был закрыть эти жизненно важные ворота. Ключом к ним служил город Шлиссельбург.

На долю этого уголка Европы выпала богатая история. За двести тридцать пять лет до Гарри Гоппе Петр Великий воевал здесь со шведами за обладание выходом в Балтийское море. Успешно. Впервые русский царь добился для своей страны выхода в наиболее важное для Европы внутреннее море. Стремясь защитить свои завоевания, он и построил крепость Санкт-Петербург, ныне Ленинград. За нее теперь и воевали русские с немцами у Шлиссельбурга.

Находившийся в Новгороде 424-й пехотный полк 126-й пехотной дивизии вместе с 20-й моторизованной дивизией генерал-майора Цорна в начале сентября стали выдвигаться к северу по главной автомагистрали через Чудово к Шлиссельбургу. Это был хороший план. Замысел заключался в том, чтобы дивизии "группы Шмидта" - 28-й армейский и 39-й танковый корпуса под командованием генерала танковых войск Рудольфа Шмидта - зачистили береговые плацдармы Восточной Невы еще до начала генерального наступления на Ленинград, поскольку советские части использовали их для сообщения между предместьями Ленинграда и районом Волхова.

Под прикрытием этой фланговой операции боевые группы полковников графа Шверина и Гарри Гоппе, состоявшие из усиленных 76 и 424-го пехотных полков, должны были выйти на исходные позиции для штурма Шлиссельбурга к 8 сентября 1941 г., дню, на который намечалась широкомасштабное наступление на Ленинград, - боевая группа Гоппе на правом, а графа Шверина на левом фланге.

Они вступили в бой 6 сентября. На первых порах все шло в соответствии с планом. Танки 12-й танковой дивизии поддерживали наступление. Истребительно-противотанковые и зенитные батареи - включая 88-мм орудия обеспечивали прикрытия от вражеской бронетехники. Мотоциклисты и саперы образовывали авангард.

Главный удар наносился на участке группы Гоппе. С воздуха наступление поддерживали пикирующие бомбардировщики из состава 1 и 8-го авиакорпусов. Солдаты атаковали через знаменитую железнодорожную насыпь в районе Мги. Они ворвались в лес по обеим сторонам дороги к Кельколову. Но тут их поджидали русские на хорошо оборудованных и замаскированных пулеметных и противотанковых позициях. Атака увязла. Пехотные и противотанковые орудия, а также минометы не давали желаемого результата.

Полковник Гоппе устроился у насыпи. Бегом прибыл запыхавшийся связной из 3-го батальона.

– Батальон несет тяжелые потери. Трое офицеров убито.

О помощи просили также и во 2-м батальоне.

– Надо найти брешь, - вслух размышлял Гоппе, склонившись над картами. - Оборона русских не может быть одинакова сильна повсюду. Все, что нам нужно, - найти слабое место.

Гоппе полагал, что надо или попробовать отыскать его путем фронтальной атаки, или же, напротив, поискать пути обхода. В Гоппе сочетались удаль командира штурмового подразделения времен Первой мировой войны с педантизмом разумного тактика, привитым в Рейхсвере фон Секта.

Вновь примчался связной. На КП прибыл генерал-майор Цорн. Он более уже не верил в возможность прорыва на участке группы Гоппе, а потому перебрасывал танки на участок группы Шверина. Там теперь предстояло нанести главный удар.

Но тут произошел случай, когда генерал предполагает, а лейтенант располагает. Не успели танки уйти с передовой, как лейтенант Леливельдт со своей 11-й ротой нашел искомую брешь - слабое место в рубеже обороны противника. Он устремился туда, ударил вправо и влево и пробил широкий проход во вражеских порядках.

– Бегом к Гарри! - закричал лейтенант связному. - У нас есть брешь. Оборона прорвана!

Связной умчался. Через полчаса вся боевая группа уже двигалась вперед. Кельколово пало. Знаменитый треугольник, сформированный из железнодорожных веток из Городка в Мгу и в Шлиссельбург, находился в руках немцев. Поселок № 6 был взят штурмом.

В 16.00 3-й батальон овладел Синявином с расположенными там огромными складами боеприпасов и прочих предметов снабжения. С небольшого холма к северу от города просматривалась бескрайняя водная гладь Ладожского озера; дул легкий приятный ветерок. По

озеру туда-сюда сновали суда разного тоннажа и назначения.

– Вперед, вперед, не останавливаться, - командовал Гоппе. Его группа взяла Поселок № 5 и вышла к Поселку № 1. Оттуда "Красная дорога" вела к "Красному мосту" через каналы и прибрежные железнодорожные ветки. Это был спинной мозг нервной системы Шлиссельбурга.

Ночь спустилась на поле боя. Поднимавшиеся над Синявином гигантские языки пламени освещали небо - на некоторых складах русских взорвались боеприпасы. К сожалению, мощнейшие взрывы нарушили также и коммуникационные линии между боевой группой и штабом дивизии.

На следующее утро, 8 сентября, немцам предстояло штурмовать Шлиссельбург. Но во сколько? Гоппе не знал, поскольку дивизия должна была согласовать время атаки с командованием эскадрилий бомбардировщиков "Штука". Но поскольку связь с дивизионным штабом прервалась, передовые части находились в сложной ситуации.

На западе, на близких подступах к Ленинграду, корпус начал генеральный штурм с первыми лучами рассвета 8 сентября. Но под Шлиссельбургом по-прежнему царил тишина. Когда встало солнце, город с его рвущимися ввысь церквями и шпилями, с мощными старинными укреплениями во всей своей строгой красе открылся батальонам Гоппе. Поросшая кустарником местность благоприятствовала атакующим. Но связи с дивизией все не было. 9-я рота провела разведку боем, выйдя к восточной окраине города.

В 06.15 унтер-офицер Бекер докладывал командиру 3-го батальона:

– Восточную окраину города обороняют слабые части противника.

Совершенно ясно, что атаки отсюда, с тыла, русские не ждали. Похоже, немцам предоставлялся шанс - один из тысячи.

Гоппе терзали сомнения: атаковать или не атаковать? Если он начнет штурм и возьмет город, а тут появятся "Штука", последствия могут оказаться очень печальными. Но Гоппе не мог просто сидеть и ждать. Просто сидеть и ждать, ничего не предпринимая, было самым худшим - так говорилось в уставе. Лучше неправильное решение, чем никакого вовсе. Гоппе сделал соответствующие выводы.

Незадолго до 07.00 он приказал:

– Четыреста двадцать четвертый полк возьмет Шлиссельбург и через него выйдет к реке Неве шириной тысяча метров, в точке, где она вытекает из Ладожского озера, отделив Шлиссельбург от Шереметьевки, южный берег Ладожского озера от его западного берега. Начало операции в семь ноль-ноль.

Гарри разработал свой собственный план.

В 07.30 батальоны уже прорывались через слабую оборону на восточной окраине города. Неожиданная атака привела русских в замешательство.

В 07.40 унтер-офицер Вендт уже водружал немецкий флаг над колокольной церкви.

С самого начала штурма лейтенанты Фусс и Паули сидели перед переносной рацией, стараясь связаться с ближайшей батареей тяжелой артиллерии, дислоцированной в Городке. Существовала надежда через нее восстановить контакт со штабом дивизии.

Фусс уже в течение трех четвертей часа повторял и повторял в микрофон позывные. Вызывал, переключался на прием и вызывал снова. Ничего не происходило.

– Что, если мы не пробьемся? А если прилетят "Штука"?

Наконец в 08.15 батарея в Городке отозвалась. Они слышали.

– Это группа Гарри. Скорее сообщите в дивизию: Шлиссельбург уже взят. Надо остановить бомбардировщики. Как поняли меня?

– Поняли нормально.

Офицер на батарее немедленно передал сообщение по адресу. Пикировщики "Штука" уже

взлетели, поскольку в штабе не рассчитывали начинать штурм силами группы Гоппе ранее 09.00. Большинство машин командование сумело отозвать, но одна эскадрилья ушла слишком далеко, чтобы новый приказ успел достигнуть ее. Через батарею в Городке Гоппе послали предупреждение об опасности.

Ровно в 08.45 в небе появились Ju-87. Солдаты Гоппе принялись подавать сигналы самолетам. Они пускали белые ракеты - здесь свои.

Увидят ли все это летчики? Не решат ли они, что это уловка? У них приказ бомбить Шлиссельбург.

"Штука" круто спикировали - стройно один за другим. Но вдруг один выровнялся, промчался над городом и сбросил бомбы в Неву. Остальные проделали то же самое. В последний момент сигнал командира эскадрильи достиг ушей пилотов. Гарри Гоппе и его люди вздохнули с облегчением. В 10.00 батальоны боевой группы Шверина также вошли в южную часть города.

Захват Шлиссельбурга означал, что Ленинград заперт с востока. Город, таким образом, превратился в остров, окруженный водой и войсками. Открытым оставался лишь один узкий коридор к западному берегу Ладожского озера, поскольку финны на Карельском перешейке все еще стояли без движения. Они ждали, когда немцы выйдут к Тихвину. Только после того Маннергейм собирался двинуться вдоль восточного берега Ладожского озера через Свирь и тем самым создать восточный клин охвата гигантского котла с Ленинградом в центре. К несчастью, цель оказалась недостижимой.

Падение Шлиссельбурга повергло в ужас советское Верховное Главнокомандование. Маршал Ворошилов делал все возможное, все, что было в его силах, чтобы вернуть себе этот важнейший для восточных коммуникаций пункт. Он отправил целые полки на десантных лодках и судах через озеро с западного берега к Шлиссельбургу. Одновременно он приказал атаковать с суши, от Липок.

Время от времени полк полковника Гоппе оказывался отрезанным. Русские стягивали все больше и больше войск. С немецкой стороны солдаты предвидели рост потерь. Некоторые также начали побаиваться, что окружение Ленинграда станет лишь иллюзорным после того, как с наступлением зимы замерзнет Ладожское озеро.

Оптимисты посмеивались над прогнозами пессимистов.

– С наступлением зимы? - переспрашивали они. - Да Ленинград падет задолго до первых холодов.

Но Ленинград не пал. Почему?

Потому что Гитлер и Верховное командование Вермахта решили не захватывать Ленинграда до наступления зимы, а просто, окружив, взять измором.

Как ни парадоксально это прозвучит, но именно так и случилось. В тот момент, когда была прорвана последняя линия обороны Ленинграда, когда немецкие передовые части штурмом овладели Дудергофскими высотами, когда захватили Урицк и Шлиссельбург, когда северная столица России, объятая страхом, беззащитная лежала перед колоннами наступающих, на пути у них вырос "красный сигнал светофора" - приказ ставки фюрера.

Вот как вспоминает тот момент генерал Рейнгардт, командир 41-го танкового корпуса, позднее получивший звание генерал-полковника: "12 сентября, когда войска уже всю предвкушали торжество заслуженной победы, точно холодный душ из штаба танковой группы пришла новость, что вместо штурма Ленинграда будет его блокада. Наступать предполагалось только до дороги Пушкин-Петергоф. В течение нескольких следующих дней 41-й танковый корпус должен был быть переброшен куда-то в другое место. Мы просто ничего не могли понять. В самую последнюю минуту солдат, которые делали все для победы, лишили венца

победителей".

Унтер-офицер Фрич только постучал себя по лбу, когда командир 2-й роты 37-го танкового батальона сказал ему:

– Нас не пускают в Ленинград - отводят с передовой. Мне сказал радист в штабе дивизии.

– Вы того, спятили, - отозвался Фрич, прокомментировав таким образом свой жест.

Слухи о принятом решении просочились также и в 1-й танковый полк 1-й танковой дивизии. Но офицеры только мотали головами: "Такого быть не может. Разве для того мы шли из Восточной Пруссии к воротам Ленинграда, чтобы в последний момент развернуться и отправиться обратно, точно мы забрели сюда по ошибке?" Все только об этом и говорили, и все разговоры неизменно кончались одними словами: "Конечно же, такого не может быть".

Приказ по группе армий все еще держали в тайне, поскольку Ленинград надлежало обложить как можно плотнее, захватив еще ряд опорных пунктов неприятеля в городских предместьях - как, например, Колпино и Пулковские высоты. Но какая же часть будет драться с прежним энтузиазмом, если солдаты и офицеры в ней знают, что предстоящие действия есть не что иное, как выравнивание фронта, а главная цель - цель, к которой они стремились, больше не главная цель? Поэтому солдат не спешили разубеждать в том, что задача штурма Ленинграда все еще стоит на повестке дня. Это очень хорошо демонстрирует запись из дневника лейтенанта Штовеса, командовавшего 1-м взводом 6-й роты 1-го танкового полка.

13 сентября три советских тяжелых танка КВ-1 и КВ-2, только что вышедших из сборочного цеха завода в Колпине, частью даже некрашенные, скрежеща гусеницами, появились из утреннего тумана на дороге из Пулково, направляясь к дороге Пушкин-Красное Село.

Штовес отдал своим трем танкам, стоявшим по обеим сторонам дороги к аэродрому г. Пушкина, приказ приготовиться к бою. Своему водителю он велел спрятать машину за сараем и не глушить двигатель, обеспечивая прикрытие с юга. Сам он вместе с капитаном фон Беркерфельдом проверил посты на подступах к деревне Малая Кабось. Солнце разгоняло густой утренний туман. Было 07.00. Танк № 612 унтер-офицера Бунцеля медленно выехал на дорогу.

Вдруг, точно выскочив из-под земли, перед ними оказались два гиганта КВ-2. Штовес и Беркерфельд бросились в придорожную канаву. Но тут прогремел выстрел. Бунцель оставался начеку. Вновь подала голос его 50-мм танковая пушка. Головной советский танк остановился. Из него повалил дым. Позади двигался второй. Его подбил танк № 614 унтер-офицера Гулиха, находившийся на другой стороне дороги. Первым же выстрелом - прямое попадание. Экипаж КВ-2 выскочил из потерявшей ход машины.

Появилось еще пять чудовищ КВ-2, а из тумана около Малой Кабоси вынырнуло три КВ-1 и направилось прямо на танк № 613 унтер-офицера Оэрляйна. Ехавшие на броне русские пехотинцы прыгнули на землю и выстроились цепью. Головной КВ выстрелил из своего 152-мм орудия, прямым попаданием угодив в танк Оэрляйна. Тяжелораненый унтер-офицер, наполовину приподнявшись из люка, рухнул на броню башни. Штовес побежал к нему. Справа и слева от него шли в атаку советские пехотинцы. Немецкие посты вокруг Малой Кабоси отходили. Отличить в тумане своих от чужих практически не представлялось возможным.

Вместе с артиллеристом Оэрляйна Штовес первым делом оттащил наиболее тяжело раненного члена экипажа, водителя, к танку унтер-офицера Гулиха, который стоял за небольшим сараем, обеспечивая огневое прикрытие из пулемета. Затем они побежали обратно. Вытащили из башни унтер-офицера Оэрляйна. Они также попытались достать тяжело раненного радиста, но не смогли добраться до него. Не успевали. Из тумана точно призраки появились русские. Донеслось "Ура!". Лейтенант Штовес закрыл все люки ключом с квадратной головкой. Они вытащат радиста позднее, когда отобьют атаку противника и сами контратакуют. А пока нельзя дать русским пробраться в танк. В тот момент раненный в руку артиллерист вскрикнул от

боли.

– Давай, парень, беги! - крикнул ему лейтенант. Артиллерист недоучившийся студент-медик - прижал больную руку здоровой и скрылся в тумане. Штовес взвалил находившегося без сознания Оэрляйна на спину и поспешил уйти подальше.

Справа и слева советские пехотинцы шли в штыковую. По-видимому, они приняли лейтенанта-танкиста за одного из своих - наверное, из-за надетого на нем русского ватника.

Штовес воспользовался этим. Он добрался до своего танка, который все еще стоял за сараем, обеспечивая прикрытие от атаки с запада. Приехала санитарная машина и увезла Оэрляйна, его водителя и артиллериста. Над полем боя, точно над котлом с ведьминым варевом, все еще курился туман.

Тем временем 1-ю роту 113-го стрелкового полка охватил приступ паники. Часть отошла от перекрестка в Малой Кабоси. Пехотные орудия, равно как и противотанковая пушка, давно оставили позиции. В двадцати пяти метрах от сарая, за которым стоял танк № 611 лейтенанта Штовеса, прополз КВ-1. Он подставил борт. Бей его! Наводчик ефрейтор Бергенер бил. Второй снаряд вывел русский танк из строя. Машина Штовеса была отлично замаскирована. Она осторожно подъехала к углу деревянного сарая. По дороге шли третий и четвертый КВ. Их командиры нервничали, не понимая, откуда ведется смертоносный огонь.

Бергенер прицеливался:

– Огонь!

Недолет, и снова:

– Огонь!

Второй снаряд попал русскому танку прямо в броневую маску орудия. Четвертый танк, который поспешил развернуться, получил снаряд в корму.

В этот момент Штовес увидел танк унтер-офицера Бунцеля, преследуемый по пятам КВ. Бунцель не мог стрелять, потому что снарядом противника его машине повредило пушку. Артиллерист Штовеса Бергенер спас Бунцеля. Он обездвижил преследователя. Это был уже пятый советский танк, подбитый в тот день.

Теперь русские разобрались, где находится опасность. Зачавкали противотанковые ружья, загрохотали выстрелы 76-мм пушек.

– Уходим! - приказал Штовес.

В маленьком лесу они встретили танк № 612 Бунцеля. Унтер-офицер доложил:

– Пушка повреждена, но оба пулемета действуют.

В тридцати метрах позади виднелся танк № 614 Гулиха - что-то с ним было не так. Рядом на краю канавы занял позицию пулеметный расчет. Штовес направился туда. Он нашел там капитана фон Беркерфельда в каске набекрень.

– Прекрасная заварушка, - проговорил он невесело. - Сначала мои ребята дали деру при виде тяжелых танков. Но лейтенант навел порядок. Через минуту мы будем готовы действовать.

Штовес вернулся к своему танку. Двигатель завелся с пол-оборота. Они медленно поехали к перекрестку - туда, где остался танк Оэрляйна, чтобы вытащить радиста.

Через двадцать минут обер-лейтенант Дариус, командовавший 6-й танковой ротой, принял сообщение, от которого у него перехватило дыхание. В динамиках рации зазвучал голос радиста из экипажа Штовеса:

– Лейтенант Штовес погиб, когда наш танк подбили.

Что произошло? Снаряд КВ-1 прямым попаданием угодил в башню танка № 611 с расстояния 400 метров. Осколком серьезно ранило лейтенанта в голову и лицо. Обливаясь кровью, он рухнул на командирское сиденье. Но смерть на сей раз не явилась за ним. Через месяц лейтенант вернулся в свой полк. Однако к тому моменту он уже действовал далеко от

Ленинграда.

1-я танковая дивизия продолжала вести бой за пригород Александровку, где находилась конечная станция юго-западной ветки ленинградского трамвая в двенадцати километрах от центра города. Затем 17 сентября танковый корпус сняли с фронта, "чтобы применить в другом месте". Использовать его намеревались для захвата Москвы.

Стоявшие под Ленинградом войска лишились своего бронированного кулака. Несмотря на то что главная цель кампании на севере находилась, казалось, на расстоянии вытянутой руки, пехотные дивизии остановили свое продвижение - 96-я и 121-я находились перед легендарными Пулковскими высотами, где во время Гражданской войны в 1919 г. белые полки подобным же образом потерпели неудачу в попытках овладеть красным Ленинградом. Закаленная в боях 58-я пехотная дивизия располагалась в Урицке, обстреливая из орудий артиллерии среднего калибра центр Ленинграда. Солдаты в своих окопах вдоль прибрежной дороги видели дымившие всего в 6-7 километрах трубы ленинградских заводов. Заводы и доки работали круглосуточно, производя вооружение: танки, десантные суда и снаряды. В городе скопилось тридцать советских дивизий. Они еще не были разбиты, хотя и готовы, почти готовы бросить оружие. Теперь противник получил передышку - время для того, чтобы прийти в себя и пережить панические настроения.

Невероятный шаг. Что же стояло за этим непонятным решением?

Планом операции "Барбаросса" четко оговаривалось: "После разгрома советских войск в районе Минска-Смоленска танковые войска группы армий "Центр" поворачивают на север, где, во взаимодействии с группой армий "Север", они будут уничтожать советские силы в районе Балтики и затем возьмут Ленинград". В приказе ясно значилось: "Наступление на Москву должно быть продолжено только после захвата Ленинграда". Данный план со стратегической точки зрения являлся совершенно правильным и логичным, особенно в определении центра тяжести кампании и в стремлении как можно скорее превратить Прибалтику в транзитную территорию для доставки снабженческих грузов и наиболее быстрым образом соединиться с финнами.

Отбросив эту разумную схему действий, Гитлер после Смоленска изменил намерения. Почему?

Главное командование сухопутных войск и боевые генералы побуждали его не упустить шанса, появившегося вследствие неожиданно быстрого крушения советского Центрального фронта, и захватить Москву - сердце, мозг и главный транспортный узел Советского Союза. Но Гитлер не хотел спешить. Полтора месяца продолжалось переливание из пустого в порожнее, терялось драгоценное время. В итоге Гитлер не стал ни придерживаться плана первоочередного овладения Ленинградом, ни давать "зеленый свет" наступлению на Москву. Вместо того 21 августа 1941 г. он остановил выбор на принципиально новой задаче - нефти Кавказа и зерне Украины. Он приказал танковой группе Гудериана проделать 450 километров на юг и вместе с Рундштедтом сразаться в битве за Киев.

Сражение было выиграно. Еще одна блестящая победа - свыше 665 000 военнопленных и полный разгром русских войск на советском Южном фронте.

Эта победа на Украине ввела Гитлера в заблуждение, он решил, что Советский Союз находится на грани военной катастрофы. Ошибка привела к принятию пагубного решения. В начале сентября он в конце концов приказал германским армиям на Востоке наступать на Москву - несмотря на приближение осенней распутицы и зимних холодов - и овладеть ею. В то же самое время на юге должно было продолжаться наступление на кавказские нефтяные районы и Крым. Ленинград же предстояло окружить плотным кольцом и принудить к сдаче голодом.

Учитель прусского генштаба Клаузевиц как-то сказал, что во время наступления никто не может быть слишком силен как вообще, так и в решающем месте. Гинденбург в ходе

выступления перед слушателями Дрезденского военного училища перефразировал Клаузевица: "Стратегия без определенного центра тяжести подобна человеку, лишенному характера". Гитлер оставил без внимания эту аксиому. Он считал, что, располагая теми силами, какими располагал, сможет взять Москву, а также Кавказ до конца года и принудить Ленинград к сдаче, окружив плотным кольцом пехотных дивизий.

Поскольку для блокады Ленинграда танковые войска не требовались, в то время как в свою очередь, ввиду приближавшейся зимы, наступление на Москву надлежало провести по возможности быстро, 17 сентября Гитлер отозвал с Ленинградского фронта танковую группу Гёпнера и все бомбардировочные соединения. Приказ пришел в тот момент, когда город мог быть взят одним последним ударом.

Решение перейти к осаде Ленинграда, вне сомнения, в значительной мере диктовалось позицией финнов. Генерал-фельдмаршал фон Маннергейм, главнокомандующий войсками Финляндии, имел определенные колебания в отношении целесообразности перехода старой финской границы на Карельском перешейке и наступления на Ленинград. Да, он был готов перейти Свирь к востоку от Ладожского озера, когда немцы выйдут к Тихвину, но выступал против любых попыток со стороны финнов участвовать в штурме Ленинграда. Из мемуаров маршала ясно следует, что он не хотел участия финских войск в почти неизбежном разрушении города. Маннергейм придерживался принципов "активно оборонительной войны" и противился любым формам "завоевательной войны".

Вне зависимости от того, какие мотивы двигали Гитлером при принятии решения не брать город столь стратегически и экономически важный, как Ленинград, оно представляло собой нарушение всех законов ведения войны. Нарушение, за которое впоследствии пришлось заплатить горькую цену.

С военной точки зрения падение Ленинграда и Ораниенбаума означало разоружение около сорока советских дивизий. Не менее важным было уничтожение военной промышленности Ленинграда. Танковый, артиллерийские и другие заводы продолжали выпускать продукцию на протяжении всей войны, снабжая Красную Армию всем необходимым боевым снаряжением. Более того, падение Ленинграда высвободило бы немецкую 18-ю армию для участия в других операциях, тогда как ей пришлось вплоть до 1944 г. стеречь подступы к Ленинграду.

И наконец, Ленинград мог бы стать неоценимой по значению базой снабжения немецких войск на Восточном фронте. Не подвергаясь нападениям партизан, могли бы течь через Балтику снабженческие грузы. Соединение с финнами повернуло бы в другое русло боевые действия на Крайнем Севере за Петрозаводск и перевалочный пункт для поставляемого союзниками вооружения, Мурманск, где никакого продвижения не наблюдалось вовсе просто потому, что не хватало войск.

Вместо всех этих преимуществ германское командование, решив отказаться от взятия Ленинграда, получило одни проблемы. Советское Верховное Главнокомандование как бы нарочно побуждали к попыткам снять блокаду извне, одновременно не оставляя попыток прорыва изнутри. Отчаянные попытки советских 55 и 8-й армий пробить бреши в немецком кольце в районе Колпина и Дубровки представляли собой наиболее значительные боевые столкновения в истории длительного и кровавого противостояния в борьбе за духовную столицу Красной революции. Борьба эта продолжалась свыше двух лет.

Но наиболее серьезным просчетом германского командования являлся тот факт, что в действительности окруженным Ленинград оставался только летом. Крупные естественные препятствия, такие, как озера, реки и болота, служившие в теплое время года продолжением кольца немецкой блокады, превращались в бреши и служили превосходными артериями коммуникаций, когда мороз сковывал Ладожское озеро и Неву. На протяжении долгой зимы по

этим путям в город текли грузы и поступали подкрепления.

Более того, поскольку финны так и не перешли своей старой границы на Карельском перешейке, с востока Ленинград с Ладожским озером постоянно связывал 80-километровый коридор. В результате это позволило комиссару обороны Жданову провести по льду Ладожского озера так называемую "Дорогу жизни", включая автомагистраль и железнодорожную ветку, соединяющуюся с Мурманской железной дорогой. По этому пути город получал грузы с восточного берега озера. Внезапно Ленинград оказался деблокированным - армия "генерала Мороза" прорвала немецкое кольцо.

Стремясь залатать зимние прорехи, группа армий "Север" начала продолжительную Тихвинскую операцию. Целью ее являлось включение Ладожского озера в осадный фронт и закрытие бреши к востоку от Ленинграда. Финны должны были перейти Свирь с севера и соединиться с немецкой 16-й армией восточнее озера. 39-му танковому корпусу генерала Рудольфа Шмидта силами четырех подвижных дивизий предстояло нанести удар через русскую тайгу, которую немецкие военные географы определили как "практически незакартографированную".

15 октября корпус силами 12 и 8-й танковых дивизий, а также 18 и 20-й моторизованных пехотных дивизий выдвинулся с волховского плацдарма 126 и 21-й пехотных дивизий. Первой целью стал Тихвин. Здесь немцам надлежало перерезать последнюю связь Вологды с Ленинградом и наступать к Свири, где ожидалось соединение с финнами. Оно означало бы полное окружение Ленинграда вместе с Ладожским озером.

Вечером 8 ноября померанцы и силезцы из 12-й танковой и 18-й моторизованной дивизий после ожесточенных и кровопролитных боев вошли в Тихвин. Две дивизии организовали оборону: 12-я танковая дивизия генерала Харпе - к западу от города и 18-я мотопехотная генерала Геррляйна - к востоку. Таким образом, позиции 18-й представляли собой самый дальний северо-восточный край немецкого фронта в России.

Благодаря участию в операции испытанных боями полков первая часть ее прошла так гладко, что из ставки фюрера совершенно серьезно заинтересовались у командования корпуса, возможно ли наступление на Вологду - то есть продвижение еще на 400 километров на восток. Четыреста километров - зимой! Когда командир корпуса спросил майора Нольте, начальника оперативного отдела 18-й моторизованной дивизии, относительно перспектив подобного марша, тот ответил со всей грубой солдатской прямоотой.

Вся утопичность этого замысла была продемонстрирована всего двумя днями позже. Утром 15 ноября, как и ожидалось, в атаку при поддержке танковой бригады новеньких Т-34 пошла свежая сибирская дивизия. День начался с урагана огня из самых последних моделей "Сталинского оргбна". Разгорелась ожесточенная битва. Батареи 18-го артиллерийского полка полковника Бергера уничтожили пятьдесят танков противника. В течение нескольких дней сибирские стрелковые батальоны атаковали немецкие позиции, пока не обескровили себя. Превратившийся в груды дымившихся развалин Тихвин все же остался в руках немцев.

Конечно, советское Верховное Главнокомандование осознало, что смелая операция немецких танковых соединений имела целью соединение с финнами на реке Свирь. Поэтому Сталин бросил по следам танкового корпуса другие сибирские дивизии. На участке 61-й пехотной дивизии сложилась чрезвычайно тяжелая ситуация - создалась опасность окружения; ожесточенные бои поглощали силы корпуса. Никакая отвага не приносила действенных результатов. Даже смелые финны, с детства привычные к суровому климату северной русской тайги, не смогли переправиться через Свирь. 39-й танковый корпус оказался предоставленным самому себе. В пустынной местности, перед лицом непрекращавшихся атак сибирского оперативного резерва, корпус оказался не в состоянии удерживать свои удаленные от основных

сил позиции. В связи с этим генерал фон Арним, наследовавший пост Шмидта, отвел свои дивизии к Волхову.

Подвиги батальонов арьергарда, прикрывавших отступление своих, не сравнимы ни с чем. Полковник Нольте - тогда майор Нольте и начальник оперативного отдела 18-й моторизованной дивизии - замечает: "Не многим дано стать настоящими командирами авангардов. Но командовать авангардом легко в сравнении с арьергардом. Командир авангарда развивает успех - командир арьергарда спасает своих от разгрома. Первый летит вперед на крыльях энтузиазма тысяч, второй пригибается под тяжестью скорби и последствий поражения".

В смысле дисциплины и храбрости отступление из Тихвина к Волхову, по определению генерал-полковника Гальдера, являет собой славную страницу в истории солдатских доблестей. Выдающимися примерами могут служить 11 и 12-я роты 51-го пехотного полка подполковника Гроссера, которые принесли себя в жертву - пали от пуль, штыков и ударов прикладами, только чтобы прикрыть отступление товарищей и тем спасти их от гибели. Когда 22 декабря 1941 г. жалкие остатки 39-го танкового корпуса притащились обратно к Волхову в 52-градусный мороз, они принесли с собой ужасный опыт. Одна силезская 18-я моторизованная дивизия потеряла 9000 человек. Боевая численность ее сократилась до 741 человек. Только им удалось вернуться на берега Волхова. Тихвинская операция по полному окружению Ленинграда провалилась.

Судьба 3-го батальона 30-го моторизованного полка наглядно показывает, насколько непосильной ношей стали для участвовавших в походе частей сражения за Тихвин. В ходе марша от Чудова к Тихвину, когда температура внезапно упала до минус 40 градусов, батальон потерял 250 человек - половину численности личного состава, - многие из которых замерзли. Как выяснилось, у некоторых - у тех, кто не предохранял голову под каской чем-нибудь теплым, - просто прекращалось кровообращение в головном мозге.

Начиная с того похода, фронт между Ленинградом и Волховом сделался для немецких войск на Востоке источником постоянной угрозы и местом ведения кровопролитных боев.

Такова была плата за отказ от взятия Ленинграда. Кара за попытку сделать слишком многое в слишком многих местах сразу. В результате в 1941 г. Гитлер не достиг поставленных целей ни на Севере, ни на Центральном фронте: Ленинград и Москва остались непокоренными.

Часть третья.

РОСТОВ.

12 сентября 1941 г., когда 36-я моторизованная и 1-я танковая дивизии под ясным небом ранней осени быстро продвигались к Ленинграду, оставив позади Дудергофские высоты, над озером Ильмень лил проливной дождь. Личный состав штаба 56-го танкового корпуса устроил КП неподалеку от остова разрушенной избы к юго-западу от Демянска. Генерал фон Манштейн сидел в намокшей палатке с дежурными офицерами. Они ждали вечерней сводки, а пока, за неимением других занятий, убивали время за роббером-другим бриджа.

Вдруг зазвонил телефон. Трубку взял капитан Шпехт.

– Командующий хочет поговорить с генералом, - сообщил он.

Манштейн что-то недовольно пробурчал. Телефонные звонки в такой час не сулили ничего приятного. Но на сей раз правило не сработало. Генерал-полковник Буш, командующий 16-й армией, звонил, чтобы поздравить своего друга Манштейна.

– Поздравить меня? Но с чем, господин генерал-полковник? - удивленно поинтересовался Манштейн.

Буш нарочно выдержал паузу, а затем зачитал сообщение, только что поступившее из ставки фюрера:

– Генерал фон Манштейн должен немедленно принять под свое командование Одиннадцатую армию.

11-ю армию! Это означало южный край фронта - самый дальний фланг группы армий "Юг". Несколько часов назад командующий этой армией, риттер фон Шоберт, на своем "Физелер Шторхе" попытался осуществить вынужденную посадку на поле, которое оказалось русскими минным полем. Обоих - и генерала и летчика - разнесло в клочья.

Манштейн принял назначение со смешанными чувствами. Конечно, любой высший офицер мечтает получить под свое начало армию - это, если угодно, достойный венец карьеры. Но стать командующим армией означает забыть о том, чтобы самому водить в сражение полки. По натуре своей Манштейн был боевым командиром. Он оставался им, даже будучи начальником штаба группы армий Рундштедта и потом командиром 38-го армейского корпуса, когда показал себя выдающимся стратегом. Такая война, как во Франции, - вот это была война по Манштейну.

Несмотря на сожаление, с которым он покидал 56-й танковый корпус, который он привел под стены Ленинграда, корпус, который с честью выходил из сложных ситуаций, громил советские армии и нередко брал на себя основной груз наступления группы армий "Север", - одно соображение делало для него расставание более легким. Будучи блестящим стратегом, Манштейн прекрасно понимал, какие ошибки совершило германское командование на севере и в центре, и давно и с неудовольствием взирал на игры в перетягивание каната между Гитлером и Главным командованием сухопутных войск в отношении выбора важнейших стратегических целей. Только утром 12 сентября, отмечая успех своего корпуса в сражении с значительно численно превосходящими советскими войсками к югу от озера Ильмень, он записал в дневнике: "Несмотря ни на что, я не испытываю в полной мере настоящего удовлетворения от этих успехов".

Почему же Манштейн не испытывал удовлетворения в полной мере? Потому что наверху не было ясного понимания, какие все же задачи надлежит решать в первую очередь и того, ради

чего ведутся все эти кровопролитные битвы. Бок, как и Главное командование сухопутных войск, хотел наступать на Москву. Лееб, державшийся изначального замысла Гитлера, стремился овладеть Ленинградом. А что же сам Гитлер? Гитлера не устраивал ни вариант Ленинграда, ни вариант Москвы. Он отдавал приоритет экономическим задачам зерну, нефти и рудам. Он хотел заполучить Украину и Кавказ.

Вовсе не случайно в разгар битвы за Ленинград и в критической фазе успешной операции 16-й армии против фланговых позиций обороны Москвы Гитлер перебросил с севера на юг лучшие части.

На Южном фронте, после изначально трудного продвижения, к середине сентября генерал-фельдмаршал фон Рундштедт был недалек от завершения окружения противника в Киевском котле. Вместе с танковой группой Гудериана войска Рундштедта уничтожили главные силы советских южных армий на Украине.

11-я армия, наступавшая с территории Румынии, в битве за Киев участия не принимала. Вместе с двумя румынскими армиями ей предстояло отвоевать Бессарабию, которую румынам пришлось отдать Советскому Союзу в 1940 г. Реаннексия данной территории являлась наградой Гитлера Румынии за участие в Восточной кампании. После освобождения Бессарабии 11-я армия должна была наступать к низовьям Днепра - могучей реки, представлявшей собой гигантское естественное препятствие на участках наступления обеих групп армий. Форсирование Днепра ознаменовывало собой начало решения двойной стратегической задачи. Говоря словами приказа: "11-й армии частью своих войск захватить Крымский полуостров, а главными силами наступать на Ростов вдоль северной оконечности Азовского моря".

Вне сомнения, и Крым и Ростов являлись очень важными стратегическими объектами. Ростов-на-Дону, где сходились четыре основных железнодорожных магистрали и бесчисленное множество автодорог, ведущих на восток, запад, север и юг, служил воротами Кавказа. А любой, кто владел Крымом, владел и Черным морем и мог оказывать политическое давление на соседние страны например, на Турцию и Персию. Турция особенно волновала Гитлера. Он очень хотел иметь это государство в своих союзниках, поскольку оно могло послужить для него мостом в Средиземноморье и к сказочно богатому нефтью арабскому миру. Войска Роммеля в Северной Африке и армии на Востоке могли соединиться. Могли!

План овладения Крымом, кроме того, имел под собой экономическую основу. Полуостров представлял собой опасную советскую авиабазу для атак на месторождения румынской нефти в Плоешти - постоянный источник беспокойства для Гитлера.

Поэтому захватом Крыма и Ростова 11-я армия создавала фундамент для завоевания войсками Рундштедта "советского Рура" - Донбасса. Сталинград на Волге и Астрахань на Каспии Гитлер держал в уме как самые дальние цели. Фактически эти задачи излагались в пояснительных примечаниях к плану операции "Барбаросса" - данные города как часть линии "А-А" входили в подробный перечень стратегических объектов. Линия "А-А" означала рубеж Астрахань-Архангельск, гигантская линия длиной в 2000 километров, протянутая через территорию Советского Союза от Северного Ледовитого океана по Северной Двине и Волге. Она представляла собой финишную черту операций Гитлера против империи Сталина. На этом рубеже, основой которого должны будут служить пограничные укрепления на Волге и Северной Двине, немцам предстояло сдерживать советские войска на их базах по обеим сторонам от Уральских гор.

Только держа в руках карту, можно четко и в полной мере представить, сколь фантастические задачи ставили себе военные и политические руководители Германии. Даже те цели, которые определялись для 11-й армии, должны были неминуемо привести к рассеиванию ее войск.

Манштейн, холодный и трезвый стратег, немедленно осознал, что от его 11-й армии требуют слишком многого. Даже принимая под свое командование лучшие войска, он понимал, что нельзя ждать от самых закаленных, самых опытных и готовых к самопожертвованию солдат большего, чем они в силах совершить.

11-я армия всегда демонстрировала высокую ударную мощь. Одним из наиболее замечательных ее подвигов стала переправа 22-й пехотной дивизии из Нижней Саксонии через Днепр в Бериславе. Этот классический пример форсирования широкой реки заслуживает более детального рассказа - как нередко случается, великие деяния саперов остаются забытыми военными историками. В отличие от танкистов и солдат других подвижных дивизий, саперам редко случается купаться в лучах солнца победы, несмотря на значительный вклад, который они вносят в нее, оставаясь все время в тени.

Ничто не показывает драматических обстоятельств жизненно важной переправы через Нижний Днепр более ясно, чем сами факты.

24 августа передовые части 22-й пехотной дивизии, состоявшие из 22-го моторизованного разведывательного батальона, 2-й роты 22-го истребительно-противотанкового дивизиона, 3-й роты 22-го инженерно-саперного батальона и группы средств ПВО, находившиеся под командованием подполковника фон Боддьена, вышли к западному берегу реки. Город удерживали крупные силы советских войск.

На следующее утро Боддьен атаковал их. 16-й пехотный полк, усиленный 2-й ротой 22-го инженерно-саперного батальона и 2-м дивизионом 54-го артиллерийского полка, подтянулся на грузовиках. Соскочив с них, солдаты немедленно включились в ожесточенные уличные бои, уже польхавшие повсюду. К ночи 26 августа немецкие войска овладели Бериславом и прочно удерживали его в своих руках.

Пришел великий момент для саперов. Ширина Днепра - второй по величине реки на европейской территории России - достигала в этом месте 750 метров. На противоположном берегу находились советские войска, знавшие о намерении немцев форсировать реку.

Полковник риттер фон Хейгль, командовавший 690-м инженерным полком, отвечал за первую фазу операции - то есть за саму переправу. Два саперных батальона дивизии - 22 и 46-й, - а также 741-й механизированный армейский инженерный батальон и 903-й батальон штурмовых лодок получили приказ переправить первую волну атакующих на противоположную сторону под огнем противника.

30 августа, еще до рассвета, пехотинцы 22-й пехотной дивизии солдаты из Ганновера и из городов и сел Ольденбурга - заняли позиции у кромки воды. Батальоны 16-го пехотного полка находились на острове на реке, куда никто не мог попасть без хорошего знания местности. Дорогу туда им показал рыбак-украинец. Личный состав 47-го пехотного полка ожидал приказа об атаке возле виноградника, прижавшись вплотную к земле в месте, практически лишенном укрытий. Советские бомбардировщики и штурмовики вновь и вновь заходили в поисках цели, сбрасывая осветительные ракеты на парашютах. При их появлении любое движение внизу прекращалось. С рассветом от реки начал подниматься словно Богом посланный в помощь немцам молочный туман.

Было 04.27. Двигатели штурмовых лодок взревели разом. Одновременно заговорили артиллерия и тяжелое вооружение пехоты, обеспечивая огневое прикрытие десанту и сдерживая советскую оборону. Следом за штурмовыми лодками на воду спускались резиновые шлюпки всевозможных размеров.

С дальнего берега взлетели в небо белые ракеты: первые колонны атакующих достигли цели. Артиллеристы передвинули линию огня дальше на восток. Стучали пулеметы, звучали выстрелы карабинов. Пикировщики "Штука" и бомбардировщики 4-го воздушного флота, ревя

моторами, пронеслись над рекой, сбрасывая бомбы на позиции противника. Десантные суда возвращались обратно за новой волной пехотинцев и снова уходили к дальнему берегу.

В течение трех часов солдаты в десантных лодках стояли у своих рулей. Река кипела от взрывов снарядов вражеской артиллерии. Лодки и шлюпки разносило на куски. Соседние - опрокидывались. Но у русских, по-видимому, не было корректировщика огня у реки, потому что орудия их били наугад.

Первая волна атакующей пехоты выбила с позиций советские передовые заграждения и захватила небольшой плацдарм. На саперных плотках начали перевозить тяжелое вооружение. Первая фаза форсирования реки завершилась успешно. Пехотинцы расширяли плацдарм. Двумя днями позже глубина его достигала уже четырех километров. Наступала пора переходить ко второй фазе операции - наведению моста для основных сил дивизии и 30-го корпуса.

Полковник Циммер, командир 620-го горноинженерного полка, в оперативном подчинении которого находились саперные части 49-го горнострелкового корпуса, отвечал за техническую сторону при сооружении 8-тонного моста, состоящего из 116 понтонов. В наведении его участвовали 46 и 240-й инженерные батальоны, а также 54-й горноинженерный батальон вместе с румынской 10-й мостовой ротой - всего свыше 2500 человек.

Понтоны хранились километрах в шести-семи вверх по течению от места переправы. Их соединили попарно, наподобие плота, а потом несколько таких плотов составили в мостовые конструкции. В соответствии с тщательно выверенной схемой действий эти звенья отправили вниз по течению и установили по обоим берегам. Далее обе части продолжали наращиваться навстречу друг другу, пока обе половины не встретились посередине реки. Этот момент всегда вызывал наибольшее напряжение. Только точный расчет офицеров-саперов мог обеспечить безукоризненную стыковку пролетов моста.

Работы начались в 18.00 31 августа. После полуночи, ближе к 01.00, оба конца конструкции разделяло всего 25 метров.

К 03.30 1 сентября мост стал единым целым. В 04.00 первые группы техники 22-й пехотной дивизии двинулись через реку к восточному берегу. Почти тут же поднялся сильный ветер, и на понтоны обрушились волны полутораметровой высоты. Технику на мосту начало бросать из стороны в сторону, некоторые понтоны дали течь.

Как раз в этот и без того трудный момент с воздуха атаковали советские бомбардировщики. Они спланировали низко. Прямое попадание. Два плота пошли ко дну, потери саперов составили 16 человек убитыми и ранеными. Ремонт в бурных речных потоках занял два с половиной часа. После чего движение восстановилось.

Но к тому времени советские бомбардировщики и штурмовики вернулись на сей раз с истребительным сопровождением. Никто на мосту не мог найти укрытия, между тем глубина реки достигала 15 метров. Колоннам оставалось только одно - двигаться, двигаться и надеяться на лучшее. Бомбы сыпались там и тут. Четыре понтона затонуло.

На сей раз ремонтные работы продолжались семь часов. Саперы промокли насквозь, они в кровь сбивали себе пальцы, их кости и суставы ныли от усталости и перенапряжения. Наведение моста на бурной реке шириной 750 метров, при наличии активного неприятельского противодействия, достойно места в военной истории.

Полковник Мельдерс со своей 51-й истребительной эскадрильей взял на себя заботы по охране моста, который русские стремились уничтожить любой ценой. За два дня Мельдерс и его летчики-истребители сбили семьдесят семь советских бомбардировщиков. Две батареи зенитчиков Люфтваффе - 1-й дивизион 14-го зенитно-артиллерийского полка и 1-й дивизион 64-го зенитно-артиллерийского полка - сбили еще тринадцать русских бомбардировщиков.

Но, несмотря ни на что, большое число саперов из 1-й и 4-й горнострелковых дивизий

погибло за первые несколько дней на строительстве и ремонте моста. Бериславский мост стоил немцам больших потерь. Возможно, ни один понтонный мост на протяжении последней войны не наводился в столь трудных условиях и не подвергался столь яростным атакам неприятеля, как этот. Но благодаря ему 11-я армия создала плацдарм для решительного наступления на Крым и Кавказ. Крымский полуостров отделен от материковой территории Сивашем, также называемым Гнилым морем, - непроходимым для пехоты соленым болотом. Оно не подходило также и для того, чтобы по нему могли курсировать десантные суда - даже резиновые лодки.

Существовало три пути через болото. На западе находился Перекопский перешеек шириной километров в семь, не более. В центре - железная дорога пересекала Сиваш в районе Сальково. На востоке тоже находился Генический коридор, имевший в ширину не более нескольких сотен метров. 12 сентября 1941 г., в тот день, когда погиб генерал-полковник риттер фон Шоберт, 30-й армейский корпус и 49-й горнострелковый корпус быстро продвигались на восток от Берислава, с двух сторон обходя Антоновку. Южнее продвигался 54-й армейский корпус, передовым отрядом которого служили части подполковника фон Бодьена и майора Штиффатера из состава 22 и 73-й пехотных дивизий. Они состязались в скорости с во весь опор катившимся к Перекопскому перешейку усиленным разведывательным батальоном моторизованного полка СС "Лейбштандарт Адольф Гитлер" под началом штурмбаннфюрера Майера. Приказ, в соответствии с которым действовали все эти части, стал последним приказом Шоберта. Осуществлялась попытка быстрым натиском овладеть перешейком, открыв таким образом западные ворота в Крым.

Было 04.30. Между Днепром и Черным морем под поднимавшимся над горизонтом солнцем расстилалась Ногайская степь. Фантастическое зрелище. Степь цвела. Безбрежный океан цветов, уходящий далеко за горизонт - нигде ни деревца, ни холмика, где бы зацепиться глазу. Только столбы англо-иранской линии телеграфа, поставленные фирмой "Сименс" где-то на рубеже столетий, выстроились в безмолвной степи точно стражи-призраки. Летом тут не найти и глотка воды, ручьи, речушки и речки пересыхали, образуя безжизненные балки, изрезавшие 30 000 км² пустыни.

Первое, что приходило на ум солдату при виде этой картины: "Какой великолепный танкодром!" Но 11-я армия не располагала бронетехникой, если не считать бронемашин разведки в соответствующих частях. Там, где они могли бы применяться с максимальной отдачей, не было ни танков, ни бронетранспортеров.

Во главе наступления следовали мотоциклисты и бронемшины разведки полка "Лейбштандарт Адольф Гитлер". За ними следовали передовые соединения 73-й пехотной дивизии. Штурмбаннфюрер Майер, находившийся среди солдат своей головной роты, разглядывал горизонт в бинокль. Ничего - нигде никакого движения. Вперед. Мотоциклетный взвод фон Бюттнера двигался вдоль берега в направлении Адамани, откуда просматривалась территория слева и справа от Турецкого вала. Вдруг, точно духи ниоткуда, на горизонте появилось несколько всадников, которые мгновенно вновь исчезли, - советский дозор.

Требовалось повысить бдительность.

– Рассредоточиться!

Тишина настораживала. Мотоциклисты встали на подножки с левой стороны своих машин, чтобы спешиться в любой момент, не теряя ни секунды. Стрелки в колясках перенесли тяжесть тела вправо и изготовились к прыжку на землю.

Был седьмой час утра. Мотоциклетная часть под командованием командира группы Вестфаля осторожно приближалась к первым домам Преображенки. Она располагалась поблизости от главной дороги из Берислава к Перекопу. Из села выходило стадо овец. Вестфаль помахал рукой пастуху:

– Убери стадо с дороги, парень. Мы спешим!

Но татарин, похоже, не понял. Или не захотел понимать? Вестфаль открыл дроссельную заслонку своего мотоцикла и под надсадный рев двигателя помчался прямо на стадо. Овцы перепугались, заблеяли и бросились врассыпную. Пастух что-то закричал и послал за ними собаку. Все без толку. Овцы бежали прочь от дороги. Через мгновение засверкали вспышки пламени, раздался грохот взрыва. Овцу разорвало на куски. Стадо выбежало на минное поле. Точно мало было рвущихся повсюду мин и жалобного предсмертного блеяния умиравших овец, внезапно открыла огонь вражеская артиллерия. Фугасы падали и рвались в деревне и около нее. Мотоциклисты спешили и побежали к Преображенке по дороге на Перекоп. Внезапно впереди путь им преградила настоящая стена огня. На противоположном конце села, всего в нескольких сотнях метрах от передовой немецкой части, стоял советский бронепоезд: он осыпал снарядами и поливал пулеметными очередями роты Майера и Штиффатера. Последствия были ужасны.

– В укрытие!

Солдаты лежали, прижавшись к земле. Пули свистели у них над головами. Но это стрелял, как скоро стало ясно, не бронепоезд: стреляли русские пехотинцы из хорошо замаскированных окопчиков и траншей всего в каких-нибудь 50 метрах впереди.

Штурмбаннфюрер Майер приказал своим отступить из Преображенки. Бронемашины разведки открыли огонь по бронепоезду из 20-мм пушек, чтобы дать возможность другим отойти под прикрытием дымовой завесы. Тем временем солдаты из 2-й роты Майера выкатили 37-мм противотанковую пушку и тоже принялись обстреливать поезд. Но не успели они сделать и нескольких выстрелов, как орудие было поражено прямым попаданием. Полетели в разные стороны куски железа, и грохот металла заглушил крики людей.

Сам Майер тем временем вместе со связными перебежками прокрался к дальнему концу села. Отсюда он мог видеть основательно подготовленную оборону противника на Перекопе - окопы, колючая проволока, бетонные доты. Он понял, что осуществить внезапный прорыв здесь не удастся. Еще одна попытка, и от соединения ничего не останется. Группенфюрер Вестфаль, который пробрался вперед вместе с Майером, вдруг позвал санитаря. Вестфалью оторвало руку взрывом. Справа и слева от него на земле валялись убитые и раненые солдаты его группы.

– Убираемся отсюда, - повторил штурмбаннфюрер Майер и дал сигнал к отходу.

Связные отправились передавать приказ. Заревели моторы приближавшихся сзади мотоциклов. Не задерживаясь, разведчики погрузили раненых и тела убитых товарищей в коляски и тут же умчались прочь. Бронемашины разведки поставили дымовую завесу на подходе к Преображенке, чтобы противник не видел их маневра. Под прикрытием дыма ротенфюрер¹ Гельмут Бальке трижды отправлялся на передовую, чтобы забрать раненых. Последнего, унтерштурмфюрера² Рерля, Майер притащил на себе. Снарядный осколок разворотил Рерлю спину. Он умер на руках командира.

Первая попытка 11-й армии ворваться в Крым с ходу передовыми частями 54-го корпуса провалилась. Часом позже генерал-лейтенант Билер, командир 73-й пехотной дивизии, прочитал донесение Майера и Штиффатера: "Взять Перекоп с ходу не получится. Подробный рапорт о боевом столкновении прилагается".

"Панцер Майер" и Штиффатер оказались правы. На семикилометровом Перекопском перешейке дорогу в Крым преграждала глубокая оборона противника. Главным рубежом ее служил Турецкий вал - 12- или 15-метровый ров, выкопанный в пятнадцатом столетии, во времена турецкого правления, для защиты от нападения с материка. Пятью веками позднее ему предстояло стать громадным препятствием и опасной ловушкой для бронетехники. Обойти его было невозможно. Укрепления тянулись с одного края от соленого болота со стороны Азовского моря, а с другого - до Черного моря. Дверь в Крымский полуостров оставалась запертой. 17

сентября, когда генерал фон Манштейн принял под свое начало 11-ю армию под Николаевом, крупным центром судостроения на Черном море, он мгновенно осознал, что с имеющимися в его распоряжении войсками не сможет решить обе задачи - одновременно захватить Крым и Ростов. Либо то, либо другое приходилось отложить в сторону. Но что именно? Манштейн долго не колебался.

Крым представлял собой постоянную угрозу для тыла правого фланга всего немецкого Восточного фронта, поскольку Советы имели возможность наращивать там силы, перебрасывая их с юга морским путем. Более того, оставаясь в руках неприятеля, Крым продолжал служить противнику базой, действуя с которой его авиация могла угрожать румынским нефтяным месторождениям. В связи с этим Манштейн решил отдать предпочтение взятию Крыма. На Ростовском же направлении он рассчитывал просто поддерживать боевой контакт с вытесненными к Антоновке войсками противника.

План Манштейна был верен и разумен. 54-му корпусу генерала Хансена предстояло первым делом прорвать вражескую оборону на Перекопском перешейке фронтальной атакой. Для достижения столь непростой цели Хансен получил в свое распоряжение всю армейскую артиллерию и части ПВО. В дополнение к двум его пехотным дивизиям - 73 и 46-й - в оперативное командование Хансена поступила расположенная чуть глубже к тылу 50-я пехотная дивизия. Столь значительными ударными силами вполне можно было пробить фронт шириной всего в семь километров.

Манштейну, конечно, хватало опыта военного, чтобы понимать: с такими войсками он способен проложить немцам дорогу в Крым, но не сможет завоевать территорию в 25 000 квадратных километров, примерно равную Бельгии, со всеми тамошними крепостями и укрепленными районами.

Как стратег, он строил вторую фазу операции на четкости действий и удаче. После того как будет осуществлен прорыв, он собирался перебросить с главного фронта на Днепровской излучине 49-й горнострелковый корпус генерала Кюблера и полк СС "Лейбштандарт Адольф Гитлер" обергруппенфюрера1 Дитриха, которым предстояло форсированным маршем войти на полуостров, развернуться там и оккупировать весь Крым.

"Лейбштандарт", прекрасно обеспеченный тяжелым вооружением, самоходными зенитными орудиями, штурмовыми орудиями, мотоциклами, разведывательными бронемашинами и бронетранспортерами, имела все шансы перехватить отступающего противника и отрезать ему пути к Севастополю. Она даже могла овладеть этой важной крепостью на южном побережье Крыма внезапным ударом еще до получения противником подкреплений.

Горный корпус предполагалось использовать в горах Яйла, достигавших высоты 1450 м, затем ему предстояло захватить Керченский полуостров, а оттуда в конечном итоге, форсировав неширокий пролив, вторгнуться на Кубань и далее на Кавказ.

План вовсе не являлся погоней за миражами. Манштейн считал его вполне выполнимым, при условии, что противник не предпримет какой-нибудь неожиданной акции в Ногайской степи. Здесь был рискованный аспект операций 11-й армии. Чтобы набрать достаточно сил для завоевания Крыма, Манштейну приходилось до минимума оголить свои войска на материке, перебросив на полуостров полк "Лейбштандарт" и 49-й горнострелковый корпус. 30-й корпус генерала фон Зальмута, в состав которого входили 72 и 22-я пехотные дивизии, должен был держаться своими силами на позициях в Ногайской степи, поддерживаемый только румынской 3-й армией. Манштейн пошел на этот просчитанный риск, поскольку верил в закаленные в боях дивизии 30-го корпуса.

Было 24 сентября 1941 г. Южное солнце безжалостно жгло бескрайнюю степь перед

Перекопом, поднимая ядовитые пары над солеными болотами Сиваша. Советская 156-я стрелковая дивизия держала оборону на своих глубокоэшелонированных позициях. Центральные подходы к Крыму прикрывала 276-я стрелковая дивизия. Она входила в состав советской 51-й армии, которой командовал генерал-полковник Ф.И.Кузнецов. Он приказал:

– Ни пяди земли врагу!

Но приказы генералов выполняются, пока живы солдаты. После трех дней боев 46 и 73-я пехотные дивизии прорвались через перешеек. Они преодолели Турецкий вал, взяли сильно укрепленный поселок Армянск, получив, таким образом, район для развертывания.

Генерал-полковник Кузнецов бросил в атаку 40 и 42-ю кавалерийские дивизии, а также части 271 и 106-й стрелковой дивизии на последний оборонительный рубеж вдоль Ишуньского перешейка. Вот-вот должен был подняться занавес последнего акта разыгранного как по нотам плана Манштейна. Теперь наступал черед полка "Лейбштандарт" и горнострелкового корпуса завершить прорыв и овладеть полуостровом.

Победа казалась близкой. Но на сей раз советское Верховное Главнокомандование сумело разрушить замысел смелой атаки. Севернее, в Ногайской степи, у противотанкового рва возле Тимошевки, в ночь с 23 на 24 сентября раздавалось много приглушенных шепотков и торопливых шагов. Полки 1 и 4-й горнострелковых дивизий уступали место на позициях румынским горнострелковым войскам - 1, 2 и 4-й бригаде - сами же отправлялись в Крым. Личный состав штабов получал соответствующие инструкции. Один за другим немецкие батальоны передавали позиции румынам и выступали на юг.

– Поскорей, ребята, мы идем греться на крымском солнышке, - подгоняли унтеры роты 91-го горного полка. Солдаты маршировали быстрым шагом. К утру они покрыли 38 километров.

Из 13-й полковой группы на старом месте остались только один пехотный батальон и один артиллерийский дивизион. Штаб 4-й горнострелковой дивизии намеревался с ними отправиться к Крыму.

– Все готово? - поинтересовался подполковник Шёфер, начальник оперативного отдела 4-й горнострелковой дивизии, майора Эдера, командовавшего 2-м дивизионом 94-го горного артиллерийского полка.

– Все готово к выступлению, господин подполковник, - ответил артиллерийский офицер.

– А что за чертовщина происходит вон там? - неожиданно с удивлением спросил Шёфер. - Неподалеку румынская пехота в спешке оставляла позиции. Скорее в штаб румынской бригады, Эдер, узнайте, что у них там творится!

Эдеру не надо было задавать вопросов. Румыны на лету паковали вещички. Они бросали вещмешки в кузова грузовиков и со всей возможной скоростью покидали передовую.

– Русские прорвались, - сообщили они Эдеру.

Точно в подтверждение этих слов, неподалеку зазвучали винтовочные выстрелы. Тревога! Русские уже здесь!

Советские командиры, по всей видимости, узнали о том, что немцев сменяют румыны. Со свежими резервами 9 и 18-й армий они атаковали линию прикрытия 11-й армии как раз тогда, когда она перегруппировывалась. Некоторые части румынской 3-й армии тотчас же отступили. Русский натиск становился все сильнее, они обратили в бегство целиком 4-ю бригаду и прорвали во фронте брешь шириной пятнадцать километров. Перед лицом такой ситуации Манштейну пришлось отозвать свой горнострелковый корпус обратно и применить на участке вражеского прорыва.

В довершение всего советские войска прорвались также и на южном фланге, на участке 30-го корпуса генерала фон Зальмута. Положение на участке румынской 5-й кавалерийской бригады спасло вмешательство боевой группы фон Хольтица, состоявшей из частей 22-й

пехотной дивизии. Брешь удалось залатать. После этого произошел прорыв на северном фланге корпуса. Румынская 6-я кавалерийская бригада отступила. Для разрешения нового кризиса пришлось остановить приданную горнострелковому корпусу 170-ю пехотную дивизию, а также вернуть полк "Лейбштандарт", находившийся уже на пути к Крыму, и использовать против прорвавшихся войск неприятеля. План Манштейна прорваться в Крым с ходу и, застав противника врасплох, взять Севастополь, провалился. Вместо этого для 11-й армии создавалась опасность оказаться отрезанной от Крыма в Ногайской степи, окруженной и, вполне вероятно, уничтоженной на узком отрезке суши между линией Днепра и Черным морем.

Однако в крупномасштабных операциях, когда фортуна переменчива, кризисы нередко оборачиваются удачей. Две советские армии, столь сильно потеснившие дивизии Манштейна, забыли о необходимости обеспечения своих флангов и тыла. Это небрежение стало для них роковым - и имя року было Клейст. К концу сентября 1-я танковая группа генерал-полковника фон Клейста завершила выполнение задания, осуществив маневр по окружению огромных сил противника под Киевом и освободилась для участия в новой операции. У Днепропетровска 3-й танковый корпус генерала фон Макензена создал и удерживал плацдарм на Днепре и Самро. С этого плацдарма и из Запорожья Клейст прорвался через советскую оборону на Днепре, повернул на юг в направлении Азовского моря и ударил в тыл двум советским армиям.

Прежде чем советское Верховное Главнокомандование успело разобраться в происходящем, обе армии, готовые уже приступить к уничтожению дивизий Манштейна, сами оказались в западне. Охотники превратились в дичь, а наступление - в бегство. На Азовском море в ногайских степях, в районе Черниговки, в период с 5 по 10 октября немцы вели еще одну битву на окружение.

Итогом ее стала катастрофа для советских войск. Основные силы 18-й армии были разгромлены между Мариуполем и Бердянском. Командующий армией, генерал-лейтенант Смирнов, погиб в бою 6 октября 1941 г., его тело обнаружили на поле битвы. На запад зашагало свыше 65 000 пленных. В руки немцев попало 212 танков и 672 артиллерийских орудия. Это была победа. Но очень часто за последние три недели судьба 11-й армии балансировала на острие ножа. Вне сомнения, германское Верховное командование смогло сделать из происходившего на южной оконечности Восточного фронта неприятный вывод о том, что нельзя добиваться уверенных побед ослабленными войсками, к тому же при неадекватной координации операций.

В итоге Манштейн получил разумный приказ штурмовать силами своей 11-й армии только Крым. Овладение Ростовом возлагалось на танковую группу Клейста, которой 11-я армия должна была передать сначала 49-й горнострелковый корпус, а потом также и полк СС "Лейбштандарт Адольф Гитлер".

Но решение опоздало на три недели. Если бы посильный для 11-й армии приказ поступил командующему на три недели раньше, Крым бы пал, и Севастополь, вероятно, оказалось бы возможным захватить с ходу подвижными частями, как и предусматривал своим смелым планом Манштейн.

Три недели - большой срок на войне. А использовать себе во благо время советское Верховное Главнокомандование умело самым превосходным образом. Теперь Манштейну и его армии предстояло вести продолжительную и упорную борьбу с противником. 2. Битва за Крым Флот-призрак между Одессой и Севастополем - Восьмидневное сражение за перешеек - Плодозаготовительный колхоз "Аскания-Нова" - Погоня за противником через Крым - "Восемь девушек без корзин" - Первый штурм Севастополя - В ходах сообщения форта Сталин - Русские высаживаются в Феодосии - Неподчинение генерала - Манштейн приостанавливает штурм Севастополя - Дело Шпонека.

16 октября, когда советское Верховное Главнокомандование сдавало Одессу, окруженную румынской 4-й армией, и перебрасывало их в Крым, 54-й армейский корпус генерала Хансена готовился к прорыву на полуостров к северу от узкой полоски земли - Ишуньского перешейка.

Обер-ефрейтор Генрих Везелог и рядовой Ян Майер из 2-го батальона 16-го пехотного полка 22-й пехотной дивизии перебежками вышли на исходную для атаки. Над Сивашем, соленым болотом, отделявшим Крым от материка, воцарялся вечер 17 октября 1941 г. В сгущавшихся сумерках от изрытой воронками земли на Перекопе и разрушенных зданий Ишуньского перешейка веяло чем-то зловещим. Похолодало. Моросил дождь.

Справа от двух пехотинцев, стоя на коленях, рыл себе окопчик на ночь артиллерийский наблюдатель. Слева от них тем же самым занимались солдаты из их группы. Везелог и Майер тоже опустили на холодную землю и принялись копать себе укрытие.

Лопатки чавкали, входя в почву. Углубление увеличивалось. Наконец оно стало достаточно глубоким и широким, чтобы они смогли втиснуться в него.

– Говорят, на побережье еще тепло. Такой год выдался, - произнес Везелог. Майер кивнул. Он подумал о родной ферме под Ганновером и проворчал:

– Чертова война!

– Она долго не протянется, - успокоил его Везелог. - Полмесяца назад в степи мы взяли около ста тысяч пленных. А тремя неделями раньше под Киевом - шестьсот шестьдесят пять тысяч, а до того в Умани еще сто тысяч. А говорят, на Центральном фронте уже набрали тоже не меньше шестисот шестидесяти пяти тысяч советских. А под Вязьмой и Брянском, похоже, на днях образовался знатный котел - в сводке сообщалось о шестистах шестидесяти трех тысячах военнопленных. Сложи сам. Получается больше двух миллионов.

– Говорят, русских - море, - проворчал Ян Майер.

Тут над немецкими позициями промчался советский истребитель И-15, дав несколько очередей из пулемета. Взлетели вверх обломки. Советская авиация безраздельно господствовала в воздухе на юге. Даже майор Готтардт Гандрик со своей 77-й истребительной эскадрой "Туз червей" не мог тут ничего поделать. Советские ВВС имели над ним подавляющее численное превосходство. В дополнение к штурмовикам и истребителям-бомбардировщикам они постоянно применяли в боях два соединения из 200 истребителей И-15 и И-16. Впервые солдатам приходилось активно окапываться.

"Окапываться!" - так звучала первая и самая главная команда в битве за Крым. На голой как коленка просоленной степи Ишуньского перешейка других укрытий, кроме воронок в земле, не существовало. Там, где не наносили ударов ВВС Красной Армии, всюду трудилась советская артиллерия. Батареи ее устанавливались на превосходно замаскированных позициях, часто защищенных бетоном и листами брони. Орудия были точно пристреляны к местности и могли внезапно открыть мощный точный сосредоточенный и заградительный огонь. Немецкая же артиллерия сталкивалась с трудностями при ведении контрбатарейного огня.

В таких условиях единственную реальную защиту предоставляли тщательно выкопанные окопы. И не только для пехоты. Каждую машину, каждую единицу бронетехники, каждую пушку, каждую лошадь аналогичным образом приходилось зарывать в землю.

На Ишуньский перешеек опустилась ночь - ночь с 17 на 18 октября. На позициях между Черным морем и солеными болотами пехотинцы ожидали наступления рассвета. Советские солдаты тоже ждали. Они понимали, что может произойти, и лихорадочно организовывали оборону жизненно важного полуострова. Двумя днями раньше, 16 октября, Сталин приказал выводить войска из Одессы, которую с начала августа окружала румынская 4-я армия. Армия генерал-майора И.Е.Петрова должна была помочь в обороне Крыма. Посредством наскоро приспособленных под морские транспорты судов армию береговой обороны Петрова

перебрасывали в Севастополь. Это был верный шаг. Поскольку если бы Манштейну удалось захватить Крым, Одесса все равно утратила бы свою важность и значение как порт и военно-морская база на Черном море. Важнее всего было удержать Крым, и прежде всего Севастополь. Быстрая переброска из Одессы по морю целой армии была смелой операцией, которой едва ли кто-нибудь мог ожидать от Советского Союза, не обладавшего опытом ведения морских операций.

Для переброски в Севастополь 70-80-тысячного воинского контингента основных сил Приморской армии - использовались тридцать семь крупных транспортных кораблей общим водоизмещением 191 400 т и большое количество различного рода больших и малых судов, при этом часть войск погрузилась и вышла в море ночью, даже не замеченная разведкой Люфтваффе. Правда, эвакуировалась из Одессы только живая сила. Коней и грузовой транспорт пришлось оставить. Из-за отсутствия кранов тяжелые артиллерийские орудия сбросили в гавань. Советский 57-й артиллерийский полк поднялся на борт транспорта без единой пушки, без единого тягача или грузовика и безо всякого снаряжения.

Затем, сразу по прибытии в Севастополь, усталые и недостаточно экипированные части армии Петрова форсированным маршем отправились на передовую - на Ишуньский перешеек.

Для прорыва обороны противника на перешейке Манштейн использовал три дивизии 54-го армейского корпуса. Для большего по численности контингента просто не хватило бы места на семикилометровом коридоре. Считая слева направо, шли 22, 73 и 46-я пехотные дивизии и части 170-й пехотной дивизии. Позади них располагался 30-й корпус - 72-я, главные силы 170-й и 50-я пехотная дивизии. По дороге подтягивался, чтобы вступить в боевые действия позднее для поддержки и развития наступления 11-й армии, 42-й корпус - 132 и 24-я пехотные дивизии. В ставке фюрера согласились придать этот корпус Манштейну с условием, что дивизии из его состава незамедлительно переправятся на Кубань из Керчи, с тем чтобы наступать на Кавказ.

Шести дивизиям Манштейна противостояли восемь полевых дивизий советской 51-й армии. К этому надо прибавить четыре кавалерийских дивизии, а также гарнизоны крепостей и морские бригады в Севастополе. На фронт перебрасывались соединения армии генерала Петрова из Одессы. Казалось, ночь никогда не кончится. Передовые наблюдатели лежали перед раструбами оптических труб. Трясаясь от холода, стрелки жались в тесных, вырытых на двоих окопчиках. Сразу за передовыми позициями пехоты располагались артиллерия и минометы постановки дымовой завесы, которые здесь, на участке 11-й армии, предполагалось использовать впервые. Орудия скрывались за земляными укреплениями и камуфляжной сеткой. Глубже - дальше от передовой - располагались 150-мм и 210-мм гаубицы тяжелой артиллерии. В 05.00 страшный грохот разорвал предрассветную тишину серого утра. Битву за Крым 11-я армия начала с яростной артподготовки из всех своих орудий. В грохочущем и пылающем аду рушились здания, взлетали к небу фонтаны грязи и комья земли, всюду клубился дым и чувствовался запах смерти. С ревом и свистом мчались к позициям противника, оставляя за собой огненные хвосты, реактивные снаряды дымовых минометов, обрушивая на защитников Ишуньского перешейка водопад огня и стали.

Было 05.30. Светопреставление творилось всего в 100 метрах перед позициями штурмовых полков. На какой-то момент все стихло. Затем началось вновь, но теперь снаряды стали рваться дальше: артиллеристы увеличили дистанцию. Это служило сигналом пехоте. Солдаты поднялись из своих окопчиков.

– Вперед!

Они атаковали под прикрытием пулеметов. Минометы заставляли молчать вражеские огневые точки.

Но немецкая артиллерия не могла совершенно вывести из строя советскую, расположенную

на давно и тщательно подготовленных позициях. Уцелели и многие другие огневые точки. Заговорили русские пулеметы. Советская артиллерия била прицельными залпами, вынуждая атакующих искать укрытия.

Пехотинцы могли продвигаться только шаг за шагом. На левом фланге батальоны 65-го пехотного полка (22-й пехотной дивизии из Нижней Саксонии) под командованием полковника Гакциуса прорвались через оборону противника и захватили блокировавшую проход укрепленную высоту, однако оказались вынуждены окапываться под мощным огнем артиллерии.

На участке 47-го пехотного полка обстановка развивалась не столь удачно. Штурмовые роты увязли перед проволочными заграждениями и попали под обстрел. Те, кто не погиб, почли за счастье вернуться обратно. Пришлось выводить на передовую резервный 16-й пехотный полк 22-й пехотной дивизии; он ударил русским во фланг и сломил их оборону перед фронтом 47-й пехотной дивизии. Наступление возобновилось. Высившийся на совершенно ровной местности курган штурмом взяли солдаты 47-го пехотного полка. Но русские не сдавались. Они умирали на своих позициях.

На участке 73-й пехотной дивизии, действовавшей справа от 22-й пехотной дивизии, атакующие тоже постепенно продвигались вперед. А на правом фланге части 46-й и 170-й пехотных дивизий проложили себе путь внутрь сильно укрепленной оборонительной системы противника.

Однако система эта, как им казалось, не имела конца и края - колючая проволока и еще колючая проволока, обширные минные поля с деревянными минами, не обнаруживаемыми саперными миноискателями, дистанционно управляемые огнемётные установки. Сверх того, вкопанные в землю танки и даже морские мины с электродетонаторами "произрастали" на этих "дьявольских плантациях", которые приходилось очищать от сорняков храбрым саперам.

Один рубеж за другим брала немецкая пехота в кровопролитном бою. Часто спасти ситуацию удавалось только за счет развертывания штурмовой артиллерии поддержки пехоты: громоздкие чудища - штурмовые орудия 190-го дивизиона - пробивали бреши в проволочных заграждениях, линиях дотов, очищая путь для пехотных рот. Битва полыхала восемь дней - восемь раз по двадцать четыре часа. Наконец в нескольких местах удалось проложить тропинки в Крым. Даже Приморская армия Петрова не смогла предотвратить этого. Согласно полковнику П.А.Жилину, армия на протяжении последних трех дней боев за перешеек потеряла большую часть своего личного состава и снаряжения. Жилин приписывает потери "массированным атакам немецких танков". Он ошибается. У Манштейн танковых частей не было вообще. Это две дюжины штурмовых орудий из 190-го дивизиона майора Вогта - называемые львами из-за своего тактического знака - вместе с 170-й пехотной дивизией решительно разгромили Приморскую армию генерала Петрова.

В то же самое время командование 11-й армии не могло не заметить, что численность личного состава ее штурмовых соединений ощутимо сократилась за несколько дней постоянных боев. 25 и 26 октября возникало особенно много кризисных ситуаций. 27 октября, прежде чем советское противодействие начало ослабевать, одесские полки армии Петрова дали немцам несколько упорных сражений.

Поэтому Манштейн назначил решающую атаку на 28 октября. Но удар наносить не пришлось: советская 51-я армия оставила позиции и под покровом темноты отошла на восток. Остатки Приморской армии Петрова в беспорядке откатывались на юг в направлении Севастополя. Немцам удалось прорваться в Крым.

11-я армия могла теперь броситься в преследование за бегущим противником. 28 октября без усталости связные сновали туда-сюда в административном здании плодозаготовительного совхоза "Аскания-Нова", что примерно в 30 километрах на северо-восток от Перекопа.

Начальник оперативного отдела штаба Манштейна, полковник Буссе, развернул оперативную карту в большом зале, служившем комнатой для совещаний. Стрелками, линиями, маленькими кружками и флажками обозначалось начало бегства русских.

Ближе к полудню в помещение вошел Манштейн вместе с полковником Вёлером, начальником штаба 11-й армии.

– Как вы оцениваете обстановку, Буссе? - обратился Манштейн к начальнику оперативного отдела. - Как считаете, русские сдадут Крым?

– Полагаю, нет, господин генерал, - отозвался Буссе.

– И я того же мнения, - согласился Манштейн. - Если бы они поступили подобным образом, то утратили бы контроль над Черным морем и лишились бы сильной позиции, создающей угрозу флангу нашей группы армий "Юг". С этим они спешить не станут. Кроме того, будет непросто найти транспорт для двух армий, чтобы вывезти их оттуда.

Вёлер указал на карту:

– Русские намерены удержать Севастополь, Феодосию и Керчь. Они спасут свои разбитые части, поместив их в эти укрепленные районы, затем пришлют пополнения, переформируют и вновь бросят в бой. Такая возможность будет у них до тех пор, пока в руках у них останется морская крепость Севастополь.

– Вот как раз этому-то мы и должны помешать, - уточнил Манштейн.

Буссе кивнул.

– Но как мы превратим нашу пехоту в подвижные войска? Нам бы танков или хотя бы моторизованную дивизию! Тогда бы все получилось гораздо проще.

Полковник Вёлер решил, что настало время объяснить:

– Мы соединим воедино все механизированные части из состава пехотных дивизий, начиная от разведывательных подразделений и кончая зенитными и противотанковыми батареями, и пошлем их вперед как мобильную боевую группу!

Буссе всецело поддержал предложенную идею.

– Отлично, - подытожил Манштейн. - Вы, Буссе, проследите за формированием этой боевой группы. Возглавит ее полковник Циглер. Первой целью его станет овладение Симферополем - главным городом и транспортными узлом полуострова. Через него лежит дорога к Севастополю и к южному берегу. Ее необходимо блокировать.

Манштейн взял цветной карандаш и несколькими решительными линиями представил на карте оперативный план: 22 и 72-я пехотные дивизии 30-го армейского корпуса будут продвигаться позади мобильной боевой группы Циглера через Симферополь и Бахчисарай к южному побережью - к Севастополю и Ялте. Вновь прибывший 42-й армейский корпус силами 46, 73 и 170-й пехотных дивизий будет наступать на Феодосию и Парпачский перешеек. 54-му корпусу с его 50 и 132-й пехотными дивизиями предстоит идти на юг прямо к Севастополю. Может быть, все же удастся взять крепость неожиданно с хода.

Таков был Манштейн - смелый, быстрый в принятии решений, умевший верно оценить всю обстановку в целом. Его план нарушал планы противника, поскольку генерал Кузнецов отводил советскую 51-ю армию на юго-восток, чтобы, в соответствии с приказом, оказать противодействие немецкому наступлению у Феодосии и Керчи.

Приморская армия генерала Петрова пришла в полное замешательство. Она утратила связь с Верховным Главнокомандованием и потому не имела приказа отступить. Петров собрал всех командиров, начальников штабов и комиссаров дивизий и бригад в штабе 95-й стрелковой дивизии в Екибаше. Между собравшимися закипел жаркий спор. Все боялись брать на себя ответственность. В итоге пришли к решению отступить на юг и защищать Севастополь.

Именно такой реакции и ожидал Манштейн, набрасывая план дальнейших действий в

Аскания-Нова.

– Есть вопросы, господа?

– Нет, господин генерал!

– Отлично. Вы проследите за всем, Буссе. А я - в Тридцатый корпус.

Щелкнули каблуки. Снаружи, во внутреннем дворе, зарычал двигатель командирской машины. Тронулись в путь фургоны с рациями. Подвижное отделение штаба, передовой КП 11-й армии, отправлялся на фронт.

По прибытии в 30-й корпус Манштейна ждало опередившее его донесение о том, что 22-я пехотная дивизия генерал-майора Вольфа, в прошлом воздушно-десантная дивизия и потому лучше других укомплектованная автотранспортом, уже сформировала свой моторизованный передовой отряд из частей саперов, противотанковой и полевой артиллерии, армейских ПВО и пехоты. Группа под командованием майора Претца уже прошла Таганаш и двигалась к транспортному узлу Джанкой.

1 ноября боевая группа полковника Циглера овладела Симферополем. Вместе с разведывательным подразделением 22-й пехотной дивизии, находившимся под началом подполковника фон Бодьена, она пробилась через горы и вышла к южному побережью в районе Ялты, отрезая таким образом путь стремившимся к Севастополю крупным силам советской Приморской армии.

В восточном секторе Крыма 46-я пехотная дивизия вышла к Парпачскому перешейку и блокировала его прежде, чем туда успели подойти советские формирования. 3 ноября полки 170-й пехотной дивизии овладели городом Феодосией и ее гаванью. В ходе ожесточенных боев 46 и 170-я пехотная дивизии прорвались через Парпачский перешеек. Командир 401-го пехотного полка подполковник Тило и его адъютант лейтенант фон Протт погибли во время атаки у проволочных заграждений перед опорным пунктом. Потери ощутимо росли. Численность личного состава рот сократилась до двадцати человек, в лучшем случае до тридцати. Но, несмотря на это, победа была полной. Только штаб и отдельные разгромленные части советской армии без тяжелого вооружения смогли спастись бегством на материк через Керченский пролив. 15 ноября пал сильно укрепленный форпост - город Керчь.

Передовое подразделение 22-й пехотной дивизии майора Претца также наступало в соответствии с графиком. Обойдя Симферополь, оно вступило в скалистые горы Яйла. Хотя солдаты и не привыкли действовать в горах, они отлично приспособились к новыми для них условиям. Во взаимодействии с 124-м пехотным полком 72-й пехотной дивизии они овладели Алуштой и окружили советскую кавалерийскую дивизию. Взяли Ялту, порт и знаменитый курорт Монте-Карло на Черном море.

Подполковник Мюллер со своим 105-м пехотным полком 72-й пехотной дивизии повернул на запад, к Севастополю, вдоль идущей по берегу дороги и смелым броском захватил Балаклаву - самый южный бастион крепости. Все, казалось, шло в соответствии с планом.

50 и 132-я пехотные дивизии 59-го корпуса, двигавшиеся с севера, тоже действовали на подступах к Севастополю успешно. Но внезапно сопротивление советских войск обрело новую силу. В бой вступили советская морская пехота и крепостная артиллерия - свежие и боеспособные штурмовые части, - а также 79-я бригада курсантов военного училища из Новороссийска. Они не сдавали ни метра земли. Стало ясно, что с имевшимися в наличии уже вымотанными боями полками взять Севастополь с ходу немцам не удастся. Приза, способного увенчать корону победителя, Манштейн все же лишился.

Но хотя 11-й армии и не удалось овладеть Севастополем, высочайший боевой дух наступающих частей позволил тем не менее почти полностью уничтожить противника в поле. Двенадцать стрелковых и четыре кавалерийские дивизии были по большей части разгромлены.

Шесть немецких пехотных дивизий взяли в плен свыше 100 000 солдат и офицеров противника, а также уничтожили или захватили 700 артиллерийских орудий и 160 танков.

16 ноября 1941 г. и далее перед 11-й армией стояла задача овладения последним бастионом вражеской обороны в Крыму, одной из сильнейших морских крепостей в мире, посредством удара с суши. Севастополь должен был пасть так или иначе. Нельзя было обойти эту морскую цитадель с ее обширным портом, нельзя было и блокировать, заперев с суши. Поскольку наличие Севастополя давало Сталину шанс в любой благоприятный момент развернуть морскую десантную операцию против фланга немецких войск на Восточном фронте, пришло время начать методичный штурм города-крепости. Ничто не могло быть оставлено без внимания. Правильное применение артиллерии и обеспечение ее боеприпасами превратилось в ключевую проблему в данной операции вслед за полным блокированием подходов к городу с суши.

Представление о том, какую предварительную работу приходилось проделывать артиллеристам, дает сцена, типичная для батарей 22-й пехотной дивизии, расположенной к северо-востоку от Севастополя. Унтер-офицер Плейер только что выплеснул воду из заржавевшей банки из-под консервов, стоявшей под дырой в крыше старого русского деревянного блиндажа, когда зазвонил телефон.

– Дора-два, - произнес Плейер в трубку. "Дора-два" - таков был позывной штаба 22-го артиллерийского полка. Он располагался в знаменитой Бельбекской долине на высоте 304, неподалеку от маленького сельца Сюрень в 27 километрах от Севастополя.

Человек, голос которого звучал с противоположного конца телефонной линии, представился как Альбатрос-три.

– Я слушаю, - сказал Плейер. Медленно повторяя каждое слово, он записал сообщение: "Вчера ночью приехали восемь девушек без корзин. Конец донесения". - Сообщение принято. Отбой.

Плейер положил на место трубку и взял зеленую папку с полки рядом с телефоном. Аппарат зазвонил вновь.

На сей раз с унтер-офицером говорил Цапля-пять. Цапля-пять передал через Плейера еще более странное сообщение, чем даже Альбатрос-три. Теперь о приехавших без корзин девушках речи не шло, но, как оказалось: "Органист запустил в Герду тортом".

Унтер-офицер Плейер не смеялся. Он старательно записывал текст, повторяя слова: "... в Герду тортом".

Донесения, подобные этим двум, шли и шли. Их присылали передовые наблюдатели, по вспышкам выстрелов и по звуку полета снарядов они определяли расположение оружейных позиций в Севастополе. Передавать свои сообщения наблюдатели могли только в зашифрованном виде, поскольку в труднодоступных районах русским то и дело удавалось подключаться к немецким телефонным линиям. Поэтому кодовые слова использовались для обозначения калибров, особенностей местности, огневых окопов, воинских частей и самих наблюдательных пунктов немцев. Потому-то и получались такие забавные фразы вроде "девушек, приехавших без корзин" или Герды, в которую "запустил тортом органист". На артиллерийских КП сведения о каждой обнаруженной пушке, наблюдательном или опорном пункте вносились в специальные реестры с указанием расстояний. Благодаря этому наводчики знали обо всех важных целях. Таким образом, крепость и подступы к ней находились под беспрестанным наблюдением, все время велась разведка, и постоянно пополнялись и корректировались списки объектов.

То, что мы видели в штабе 22-го артполка во второй половине ноября, происходило повсеместно на всех КП частей 11-й армии. Там кипела лихорадочная работа. Манштейн хотел взять Севастополь к Рождеству. 11-ю армию надлежало поскорее высвободить для выполнения

другого задания наступления на Кавказ. Она не могла сидеть привязанной в Крыму вечно. По этой причине Манштейн сосредоточил на овладении Севастополем все свои силы.

После изнурительных боев в горах, где 11-я армия смогла также применить вновь прибывшую румынскую 1-ю горную бригаду, немцам удалось закрыть проход между левым флангом 54-го корпуса и 30-м корпусом в горах Яйла. Но четырех дивизий, стоявших восточнее крепости в конце ноября, было едва ли достаточно для решающего штурма. Как и всегда во время кампании в России, перед войсками слишком малой численности ставились очень крупные, грандиозные для них задачи. В результате Манштейн рискнул оголить открытый Керченский полуостров, оставив там всего одну дивизию - 46-ю пехотную. Это означало, что

300-километровую береговую линию охраняли фактически не более, чем усиленные полевые сторожевые заставы. Что случилось бы, высадись в Керчи русские? Манштейну приходилось уповать на лучшее. Он имел все основания доверять командиру 42-го армейского корпуса, графу Шпонеку, опытному и деятельному генералу, и его 46-й пехотной дивизии.

17 декабря закончились все последние приготовления к штурму Севастополя. С первыми проблесками рассвета по всему 20-километровому фронту 54-го корпуса открыли огонь орудия всех калибров. Вновь большую роль в операции играл 8-й авиакорпус генерала фон Рихтгофена. Его самолеты штурмовой авиации и пикирующие бомбардировщики наносили удары по советским укреплениям и огневым позициям. Началась первая битва за Севастополь.

Город пылал. Взять его предполагалось с севера. Направление главного удара пролегло через участок 22-й пехотной дивизии, образовывавшей правый фланг 54-го корпуса. Рядом действовали 132, 24 и 50-я пехотные дивизии. Гренадеры 16-го пехотного полка атаковали склоны Бельбекской долины и смогли далеко углубиться в советскую оборону.

2-й батальон вышел к знаменитому Камышлинскому ущелью и отчаянным броском захватил господствующую высоту 192. Измотанные и изрядно поредевшие взводы остановились - солдаты повалились спать прямо в кустарнике. Вместе с частями 132-й пехотной дивизии - соседней частью на юге - 16-й пехотный полк очистил от противника противоположный склон и ударил прямо по укрепленному району к югу от Бельбекской долины. Штурмовые батальоны 132-й пехотной дивизии, при активной и действенной поддержке минометов саперов, в первый день прошли не более 6-7 километров. Даже обычно наводившие страх на противника "Штука-цу-фусс" не смогли сломить упорного сопротивления защитников.

Правее, на ледяном пронизывающем ветру прокладывали себе путь вперед по гряде холмов через ряды дотов и колючей проволоки батальоны 65-го пехотного полка. Они продвигались очень медленно.

На самой оконечности правого фланга, на участке 47-го пехотного и румынского моторизованного полков, роты увязли на три дня перед укреплениями долины реки Качи. Убийственный огонь оборонявшихся не давал наступающим продвинуться. В их боевых порядках творился сплошной кошмар.

21 декабря на участке 47-го пехотного полка 22-й пехотной дивизии капитан Виннефельд повел свою роту в адское пекло. Но остаться там, где они находились, означало почти наверняка погибнуть. Атакуя, они могли получить шанс уцелеть.

- Вперед! Ворвемся в русские окопы! - В ход идут ручные гранаты, шанцевый инструмент, автоматы! Убей или будешь убит! Таким вот образом 3-й батальон 47-го пехотного полка прорвал русские рубежи. На берегу эскадроны 22-го разведывательного подразделения и 6-я рота полка специального назначения "Бранденбург" овладели самым передовым советским опорным пунктом.

Затем на советских рубежах разгорелся жестокий рукопашный бой - немцы и русские, казалось, готовы были загрызть друг друга, разорвать на части голыми руками. Наконец 23

декабря 22-я пехотная дивизия силами 16-го пехотного полка полковника фон Хольтица вышла к дороге, ведущей в крепость с севера на юг. Внешнее кольцо укреплений, опоясывавших Севастополь, находилось в руках немцев.

Но Севастополь держался. Из стволов спаренных башенных тяжелых орудий батареи "Максим Горький" скрывающиеся под землей защитники обстреливали позиции противника 305-мм снарядами. Доты и пулеметные точки поливали немцев огнем. И в этом аду войска Германии встретили Рождество.

Не было свечей, звона колоколов и писем. Зачастую и для многих подолгу не находилось горячей пищи.

24-я и 132-я пехотные дивизии продвигались лишь мелкими шажками. Хорошо пристрелявшиеся советские минометные батареи обстреливали немецкие резервы в просветах между зарослями кустарника и на дороге. Защитники прочно обосновались в выстроенных из теса и земли дзотах и блиндажах, которые приходилось брать с боя один за одним. Так единый штурм распался на множество отдельных маленьких сражений. Батальоны 24-й пехотной дивизии буквально приносили себя в жертву ради продолжения наступления. Единственный ощутимый прогресс наблюдался на участке 22-й пехотной дивизии.

28 декабря в 07.00 измотанные солдаты 22 и 24-й пехотных дивизий сгруппировались для окончательного штурма главного района обороны крепости. Полковые командиры сидели у полевых телефонов, получая приказы.

– Общий штурм. Всеми силами, - вот что требовали они. - Крепость должна пасть в канун Нового года!

В канун Нового года. И они пошли.

Все, кто побывал в том сражении и остался жив, и по сей день вздрагивают при одном воспоминании о нем. Такого 65-й, 47-й и 16-й пехотные полки прежде не видывали.

Полковник фон Хольтиц со своим 16-м полком находился в самом центре штурма. Перед наступлением темноты 28 декабря штурмовые части проложили себе путь к самому мощному форту Сталина - ключевому опорному пункту на северных подступах к Севастополю. Если форт будет взят, дорога к Северной бухте - огромной гавани Севастополя - окажется открытой. Тот, кто овладеет портом, сможет задушить оборону крепости.

В тот момент, 29 декабря, разорвавшейся бомбой на штаб Манштейна свалилась новость: после подготовительной высадки у Керчи, мощные советские силы вторжения десантировались теперь также и у Феодосии, на перешейке между Крымом и Керченским полуостровом. Они смели малочисленные немецкие рубежи прикрытия и овладели городом. Защищали район только 46-я пехотная дивизия да несколько слабых румынских частей. Все остальные войска командующий задействовал для штурма Севастополя.

– Что мы предпримем теперь, господин генерал? - спросил командующего начальник оперативного отдела 11-й армии.

И что же, в самом деле, можно было предпринять? Оставить в Керчи и Феодосии все как есть до падения Севастополя? Или же приостановить натиск на город, а высвободившиеся войска бросить на устранение угрозы у себя в тылу?

Манштейн не любил принимать решений в спешке. Он отправился в здание школы села Сарабуз, где с середины ноября размещался штаб 11-й армии, чтобы внимательно изучить последние донесения. Сам генерал, равно как его начальник штаба и начальник оперативного отдела квартировали в старой крестьянской хате по соседству, в очень скромно обставленных комнатах. Кровать, стол, стул, умывальник с полотенцем - вот, собственно, и вся обстановка. Манштейн не любил реквизировать мебель, чтобы, как он сам выражался, "создавать себе комфорт, которого лишены солдаты".

Оперативные карты в штабе отражали смертельно опасную ситуацию, в которой находилась Крымская армия в течение последних пяти часов. Несколько дней назад, как раз на Рождество, части советской 51-й армии неожиданно форсировали Керченский пролив шириной всего пять километров и после успешного завершения переправы 26 декабря 1941 г. сосредоточились по обеим сторонам от города.

Командир 42-го корпуса генерал-лейтенант граф фон Шпонек отрядил свои 73 и 170-ю пехотные дивизии для штурма Севастополя, оставшись на полуострове только с 46-й пехотной дивизией. Однако три ее полка смогли, устремившись в немедленную контратаку при температуре 30 градусов ниже нуля, не дать советским войскам расширить их плацдармы и после переброски последних резервов даже сбросить в некоторых местах противника в море. Вздохнув с облегчением, Манштейн не стал отменять наступательных операций под Севастополем. Но на сей раз, 29 декабря, русские уже с 02.30 находились в Феодосии.

Манштейн изучал красные стрелки на оперативной карте. Если немедленно не бросить против русских какие-то части, неприятель сможет заблокировать Парпачский перешеек, 20-километровый проход из Крыма на Керченский полуостров, отрезать 46-ю пехотную дивизию и ударить в тыл немецким войскам под Севастополем. Вновь стали очевидными последствия безбожного нарушения германским Верховным командованием непреложных законов современной войны: 11-я армия не располагала моторизованными мобильными оперативными резервами. Было только одно решение: перебросить к Феодосии часть войск из-под Севастополя.

Сдерживая волнение, стояли рядом с Манштейном перед картой начальник штаба и начальник оперативного отдела. Что же, прервать сражение за Севастополь? Именно этого и добивалось советское командование, высаживая войска у Керчи?

Манштейн и его офицеры напряженно обдумывали ситуацию, взвешивая все "за" и "против". Разве все не выглядело так, что под Севастополем, на участке 22-й пехотной дивизии, достаточно было одного последнего усилия, чтобы захватить жизненно важную бухту? Если это удастся, немцы овладеют господствующей позицией, тогда штурм города можно будет отложить без всякого риска даже на несколько недель. Взятие под контроль немцами Северной бухты не позволит противнику перебрасывать в город подкрепления по морю. Он окажется в плотном кольце, а высвобожденные дивизии можно будет направить к Феодосии и Керчи, чтобы сбросить советские войска обратно в море. Главное, чтобы генерал граф Шпонек смог продержаться еще хотя бы два или три дня. Конечно же, собрав все возможные резервы, он сможет связать русских под Феодосией на такой непродолжительный срок.

В этом виделся разумный выход. Поэтому Манштейн приказал:

– На северном участке перед Севастополем Двадцать вторая пехотная дивизия возьмет форт Сталина и продвинется к бухте. Атака на город с востока будет приостановлена; Сто семидесятая пехотная дивизия будет немедленно снята с форта и перебросена к Феодосии.

Началась погоня за временем. Окажется ли верным расчет? В 10.00 29 декабря 1941 г. в штаб армии пришло шифрованное сообщение из корпуса графа Шпонека. Содержание не могло не вызывать тревоги: "Командование корпуса выводит войска с Керченского полуострова. 46-я пехотная дивизия начинает продвижение в направлении Парпачского перешейка".

Манштейн заколебался. Несколько дней назад, в Рождество, когда по обеим сторонам Керчи высадились советская 244-я стрелковая дивизия, граф Шпонек предлагал оставить полуостров. Манштейн решительно отверг подобное предложение и недвусмысленно приказал оборонять эти жизненно важные подступы к Крыму. Теперь командир 42-го корпуса действовал без разрешения и даже вопреки строгому приказу.

Манштейн распорядился передать назад в корпус:

– Немедленно остановить отход.

Но сообщение не достигло цели. Штаб корпуса больше не отвечал. Граф Шпонек уже распорядился демонтировать рацию. Впервые со времени начала кампании на Востоке командир такого высокого ранга не подчинился приказу начальника. Симптоматический случай, затрагивающий основополагающие принципы. Генерал-лейтенант граф Ганс фон Шпонек, наследник дюссельдорфского рода кадровых офицеров, родившийся в 1888 г., служивший еще в Императорской гвардии, был человеком исключительной личной храбрости и прекрасным боевым командиром. Командуя 22-й воздушно-десантной дивизией, которая в 1940 г. в результате смелого рейда захватила "крепость Голландию", Шпонек получил за Западную кампанию "Рыцарский крест". Впоследствии, уже как командир 22-й пехотной дивизии, в которую преобразовали воздушно-десантную дивизию, он также отличился во время форсирования Днепра.

Значение произошедшего состояло в том, что граф Шпонек стал первым немецким командиром в звании генерала на Восточном фронте, который, когда две советские армии атаковали его единственную дивизию, оказавшись перед альтернативой держаться насмерть или отступить, выбрал последнее. Он отреагировал на советскую угрозу не в соответствии с гитлеровскими принципами руководства войсками, а в соответствии с правилами, воспитанными в нем прусским генштабом. Они требовали от командира холодно и беспристрастно взвешивать каждую ситуацию, проявлять гибкость, принимать решения в соответствии с обстановкой и не бросать солдат в мясорубку без какой-то очень веской на то причины. Шпонек такой причины не видел.

Какие же соображения заставили графа не подчиниться приказу свыше?

Хотя сам Шпонек никаких записок и дневников не оставил, его начальник оперативного отдела и заместитель начальника штаба, майор Айнбек, изложили в служебной записке аргументы командования корпуса. Сохранился также доклад подполковника фон Альфена, начальника штаба 617-го инженерного полка.

Вот какая картина складывается из этих документов. 28 декабря 1941 г. 46-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Гимера, собрав в кулак все свои резервы, сумела ликвидировать советский плацдарм к северу от Керчи. Советские солдаты, а особенно уроженцы Кавказа, демонстрировали невероятные чудеса храбрости. Несмотря на 20-градусный мороз, они подобрались к крутому берегу по шею в воде, создали там опорный пункт и без поставок снабжения держались в течение двух суток. Раненые превращались в затянутые ледком груды плоти. Многие умирали от переохлаждения. Войска противника, высадившиеся к югу от Керчи, оказались блокированы, но в этот момент советские морские части атаковали у Феодосии, в 100 километрах от Керчи. Под покровом темноты в гавань вошли тяжелый крейсер, два миноносца и десантные суда.

Из 147-го армейского дивизиона береговой артиллерии, посланного на защиту Феодосии, к месту назначения добрались пока только четыре 105-мм орудия и личный состав штаба. Вдобавок в порту находились всего одна немецкая и одна чешская гаубицы. Советские боевые корабли выхватили лучами своих прожекторов орудийные позиции немцев и, обрушив на них всю мощь своей артиллерии главного калибра, разнесли в щепы. После этого русские произвели высадку.

Для пехотного боя немцы располагали саперным взводом из подразделения десантных лодок и истребительно-противотанковым взводом с двумя 37-мм противотанковыми пушками. К счастью, 46-й инженерный батальон, шедший маршем на запад, разместился в Феодосии на ночлег. Граф Шпонек поручил отражение советского десанта подполковнику фон Альфену. Подполковник собрал и поставил под ружье всех, кого только смог найти, - казначеев,

механиков-ремонтников, личный состав продовольственных складов и почтовой службы, дорожно-строительную роту и связистов. С помощью такой пестрой команды он организовал первую линию обороны на подступах к городу.

В 07.30 в штаб графа Шпонека в Кенегесе поступило донесение: "Советские войска высаживаются также на открытом берегу к северо-востоку от Феодосии". Десантировалась целая дивизия.

Через несколько минут телефонная связь с армией и с Феодосией оборвалась - как раз после того, как граф Шпонек получил сообщение о том, что Манштейн посылает к Феодосии 170-ю пехотную дивизию из-под Севастополя и две румынских бригады из гор Яйла.

Какие цели преследовали русские? Тактическая их задача заключалась в том, чтобы перерезать узкий перешеек между Крымом и Керченским полуостровом и уничтожить 46-ю пехотную дивизию. Но стратегическая цель, вне сомнения, состояла в нанесении со своего плацдарма под Феодосией быстрого удара по Крыму с целью захвата транспортного узла в тылу у Севастопольского фронта и пресечения поступления тылового обеспечения 11-й армии.

То, что русские преследуют стратегические цели, а не просто осуществляют рейды местного характера на побережье, подтверждалось тем фактом, что силы вторжения включали в себя две армии - 51-ю под командованием генерала Львова в районе Керчи и 44-ю под началом генерала Первушина под Феодосией. 44-я армия уже высадила примерно 23 000 военнослужащих 63 и 157-й стрелковых дивизий.

Генерал граф Шпонек задался вопросом: хватит ли у 46-й пехотной дивизии сил сбросить войска противника в море в Керчи и одновременно удержат Парпачский перешеек в боях против высаживавшихся в Феодосии советских частей? Он ответил "нет".

Майор Айнбек написал: "Командование корпуса могло перехватить инициативу, только немедленно сфокусировав все усилия в районе Феодосии. На данном участке можно было предотвратить наступление противника на Джанкой или Симферополь, создававшее угрозу 11-й армии. Это решение означало оставление Керченского полуострова вплоть до линии Парпачского перешейка".

Граф Шпонек считал, что ввиду ответственности, которую он несет за жизнь 10 000 человек, времени терять нельзя. Видя и понимая ситуацию такой, какой она была вблизи, непосредственно там, где протекали события, он считал оправданным поступить вразрез с приказом командующего. Граф понимал, что рискует собственной головой. Он знал суровые законы военной дисциплины, но также осознавал моральную обязанность командира выбирать между обоснованным и формальным приказом в пользу первого. Ему не удалось избежать трагической дилеммы, которая возникает в тех случаях, когда обязанность человека выполнять распоряжения входит в столкновение с личными представлениями об оперативной необходимости.

В 08.00 29 декабря граф Шпонек приказал 46-й пехотной дивизии выйти из боевого соприкосновения с неприятелем под Керчью, форсированным маршем выступить к Парпачскому перешейку, "атаковать противника в Феодосии и сбросить его в море". Он послал в штаб армии сообщение о предпринятом шаге и тут же распорядился демонтировать рацию.

Довольно о стратегических и тактических соображениях графа Шпонека. Они были разумными, трезвыми и смелыми. В них нет ни тени трусости, нерешительности - совесть графа чиста.

При температуре минус 40 градусов, в ледяную метель батальоны 46-й пехотной дивизии, части ПВО, саперы и артиллеристы выступили в поход. Им предстояло покрыть расстояние в 120 километров. Только раз, и то случайно, объявили пятнадцатиминутную остановку, чтобы дать солдатам по кружке горячего кофе. Они шли маршем сорок шесть часов. Люди

обмораживали носы и пальцы рук и ног. Большинство коней не имело зимних подков и выбивалось из сил. Они падали от изнеможения. Артиллеристам приходилось бросать орудия на обледеневшей дороге.

В то время как полки 46-й пехотной дивизии отходили в чрезвычайно трудных условиях, но тем не менее в порядке, Манштейн привел в действие план овладения фортом Сталина у Севастополя, а затем оказания помощи графу Шпонеку. Роты 16-го пехотного полка изготовились для решающего штурма. Укрепления форта зловеще высились над заграждениями из колючей проволоки и окопами, преграждавшими подступы к нему. Немецкие штурмовые подразделения бесшумно прокладывали себе путь через проволоку. Взлетела в воздух красная ракета. Немецкая артиллерия открыла огонь дымовыми зарядами, чтобы ослепить русских в форте.

Вот уже немцы прорываются через первые рубежи, захватывают первые галереи, берут первых пленных. Они были измучены до крайности, совершенно вымотаны и безучастны. Но численность личного состава батальонов 16-го пехотного полка сократилась до шестидесяти-восьмидесяти человек.

Следовало ли продолжать кровопролитное сражение в свете ситуации на Парпачском перешейке? Манштейн пришел к выводу, что не следовало. Учитывая обстановку вокруг Феодосии, он больше не хотел рисковать и отдал приказ о прекращении штурма. Шел последний день 1941 г.

Полковник фон Хольтиц со своим 16-м пехотным полком покинул кровью добытые укрепления форта и, в соответствии с инструкциями, отошел на исходную позицию в Бельбекской долине. 24-я пехотная дивизия могла удержать свои позиции, но для нее, также как и для всех прочих частей и соединений 11-й армии на подступах к Севастополю, приказ был один: ждать.

Прошло еще пять месяцев, прежде чем возобновилась битва за наиболее мощную крепость времен Второй мировой войны, и пять с половиной месяцев, прежде чем 16-й полк вновь оказался в форте Сталина. Утром 31 декабря 1941 г. передовые батальоны 46-й пехотной дивизии вышли к Парпачскому перешейку. Но головные части советской 63-й стрелковой дивизии оказались там раньше их и овладели Владиславовкой, что к северу от Феодосии. Так что же, выходит, дивизия напрасно осуществила свой маневр, чтобы отрваться от противника?

– Атаковать, прорваться и взять Владиславовку! - приказал генерал Гимер 46-й пехотной дивизии. Войска быстро построились для атаки на ровном заснеженном плато. Ледяной ветер, дувший с Кавказа, пронизывал их тоненькие шинельки и заставлял кровь стечь в жилах. Слезы слабости и беспомощности стекали по небритым щекам.

Измотанные полки продвинулись еще на шесть с половиной километров. Потом остановились. Солдаты просто рушились в снег.

Под прикрытием темноты батальоны в конце концов обошли расположения русских по правому краю и, устремившись через все еще открытую часть перешейка, "заняли позиции" на промерзшей земле, развернувшись к югу и востоку. Последние арьергардные части подтягивались к рубежу обороны, наскоро созданному 1-й ротой 88-го инженерного батальона.

Русские атаковали на следующий день в полдень. Немцы смогли сдержать натиск. К западу от Феодосии на пути советской 157-й дивизии тоже возник прозрачный заслон, образованный подтянувшимися в последний момент 213-м пехотным полком 73-й пехотной дивизии и румынскими частями из состава горного корпуса.

Когда русские бросили вперед танки, три уцелевших самоходных орудия из "Львиной бригады" спасли положение. Капитан Пайтц перебросил их на фронт от Бахчисарая, где они обеспечивали прикрытия от действий партизан. Лейтенант Дамманн, командир батареи, сумел

подобраться к вражеским танкам по холмистой местности к юго-западу от Владиславовки на расстояние 600 метров и только тогда открыл огонь. Завязалась ожесточенная дуэль. Шестнадцать советских Т-26 остались на поле битвы сгоревшими или потерявшими ход. Острие танкового наступления советской 44-й армии было сломлено. Опасность русского броска в глубокий тыл действовавшим под Севастополем частям удалось предотвратить. Противник был остановлен.

Если судить по результатам, граф Шпонек принял верное решение. Или же все-таки есть сомнения? Сам Манштейн в своих мемуарах не дает однозначного ответа - ни положительного, ни отрицательного. Он порицает графа Шпонека за то, что тот поставил армию перед *fait accompli*, сделав невозможными испробовать любые другие варианты.

Манштейн говорит: "Столь поспешный отход 46-й пехотной дивизии не являлся средством сохранения ее боевого состава. Если бы под Феодосией противник действовал правильно, дивизия, принимая во внимание состояние, в котором она достигла Парпачского перешейка, едва ли смогла бы проложить себе путь на запад". Если бы! Но противник действовал неверно, а считают по результатам. Как бы кто ни оценивал шаг Шпонека, решение свое генерал принимал не под влиянием бесчестных мотивов и трусости. Его отстранение от командования Манштейном можно оправдать принципиальными соображениями Шпонек не подчинился приказу. Но это не все. Военный трибунал ставки фюрера, проводившийся под председательством рейхсмаршала Геринга, приговорил генерал-лейтенанта графа фон Шпонека, представшего перед этим высоким собранием, к лишению всех званий, орденов и наград и смертной казни.

Гитлер сам, похоже, имел все же сомнения в отношении справедливости этого варварского приговора, поскольку по ходатайству командующего 11-й армией заменил смертную казнь семью годами заключения. На фоне будущих приговоров это примечательное решение можно считать почти что оправданием.

Но два с половиной года спустя, после 20 июля 1944 г., одна из расстрельных команд Гимmlера исправила последствия проявленного Гитлером милосердия. Графа фон Шпонека расстреляли без всякого обвинения и приговора суда.

Безжалостность, с которой трибунал судил графа Шпонека, не миновала и 46-й пехотной дивизии. То, что сделал принявший под свое начало группу армий "Юг" генерал-фельдмаршал фон Райхенау с военнoслужашими дивизии, было столь же жестоким, сколь и приговор, вынесенный командиру корпуса. В начале января 1942 г. командиров четырех ее полков вызвали в штаб дивизии. Бледный командир дивизии генерал-лейтенант Гимер дрожащим от негодования голосом зачитал им телетайпное сообщение, полученное из группы армий. Там говорилось следующее: "Ввиду вялой реакции на высадку русских на Керченском полуострове, а также преждевременного отступления с полуострова, я объявляю 46-ю дивизию лишенной солдатской чести. Награждения и повышения в звании под запретом до поступления отменяющего приказа. Подпись: генерал-фельдмаршал фон Райхенау".

Мертвой тишиной встретила несправедливый приговор храбрая дивизия. В чем же состояла ее вина? Она выполнила приказ своего командира. Она перенесла ужасные лишения, прошла через ад и после этого, отважно сражаясь, предотвратила прорыв неприятеля в Крым. И вот награда. Жестокое унижение за несовершенные преступления, непомерная ноша, которую взвалили на солдатские плечи, прикрыв это раздутыми и не подходящими ни под какие рамки понятиями о воинской чести и доблести.

Но приговор целой дивизии отважных смельчаков не менял сути проблемы - частям по-прежнему ставились задачи, которые те не могли решить в силу своей недостаточной численности. Этот факт, высвеченный печальным светом "дела Шпонека" и унижением 46-й

пехотной дивизии, вскоре явил себя во всей уничтожающей мощи не только в Крыму. Тут, как и повсюду, скоро стало очевидно, что Сталин ни в коем случае не разгромлен, не побежден, напротив, он мобилизует людские ресурсы громадной империи, чтобы обратить себе на пользу поражения прошедшего лета. И ему удавалось это, потому что фатальная слабость немцев проявлялась со все большей очевидностью - слишком мало солдат для ведения тяжелых боев на огромных просторах России.

Сегодня в эпоху технологических войн, когда на первый план вышли механизация и автоматизация, наличие оружия массового поражения может свести на нет численное превосходство противника в живой силе. Но во времена, когда Гитлер пришел в Россию, его еще не существовало. Количество солдат, численность дивизий - все это продолжало играть огромную роль. Учитывая поставки вооружений, которые текли в Советский Союз из экономически сильнейшего союзника, Америки, живая сила становилась решающим фактором. В этом заключалась причина превосходства русских. После шести месяцев сокрушительных немецких побед враг, хотя и жестоко битый, потрясенный и, казалось, уже находившийся на грани катастрофы, сумел оправиться и добиться успеха, ставшего предвестником поворота в войне. Изменение баланса сил проиллюстрировали бои, которые вела группа армий "Юг" на материке и на которые мы теперь обратим наше внимание. Мы не можем, однако, оставить Крымский ТВД с его духом героизма, трагедии и мрачной символики, не сказав ни слова о коррективе, внесенной в анналы военной истории в отношении храброй 46-й пехотной дивизии. В конце января 1942 г. преемник Райхенау, генерал-фельдмаршал фон Бок, велел зачитать дивизии следующий приказ: "За исключительные качества, проявленные в обороне перешейка с начала января, я выражаю 46-й дивизии мою особую благодарность и с нетерпением жду представлений на награждения и повышения в званиях". 46-я пехотная дивизия вернула себе честь и доброе имя. 3. Промышленный регион Советского Союза Танковая армия Клейста захватывает Сталино - 6-я армия берет Харьков - Первый раунд в битве за Ростов - Obersturmführer Ольбёттер и тридцать солдат - Рундштедт отстранен - Первый тревожный сигнал.

Как обстояли дела на других фронтах, где сражались войска группы армий "Юг"? Когда Манштейн ворвался в Крым, другие армии группы армий "Юг", действовавшие на материке, продвигались дальше на восток между реками Днепр и Донец.

Танковая группа Клейста, переименованная теперь в 1-ю танковую армию, преследовала разгромленного врага и изготавливалась для удара на Ростов. Между 12 и 17 октября после ожесточенных боев немцы овладели портом Таганрог на Азовском море. Цена этой победы продемонстрирована тем фактом, что от 3-й роты пехотного полка "Лейбштандарт Адольф Гитлер" к завершению операции осталось всего семь человек. Все остальные погибли, но Миус был успешно форсирован. 20 октября 1941 г. немецкая 1-я горнострелковая дивизия захватила Сталино, выбив оттуда советскую 12-ю армию. Таким образом, главный центр производства вооружений в районе Донца, наиболее важный индустриальный регион Советского Союза, находился в руках немцев. Согласно концепции Гитлера - теории, которую он противопоставлял генштабу и Главному командованию, - исход войны решался захватом промышленных центров, значит, теперь поражение Сталина должно было быть предрешено.

28 октября все части 1-й танковой армии генерал-полковника фон Клейста вышли к Миусу, а 17-я армия генерала фон Штюльпнагеля - к Донцу. За четыре дня до этого 6-я армия Райхенау на северном фланге наступления группы армий овладела индустриальным центром городом Харьковом.

Но затем, как и повсюду на Восточном фронте, период осенней распутицы остановил боевые операции. Армии увязли в грязи. Только 17 ноября, когда основательно подморозило,

Клейст на правом фланге смог возобновить продвижение. За сорок восемь часов до этого на Центральном фронте генерал-фельдмаршал фон Бок дал старт "атаке на Москву".

Но Советы употребили себе на пользу период вынужденной остановки противника. На Кавказе маршал Тимошенко собирал новые дивизии, корпуса и армии. Среди членов военного совета Юго-Западного фронта находился один в ту пору малоизвестный человек, с огромной энергией занимавшийся созданием новых частей и организацией партизанского движения. Звали его Никита Сергеевич Хрущев.

В то время как советское Верховное Главнокомандование мобилизовало все новые и новые армии, у немцев острее и острее ощущалась всеобщая нехватка ресурсов. Резервов не хватало - их просто не было ни у кого. Если где-нибудь русские осуществляли прорыв, чтобы залатать брешь, приходилось перебрасывать туда части с другого участка. Становилось совершенно очевидным, что на Восточном фронте немцам не хватало как минимум трех армий - по одной на каждую группу армий. Зловещим примером постоянного дефицита войск стала ситуация, сложившаяся в сражении, которое вела групп армий "Юг" за Ростов.

17 ноября 3-й танковый корпус генерала фон Макензена начал штурм этих ворот Кавказа силами 13 и 14-й танковых, 60-й моторизованной дивизии и "Лейбштандарта". Полк "Лейбштандарт", усиленный 4-м танковым полком 13-й танковой дивизии, вышел на внешние укрепления Султан-Салы. Левее нее 14-я танковая дивизия ударила на Большие Салы. Генерал Ремизов, оборонявший Ростов своей 56-й армией, ответил сильной атакой против фланга 14-й танковой дивизии. Тогда Макензен направил 60-ю моторизованную дивизию во фланговый бросок на восток, чтобы прикрыть свой фланг.

20 ноября три мобильные дивизии пробились в город, население которого насчитывало 500 000 жителей, и продолжили продвижение прямо к Дону. 1-й батальон "Лейбштандарт" ударил через ростовский железнодорожный мост и захватил его в целости и сохранности. Тем временем 60-я моторизованная пехотная дивизия обеспечила открытый фланг корпуса за счет смелого броска на восток и юго-восток и овладела Аксайской, в то время как 13-я танковая дивизия по пятам преследовала отступавшего противника с запада. Ростов, ворота в советский нефтяной рай, находился в руках немцев.

Решительная победа. Мосты через Дон в Ростове представляли собой не просто переправу через реку: эти мосты вели на Кавказ и дальше в Персию. Не зря же Британия и Советский Союз вошли в Персию в конце августа 1941 г. и построили дорогу от Персидского залива через Тебриз к советскому фронту на Кавказе. Таким образом Советский Союз получил прямой сухопутный путь единственный, - связывавший его с богатыми западными союзниками. Старая Военная грузинская дорога, ведущая от долины Терека через перевалы в горах к Тифлису, завоеванному русскими примерно в середине девятнадцатого столетия, приобретала новое значение.

В результате Ростов превратился в своего рода центр коммуникаций, перевалочную станцию между Советским Союзом и Британией для поставок вооружения и разного рода грузов через Персидский залив. Естественно, советский Генеральный штаб попытался сделать все возможное и невозможное для того, чтобы отбить Ростов у немцев и преградить танковой армии Клейста доступ на Кавказ.

Используя 37 и 9-ю армии генералов Лопатина и Харитонова, Тимошенко проводил весьма искусную операцию. В результате поворота Макензена на юг между 17-й армией и 1-й танковой армией образовалась брешь - "окно", которое из-за нехватки войск трудно было закрыть немедленно. Здесь возникала возможность для Тимошенко. Он двинул свои войска в брешь и ударил в тыл 3-му корпусу. Сложилась опасная ситуация.

Чтобы спасти положение, Макензену пришлось снять с фронта сначала 13-ю, а потом и 14-ю танковые дивизии и развернуть их в районе Генеральского моста и моста Буденного на

угрожаемом Тусловском участке. Но не успел Макензен более или менее разрядить обстановку в тылу, как Тимошенко атаковал восточный и южный фланги ослабленного немецкого корпуса. Основной удар приняли на себя 60-я моторизованная дивизия и "Лейбштандарт".

Было 25 ноября 1941 г. Мотоциклисты моторизованного разведывательного батальона из состава "Лейбштандарт" удерживали восьмикилометровый участок вдоль южной оконечности Ростова, непосредственно на берегу Дона, ширина которого в том месте доходила до километра. Но огромная река перестала быть препятствием - она замерзла. Погода была отвратительная - пронизывающий холод. Солдаты же не имели подходящего обмундирования.

Тревога прозвучала в 05.20. Советские полки - части 343-й и 31-й стрелковых дивизий, а также 70-й кавалерийской дивизии - атаковали позиции немцев по всей их ширине. На самом переднем крае залегли триста гренадеров - всего только триста. А на них шли три советские дивизии. Первый приступ сделала 343-я стрелковая дивизия. На какой-то момент шок парализовал немцев: сцепив руки, с песней и криками "Ура!" советские батальоны надвигались на них широким фронтом из холода ледяного рассвета. Штыки казались остриями копий, торчавшими из живой стены. Стена приближалась ко льду Дона. По команде русские перешли на бег. Все так же сцепив руки, они волной катились по льду.

Оберштурмфюрер¹ Ольбётер, командир 2-й роты, находился впереди со станковым пулеметом 3-го отделения.

– Надо выждать, - произнес он.

Проделав бреши в шеренгах атакующих, взорвались первые мины из тех, что поставили накануне немецкие саперы на льду. Но людская масса продолжала накатываться.

– Огонь! - скомандовал Ольбётер. Застрекотал пулемет. Спустя долю мгновения к нему присоединились и другие.

Точно гигантская невидимая коса скосила первую волну атакующих, бросая тела на лед. Та же участь постигла и вторую. Чтобы представить себе, как могла атаковать и умирать советская пехота, надо было побывать на берегу Дона в Ростове.

Перешагивая через раненых и мертвых, вперед шли следующие волны. И каждая из них подходила ближе, чем предыдущая, прежде чем пасть от мановения невидимой косы.

Дрожащими пальцами заправлял новую ленту в пулемет Хорст Шрадер, девятнадцатилетний второй номер пулеметного расчета. Глаза парня расширились от страха. Ствол дымился. Точно откуда-то с другой планеты Шпадер услышал голос командира расчета:

– Меняй ствол! Ствол меняй!

На участке 2-й роты советский 1151-й стрелковый полк атаковал силами двух батальонов. Три волны атакующих уже лежали на льду. Последняя - по численности равная батальону - надвигалась на оборонявшихся.

Русские ворвались на позиции и бросились на пулеметчиков. Рассыпавшись, они кололи штыками гренадеров в их окопчиках. Затем вновь сосредоточились. Если бы противника не удалось немедленно отбросить отчаянной контратакой, дела мотоциклистов из разведывательного подразделения "Лейбштандарт" были бы совсем плохи. Южные подступы к Ростову находились в опасности.

На участке 1-й роты денек выдался особенно жаркий. Здесь атаковали два советских стрелковых полка - 177 и 248-й. Передовая шеренга оказалась всего в 20 метров от немецких позиций. Как раз в тот момент три немецких штурмовых орудия с гренадерами на броне прибыли на участок 2-й роты для контратаки и сумели отрезать прорвавшихся русских. Шесть офицеров и 390 сержантов и рядовых оказались в окружении. Многие из них страдали от ран. Свыше 300 красноармейцев лежали убитыми перед немецкими позициями.

Ожесточенный бой не прекращался целый день. На следующий день русские появились

снова. И днем позже тоже.

28 ноября русские ворвались на позиции 1-й роты. Это были части советской 128-й стрелковой дивизии, сформированной в июле и переброшенной из Краснодара под Ростов, где они и приняли свой первый бой. Оберштурмфюрер Ольбётер решил немедленно контратаковать, но на сей раз всего с тридцатью солдатами и двумя самоходными орудиями. Первым делом, конечно, предстояло срезать сапоги с обмороженных ног. Он обернул ноги бинтами, кусками фланели и двумя попонами, стянув все это веревками. Затем он взобрался на броню самоходного орудия.

– Пошли! - только и сказал он. - Пошли!

Ольбётер был опытным тактиком. Одной самоходкой он атаковал на левом фланге, а вторую послал в обходной маневр, с тем чтобы ударить русским в правый фланг. Держась САУ и ведя огонь на бегу, группа Ольбётера врубилась в порядки противника. Несмотря на отмороженные и завернутые в попоны ноги, оберштурмфюрер появлялся то слева, то справа от штурмового орудия, направляя действия солдат, раздавая распоряжения и команды и стреляя из автомата.

Бой продолжался два часа. По завершении его Ольбётер привел три дюжины пленных. Ему удалось смять позиции противника. Застигнутые врасплох, измотанные боем, красноармейцы бежали через Дон. Вновь проявилась типичная слабость русских: на нижнем уровне командованию их не хватало гибкости, поэтому оно часто оказывалось неспособно развить успех. 300 тел убитых советских солдат осталось лежать на отбитых немцами позициях. Но среди них лежало также и большинство солдат и офицеров-мотоциклистов из 1-й роты разведывательного батальона оберштурмбанфюрера Майера.

Но что толку в локальных успехах? Русские вернулись. Они упорно атаковали вновь и вновь и в конечном итоге прорвали тонкую линию немецкой обороны. Самый величайший героизм и самопожертвование не спасали ситуацию. Факт оставался фактом - немецким войскам под Ростовом не хватало численности. Три сильно потрепанные дивизии, в ротах которых не набиралось иногда и трети от нормального личного состава, просто не могли долго сдерживать бесконечный натиск пятнадцати советских стрелковых и кавалерийских дивизий, а также нескольких танковых бригад.

Вновь проявилась основополагающая слабость немцев - нехватка ресурсов. Фронт 3-го корпуса растянулся на 110 км. Удерживать его с имевшимися в наличии войсками не представлялось возможным. Генерал-фельдмаршал фон Рундштедт осознавал это, бомбардируя звонками начальника генерального штаба сухопутных войск и ставку фюрера, он просил разрешения оставить Ростов.

Но Гитлер и слышать не хотел об отступлении. Он отказывался верить в то, что русские могли оказаться сильнее. Он настаивал на твердости, тогда как для исправления ситуации требовался здравый смысл. Итак, Рундштедт получил приказ держаться.

Но на сей раз Гитлер ошибся. Генерал-фельдмаршал отказался подчиниться приказу. Гитлер в свою очередь освободил его от командования. Генерал-фельдмаршал фон Райхенау, до того командующий 6-й армией, приняв группу армий "Юг", немедленно остановил отступление, старт которому весьма благоразумно уже дал Рундштедт.

Но даже и Райхенау не мог закрыть глаза на неумолимую реальность. Через двадцать четыре часа после вступления в должность командующего группой армий, в 15.30 1 декабря 1941 г., он позвонил в ставку фюрера:

– Русские прорывают растянутую и слишком тонкую линию немецких позиций. Чтобы предотвратить катастрофу, надо сделать фронт короче - иными словами, отойти за Миус. Другого выхода нет, мой фюрер!

То, в чем Гитлер отказал Рундштедту двадцать четыре часа назад, пришлось разрешить Райхенау - сдать Ростов.

Отступление хотя и не являлось катастрофой, стало все же первым откатом с начала войны. Это был искусный "гибкий отход". Большая часть важного Донецкого бассейна осталась в руках немцев.

Но ничего не могло прикрыть того факта, что немецкая армия на Востоке понесла первое крупное поражение. В своей армейской штаб-квартире под Москвой, в имении Толстого Ясная Поляна, Гудериан мрачно заметил:

– Это первый тревожный сигнал.

Он не знал, что через два дня другой тревожный сигнал раздастся на его собственном участке. И не только на его, но и по всему Восточному фронту. Удар, нанесенный войскам Рундштедта на юге, являлся только эпизодом, всего лишь малозначительным событием по сравнению с ураганом, обрушившимся на группу армий "Центр" под Москвой шесть дней спустя.

Часть четвертая.

ЗИМНЯЯ КАМПАНИЯ.

Дежурившие на аванпостах на участке 87-го пехотного полка солдаты только что сменились. Было 05.00, трещал жуткий мороз. Столбик термометра не поднимался выше 25 градусов мороза. Люди пробирались через снег к маленькой речушке Яхрома. Дымки из труб крестьянских изб в долине реки поднимались прямо к серому утреннему небу. Стояла тишина. 87-й пехотный полк входил в состав 36-й моторизованной дивизии. Полки из Райнштадта-Гессе держали фронт по линии, пролежавшей от Волжского водохранилища к югу от Калинина, называемого также Московским морем, и Рогачево. Столь протяженный участок приходилось контролировать при помощи отдельных опорных пунктов. Для создания более надежного рубежа в полках просто не хватало личного состава. Они были обескровлены, а хуже того, совершенно вымерзли. При температуре от 30 до 40 градусов ниже нуля никто не мог просидеть в снегу на переднем крае больше часа. Если, конечно, на нем не было тулупа и валенок, меховой шапки и меховых или ватных рукавиц. Но военнослужащие из 36-й моторизованной дивизии могли только мечтать о чем-то подобном. Они находились в 30 м от села. Обледеневшие фургоны на гужевой тяге стояли возле речки. Высоко над крышами изб поднимался журавль колодца. Возле него собрались пришедшие за водой русские женщины. Как раз когда они заметили сменившихся после вахты немецких солдат, вдруг прогрехотал орудийный выстрел. Женщины инстинктивно пригнулись. Потом бросились к ближайшим избам. В воздухе "завыл зверь". Раздался взрыв, взлетели фонтаны снега и замерзшей твердой как камень грязи. Осколки изрешетили баню, попали в некоторые избы.

Боевая тревога!

Было 5 декабря 1941 г. - пятница. Перевернулась целая страница в истории войны. Началось крупное русское контрнаступление под Москвой. Здесь, на участке 36-й моторизованной дивизии, в зоне боевых действий 56-го танкового корпуса, поднялся занавес жестокой исторической драмы. Двадцать четыре часа спустя величайшая битва запылала также и на других участках фронта группы армий "Центр" - на протяжении 1000 километров от Осташкова до Ельца.

Как же выглядела обстановка под Москвой по состоянию на 5 декабря? С севера и с запада головные части немецких войск углубились на несколько километров в пригороды советской столицы. На северном фланге группы армий "Центр" 9-я армия образовала 170-километровую дугу через Калинин к Московскому морю.

Дивизии 3-й танковой группы, которым ставилась задача флангового обхода Москвы на севере, продвинулись до Дмитрова на канале Москва-Волга. Далее на юг стояли передовые части 41-го танкового корпуса, готовые форсировать канал к северу от Лобни. Боевая группа Вестхофена из состава 1-й танковой дивизии, захватив Никольское и Белый Раст, вышла к западной окраине Кусаева. Примыкающая к ней справа 4-я танковая группа контролировала четверть окружности от Красной Поляны до Звенигорода; расстояние, отделявшее немецкие части от Кремля, не превышало 40 километров. Боевые охранения 2-й танковой дивизии находились в районе конечной остановки московского трамвая. Штурмовое подразделение 62-го инженерного батальона из Виттенберга ближе всех подобралось к берлоге Сталина, вклинившись в пригород г. Химки, всего в 8 километрах от окраины города и в 16 километрах от

Кремля.

На южном крыле 4-й танковой группы Гёпнера, считая слева направо, дислоцировались 106 и 35-я пехотные дивизии, 11 и 5-я танковые дивизии, а также моторизованная дивизия СС "Рейх" и 252, 87, 78, 267, 197 и 7-я пехотные дивизии. Затем шли дивизии 4-й армии Клюге. Они находились в 50 километрах от Москвы, дислоцируясь вдоль линии, пролегавшей с севера на юг между Московским шоссе и рекой Окой.

Далее следовал участок фронта 2-й танковой армии Гудериана. Она обошла Тулу, где встретила чрезвычайно упорное сопротивление противника, и удерживала большой клин в районе Сталиногорска, направленный острием на восток. Головные части 17-й танковой дивизии стояли под Каширой. На самой дальней правой оконечности своего фронта 2-я армия прикрывала южный фланг группы армий и осуществляла соединение с группой армий "Юг".

Вот на этой 1000-километровой линии и остановилось немецкое наступление в начале декабря - в буквальном смысле замерзнув на ней. Люди, животные, моторы и оружие - все находилось в ледяных тисках 45- и даже 50-градусного мороза. В дневнике военнослужащего 69-го стрелкового полка 10-й танковой дивизии встречается следующая фраза: "Мы ведем войну зимой так, точно мы у себя дома в Шварцвальде".

Точнее и не скажешь. У офицеров и солдат не хватало специального зимнего обмундирования, которое позволило бы им воевать, ночуя под открытым небом при температуре, достигавшей минус 50 градусов. В результате они натягивали на себя все, что подворачивалось под руку, все, что удавалось добыть на русских текстильных фабриках, в магазинах и на складах, - одну вещь поверх другой. Но теплее от этого не становилось, а вот движение такое облачение затрудняло. Все эти грязные, промокшие, никогда не снимаемые одежды становились питательной средой для вшей, которые терзали солдат, впиваясь в кожу. Но люди страдали не только от холода, но и от голода. Хлеб поступал твердый как камень, его приходилось не есть, а сосать, отрезая небольшие кусочки, такие "хлебные леденцы". Делили буханки с помощью топора, после чего куски бросали в огонь, чтобы они чуть-чуть оттаяли. Такое меню становилась причиной желудочно-кишечных расстройств. Численность личного состава рот сокращалась. Ежедневные потери от обморожений и проблем с пищеварением превышали боевые.

Как и люди, от холода и голода страдали и кони. Поставки овса осуществлялись крайне нерегулярно. Мерзлая солома с крыш изб не помогала справиться с голодом, а лишь вызывала болезни. Животных терзали колики и чесотка. Они падали и гибли десятками.

Аналогичным образом выходили из строя моторы. Не хватало антифриза: вода в радиаторах замерзала, и стенки блоков цилиндров давали трещины. Танки, грузовики и радиодургоны теряли ход и превращались в груды бесполезного железа. Оружие заклинивало, поскольку на трущихся частях замерзала смазка. Никто даже не подумал о зимнем масле. Точно так же отсутствовала зимняя паста для чистки линз биноклей, стереотруб и орудийных прицелов. Оптика тоже замерзала и тоже приходила в негодность.

Не было почти ничего необходимого для того, чтобы воевать и выживать в условиях проклятой русской зимы. В ставке фюрера рассчитывали, что войска будут в Москве до того, как ударят морозы. За ошибки в расчетах, допущенные высшим военным руководством, за плохую организацию снабжения фронта приходилось платить солдатам на передовой.

Почему же нужды фронта не удовлетворялись за счет поставок из Европы? Потому что те немногие паровозы, что имелись в распоряжении, тоже замерзали. Вместо двадцати шести эшелонов снабжения, необходимых для удовлетворения потребностей группы армий "Центр" ежедневно, приходило только восемь, в лучшем случае десять. Большинство транспортных Ju-52 не могло подняться с аэродромов в Польше и Белоруссии из-за все того же холода и отсутствия

ангаров.

Вот отрывок из письма ефрейтора Вернера Бурмайстера из 2-й батареи 208-го артиллерийского полка, только что переброшенного в Россию из Франции:

"Бесполезное дело - в пушку приходится впрягать шесть коней. Четырех передних можно вести вручную, а на двух боковых кто-то должен ехать, поскольку, если человек не сидит в седле и не упирается ногой в оглоблю, она при каждом шаге бьет лошадь в бок. В 30-градусный мороз в наших узких сапогах с подбитыми железными гвоздиками подошвами пальцы отмерзают раньше, чем ты даже успеваешь это почувствовать. Во всей батарее нет никого, кто бы ни отморозил себе пальцы или пятку". Такой была русская зима - жестокая, но обычная для этих мест. Красноармейцы всегда получали сапоги больше на один-два размера, чтобы иметь возможность напихать в них соломы или газет - весьма эффективное средство. Бывалые солдаты в немецкой армии знали это средство. Но к несчастью, сапоги у них тоже были правильного размера - по ноге.

Так чего же удивляться тому, что войска таяли с каждым днем? Численность боевого состава полков сократилась больше чем наполовину. Хуже всего дело обстояло с офицерами и унтер-офицерами, а также опытными обер-ефрейторами - ряды их особенно поредели из-за боевых потерь, обморожений и прочих болезней. Случалось, что лейтенанты командовали батальонами, часто роты возглавляли унтер-офицеры. Резервов не было. Вот в такой обстановке группе армий "Центр" приходилось удерживать фронт длиной в 1000 километров. Нужно помнить обо всем вышесказанном, чтобы понять, что же случилось потом.

А как же обстояли дела с советской стороны? Еще когда немецкое наступление благополучно развивалось, Советское Верховное Главнокомандование собирало ударный кулак к югу от Москвы и второй - к северу от столицы. Все войсковые резервы, которые оно только могло найти в своей огромной стране, были стянуты под Москву; оно шло на риск, обнажая другие фронты. Сибирские дивизии, привычные к морозу и снаряженные для ведения боевых действий в зимнее время года, составляли ядро этих новых группировок. Советское Верховное Главнокомандование перебросило на Западный фронт тридцать четыре сибирских дивизии, из них двадцать одна противостояла группе армий "Центр". В октябре она состояла из семидесяти восьми дивизий, количество которых к началу декабря сократилось до тридцати пяти. В результате катастрофического снижения численности личного состава в боевых частях, одни лишь вновь переброшенные на фронт сибирские части превосходили немецкие. Развертывание этих дивизий сыграло решающую роль.

Стягивание советских войск под Москву стало возможно лишь вследствие величайшего в истории Второй мировой войны акта предательства. Сталин знал о намерениях Японии напасть не на Россию, а на Америку. Это стало известно ему через советского агента в Токио, Рихарда Зорге, который, будучи доверенным лицом немецкого посла и другом многих высокопоставленных японских политиков, находился в курсе планов японского и немецкого руководства. Зорге сообщил Сталину об отказе японского правительства на предложение Германии напасть на Россию на востоке и о том, что японские военные готовятся нанести удар по Америке на Тихом океане. Поскольку поступавшие весной 1941 г. донесения Зорге о планах немецкого вторжения в СССР полностью подтвердились, Сталин на сей раз поверил известиям из Токио и снял все войска с дальневосточных границ, передислоцировав их под Москву, несмотря на готовность Квантунской армии напасть на Маньчжурию.

Но Сталин не мог бы пустить их в бой, если бы... Связь между информацией Зорге и датой начала русского наступления, которое началось в тот момент, когда японские авианосцы выходили на позиции для нанесения удара по базе США в Перл-Харборе, доказывает, что Сталин владел даже такой сверхсекретной информацией, как день начала войны Японии с

Америкой. И как только советские самолеты-разведчики подтвердили факт развертывания японского флота, Сталин - не веривший никому Сталин - убедился в том, что сведения доктора Зорге верны. Теперь он мог спокойно бросить в атаку под Москвой сибирские дивизии.

В начале декабря 1941 г. советское Верховное Главнокомандование сосредоточило для удара по группе армий "Центр" в общем и целом 17 1/2 армий. Три из них - 1, 10 и 20-я армии - состояли из вновь созданных сибирских и азиатских дивизий. Численность прочих армий, согласно заслуживающему доверия советскому военному историку Самсонову, была "увеличена в три-четыре раза за счет пополнений". Русские военные писатели, которые любят занижать данные о количестве своих войск и неизменно завышают численность немецких, определяют соотношение между советскими и немецкими силами как 1,5: 1 в пользу Красной Армии. И превосходство советских войск росло с каждой неделей.

На протяжении всего декабря немецкая групп армий "Центр" не получила ни одной свежей дивизии. Со своей стороны, за тот же период русские перебросили на противостоявший ей Западный фронт тридцать три дивизии и тридцать девять бригад. Цифры говорят сами за себя. Германия не располагала адекватными ресурсами. Она вела войну, для которой не было ни сил, ни средств.

Какие задачи ставило себе советское Верховное Главнокомандование, начиная контрнаступление? Легко ответить на этот вопрос, даже не обращаясь к советским источникам. Выводы диктовала сама ситуация. Первым делом надлежало разгромить два мощных немецких танковых клина, угрожавших Москве с севера и с юга.

Планировало ли - как теперь утверждают многие советские военные писатели - красное Верховное Главнокомандование изначально после достижения первой цели окружение всей немецкой группы армий "Центр" или нет - теперь лишь повод для построения теорий. Но если такие задачи ставились с самого начала, то план был построен неудачно. Сейчас мы увидим почему.

Советское контрнаступление началось севернее Москвы с битвы за Клинский выступ. Эта дуга, образованная 3-й танковой группой, представляла собой наиболее серьезную угрозу для красной столицы.

В самом центре сражения оказались немецкие 41 и 56-й танковые корпуса с их 36 и 14-й моторизованными пехотными дивизиями, 6 и 7-й танковыми дивизиями, а также - начиная с 7 декабря - 1-й танковой дивизией. Генерал Шааль, в прошлом командир закаленной огнем 10-й танковой дивизии, теперь командовал 56-м танковым корпусом. Существует его доклад, который вместе с боевыми донесениями различных дивизий позволяет увидеть впечатляющую и крайне интересную с исторической точки зрения картину тех драматических событий. На примере сражения на Клинском выступе видно, как зачастую висела на волоске судьба северного фланга группы армий "Центр" в начале декабря 1941 г. Материалы показывают также, в каких труднейших условиях, какими малыми силами и с каким героизмом встречали солдаты и офицеры смерть.

Серым ранним утром 5 декабря, когда начавшаяся артподготовка русских вынудила боевые охранения 87-го пехотного полка у реки Яхрома искать укрытия, советские полки уже атаковали передовые позиции 36-й и граничащей с ней 14-й моторизованной пехотной дивизии между Рогачево и южной оконечностью Волжского водохранилища. Советский лыжный батальон прорвался на участке 36-й моторизованной дивизии и повернул в западном направлении. Русские перенимали тактику германского блицкрига.

В полдень 7 декабря - т.е. сорок восемь часов спустя - советские войска появились перед штаб-квартирой корпуса генерала Шааля в Большом Щапове, в семи километрах к северо-востоку от Клина. Офицеры штаба, связные и писари схватились за оружие. Три бронемашины,

несколько 20-мм самоходных зениток и две противотанковые пушки из группы сопровождения корпуса стреляли безостановочно. Генерал сам залег за грузовиком и вел прицельный огонь из карабина. Начальник оперативного отдела ввел в действие боевой зенитный расчет и запер северный вход в село двумя пулеметными отделениями. Вечером с прорванного фронта прибыла потрепанная рота 14-й моторизованной пехотной дивизии и немедленно заняла позиции для сдерживания русских. Вскоре после этого в районе боя появился командир 1-го стрелкового полка полковник Вестхофен с группой бойцов, за которыми после полуночи последовали главные силы 2-го батальона 1-го стрелкового полка из Белого Раста.

На следующее утро, в 08.30, русские бросили в бой танки. Так что же, настал последний час штаба корпуса? Первый советский танк ворвался на немецкие позиции на северном участке со стороны Сельчина. Два полка пехоты при мощной артиллерийской поддержке, двигаясь в юго-западном направлении, обошли Щапово. И в тот момент шум боя раздался с левого фланга: полковник Вестхофен атаковал противника частями 1-й танковой дивизии. Возглавляемый лейтенантом Орлоффом танковый авангард 25-го танкового полка 7-й танковой дивизии также поспел в срок и ударил во фланг противнику. Русские оказались застигнутыми врасплох. Их пехотинцы отступили, неся большие потери. Командный пункт корпуса перенесли в Клин.

Там к генералу Шаалю стали поступать все более и более удручающие новости. Врагу удалось осуществить глубокий прорыв в месте стыка между 36 и 14-й моторизованными дивизиями. Крупные соединения противника устремились в брешь, обходя Клин с севера, они блокировали путь снабжения корпуса и повернули к Клину через Ямугу. Для 3-й танковой группы осталась только одна дорога, и та находилась под значительной угрозой. Если бы врагу удалось перекрыть ее, вся танковая группа оказалась бы на пороге катастрофы. Личному составу пришлось бы пытаться прорваться пешими, бросив всю технику и тяжелое вооружение. Около полудня 8 декабря ситуация обострилась. Советские части взяли Спас-Заулок, а затем Ямугу, расположенную всего в восьми километрах к северу от Клина.

Тюрингская 1-я и венская 2-я танковые дивизии - два из трех соединений, с которых начинались танковые войска Германии (третья, берлинская 3-я танковая дивизия, действовала на участке Гудериана) оставались последней надеждой Шаалья. Они должны были спасти положение и не допустить захвата противником жизненно важного пути отступления к новым позициям 3-й танковой группы на Ламе. 1-ю танковую дивизию, большая часть которой утром 7 декабря обороняла поворот дороги Рогачево-Москва около Никольского, генерал Рейнгардт направил к Клину.

Возрастала опасность того, что эта транспортная развязка, столь жизненно важная для отхода моторизованных соединений, будет потеряна даже прежде, чем дивизия выйдет к ней, но 8 декабря положение спасла атака наскоро собранных сил особого назначения под началом полковника Коппа. Танковый 37-й инженерный батальон захватил и удерживал Майданово на северной окраине города. Таким образом, худшего на тот момент удалось избежать. Была организована и постоянно усиливалась оборона северной оконечности Клина, с целью продержаться до подхода первых частей 1-й танковой дивизии. Отвечал за проведение операции генерал-майор Зири.

Задача перед ним стояла нелегкая, поскольку противник прекрасно знал, что происходит. Генерал Шааль пишет: "Ободренные отступлением немцев, возбужденные тем, что они обнаружили на путях немецкого отхода, и подгоняемые приказами советского Верховного Главнокомандования, русские сражались с большим упорством и ожесточением. Более того, в своем продвижении - некоторые шли на лыжах, но основная масса пешим ходом или на легком транспорте при поддержке Т-34 - русские пользовались всеми преимуществами рельефа местности. На этой лесистой и сложной территории тяжелым и неповоротливым

механизированным немецким колоннам приходилось почти повсеместно передвигаться по дорогам с твердым покрытием. Все чаще и чаще сражение распадалось на отдельные рукопашные схватки, когда обычно столь отлаженное и неизменно приносящее немцам успех взаимодействие между различными родами войск становилось более невозможным, так что русские, как правило, превосходили нас".

Несмотря на все трудности, боевые группы усиленной 1-й танковой дивизии, вместе с боевыми группами 5 и 2-й танковых дивизий сумели держать открытым путь отступления на запад от Клина, выбивая врага с захваченных им в ходе прорывов позиций - хотя и чрезвычайным напряжением сил и с большими потерями - и обеспечили отход четырех подвижных дивизий и частей нескольких пехотных дивизий. На этом генерал Шааль решил, что пора положить конец отчаянным операциям по затыканию дыр. Он разработал смелый план, направленный на то, чтобы обрести некое пространство для разворота в действиях корпуса и танковой группы и дать им возможность перехватить инициативу.

Замысел состоял в том, чтобы сорвать намерения противника серией быстрых контратак. Полковник Хаузер, командир 25-го танкового полка, известный в 7-й танковой дивизии как человек инициативный и энергичный, должен был получить все имевшиеся в распоряжении корпуса танки, равно как и полсотни танков, обещанных группой армий, для того чтобы прорваться на восток от Клина, уничтожить засеченный радиоразведкой дивизионный штаб противника, расположенный между Ямугой, Спас-Заулком и Биревым, атаковать с тыла советскую артиллерию, вывести из строя орудия и затем, посеяв панику и хаос в рядах неприятеля, вернуться в круг немецкой обороны. Все было готово для контратаки. Тем временем две боевые группы 1-й танковой дивизии начали вспомогательную атаку на севере. Первым делом боевая группа Вестхофена вытеснила с позиций крупные силы противника к югу от Кирева. Затем, 9 декабря, около 10.30 боевая группа фон Витерсгейма, силами 1-го мотоциклетного батальона, полудюжиной Т-III под командованием лейтенанта Штовеса при поддержке артиллерийского дивизиона Борна, осуществила бросок в направлении Ямуги по Калининскому шоссе. Поначалу операция развивалась удачно. Несмотря на свое численное превосходство, русские не проявили упорства и подались назад. На поле боя около Ямуги осталось 180 убитых красноармейцев (еще 790 попало в плен) и большое количество тяжелого вооружения, включая три Т-34. Само село, однако, немцы отбить не смогли.

Ближе к вечеру 1-я танковая дивизия отозвала боевую группу к северной окраине Клина и приготовилась к обороне. Преследовавшие возвращавшуюся группу части противника удалось отразить в рукопашной схватке. Ночью 9 декабря штабу 1-й танковой дивизии было вверено командование обороной Клина. Генерал Крюгер защищал город до 14 декабря. Теперь наступил момент для "операции Хаузера".

Все находилось в состоянии готовности - последние танки 1 и 7-й танковых дивизий, танковая рота 2-й танковой и около двадцати пяти танков 5-й танковой дивизий. В это время с правого фланга пришло донесение о прорыве противника в районе 4-й танковой группы на участке 23-й пехотной дивизии. 1-я ударная армия генерала Кузнецова образовывала северный клин наступления на г. Клин. Становилось очевидным, что советская 1 и 30-я армии стремились соединиться западнее города и окружить 3-ю танковую группу и все прочие немецкие войска, действующие на Клинском выступе.

Боевая тревога! Спасти ситуацию могла только безотлагательная и смелая контратака силами бронетехники. Как ни печально, но Шаалю пришлось перебросить боевую группу Хаузера на юго-восток, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу.

Утром 12 декабря немецкие танки устремились на юго-восток. Внезапно погода переменялась - столбик термометра заколебался около нулевой отметки. Солнце пригрело

дороги, что заметно осложнило задачу танкистам, гусеницы машин которых находились на последней стадии износа. Тем не менее группе удалось перехватить русских, дать возможность рассеянным немецким частям опомниться и найти убежище на участке обороны 3-й танковой группы вокруг Клина.

Оборона города Клина, где, несмотря на постоянную их эвакуацию, оставалось еще полным-полно раненых, целиком и полностью лежала на трех формированиях. Поначалу город удерживали для обеспечения путей отхода дивизий путем наскоро созданных сил особого назначения под командованием полковника Коппа и подполковника Кнопфа, куда входили саперы, дорожно-строительные части, несколько противотанковых и противовоздушных подразделений и три штурмовых орудия, наземный штаб Люфтваффе, механики-ремонтники и несколько отремонтированных танков. За последние дни, однако, всех имевшихся под рукой людей задействовали для активной обороны так, на северной окраине сражалось двадцать пять барабанщиков из оркестра 25-го танкового полка, действовавших в качестве пехотинцев под началом дирижера. Теперь боевые группы Вестхофена, фон Витерсгейма и Каспара были развернуты по северо-восточной и северо-западной окраинам города. К тому моменту Клиновсю обстреливала советская артиллерия, и в нем повсеместно полыхали пожары.

13 декабря командование танковой группы, с позволения Гитлера, отдало приказ об оставлении позиций к востоку от Клина. Все хлынули назад по единственной дороге - дороге через Клин.

С ночи тринадцатого числа восточную окраину города удерживала усиленная 14-я моторизованная дивизия с боевыми группами 2-й танковой дивизии и группой полковника Хаузера. Перед самой северной оконечностью Клина, ближе к западу, 1-я танковая дивизия прикрывала главную магистраль отступления, отражая яростные атаки советских войск с севера. Вновь и вновь она очищала путь от неприятеля, обеспечивая эвакуацию последних нескольких тысяч раненых и матчасти - тяжелого вооружения. Благодаря проведению этой операции вывод войск с Клинского выступа завершился к полудню 14 декабря. Но в то время как боевые части проявили необыкновенную храбрость, отступление тыловых подразделений и рассеянных войсковых частей превращалось в подлинную трагедию.

Вот как вспоминает об этом генерал Шааль в своих записках:

"Дисциплина начала рушиться. Все больше и больше солдат пробивалось на запад без оружия, ведя на веревке теленка или таща за собой санки с мешками картошки, - они просто брели на запад без командиров. Солдат, погибавших в ходе бомбежек с воздуха, больше никто не хоронил. Подразделения тыла, часто без офицеров, заполняли дороги, в то время как боевые части всех родов войск, включая зенитчиков, отчаянно держались до конца на передовой. Целые колонны тылового обеспечения - за исключением тех, где имелось жесткое руководство, - в страхе стремились в тыл. Части тыла охватил психоз, вероятно, потому, что они в прошлом привыкли лишь к постоянным наступлениям и победам. Без еды, трясущиеся от холода, в полном смятении, солдаты шли на запад. Среди них попадались раненые, которых не смогли вовремя отправить в тыл. Экипажи самодвижущейся техники, не желая ждать на открытых местах, когда на дорогах рассосутся пробки, просто уходили в ближайшие села. Такого трудного времени на долю танкового корпуса еще не выпадало". Как же такое могло произойти? Как же вышло, что очень дисциплинированные и поистине героические солдаты, не раз доказывавшие свою храбрость на передовой, оказались столь близки к панике?

Ответ довольно прост. Вермахт не знал поражений, никто и никогда в нем не учился принципам и методам отступления. Немецкий солдат рассматривал отступление не как некий особый вид боевых действий, в которых ему приходится участвовать вне зависимости от его желания, а как катастрофу, ставшую следствием понесенного от неприятеля поражения.

Даже в Рейхсвере на практику отступлений смотрели искоса. Не без презрения офицеры говорили: учиться отступать - учиться бегать от противника.

Позднее, после 1936 г., из программы исключили даже гибкую оборону. "Атаковать" и "держаться" - вот две науки, которые преподавали немецкому солдату. Что касается практики отступлений с боями, то тут Вермахт вступил в войну совершенно неподготовленным. Цена, которую пришлось платить за пренебрежение техникой отхода, оказалась высока. Под Клином немцам впервые пришлось "раскошелиться".

14 декабря в 13.00 перед капитаном Хингстом, командовавшим 8-й ротой 3-го танкового полка, действовавшего совместно с частями 2-го стрелкового полка на линии юго-восточной окраины города и входившего в состав боевой группы Хаузера, появился русский лейтенант с белым флагом. При советском офицере находилось письмо, подписанное "полковник Юхвин"; в нем от немцев требовали сдачи Клина. "Позиции обороняющихся безнадежны", - писал советский полковник. Впервые на Восточном фронте советские войска передавали ультиматум о сдаче с белым флагом. Капитан Хингст встретил русского гостеприимно, доложив полковнику Хаузеру, и, испросив распоряжений, отослал назад в 14.00 с ответом, что полковник ошибся, ситуация для обороняющихся отнюдь не безнадежная.

Хингст говорил правду. Выход 56-го танкового корпуса из боевого соприкосновения с противником проходил в соответствии с планом. В 16.30, когда дорога была очищена, 1-я танковая дивизия со своим мотоциклетным батальоном двинулась на запад. К 15 декабря все части вышли на заранее подготовленные позиции 2-й танковой дивизии в районе Некрасина. На западной окраине полковник Хаузер отвел свои войска через речушку Сестра в западную часть города. Как только последний танк проследовал по мосту, тот взлетел на воздух. Штаб и боевые группы 53-го моторизованного полка, а также танковая рота Вайэля из 2-й танковой дивизии удерживали к тому времени уже пылавший Клин до 21.00. Затем это тыловое прикрытие аналогичным образом двинулось на запад. Русские рывались в город.

Клин был потерян. Фронт 3-й танковой группы выпрямился. Танковое острие, копьем нацеленное на Москву с севера, расплющилось. Двум советским армиям, 30 и 1-й, удалось устранить смертельную для столицы угрозу. С другой стороны, советские войска не сумели уничтожить 3-ю танковую группу. Благодаря отваге боевых частей и талантам командования 1-й танковой дивизии части двух танковых и одного армейского (5-го) корпусов счастливым образом избежали окружения. Живая сила и техника, включая значительное количество тяжелого вооружения, отошли на 90 километров и заняли позиции по реке Лама.

А какая же обстановка складывалась на других основных направлениях московского фронта - у 4-й танковой группы к западу от города и у 2-й танковой армии Гудериана на юге?

Москва находится на 37-м меридиане. 5 декабря два крыла танковой армии Гудериана, которые должны были совершить охват советской столицы с юга, дислоцировались так: 17-я танковая дивизия стояла перед Каширой примерно в 60 км севернее Тулы, 10-я мотопехотная дивизия - в районе Михайлова, а 29-я мотодивизия - к северо-западу от того же населенного пункта. Михайлов, однако, расположен на 39-м меридиане. Иными словами, Гудериан находился уже довольно далеко за советской метрополией. Кремль, в известном смысле, уже был в кольце. В итоге Гудериан, хотя и находившийся в 120 километрах южнее Москвы, представлял для красной столицы не меньшую опасность, чем танковые клинья на севере, хотя их острия и отделяло от Кремля гораздо меньшее расстояние - какие-то 30 километров. Поэтому фронт армии Гудериана - линия от южного берега Оки через Тулу к Сталиногорску стал вторым главным направлением советского контрнаступления.

Советское Верховное Главнокомандование задействовало здесь три армии и гвардейский кавалерийский корпус, создавая "вилку", нацеленную на окружение и уничтожение самых

опасных ударных дивизий Гудериана. Советская 50-я армия образовывала правый охватный клин, а 10-я армия - левый. Генерал Жуков - главный разработчик всех операций в советском Верховном Главнокомандовании, лично отвечавший за ответный удар под Москвой, попытался использовать на юге немецкие методы по схеме, которую применил на севере, в районе Клина, где наступали соединения генерала Кузнецова. Он стремился сгладить выпнутый фронт 2-й танковой армии, причем так быстро, чтобы у немцев не осталось времени на упорядоченный отход.

План был хорош. Если бы не проницательность Гудериана как стратега. 5 декабря попытка Гудериана осуществить соединение к северу от Тулы 4-й танковой и 31-й пехотной дивизий с прицелом на то, чтобы в итоге окружить город, провалилась. В результате 2-я танковая армия оказалась втянута в тяжелые оборонительные бои. В ночь с 5 на 6 декабря, то есть накануне советского наступления, Гудериан приказал своим вымотанным частям отойти на линию Дон-Шат-Упа. Маневр находился в стадии осуществления, когда 6 и 7 декабря русские обрушились на 53-й армейский и 47-й танковый корпуса в районе Михайлова. Там они встретились только с тыловыми прикрытиями, давшими противнику отпор и обеспечившими тем самым уже находившийся в полном разгаре отход.

Но даже и с учетом этого ситуация складывалась очень скверная. Отступление на ледяном ветру по пояс в снегу или по превратившимся в катки дорогам превращалось в ад. Нередко части и соединения, тяжело продвигавшиеся по дорогам, втягивались в стычки с быстрыми сибирскими батальонами лыжников. Точно призраки вырастали то тут, то там из снега облаченные в белые комбинезоны и маскхалаты сибиряки. Без единого звука они приближались к дороге, легко скользя по глубокому снегу. Красноармейцы стреляли из винтовок и автоматов. Бросали ручные гранаты. А потом мгновенно исчезали. Они взрывали мосты. Блокировали важные перекрестки. Они нападали на колонны тыла, убивая людей и лошадей.

Но закаленные огнем солдаты дивизий Гудериана вовсе не походили на глупых кроликов. Так, 3-я танковая дивизия в порядке отступала с позиций севернее Тулы, передвигаясь от одного участка к другому через завывавшую вокруг вьюгу. Подвижные смешанные стрелковые роты со своими бронемашинами, противотанковыми пушками и самоходными зенитными установками составляли арьергард или даже выступали в роли штурмовых резервов для 3 и 394-го стрелковых полков. В то время как основные силы этих частей уходили от боевого столкновения с противником, эти смешанные роты наносили стремительные контрудары или, постоянно меняя позиции и ведя огонь из автоматического оружия, создавали у противника видимость того, что он имеет дело с крупными формированиями. При удобном случае они молниеносно контратаковали, углубляясь на дистанцию от пяти до десяти километров.

Один такого рода удобный случай подвернулся под Панином 14 декабря. Полкам пришлось переходить через мост реку Шат. Русские осуществляли натиск силами танков и лыжных батальонов. Деревни перед мостом пришлось сжечь, чтобы расчистить пространство для ведения огня и лишить противника укрытий.

Лейтенант Экарт со своей 2-й ротой 3-го стрелкового полка прикрывал жизненно важную развилку. Враг атаковал силами батальона - в бой шли узбеки из стрелкового полка 50-й армии. Впереди у них находились противотанковые пушки и тяжелые минометы. Экарт послал лейтенанту Лозе, командовавшему 1-й ротой, в состав которой входили все пехотные бронетранспортеры стрелковых полков, сигнал:

– Мне нужна помощь.

Лозе собрал четыре танка и, добавив их к своей полудюжине бронетранспортеров, выступил на поддержку Экарта. Прикрываясь дымившимися руинами сожженного села, Лозе со своей группой подкрался к русским с фланга.

Пошли! Они выскочили из-за прикрытия. Смели три советские противотанковые пушки. Противник попал под огонь 2-й роты. Те, кто не погиб, притворялись мертвыми - излюбленная уловка русских.

Командирская бронемашина Лозе пересекла мост последней. На горизонте появился силуэт приземистого Т-34. Танк выстрелил. Но прицелился наводчик неточно. Немцы сумели взорвать мост.

Рота бронемашин Лозе потеряла один тягач, транспортировавший противотанковую пушку. Унтер-офицер Хофманн получил ранение, а один военнослужащий пропал без вести. Но немцы разгромили целый советский батальон.

Люди вроде Лозе и Экарта - лейтенанты и унтер-офицеры, капитаны, равно как и пулеметчики или водители танков, бронетранспортеров, тягачей, грузовиков и другие простые солдаты - все они спасали ситуацию, часто критическую для целых боевых групп или дивизий. Трагическое отступление сквозь метель и огонь закалило немецкого солдата, сделало его стойким, способным выносить огромные страдания, уметь полагаться на себя - без всего этого германские армии на Востоке не смогли бы выстоять в зиму под Москвой.

Жестокость этой зимы, ее безжалостность по отношению как к немцам, так и к русским во всей мрачной красе явила себя тыловому прикрытию 3-го стрелкового полка в четвертое воскресенье Рождественского поста 1941 г. Случилось это под Озаровом. В окуляры своего бинокля лейтенант увидел группу людей и коней, стоявших на пологом заснеженном склоне. Немцы начали осторожно приближаться. Была странная тишина. Группа советских солдат казалась зловеще неподвижной на блистающем белизной снежном покрывале. И вдруг лейтенант понял причину - невероятно, лошади и люди, стоявшие близко друг к другу и утопавшие по пояс в снегу, были мертвы. Они так и остались стоять там, где им приказали остановиться для привала, замерзшие и окаменевшие, став чудовищным памятником войны.

С одной стороны солдат облокотился на туловище коня. Рядом в седле сидел раненый с ногой в лубке, с широко открытыми глазами и заиндевевшими бровями; правая рука всадника все еще сжимала встопорщившуюся гриву лошади. Лейтенант и сержант наклонились в седлах, удерживая в кулаках поводья. Между двумя лошадьми немцы увидели трех солдат - те, как видно, надеялись согреться между телами животных. Кони казались скульптурными изображениями коней - головы гордо подняты, глаза закрыты, шкура покрыта льдом, затвердевшие на морозе хвосты как бы развеваются на ветру. Замерзшее дыхание вечности.

Когда ефрейтор Титц попытался сфотографировать страшный монумент, видеоискатель примерз к его слезящимся глазам, а затвор не сработал от холода. Бог войны простер свою руку над дьявольской картиной: все прочие могли только смотреть, но никто не мог унести ее с собой.

Как и 3-я танковая дивизия, остальные дивизии двух танковых корпусов Гудериана отходили с фронтальной дуги к северо-востоку от Тулы, беспрестанно отбивая атаки советских 50, 49 и 10-й ударных армий, избегая таким образом охвата - медвежьих объятий, в которые Жуков желал заключить 2-ю танковую армию.

У Михайлова, где 8 декабря внезапно атаковала ударная армия Жукова, сдерживавшая противника 10-я моторизованная пехотная дивизия понесла значительные потери. 17-я танковая дивизия из состава 24-го танкового корпуса остановила первый советский натиск с направления от Каширы. Юго-восточнее Тулы полк "Великая Германия" храбро держался под ударами атаковавших из города русских, благодаря чему смог обеспечить отход частей корпуса на левом фланге на рубеж Дон-Шат-Упа. Пока велись эти бои на сдерживание неприятеля, главные силы армии сумели отойти в порядке. Был сдан Сталиногорск. После ожесточенных оборонительных боев 10-я моторизованная дивизия, в соответствии с приказом, оставила Епифань, захваченную

ею во время отступления. На рубеж Дон-Шат-Упа немецкие части вышли 11 декабря.

Однако надежда Гудериана удержаться на этих позициях не реализовалась. Части советской 13-й армии прорвали фронт 2-й армии генерала Шмидта с обеих сторон от Ельца, южнее танковой армии Гудериана. 13 декабря 2-я армия оставила Ефремов. 134 и 45-я пехотные дивизии - некоторые из входивших в их состав частей несколько дней находились в окружении под Ливнами - оказали яростное сопротивление, но были вынуждены сдать позиции и продолжать отступление. Ефрейтор Вальтер Керн из 446-го пехотного полка 134-й пехотной дивизии писал: "Всякий раз, когда мы входили в село вечером, нам первым делом приходилось выбивать оттуда русских. А когда наутро мы были готовы выступить дальше, их пулеметы уже трещали за нашими спинами. Наши погибшие товарищи, которых мы не могли взять с собой, усеивали обочины дорог вместе с телами мертвых лошадей или валялись в оврагах, в которых мы останавливались, чтобы держать оборону, но которые часто становились смертельными ловушками".

Аналогичным образом складывалась обстановка на участке 45-й пехотной дивизии - бывшей австрийской 4-й дивизии, - действовавшей южнее 134-й пехотной дивизии. Отрезанные в один момент, рвущие вражеское кольцо в другой, лишенные снабжения, получающие боевые приказы по воздуху, боевые группы храброй дивизии пробили себе дорогу на юго-запад из Ливнинского котла.

После того как части граничившей с ним на правом фланге армии отступили из района Елец-Ливны на юго-запад, фланг войск Гудериана на линии Дон-Шат-Упа повис в воздухе. Поэтому Гудериану вновь пришлось отступать, занимая позиции еще дальше в 80 км к западу, у Плавы.

Позднее, когда двадцать две стрелковые дивизии русских прорвались между Ельцом и Ливнами, Гудериан был вынужден еще потесниться. В процессе отхода 2-я танковая армия и 4-я армия утратили связь между собой, так что на линии фронта между Калугой и Белевом образовалась брешь шириной от 30 до 40 километров.

Советское Верховное Главнокомандование воспользовалось представившейся возможностью и бросило в образовавшуюся широченную дыру 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Кавалерийские полки генерала Белова при поддержке боевых частей на лыжах и мотосанях устремились в западном направлении к Сухиничам и в северо-западном к Юхнову. Ситуация грозила обернуться трагедией.

Брешь во фронте стала ночным кошмаром, круглосуточно терзавшим германское Верховное командование. С того момента возникла опасность охвата и окружения южного фланга 4-й армии. Если бы русским удалось прорваться через Калугу к Вязьме на Московское шоссе, они получили бы возможность ударить в тыл 4-й армии и отрезать ее. Один удар с севера - и крышка огромного котла была бы захлопнута.

Становилось очевидным, что к этому советское командование и стремилось. Сама обстановка диктовала проведение этой смелой стратегической операции. Предчувствие катастрофы, пока еще и отдаленной, повисло над изрядно потрепанными частями группы армий "Центр".

Советское Верховное Главнокомандование приступило к реализации своего плана. 4-я армия Клюге, действовавшая в центре группы армий "Центр", изначально подвергалась только отдельным атакам, с помощью которых русские связывали немецкие части боями. Так Советы пытались помешать Клюге перебрасывать войска на фланги группы армий или отвести эту армию, высвободив и задействовав столь крупное объединение против советских войск, наступавших на севере и юге. Клюге должен был оставаться скованным на центральном участке до тех пор, пока два охватных клина, сформированные северными и южными армиями русских,

не разгромили бы фланги немецкого фронта.

Точно таким же образом генерал-фельдмаршал фон Бок поступал с советскими войсками под Белостоком и Минском, Гот - под Смоленском, Рундштедт - под Киевом, Гудериан - под Брянском, а сам Клюге - под Вязьмой, где немцы блестящим образом провели окружение сил противника. Так что же, теперь настал черед Жукова побеждать под Вязьмой?

Так вполне могло бы случиться, если бы советским войскам удалось прорваться на запад также и севернее 4-й армии и повернуть на юг в направлении автомагистрали Москва-Смоленск. Какова же была ситуация на фронте 4-й танковой группы? 7 и 9-й армейские корпуса в начале ноября остановились на позициях по каналу Москва-Волга. 9-й армейский корпус осуществил одну последнюю попытку усилить их. Одним из участников данной операции, присутствовавшим при последних ударах пульса немецкой фронтальной атаки на Москву, осуществлявшейся 4-й танковой группой Гёпнера по автомагистрали, являлся лейтенант Ганс Бремер, сражавшийся на подступах к столице СССР со своей 14-й истребительно-противотанковой батареей из состава 487-го пехотного полка, действовавшего под оперативным командованием 267-й пехотной дивизии. Все происходило 2 декабря 1941 г.

267-й пехотной дивизии из Ганновера предстояло сделать последнюю попытку прорыва советского рубежа к западу от Кубинки посредством охватного маневра через замерзшую Москву-реку. При температуре 34 градуса ниже нуля на то, чтобы завести технику, необходимую для переброски живой силы и тяжелого вооружения в заданный район, уходили часы. Правда, со своей стороны, артиллерия вела мощный заградительный огонь, точно в старые добрые времена. Но, несмотря на данный факт, продвижение не состоялось. Русские разместили свежие сибирские полки на тщательно подготовленных и надежно замаскированных позициях в лесу. В результате довольно эффективные в обычных условиях 37-мм противотанковые пушки 14-й батареи Бремера - два взвода с шестью орудиями, поступившими в распоряжение штурмовых батальонов боевой группы подполковника Майера, - оказывались по большей части бесполезными. Расчеты погибли. Пушки были разбиты или брошены. Наступил конец. Приходилось отступать. Они просто не могли пробиться.

Поэтому 267-я пехотная дивизия заняла заранее подготовленные позиции в нескольких километрах севернее, на западном берегу Москвы-реки, как левофланговая дивизия 7-го корпуса. Еще выше к северу дислоцировались 78, 87 и 252-я пехотные дивизии 9-го корпуса. Таким образом линию вплоть до Истры удерживали сильные и достаточно многочисленные для этого части.

Но справа от них, вдоль Москвы-реки, 267-й пехотной дивизии приходилось оборонять почти семикилометровый участок остатками ослабленного 497-го пехотного полка, сил которого хватало только на укомплектование групп охранения на нескольких опорных пунктах, представлявших собой, по сути дела, не более чем усиленные полевые заставы.

На протяжении нескольких следующих дней русские беспрестанно атаковали через Москву-реку - иногда мелкими, но порой и крупными силами. Как видно, они стремились найти слабые места в стыке между 4-й танковой группой Гёпнера и 4-й армией Клюге. Предположим, они сумеют найти почти неприкрытую брешь в немецкой обороне на Москве-реке на правом фланге 267-й пехотной дивизии? Защитники этого участка неоднократно указывали командованию на их слабость, но без малейшего результата - ни у корпуса, ни у армии не осталось резервов, которые они могли бы перебросить на усиление фронта в данной точке.

11 декабря ближе к 10.00 запыхавшийся связной, обер-ефрейтор Дорендорф, влетел в блиндаж Бремера:

— Господин обер-лейтенант, вон там справа какие-то колонны лыжников. Они двигаются на запад. Я уверен, это русские!

– Черт возьми! - Бремер вскочил и выбежал из блиндажа. Поднес к глазам полевой бинокль. Снова выругался - тихо и сдавленно. Бремер поспешил обратно и схватился за телефон, докладывая в полк: - Советские войска, несколько крупных колон численностью до батальона каждая на лыжах переходят фронт в западном направлении.

Боевая тревога.

Обер-ефрейтор Дорендорф и лейтенант Бремер сделали правильные выводы. Советские казачьи эскадроны и боевые группы лыжников стерли с лица земли тонкую линию немецких застав по Москве-реке и теперь просто-напросто обходили хорошо укрепленные позиции передового охранения 467 и 487-го пехотных полков, где также находились главные силы дивизионной артиллерии.

Тщетно командир 267-й пехотной дивизии генерал Мартинек пытался заделать брешь силами обескровленных рот 497-го пехотного полка. Ничего не вышло. Русские расширили и углубили коридор своего прорыва. Связь между дивизионным штабом и двумя северными полками прекратилась.

Следующая на линии дивизия - 78-я, - для которой теперь из-за вклинения противника создалась угроза с фланга и с тыла, бросила в бой части 215-го пехотного полка. Полковник Меркер, командир 215-го пехотного, принял командование в районе прорыва, сформировав из частей 467 и 487-го пехотных полков, 267-го артиллерийского полка, а также дивизионов и батарей поддержки армейской артиллерии новый рубеж обороны.

Но русские в этой лесистой местности действовали храбро, с большим искусством и хитростью. Что не удивительно: части входили в состав советской 20-й кавалерийской дивизии - штурмового соединения знаменитого казачьего корпуса генерал-майора Доватора, 2 декабря 1941 г. получившего от Сталина статус гвардейского и теперь с гордостью носившего имя 2-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Осуществив прорыв, казачьи полки сосредоточились в разных ключевых пунктах, сформировались в боевые группы и принялись нападать на штабы и склады в немецком тылу. Они блокировали дороги, уничтожали линии коммуникаций, взрывали мосты и виадуки и то и дело нападали на колонны тылового обеспечения, безжалостно их уничтожая.

Так, 13 декабря эскадроны 22-го казачьего полка разгромили артиллерийскую группу 78-й пехотной дивизии в 20 километрах за линией фронта. Они угрожали Локотне - важной базе снабжения и транспортному узлу. Другие эскадроны осуществляли бросок на север между 78 и 87-й дивизиями.

В результате весь фронт 9-го корпуса буквально завис в воздухе. Передовые позиции дивизий оставались нетронутыми, но линии коммуникаций, пути сообщения с тылом - перерезаны. Перестали поступать боеприпасы и продовольствие. Некуда стало девать несколько тысяч раненых, скопившихся на передовой.

14 декабря в 16.35 один казачий эскадрон атаковал 10-ю батарею 78-й пехотной дивизии в 25 километрах за линией фронта в тот момент, когда немецкие артиллеристы передислоцировались глубже в тыл. Казаки неслись на колонну батареи с шашками наголо. Они рубили застигнутых врасплох артиллеристов, убивая и людей и животных.

Аналогичным образом русские попытались прорваться по Московскому шоссе и древнему почтовому тракту, где охраняла пути тылового обеспечения 197-я пехотная дивизия. Но 197-я оказалась начеку. В тех местах, где противнику, применив бронетехнику, удалось прорваться, он был прижат к земле огнем и вытеснен с захваченных позиций немедленными контратаками. Так все и шло день за днем. В 03.00 советские выходили из сел и деревень, где отогревались по ночам, а вечером им приходилось возвращаться обратно. Раненых они уносили с собой, а мертвых бросали там, где те погибли.

Ночью с 13 на 14 декабря казачья колонна тылового обеспечения, состоявшая из сорока грузовиков, попыталась обойти позиции 229-го артиллерийского полка 197-й пехотной дивизии.

Мороз достигал 36 градусов. Противооткатные механизмы многих орудий замерзли. Через замерзшие линзы прицелов нельзя было ничего рассмотреть. Но, даже прицеливаясь на глазок, артиллеристы умудрялись поражать цели. Они разнесли казачью колонну в пух и прах прямой наводкой.

Но ни упорное сопротивление на автомагистрали, ни отвага гренадеров и артиллерийских дивизионов 197-й пехотной дивизии, ни отчаянное и успешное противодействие 7-й пехотной дивизии, в рядах которой сражались также и французские добровольцы, не могло предотвратить нависшей над 7 и 9-м армейскими корпусами катастрофы, снежный ком которой уже начинал катиться с горы с момент прорыва казачьего корпуса к северу от шоссе. Оставался один выход - отодвинуть фронт по всему правому флангу 4-й танковой группы. Новым рубежом обороны предстояло стать линии по реке Рузе, отстоявшей от занимаемого рубежа на 40 км. Ведя ожесточенные бои, 197-я пехотная дивизия вместе с быстро подтянувшейся к ней на помощь 3-й моторизованной дивизией не давали противнику захватить знаменитую или печально знаменитую дорожную развязку Шелковка-Дорохово, обеспечивая отвод тяжелого вооружения дивизий 4-й танковой группы.

Ситуацию хорошо иллюстрирует приказ об отступлении, изданный командиром 78-й дивизии: "Главная задача - прорваться через вражеский барьер у нас в тылу. Если необходимо, нужно оставлять технику, спасая только личный состав".

Так именно они и прокладывали себе путь назад: швабская 78-я пехотная дивизия, тактическим знаком которой служил кафедральный собор Ульма и железная рука Гётца фон Берлихингена, тюрингцы из 87-й дивизии, силезцы из 252-й и солдаты из 197-й пехотной дивизии (из Райнштадта и Гессе), а также батальоны 255-й пехотной дивизии. Французские легионеры тащились за баварской 7-й пехотной дивизией, и слова команд на языке Наполеона уносились прочь ледяным ветром во мрак ночи - точь-в-точь как 129 лет назад.

Лейтенант Бремер из 267-й пехотной дивизии и его бойцы теперь, в декабре, шли назад по дороге, по которой наступали осенью. Они несли с собой раненых: два пехотинца вели в поводу трофейную казачью лошадь, на ней сидел обер-ефрейтор, которому снарядным осколком оторвало ногу по колено. Культю прихватил мороз, и кровотечение остановилось. Только собрав в кулак всю силу воли, человек еще мог держаться в седле. Он хотел жить. А чтобы выжить, должен был двигаться на запад.

Кто был тот человек, который одерживал победы между Звенигородом и Истрой? Кто командовал казаками, прорвавшими фланг 7-го корпуса, выбившими с позиций 9-й корпус и вынудившими к отступлению его дивизии? Генерал-майор Доватор. Этот казачий генерал должен был быть прекрасным кавалерийским командиром. Он руководил действиями своего корпуса, входившего в состав советской 5-й армии, с выдающимся мастерством, смелостью и отвагой. Он вел свои кавалерийские соединения, точно танковый командир. Что ж, в конце концов танкисты на своих бронированных конях - наследники кавалерии.

Лозунг Доватора звучал так: "Место командира на фронте". И он управлял действиями своих войск, находясь на передовой. Он со своим штабным эскадром неизменно был впереди. Не раз отмечалась в сводках советского Верховного Главнокомандования личная храбрость генерал-майора Доватора.

Советские военные источники не говорят ни слова о его происхождении, что может означать - Доватор выходец не из пролетарской среды¹. Вероятно, он служил офицером еще в царской армии и принадлежал к тем представителям среднего класса, которые избрали военную стезю и стали безоговорочными сторонниками большевизма.

252-я пехотная - дивизия "Дубовый лист" из Силезии - оказалась в числе тех соединений, которым пришлось пробиваться с боями к позициям на Рузе. Эта дивизия сумела отомстить казакам Доватора и заставить генерала заплатить за свою победу самой высокой ценой - собственной жизнью.

В рассказе об этом эпизоде находят отражение как отвага немецких солдат, так и героизм выдающегося русского генерала, который знал, как надо сражаться и как умирать.

17 декабря 1941 г. усиленный 461-й пехотный полк устремился на передовые порядки казаков Доватора, попытавшегося блокировать путь 252-й дивизии около озера Тростеньское. Немцам удалось отвлечь опасность. Все части дивизии вышли на реку Руза, хотя им и приходилось беспрестанно убегать от наседавших кавалерийских полков Доватора.

19 декабря 252-я перешла реку Руза севернее города с тем же названием. Но туда прибыл и Доватор. Он не хотел выпускать 252-ю дивизию из сжимавшихся тисков. Генерал приготовился развернуть решающую атаку. Руза замерзла, и он решил ударить на силезцев через сковывавший поверхность реки лед. Бой завязался между двумя маленькими селами Дьяково и Полашкино.

Лейтенант Приганн с остатками 2-го батальона 472-го пехотного полка и 9-й батареи 252-го артиллерийского полка занимал позиции перед Дьяковым на более высоком западном берегу. Правее, в районе Полашкина держал оборону майор Гоффер с 3-м батальоном 7-го пехотного полка из Швайднитца. Обе позиции были господствующими и выгодными, и Гоффер с Приганном намеревались по максимуму использовать имеющиеся преимущества.

День выдался серым и холодным. Когда уже совсем рассвело и утро переходило в день, начался снегопад - легкий, сухой декабрьский снег кружился в водоворотах ветра над полями и над замерзшей Рузой. Снежное покрывало ложилось на трупы лошадей, разбитую и брошенную технику и погибших в боях солдат.

С опушки леса генерал Доватор наблюдал за тем, как передовые подразделения спускаются к реке. С расстояния он слышал звуки перестрелки. Казаки спешили.

Доватор отдал приказ командиру головного полка, майору Линнику:

– Атакуй справа от авангарда!

Майор отдал честь и выхватил шашку. Скомандовал. 1-й эскадрон поскакал из леса. Все походило на сказочную гонку призраков. За село Толбузино, вниз к реке. В этот момент застрочили немецкие пулеметы.

Эскадрон немедленно рассеялся, всадники слетели с коней и попадали в снег. Атака не удалась.

Это разозлило генерала Доватора. Вместе с командиром полка майором Линником он проскакал по проселку на север до шоссе, связывавшего Рузу с Волоколамском. Там находились головные части 20-й дивизии. 14-й конно-артиллерийский дивизион продвигался через лес. Время было около полудня.

С опушки леса хорошо просматривалось Полашкино. Вещевые обозы 252-й пехотной дивизии двигались по дороге в западном направлении.

– Полковник Тавлиев, - позвал генерал. Командир 20-й дивизии подошел. - Мы перейдем реку, обходя село Полашкино справа. Затем мы ударим в тыл и во фланг вон тем колоннам. Я пойду с вами.

Эскадроны поскакали галопом. Но не успели они выехать из леса, как попали под мощный пулеметный огонь.

– Разворачивай конницу, полковник, - прокричал генерал. - Выбить фашистов из села.

Со своим штабом Доватор поскакал к избе у реки. Он спешил и похлопал коня по холке. Гнедого звали Казбек. Он нервничал.

– Тихо, Казбек, - успокаивал его генерал. Он бросил уздечку конюху Акопяну. - Выводи

коня, чтоб не замерз.

Доватор наблюдал за боем через бинокль. Окраина Дьякова справа пылала, объята пламенем. Село обстреливала русская артиллерия. Но спешившиеся всадники из советского 22-го кавалерийского полка были прижаты к земле.

Следом из леса на галопе выехал 103-й полк, конники начали разворачиваться для атаки, но и им пришлось спешиться. Кавалеристы продвигались пешком. Вот они достигли льда реки, потом ее середины. Тут им пришлось залечь под непрекращающимся пулеметным огнем противника.

– Надо помочь им выбраться со льда! - закричал генерал. Он вытащил из кобуры пистолет, передернул затвор и большими похожими на прыжки шагами побежал к реке. Его адъютант, политрук штабного эскадрона, дежурный офицер и штабной охранник побежали за ним.

Менее 20 м отделяло генерала от прижатых огнем противника на середине реки кавалеристов. Тут с правого конца села застрочил немецкий пулемет. Доватор остановился как вкопанный, точно чего-то внезапно испугался, затем тяжело опустился на наст, по которому ветер гнал поземку из перемешанных с несгоревшим порохом снежинок.

Адъютант подбежал к генералу. Но пулемет не умолкал. Немецкий ефрейтор не снимал пальца со спуска. Фонтанчики снега там, где падали пули, помогали солдату прицеливаться. Он сразил и адъютанта с немецкой фамилией Тейхман. Очередь зацепила также и полковника Тавлиева, рухнувшего рядом с командиром корпуса.

– Собаки! - прокричал политрук Карасев. - Собаки!

Полы его шинели развевались на ветру. Политрук подбежал к Доватору и приподнял его. Но тут на снегу вновь заплясали фонтанчики, и пули настигли политрука. Мертвый, он повалился на лед.

Наконец лейтенанту Куликову и лейтенанту Сокирову удалось подползти к генералу. Под непрекращающимся пулеметным огнем они вытащили своего генерала со льда и отнесли за избу.

Жеребец Казбек встал на дыбы при виде погибшего хозяина. А пулеметчики в Полашкине всё били и били. Пехотинцы из Швайдница отражали яростную атаку кавалерийского полка Шамякина, горевшего желанием отомстить за Доватора. Когда армия терпит поражение, неизбежно начинается поиск козлов отпущения. В тот день, когда генерал Доватор сложил голову на льду Рузы, первая политическая буря пронеслась по рядам германского генеральского корпуса. Адольф Гитлер сместил с должности генерал-фельдмаршала фон Браухича, главнокомандующего сухопутными войсками, и лично принял командование ими. Генерал-фельдмаршал фон Бок, командующий теснимой противником со всех сторон группы армий "Центр", получил "отпуск по болезни". На его место назначили генерал-фельдмаршала фон Клюге. Самого Клюге на посту командующего 4-й армией сменил генерал Хайнрици. 20 декабря 1941 г. весьма обеспокоенный Гудериан вылетел в Восточную Пруссию, чтобы встретиться с Гитлером в его ставке. Генерал хотел уговорить фюрера передвинуть немецкий фронт на более выгодные позиции - если придется, еще дальше назад.

Пятичасовая беседа имела историческое значение. Фюрера охватывало раздражение, волнение, но он был исполнен фанатичной решимости драться; беспомощное и подобострастное германское командование напоминало придворных вельмож в военной форме; Гудериан же один пытался вести горячий спор с Гитлером, доказывая ему свою точку зрения, честно и откровенно обрисовывая обстановку на фронте.

При первом же упоминании слова "отступление" Гитлер взорвался. Оно было для него равносильно укусу ядовитой змеи. Перед его мысленным взором выросла тень катастрофы, постигшей Наполеона в 1812 г. Все, что угодно, только не отступление!

Со всей страстью Гитлер старался убедить Гудериана:

– Если я разрешу им отступить, их ничто не удержит. Солдаты просто побегут. А принимая во внимание морозы, глубокий снег, гололедицу на дорогах, это означает: первым делом они бросят тяжелое вооружение, а потом - легкое, потом они побросают винтовки, и в конце концов не останется ничего. Нет. Нужно держаться на оборонительных позициях. Транспортные узлы и центры снабжения надо защищать как крепости. Войска должны вгрызаться в землю, они должны зарываться в нее и не сдавать ни сантиметра!

Гудериан возразил:

– Мой фюрер, сейчас земля в России промерзла на глубину больше метра. Никто не сможет зарыться в нее.

– Тогда примените минометы, стреляйте в землю, и пусть солдаты прячутся в воронках, - стоял на своем Гитлер. - Так мы поступали во Фландрии в первую войну.

Гудериану вновь пришлось разворачивать Гитлера лицом к фактам.

– Во Фландрии почва мягкая. А в России теперь от снаряда остается воронка не более десяти сантиметров глубиной и размером с таз для умывания - почва тверже железа. Более того, в дивизиях не хватает орудий и, что еще важнее, снарядов для подобного рода экспериментов. У меня у самого осталось по четыре тяжелых гаубицы на дивизию, причем не более чем с 50 выстрелами на каждую. И это на участке фронта длиной в 30 километров. Прежде чем Гитлер успел прервать его, Гудериан продолжал: - Позиционная война на такой неблагоприятной местности станет войной на истощение, какой была Первая мировая. Мы потеряем цвет офицерского и унтер-офицерского корпуса. Понесем колоссальные потери, не добившись никакого преимущества. И потери эти будут невозполнимыми.

В бункере фюрера в Вольфсшанце воцарилась мертвая тишина. Молчал и Гитлер. Затем он подошел к Гудериану и, точно заклиная его, произнес:

– Вы думаете, гренадерам Фридриха Великого нравилось умирать? И все же король поступал правильно, требуя от них жертвовать своими жизнями. Я тоже считаю себя вправе требовать от любого немецкого солдата, чтобы он пожертвовал своей жизнью.

Гудериан тотчас же понял, что, проводя подобные напыщенные сравнения, Гитлер просто хочет увильнуть от продолжения разговора. То, о чем говорил Гудериан, не являлось жертвой ради великой цели, это было бесполезной жертвой. Поэтому он спокойно сказал:

– Наши солдаты доказали, что готовы пожертвовать своими жизнями. Но требовать таких жертв можно, лишь если в конце они будут оправданы. А я не вижу подобных оправданий, мой фюрер!

По испуганным выражениям лиц присутствовавших на совещании офицеров стало ясно - они ждут от Гитлера вспышки ярости. Но ее не последовало. Он произнес почти мягко:

– Я знаю о том, как много вы сделали, о том, как, не жалея себя, водили войска в битву. Но именно по этой причине для вас возникает риск видеть все слишком узко. Вы страдаете от чрезмерной жалости к своим солдатам. Надо отстраниться, чтобы увидеть ситуацию в деталях. Для того чтобы удержать фронт, нельзя принести слишком много жертв. Потому что, если мы не удержим его, армиям группы армий "Центр" настанет конец.

Спор продолжался несколько часов. Когда уже поздно ночью Гудериан покидал зал оперативных совещаний в бункере фюрера, он случайно услышал, как Гитлер сказал Кейтелю:

– Вот идет человек, которого я не смог переубедить.

Совершенно верное замечание. Гитлер не сумел убедить человека, выковавшего танковые войска Вермахта. Для Гудериана оперативные принципы Гитлера держаться любой ценой и, что самое главное, держаться на наиболее неблагоприятных позициях являлись грубым попранием проверенных временем, доказанных на практике традиций стратегического мышления прусского генштаба. В безнадежной ситуации необходимо отходить с целью избежать

неоправданных потерь и обрести свободу маневра для подготовки будущих операций. Нельзя удерживать позиции только для того, чтобы погибнуть на них.

В то же самое время нельзя совершенно сбрасывать со счетов, что в условиях гигантских расстояний и чрезвычайно холодного климата России, принимая во внимание неустойчивость натиска опьяненных успехом фанатичных солдат Красной Армии, отступление потрепанных немецких частей рисковало превратиться в бегство.

А что произошло бы, если бы войска побежали? Во время отступлений чрезвычайно легко вспыхивает паника, и вот уже в порядке отходившие солдаты бегут куда глаза глядят, объятые ужасом. А нет ничего труднее, чем заставить остановиться подавленные паническим настроением части.

Данное соображение и вынудило Гитлера ответить на доводы Гудериана бескомпромиссным "нет". Он даже отменил данное им в начале советского наступления разрешение сокращать протяженность участков фронта и отводить войска на тыловые позиции и вместо этого отдал приказ держаться любой ценой - приказ, о котором и по сей день не утихают споры военных историков: "Командиры и офицеры должны, путем личного участия в боях, заставлять солдат оказывать фанатичное сопротивление на занимаемых позициях, вне зависимости от прорывов противника на флангах или в тылу. Только после выхода на заранее хорошо подготовленные позиции частей резерва можно допустить отход на эти позиции войск с передовой". Специалисты и теперь далеки от единодушия в отношении выше приведенной директивы. Одни говорят, что безумный приказ привел к ненужным жертвам немецких войск на Востоке. Части, утверждают сторонники данного мнения, вполне могли вести упорядоченное отступление. Выход немцев на благоприятные оборонительные позиции - такие, например, как господствующие высоты под Смоленском, вынудил бы советское Верховное Главнокомандование на кровопролитные атаки, которые привели бы к большим потерям в советских, а не в немецких дивизиях. Вне сомнения, данный аргумент по отношению к обстановке на ряде определенных участков фронта вполне справедлив. Но существует немало боевых командиров, штабных офицеров и командующих армиями, которые считают, что всеобщее отступление под натиском сибирских штурмовых дивизий, превосходящих немцев в умении вести боевые действия в условиях зимы, привело бы во многих случаях к хаосу и последующему крушению обороны. Образовались бы бреши, которые не мог бы заделать ни один командир. В появившиеся "окна" хлынули бы советские армии, преследуя и отрезая отступающие немецкие колонны. И тогда уже за Смоленском противник захлопнул бы ловушку за всей группой армий "Центр".

Возможно, сторонники данной теории преувеличивают возможности войск противника и способности советских генералов. Но нельзя сбрасывать со счетов того обстоятельства - только с чисто военной точки зрения, - что простой и драконовский приказ Гитлера держаться любой ценой давал единственный реальный шанс избежать полной катастрофы. Последующие события полностью оправдывают Гитлера. Автор лишь говорит о необходимости военной истории признать данный факт. Несомненно, с политической, моральной и философской точек зрения все выглядит иначе. Внутренние конфликты, возникавшие у боевых командиров из-за приказа держаться любой ценой, трагедии, к которым он приводил, а также беспримерный героизм, проявленный при попытках выполнить его, хорошо видны на примере 9-й армии, действовавшей на северном фланге группы армий "Центр", в районе Калинин-Ржев, и сопредельной с ней 16-й армией группы армий "Север", которая держала оборону между озерами Селигер и Ильмень.

9-я армия генерал-полковника Штрауса обороняла линию между Московским морем и озером Селигер силами трех армейских корпусов начиная с конца октября. Рубеж пролегал от Калинина к озеру Волго - к истокам р. Волги - и служил барьером на излучине Волги, на южном

участке русла которой располагался город Ржев.

С середины декабря 1941 г. 9-я армия шаг за шагом отступала от Калинина на юго-запад.

Первый свой удар советские 31 и 39-я армии нацелили против 27-го корпуса генерала Вагера в районе к юго-востоку от Калинина. Термометры показывали 20 градусов ниже нуля. Толстые снежные одеяла укутывали промерзшую землю. Артиллерийская подготовка велась умеренно. Атаку советской пехоты через лед Волги поддерживало всего несколько танков. На правом фланге корпуса, на участке вестфальской 86-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Виттхофта, державшей оборону на Волжском водохранилище, атака советских пехотинцев захлебнулась под немецким пулеметным огнем.

Однако на соседнем участке слева, у померанской 162-й пехотной дивизии, русские пробили брешь с помощью нескольких Т-34, расширили ее и нанесли удар через нее силами батальонов сибирских лыжников. Невзирая на создавшуюся угрозу, 6-й корпус генерала Фёрштера - слева от 27-го корпуса удерживал свой участок, отражая яростный натиск противника. У 26-й пехотной дивизии в закаленном огне 39-м пехотном полку под началом полковника Визе осталось два батальона - 3-й батальон пришлось разделить, чтобы укомплектовать личным составом обескровленные роты двух первых, - а аналогичным образом поредевшей вестфальской 6-й пехотной дивизии приходилось защищать фронт протяженностью 25 км. Но русские не прошли.

На участке 110-й пехотной дивизии, на левом фланге 27-го армейского корпуса, неприятелю все же удалось пробиться к южному берегу Волги. Оттуда русские угрожали единственному пути тылового снабжения 6-го корпуса дороге из Старицы в Калинин. В то же самое время противник начинал обходить Калинин с флангов.

3-й батальон вестфальского 18-го пехотного полка - резерв 6-й пехотной дивизии - получил приказ сбросить с захваченных позиций русских, которые вклинились туда силами 200 человек. Вестфальцы изготавились к выполнению боевого задания. Столбик термометра остановился на отметке 40 градусов ниже нуля. Линия атаки пролегла по глубокому - глубиной по колено - снегу. Они бросались в бой трижды.

Но русские уже удерживали позицию на берегу силами полка. Выбить их оттуда оказалось делом безнадежным. Правда, батальон взял в плен 100 человек, но сам потерял убитыми 22 и ранеными 45 человек, а кроме того, 55 солдат вышли из строя, получив серьезные обморожения.

Но по крайней мере, вестфальцам удалось остановить дальнейшее продвижение советских войск. Важный путь снабжения был очищен от неприятеля и прикрыт, а окружение Калинина - предотвращено. В результате корпус получил время на отвод частей, сражавшихся за Калинин. 15 декабря 1941 г. немецкие войска оставили город. А 16 декабря в Калинин вошли советские части генералов Швецова и Юшкевича.

Прорыв противником немецкого фронта на Волге и овладение Калинином стали тяжелым ударом. Восточный фланг 9-й армии приходилось отодвигать назад. Таким образом, создались предпосылки для советского Верховного Главнокомандования нанести удар во фланг немецкой армии.

Генерал-полковник Штраус видел, какие опасные формы принимает ситуация. Он - как Гудериан на юге после прорыва Жукова в направлении Сталиногорска - намеревался ликвидировать выступ в районе Калинина и повернуть корпус назад к значительно более короткому рубежу с озером Селигер в качестве точки опоры. Рубеж, который собирался защищать командующий, представлял собой ровную дугу от озера Волго до Гжатска, что на Московском шоссе. Центром и ядром дуги предполагалось сделать город Ржев. Зимние позиции получили кодовое название "Кенигсберг".

Выход из боевого соприкосновения с противником предстояло провести за счет небольших

и быстрых маневров через ряд надежно обороняемых позиций, каждая из которых носила названия городов - Аугсбург, Бремен, Кобург, Дрезден, Эссен, Франкфурт, Гиссен, Ганау, озер Ильменау и Кенигсберг. Однако график выполнялся только до остановки "Гиссен". После этого "поезд" остановился. Благодаря отваге, с которой сражались части прикрытия, дивизиям удалось достигнуть "Гиссена" более или менее целыми. Несмотря на глубокие снега, они сумели даже сохранить большую часть тяжелого вооружения. В течение двух недель они сдерживали сильный натиск противника и сохраняли единство фронта.

Солдаты совершали нечеловеческие по трудности деяния. Часто завести технику удавалось только после двенадцати, а то и пятнадцати часов чрезвычайно тяжелого труда. Под моторными отделениями грузовиков и бронетехники разжигали маленькие костры, чтобы отогреть замерзшие коробки передач и узлы трансмиссии. Но даже и тогда технику приходилось толкать, выбиваясь из последних сил.

Линии прикрытия, сформированные боевыми частями на передовой, сдерживали натиск советских войск и позволяли остальным немецким частям осуществлять отход. Ключевую роль играли действия отдельных бойцов. Лежа в глубоких сугробах за своими пулеметами, они отражали яростные атаки советских войск. Тонкие перчатки не спасали пальцы от обморожения. Поэтому солдаты оборачивали руки во всевозможные тряпки. Конечно, это мешало им нажимать на спусковые крючки пулеметов и автоматов. Тогда немцы использовали палочки, щепочки и тому подобные предметы, вставляя их в тряпье, которым заматывали кулаки, и за счет таких приспособлений давили на спуск, приводя в действие ударно-спусковые механизмы своего оружия.

Так корпус на правом фланге 9-й армии "путешествовал" через "Аугсбург" и "Бремен", "Кобург", "Дрезден", "Эссен" и "Франкфурт" до тех пор, пока приказ Гитлера держаться любой ценой не остановил систематического отхода задолго до "Кенигсберга".

Дивизии 3 и 4-й танковых групп уже прекратили отступление на линии Рузы. По этой причине 9-й армии было дано указание держать позиции вплоть до реки Волга.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге, ставший новым командующим группой армий "Центр", требовал строгого соблюдения данного приказа. Он отдавал 9-й армии распоряжение: "Все должны держаться там, где находятся. Любой, кто не сдержит натиска, позволит противнику пробить брешь в рубеже - брешь, которую нечем будет заткнуть".

Единственным слабым лучиком надежды в этом приказе было следующее предложение: "Выход из боевого соприкосновения с противником целесообразен только тогда, когда приводит к созданию более благоприятных условий ведения боевых действий, и по возможности к образованию резервов". Но генерал-фельдмаршал тут же ужесточал свое допущение: "Для выхода из боя соединения, начиная от дивизии и выше, требуется мое личное разрешение".

19 декабря 1941 г. генерал-полковник Штраус прибыл в штаб 23-го корпуса, которым командовал генерал Шуберт, включавшего в себя 251, 256, 206, 102 и 253-ю пехотные дивизии, с новым приказом: "Ни шагу назад".

Тремя днями позже штурмовые полки советской 39-й армии генерала Масленникова ударили в правый фланг корпуса танками Т-34 и попытались прорваться через позиции 256-й пехотной дивизии из Саксонии. Масленников рвался к Ржеву.

Саксонские полки 256-й пехотной дивизии отчаянно сопротивлялись. Они пропускали русские танки дальше и из своих окопчиков в снегу расстреливали советских пехотинцев. Истребительно-противотанковые команды артиллерии уничтожали Т-34.

Лейтенант Фальк из 1-го дивизиона 256-го артиллерийского полка лежал за сугробом в самодельном маскхалате. Мимо, паля из пулеметов, прогрохотал советский танк.

Настал момент для Фалька. Он поднялся и запрыгнул на корму машины. Цепляясь

соскальзывавшими с холодной брони пальцами, он обогнул башню. Держась правой рукой за ствол пушки, лейтенант вырвал кольца из двух похожих по форме на яйцо гранат, а затем подался вперед и затолкал гранаты под пушку. Потом он быстро спрыгнул в глубокий - с полметра глубиной снег. Прогредел первый взрыв, за которым последовала целая серия - словно кто-то устраивал фейерверк. Гранаты сослужили свою службу. Сдетонировала боеукладка танка.

256-я пехотная дивизия держала позиции 22 и 23 декабря. Она продолжала обороняться и в Сочельник, и в Рождество, и на следующий день тоже. Термометры показывали 25-30 градусов ниже нуля. Темное небо заволакивали облака, кружась, падали легкие снежинки. Видимость не превышала 100 м.

Из этой театральной декорации с видами "наполеоновской зимы", словно призраки выкатывались на авансцену советские танки. Немецкие артиллеристы часто вступали в бой с Т-34, паля по ним из своих 37-мм противотанковых пушек с расстояния не более пяти-шести метров. Если танк оставался невредим, он крушил гусеницами орудие с его расчетом. Часто единственным спасением от Т-34 становились боевые группы Люфтваффе с их 88-мм зенитками или подрывные заряды в руках смельчаков, подобных лейтенанту Фальку.

29 декабря пошел восьмой день, как солдаты 256-й пехотной дивизии сдерживали атаки вдесятеро превосходящего их противника. К тому времени в руках у них оставались лишь малые опорные пункты - дорожные развилки на лесных опушках и на окраинах сел.

Русские атаковали также и на участке сопредельной дивизии. Три армии Калининского фронта генерал-полковника Конева проламывали немецкую оборону по излучине Волги. Становилось все очевиднее, что Конев стремился через Ржев ударить по Московскому шоссе, чтобы соединиться с южным клином Жукова в тылу у немецкой группы армий. Ржев стал ключевым пунктом в борьбе за судьбу Восточного фронта.

К 31 декабря, последнему дню 1941 г., несмотря на поддержку 8-го авиакорпуса, главный боевой рубеж 256-й пехотной дивизии оказался прорван повсюду. Русские части текли через немецкие позиции. 206-й пехотной дивизии тоже настал конец. От ее 301-го пехотного полка осталось несколько сотен человек. В тот же день утратила целостность и линия обороны 9-й армии к западу от Старицы. На участке 26-й пехотной дивизии, к северо-западу от пылавшей Старицы, два батальона 18-го пехотного полка и остатки 84-го пехотного полка вместе со 2-м дивизионом артиллерийского полка дивизии отражали атаки противника со всех сторон.

Железнодорожная станция Старо-Новое тоже полыхала в огне. Рождественские посылки, специальные праздничные пайки, долгожданное зимнее обмундирование для всей дивизии - все это теперь поело пламя. Единственным, что удалось спасти, оказался груз швейцарского сыра. Повсюду в крестьянских избах на данном участке фронта лежали большие сырные головы. Когда, сменившись с дежурства, солдаты возвращались в тепло жилища, они отрезали себе куски прямо штыками.

Но через двадцать четыре часа избы с сыром пришлось оставить. Полк создавал новую линию обороны против наступавших групп неприятеля, прорвавшегося в 10 километрах юго-западнее, в районе Климова.

Воздушная разведка сообщила о крупной колонне противника на правом фланге 256-й пехотной дивизии перед Мологином. Мологино находилось в 30 километрах от Ржева. А в Ржеве оставались 3000 раненых.

По радиции из 23-го корпуса в дивизию пришел приказ усилить правый фланг и "держаться любой ценой". Остатки 476 и 481-го пехотных полков бросили все силы на продвигавшихся по дороге русских.

Приказ Гитлера: "9-й армии - ни шагу назад" припечатал корпус к земле на линии перед Латошином к востоку от Ельцов, на которую он вышел 3 января 1942 г.

31 декабря в 13.00 генерал-полковник Штраус прибыл на командный пункт корпуса генерала Шуберта в Ржеве с приказом: "Оборонять Мологино до последнего человека". Какие еще распоряжение могли быть отданы? Двадцать с небольшим минут спустя - если быть точным, в 13.25 - в комнату вошел генерал-лейтенант Кауфманн, командир 256-й пехотной дивизии. Он прибыл из Мологина. Кауфманн был белее снега и почти совсем замерз. Дрожавшим от переполнявших его эмоций голосом генерал доложил командующему армией:

– Господин генерал-полковник, солдат в моей дивизии в строю осталось не более чем на полк, и она окружена советскими лыжниками. Люди на пределе сил. Они просто падают от усталости. Падают в снег и умирают от переутомления. Они не ждут ничего, кроме смерти. Молодые солдаты кричат своим офицерам: "Возьмите и убейте нас - нам теперь все равно, кто это сделает". Мологино уже потеряно.

Генерал-полковник Штраус стоял не шелохнувшись, точно статуя. Затем медленно проговорил:

– Фюрер приказал нам держаться до последнего, нет другого выхода только держаться или умереть. - Затем, посмотрев на генерала Кауфманна, добавил: -Вам лучше отправляться на передовую, к своим солдатам, господин генерал, - там сейчас ваше место.

Не говоря ни слова, генерал отдал честь и покинул помещение.

В действительности обстановка в Мологине не была столь отчаянной, какой ее представлял Кауфманн. Во второй половине дня 31 декабря в город в спешном порядке были переброшены остатки усиленного 1-го батальона 476-го пехотного полка; там держал упорную оборону 256-й разведывательный батальон майора (резерва) Муммерта. Остаткам полка по плану предстояло занять позиции к западу от города. Однако к ночи сибирские части лыжников заняли лес между Мологином и линией обороны, где должны были встать вновь прибывшие немецкие части. Что же оставалось? Оставалось лишь одно защищать Мологино сколь возможно долго, таким образом изматывая русские войска и не позволяя им мешать отходу корпуса. В яростных схватках личный состав разведывательного батальона и 1-го батальона отразил натиск сибиряков. Часто круг обороны сужался до нескольких отдельных домов в центре городка, но потом немцы контратаковали и так добывали себе немного пространства для маневра.

Радиосвязь с дивизией прервалась 2 января. Связь с действовавшей слева частью осуществлялась за счет сновавших туда-сюда патрулей. Несмотря ни на что, майор Муммерт твердо намеревался удержать Мологино.

В ночь с 2 на 3 января отделению связистов удалось восстановить связь с дивизией. В штабе ее искренне удивились, что Мологино еще держится, после чего распорядились немедленно оставить город и соединиться с дивизией. Около 06.00 Муммерт покинул Мологино. Тяжелое вооружение пришлось бросить. Под покровом ночи, тропами, по которым ходили патрули, немцы через позиции сибиряков вышли в расположение соседней части.

Вновь 206-й пехотной дивизии удалось заделать брешь, прорванную противником во фронте 9-й армии, но 4 января 1942 г. оборона опять треснула, и на сей раз основательно. Между 6 и 23-м корпусами зазияла дыра шириной от 15 до 20 километров. В образовавшийся проем через Волгу хлынули крупные силы советских. Советская 39-я армия повернула на Ржев и попыталась овладеть городом с юго-запада. Майор Дисселькамп, начальник служб снабжения 6-й дивизии, энергичный и способный офицер, наскоро собрав весь имевшийся под рукой личный состав, смог остановить первый вал противника. Группа особого назначения майора Дисселькампа состояла из водителей, солдат тыловых служб, нескольких штурмовых и противотанковых орудий, роты ремонтников, а кроме того, из врачей, фельдшеров и санитаров ветеринарной роты 6-й пехотной дивизии. Вот с таким войском Дисселькамп и остановил продвижение советских частей. Таким образом, 6-й корпус получил шанс создать рубеж

обороны силами 26 и 6-й пехотных дивизий. Ржев предстояло сделаться краеугольным камнем в здании будущего противодействия русскому наступлению. Между тем советская 39-я армия и кавалерийский корпус генерала Горина обошли город на западе и продвигались в южном направлении через Сычевку к Вязьме.

Хотя фронт полыхал в огне по всей своей длине, стали вырисовываться дальние намерения и ключевые участки приложения сил русских. Генерал-полковник Конев, прорвав оборону 23-го корпуса на северном фланге группы армий "Центр", собирался окружить и стереть с лица земли 9-ю армию. На южном фланге генерал армии Жуков стремительно продвигался через брешь между 2-й танковой армией и 4-й армией, нацеливаясь на Вязьму и в то же самое время вынашивая замысел нанести удар во фланг 2-й танковой армии.

Генерал Голиков со своей 10-й армией уже окружал Сухиничи. Но четырехтысячная боевая группа генерала Гильзы не сдавалась, превращая город в волнолом на пути советской бури. Группа Гильзы держалась четыре недели. Об этом мы просто обязаны будем упомянуть позднее. 1941 год, начавшийся в атмосфере уверенных побед и суливший большие удачи в будущем, завершился совсем не так, как ожидалось. В первый день после Рождества Гитлер воспользовался оказией, чтобы избавиться от генерала, чьи предостережения уже его раздражали: новый командующий группой армий "Центр" был недоволен Гудерианом. Генерал-фельдмаршал фон Клюге обвинил генерал-полковника в неповиновении: еще ранее, в начале декабря, между ними возникли значительные трения. В результате Гитлер сместил Гудериана с должности. Солдаты в боевых частях были буквально ошарашены. Что станет с армией, если ее будут лишать лучших умов?

Полный скверных предчувствий, Гудериан закончил свой прощальный приказ закаленной в боях 2-й танковой армии следующими словами: "Мысленно я буду с вами перед лицом нелегких задач, которые вам предстоит решать".

А задачи действительно стояли нелегкие. Германское командование не знало, откуда взять резервы, чтобы остановить наступление русских. Соединения красной кавалерии уже теснили немцев на слабо защищенных позициях к северу от Юхнова, угрожая перерезать жизненно важные коммуникации, ведущие от Смоленска. Советские воздушные десанты высаживались в тылу у немцев. Все большую угрозу создавала деятельность партизан. Гитлер изрекал напыщенные фразы о перстах судьбы, проклинал русскую зиму, ругал и винил во всем Бога и своих генералов. Гнев его не обошел и опытного командующего 4-й танковой группой. В начале января, когда генерал-полковник Гёпнер без разрешения, как считали в ставке фюрера, отвел свою 4-ю танковую группу - с Нового года ставшую 4-й танковой армией, Гитлер ухватился за "факт неповиновения" как за возможность преподать всем урок. Гёпнера сняли с должности, лишили звания и с позором выгнали со службы. Таким образом, армия лишилась второго после Гудериана выдающегося танкового командира.

То, что фактические оправдания для подобного шага у Гитлера отсутствовали, засвидетельствовал генерал-майор Негенданк, бывший тогда начальником служб связи танковой армии, который стал непосредственным очевидцем произошедшего. И вот что он поведал автору данной книги: "Мы, несколько офицеров, обедали с генерал-полковником Гёпнером, только что вернувшимся с передовой. За столом командующий рассказал начальнику штаба, полковнику Шалю де Больё, что правый фланг 4-й танковой армии надо отодвинуть назад, чтобы граничащий с ним фланг 4-й армии не попал под удар русских, который они могут нанести через образовавшуюся брешь. Это соображение по телефону довели до сведения начальника штаба группы армий "Центр". Мы еще не вышли из-за стола, когда генерал-фельдмаршал фон Клюге позвонил, чтобы обсудить вопрос с генерал-полковником Гёпнером, и я совершенно четко помню, как в конце разговора генерал-полковник Гёпнер повторил: "Хорошо, хорошо,

господин генерал-фельдмаршал, для начала мы отведем только тяжелую артиллерию и вещевые обозы, чтобы нам не лишиться их. Объясните, пожалуйста, фюреру необходимость данного шага и испросите его разрешения". Возвращаясь к столу после разговора, генерал-полковник сказал: "Все в порядке, Больё, займитесь всеми надлежащими приготовлениями". Вдруг в полночь пришла ошеломляющая новость о смещении Гёпнера с должности. Вскоре один офицер штаба группы армий "Центр" рассказал мне, что генерал-фельдмаршал фон Клюге доложил Гитлеру обо всем не так, как условился с генерал-полковником Гёпнером, но обрисовал отвод войск как уже свершившийся факт. Гитлер тут же издал приказ о снятии с поста нашего выдающегося и всеми уважаемого в армии командующего".

Вот мнение генерал-майора Негенданка. Его сообщение - важный вклад в историю войны, оно проливает свет на вызывавшие и вызывающие много споров обстоятельства изгнания Гёпнера и на роль генерал-фельдмаршала фон Клюге в отстранении от командования его, а также Гудериана. 2. Южнее озера Ильмень Рыбачье село Взвяд - Атака по льду озера - Четыре советские армии громят одну немецкую дивизию - Старая Русса - Валдайская возвышенность Еременко на приеме в бункере Сталина в Кремле - Гвардейцы голодают Торопец и Андреаполь - Трагедия 189-го пехотного полка.

Вернемся на фронт, где держат оборону и ведут нелегкие бои с врагом немецкие части. Нанеся удар в центре и на северном фланге группы армий "Центр", советское Верховное Главнокомандование также вело наступление на правом фланге группы армий "Север". В начале января советские войска пошли на прорыв к югу от озера Ильмень, где занимала позиции 290-я пехотная дивизия из Северной Германии.

Виктор Николаевич - опытный рыбак с озера Ильмень - носил козлиную бородку и прозывался среди сельчан Советчиком. Он возглавлял собранный во Взваде для борьбы с партизанами отряд численностью в восемьдесят человек. Виктор Николаевич и его друзья просто хотели, чтобы их оставили в покое. В начале сентября 1941 г. в село пришли немцы - 290-й истребительно-противотанковый дивизион во главе с подполковником Иффляндом. Они обосновались в самой северной точке стратегически важного перешейка между озерами Селигер и Ильмень. В этой точке кончалась единственная дорога, ведущая из Старой Руссы через 15 км лугов, лесов и болот к озеру и к устью Ловати.

Таким образом, рыбацкое село Взвяд являлось опорным пунктом на фланге 290-й пехотной дивизии, крепостью при дороге и окончечностью фронта, протянувшегося между озерами Селигер и Ильмень. Осенью артиллеристы ушли. Какой смысл охранять болота и топи? Но ближе к концу декабря части дивизиона вернулись. Там, где летом не сумел бы пройти никто, кроме местных, теперь, когда болота сковал мороз, мог образоваться коридор, ведущий через линию фронта в немецкий тыл. Тут пытали удачу колонны снабжения партизан и разведчики. Дозоры русских, позиции которых пролегли через леса к северу от Синецкого залива, преодолевали заледеневшие поверхности болот и озер на лыжах.

Крупный прорыв советских войск в направлении транспортного узла г. Старая Русса представлял бы смертельную угрозу двум корпусам на рубеже между озерами Ильмень и Селигер. Русские уже пытались - и нередко удачно посеять сумятицу на всем участке немецкого фронта путем захвата тыловых баз снабжения. 6 января 1942 г. столбик термометра опускался до 41 градуса ниже нуля. Толщина льда на озере и прочих водных преградах достигала 60-70 сантиметров. Глубина снега больше полуметра. Немецкие патрули постоянно прочесывали местность в поисках следов, но ничего не обнаруживали.

Вскоре после полудня Советчик пришел к капитану Прёлю - командиру стоявшей во Взваде истребительно-противотанковой части и представителю подполковника Иффлянда.

— В селе поговаривают, что битва за освобождение Старой Руссы начнется сегодня, в

православное Рождество, - сказал Советчик.

Капитан знал, что Виктор Николаевич зря говорить не будет. Как знал он и о том, что никакие патрули не помешают рыбакам по обеим сторонам линии фронта общаться друг с другом. Он немедленно выслал два дозора на лыжах. Возвратившись через два часа, первый доложил:

– Многочисленные следы лыж на берегу Ловати.

Второй дозор привел трех "языков" - двух советских пехотинцев и подозрительное гражданское лицо.

Наступила ночь. Прэль объявил по своей части боевую готовность номер один. На противоположной стороне, над позициями русских взлетели в воздух красные и зеленые ракеты.

Холодная ночь шла к концу, но ничего не происходило. Ни единого выстрела не прозвучало на утопавшем в снегу фронте между озерами Ильмень и Селигер.

Пленных допрашивали с переводчиком. Гражданский уверял, что он рыбак из ближайшей деревни. Он говорил, что два солдата заставили его показать им дорогу к Взваду. Однако коротко остриженная голова выдавала в нем солдата, возможно выполнявшего разведывательное задание. Капитан Прэль велел запереть его в бане.

На допросе двух других пленных, одетых в военную форму, выяснились интересные подробности. Оба служили в советском 71-м лыжном батальоне. Они показали, что батальон их только недавно перебросили на фронт и что он был укомплектован снегоочистителями и аэросанями. Они пожаловались на то, что их плохо кормили. Вместо продовольствия на передовую присылали вооружение и боеприпасы.

Когда переводчик спросил, что им известно о возможном наступлении, пленные на какой-то момент заколебались, но потом сказали:

– Да, говорят, что шар полетит завтра.

Прэль составлял протокол допроса осторожно, не слишком доверяя пленным. Русские обычно начинают наступления с артиллерийской подготовки это своего рода предупреждение об атаке.

Утром 7 января Прэль доложил в дивизию. Он отправил еще несколько дозоров. Холодным восточным ветром надуло метель, которая замела пути и дорожки и даже занесла дорогу на Старую Руссу. Градусник за окном избы Советчика показывал 45 градусов ниже нуля.

В сумерках послышался гул авиационных двигателей. Замигал маяк в Железно, служа, вне сомнения, ориентиром для советского самолета. Как ни странно, нигде ни одна машина не приближалась к линии фронта. Никто не стрелял. Пушки молчали.

В 21.20 зазвонил телефон. Лейтенант Рихтер доложил с опорного пункта "Хохшганд-5" в трех километрах к юго-востоку от Взвада:

– Движение крупных частей неприятеля. Противник на аэросанях и на лыжах обходит нас.

С наблюдательного пункта, устроенного на колокольне церкви во Взваде, примчался связной:

– С юго-востока приближаются колонны техники; идут с включенными фарами.

Тут же в путь отправились два дозора. Вскоре один за другим явились связные:

– Противник овладел местностью в районе "Хохшганд-5".

– Лыжники противника около деревушки Подборовка - то есть к юго-западу от Взвада, на дороге к Старой Руссе. Они обеспечивают прикрытые снежным плугам, используемым на расчистке дорог.

Что это могло быть? Советские войска тихо, с большой осторожностью устремились вперед и прошли сквозь немецкий фронт, представлявший собой прерывистую линию отдельных опорных пунктов. Они пошли в наступление без артиллерийской подготовки.

Боевая тревога!

Телефонная линия, соединявшая Взвод с "Хохштанд-5", все еще действовала. Прэль позвонил лейтенанту Рихтеру:

– Снимайтесь с места немедленно и быстро во Взвод вместе с вашими людьми.

– Постараюсь, - ответил Рихтер.

Бесконечные колонны советских войск текли мимо немецких опорных пунктов. Рихтер и двенадцать бывших при нем солдат натянули поверх формы маскхалаты. Так они смешались с русскими, а в подходящий момент оторвались от них и невредимыми добрались во Взвод.

В 03.00 русские атаковали немецкий опорный пункт. Телефонная связь с дивизией оборвалась.

Но и без приказов сверху капитан Прэль отлично знал, что Взвод нужно удержать и использовать как "волнолом". Тем временем 6-я рота 1-го полка связи Люфтваффе, части 38-го мотоциклетного батальона из состава 18-й моторизованной дивизии и 2-я рота 615-го батальона местной обороны вошли во Взвод, чтобы не быть раздавленными русскими лавинами. В результате под командованием у Прёля собралось 543 человека.

Эти 543 человека обороняли изолированный опорный пункт на берегу озера Ильмень, расположенный на переднем крае немецкого фронта, в течение тринадцати дней - неприступный островок в море неприятельского наступления.

Русские делали все, чтобы стереть с лица земли Взвод - опорный пункт на дороге. Они бросали в бой батальоны лыжников. Поливали немцев огнем из "сталинских оргбнов". Вызывали истребители-бомбардировщики. В конце концов они пустили танки. Но Взвод держался.

Советская артиллерия обстреливала село зажигательными снарядами, чтобы лишить солдат теплого ночлега. Подожженные фосфорными боеголовками, деревянные избы сгорали как факелы. Огонь сожрал палаты госпиталя и перевязочный пункт. В 35-градусный мороз двадцать один раненый остался лежать на матрацах и одеялах у сгоревших остовов домов.

Боевой журнал и радиосообщения, посылаемые из Взвода в штаб 18-й моторизованной дивизии в г. Старая Русса, в оперативное подчинение которой Прёля перевели после потери связи с 290-й пехотной дивизией, глубоко трогают скупыми, без прикрас отчетами о фактических событиях, происходивших в районе боевых действий.

12 января. Бесконечный обстрел вражеской артиллерии. Немецкий самолет сбросил боеприпасы. Вместо фугасных, там оказались совершенно бесполезные зенитные снаряды. В другом контейнере был Рыцарский крест для капитана Прёля. Кроме того, по рации из штаба дивизии сообщили о награждении военнослужащих группы пятью Железными крестами 1-го класса и 20 Железными крестами 2-го класса.

К 16.40 стали подходить к концу боеприпасы и перевязочные материалы. В дивизию ушло срочное сообщение с просьбой прислать необходимое, сбросив все это с большей высоты, поскольку накануне четыре контейнера с боеприпасами взорвались при ударе о землю.

В 19.00 Прэль настоятельно повторил требование о присылке боеприпасов и продовольствия. Солдаты прирезали покалеченных лошадей - в результате мяса хватило на сутки. Но не было ни картошки, ни хлеба.

К 20.00 пятеро военнослужащих погибли и тридцать два получили ранения.

14 января. Командир советского 140-го стрелкового полка прислал всадника с белым флагом. Требовал капитуляции. Всадника отправили обратно, дав залп из противотанковых и пехотных орудий по Подборовке, где дислоцировался штаб полка.

Ночью противник бросил в бой танки. Т-26 прорвался и остановился прямо перед КП Прёля. Внутри командного пункта все спокойно ждали, откроют русские люк или нет. Не открыли. Немцы бросили в танк подрывные заряды и гранаты. Гром взрывов танкистам не

понравился. Машина стала отходить к южной окраине села. Тут-то ее и поджидала противотанковая пушка унтер-офицера Шлюнца. Он дважды скомандовал "Огонь!". Оба снаряда попали в цель. Танк загорелся.

Прилетел "Физелер Шторх". Он привез врача, доктора Гюнтера, и медикаменты. Прёлю сообщали, что Гитлер лично одобрил действия группы, и одновременно ставили в известность о невозможности деблокирования. Прёлю разрешалось оставить Взвод в том случае, если гарнизону будет угрожать уничтожение.

Получив свободу действий, Прэль оказался перед лицом трудного внутреннего конфликта: угрожает ли им уничтожение или еще нет? Советские войска уже обошли опорный пункт на глубину 15 км. Не следует ли Прёлю покинуть позиции? И тут в минуту сомнения пришло сообщение из 18-й моторизованной дивизии:

– Несмотря на то что Старая Русса окружена, ее защитники продолжают держаться.

Прэль понял, что островные крепости связывают силы неприятеля, не позволяя ему развивать наступление. Взвод тоже будет держаться.

18 января - одиннадцатый день окружения. Столбик термометра упал до отметки 51 градус - минус 51 градус по шкале Цельсия! Ночью дозоры пробирались туда, где лежали убитые советские солдаты, и сдирали с их ног валенки. Собирали шапки и срезали тулупы с замерзших трупов.

19 января. Широкомасштабная советская атака. Прорыв. Рукопашная схватка в отблесках пламени горящих зданий. Жестокий бой за баню и колхозный склад. Четыре танка подбиты ручными гранатами с близкого расстояния. Сражение длилось восемь часов. Советский натиск удалось отбить.

Потери немцев составили семнадцать человек убитыми и семьдесят два ранеными.

– Еще одна атака - и нам конец, - будничным спокойным тоном доложил лейтенант Бёхле капитану Прёлю наутро, 20 января.

Прэль кивнул. Он уже принял решение.

– Сегодняшняя ночь - наш последний шанс. Из-за потерь, которые они понесли, русские будут перегруппировываться. Вот тут-то мы и должны действовать.

Офицеры, командиры взводов и командир местного отряда самообороны были созваны на совещание. Решили пробиваться по льду озера Ильмень. Цель добраться до Ужина, что на западном берегу Рубельского залива. Это означало 20-километровый марш по ледяным завалам и по снегу глубиной по грудь.

Мертвых хоронили в "доме Ольги". Земля на месте сгоревшего дома оттаяла, и с помощью взрывчатки и лопат немцы выкопали общую могилу. Шестьдесят два раненых, неспособных идти самостоятельно, были погружены на сани, в которые впрягли последних оставшихся лошадей. Падал снег. Стелился туман. С другой стороны, было не так холодно, как накануне, - всего 30 градусов.

С приходом ночи они выступили в поход. Дозор с местными проводниками шел впереди, утаптывая снег для остальных. Солдаты из 38-го мотоциклетного батальона провалились в снег по пояс. Передовую группу приходилось сменять каждые полчаса: больше не мог выдержать даже самый выносливый человек. Отдельные группы следовали друг за другом сомкнутым строем с десятиминутными интервалами. Отряд местной самообороны села Взвод шел вместе с немцами с Виктором Николаевичем во главе. Никто не решился остаться. Это означало бы неминуемую смерть.

В последнем сообщении в 18-ю моторизованную пехотную дивизию говорилось: "Начинаем прорыв. Наш опознавательный сигнал: ракеты в следующей последовательности - зеленая, белая, красная.

Лейтенант Рихтер с двумя взводами остался на позициях и целых два часа усердно симулировал оборонительные действия, ведя беспокоящий огонь по противнику. Затем ушел унтер-офицер Штефес с саперным взводом. 3-й взвод разведывательного эскадрона остался еще на полчаса, продолжая стрелять из пулеметов. Потом стволы один за другим умолкли. Над Взводом - или, вернее, над тем, что от него осталось, - воцарилась странная тишина. Унтер-офицер Виллих покидал село последним, проходя мимо "дома Ольги", где нашли последний приют погибшие.

Путешествие было тяжелым. Сначала они двигались на север по льду Ловати до самого маяка, затем в северо-западном направлении уже по льду озера и, наконец, на юго-запад к берегу. Температура опустилась до 40 градусов, а на озере она достигала 50 градусов. Люди напоминали ходячие сосульки. Лошади покачивались. Некоторые падали. Их добивали, и движение продолжалось.

Замерзали даже стрелки компасов. Группа находилась на марше шесть часов. Обер-лейтенант Мундт остановился, пропуская мимо себя идущих.

– Все нормально? - спросил он лейтенанта Фосса, когда прошел его взвод.

– Все в порядке.

Но когда проходил 2-й взвод, во главе него не оказалось обер-лейтенанта Байзингхофа. Строй вел унтер-офицер Матцен, Байзингхоф и военврач Вибель были с солдатом, не желавшим идти дальше. Он сел на снег и хотел одного - отдохнуть.

– Всего полчаса, пока не придет следующая группа, - просил он. Но это означало верную смерть. Они подняли его на ноги, он заспорил с ними, они приказали ему идти. Лейтенант и военврач поддерживали солдата с двух сторон. Они шли медленно, ковыляя в сотне метров позади своего взвода.

Потом Байзингхоф вновь выдвинулся в голову колонны. Они все так делали - капитан Прель, лейтенант Маттис, лейтенант Гюле и военврач Гюнтер, возглавлявшие основную группу, и унтер-офицер Фойер в авангарде и лейтенант Рихтер - замыкающий. Слово овчарки они шли то впереди, то позади, то вдоль колонны, следя за тем, чтобы никто не отстал или не бросился в изнеможении на снег. Они сами устали как собаки, потому что проходили вдвое, а то и второе больше, чем другие.

Они шли четырнадцать часов. В 08.00 унтер-офицер Фойер заметил солдат в немецких касках, из-под которых торчали только кончики носов. Он окликнул солдат, побежал к ним и вцепился в одного из них:

– Kamerad, Kamerad!

Его тоже обнимали, похлопывали по спине. Но что они говорили? Фойер понимал только слова "Santa Maria" и "Camarada". Но тут он понял еще одно - вернее, догадался, что "Bienvenido" значит "Добро пожаловать". Немецкая боевая группа вышла на испанскую часть - испанских добровольцев из 269-го пехотного полка Синей дивизии, действовавшей на Восточном фронте севернее озера Ильмень как 250-я пехотная дивизия.

10 января испанская лыжная рота капитана Ордаса - 205 человек снялась с северного берега озера Ильмень, чтобы выступить на помощь немецким товарищам во Взваде. Но 20 километров (если считать по прямой) по ледяным торосам озера превращались в 40 км пути. Рация у испанцев вышла из строя, а компасы замерзли.

Когда капитан Ордас вышел к южному берегу озера Ильмень далеко к западу от Взвады, половина личного состава роты страдала от обморожений. Потом их атаковали сибирские штурмовые подразделения. Испанцы храбро отразили нападение и даже захватили нескольких пленных. Потом они отбили у русских Чернец и вместе с взводом полицейской роты отражали яростные советские контратаки.

К 21 января из 205 военнослужащих испанской лыжной роты в живых осталось только тридцать четыре человека. Они очень обрадовались, встретив немецкий гарнизон Взвода в семи километрах от Ужина. Двумя днями позже они контратаковали потерянные опорные пункты Малго и Большой Ужин плечом к плечу с немецкими пехотинцами на участке 81-й пехотной дивизии, только что прибывшей на фронт из Франции. Уцелело всего двенадцать испанцев двенадцать из 205 человек.

Боевая группа из Взвода потеряла во время пути через озеро пять человек. Они стали жертвами мороза. Измученные и утратившие способность сознавать реальность, они, никем не замеченные, падали в снег и засыпали вечным сном.

Когда те, кто уцелел, вошли, спотыкаясь, в холодные дома в Ужине, издали до них доносился грохот канонады с линии фронта, вдали горела Старая Русса. Прекраснейший древний город, старинный центр торговли на озере Ильмень вновь погибал в пламени. За прошедшие века ему не раз приходилось слышать гром битв. Его захватывали и разрушали. Зимой 1941-1942 гг. Старая Русса являлась важным транспортным узлом, базой снабжения и центром интендантских служб, осуществлявших поставки для немецкого фронта между озерами Ильмень и Селигер. Ее падение означало бы падение и всего фронта.

18-я моторизованная дивизия из Лигницы под командованием генерал-майора Геррляйна делала в Старой Руссе то же самое, что капитан Прель со своими людьми в селе Взвод, только, учитывая размеры и значение населенных пунктов, в иных пропорциях. 18-й дивизии пришлось отражать атаки советской 11-й армии. Фактически 18-й командовал полковник Вернер фон Эрмансдорфф, заменявший своего безнадежно больного генерала. Своим отчаянным сопротивлением в Старой Руссе дивизия сломала весь план операции советской 11-й армии генерала Морозова.

В чем же заключался этот план? Морозов намеревался, пройдя вокруг озера Ильмень и во взаимодействии с сильной группой армий, действовавшей севернее озера против Волхова, ударить по 18-й армии генерал-полковника фон Кюхлера к востоку от Ленинграда и таким образом начать освобождение города. Очень хороший план. Войска, которые участвовали в операции против Старой Руссы на западном фланге советской 11-й ударной армии, представляли собой ударные соединения - 1 и 2-й гвардейские корпуса. Данный факт говорит о том, какое значение придавало операции советское Верховное Главнокомандование. В конце концов, благополучное ее завершение означало бы сразу два крупных успеха: получение простора для маневра, необходимого для развития наступления - чему мешали немцы в Старой Руссе, - и захват огромных складов и запасов материальной части немецкой 16-й армии. Они совсем не помешали бы страдавшим от недостатка поступления всего необходимого советским корпусам, особенно учитывая тот факт, что корпуса эти находились теперь в тылу у немцев.

В первую неделю боев гвардейцы Морозова пять раз пробивались в центр города - фактически прямо к складам снабжения армии. Но неизменно откатывались назад, неся большие потери. Взлетали на небо полевые склады боеприпасов. То немногое, что уцелело от древней Старой Руссы после летних боев, теперь разносили в щепы снаряды и поедал огонь. Но живая стена вокруг Старой Руссы держалась. Старая Русса являлась волноломом в бушующем море битвы, точкой кристаллизации, в которой корпус вновь и вновь восстанавливал фланг 16-й армии. Честь этого принадлежит не только личному составу, но и штабу 18-й моторизованной дивизии. Успех дивизии в обороне является хорошим примером умелого руководства и знания тактики противника - того, как действуют русские на уровне дивизии. Здесь есть о чем рассказать, пусть и вкратце.

18-я мотопехотная дивизия, изрядно потрепанная в боях за Тихвин, была переброшена генерал-полковником Бушем в район Старой Руссы в качестве армейского резерва и

дислоцирована по деревьям. Тщательная разведка, знание советских тактических приемов, а также развитое "чутье" привели штаб дивизии к заключению о намерении русских перейти озеро Ильмень и нанести удар по Старой Руссе. По этой причине исполняющий обязанности командира дивизии, полковник фон Эрмансдорфф, и начальник оперативного отдела добивались от корпусного начальства, а затем и от командования армии приказа сосредоточить и развернуть дивизию - все ее части, включая вещевой обоз, - на уже разведанных позициях вдоль берега озера.

Корпусное начальство не желало ничего слышать о подобного рода перестраховке и считало любые перспективы атаки советских войск по льду озера Ильмень "нереалистичными". Однако генерал-полковник Буш подумал, что, может быть, Эрмансдорфф не зря настаивает, и разрешил ему поступить в соответствии с собственными расчетами. 4 января командование армии издало соответствующие приказы. Но только четвертого. В ночь с 7 на 8 января спустя семьдесят два часа - русские перешли через замерзшее озеро.

После уже первых донесений из района боевых действий в корпусе и в армии тотчас же осознали, что маневр противника на северном фланге фронта между двумя озерами не есть операция местного значения. Такие выводы позволяли сделать сообщения, приходившие от гарнизонов аванпостов и передовых дозоров. Русские же начали наступление без обычной артиллерийской подготовки. Оно стартовало в полной тишине, с целью ввести немцев в заблуждение относительно масштабов и значения операции.

К тому времени, когда советская артиллерия принялась оказывать поддержку фронтальному натиску на позиции 290-й пехотной дивизии, направленному прежде всего на Тулитово и Пустыньку, сильные части русских, волнами вливаясь в широкую брешь, подкатывались к устью Ловати и, что куда серьезнее, по льду озера Ильмень выходили в тыл 290-й пехотной дивизии.

Грузовые планеры и транспортные самолеты с лыжными шасси садились на замерзшую поверхность озера, высаживая туда батальоны лыжников и стрелковые бригады. Тяжелые танки из состава советских танковых бригад пересекали озеро и устремлялись к заданным точкам прорыва. Подобно кошмарным чудовищам выползали на берег 52-тонные КВ. Шумные снегоочистители двигались впереди советской пехоты и танков, расчищая для них путь. Аэросани, выбрасывая огромные фонтаны снега и оглашая ревом моторов ледяные просторы, несли к местам высадки пехотные десанты.

Немцы никогда не видели ничего подобного. Ни одному штабному офицеру не приходилось наблюдать такого ни в бою, ни на маневрах.

Естественно, первые рапорты вызвали большое удивление и заставили сотрудников корпусных и армейского штабов в недоверии качать головами. Но скоро не осталось уже никаких сомнений, что советские войска развернули широкомасштабное наступление по льду озера и что первая цель их - Старая Русса, транспортный узел немецкого фронта на озере Ильмень.

Полковник фон Эрмансдорфф во главе 18-й моторизованной пехотной дивизии прибыл из района Шимска ночью. Генерал Хансен вверил под его командование гарнизонные части города, вещевые обозы, тыловые службы и строительные батальоны. С этими войсками Эрмансдорфф сумел создать на подступах к городу рубеж обороны и стабилизировать обстановку.

Советский план в первой его части разбился об этот неприступный бастион силезских пехотных полков и действовавших в их оперативном подчинении формирований. Советской 11-й армии пришлось огибать Старую Руссу и переходить к выполнению второй части - нанесению удара вдоль реки Ловать с целью выйти в тыл дивизиям немецкого 10-го корпуса. В ходе этого маневра генералу Морозову довелось столкнуться с северогерманскими полками 290-й пехотной

дивизии генерал-лейтенанта фон Вреде.

Так же как защитники Взада, держались против во много раз превосходивших их войск противника и роты 290-й пехотной дивизии, невзирая даже на то, что неприятель обошел их позиции с обеих сторон. Они превратились в волнолом на пути моря советского наступления.

Под Тулитовом 2-й батальон 502-го пехотного полка держался месяц, после чего сопротивление защитников было сломлено. В Пустыньке 1-я рота лейтенанта Бекера из 503-го пехотного полка выстояла ровно двадцать шесть дней, связывая боем крупные силы русских. Роты Экхардта и Веттгауэра из состава 503-го пехотного полка обороняли опорные пункты "Дьявольский остров", "Сосулька" и "Остров Робинзона Крузо", несмотря на то что солдаты несколько дней сидели на голодном пайке.

Наглядное представление о ситуации позволяет получить обмен сообщениями между 290-й пехотной дивизией и 10-м армейским корпусом. Из штаба дивизии радиовали:

– Срочно пришлите боеприпасов.

Командование корпуса возражало:

– По нашим подсчетам, вы расходуете слишком много боеприпасов.

Из 290-й пехотной дивизии отвечали:

– При чем тут ваши расчеты?

Вот так ослабленные полки, у которых на каждый километр передовой приходилось примерно 80 стволов стрелкового оружия, сдерживали натиск нескольких дивизий советской 11-й армии. Немцы не давали противнику осуществить фронтальный прорыв, но они не могли предотвратить обходных фланговых маневров двух ударных советских соединений. 2-й гвардейский корпус захватил Парфино - важную железнодорожную станцию на линии Ленинград-Старая Русса-Москва, а 1-й гвардейский корпус, совершая еще более глубокий рейд, ударил в тыл 290-й пехотной дивизии.

В этот критический момент советская 34-я армия зашла в правый фланг 290-й пехотной дивизии на участке 30-й пехотной дивизии из Шлезвиг-Гольштейна и разорвала связь между двумя дивизиями, аналогичным образом повернула в тыл 290-й пехотной дивизии и в районе Пола, на берегу носящей то же название реки соединилась со 2-м гвардейским корпусом, формирующим второй охватный клин.

290-я пехотная дивизия очутилась в ловушке. Левый фланг немецкого фронта на озере Ильмень оказался в трудной ситуации. Советские войска разрубили 10-й корпус пополам, поставив его части в исключительно сложное положение.

А как тем временем складывалась обстановка на западном фланге, в районе ведения боевых действий 2-го армейского корпуса графа Брокдорфф-Алефельдта?

9 января советские войска развернули на том участке ширококомасштабное наступление через озеро Селигер, при этом концентрация сил и натиск их превосходили все ранее известные примеры. Четыре русских армии - 22 и 53-я армии, а также 3 и 4-я ударные армии - атаковали по льду озера силами приблизительно двадцати дивизий и нескольких десятков отдельных танковых и лыжных бригад.

Они обрушились на едва прикрытый 80-километровый участок фронта одной немецкой дивизии - 123-й пехотной из Бранденбурга - и на ее соседку справа - 253-ю пехотную дивизию (фланговую дивизию группы армий "Центр").

Главный удар противника пришелся по 123-й, поколебав фронт бранденбургских полков. Тщетно пыталась, собрав все имевшиеся силы, прийти ей на помощь сопредельная слева 32-я пехотная дивизия из Померании. Бесполезно: русское наступление стерло 123-ю пехотную дивизию с лица земли.

Какие цели ставил перед собой противник? Две ударные армии посылались в бой не зтем,

чтобы действовать на узкой полоске суши между двумя озерами: у них имелись другие стратегические цели и задачи, находившиеся далеко за пределами зоны ответственности двух немецких корпусов на фронте у озера Ильмень.

С другой стороны, натиск советской 53-й армии был направлен исключительно против немецких позиций между двумя озерами. Прорвав фронт, советские войска быстро развернулись к северо-западу с целью соединения с частями советской 11-й армии, двигавшимися с севера, и охвата большей части 10-го и всего 2-го немецких корпусов.

В центре формировавшегося таким образом котла, на господствующих высотах Валдайской возвышенности, располагался маленький городок Демянск, прежде малоизвестный и не представлявший стратегического значения. Этому населенному пункту предстояло, однако, войти в военную историю как месту, где велось одно из наиболее важных в стратегическом плане сражений, где русские замкнули немцев в так называемом "Демянском котле".

Больше года - вплоть до весны 1943 г. - продолжались серии ожесточенных боев за девственные леса, за болота и забытые Богом деревушки на Валдайской возвышенности, за регион, где берут свои начала Волга, Двина и Днепр - главные реки европейской части России. Шесть немецких пехотных дивизий 2-го корпуса под командованием генерала графа Брокдорфф-Алефельдта противодействовали численно значительно превосходившим их войскам противника, несмотря на то что были отрезаны от основного немецкого фронта, вынуждены полагаться полностью на самих себя и по большей части получали снабжение только по воздуху. Эти дивизии не позволили советским войскам прорваться на юг и на запад и, таким образом, спасли от уничтожения группу армий "Север".

Какие задачи стояли перед тремя остальными советскими армиями, которые 9 января аналогичным образом прорвались через остатки немецкой 123-й пехотной дивизии на озере Селигер? Какие стратегические цели преследовали они? Чего хотело достигнуть советское Верховное Главнокомандование этим наступлением? Операция имела смелые и далеко идущие планы. 3 и 4-й ударным армиям, а также 22-й армии предстояло осуществить глубокий прорыв в тыл немецкого фронта, чем привести к полному разгрому группу армий "Центр". Таким образом, наступление задумывалось как стратегический финал советской зимней кампании.

Человеком, которому поручили провести в жизнь этот крупный проект, был генерал-полковник Андрей Иванович Еременко, командующий советской 4-й ударной армией. Именно его - смелого импровизатора и жесткого командира Сталин не раз задействовал на критических участках Центрального фронта в ходе немецкого летнего наступления. Теперь Еременко получил шанс поквитаться с противником за ранее понесенные поражения.

Еременко предстояло осуществить прорыв в наиболее уязвимом месте на германском Восточном фронте - в стыке между группами армий "Центр" и "Север", - разделить между собой эти группы армий и развалить немецкий Центральный фронт, уже ходивший ходуном под мощными ударами Красной Армии. Стратегической целью наступления служил район Витебска, находившийся в 280 километрах от исходных позиций войск Еременко на озере Селигер.

При разработке плана советское Верховное Главнокомандование исходило из убежденности Сталина в том, что в начале зимней кампании к югу и северу от Москвы русские сумели нанести немецким армиям столь сокрушительный удар, что теперь пришел момент для последнего удара.

Генерал Еременко, сегодня заслуженный и увенчанный всеми наградами маршал Советского Союза, стал первым боевым советским командиром, из-под пера которого вышел крайне интересный и местами на удивление критичный труд, посвященный этой кампании, включая и операции его 4-й ударной армии (под заголовком "На запад"). Будет интересно взглянуть на эту решающую стадию войны на Востоке глазами боевого командира с другой

стороны.

В середине октября 1941 г. в Брянском котле генерал Еременко едва не стал жертвой немецкого истребителя-бомбардировщика. Несколько осколков настигли генерала, прежде чем он успел найти убежище в сторожке лесничего. Тяжелораненого, его по воздуху эвакуировали из окружения. Вплоть до середины декабря Еременко находился в военном госпитале в Куйбышеве. 24 декабря его вызвал к себе Сталин. Генералиссимус принял его в подземном бункере Кремля. Вот как сам Еременко описывает тот разговор: - Скажите мне, товарищ Еременко, вы очень обидчивы? - спросил Сталин.

– Да нет, не очень, - ответил я.

– Значит, вы не обидитесь, если я временно поставлю вас в подчинение товарищам, которые раньше были вашими подчиненными?

Я ответил, что готов принять под командование корпус или занять любой другой пост, если партия сочтет это необходимым и если это послужит на пользу моей Родине.

Сталин кивнул. Он сказал, что данная мера необходима для решения очень важной задачи. Он считал меня подходящим для этого человеком. В процессе беседы Сталин объяснил Еременко суть предстоящего задания. Как опытному боевому командиру генерал-полковнику предстояло взять под свое начало вновь созданную 4-ю ударную армию. Ударное объединение - почти то же, что и гвардейская армия, - оно пользовалось теми же привилегиями, что и гвардейские части. Офицеры получали полуторное денежное довольствие, солдаты - двойное, им полагались улучшенные пайки.

Ничего не показывает более ясно, какую важность придавал Сталин задаче, возлагаемой на 4-ю ударную армию, чем тот факт, что он вверил ее под командование одного из лучших советских военачальников, офицера в звании генерал-полковника, хотя Курочкин, командующий Северо-Западным фронтом, в составе которого действовала 4-я ударная армия, был лишь генерал-лейтенантом.

Еременко предоставили всю мыслимую власть в деле укомплектования, снаряжения и снабжения его армии. Уходя из кремлевского бункера Сталина, генерал не имел никаких сомнений насчет того, что 4-й ударной армии выпала честь привести "к кульминации русское зимнее наступление". Все свои надежды верховный главнокомандующий, генштаб и Родина-мать возлагали на Еременко.

Брать трофеи на войне - древний и вполне законный обычай. Все принадлежащее войскам побежденного противника становится добычей победителей. Не раз приходилось генерал-фельдмаршалу Роммелю сажать солдат своего Африканского корпуса на трофейные британские грузовики, заправленные трофейным британским горючим. Английская солонина от генерал-фельдмаршала сэра Клода Окинлека¹ приходилась по душе немецким "лисам пустыни", которым осточертели кровавая колбаса и свиные консервы, равно как приветствовали они и ароматный запах виргинского табака, исходивший от 10 000 000 сигарет, обнаруженных на складах в Тобруке¹.

Но чтобы строить план наступления с расчетом на то, что солдатские желудки будут заполняться за счет захваченного у противника продовольствия, такой военной истории еще не знала. Это был вклад в нее генерал-полковника Еременко. Рассказывая об операции своей 4-й ударной армии, он пишет:

"Правильная подготовка нашего наступления тыловыми службами потребовала бы создания крупных запасов продовольствия в непосредственной близости от нашего оперативно-тактического района. Вместо этого Северо-Западный фронт "освободил нас" от предметов снабжения, которые мы с трудом собирали. Нам приходилось делить продовольствие с нашим соседом справа - 3-й ударной армией, у которой практически вообще не было провизии".

Ничего хорошего в этом не было. Но худшее ждало впереди.

"Через десять дней, - пишет Еременко, - наши запасы иссякли". Некоторые дивизии на момент начала наступления не располагали даже дневным запасом продуктов. Одной из таких являлась 360-я стрелковая дивизия. В ее боевом журнале под пометкой "8 января" мы находим следующую запись: "У дивизии кончилось продовольствие". О том же самом говорится в журнале 332-й стрелковой дивизии с датой на день позже. 9 января, когда началось наступление, личный состав едва ли не всех дивизий не получил завтрака. Солдаты шли в бой с пустыми желудками. В конце концов 360-й стрелковой дивизии достались сухари, предназначенные для 358-й дивизии, так что у людей было хотя бы кое-что пожевать вечером после первого дня боев.

Как же разрешить столь катастрофическую ситуацию с продовольственным обеспечением? Как могут целые армии сражаться и побеждать в 40-градусный мороз, если им нечего есть? Даже гвардейские корпуса и ударные дивизии нуждаются в хлебе и не могут питаться одними лозунгами. Еременко нашел выход. Он распорядился: "Возьмите продовольствие у немцев!" Захват полевых кухонь, колонн снабжения и продовольственных складов стал главной боевой задачей. Война вернулась к своим архаичным формам.

В какой степени забота о приобретении трофеев влияла на стратегические решения, ясно из слов самого Еременко:

"Из показаний пленных на допросах и из донесений наших разведчиков, действовавших за линией фронта в тылу у немцев, мы знали о наличии больших складов с огромными запасами продовольствия в Торопце, поскольку этот город являлся крупной базой снабжения группы армий "Центр". Этот факт имел для нас решающее значение. Здесь у нас появлялся шанс получить продовольствие как для моей, так и для соседней с ней армии.

Генерал-майор Тарасов, командовавший 249-й стрелковой дивизией, получил задание быстрым маневром выйти к Торопцу и взять его, захватив целыми склады. План увенчался успехом.

Мы взяли около сорока продовольственных складов, где находились масло и другие жиры, мясные и рыбные консервы, различные концентраты, мука, крупа, сахар, сухофрукты, шоколад и проч. Склады стали нашими - сменился только персонал. Этим провиантом наша армия кормилась целый месяц. Успех торопецкой акции имел для нашей операции важное значение. Я гордился, докладывая о ней в ставку". Еременко приводит верные факты в том, что касается ценных трофеев, однако детали боевой операции несколько приукрашены. Торопец брала не одна дивизия. Для овладения городом Еременко задействовал 249-ю стрелковую дивизию, две стрелковых бригады - 48 и 39-ю, - а также части 360-й стрелковой дивизии. Торопец защищало 1200 военнослужащих подразделений полевой контрразведки, один полк 403-й дивизии местной самообороны, рота велосипедистов и один истребительно-противотанковый взвод 207-й дивизии местной самообороны. В ходе боев к этой группе присоединились остатки разгромленных 416 и 189-го пехотных полков, а также несколько десятков военнослужащих из разбитой кавалерийской бригады СС Фегеляйна. Столь крошечный контингент не мог, конечно, выдержать обрушившегося на него парового катка Еременко; не осталось у немцев времени и на уничтожение огромных складов в Торопце.

Не меньшей сенсацией, чем ситуация со снабжением у советских армий в ходе зимнего наступления 1941-1942 гг., становится для нас чуть приоткрытая генерал-полковником Еременко завеса над тем, как велись военные приготовления и обучение войск, которым предстояло добыть венки победителей на Центральном фронте:

"Информация о диспозиции противника, присланная из штаба нашей группы армий, показалась мне недостоверной. Мне представлялось сомнительным, что немцы - как считали в группе армий - все еще располагают второй оборонительной системой, состоящей из опорных

пунктов и укрепленных полевых рубежей, протянувшихся на большую глубину. Я выяснил, что на участке немецкой 123-й пехотной дивизии к западу от озера Селигер за последние два месяца не было взято ни одного пленного. Поэтому сразу же по прибытии в штаб армии я приказал 249-й стрелковой дивизии провести разведку боем и добыть "языков". Дивизия справилась с задачей превосходным образом. В пределах пяти дней я получил сведения о системе обороны противника и его частях. На глубину 15-20 километров никакого второго рубежа обороны обнаружено не было". Этот пример показывает важность полученной от пленных информации. В советских войсках имелось немало мастеров своего дела, умевших заставить говорить даже тех немецких солдат, которые твердо намеревались не давать показаний. Старое право пленного не сообщать сведений утратило практическое значение на фронтах немецко-советской войны - причем как с той, так и с другой стороны.

Еременко придавал огромное значение повышению выносливости своих войск в условиях ведения войны зимой на лесистой местности. Для этого он выработал поистине драконовский, но действенный метод. Посредине зимы он отправлял свои дивизии с их командирами и офицерами дня на четыре в лес без палаток, без полевых кухонь и без запасов продовольствия. Несмотря на 30- и 40-градусный мороз, им запрещалось разжигать костры, даже маленькие. Днем проводились боевые занятия в реальных условиях, а вечером личный состав слушал лекции. Растопленный снег и две горсти сухого проса - вот и весь дневной рацион солдата.

Ни в одной армии в мире не стали бы ставить своих военнослужащих в подобные условия. Однако на протяжении веков это был один из секретов необычайной выносливости солдат русской армии. Ее боец обучен терпеть такие трудности и лишения, способен сражаться в таких тяжелых условиях, которые стали бы причиной катастрофы для любой западной армии. Естественно, зима с ее ужасными морозами не делала разницы между советским и немецким вооружением, но русские зарекомендовали себя мастерами импровизации. Они не ставили себя в зависимость от замерзшего технического оборудования.

Если на морозе выходила из строя рация - не беда. В каждой советской части имелся офицер связи, чья обязанность заключалась в том, чтобы приказы и донесения передавались по адресу самым быстрым и самым простым путем связным на коне, на санях или на лыжах. Кроме того, существовали у русских группы воздушной связи, укомплектованные за счет устаревших, но вполне надежных легких самолетов. В условиях труднопроходимой лесистой местности они оказывали большую помощь в проведении боевых операций.

И наконец, пропаганда. Советы тратили на пропаганду больше сил и средств, чем на обеспечение своих войск продовольствием. До последней минуты перед атакой политруки и комиссары хлестали по умам и душам красноармейцев лозунгами. Воодушевляющие призывы заменяли глоток коньяка. А уж если лозунги подкрепляли спиртом, эффект получался просто ошеломляющий.

Еременко пишет:

"Чтобы укрепить наши соединения, из тыловых частей на передовую отправлялись сотни и тысячи коммунистов и комсомольцев. Рабочие из промышленных районов Свердловска и Челябинска посещали солдат на исходных позициях на фронте. Сидя рядом с бойцами в окопах, товарищи из Свердловска и Челябинска говорили с ними, рассказывая им о своих успехах на трудовом фронте. Они обещали солдатам увеличивать производство продукции и снабжать фронт всем необходимым для победы над врагом. В свою очередь, солдаты и офицеры торжественно клялись храбро и бесстрашно сражаться, громить врага и с честью выполнять свой долг.

Во всех частях на передовой проводились партийные и комсомольские собрания. Члены партии и комсомольцы принимали на себя торжественные обязательства служить примером

остальным во время предстоящего боя, не щадить себя и воодушевлять всех на битву. Таким образом представители партии в войсках на фронте создавали условия для успешного выполнения боевых заданий на всех участках".

Из слов Еременко становится ясно, сколь велико значение нагнетаемого Коммунистической партией политического фанатизма для функционирования военной машины. Маршал отмечает: "В 249-й стрелковой дивизии несли службу 567 членов и 463 кандидата в члены Коммунистической партии, а также 1096 комсомольцев". То есть четверть боевого личного состава дивизии.

"Задания, требовавшие высокой степени ответственности, - продолжает Еременко, - поручались членам ВЛКСМ. Так в 1195-м стрелковом полку 360-й стрелковой дивизии все первые номера пулеметных расчетов, все автоматчики и все разведчики были комсомольцами".

Наступление Еременко началось 9 января 1942 г. "Атака, - пишет маршал, - обычное, повседневное слово для солдата. Однако в то время, зимой 1941-1942 гг., в его звуках присутствовала особенная торжественность. В этом слове заключалась наша надежда на разгром врага, на освобождение нашей родной земли, спасение наших родных и близких и наших соотечественников, живущих в фашистском рабстве; в нем заключалась наша надежда отомстить вероломному врагу и наши мечты о мирной жизни и мирной работе".

Не без некой выпренности Еременко заканчивает: "И каждый солдат, от водителя грузовика в тыловой колонне до бойца штурмовой части, мечтал об атаке, как о чем-то самом прекрасном и самом важном в своей жизни".

Как же выглядело в действительности то "самое прекрасное и важное", о чем, согласно Еременко, мечтал каждый красноармеец? Двухчасовая артиллерийская подготовка, пехотная атака на поселок Пено силами двух дивизий по грудь в снегу прямо на немецкие пулеметы.

Советские войска взяли Пено на второй день наступления после тяжелых и кровопролитных боев. Красноармейцы сломали сопротивление разведывательного эскадрона кавалерийской бригады СС Фегеляйна. Первая брешь для прорыва Еременко была пробита.

Но, несмотря на подавляющее численное превосходство, оба фланга советской армии не смогли реально продвинуться. Русская 360-я стрелковая дивизия застряла перед позициями 416-го пехотного полка из Бранденбурга. На левом фланге, на озере Волго около Бора и Селища, русскую 334-ю стрелковую дивизию сильно потрепали и отбросили назад части вестфальской 253-й пехотной дивизии.

Но в центре наступления русская 249-я стрелковая дивизия достигла больших успехов. Эту ударную часть Сталин вскоре сделал 16-й гвардейской дивизией и наградил орденом Ленина. Генерал-майор Тарасов мощным броском вывел свою дивизию к Андреаполю. Задачей его являлся прорыв к Торопцу, транспортному узлу и немецкой базе снабжения - "хлебным амбарам", завладеть которыми приказал Еременко. Путь к запасам продовольствия Тарасову преградил поспешно переброшенный к Андреаполю силезский 189-й пехотный полк под командованием полковника Хохмайера. Полк, входивший в состав 81-й пехотной дивизии, усилили 2-м дивизионом 181-го артиллерийского полка, а также саперной ротой и несколькими тыловыми подразделениями.

Еременко то и дело отдает должное подвигам и самопожертвованию немецкого полка. Его солдаты создали немало хлопот 4-й ударной армии на центральном участке наступления и в буквальном смысле до последнего человека отражали атаки двух ударных советских дивизий, которые понесли при этом чувствительные потери.

Трагедия силезцев и судетских немцев из 189-го пехотного полка разыгрывалась между железнодорожной станцией Охват и селами Луги, Величково и Лауга. Лишь несколько человек осталось в живых после кровавой битвы с гвардейцами Еременко в метровой глубины снегу в 46-

градусный мороз. Один из немногих уцелевших военнослужащих 189-го, способных поведать о героизме полка, - обер-лейтенант Эрих Шлессер, участвовавший в боях перед Андреаполем, будучи еще унтер-офицером 3-й роты.

81-я пехотная дивизия, в которую входил 189-й пехотный полк, прошла Французскую кампанию без сколь-либо заметных потерь. Перед Рождеством 1941 г. дивизия стояла, расквартированная по Атлантическому побережью, где солдаты наслаждались службой.

Но встретить Рождество на французском берегу им не довелось. 22 декабря 1941 г. пришел приказ собираться в дорогу. 23 декабря роты погрузились в воинские эшелоны. Куда они отправлялись? Казалось, путешествие не будет долгим. Им не выдали допайков и зимнего обмундирования. Они не получили ни нового вооружения, ни снаряжения.

Никто не верил слухам, расплзавшимся по вагонам из штаба полка: "Мы едем в Россию - на Восточный фронт!"

Убаюкивающе постукивали на стыках колеса поезда, следовавшего на восток через Францию. Солдаты встретили Сочельник на соломе в товарных вагонах. Они начинали замерзать в своих легких шинельках. А эшелон все шел - через Германию, через Польшу. В Варшаве им выдали продовольственные пайки. Следующую остановку поезд сделал в Белоруссии, в Минске. Было 25 градусов мороза, и холод гулял по вагонам. Железные печки раскалялись докрасна, но солдаты все равно замерзали.

Через тринадцать дней непрерывной дороги, 5 января 1942 г., эшелон прибыл к месту назначения на станцию Андреаполь и высадился в метровой глубины снег при температуре 30 градусов ниже нуля. На весь полк не было ни единой зимней шинели. Не было ни одной шапки и наушников для защиты от холода. Не успев еще понять, что происходит, многие отморозили пальцы ног и уши.

Вот запись в журнале 2-го корпуса: "Неподготовленность полка к зиме не поддается никакому описанию". Но прежде чем корпусное начальство успело снабдить полк, численность которого не превышала 3000 человек, самым необходимым, его пришлось бросить в бой против гвардейцев Еременко - полков 249-й стрелковой дивизии, которые рвались через брешь в районе Пено на юго-запад к Андреаполю. Советские лыжные батальоны уже пересекали озеро Охват.

Полковник Хохмайер послал им навстречу свои батальоны. Под его начало передали 3-ю инженерную роту 181-го полка.

1-й батальон 189-го пехотного полка, усиленный батареей 181-го артиллерийского полка, прибыл в село и на станцию Охват в одно и то же время с русскими передовыми подразделениями. Русские захватили восточную окраину поселка, а 3-я рота капитана Линденталя прочно закрепилась на западной. Командование советской 249-й стрелковой дивизии послало в бой 925-й полк - сибиряков, атаковавших по льду озера с криками "Ура!". Хохмайер со своей стороны перебросил к Охвату 3-й батальон.

У железнодорожной насыпи капитан Нойманн пытался отразить атаку русских своей 11-й ротой и помочь 1-му батальону в Охвате. Русских надо было остановить, хотя бы на время задержать, чтобы успеть образовать оборонительный рубеж в широкой брешии между Двиной и Волгой. Если это не удастся, советские дивизии достигнут цели - выйдут к Витебску и Смоленску, а также к автомагистрали, чтобы соединиться со своими армиями, атакующими с юга, и захлопнуть ловушку вокруг группы армий "Центр".

Унтер-офицер Мациоль со своим взводом находился на позициях на юго-западной окраине Охвата.

– Танки! - закричал, ворвавшись в избу, обер-ефрейтор Густав Пракса. - Все наружу!

У въезда в село появился первый легкий Т-601. За ним следовали другие: третий, четвертый - всего восемь. Это была боевая группа советского 141-го танкового батальона.

Танки открыли огонь по домам. С крыш полетели клочья соломы, обнажились стропила. Совершенно ясно, что танкисты стремились уничтожить все, что могло бы служить немцам укрытием от холода. Обычный прием русских.

Мациоль, Пракса и унтер-офицер Мюллер, командовавший 1-м отделением, лежали за углом дома. Вражеский танк на дальнем конце широкой сельской улицы поливал дорогу из пулемета, поднимая фонтанчики снега возле трех немецких солдат.

– Если они прорвутся тут, то расстреляют наши грузовики снабжения и двинутся на Андреаполь, - проговорил Мациоль с акцентом, выдававшим в нем уроженца Силезии, а затем сказал как о решенном: - Мы должны разделить их гранатами.

Мюллер и Пракса все поняли. Не гнушимся от мороза пальцами они достали гранаты. Тем временем первый Т-60 проскрежетал гусеницами мимо избы.

Пришел черед Мюллера. Он вскочил на ноги, подбежал к танку и запрыгнул на корму. Схватился за ручку люка и рывком открыл его. Держа его левой рукой, правой он достал похожую на яйцо гранату, зубами выдернул чеку, хладнокровно выждал две секунды и швырнул ее в боевое отделение танка. Затем спрыгнул на снег. Грохот. Столб пламени.

Второй танк остановился. Люк открылся. Русские хотели рассмотреть, что же происходит впереди. Мациоль успел достать пистолет, прицелиться и выстрелить. Пуля попала в цель. Русский рухнул в башню. А Мюллер уже вскочил на танк и бросил гранату с длинной рукояткой в так и оставшийся открытым люк.

Черный дым, валивший из двух танков, застилал дорогу. Точно призрак, появился из этого дыма третий танк. Водитель поспешил сдать назад, но машина застряла в снегу.

Обер-ефрейтор Пракса запрыгнул на броню и попытался открыть люк башни, но не смог. Однако в тот момент русский стрелок (он же и командир) начал открывать его изнутри, чтобы осмотреться. Заметив Праксу, он поспешил юркнуть обратно, но граната скатилась внутрь раньше, чем захлопнулся люк.

Видя, что произошло с головными машинами их боевой группы, остальные пять советских танков, пробиравшихся через глубокий снег, развернулись на широкой улице села и покатали в обратном направлении.

В сумерках сибиряки из 925-го стрелкового полка пришли вновь. На сей раз для их поддержки генерал Тарасов развернул 1117 и 1119-й стрелковые полки 332-й стрелковой дивизии. Противник серьезно потрепал 1-й батальон подполковника Проске. 11-й роте капитана Нойманна, сражавшейся у железнодорожной насыпи, пришлось сдать позиции.

В ночь с 12 на 13 января столбик термометра упал до отметки 42 градуса. В каждой роте по причине обморожения вышло из строя от двадцати до тридцати человек.

К утру средняя численность боевого личного состава в немецких ротах сократилась до пятидесяти-шестидесяти стволов легкого стрелкового оружия. На участке 1-го батальона уцелело всего три крестьянских избы, в которых солдаты могли хоть чуть-чуть обогреться после боя или караула. Лошади ночевали под открытым небом. Животные тряслись от холода, тараша полубезумные глаза.

Еременко пришел в ярость, узнав, что всего один полк сдерживает продвижение его частей на Андреаполь и Торопец, лишая его доступа к вожделенной базе снабжения. Поэтому он приказал 249 и 332-й стрелковым дивизиям обойти немцев. 14 января русские ударили в тыл 189-му полку. Они разнесли в пух и прах колонны тылового обеспечения в районе Луги и Величкова. Заблокировали пути поступления всего необходимого. Разгромили перевязочные пункты и полевые госпитали. Захлопнули ловушку.

В 18.00 полковник Хохмайер приказал прорвать кольцо окружения. На внезапную сосредоточенную артподготовку - обстрел Величкова и Луги - ушли последние артиллерийские

снаряды. Затем пехота атаковала. Было 15 января. С одиннадцатого числа солдаты не имели возможности выспаться и только дважды получали горячую пищу.

1-й батальон отбил у неприятеля Луги. Советские контратаки с применением танков остановил на окраине села лейтенант Клаузинг. Только никак не удавалось сбить засевшего на церкви русского пулеметчика, блокировавшего дорогу. Одной из жертв огневой точки пал лейтенант Гебхардт. Взвод его был расстрелян.

По сей день оставшийся безымянным ефрейтор пробрался через разрушенный фасад здания, забрался на хоры и тремя ручными гранатами прикончил пулеметчика.

Но взять Величково оказалось невозможным. Противник прижал огнем усиленный 2-й батальон и медленно, но верно уничтожил его.

К 16 января от 189-го пехотного полка остались лишь жалкие крохи. Русские вновь ворвались в Луги силами пяти танков, разгромили санную колонну полка, блокировали железнодорожную насыпь и вышли к Андреаполю.

Полковник Хохмайер дал батальонам свободу действий на попытку самостоятельного прорыва к Торопцу через леса. Это означало марш длиной не менее 50 км. Сам полковник верхом отправился на рекогносцировку. Как оказалось - в никуда. Он так и не возвратился, найдя свою смерть где-то на заснеженных полях за Андреаполем, как и большинство солдат из его полка. Хохмайеру посмертно присвоили звание генерал-майора.

Подполковник Проске тоже верхом вместе с двумя офицерами отправился на поиски пути, чтобы вывести из окружения часть. Никто из них не вернулся.

Малыми боевыми группами офицеры и унтер-офицеры пытались войти в леса через глубокий снег. Но лишь одному подразделению 1-го батальона удалось одолеть страшную дорогу к Торопцу. В путь отправилось 160 человек. Сорока из них удалось к 18 января добраться до цели.

"Потери 189-го пехотного полка погибшими составляли 1100 человек", сообщает Еременко. Одна тысяча сто человек погибшими. С разгромом частей полковника Хохмайера для Еременко открывалась дорога к первому оперативному объекту - гигантским складам в Торопце. Тыловые немецкие подразделения из 403-й охранной дивизии, располагавшие несколькими трофейными танками, а также полицейские части не могли удержать города. На охват устремилось пять советских ударных полков. 21 января генерал Тарасов взял склады в Торопце целыми и невредимыми. Впервые с самого начала наступательной операции солдаты Еременко смогли получить причитающиеся им продовольственные пайки.

После прорыва Красной Армии в Торопце единого фронта немецкой обороны на 130-километровом участке между Великими Луками и Ржевом больше не существовало. Для группы армий "Центр" наступил самый униженный и опасный момент с 6 декабря 1941 г. Три советские армии - впереди четыре стрелковые дивизии, две стрелковые бригады и три батальона лыжников 4-й ударной армии Еременко - находились на верном пути к победе, на которую так рассчитывал Сталин, - разгрому немецкой группы армий "Центр" и, таким образом, к поворотному пункту в войне.

В сложившейся обстановке генерал фон дер Шеваллери, командовавший 59-м корпусом, получил приказ заделать Витебскую брешь тремя дивизиями. Приказывать легко - ни одна из этих трех дивизий не прибыла в Россию в полном составе. Основные их части - 83-й пехотной дивизии из Северной Германии, 330-й пехотной дивизии из Вюртемберга и 205-й пехотной дивизии из Бадена - все еще находились в пути из Франции на Восточный фронт. Единственными, кто прибыл к месту назначения, были остатки 416-го пехотного полка берлинско-бранденбургской 123-й пехотной дивизии, прошедшие через ад на озере Селигер.

Начиная с 20 января генерал фон дер Шеваллери и личный состав штаба его корпуса в

Витебске лихорадочно работали над тем, чтобы поскорее доставить недостающие части в Россию. Это была битва со временем.

Пока 249-я стрелковая дивизия и части 358-й стрелковой дивизии из армии генерала Еременко продвигались от Торопца к Островскому и Велижу, оба из которых являлись важными автодорожными развязками на Двине и последними препятствиями на пути к Витебску, - главной базе материально-технического и продовольственного снабжения группы армий "Центр".

Генерал-лейтенант Курт фон дер Шеваллери мог лишь посылать свои войска по частям по мере их прибытия на Восток, прямо с воинских эшелонов против полков Тарасова. Непостижимы подвиги немецких батальонов, переброшенных из мягкого климата французской зимы в 40- и 50-градусный морозы для устранения катастрофической опасности, угрожавшей группе армий "Центр". А крушение ее они в многомесячных боях все же сумели предотвратить.

Боевыми группами Шеваллери оборонял критические точки в районе прорыва между 9 и 16-й армиями до тех пор, пока в конце января 1942 г. их не сменила 3-я танковая армия. Тот, кто побывал там, никогда не забудет названий населенных пунктов, ставших свидетелями страшных боев зимней кампании, - Демидов, Велиж, Кресты, Сураж и Рудня. Солдаты из Северной Германии, Швабии, Бадена и Бранденбурга превратили забытые Богом жалкие сельца в волноломы против волн наступления Еременко, выстояли в штурм, сумев предотвратить его катастрофические последствия.

Самые кровопролитные сражения велись за Велиж и Кресты. Здесь упорно отражали атаки противника части 83-й пехотной дивизии - боевая группа полковника Зинцингера, командира 257-го пехотного полка. Солдатам из Люнебург-Хайде, из Шлезвиг-Гольштейна, из Гамбурга и Бремена приходилось, стуча зубами, жаться по ночам друг к другу в палатках при температуре 25-40 градусов ниже нуля, без соломы, не имея возможности развести костры. Днем они сражались по грудь в глубоком снегу. Отрезанные от других частей корпуса. Они контратаковали, прокладывали себе путь вперед и с боями возвращались назад. Но они не переставали драться.

Противостояли им четыре советские дивизии и части трех стрелковых бригад, стремившиеся любой ценой прорваться через дорожную развязку в районе Рудни к шоссе Минск-Смоленск-Москва, чтобы перерезать автомагистраль - жизненно важную для группы армий "Центр" коммуникационную линию.

Им это не удалось. Советское наступление выдохлось. Наступательный порыв красноармейцев поглотило неожиданное противодействие 59-го корпуса. Еременко откровенно называет причины провала своего полномасштабного наступления: советское Верховное Главнокомандование недоценило способность немецких войск к сопротивлению и ведению боевых действий в условиях сибирских морозов. Оно считало, что немецкие дивизии полностью измотаны. Таким образом, Сталин совершил ошибку, под стать той, которую допустил Гитлер под Москвой. Советское Верховное Главнокомандование посчитало противника слишком слабым, а себя слишком сильным.

Не налаженное должным образом снабжение боеприпасами, топливом и продовольствием, нехватка офицеров, слабая подготовка личного состава и неожиданно большие потери - все это ослабило советские войска. К концу января 1942 г. 249-я стрелковая - гвардейская - дивизия из армии Еременко, согласно его же собственным данным, насчитывала в своем составе 1400 человек, тогда как 9 января численность ее составляла 8000 человек.

Даже самые суровые приказы советского Верховного Главнокомандования оказались не в состоянии заставить 4-ю ударную армию Еременко выполнить поставленную стратегическую задачу - окружить немцев под Витебском. Она оказалась просто не в состоянии сделать это.

Две другие армии, действовавшие на флангах армии Еременко - 3-я ударная на западе и 22-я армия на востоке, - аналогичным образом не смогли достигнуть цели - Великих Лук и Ярцева на автомагистрали Смоленск-Москва. 3-я ударная армия генерала Пуркаева застряла под Холмом, где держала круговую оборону немецкая боевая группа Шерера. 22-я армия генерала Вострухова не продвинулась за Белый, где умирали на позициях солдаты гессенской 246-й пехотной дивизии.

Таким образом, наиболее опасный удар советского зимнего наступления против группы армий "Центр" - прорыв в тыл 9-й армии - не принес ожидаемого результата. Острия внешних клиньев русского охвата, направленного в глубь немецких тылов, были сломаны. 3. Назначение Моделя Сычевские склады - "А чем вы для этого располагаете, господин генерал?" - Полки держат излучину Волги - "Из моей роты в живых остался я один" - Сталинское наступление выдыхается - Сухиничи, или Мышь в хоботе слона - Патер и вахмистр - Взгляд с другой стороны: два русских дневника и прощальное письмо.

Однако опасность катастрофы все еще сохранялась, противник угрожал на севере и на юге от автомагистрали, в районе Ржева и Сухиничей. Внутренний клин советского наступления представлял непосредственную опасность для передовых немецких частей 9 и 4-й армий.

Ржев стал точкой приложения наибольших усилий советских войск. Русские любой ценой стремились овладеть краеугольным камнем "здания" немецкого Центрального фронта. Если бы им удалось захватить Ржев, это означало бы обход с фланга и окружение 9-й армии.

Когда гусеницы вражеских танков заскрежетали на расстоянии менее километра от командного пункта армии, со всей отчетливостью проявились признаки близкой катастрофы. Ближе к вечеру 12 января 1942 г. немецкая 9-я армия оказалась на краю пропасти.

Было 16.00. В оперативном помещении штаба армии в Сычевке перед картой, на которой зафиксировалась сложившаяся ситуация, стояли подполковник Блаурок, начальник оперативного отдела штаба армии, и генерал-майор Крюгер, командир 1-й танковой дивизии из Тюрингии. Также с целью ознакомления с ситуацией присутствовали подполковник Венк, начальник оперативного отдела дивизии, подполковник фон Витерсгейм, командир 113-го стрелкового полка, и подполковник Гольсте, командир 73-го артиллерийского полка. Самая передовая боевая группа 1-й танковой дивизии только что прибыла в район Сычевки. Всего неделю назад маленький городок со своими громадными складскими помещениями на железнодорожной станции представлял собой тихое местечко в тылу, где располагались штаб армии и база снабжения - маленький раёк для интендантского начальства и казначеев. Теперь вот уже два дня здесь пролегла линия фронта.

В помещении слышалось стрекотание пулеметов и глухое уханье минометов.

- Хочу познакомить вас с обстановкой, генерал. Не обстановка, а сплошной кровавый кошмар, - обратился к Крюгеру начальник оперативного отдела армии Блаурок. - С девятого января русские из района Осташкова не переставая атаковали крупными силами левый фланг отрезанного Двадцать третьего армейского корпуса и оттеснили его к югу. Одновременно очень сильный натиск испытывает на себе левый фланг Шестого армейского корпуса вот здесь. - Блаурок ткнул пальцем в точку на карте. - Наша просьба перенести фронт назад, на линию Гжатск-Волга, отклонена. Начиная с одиннадцатого января противник наносит мощные удары с северо-запада южнее и западнее Сычевки, при этом самые передовые его части атакуют западные окраины города. - Блаурок накрыл Сычевку ладонью и просительно проговорил: - Надо удержать Сычевку, господин генерал, - нам нельзя потерять ее.

Командир и офицеры 1-й танковой дивизии закивали. Они осознавали всю сложность положения, наглядно изображенного на карте. Их весьма удивляло то, что на совещании не присутствовал командующий армией генерал-полковник Штраус. Начальник оперативного

отдела разъяснил:

– Здоровье генерал-полковника Штрауса сильнейшим образом пошатнулось. Начштаба тоже серьезно болен. Со дня на день мы ожидаем нового командующего армией - генерала Моделя.

На лицах офицеров отразилось удивление.

Да, командующим 9-й армией стал Модель, совершивший головокружительное восхождение к вершинам военной карьеры. Всего три месяца тому назад он командовал дивизией - знаменитой 3-й танковой.

Невысокий, жилистый, он появился на свет в Гентине в 1891 г. и заставил запомнить себя службой в штабах различного уровня группы армий "Центр". Лучше всего его помнили солдаты 1-й танковой дивизии, сражавшиеся под его началом в составе 41-го танкового корпуса, начиная с Калинина. Он пользовался популярностью в частях, несмотря на то что не походил на своего предшественника, генерал-полковника Рейнгардта. Все знали - где Модель, там ощутимо присутствует военная удача: там, где он, удаются самые смелые замыслы, разрешаются наиболее кризисные ситуации. Нигде и ни в один момент так не нуждались в Моделе, как нуждались в нем в 9-й армии.

Блаурок вновь подошел к большой карте.

– За последние сорок восемь часов обстановка действительно стала не просто критической, а сверхкритической, - проговорил он с типичной беспристрастностью офицера германского генштаба и указал на жирные красные стрелки. - Здесь, западнее Ржева, русские прорвали в нашем фронте брешь шириной в пятнадцать километров. В течение последних двух дней бронетехника, пехота и санные колонны двух советских армий - Двадцать девятой и Тридцать девятой - вливаются в дыру и движутся в южном направлении. Прошло уже около девяти дивизий. Наш Двадцать третий корпус отрезан, окружен, и снабжение его возможно только по воздуху. Благодарение Богу, Шестому корпусу удалось создать и удерживать новый фронт обороны к западу и юго-западу от Ржева. - Блаурок провел рукой в направлении, в котором указывали красные стрелки. - Обратите внимание, что острие советского наступления - кавалерия - уже к западу от Вязьмы, на шоссе, а это "дорога жизни" всей группы армий "Центр". Но похоже, пока силы противника там не слишком крупные и не представляющие большой проблемы. Куда более сложная на сегодняшний момент ситуация сложилась вот здесь. Блаурок указал на спутанный клубок красных кружков и линий в 50 километрах к юго-западу от Ржева и продолжал: - Как видите, крупные советские силы развернуты к Сычевке за самыми передовыми частями Двадцать девятой и Тридцать девятой армий. Русские совершенно очевидно намерены взять город, повернуть на север и окружить армию. В настоящий момент они ведут бои за идущую ко Ржеву железнодорожную ветку. Если они овладеют ею, линии снабжения всей нашей армии окажутся перерезанными. Поступление всех необходимых грузов и подкреплений зависит от этой железной дороги. Если Сычевка падет, противнику удастся переиграть нас. Господа, русские уже стучатся к нам в дверь. Головные части их уже проникли на территорию сортировочной станции, где, по счастью, предаются грабежу. Я сказал, по счастью, потому что окраину города удерживают части специального назначения, сколоченные из водителей грузовиков снабжения и связных, под началом полковника Крузе, начальника армейской артиллерии. На периферии территории станции ваша Шестая рота Первого стрелкового полка, которая прибыла незадолго до полуночи.

Жизнерадостный и не склонный раньше времени расстраиваться саксонец, генерал-майор Крюгер, произнес словечко, частенько звучавшее из уст солдат. Витерсгейм кивнул и пробормотал:

– И это еще мягко говоря.

Через полчаса после описанного выше разговора в армейском штабе в Сычевке передовые

части боевой группы фон Витерсгейма вступили в боевые действия по связыванию советских войск, уже закрепившихся на территории железнодорожной станции и в помещениях огромных складов. Немецкая группа состояла из нескольких бронетранспортеров и усиленной роты мотоциклетного батальона 1-й дивизии - солдат из Лангензальца и Зондерхаузена, возглавляемых обер-лейтенантом Пэтцольдом.

Пэтцольд, пробравшийся вперед к ангару вместе со связным, в бинокль рассматривал товарные склады станции Сычевка-Север.

– Там как на ярмарке в Михайлов день, - не без удивления пробормотал он.

Мотоциклисты обхлопывали себя руками по бокам, чтобы согреться. Вернувшись, лейтенант оседлал свой мотоцикл:

– Вперед!

Все происходившее на складской территории действительно походило на некое ярмарочное оживление. Русские вытаскивали из пакгаузов мешки и ящики с продовольствием, крайне довольные результатами собственных трудов. Дополнительные пайки летчиков и танкистов - шоколад, печенье и сухофрукты встречали у русских особое одобрение. Но с не меньшим рвением они волокли заливные свиные ножки, ливерную колбасу и рыбные консервы. Они вскрывали то одну, то другую банку штыками и пробовали содержимое.

– Земляк, ты только посмотри - а ну, попробуй.

– А сигареты!

– Затянись-ка! Ты гляди! Это тебе не самокрутка из "Правды" с махоркой. Типографской краской не воняет!

Но самое большое восхищение вызывал французский коньяк. Солдаты сбивали горлышки бутылок и лили себе в глотки веселящую жидкость, которая по сравнению со спиртом казалась им мягкой, словно сладкий чай.

Русские веселились на глазах, совершенно забыв о 40-градусном морозе и о чертовой войне. Они горланили песни и смеялись. Они тискали друг друга в объятиях и целовались. Часовые не поднимали тревоги. Никто не выстрелил, пока внезапно не ударили пулеметные очереди мотоциклистов Пэтцольда. Загрохотали взрывы гранат. Застрочили автоматы из кузовов бронемашин. Советские солдаты бросились в паническое бегство. Далеко они не ушли. Они падали замертво под пулеметным огнем среди консервных банок и пачек сигарет, среди ящиков с коньяком и упаковок с печеньем.

В шутку говоря, можно сказать, что первую победу в Сычевке немцы одержали благодаря шоколаду и французскому коньяку. Только вследствие того, что русские оказались всецело поглощены дегустацией своей драгоценной добычи, и удалось слабым подразделениям 1-й танковой дивизии отбить у численно превосходящего неприятеля железнодорожные склады. Ничего экстраординарного в ситуации не было.

Так, например, генерал Инфантес, командир испанской Синей дивизии, пишет в своем исследовании, посвященном действиям испанских добровольцев в России: "Нередко случалось, что после успешных атак на местном уровне русские солдаты забывали о поставленных задачах и понапрасну растрчивали драгоценное время. Переходя в немедленные контратаки, мы, бывало, заставляли их за общариванием наших блиндажей в поисках провизии, за поглощением банок с джемом и распитием коньяка. Подобные слабости обходились им весьма дорого, поскольку в таких случаях они редко оставались в живых. Иногда нам удавалось разбить их в контратаках потому, что они терялись в системе наших окопов. Верно, что красноармейцы решительно идут к поставленным целям. В грозных противников их превращает не только современное оружие, но и выдаваемая водка, которая делает их безумными. Их тщательно подготовленные широкомасштабные атаки, вне сомнения, представляют опасность, поскольку

"русский паровой каток" крушит все, что только встает у него на пути. Все, что можно сделать в таких случаях, - стойко держаться. Но хорошо организованная контратака всегда застаёт русских врасплох".

На протяжении двух следующих дней подтянулись и другие части 1-й танковой дивизии. Вместе с 337-м пехотным полком, переброшенными из Франции в Россию по воздуху, они очистили от неприятеля ближайшие подступы к Сычевке и восстановили сообщение с расположенным к югу от города летным полем в Новодугино, где частям Люфтваффе удалось продержаться несколько дней. Окруженные роты хлебопеков, окопавшиеся поблизости от огромных печей, и попавшая в трудное положение армейская рота связи были спасены, как и окруженные солдаты из ветеринарного госпиталя. Немедленные советские контратаки немцам удалось успешно отразить.

Через несколько дней после первого совещания в штабе 9-й армии командир и начальник оперативного отдела 1-й танковой дивизии вновь прибыли к начальнику оперативного отдела 9-й армии, чтобы получить указания в соответствии с дальнейшими намерениями командования относительно боев за Ржев и Сычевку. Не успели офицеры обменяться приветствиями, как снаружи громко хлопнула дверца немецкого вездехода. Послышались отрывистые слова команды. Вошедший дежурный объявил:

– Генерал Модель.

Одетый в длинную шинель, со старомодными, но удобными наушниками на голове, в высоких мягких сапогах, со своим неизменным моноклем в глазу в помещение вошел новый командующий. Он словно бы излучал энергию и бесстрашие. Модель пожал руки офицерам. Бросил шинель, фуражку и наушники на стул. Протер запотевший в теплой комнате монокль. Подошел к карте.

– Полная каша, - произнес он и быстро изучил последние изменения обстановки.

– Я уже в общих чертах обрисовал господам главную проблему, - доложил Блаурок. - Первое, что должна сделать Девятая армия, - выправить положение вокруг Сычевки и обеспечить за собой контроль железнодорожной линии Ржев-Сычевка-Вязьма. После стабилизации обстановки в самой Сычевке силами Первой танковой дивизии начинают прибывать передовые части моторизованной дивизии СС "Рейх".

Генерал танковых войск Модель, смелый и решительный боевой командир и одновременно холодный расчетливый штабист, кивнул.

– А теперь главное для нас - закрыть брешь вот здесь. - Он провел рукой над широкими красными стрелками, которыми обозначались направления прорыва русских к западу от Ржева между селами Никольское и Соломино. - Мы должны перекрыть каналы снабжения прорвавшимся русским дивизиям. И вот отсюда, - Модель показал на Сычевку, - ударить во фланг противнику и взять его за горло.

Крюгера и Венка оптимизм командующего немало удивил. Блаурок выразил охватившее их сомнение в осторожном вопросе:

– Господин генерал, а чем вы располагаете для подобной операции?

Модель окинул своего начальника оперативного отдела спокойным взглядом и произнес:

– Собой. - И залился смехом. Все остальные с чувством облегчения присоединились к нему. Впервые за много дней в оперативном помещении штаба 9-й армии в Сычевке смеялись так беззаботно и весело. Новый дух наполнял офицеров.

Странное дело, но как только Модель вступил в должность командующего армией, полкам словно бы прибавилось силы. Дело не только в исключительной четкости отдаваемых им распоряжений - командующий везде появлялся лично. В то время как полковник Кребс, его начштаба, находился в Сычевке, занимаясь решением вопросов в штабе, Модель выезжал на

фронт. Он мог неожиданно выскочить из вездехода возле штаба батальона или выехать на коне по глубокому снегу на передовые рубежи, где воодушевлял, распекал, наставлял и в конце концов шел в атаку во главе батальона с пистолетом в руке. Этот живчик-генерал словно бы находился повсюду. Его присутствие чувствовалось даже и там, где самого его не было.

В значительной мере благодаря именно этому присутствию и решилась судьба предстоящей битвы. Чтобы понять это, нужно знать предысторию событий.

Еще 8 января генерал-полковник Штраус предпринимал попытку закрыть брешь на севере. Части переукомплектованной кавалерийской бригады СС Фегеляйна под командованием оберштурмбанфюрера Цегендера были переброшены на восток из района Нелидова и развернули атаку через Оленино. Части 6-го корпуса из Ржева устремились навстречу им в западном направлении. Но в данном районе боевых действий русские войска численно значительно превосходили немецкие. Контратаку боевой группы Цегендера на несколько часов совершенно парализовала ужасная метель, затем немцы столкнулись с противодействием сразу нескольких советских бригад. К востоку от Оленина атака захлебнулась. Попытка заткнуть дыру провалилась.

С целью повторить попытку прорыва, но уже более крупными силами, группа армий "Центр" сняла 1-ю танковую дивизию с линии обороны вдоль р. Руза и перебросила ее ко Ржеву. Шаг оказался удачным, поскольку в результате появилась возможность для быстрой переброски дивизии к Сычевке, чтобы исправить сложившуюся там критическую ситуацию.

Но лишь одни оборонительные действия в удерживаемых немцами районах ни к чему не вели. "Атакуйте, перехватывайте у противника инициативу, навязывайте ему свою волю", - такой рецепт прописывал подчиненным Модель. Бойцы тюрингской 1-й танковой дивизии из древних городов Центральной Германии - Веймара, Эрфурта, Эйзенаха, Йены, Зондерхаузена и Касселя сменили военную профессию. Поскольку танков у них не осталось, экипажи переквалифицировались в пехотинцев и встали на лыжи.

Лейтенант Дариус, с которым мы уже встречались во время боев за Дудергофские высоты, командовал теперь действовавшей бесшумно и стремительно "лыжной ротой". Своими смелыми бросками и службой в дозорах солдаты Дариуса прикрывали железнодорожные инженерные войска, которые постоянно чинили дорогу на участке между Сычевкой и Ржевом - излюбленную мишень для нападений русских диверсантов.

Но она была слишком длинной. Майор Рихтер, командовавший 2-м дивизионом 4-го зенитного полка, придумал нетрадиционный способ защиты жизненно важного железнодорожного движения на ржевском направлении. По его проекту дивизион во Ржеве соорудил некую мобильную "зенитную батарею" из установленных на снабженных механической тягой платформах двух 88-мм, двух легких 20-мм зениток и четырех пулеметов. Этот самодельный "бронепоезд" обслуживался командой из сорока человек под командой оберлейтенанта Лангхаммера.

Поезд курсировал между Ржевом и Сычевкой. Но сначала по настоятельной просьбе дежурного транспортного офицера "батарея" отправилась на юг, чтобы сопровождать эшелон с боеприпасами. Говорят, что, получив первое задание, лейтенант Лангхаммер с сомнением спросил:

– А не лучше ли вам послать туда подводную лодку?

Но зенитчики из "бронепоезда ПВО" вскоре прославились тем, сколь превосходным образом они справлялись с поставленными перед ними задачами.

Физически служба на открытом "бронепоезде" являлась пыткой. Ветер, возникающий при движении, понижал температуру, которая на платформах достигала 50 и даже 58 градусов ниже нуля. Те, кто стоял вахту на паровозе, скрывали лица под кожаными масками, поскольку в

противном случае они в считанные минуты обморачивали себе носы и щеки. Впереди перед собой локомотив толкал несколько товарных вагонов - "миноискателей".

Не раз и не два "бронепоезд" рассеивал крупные группы диверсантов, пробиравшиеся к железнодорожной насыпи. Более того, батарея на колесах приводила во Ржев эшелоны с грузами, сопровождая их и тем обеспечивая поступление всего необходимого в первые, самые трудные дни.

Для советских войск, прорвавших немецкий фронт, ситуация тоже была далеко не самой благоприятной. Достаточно одного взгляда с другой стороны, чтобы понять это.

Сергей Камбулин, двадцатишестилетний лейтенант, командовавший ротой автоматчиков в составе стрелкового полка 381-й стрелковой дивизии, подгонял своих солдат.

– Давай! - кричал он. - Давай. Нечего расслаживаться!

Ворча, красноармейцы упирались в лафеты и щиты двух трофейных пехотных орудий. Лошадей унесли холод и бескормица. Что же касается людей, то каждый день из рядов роты выбывали двое, трое или даже четверо бойцов.

Они продвигались по широкой, укатанной танковыми гусеницами колее в снегу. Траки сделали снег твердым как бетон. Но он стал также и скользким, точно каток в ленинградском парке. Выбываясь из сил, люди шли и шли вперед. Один из них поинтересовался:

– Как называется вон та деревня, товарищ лейтенант?

Камбулин посмотрел в карту.

– Соломино, - ответил он. С помощью большого и указательного пальца он измерил расстояние. - Мы уже в тридцати километрах западнее Ржева, движемся в южном направлении. Знаете, что это означает? Это значит, мы выходим в тыл фашистам!

Соломино являлось самой западной точкой в огромной брешке, через которую рота Камбулина наступала на юг. Точка прорыва находилась под прикрытием противотанковых пушек и тяжелых 152-мм полевых гаубиц. В сотне метрах справа от роты двигалась гужевая колонна снабжения. Пар валил от полевых кухонь. Солдаты Камбулина с тоской смотрели в ту сторону. Горячей пищи они не ели с прошлого вечера. Было 11.00.

Днем раньше, 21 января, лейтенант Камбулин наконец получил пару валенок. Он отказывался брать себе валенки до тех пор, пока их не будет у всех его людей. Столбик термометра показывал 45 градусов ниже нуля.

– Говорят, немцы все еще воюют в сапогах, а некоторые даже в матерчатых ботинках, - сказал один из солдат, молодой деревенский учитель.

– Надеюсь, эти сволочи замерзнут, - пробурчал Камбулин.

– Немецкий самолет! - закричал кто-то. Все тут же рассеялись и бросились в снег. Немецкий штурмовик уже зашел для атаки и открыл огонь из авиационной пушки. Дальше в стороне немецкие самолеты громили советскую колонну.

Вскоре появились советские истребители. Но почти одновременно прилетели немецкие истребители и отогнали воздушное прикрытие противника.

С запада доносился грохот немецкой артиллерии. Снаряды ложились с недолетом, перед ротой Камбулина, но вот они стали падать ближе, затем ложиться с перелетом все восточнее и восточнее. Самое худшее миновало.

Камбулин выпрямился. Что же происходит? Тыловая колонна поспешно отходила. Строчили пулеметы. С запада в атаку шли пехотные цепи в белых масках. Там и тут виднелись массивные туши танков без башен и командирских лючков.

– Да это же штурмовые орудия немцев - немецкие самоходки, - осенило Камбулина. Школьный учитель тоже понял это:

– Это немцы, товарищ лейтенант!

Спокойно и деловито лейтенант Камбулин отдавал приказы своим людям. Отделения рассредоточились. И вот уже первые автоматные очереди обрушились на противника. Две трофейные легкие пушки палили без перерыва.

Немцы падали в снег. Они подавали сигналы кому-то, кто находился у них в тылу. Вызывали поддержку своих пехотных орудий. Началось сражение Моделя с крупными силами советских войск, прорвавшимися к западу от Ржева.

Новый командующий 9-й армии начал второй этап своей операции против советских армий, прорвавшихся через немецкий фронт. Она началась при температуре 45 градусов ниже нуля, когда замерзло человеческое дыхание.

Полковые и дивизионные командиры просили Моделя отложить операцию из-за чудовищного холода. Модель отвечал им:

– Зачем же, господа? Завтра или послезавтра теплее не станет. А русские своего наступления не свертывают.

Наступление - это был конек Моделя. Колоссальное его достижение в январе 1942 г. состояло в том, что, получив 9-ю армию, когда она находилась в безнадежной ситуации, отчаянно держала круговую оборону, он нанес контрудары, которые очевидно сместили центры тяжести на фронте.

План Моделя выглядел просто. Он послал усиленную 1-ю танковую дивизию и части вновь прибывшей дивизии СС "Рейх" из Сычевки в северо-западном направлении, к Осуйскому, чтобы нанести удар во фланг передовым советским частям.

Через двадцать четыре часа, 22 января, Модель отдал приказ 6-му корпусу атаковать из района к западу от Ржева, нанося удар по западному району советского прорыва. Основной груз операции лег на 256-ю пехотную дивизию, усиленную батальонами четырех других дивизий и полевой, противотанковой и зенитной артиллерией.

Одновременно 23-й корпус - отрезанный в районе Оленина - ударил с запада силами 206-й пехотной дивизии, кавалерийской бригады СС Фегеляйна и 189-го дивизиона штурмовых орудий, чтобы пробиться и соединиться с частями 6-го корпуса, наступавшего с востока. Солдаты, столь неожиданно появившиеся перед ротой лейтенанта Камбулина, входили в состав боевой группы СС Цегендера, фактически кавалеристами, действовавшими в качестве пехотинцев, вместе с несколькими самоходными орудиями из "бригады риттера Адлера" 189-й бригады. Тщетно пытался Камбулин остановить их. Двумя днями позднее немецкий дозор нашел его мертвым в снегу среди тел его погибших солдат.

Тяжелораненый Камбулин замерз в снегу. Незадолго до смерти он записал в своем дневнике: "Немецкие штурмовые орудия - смертельное оружие. У нас нет способа защититься от них".

Операция двух клиньев немецкого наступления против советского прорыва между Никольским и Соломином велась на пределе сил, но она удалась. 8-й авиакорпус под командованием генерала ВВС Вольфрама фон Рихтгофена разгромил позиции советской артиллерии и средств ПВО в районе прорыва. Тяжелые минометы уничтожали советские противотанковые пушки. В 12.45 23 января солдаты головных частей 23-го корпуса и боевой группы Реке из состава 6-го корпуса пожимали друг другу руки.

23-й корпус смог восстановить связь с 9-й армией, хотя сообщение и осуществлялось через узкую полосу земли. Две "снежные дороги", проложенные красноармейцами через Волгу, были перерезаны, и советские корпуса из состава 29 и 39-й армий оказались отрезанными от своих тыловых коммуникаций и от всех баз снабжения.

Пришел великий час Моделя. Он перехватил инициативу на поле боя между Сычевкой и Волгой и не собирался больше отдавать ее противнику. Первое, что сделал новый командующий,

- укрепил вновь приобретенный коридор, связывавший 6 и 23-й корпуса. Советские войска отчаянно пытались пробить барьер и восстановить сообщение с девятью дивизиями, которые осуществили прорыв. Модель не мог допустить этого.

Для реализации поставленной задачи он выбрал самого подходящего человека. Он умел находить нужных людей для выполнения особо трудных заданий. На сей раз им стал оберштурмбанфюрер Отто Кумм, командир полка "Дер Фюрер" из дивизии СС "Рейх". Кумма с его полком перебросили к Волге в то самое место, где замерзшую реку перешла советская 29-я армия. - Держаться любой ценой, - приказал Модель Кумму. - Любой ценой, подчеркнул генерал.

Кумм отдал честь:

– Так точно, господин генерал!

Но сможет ли он удержать позиции всего одним полком?

28 января, когда Модель укреплял барьер на севере, на юге он начал контрудар для окружения прорвавшихся советских войск. Удар наносился из района Осуга-Сычевка в северо-западном направлении всеми имевшимися в распоряжении силами: 1-й танковой, 86-й пехотной дивизиями, главными силами дивизии СС "Рейх" и 5-й танковой дивизии, а также 309-м пехотным полком и боевой группой Декера из 2-й танковой дивизии, которые были включены в состав 46-го корпуса под командованием генерала фон Фитингхоффа. Русские понимали, что было поставлено на карту, и отчаянно оборонялись.

Драка шла не на жизнь, а на смерть. Каждая лесная избушка в глубоком снегу превращалась в крепость, руины любого дома в деревне - в адское пекло.

26 января началась давно ожидаемая широкомасштабная атака против северных позиций 256-й пехотной дивизии и правого фланга 23-го корпуса, где действовала 206-я пехотная дивизия. Не раз создавались критические ситуации, разрешить которые удавалось лишь благодаря нечеловеческим усилиям смертельно уставших солдат.

Днем Модель примерно час проводил за изучением карт, а оставшиеся десять находился в войсках. Везде, где он появлялся, у безумно измотанных командиров частей словно бы открывалось второе дыхание.

Непривычные колебания температуры очень сильно осложняли жизнь немцам. Если внезапно теплело, начинались метели. И вдруг в считанные часы столбик термометра падал до 52-градусной отметки. Солдаты проклинали русскую зиму.

Но, несмотря ни на что, они сумели отразить атаки советских войск, расколотых и прижатых к железнодорожной линии Ржев-Оленино. Русские командиры клали целые батальоны в безуспешных контратаках.

4 февраля вестфальская 86-я пехотная дивизия взяла ключевой пункт Осуйское. Через сорок восемь часов тюрингские гренадеры из 1-й танковой дивизии на бронемашинах прорвались к железнодорожной линии в районе Чертолино. Там передовые части боевой группы Витерсгейма соединились с передовыми частями боевой группы Цегендера. Кольцо вокруг девяти советских дивизий, представлявших главные силы двух армий, замкнулось.

Тем временем Кумм со своим полком численностью 650 человек обосновался на импровизированных, но очень важных позициях вдоль покрытой льдом Волги. С помощью снарядов и мин в земле пробивались углубления, через регулярные интервалы в 100-200 метров оборудовались огневые пулеметные точки и пехотные укрытия. Рубеж получился неглубоким, Кумм не располагал никакими резервами.

Русские атаковали беспрестанно. День за днем их становилось больше. Они твердо намеревались пробиться, чтобы соединиться со своими отрезанными дивизиями. Именно там, в том месте решалась судьба битвы за Ржев.

Штаб Кумма располагался менее чем в километре от линии обороны 3-го батальона. Модель ежедневно наведывался к Кумму, приземляясь на лед Волги на "Физелер Шторхе" или приезжая на вездеходе. Один раз, когда машина застряла, командующий прибыл на коне.

28 января, как раз когда Модель находился в штабе Кумма, солдаты 1-го батальона привели пленного красноармейца. Он оказался связистом из штаба советской 39-й армии. Такие люди очень ценны. Они знают больше, чем многие боевые командиры.

Словоохотливый русский сообщил, что на следующий день запланирована крупная атака. Он уверял, что для участия в ней готовятся несколько стрелковых и танковых бригад. Они должны были осуществить прорыв и выручить окруженных вне зависимости от потерь, любыми средствами, любой ценой.

Модель уезжал из штаба очень обеспокоенным.

– Obersturmbanführer, я полагаюсь на вас, - сказал он на прощанье Кумму и с невеселой усмешкой добавил: - Может, все же этот русский приврал.

Пленный не врал. Утром началась крупномасштабная атака. Удар пришелся точно в то место, где ранее прорвалась советская 29-я армия и где широкие танковые колеи обозначали пролежавшую по льду дорогу.

Несмотря на свою малочисленность, полк Кумма был хорошо оснащен. На переднем крае стояла 88-мм зенитка. Истребительно-противотанковая рота имела на вооружении 50-мм противотанковые пушки. Рота тяжелых вооружений состояла из взвода тяжелых и взвода легких пехотных орудий, а еще два взвода располагали 37-мм противотанковыми пушками. Более того, в ходе ведения боевых действий полку был придан мотоциклетный батальон дивизии "Рейх", а также батарея штурмовых орудий 189-го дивизиона. Но даже и при таком раскладе по сравнению с массами атакующих силы все равно оставались более чем скромными.

На протяжении трех недель русские постоянно атаковали днем и ночью. Однако они допустили вполне типичную для них тактическую ошибку - не сосредоточили все силы на одном участке прорыва, не определили для себя направление сосредоточения основных усилий. Они бросали в бой батальон за батальоном, потом полк за полком и, наконец, бригаду за бригадой.

Противотанковое прикрытие для группы, державшей оборону в Клепенине, обеспечивали два истребительно-противотанковых взвода 561-го истребительно-противотанкового дивизиона. К 3 февраля тринадцать 50-мм противотанковых пушек лейтенанта Петерманна подбили двадцать Т-34. 5 февраля лейтенант Гёфер принял у раненого Петерманна истребительно-противотанковый взвод. О том, сколь ожесточенно велись бои на подступах к Клепенину, говорит тот факт, что за пять часов орудийный расчет стоявшей там пушки сменялся трижды. Две дюжины подбитых советских танков замерли, не дойдя до немецких позиций. Соседнюю пушку раздавил Т-34. Пехотинцам пришлось уничтожить колосса минами и подрывными зарядами.

На шестой день тридцать легких русских танков возникли перед позициями 10-й роты. Они остановились в 50 метрах, а затем начали стрелять по пехотным землянкам и пулеметным точкам. Они поливали их огнем целых полчаса, затем укатили обратно в лес. Холодная ломкая тишина повисла над равниной. Через два часа в штаб батальона из расположения 10-й роты приполз человек. Ему помогли подняться и ввели в помещение. Это был роттенфюрер1 Вагнер. Тяжелораненый, с отмороженными руками, он попытался встать и как положено доложить командиру батальона Боллерту. Но упал и докладывал, лежа на полу:

– Gaupsturmführer2, из моей роты в живых остался я один. Все погибли.

Вагнер забился в конвульсиях, и через секунду 10-я рота окончательно перестала существовать.

На рубеже образовалась брешь шириной не менее километра. Командование 6-го

армейского корпуса бросило на заделывание дыры 120 человек водителей, поваров, сапожников и портных. Казначей командовали взводами. Прекрасные солдаты, они совершенно не имели опыта ведения подобного рода боевых действий. 120 человек заняли позиции 10-й роты. После внезапной и массированной огневой подготовки - минометного обстрела - русские бросились в атаку с криками "Ура!". Этого оказалось чересчур много для нервов тыловиков. Они побежали и были один за другим перебиты как кролики.

Когда стемнело, красноармейцев от штаба полка Кумма в Клепенине отделяло всего 50 метров. Изначально в деревне насчитывалось тридцать домов, теперь их осталось только восемь.

Гауптштурмфюрер Гольцер, начальник штаба полка, проделал под полом глубокие отверстия и пропилил бойницы в нижних бревнах стены. Начиная от командира полка и кончая водителями, все приготовились к отражению атаки, держа в руках карабины, автоматы и пулеметы. Штабистов поддерживали противотанковая пушка и солдаты 561-го истребительно-противотанкового дивизиона, сражавшиеся теперь как пехотинцы.

Сколько бы раз ни бросались в атаку красноармейцы, им не удалось подойти к штабу ближе чем на 15 метров. Слова боевых донесений из района боя поражают своей чудовищной простотой: "На подходах к Клепенину валялись горы трупов".

Корпус прислал на помощь пехотный полк. Но советские солдаты перебили его почти полностью. Остатки полка влились в батальоны Кумма или использовались для прикрытия флангов. В ночь с 7 на 8 февраля русские в конце концов ворвались на позиции 2-й роты силами батальона. Жесточайшая рукопашная продолжалась четыре часа. 2-я рота полка "Дер Фюрер" полегла вся до последнего человека.

В этот момент в Клепенино прибыл мотоциклетный батальон дивизии "Рейх". Вдобавок на помощь к Кумму были переброшены часть 189-го дивизиона штурмовых орудий и разведывательный батальон под командованием майора Муммерта из 14-й моторизованной дивизии.

На позиции вышли 210-мм минометы и обрушили огонь своих снарядов на прорвавшегося в "русскую рощу" противника. Роща меняла хозяев десять раз. После одиннадцатой атаки она осталась в руках 14-го разведывательного батальона майора Муммерта.

Кумм уверенно держал позиции на северной оконечности большого котла. Деблокировочные бригады советской 39-й армии не сумели переправиться через Волгу. Они истекли кровью. Тысячами лежали погибшие перед позициями немцев на излучине Волги.

Тем временем боевые действия против советских дивизий, окруженных южнее и западнее Ржева, продолжались. 17 февраля танки, танковые саперные части и пехота на бронетранспортерах боевой группы фон Витерсгейма из усиленной 1-й танковой дивизии проникли в центр последнего большого советского котла - в лесу в районе Мончалова. Последняя отчаянная попытка 500 советских солдат, возглавляемых генералом, прорваться не увенчалась успехом.

Сражение шло к концу. Советская 29-я армия и основная часть 39-й были уничтожены. Модель, получивший 1 февраля звание генерал-полковника, сумел переломить ход событий зимней битвы на немецком Центральном фронте. О масштабах боев и их кровопролитности говорят следующие данные: 5000 русских попало в плен, 27 000 осталось лежать на полях боев. Шесть стрелковых дивизий противника истекли кровью, четыре были разгромлены, а еще девять и плюс к тому пять танковых бригад - серьезно потрепаны.

Немцы тоже понесли серьезные потери. 18 февраля, когда оберштурмбанфюрер Отто Кумм докладывал в штаб дивизии, Модель как раз оказался там. Он сказал Кумму:

— Я знаю, что от вашего полка почти ничего не осталось, но я не могу обойтись без вас. Какова на сегодня численность личного состава?

Кумм указал в сторону окна:

– Господин генерал-полковник, мой полк построен.

Модель выглянул в окно. Перед штабом стояло тридцать пять солдат и офицеров.

Огромную, чудовищную цену пришлось заплатить 9-й армии за разгром советских войск, прорвавшихся между Сычевкой и излучиной Волги, но все же цена эта не была слишком высокой, если вспомнить, что на карте стояла судьба всей группы армий "Центр". Смертельная опасность окружения, угрожавшая ей с севера, наконец-то развеялась. Но как складывалась обстановка на южном фланге группы армий? Там, где дивизии советской 10-й армии лились в брешь в немецком фронте на участке между Белевом и Калугой и уже обошли Сухиничи в попытке выйти к шоссе восточнее Смоленска, глубоко в тылу 4-й армии и таким образом перерезать "линию жизни" группы армий "Центр"? Снег чуть ли не доверху наполнял конюшни и хлева колхоза "Воин", затерянного на бескрайней равнине между Орлом и Мценском. Генерал-майор Неринг приказал разместить тут командный пункт 18-й танковой дивизии, а лейтенант Винтер, отвечавший за реализацию распоряжения командира, поместил трактора, зерноуборочные комбайны, старые советские грузовики и немецкие бронемашины между зданиями бывшей барской усадьбы, расставил часовых, превратив таким образом место в самую настоящую крепость - в некий "штабной укрепленный пункт".

Мера отнюдь не лишняя, поскольку на той зимней войне, с ее опасными прорывами противника, с налетами партизан и всем прочим, даже и штабы более высокого уровня все время рисковали очутиться на переднем крае. Поэтому между передовой и тыловыми районами сооружались системы укрепленных опорных пунктов.

Генерал-майор Неринг только что вернулся с фронта. Начальник оперативного отдела дивизии, майор Эстор, встретил командира такими словами:

– Командующий просил вас срочно позвонить ему. Что-то произошло. Он ждет вашего звонка немедленно.

Неринг велел соединить его с генерал-полковником Шмидтом, сменившим Гудериана на посту командующего 2-й танковой армией. Разговор продлился недолго.

Шмидт сказал:

– Вы нам нужны. Пожалуйста, постарайтесь прибыть завтра утром. Дело очень срочное.

Запись о факте разговора майор Эстор сделал во вторник 6 января 1942 г.

Следующим утром Неринг отправился в Орел - важную немецкую базу, расположенную в глубоком тылу, которая в единый миг очутилась на передовой. Генерал-полковника Шмидта на месте не оказалось. Он уехал к генералу Кюблеру, с Рождества командовавшему 4-й армией, которая теперь испытывала сильнейший натиск противника.

Неринга принял начальник штаба, полковник фон Либенштейн. Перво-наперво полковник угостил его разогретым куриным супом из консервной банки - генерал и по сей день помнит эту похлебку. После долгой дороги по холоду она пришлась тогда очень и очень кстати.

Либенштейн приступил к делу без преамбул:

– Ситуация в "окне" между Белевом и Калугой все более обостряется. Если немедленно не принять мер, Четвертая армия попадет в трудное положение. - Он указал на карту. - Крупные силы советских войск уже в тылу Кюблера. Командный пункт Четвертой армии в Юхнове находится на передовой. Резервов у нас нет. Правда, в конце декабря Верховное командование перебросило из Франции под Сухиничи Двести шестнадцатую пехотную дивизию генерала фон Гильзы, тогда как раньше первый натиск советских солдат приходилось отражать силами, собранными отовсюду. Но сейчас части дивизии Гильзы окружены советской Десятой армией. Гильза сражается отчаянно. Его люди не испытывают недостатка в хорошем вооружении, они дерутся смело, но они еще не научились воевать в условиях такой суровой зимы, к тому же

снабжение их осуществляется преимущественно по воздуху. Гильза докладывает о нескольких тысячах раненых. Если русские волны размоют эту последнюю дамбу, произойдет катастрофа.

Неринг стоял у карты, изучая красные стрелки и кружки в знаменитом 80-километровом "окне" между Калугой и Белевом - за последние полмесяца эта брешь стала для штаба армии самым настоящим кошмаром.

– И что же предполагается? - спросил Неринг.

Либенштейн ответил:

– Чтобы стабилизировать обстановку в районе прорыва, у нас нет иного выхода, кроме как перебрасывать туда части с нашего Орловского фронта, хотя и тут противник жмет на нас со всех сторон. Мы должны соединиться с Гильзой и усилить нашу линию обороны. Вот туда вы со своей закаленной Восемнадцатой и отправитесь. Нет нужды говорить, что под ваше командование поступят и другие войска. Мы думаем придать вашей дивизии Двенадцатый стрелковый полк Четвертой танковой дивизии и Двести восьмую пехотную дивизию генерал-майора фон Шееле, которая только что прибыла из Франции и которая будет действовать южнее Белева как фланговое прикрытие. Но должен сказать, что нам пришлось позаимствовать из состава дивизии Триста девятый и Триста тридцать седьмой пехотные полки, поскольку они срочно понадобились Девятой армии в районе Сычевки.

Неринг, опытный командир, с честью выходявший из многих непростых ситуаций, вовсе не обрадовался предстоящему заданию. Но он понимал необходимость действовать.

Полкам понадобилось десять дней, чтобы покрыть примерно 200-километровое расстояние, двигаясь из района своей прежней дислокации через Орел, Брянск и Орджоникидзеград в район сосредоточения около Жиздры. Путешествие по холмам при температуре 40 градусов ниже нуля, в метровой глубины снегу стало самым настоящим адом.

Капитан Оскар Шауб из Вены, командир батальона 12-го стрелкового полка, рассказал о том, как солдаты продвигались по открытой местности. Узкие колеса орудий и тылового транспорта, вспоминает он, проваливались в снег по оси. Грузовики то и дело застревали. В общем и целом лучше всего дела шли у тех, кто пользовался гужевой тягой. Крепкие и выносливые маленькие колхозные лошадки, запряженные в волокуши или сани, делали в среднем пять километров в час. Моторизованные части с техникой на гусеничном и колесном ходу покрывали не более двух километров - половину того, что проходит пешеход в нормальных условиях. Лошади в таких условиях значительно превосходили грузовики и бронетехнику. В результате все танковые дивизии зимой широко использовали конную тягу. 16 и 17 января усиленная 18-я танковая дивизия приготовилась выступить из Жиздры. Левый фланг дивизии прикрывал 12-й стрелковый полк полковника Смило фон Лютвица, а оборону от неожиданных наскоков неприятеля на правом обеспечивали части 208-й пехотной дивизии. Район продвижения патрулировали усиленные дозоры лыжников. Дорогу колоннам очищали самодельные снегоочистители. Так началась операция "Сухиничи" - одна из наиболее необычных, отчаянных и рискованных операций во время зимней кампании.

Сегодня Неринг так аттестует ее: "Пример стратегического безрассудства".

Он совершенно прав. В районе Сухиничей действовало по меньшей мере тридцать советских стрелковых дивизий, а также шесть стрелковых бригад, четыре танковых бригады, две воздушно-десантных бригады и четыре кавалерийских дивизии. Поистине гигантский контингент - слон, в атаку на которого собиралась мышь.

Однако хитрость и мастерство в сочетании с отвагой помогли мышам забраться слону в хобот. Полковник Куцманы, однорукий австриец, командовавший 338-м пехотным полком, стоял на маленьких крестьянских санях. Он ехал впереди своей боевой группы, в которую входили три батальона, усиленные танками и артиллерией. Ему выпало атаковать по центру

через Букан и Слободку в направлении Сухиничей. Полковник Иолассе, командовавший 52-м стрелковым полком, очистил Куцманы некоторое пространство для маневра на левом фланге и в тылу и со своей боевой группой атаковал упорно сопротивлявшихся красноармейцев в Людинове. В распоряжении у него имелось два батальона, танковая рота фон Штунцера, 2-я рота 88-го истребительно-противотанкового дивизиона и батарея 208-го артиллерийского полка. Появление немцев застигло русских врасплох: они не ожидали атаки противника на таком удалении от линии фронта, призраком появившегося из необъятных заснеженных просторов.

Роты боевой группы Иолассе выбили противника из Людинова и преследовали его в лесах и на покрытом снегом озере. В ожесточенных уличных боях против советских частей специального назначения батальоны Вольтера и Ашена проложили немецким войскам дорогу через город. В результате первого столкновения победителям досталось много трофейного вооружения и 150 пленных; при этом погибло свыше 500 вражеских солдат.

Куцманы тем временем тоже продвигался через застигнутые врасплох войска противника. Всюду, где русские пытались оказать противодействие, их громили сосредоточенным огнем из всех видов оружия. Обер-лейтенант Клауке, командир 2-й батареи 208-го артиллерийского полка, стоя на санях, руководил действиями расчетов полевых гаубиц. Ведя стрельбу прямой наводкой, немецкие артиллеристы рассеяли контратакующие батальоны противника и уничтожили его пулеметные точки и минометные батареи.

У артиллеристов не оставалось времени для вычислений.

– Быстренько взглянул в ствол и понял - направление верное, - в таких словах обер-ефрейтор Вернер Бурмайстер, наводчик из 2-й батареи, описывает ту ситуацию.

Тем временем полковник фон Люттвиц со своим усиленным 12-м стрелковым полком продвигался вперед глубоко на западном фланге соединений Неринга. В своих воспоминаниях о бое капитан Шауб пишет: "Колеса застревали в глубоком, по самую грудь снегу. Работая допоздна, 2-я рота проложила себе путь вплоть до сигнальной будки на линии Орджоникидзеград-Сухиничи. Температура опустилась до 40 градусов. Винтовки и пулеметы приходилось укутывать в тряпье, точь-в-точь как носы людей, иначе на морозе замерзала оружейная смазка и последствия оказывались самыми плачевными".

Каждый метр пути наступавшие расчищали себе лопатами. При этом в любой момент справа, слева, впереди или сзади мог появиться противник. Ситуация вынудила Люттвица разработать оригинальную методику ведения боевых действий. Вот как описывает это Шауб: "Головная рота пробивалась через глубокий снег по обеим сторонам дороги к ближайшему селу и, действуя как штурмовое подразделение, атаковала противника узкими глубокими порядками. Атака начиналась с сосредоточенного минометного обстрела. Потом главным орудием становились ручные гранаты или - в рукопашной - шанцевый инструмент. Тем временем остальные роты расчищали дорогу технике. Таким образом, наша боевая группа напоминала медленно ползущего ошестинившегося иглами ежа".

Фронт был повсюду. 20 января, когда поздно вечером русский батальон атаковал Слободку, даже личному составу дивизионного штаба пришлось сражаться за собственные жизни. Спасти их удалось лишь благодаря 20-мм зениткам подразделения охраны штаба, которые дали возможность немцам продержаться до подхода подкрепления - саперного батальона, который помог исправить ситуацию.

"Операция Сухиничи" удалась благодаря смелой импровизации и постоянному переходу от нападения к обороне, своевременному и умелому обеспечению прикрытия флангов и тыла. Чтобы выйти к осажденному опорному пункту, две слабые по численности дивизии прорубили через позиции вражеской армии коридор длиной 65 километров.

24 января в 12.30 полковник Куцманы и его люди пожимали руки державшим оборону на

опорном пункте солдатам боевой группы фрайгерра фон Гильзы. Между 216-й пехотной дивизией и приданными ей частями словно бы вырос мост. Пока еще узкий, но уже прочный.

На следующее утро Неринг отправился в город, чтобы обсудить обстановку с фон Гильзой. В подвалах разрушенных зданий скопилось множество раненых, главная задача теперь состояла в том, чтобы вывезти их на "большую землю". И здесь, как уже почти всегда, использовались нетрадиционные методы. В Людинове имелось пятьсот санок, в качестве тяги к которым использовались крестьяне и пленные. На санки помещался всего один раненый. Таким образом каждому из крестьян или пленных приходилось проделывать 65-километровый путь по ничейной земле четыре раза. Но никто из них не подвел. Все оказались в состоянии справиться с трудностями, которые предполагало ночное путешествие в мороз и метель через вражеские патрули.

Командовал этой флотилией милосердия обер-ефрейтор - в гражданской жизни деревенский священник. Помогали ему вахмистр и 500 русских. Два Железных креста, которые заготовил для них Неринг, так и не нашли получателей: оба добрых самаритянина затерялись в суматохе битвы. Их имен так никто и не знает.

Важность Сухиничской операции в плане воздействия на общую ситуацию находит отражение в том факте, что Гитлер уделил ей внимание в особом сообщении. Таким образом он хотел продемонстрировать, что окруженные части, которые подчинялись его приказу и превращались в волноломы на пути вражеского наступления, даже если враг обходил их, не будут забыты своим фюрером. Подобного рода демонстрации становились серьезным стимулом для солдат, воля которых к сопротивлению крепла, что давало им силы продолжать борьбу в окружении, так как это происходило в Холме и в Демянске.

"Они выручат нас" - эта непоколебимая вера солдат и офицеров вновь и вновь находила оправдание зимой 1941-1942 гг. Об этом не стоит забывать тому, кто сегодня качает головой, не понимая и удивляясь слепой вере, проявленной немецкой 6-й армией год спустя под Сталинградом.

В Сухиничах удалось достигнуть решительного успеха. Тем не менее, здраво оценивая ситуацию, генерал-лейтенант фрайгерр фон Лангерманн-Эрленкамп, командовавший 24-м танковым корпусом, сам город Сухиничи решил оставить. Данный шаг позволял создать более выгодный оборонительный рубеж, пролежавший через место недоброй памяти прорыва русских, через брешь, которую теперь удалось залатать. Кошмар германского Верховного командования подошел к концу. Создались условия для разгрома южного клина советского наступления.

После недель тяжелых боев, продлившись до самой весны, главные силы прорвавшихся дивизий советских 10 и 33-й армий, 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и 4-й парашютно-десантный отряд были уничтожены к юго-востоку от Вязьмы. Крупное сражение разыгралось на излучине Угры, в наиболее важных точках - Юхнов, Киров и Жиздра. В этой битве солдаты дивизий из Бранденбурга и Баварии, из Шлезвиг-Гольштейна и Мекленбурга, Верхнего Палатината и Ганновера, из Гессена и Саксонии, а также отдельного 4-го полка СС "Мертвая голова" и парашютного штурмового полка Майндля совершали поистине сверхчеловеческие подвиги.

Взгляд на те ожесточенные бои с другой стороны мы находим в двух выразительных документах - доставшихся немцам дневниках советских офицеров. Дневники позволяют понять моральное состояние русских солдат в районе Сухиничи-Юхнов-Ржев.

Первый дневник вел лейтенант Гончаров, командир роты и временно исполняющий обязанности командира батальона 616-го стрелкового полка. Он погиб в бою к северо-западу от Юхнова 9 февраля 1942 г.

Второй дневник принадлежал лейтенанту 385-й стрелковой дивизии, представленному к

присуждению ему звания Героя Советского Союза. Поскольку неизвестно, жив он или нет, имя и фамилия этого военнослужащего не называются. Оба дневника попали к нам в оригиналах из архивов начальника отдела разведки немецкого 40-го танкового корпуса.

Записки Гончарова выдают в нем человека простодушного, который верил в политические лозунги Сталина, недолюбливал начальство и пересказывал всевозможные ходившие по передовой слухи. Строки, написанные лейтенантом, выглядят разоблачающе:

"2 января 1942 г. Когда 4-й батальон отступал из Ерденова, нам пришлось бросить убитых и раненых. Раненых прикончили немцы.

5 января 1942 г. Я разговаривал с местными жителями о немцах. В общем-то они все повторяют одно и то же - грабят, убивают, насилуют. Но что поражает меня, они говорят о зверствах фашистов без ненависти. Так, точно пересказывают, что им говорил председатель колхоза. Как же мы заблуждались в отношении арийцев. Они не знакомы с приличиями. Раздеваются догола в присутствии женщин и дают вшей. Мы всегда считали арийцев культурным народом. Теперь совершенно ясно, что арийцы - тупые, глупые и бесстыжие буржуи.

10 января 1942 г. Сегодня читал заметку Молотова о зверствах фашистов. Просто волосы встают дыбом, когда узнаешь о таком. На мой взгляд, нет такого наказания в мире, которого бы ни заслужили представители этой нордической расы за то, как они поступают с нами. Но мы отомстим - мы отомстим всему их народу - и тут нам не помешает даже наш добрый и человечный вождь, товарищ Сталин. К черту интернационализм! Рано или поздно нам придется сражаться так же и с англичанами.

14 января 1942 г. В Шанской Заводи я ночевал в доме женщины-партизанки. Почти половина села сотрудничает с немцами. Партизан не только не поддерживают, но выдают и борются с ними. Чтобы вернуться на передовую, мне пришлось встать в три ночи. Это было непросто. Спал я на теплой печи. Ее покрывали такие белые изразцы, которых я прежде не видывал. Должен признаться, выглядели они очень красиво.

23 января 1942 г. Немцы в селе Агрошево, в 15 км за нами. Чертовский мороз. Несколько раз растирал нос снегом, чтобы не отмерз. У 50 процентов моих солдат обморожены носы, у некоторых начинается гангрена. К концу дня стало ясно, что мы окружены. Снабжения нет. Мы голодаем.

25 января. - Знаете, товарищ лейтенант, - сказал мне один из моих солдат вчера, - когда по-настоящему замерзаешь, становится все равно, застрелят ли тебя, или ты околеешь от холода. Хочешь только одного - как можно скорее умереть. - Это суцая правда. Холод лишает людей воли к борьбе.

26 января 1942 г. В полночь началась попытка прорыва к Рубихонову. 4-я рота с одним пулеметом и тремя минометами попыталась обойти противника слева. Минометная мина угодила в пулеметный расчет моего 1-го взвода. Трое ранены, трое убиты. Один из раненых кричал, плакал и умолял, чтобы его вынесли из-под огня. Другой просил пристрелить его. На улице трещал такой мороз, что я не мог перевязать раненого, потому что пришлось бы снимать с него одежду. Оставалось выбирать, дать ему замерзнуть или истечь кровью. В батальоне осталось 100 чел., включая штабных и тыловиков. На передовой держат оборону только 40 и 50 чел. Силы наши тают. Проклятые немцы дерутся как черти.

1 февраля 1942 г. Засс больше нашим полком не командует. Я очень рад. Он все время пьян. По пьянке он принимал дурацкие решения, отчего мы потеряли много солдат.

6 февраля 1942 г. Сегодня расстреляли нескольких солдат из лыжного полка за воровство, самоволки и нарушения правил несения караульной службы.

8 февраля 1942 г. Немцы атакуют". На этом записи кончаются. Гончаров погиб около Папаева, в десяти километрах к северо-западу от Юхнова 9 февраля 1942 г. в бою против частей

34-й пехотной дивизии из Гессена. Его полк был разгромлен.

Автор второго дневника, лейтенант В., во многом отличался от Гончарова. Оба сражались к юго-востоку от Вязьмы. В. пришлось воевать с солдатами немецких 19-й танковой и 3-й моторизованной дивизий. Фанатичный, честолюбивый и удивительно проницательный, этот молодой Герой Советского Союза являет собой интересный образчик офицера нижнего командного звена Красной Армии. Совершенно точно, этому лейтенанту несколько раз случалось выручать свой полк из опасных ситуаций.

"Боевой дух роты, - записал он 7 февраля 1942 г., - на подъеме. Вот только все портит отвратительное положение в снабжении продовольствием. Когда солдат сыт, с ним можно выиграть любую битву".

Под заголовком 10 февраля мы читаем:

"Я ослаб от кочевой жизни последнего года. Вчера у меня случилось расстройство желудка из-за плохого хлеба и мерзлой картошки. Но я должен оставаться в строю. В последний раз, когда меня не было с ротой двенадцать дней, дисциплина полностью расшаталась. Только бы это чертово снабжение заработало! Солдаты пойдут под пули, и глазом не моргнув. Но они голодны. Они теряют силы. Их оружие тоже ржавеет - смазывать его нечем. Сегодня вместе с политруком я устроил митинг в амбаре. Я объяснил, что нельзя убивать пленных фашистов, - они могут послужить источником получения сведений.

Я собираюсь написать заявление о приеме меня в партию, поскольку уверен, что сегодня мы пойдем в бой. Я подам его только перед самым боем, чтобы никто не заподозрил меня в желании получить какую-то личную выгоду.

19 февраля 1942 г. Вчера я подал заявление о вступлении в партию, чтобы стать большевиком. Вечером мне приказали с одними моими автоматчиками взять лес, который не смогла захватить 3-я рота. План формалистский. Но приказ есть приказ, и через час мы выступаем".

Дальнейшее написано уже после операции:

"Солдаты сражались хорошо, и атака удалась. Десять немцев мы убили, а пятерых взяли в плен. Четверых из них пришлось пристрелить, потому что они отказались идти с нами. Тридцать моих солдат получили спирт, несколько пачек папирос, печенье, колбасу и масло из личных фондов командира.

24 февраля 1942 г. Начиная с сегодняшнего дня, я кандидат в члены партии. Война мне все больше и больше нравится. Я бы смог стать хорошим партизаном.

25 февраля 1942 г. Сегодня прибыл саперный инструктор Б. Когда ему сказали, что он попал на передовую, он так огорчился, что попросил Гладева сыграть ему на гитаре похоронный марш. Гладев сыграл. Через пятнадцать минут Б. убили. Судьба? Или пули ищут трусов?

Большинство действующих командиров у нас пошли на офицерские курсы только из-за формы и золотых петлиц. Они лучше маршируют, чем соображают в тактике, хорошо умеют писать рапорты, но не очень хорошо - выполнять приказы. Лучшее, что они могут, это - идти вперед и умирать.

26 февраля 1942 г. Сегодня меня сфотографировали для партбилета. Нас посылают на специальное задание. Моя рота готова к бою. Надеюсь, нас пошлют не днем: слишком опасно и глупо. Красная Армия должна сражаться ночью.

27 февраля 1942 г. Мне пришлось приводить в исполнение приговор трибунала - расстрел. На мой вопрос вызвалось сразу трое добровольцев. Двое приговоренных спрятались во время дозора и уклонились от боя. Вот дураки! Могли умереть как герои, а теперь будут подыхать как трусы.

4 марта 1942 г. Наконец-то пришло письмо от жены. Я читаю и перечитываю его. Письма

из дома приносят боль и радость". Эта несколько двусмысленная запись последняя. В то время, когда она делалась, надежды красноармейцев одержать победу на Центральном фронте таяли.

В то же время написано и письмо молодого русского солдата. Адресованное другу и незаконченное, оно обнаружилось в кармане бойца, погибшего под Дорогобужем. Оно приводится здесь для всех тех, кто потерял друзей на войне, где бы они ни были. Может статься, его появление спустя десятилетия поможет ему наконец найти адресата. Вот оно: "Здравствуй, мой дорогой друг! Здравствуй и прощай - прощай, потому что мне осталось недолго. Письмо это будет отправлено тебе только в случае моей смерти. День тот не за горами - я чувствую. Не знаю, как долго оно пролежит в кармане, смятое, но рано или поздно оно тебя найдет, чтобы напомнить тебе о последних днях твоего одноклассника.

В этот последний раз мне хочется сказать тебе многое - очень многое. Хочется вылить всю мою грусть из-за несбывшихся надежд, передать тебе мой страх перед неведомой смертью. Да, дорогой друг, страх, поскольку я боюсь того, что придет после смерти.

Я не знаю, как и где умру, буду ли я сражен пулей немецкого пулеметчика, или разорван на куски авиабомбой, или убит осколком снаряда и то, и другое, и третье пугает меня в равной мере. На моих глазах погибли сотни людей. Сколько раз я слышал предсмертные хрипы, вырывавшиеся из горла того или другого моего товарища, с кем я незадолго до того беззаботно ел из одного котелка.

Много раз я встречался со смертью лицом к лицу. Как-то снарядный осколок сорвал у меня с головы пилотку. Потом пуля попала в мой котелок, суп вытек, и я остался голодным. Но никогда прежде я не боялся так, как сегодня.

Посмотри вокруг - весна идет. Пять букв этого слова не дают мне покоя. Это необычная весна - в эту весну мне исполнится двадцать лет. Двадцать лет - почти мужчина. Умереть, когда природа улыбается тебе, когда сердце бьется от радости при звуках щебетания птиц и при ласковых дуновениях влажного весеннего ветерка..." Когда писалось письмо, уже пришла весна. Но когда наводчик Бурмайстер нацеливал свою легкую полевую гаубицу на Людиново, когда бесконечные санные колонны эвакуировали раненых из Сухиничей, когда автоматы строчили на излучине Угры и когда по всему фронту тот тут, то там раздавалось: "Русские танки идут на прорыв!", поля сражений на Восточном фронте еще лежали под толстым слоем снега.

Однако судьба зимней кампании уже решилась. Конечно, солдаты на передовой пока не сознавали этого. Они все еще вели упорные и кровопролитные оборонительные бои. Но на штабных картах армии уже складывалась полная и четкая картина происходящего: кризисный момент для группы армий "Центр" миновал.

Еще несколько недель подвижные советские кавалерийские соединения продолжали наступать к самому Дорогобужу, восточнее Смоленска, но то были лишь последние волны ослабевавшего штурма. Натиск советских войск пошел на убыль. Русским не удалось решить стратегических задач зимней кампании разгромить группу армий "Центр" и привести к крушению весь Центральный фронт немцев.

Перелом наступил по двум причинам. Первое, советское Верховное Главнокомандование попыталось откусить слишком большой кусок. Оперативное руководство армиями, их состояние и снабжение не соответствовали столь далеко идущим планам.

Вторая причина заключалась в исключительной стойкости немецких войск, отнявших у противника победу и предотвративших катастрофу. В том, что касается их дисциплины, храбрости, выдержки и самопожертвования, солдаты и офицеры превзошли все мыслимые и немыслимые пределы. Несмотря на большую растянутость фронта, на голод и отсутствие зимней одежды, военная организация уцелела и продолжала действовать. Вот так вот и удалось спасти ситуацию на Центральном фронте зимой 1941-1942 гг. Только благодаря этому был

выполнен приказ Гитлера держаться любой ценой и не сдавать жизненно важных позиций.

Так немцы отстояли Ржев и освободили Сухиничи. В решающий момент напряжением последних сил смогли не пустить противника к шоссе Смоленск-Москва. Сумели предотвратить окружение группы армий "Центр". Громадный кризис на Центральном фронте в общем и целом был преодолен.

Но как складывалась обстановка у группы армий "Север"? Как пережили зимнее наступление советских войск солдаты на Ленинградском фронте и на реке Волхов? 4. Бои на Валдайской возвышенности Советская 57-я ударная бригада наступает через реку Волхов - Место встречи - рощисть "Эрика" - Две советских армии в котле - Демянск. 100 000 немцев в окружении - Боевой приказ графа Брокдорфф-Алефельдта - Окруженные получают снабжение по воздуху - Операция "Мостостроение" - Холм, крепость без пушек.

Точка, в которой река Тигода впадает в Волхов, служила стыком между немецкими 61 и 21-й пехотными дивизиями. Такие участки разграничений между армиями, неизменно слабые, являлись излюбленными местами для атак русских. Они из опыта знали, что из-за совмещения командования в таких районах немцам особенно трудно заделывать в них бреши.

Кто отвечал за ликвидацию последствий прорыва в таких стыках? Ни одному командиру делать этого не хотелось, и он охотно свалил бы всю ответственность на соседа. Во время Первой мировой войны для борьбы с подобной "болезнью" существовали специальные "стыковые резервы". Но из-за хронической нехватки войск на Восточном фронте у немцев зимой 1941-1942 гг. они редко могли позволить себе подобную роскошь.

– Конечно же, этот проклятый стык, - со злостью пробормотал полковник Ломейер 3 января 1942 г., когда получил от командования 291-й пехотной дивизии лаконичный приказ: "Необходимо отбросить назад вражеские войска, которые прорвались между 61 и 21-й пехотными дивизиями в устье Тигоды, и восстановить основную линию фронта".

"Лосиная" дивизия из Восточной Пруссии всего несколько дней назад отошла с передовой для отдыха и пополнения. Но что оставалось делать?

С закаленным в битвах 505-м пехотным полком и частью батальона из 9-го ("Мертвая голова") полка СС, вновь прибывшего из Финляндии, Ломейер устремился навстречу советским лыжным батальонам, вклинившимся в район устья Тигоды. Начались непостижимые уму сражения в глубоком по грудь снегу при 42 градусах мороза, в густом лесу с непроходимым подлеском.

На исходе дня 4 января полковник Ломейер, герой Лиепай, погиб от взрыва минометной мины противника. Новость распространилась со скоростью пожара и глубоко поразила личный состав полка. Командование принял полковник Гессе, который повел вперед кипевших праведным гневом солдат батальонов 505-го пехотного полка и выбил прорвавшегося врага.

Но атака, которую они отразили в устье Тигоды, не являлась ожидаемой полномасштабной атакой советских войск. В первые дни после Нового года ожесточенные бои местного значения велись повсюду между Киришами и Новгородом. Русские пробовали на прочность Волховский фронт в поисках слабых мест. Они вели разведку боем с целью вскрытия немецких позиций и частей. Искали "окно", через которое могли бы прорваться. Бывалые солдаты кожей чувствовали: в воздухе стоит нечто, наступление неизбежно. Когда оно начнется? И где? Ответ на эти вопросы заботил и генералов и солдат.

Майор Рюдигер, руководивший разведкой 126-й пехотной дивизии, с облегчением вздохнул, когда 12 января унтер-офицер из роты наблюдателей принес ему перехваченный и расшифрованный приказ командования советской 52-й армии, адресованный входившей в ее состав 327-й стрелковой дивизии: "Любой ценой удерживать позиции. Наступление отложено. Продолжайте ложные атаки".

"Так, значит, наступления все же не будет. По крайней мере, на данном участке", - заключил Рюдигер и немедленно позвонил командиру, генерал-лейтенанту Лауксу. Лаукс, опытный офицер, поблагодарил майора и добавил:

– Я бы не стал слишком доверять этим ребятам.

Но так или иначе, скоро все уже знали содержание перехваченного сообщения. Поэтому когда на следующее утро, 13 января, в 08.00 советская артиллерия принялась обстреливать немецкие позиции на широком фронте, никто не придавал этому большого значения.

Но скоро все стало становиться подозрительным. Не похоже, что Советы начали такой мощный обстрел просто так. Было 09.30. Из морозного серого утреннего марева под прикрытием массированного артиллерийского огня стали появляться крупные отряды пехотинцев; по льду Волхова скользили лыжники.

– Русские идут!

Перехваченный накануне радиосигнал оказался уловкой, на которую пошло советское командование, чтобы ввести в заблуждение немцев. Битва за Волхов началась к северу от Новгорода на стыке 126 и 215-й пехотных дивизий.

К 10.30 советские части создали свой первый плацдарм на берегу Волхова в районе Горки, на участке 422-го пехотного полка и начали прорыв немецкой линии фронта.

Полковник Гарри Гоппе, прославившийся захватом Шлиссельбурга, развернул немедленную контратаку силами частей 424-го пехотного полка и заделал брешь, но не смог восстановить старый рубеж обороны.

Утром 14 января враг снова атаковал, крупные его силы сумели через заснеженные леса выйти в тыл немцам. К ночи быстрые советские лыжные батальоны находились перед позициями дивизионной артиллерии. Немецкие расчеты оборонялись с помощью шанцевого инструмента, карабинов и пистолетов и отразили натиск советских солдат. Но надолго ли?

В то время как дивизионное и корпусное начальство пребывало в уверенности, что основная тяжесть советских атак пришлась на участок 422-го пехотного полка, дальше на север в районе Ямно-Арефино, надвигалась настоящая катастрофа. Именно там, на стыке между 126 и 215-й пехотными дивизиями, где граничили между собой два фланговых полка - 426 и 435-й пехотные, - советские войска и нанесли свой главный удар.

На очень узком фронте за Волховом на позиции трех ослабленных батальонов одного лишь 426-го пехотного полка под командованием подполковника Шмидта обрушились советская 327-я стрелковая дивизия и превосходным образом снаряженная отдельная 57-я ударная бригада.

Одновременно советские войска атаковали 435-й пехотный полк, дислоцированный левее 426-го, не позволяя ему послать оттуда подкреплений. Искусно использовав глубокие ложбины перед линией немецкого фронта, красноармейцы врубались в позиции противника, раздавили цепь опорных пунктов и главными силами 13-го кавалерийского корпуса из состава 2-й ударной армии, словно вода в половодье через прорванную плотину, устремились в немецкий тыл. Постоянно бросая в трех-пятикилометровую брешь новые и новые части, русские продвигались к дороге Новгород-Чудово.

В кошмарный мороз, когда столбик термометра опускался до отметки 50 градусов ниже нуля, рассеянные немецкие роты закреплялись на лесных полянах и рощистях, на высоких снежных холмах и заставляли красноармейцев дорогой ценой платить за каждый шаг продвижения. Русским понадобилось четыре дня, чтобы покрыть восьмикилометровый путь до дороги. Когда же они наконец вышли к ней, то достигли немногого, поскольку три немецких укрепленных пункта Мостки, Спасская Полисть и Земтицы - продолжали сдерживать натиск, словно неприступные столбы волны разгневанного моря.

Окруженные противником, эти опорные пункты продолжали держаться на протяжении

недель в тылу советского наводнения. Они стали основными точками притяжения сил в боях за жизненно важные дороги, связывавшие север и юг Волховского фронта.

К 24 января русские сосредоточили в прорыве количество войск, достаточное для развития наступления. Силами кавалерийских, танковых и лыжных батальонов противник смело устремился на северо-запад через узкую в действительности слишком узкую - горловину. Это был превосходный прорыв, но "тоннель", по которому продвигались войска, оказался чересчур узким.

Чего добивались русские? Нацеливали ли они острие своего наступления на Ленинград, или же у них имелись другие, даже более далеко идущие намерения? Вот какой вопрос занимал германский генштаб. Им, однако, не пришлось слишком долго понапрасну мучиться. Через восемь дней головные части советских штурмовых полков находились уже в 90 километрах за линией немецкого фронта. Если они стремились к Ленинграду, то это означало, что они проделали уже половину пути.

28 января передовые подразделения русских ударили на Еглино. Направление наступления шло, таким образом, на северо-запад, огибало Ленинград южнее и проходило дальше к советско-эстонской границе. Теперь нам известно, что большой прорыв мимо Ленинграда на самом деле имел целью достигнуть Кингисеппа - более чем оптимистичный замысел. Но затем русские внезапно остановились в районе Еглина и, вместо того чтобы продолжать продвигаться на запад, повернули на северо-восток к Любани на дороге Чудово-Ленинград. Так, значит, все-таки Ленинград?

Генералу кавалерии Линдеманну, получившему назначение на пост командующего 18-й армией после того, как 15 января генерал-фельдмаршал фон Кюхлер принял группу армий "Север", хватило одного беглого взгляда на карту, чтобы разобраться в намерениях русских. Район прорыва - "бутылочное горло", через которое они наступали, - был слишком узок, а их фланги чрезмерно растянуты. Дальнейшее продвижение для них граничило с безрассудством.

Поскольку советская 54-я армия как раз в тот момент атаковала 269-ю пехотную дивизию в районе Погостья, южнее Ладожского озера, карта недвусмысленно говорила о намерениях русских: для начала они собирались зажать в тиски и уничтожить немецкий 1-й корпус.

— Мы должны быть готовыми ко всему и не терять присутствия духа, заметил генерал пехоты фон Бот, командовавший восточнопрусским 1-м корпусом в Любани, когда командир охраны штаба корпуса начал выдавать офицерам и писарям карабины и автоматы.

Не терять присутствия духа оказалось трудновато.

126-я пехотная дивизия подверглась суровым порицаниям за то, что позволила русским пробиться на своем участке. Это несправедливо. Ни один полк ни одной другой ослабленной дивизии на Восточном фронте не сумел бы сдержать массивной советской атаки. Вынося приговор 126-й пехотной дивизии, нужно помнить не столько о прорыве противника, сколько о том факте, что дивизия продолжала удерживать фланги и ключевые пункты на более чем 30-километровом участке прорыва под яростным натиском советских боевых групп, в результате чего не позволила расширить "коридор" вражеского наступления.

Несмотря на постоянные кровопролитные бои, русским не удалось раздвинуть стенки узкого "тоннеля". Они оставили перед позициями 126-й пехотной дивизии примерно 15 000 убитых. Данное обстоятельство имело драматические последствия.

Герой Шлиссельбурга полковник Гарри Гоппе со своим 424-м пехотным полком сделал возможным создание новой основной линии фронта на южной оконечности района прорыва.

Северный край с достойной восхищения отвагой удерживала 215-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Кнайсса. Жизненно важный вклад внесли мужественные защитники опорных пунктов Мостки, Спасская Полисть и Земтицы. Тут "бригада Кёхлинга", собранная "с

бору по сосенке" из частей пятнадцати дивизий, не сдавала позиции в течение нескольких недель.

В Земтицах демонстрировал чудеса стойкости капитан Клоссек с 3-м батальоном 422-го пехотного полка. Если и нужно какое-то доказательство того, что жесткий и бескомпромиссный приказ Гитлера держаться любой ценой и самопожертвование, с которым он выполнялся, могли при определенных условиях предотвратить катастрофу и создать предпосылки для успешных операций в будущем, то доказательством тому может с полным правом служить битва на Волхове.

Тем временем в 200 километрах от Волховского фронта 58-я пехотная дивизия из Нижней Саксонии продолжала удерживать пригород Ленинграда Урицк - та самая дивизия, которая около полугода тому назад вышла к первой остановке ленинградского трамвая и ближе всех подошла к колыбели красной революции.

"Командирам всех частей в 11.00 явиться в дивизионный штаб на совещание!" - мчались приказы по телефонным проводам.

- На совещании будет генерал, - сообщали телефонисты своим друзьям в батальонах и ротах и добавляли: - Что-то произошло.

Было 1 марта 1942 г. Генерал Альтрихтер, командир 58-й пехотной дивизии, приветствовал собравшихся офицеров. Они все чувствовали, что их дивизии вот-вот предстоит отправиться на очередное особое задание.

- Нас пошлют на Волхов, - шептались они между собой. Полмесяца тому назад лейтенант Штрассер со своей 9-й батареей 158-го артиллерийского полка отправились на Волхов вместе с батальоном специального назначения Лёргеса как "лыжная батарея". Неделю спустя в направлении Новгорода убыли и другие батареи.

Догадка офицеров нашла быстрое подтверждение.

- Господа, - начал Альтрихтер, открывая совещание, - нам поручено задание, которое окажет жизненно важное влияние на всю ситуацию.

- Так все же Волхов, - негромко проговорил полковник Крайпе, командир 209-го пехотного полка, обращаясь к соседу, подполковнику Нойманну.

Генерал Альтрихтер услышал. Он кивнул и продолжал:

- На Пятьдесят восьмую дивизию пал выбор как на ударную часть, которой предстоит блокировать прорвавшегося на Волхов неприятеля с юга и окружить его войска.

Фридрих Альтрихтер, доктор философии и автор интересных очерков по вопросам военного образования, в прошлом служивший в Дрезденском военном училище, умел растолковывать стратегические вопросы. Многие немецкие офицеры являлись его выпускниками. Он скончался в плену у русских в 1949 г.

Альтрихтер подошел к большой оперативной карте и начал "лекцию":

- Вы видите, какова обстановка: противник крупными силами продвинулся довольно глубоко в наш тыл. Фронтальное боевое соприкосновение уже не может привести к успеху, поскольку мы не располагаем неистощимыми резервами, необходимыми для такого рода операции. Единственный наш шанс - ударить в основание русского прорыва, "перекусить" "тоннель" на входе и изолировать прорвавшиеся войска противника. К счастью, 126 и 215-я пехотные дивизии вновь смогли создать прочные фронты вдоль оконечностей горловины. Под их прикрытием мы сумеем сосредоточиться и ударить по бреши с юга. Полицейские дивизии СС атакуют с севера. Место встречи - рощица, называемая "Эрикой". Полки 126-й пехотной дивизии и все другие части, действующие в данном районе, включая батальоны испанской Синей дивизии, которая до последнего момента великолепно сражалась, будут подчинены нам. С этими силами мы должны суметь осуществить замысел. Мы просто обязаны, потому что в

противном случае на 18-й армии можно ставить крест. Но если нам удастся захлопнуть ловушку, у нас в котле окажутся главные силы двух советских армий.

В небольшом помещении воцарилась тишина. Поскрипывали каблуки. На улице все еще было очень холодно.

– Волхов, - побежал шепоток по рядам офицеров. - Волхов. - Затем собравшиеся уставились в свои карты и заворчали: - Километров двести к югу от нас. В такую-то погоду.

Приготовления завершились к 15 марта. 15 марта - время, когда в Западной и Центральной Европе уже пахнет весной. Но на Волхове температура все еще оставалась в районе 50 градусов ниже нуля. В глухих лесах снег лежал метровой толщиной.

Русские знали, какое значение имеет основание коридора их прорыва, и всеми путями стремились укрепить его. Вдоль контролируемых ими дорог на всех проходимых полянах и росчистях устанавливались огнеметы, ставились плотные минные поля.

220-й пехотный полк бросал на штурм советских рубежей саперные подразделения, атаковал трофейными танками. Самолеты-штурмовики и бомбардировщики "Штука" из 1-го авиакорпуса сбрасывали бомбы на советские позиции и опорные пункты. Но глубокий снег компенсировал силу взрывов, и разрушительный эффект от налетов получался незначительным. Русские держались на своих опорных пунктах, а 220-й пехотный полк не мог пробиться.

В трех километрах западнее дела пошли лучше. Здесь батальоны 209-го пехотного полка шаг за шагом прокладывали себе путь через почти непроходимые заснеженные леса. 154-й пехотный полк аналогичным образом продирался через подлесок проходами, сделанными для пехоты штурмовыми орудиями и саперами. Там и тут в зарослях и на полянах вспыхивали ожесточенные схватки.

То и дело на жутком холоде отказывались служить минометы: стволы обледеневали изнутри, так что мины в них просто не влезали. Аналогичным образом покрывалась льдом нарезка внутри стволов артиллерийских орудий, в результате снаряды взрывались до того, как вылетали из них. Пулеметы заклинивало, потому что масло на морозе становилось очень вязким. Самым надежным оружием оказывались ручные гранаты, шанцевый инструмент и штыки.

Ближе к 16.45 19 марта передовые части 2-го батальона (209-го пехотного полка) майора Матерне продвинулись через открытый участок местности, отмеченный на картах буквой "Е", или росчисть "Эрика". "Эрика" памятна всем, кто сражался на Волхове. Так называлась точка в мрачном лесу, за обладание которым лились потоки человеческой крови. У деревянной гати, протянутой через поляну саперами и использованной для подвоза грузов, какой-то солдат прикрепил доску с надписью: "Здесь начинается задница мира". В течение многих месяцев она оставалась в том месте, куда 19 марта пробрались головные части батальона Матерне.

С дальнего конца росчисти заговорил пулемет.

– Это немецкий, - сказал один из солдат.

– Лучше не забывать об осторожности, ребята, - предостерег майор Матерне.

Оттуда же взлетела в воздух белая ракета.

– Отвечайте! - скомандовал Матерне.

Ослепительный белый шарик маленьким солнцем шипя взмыл над поляной. Вдалеке из-за куста возникла фигура человека в немецкой каске, укутанного до самого кончика носа.

– Наши! - крикнул он и помахал рукой.

Сердца солдат наполнились радостью. Они бросались друг к другу через снег, колотя один другого по спинам, вытаскивали сигареты и совали их в зубы товарищам.

– Смотрите, - говорили пехотинцы бойцам из штурмовых подразделений полицейской дивизии СС. - Смотрите! Мы сделали это!

Они сделали это. Брешь была заделана. Они соединились на росчисти "Эрика" и таким

образом перерезали тыловые коммуникации советской 2-й ударной армии. Две советские армии угодили в мешок. Как подо Ржевом и под Сухиничами, непоколебимая твердость, с которой держались отдельные части, создала условия для исправления казавшейся совершенно безнадежной ситуации, позволила вырвать инициативу у почувствовавшей запах победы и сделавшейся беспечной и самонадеянной Красной Армии. Вновь охотники превратились в дичь, а преследуемые в преследователей.

Таким образом, советское наступление через Волхов и попытка деблокировать Ленинград провалились. Но что же тем временем происходило на узкой полосе земли между озерами Ильмень и Селигер, где, прорвавшись, пять советских армий пробили широкую брешь между группами армий "Центр" и "Север"?

На этой полосе суши только два немецких волнолома могли сдерживать советское наводнение - Демянск и Холм, - и все теперь зависело от них. Если бы противнику удалось сломить сопротивление защитников этих двух опорных пунктов и прорваться дальше, дорога в практически не защищенный немецкий тыл для советских армий оказалась бы открытой. В Демянске путь русским преградили шесть немецких дивизий. Другие соединения, такие, как части 290-й пехотной дивизии, которые держали позиции, когда русские прорвались на озере Ильмень, и частично окруженные впоследствии, оказались не в состоянии отойти к Старой Руссе - позднее они пробились в юго-восточном направлении на соединение со 2-м корпусом и таким образом усилили контингент защитников Демянского котла. 2-й армейский корпус генерала графа Брокдорфф-Алефельдта оттянул на себя главные силы пяти наступавших советских армий и связал их боями.

Советская 3-я ударная армия, наступавшая южнее, аналогичным образом не могла продвинуться, остановленная вторым непреодолимым барьером в бреши между Демянском и Великими Луками - рубежом, блокировавшим дорогу в тылы 16-й армии, каковым стал город Холм.

Демянск и Холм являлись критическими точками. Благодаря им произошел поворот в череде событий на северном фланге немецких войск на Востоке. Своим наиупорнейшим сопротивлением в Демянске и Холме немецкие войска отняли у советских солдат победу.

Сражение за Демянский котел - битва, длившаяся год и полмесяца¹ и, следовательно, являвшаяся самой продолжительной битвой в окружении на Восточном фронте, - началась 8 февраля 1942 г. Генерал граф Брокдорфф-Алефельдт, командовавший 2-м армейским корпусом, разговаривал с командованием 16-й армии.

– Мы любой ценой стараемся держать линии коммуникаций с вами открытыми, - уверял его генерал-полковник Буш.

В это момент в наушниках послышался какой-то щелчок. Оба генерала услышали холодный голос телефониста, нарушившего их разговор:

– Я вас разъединяю. На линии противник.

Генерал положил трубку. Он посмотрел на адъютанта и сказал:

– Мы теперь, наверное, на какое-то время останемся без связи с армией.

– Это значит, кольцо замкнулось? - спросил адъютант.

– Да, - отозвался генерал и после короткой паузы добавил: - По крайней мере, мы знаем, где находимся. Подождем, а там посмотрим.

Это "подождем, а там посмотрим" вылилось в двенадцать месяцев и восемнадцать дней ожесточенных боев. Площадь, на которой действовал окруженный корпус, составляла немногим более 3000 квадратных километров.

Причину, по которой немцам пришлось принять эту битву, держаться в котле посреди Валдайской возвышенности вокруг забытого Богом городишки Демянска, отражать штурмы

советских войск, генерал объяснил в своем необычном приказе. Необычным потому, что в нем солдатам и офицерам не просто предписывалось делать то-то и то-то, но также разъяснялись обстоятельства и причины, побудившие командира отдать тот, а не иной приказ.

20 февраля, через двенадцать дней после того, как замкнулось кольцо окружения, граф Брокдорфф-Алефельдт велел зачитать всем оказавшимся в окружении частям следующий приказ:

"Пользуясь преимуществами, которые дали ему наиболее холодные зимние месяцы, противник перешел по льду озеро Ильмень, непроходимую в теплое время года заболоченную дельту реки Ловать и долины узких речек Пола, Редья и Полисть, а также другие водные преграды и появился позади 2-го корпуса и его тыловых коммуникаций. Долины рек образуют часть обширного болотистого низинного района, который, как только начинается таяние снегов, покрывается водой и становится совершенно непроходимым даже для пешеходов. Любое движение транспорта противника, особенно доставка грузов, станет совершенно невозможным.

Снабжение русских в сырое время года, весной, будет осуществляться только по главным дорогам с твердым покрытием. Однако перекрестки этих дорог - Холм, Старая Русса и Демянск - прочно удерживает немецкая армия. Более того, в руках шести закаленных в боях дивизий корпуса находятся все господствующие высоты в данном районе. Поэтому численно превосходящий нас противник без снабжения не сможет весной держаться на топких низинах.

Следовательно, необходимо удерживать транспортные развязки и высоты вокруг Демянска до весенней распутицы. Рано или поздно русским придется отказаться от своих планов и оставить позиции, особенно принимая во внимание то, что крупные силы немецких войск будут атаковать их с запада".

Солдаты и офицеры слушали и кивали. Они понимали. Они твердо решили не отдавать "деревни", как называли они район котла из-за аллюзии с титулом своего генерала¹.

Битва началась. Впервые крупному немецкому соединению приходилось вести бои, находясь в окружении. Впервые в военной истории целый корпус из шести дивизий общей численностью около 100 000 человек - почти целая армия - успешно снабжался всем необходимым по воздуху. Именно на Валдайской возвышенности в России действовал первый в истории войн воздушный мост.

Примерно 500 транспортных самолетов осуществляли снабжение 100 000 военнослужащих 2-го корпуса всем, в чем они нуждались для того, чтобы жить и бороться - и день и ночь. Летчики поднимали свои машины в небо вне зависимости от погоды. Они летали в метели и мороз, в туман и зимние бури, летали, несмотря на жесточайший зенитный огонь противника.

Около 100 самолетов должны были прилетать в котел и улетать из него ежедневно. В определенных случаях количество самолетов достигало 150. Это означало, что каждый час на протяжении короткого зимнего дня от 10 до 15 самолетам приходилось взлетать и садиться на двух наскоро оборудованных аэродромах.

Подвиги, совершенные частями транспортной авиации под командованием полковника Морцика, были беспримерны. Масштабы операции лучше всего представлены простыми цифрами: окруженным частям в котле было доставлено 64 844 тонн грузов и вывезено оттуда 35 400 человек - в основном раненых.

Воздушный мост послужил одним из важнейших факторов успеха. Но результатом стали невосполнимые потери, понесенные транспортными эскадрильями. Летный парк значительно сократился, многие пилоты погибли.

Но самое пагубное, пожалуй, заключалось в том, что успех в Демянске спустя девять месяцев укрепил Гитлера в решении держать Сталинград, поскольку он верил, что сможет аналогичным образом снабжать по воздуху 300 000 военнослужащих окруженной 6-й армии.

Майор Иван Евстифеев, родившийся в 1907 г., командовал знаменитой 57-й бригадой, составлявшей острей наступления советской 2-й ударной армии на Волхове. Выдающийся офицер, храбрый человек, умелый боевой командир, в полной мере получивший подготовку как штабист.

Оказавшись в плену, он заметил:

– Так только и должно было случиться, учитывая всю глупость нашего Верховного Главнокомандования.

Из написанного им следует, что известие об усечении "бутылочного горла" в основании прорыва 2-й ударной армии в районе рощи "Эрика" возымело катастрофический эффект в Москве. Это означало крушение надежд Сталина на деблокирование Ленинграда и уничтожение немецкой группы армий "Север". Сталину срочно потребовался козел отпущения.

Как ранее, в начале января, он сместил с должности командующего армией генерала Соколовского за то, что тот, атакуя на широком фронте, не смог прорваться, теперь слетели с постов генерал Клыков и его начальник штаба, потому что осуществили прорыв на слишком узком участке. Но кто должен был спасти ситуацию? Кто мог вырвать затычку из бутылочного горла и освободить главные силы двух армий, запертых в огромном котле?

Выбор Сталина пал на человека, считавшегося украшением советского генеральского корпуса, - Андрея Андреевича Власова. На исходе лета 1941 г. Власов в течение двух месяцев храбро оборонял Киев, а впоследствии, уже как командующий 20-й армией, отбросил северный фланг немецкого наступления на Москву в районе Солнечногорска и Волоколамска. Он получал ордена и медали, купался в лучах славы и удостоился должности заместителя командующего Волховской группой армий. Теперь Власову предстояло вновь доказать всем, что он не случайно считается одним из лучших боевых генералов.

Власов родился в 1901 г. в крестьянской семье. Пожертвовав многим, отец послал сына учиться в духовную семинарию. Но судьбу молодого человека определила ленинская революция. Он вступил в Красную Армию, стал командиром и в итоге дослужился до генеральского звания. Поскольку в тридцатые годы Власов был в Китае как военный советник при Чан Кайши, страшная волна чисток, похоронившая под собой маршала Тухачевского и многих талантливых советских военных, обошла Андрея Андреевича стороной. Когда Власов в конце концов возвратился в Россию, карьера его пошла в гору. Вскоре в военной прессе о нем уже повсюду говорили как о талантливом организаторе.

Человеку, который сумел превратить сброд, составлявший пользовавшуюся скверной репутацией 99-ю стрелковую дивизию в одну из лучших ударных частей Красной Армии, теперь предстояло спасти две окруженные армии.

Еще до рассвета 21 марта Власов на самолете отправился в Волховский котел и принял командование семнадцатью дивизиями и восемью бригадами, расположенными в лесах между Чудовом и Любанью. Сделав это, он немедленно принялся "выбивать забаррикадированную дверь изнутри".

В тот же самый час, когда Власов созвал командиров своих частей в избушку лесника к востоку от Финева Луга, чтобы обсудить план прорыва кольца немецкого окружения вокруг советской 2-й ударной армии на Волхове, примерно в полутора сотне километров к юго-востоку отсюда немецкий полковник Ильген прибыл в штаб генерал-лейтенанта Цорна в Федоровке в Демянском котле, чтобы узнать о деталях плана прорыва из русского кольца шести немецких дивизий. Странная параллель.

– Сегодня первый день весны, господин генерал, - с улыбкой произнес полковник Ильген.

Генерал Цорн стоял около покосившегося деревянного строения, служившего корпусной группе командным пунктом.

– Да уж весна, - пробормотал он невесело, - снегу по колено и тридцать градусов мороза.

– Такая уж тут в Демянске весна, - усмехнулся Ильген.

– Вы правы, - кивнув, сказал Цорн. - Но шутки в сторону, Ильген. Надеюсь, мороз еще немного продержится. Если начнется оттепель, будет такая грязь - вся техника сядет. Зейдлиц должен прорваться сюда, прежде чем это случится.

Малиновый диск утреннего солнца вырвался из дымки нового дня. Издалека, с участка 290-й пехотной дивизии под Калиткино и боевой группы Айке на самой западной оконечности котла, заблестали вспышки залпов советской тяжелой артиллерии. Цорн бросил взгляд на часы.

– Семь тридцать, - проговорил он. - Зейдлиц идет в атаку.

В этот момент в 40 километрах отсюда, на юго-востоке от Старой Руссы, на десятикилометровом фронте заговорили орудия. Они вели мощный заградительный огонь. Над позициями противника ревели и завывали пикировщики "Штуки". Затем в атаку устремились полки корпусной боевой группы генерала фон Зейдлиц-Курцбаха - точь-в-точь как в былые дни летнего наступления. Так началась операция "Мостостроение" - немецкое наступление с целью деблокирования 2-го корпуса в Демянском котле. Кольцо вокруг корпуса графа Брокдорффа просуществовало уже сорок один день. Всего 40 километров отделяли "деревню" от главной линии немецкого фронта. Шести окруженным дивизиям приходилось держать оборону на 300-километровом рубеже: они, совершенно очевидно, не могли защищать его на всем протяжении, так что отдельные участки удерживались за счет изолированных форпостов.

Кроме малочисленности, немцы страдали от чрезвычайно сложной ситуации с продовольствием. 96 000 человек и около 20 000 лошадей полностью зависели от поставок по воздуху. Пайки урезались примерно вдвое от нормы.

Безусловно, транспортные самолеты не могли снабжать сеном и соломой лошадей. Так, несмотря на всю находчивость интендантов, животные худели. Гнилая солома с крыш разрушенных крестьянских избышек служила скверной заменой фуражу. Конечно, лошадей кормили корой, сосновыми ветками и иголками, камышом и даже бобами, но это лишь на время притупляло неизбывный голод. Они ели песок и умирали от колик. Рос падеж от чесотки и других заболеваний. Ветеринарные врачи боролись за жизнь каждого животного, но часто единственным лекарством, которое они могли прописать, становился последний смертельный удар. Так коням приходилось сослужить последнюю службу людям на полевых кухнях. Русское гражданское население, оказавшееся в котле вместе с немцами, бывало, приходило в поисках костей и внутренностей. Но ничего не оставалось - одни копыта.

Теперь все должно было закончиться. Генерал фон Зейдлиц-Курцбах разворачивал атаку из Старой Руссы силами четырех дивизий, чтобы пробить коридор в Демянский котел и дать возможность окруженным соединиться со своими на главной линии фронта.

Тем временем в западном выступе котла сформировалась "корпусная группа Цорна". В соответствующий момент ей предстояло пойти на прорыв, начав операцию "Штрек", чтобы в итоге на полпути соединиться с дивизиями Зейдлица. Во главе наступления должен был идти полк полковника Ильгена, сколоченный из разных батальонов, входивших в состав окруженных дивизий.

– Так каков общий план, господин генерал, и когда нужно начинать? поинтересовался полковник Ильген.

Тростью генерал Цорн изобразил на снегу очертания Демянского котла. Левее он нарисовал дугу, обозначив основной фронт в районе Старой Руссы.

– Граф Брокдорфф сообщил мне, что группа Зейдлица четырьмя дивизиями ведет атаку от Старой Руссы. - Генерал Цорн добавил к своему наброску четыре стрелки. - Вот здесь, - он показал на две стрелки в середине, направление главного удара, который наносят силезская

Восьмая и вюртембергская Пятая пехотные дивизии. Обе они были переброшены на Восточный фронт из Франции в начале года и уже побывали в боях. Ульмские1 стрелки особенно отличились в начале февраля в схватках с врагом под Старой Руссой. - Цорн указал тростью влево и вправо. - Фланги атаки на деблокирование прикрывают Триста двадцать девятая пехотная дивизия справа и Сто двадцать вторая пехотная - слева. Стрелковые дивизии Зейдлица метят прямо в эту точку - самую западную точку нашего котла, где расположены села Калиткино и Васильково. В тот момент, когда он по дороге Старая Русса-Демянск выйдет к переправе через Ловать в районе Рамушево, - иными словами, когда он окажется в двенадцати километрах, - мы атакуем. Ваша задача, Ильген, в том, чтобы прорвать русские позиции с внешней стороны нашего котла и выйти к Ловати в районе Рамушево.

Ильген кивнул. Снег сверкал в лучах солнца. Издалека доносился грохот канонады. Из здания штаба появился дежурный:

– Телефон, господин генерал. Сначала все шло в соответствии с планом. После артиллерийской подготовки и массированного авианалета бомбардировщиков "Штука" части Зейдлица пошли вперед как по маслу, точь-в-точь как в первые недели блицкрига на Востоке. Скоро, однако, начались сложности. Снега, заросли кустарника и деревьев к востоку от Старой Руссы ослабили наступательный порыв немцев и замедлили их продвижение. Приходилось взламывать глубокоэшелонированную вражескую оборону, состоявшую из пяти рубежей. Ни храбрость, ни военные хитрости, ни кровь, ни слезы не могли ускорить наступления - войска продвигались в час по чайной ложке. Никто не давал никому пощады. Бои продолжались четыре недели. Они начались при температуре 30 градусов мороза, на твердых как гранит болотах. Спустя несколько дней столбик термометра подскочил к нулевой отметке. Пришла оттепель. Все потекло, раскисло и превратилось в сплошную грязь.

К концу марта температура вновь упала до 20 градусов мороза. Днем шли мощные снегопады, а ночью над болотами и в лесах завывали ледяные ветры, пронизывавшие до костей всякое живое создание, если ему не случалось забиться в пещеру, спрятаться в избушке, в глубокой воронке или под стволами и ветками наскоро поваленных деревьев.

В апреле погода стала налаживаться. Снега и льды начали таять. Вода на дорогах стояла по колено. По пояс в грязи солдаты продирались через оттаивавшие болотца и пруды. Для крупнокалиберных пулеметов приходилось сооружать плоты из веток деревьев и кустарника, в противном случае они тонули в грязи.

Раненых несли на сработанных из того же подручного материала носилках. Все, что имело вес - винтовки, кони и люди, - рисковало оказаться на дне болота. Солдатская форма не высыхала. В густых зарослях таился враг. Русские так же страдали от грязи. Их тяжелые танки оставались на месте, артиллерия тоже утрачивала мобильность.

12 апреля солдаты передовых частей группы Зейдлица увидели очертания полуразрушенных высоких зданий Рамушева, словно мираж то исчезающие, то появляющиеся из тумана и дыма. Они достигли цели. Солдаты знали: успех или неуспех операции "Мостостроение" зависит от того, возьмут или не возьмут они Рамушево. Этот маленький городок находился на дороге и на переправе через Ловать, а она с приходом весны вновь превращалась в крупное естественное препятствие.

На следующий день в ходе рекогносцировки перед предстоящей атакой получил серьезное ранение полковник Ильген. Полк, который так старательно готовил к важной схватке его командир, принял подполковник фон Боррис. Атака началась 14 апреля.

Через шесть дней, 20 апреля, с наступлением темноты батальоны вышли к первым домам Рамушева на восточном берегу Ловати. Передовые части состояли из усиленного истребительно-противотанкового дивизиона СС из состава полка "Мертвая голова"; командовал ими

гауптштурмфюрер Бокман.

На другом берегу полыхали здания западной части города. Трассеры прорезали темноту ночи. Над рекой шумела битва. Она разлилась и теперь составляла в ширину более километра. Было невозможно разглядеть что-либо на противоположном берегу: дым, пыль и огонь сделали видимость нулевой. Та же самая картина сохранилась и на следующий день.

Роты Зейдлица яростно сражались за обладание участком берега. Когда наступила ночь, солдаты Борриса заметили махавших им с другой стороны людей в немецких касках.

– Они там! Они там!

Было 21 апреля 1942 г., 18.30. Только бурные воды Ловати отделяли окруженные части от их товарищей. Демянск, мощный волнолом на Валдайской возвышенности, сыграл свою роль. В течение нескольких месяцев шесть немецких дивизий преграждали путь советским армиям. Теперь дивизии вновь влились в состав целого непрерывного фронта. А как складывалась обстановка вокруг Холма в 90 км южнее?

В течение последних ста дней боевая группа генерала Шерера численностью 5000 человек удерживала автодорожный узел посреди огромного заболоченного района, опорный пункт и переправу через верховья Ловати, господствующую высоту над рекой и прилегающей местностью. Холм единственный уцелевший фрагмент в прорванной линии фронта между Великими Луками и Демянском, задвижка двери черного хода 16-й армии - не давал противнику прорваться на запад, так же как Демянск сдерживал советский клин, нацеленный в южном направлении.

Маленький провинциальный городок с 12 000 человек населения в одночасье очутился на передовой. Снабженцы и солдаты из рассеянных частей дивизий, действовавших в этом районе, были мобилизованы для защиты города. Генерал-майор Шерер, командир 281-й дивизии местной обороны, получил должность коменданта крепости. Он приказал удержать Холм любой ценой.

И Холм держался. Оборона его вошла в военную историю как пример воинского мастерства и оригинальных подходов командиров, стойкости солдат и офицеров, их храбрости и мужества.

Боевая группа Шерера являла собой пестрое сборище. В нее входили части 123 и 218-й пехотных дивизий, последнюю из которых только что перебросили на Восточный фронт из Дании, а также 553-й пехотный полк 329-й пехотной дивизии. Были там и горные стрелки из Каринтии и Штирии, организованные в 8-й диверсионно-десантный отряд, еще 3-й дивизион 1-го полевого полка Люфтваффе и 65-й резервный полицейский батальон из 285-й дивизии местной обороны. Действовало там даже механизированное подразделение морского транспорта. Из этих разношерстных частей и отрядов помощник коменданта по оперативно-тактическим вопросам полковник Манициус, командир 386-го пехотного полка из состава 218-й пехотной дивизии, сколотил мощное боеспособное войско, душой и мозгом которого сам же и стал.

28 января противник полностью окружил Холм. Частям 10-й пулеметного батальона все же удалось немного позднее прорваться в котел, но за ними ловушка захлопнулась уже плотно.

Занимаемая защитниками крепости площадь составляла всего два с половиной квадратных километра, а позднее съежилась до чуть более километра. Обороняли ее от 5000 до 5500 человек. Частью фронт котла пролегал прямо по центру города. Солдаты знали каждый дом, все руины, деревья и воронки снарядов и авиабомб между северным кладбищем, крутым поворотом дороги, тюрьмой ГПУ и отделом милиции с оврагом позади него. Это были четыре самых памятных опорных пункта крепости. Осаждали ее три советских стрелковых дивизии, день за днем бросавшиеся на штурм.

Снабжение могло осуществляться только по воздуху. На поле перед передним краем котла,

на ничейной земле, саперы соорудили взлетно-посадочную полосу размерами 70 на 25 м. Любое приземление представляло собой чистой воды авантюру. Для большинства Ju-52 они заканчивались печально. Скоро поле покрылось обломками самолетов. Поэтому Люфтваффе переключились на использование планеров для переброски подкреплений и тяжелого вооружения, а продовольствие и боеприпасы стали сбрасывать в контейнерах.

Всякий раз, когда из-за леса на западе появлялся "Юнкерс" или два с планерами на буксире, для гарнизона наступали очень волнующие минуты. Если пилоты отцепляли планеры всего на несколько секунд раньше, чем нужно, они приземлялись на территории русских. Даже когда планер касался земли в правильной точке, для обеспечения за собой ценного содержимого летательного аппарата немцам как можно быстрее приходилось высылать всегда находившееся наготове штурмовое подразделение. Нет нужды говорить, красноармейцы тоже ждали подарков с неба. Часто с обеих сторон наперегонки к планерам бросались группы солдат.

В Холмском котле приземлилось восемьдесят планеров. В процессе обеспечения снабжения Люфтваффе потеряли двадцать семь "Юнкерсов". Но то, что немецкий контингент в Холме получал все необходимое исключительно по воздуху, не так уж удивительно. Гораздо более необычно то, что Холм представлял собой крепость без артиллерии.

Несколько 80-мм минометов, а также 37-мм противотанковых пушек и одна 50-мм, а также два легких пехотных орудия - вот и все тяжелое вооружение, которым располагали защитники Холма. Тяжелые пушки или гаубицы отсутствовали. Как же могла крепость отбиваться от численно превосходящего противника, атаковавшего ее при поддержке танков и артиллерии? Как могла цитадель держаться хотя бы несколько дней без самого жизненно важного вооружения - крепостных пушек?

В Холме проблема решалась, наверное, самым оригинальным способом, который только знала военная история. Крепостная артиллерия находилась вне крепости, но огонь ее корректировался изнутри.

Орудия, днем и ночью утюжившие скопления советских войск, обеспечивавшие заградительный огонь в момент вражеских атак, находились на позициях в конце узкого коридора, который проделала на занимаемой неприятелем территории в направлении города боевая группа генерала фон Укерманна и который заканчивался в 10 километрах от Холма.

Вразрез со всеми правилами, орудия 218-го артиллерийского полка и 536-го дивизиона тяжелой артиллерии были установлены там, точно на подносе в протянутой руке официанта, и от всей души палили оттуда по противнику.

В самом Холме обер-лейтенант Файст и лейтенант Деттманн действовали в качестве передовых наблюдателей и направляли огонь, стуча ключом телеграфного устройства. В некоторые дни свыше 1000 крупнокалиберных снарядов пролетало над Холмом и обрушивалось на русские позиции или на колонны атакующего противника.

Передовые наблюдатели в Холме - артиллерийские офицеры со своими связистами - постепенно так отточили технику управления огнем, что находившиеся за несколько километров от них расчеты подбивали прямыми попаданиями даже отдельные русские танки.

Советские войска твердо намеревались овладеть Холмом до начала оттепели. Они всеми силами стремились прорвать проклятый барьер, сдерживающий целую армию. Поэтому в некоторые дни они ходили в атаку до восьми раз. Противнику удавалось продвинуться, но защитники неизменно отбрасывали их после ожесточенных рукопашных схваток. Они приходили снова. Захватывали разрушенное строение тут, снежный холм там. Немцы немедленно бросались в контратаку с ручными гранатами и огнеметами. Так все и шло день за днем. Среди военнослужащих немецких боевых групп появились настоящие специалисты бросать гранаты так, чтобы те попадали в точечные цели, были истребители танков - настоящие

люди-пауки, с нечеловеческой ловкостью уничтожавшие стальные громадины.

Начавшаяся оттепель и пришедшая с нею неизменная непролазная грязь на время остановили советские атаки, но также сделали существование внутри котла невыносимым. В подвалах разрушенных зданий прямо на полу лежали 1500 раненых. Их судьба оказалась куда более печальной, чем у тех 700, которых удалось вывести из котла.

Врачи и санитары под началом военврача Окера работали до упаду. Военврач Гук, хирург, затевал рискованные операции ради спасения жизней тяжелораненых. Но грязь и вши становились порой более страшным врагом, уносившим больше жизней, чем русские снаряды. Ситуацию иллюстрируют два показателя: число раненых составляло 2200 человек, а убитых - 1550.

12 марта лейтенант Гофштеттер сделал в своем дневнике следующую запись: "Первый случай заболевания тифом". Вон он, страшный бич всех осажденных крепостей, - тиф.

С самолета сбросили вакцину. Медперсонал и врачи пользовались любой минутой, чтобы сделать людям прививки. Вшам объявили войну. Началась погоня за временем. Потом пришли хорошие новости: держитесь - дивизии генерала фон Арнима уже идут вам на выручку. Но 1 мая казалось, что все страдания, все жертвы и весь героизм напрасны. Русские развернули широкомасштабную атаку. Сначала артподготовка, потом танки. За ними пехотинцы. Ура!

На восточной оконечности фронта загрохотало оружие. Русских отделяла от Ловати сотня метров. Если бы им удалось пройти те метры, это означало бы конец для немцев, поскольку противник овладел бы высоким берегом реки и смог бы уничтожить крепость изнутри. Но им не удалось. Их остановили пикировщики "Штуки", батареи Укерманна и хладнокровие солдат Шерера.

Одним из этих солдат был унтер-офицер Беле со своей 50-мм противотанковой пушкой на южном кладбище. Прицел у нее не работал. Приближались пять советских танков. Беле навел орудие через ствол. Вставил снаряд в казенник. Захлопнул затвор. Выстрелил. Громкий треск - прямое попадание. Беле сделал двадцать выстрелов. Ни один из пяти танков не прошел. Пятый был остановлен в 40 метрах от пушки.

В укрытии на летном поле устроился со своим противотанковым ружьем унтер-офицер Бок. Он стоял, оперев ствол ружья на каменную кладку, и стрелял. Бок подбил четыре русских легких танка.

2 мая было затишье. Но 3 мая бои возобновились в 03.00. День выдался серым и дождливым. Немецкие самолеты не могли подняться в небо. Но люди в котле слышали приближавшийся с юго-запада шум битвы.

– Там, наверное, наши товарищи, - говорили солдаты друг другу. Надежда придавала им новые силы. Нельзя вешать носа. Теперь-то уж точно нельзя.

4 мая они видели, как немецкие бомбардировщики "Штуки" сбрасывают бомбы с внешней стороны линии котла. Они прокладывали путь деблокировочным подразделениям.

5 мая природа вновь хмурилась. На КП капитана Вальдова примчался связной.

– Господин ротмистр1, два немецких штурмовых орудия!

Через минуту солдаты услышали скрежет гусеницы. Пригибаясь и прячась за стальными громадами, покрытыми летним лесным камуфляжем, бежали гранадеры.

– Это наши или нет? Может быть, русские что-то задумали? Осторожно!

Но нет! Люди в немецких касках у самоходных орудий из состава дивизиона "Грайф" под командованием лейтенанта Торнау были саперами подполковника Тромма из 411-го пехотного полка, входившего в состав 122-й пехотной дивизии. Лейтенант Деттманн, описывая происходившее, сказал: "Их встречали с изумлением, точно пришельцев с другой планеты".

Спасение пришло в начале одиннадцатого. На огневых позициях - в окопах и среди руин -

оставалось 1200 человек. В подвалах в ужасных условиях находились 1500 раненых. Примерно такое же число мертвых лежало в могилах неподалеку от мест, где они погибли. Одним из последних к ним присоединился подполковник Тромм - он погиб от разрыва советского снаряда.

Холм вновь стал частью немецкого фронта - единой передовой в районе к югу от озера Ильмень, где обстановка стабилизировалась. С того момента и вплоть до 1944 г. немцы продолжали удерживать эти рубежи. 5. Генерал Власов Ударная советская армия в болотах - Деревянная дорога через росчисть "Эрика" - Беспощадное сражение - 158-й инженерный батальон - Прорыв из ада - Катастрофа для советской 2-й ударной армии - "Не стреляйте, я генерал Власов" - Карты, похороненные на дне реки.

Что происходило в то время на Волхове, где отрезанная в лесах находилась 2-я ударная армия Власова? Сюда тоже пришла весна. Снег таял, таял и лед, сковывавший реки и болота. В блиндажах и окопах воды набиралось по пояс. В глухих чащах возвращались к новой жизни тысячи миллионов мошек и комаров. Там, где еще недавно не представляло труда проехать на санях или на лыжах, теперь образовались необъятные лужи и топкие трясины. И посередине этого ада находился генерал Власов со своими четырнадцатью советскими стрелковыми и тремя кавалерийскими дивизиями, семью стрелковыми и одной танковой бригадами - армия в болоте.

Власов был энергичным генералом. 27 марта ему удалось прорвать немецкий барьер в районе росчисти "Эрика", нанеся удар с запада сибирскими штурмовыми бригадами и танками. Конечно, проделанная ими брешь имела в ширину всего полтора километра, но тем не менее через это "окно" можно было наладить тыловое обеспечение. Тщетно пытались батальоны немецкой 58-й пехотной дивизии и полицейской дивизии СС выбить сибиряков Власова с росчисти. Ничего не получалось. Немецким частям не хватало численности, а заболоченная и поросшая густыми лесами местность по обеим сторонам от росчисти "Эрика" затрудняла переброску туда войск, достаточных по силе для полного блокирования советских войск в их котле. В результате 58-й пехотной дивизии и группе, удерживавшей район к северу от нее, приходилось сдерживать постоянный натиск советских войск на протяжении шести долгих недель.

Наконец в начале мая 1942 г. вторая, тщательно подготовленная атака получившей подкрепления 58-й пехотной дивизии увенчалась успехом - ей удалось осуществить прочное соединение с охранной дивизией, действовавшей к северу от росчисти "Эрика".

На этом этапе Власов принял решение прорываться из ада волховских болот.

Но к тому моменту полки его больше не могли переходить через скованную льдом трясины или прокладывать себе путь через густые лесные чащи. Непролазная грязь в лесах и необъятные болота вынуждали русских пользоваться дорогами и тропами. Но для них существовала всего одна тропа - деревянная гать, проложенная через росчисть "Эрика".

20 мая генерал кавалерии Линдемманн издал приказ для своей 18-й армии. Он начинался словами: "Русские уходят из Волховского котла". Приказ стал руководством к действию для немецких солдат, сражавшихся на Волхове. 20 мая они вновь заделали брешь в районе росчисти "Эрика". На протяжении всех месяцев тяжелых боев пехотинцам, артиллеристам и бойцам истребительно-противотанковых частей постоянно помогали саперы 158-го инженерного батальона под командой капитана Гейнца. Днем и ночью, в самых тяжелых условиях солдаты находились в действии. Они несли тяжелые потери. В конце периода боев, когда храбрый батальон получил передышку, численность боевого личного состава трех его рот сократилась до трех офицеров, трех унтер-офицеров и тридцати трех солдат. Командир 2-й роты 158-й инженерного батальона, лейтенант Дункер, приходской священник в гражданской жизни, получил Рыцарский крест в знак признания вклада, внесенного им в победу немцев в боях за

росчисть "Эрика".

К концу мая 1942 г. немецкие войска выиграли ожесточенную битву за Волхов. Тем частям армии Власова, которым не удалось вырваться из западни, теперь уже не было из нее дороги. В ловушке остались девять стрелковых дивизий, шесть стрелковых бригад и части из состава танковой бригады. Судьба советской 2-й ударной армии находилась в руках немцев.

Конец ее был ужасным. В живых осталось только 32 000 человек, все они попали в плен. Несколько десятков тысяч человек осталось в лесах и болотах. Одни утонули, другие умерли от голода, третьи - от ран. От картин кошмарного побоища кровь стыла в жилах. Огромные тучи мух кружили над валявшимися в болотах трупами. Над росчистью висел непереносимый смрад разлагавшейся плоти. Она сама стала адом.

По этому аду блуждал со своим штабом генерал Андрей Андреевич Власов. Немцы охотились за ним. Внезапно генерал исчез. Куда? Может, он погиб? Застрелился? Или очень хорошо спрятался?

Описание внешности Власова вместе с фотографией на тысячах листовок сбрасывали с пролетающих над деревнями и селами в районе Волховского котла немецких самолетов. За помощь в поимке генерала обещали крупные награды. Естественно, с того момента каждый день поступали сообщения о том, что кто-то где-то видел Власова, о том, что он погиб или попал в плен. При проверке правдивости сведений они неизменно оказывались недостоверными, часто являлись чьим-то пустым бахвальством или просто ошибками.

11 июля в штаб 23-го корпуса сообщили об обнаружении мертвого тела Власова. Офицер разведки капитан фон Швердтнер немедленно выехал на опознание. Ему показали офицера, накрытого генеральской шинелью. Роста в убитом было около ста восьмидесяти сантиметров - примерно столько же, сколько и у Власова.

Но идентификации тело уже не подлежало. Швердтнер приказал доставить его в корпус и уехал.

В следующем на пути селе капитана остановил русский староста, который доложил:

– У меня в сарае сидит человек, похожий на партизана. С ним еще женщина. Наверное, связная. Не хотите взглянуть на них?

Швердтнер велел провести его в сарай. Деревенский староста отпер дверь. Переводчик и эскорт Швердтнера вскинули автоматы.

– Выходи давай! - крикнул староста. - Выходи, кому говорю!

Из темноты сарая появился высокий мужчина, обросший бородой и покрытый грязью. На гимнастерке его виднелись кожаные петлицы, офицерские сапоги покрывала грязь. Он щурил близорукие глаза под очками в роговой оправе. Увидев наставленные на него дула автоматов, он на ломаном немецком произнес:

– Не стреляйте. Я - генерал Власов.

Солнце висело высоко. Тишину нарушало только жужжание мух.

История выпихнула из сарая в селе под Волховом одного из лучших сынов большевистской России, советского генерала, которого гибель многих и многих тысяч его солдат превратила в смертельного врага Сталина. Власов был плотью от плоти России. Если кто-то и мог победить Сталина, так это он.

Сражение в лесах на берегах Волхова стало одним из самых страшных. Сам тот факт, что один из лучших и политически наиболее благонадежных советских генералов вышел из этих лесов противником Сталина и большевизма, лишний раз подтверждает, через какой кошмар пришлось пройти Власову и его 2-й ударной армии. С того самого момента Власов являлся значительным политическим фактором в закулисной части дуэли, которую вели Гитлер и Сталин.

Но сражение это дало немцам выигрыш, обладавший величайшим военным значением, хотя и не столь ярким, каким стало пленение и "обращение" Власова, понятный пока только нескольким специалистам. На допросах пленных штабных офицеров выяснилось, что советские части, наступавшие на Волхове, были превосходным образом оснащены во всех смыслах, включая и специально заготовленные для этой цели карты. Но куда они подевались? Немцы облазили весь огромный район боев, но не нашли ни следа того, что искали.

Наконец удалось найти лейтенанта, работавшего в штате картографического управления. Лейтенанта допросили. Он отвел немецких экспертов к реке и показал, как отвести воду. Там, на дне речного русла и лежали искомые карты. Как вестготы когда-то похоронили своего короля Алариха в русле реки, так же поступили и сотрудники советского картографического управления, спрятав на дне несколько тонн ценной для победителей продукции, а затем приказав вновь пустить воду. Ни до, ни после во время Второй мировой войны немцам не случалось заполучить такого количества важного для них картографического материала. На найденных русских картах изображалась территория Советского Союза от западных границ до Урала. Добычу отправили в Берлин, и скоро командиры фронтовых частей стали получать свежие советские карты.

Часть пятая.

ПОРТЫ СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА.

В самом первом наброске плана операции "Барбаросса" появляется странный объект - Мурманск. Этот небольшой город называется среди важнейших стратегических целей, таких, как Москва, Ленинград, Киев и Ростов. В чем же заключалась причина? В чем была важность Мурманска? Он представлял собой порт и железнодорожную станцию на продуваемой холодными ветрами крыше Европы, на берегу Северного Ледовитого океана за Полярным кругом, на той же широте, что и Гренландия, в 1000 км от цивилизации.

Летом 1941 г. население Мурманска составляло 100 000 жителей. Три месяца в году здесь стояло знойное лето, а восемь месяцев царствовали ледяная зима и полярная ночь. Вокруг лежала холодная пустыня - лишенная деревьев и кустарника тундра. Почему же тогда этот забытый Богом городок оказался среди главнейших городов, на которые нацеливались удары тайного проекта плана операции "Барбаросса"? Почему Мурманск стоял в списке рядом со столицей коммунистической империи, или с Ленинградом, или с индустриальным Донецким регионом, или с богатой зерновыми Украиной, или нефтяными месторождениями Кавказа? Ведь на них на все нацеливались удары целых групп армий, воздушных флотов, танковых групп, за них предстояло вести самые жесточайшие в истории человечества битвы?

"Под каждой шпалой Мурманской железной дороги лежит по немцу", говорят лопари. Не стоит понимать это выражение буквально, как и все ему подобные сказки, хотя оно и не лишено смысла.

В период между 1915 и 1917 гг. около 70 000 немецких и австрийских военнопленных участвовали в строительстве железной дороги в заповедных лесах, непроходимых болотах и в северной тундре между Санкт-Петербургом и Мурманском, сооружение которой началось еще в 1914 г. силами каторжан. Нужда, которую терпели военнопленные, не поддается описанию. Коротким и жарким летом их тысячами косил тиф, а длинной полярной зимой они умирали от голода и холода. За двадцать четыре месяца скончалось 25 000 человек. Каждый километр 1350-километрового пути стоил жизни девятнадцати человек.

Когда 21 апреля 1941 г. Адольф Гитлер принял генерала горных войск Эдуарда Дитля в Рейхсканцелярии в Берлине, он не стал показывать ему документы, где говорилось о военнопленных, погибших при строительстве Мурманской железной дороги, но дал ему ознакомиться с расчетами количества товарных поездов с грузами, вооружением и живой силой, которые могла перевозить Кировская железная дорога - так официально называлась линия в СССР, связывавшая Москву с Северным Ледовитым океаном.

Генерал Дитль, герой Нарвика, командир горнострелкового корпуса "Норвегия", знал о директиве № 21, или операции "Барбаросса", с конца декабря. Как и большинство генералов, он тоже крайне удивился, впервые увидев секретные документы. Но, как и подобает верному приказу солдату, начал готовиться к его выполнению. Согласно директиве, Дитлю ставилась следующая задача: "Горнострелковому корпусу "Норвегия" сначала овладеть районом Петсамо с его рудниками, а также дорогой к Северному Ледовитому океану, а впоследствии, во взаимодействии с финскими войсками, выйти к Мурманской железной дороге и перерезать сухопутный путь поступления грузов в район Мурманска".

В течение трех с половиной месяцев Дитль и четыре офицера его штаба, которых он взял с

собой на совещание, занимались выработкой схемы реализации данной задачи. 21 апреля, на следующий день после празднования его 52-летия, Гитлер пожелал узнать, как продвигается у Дитля работа. В тот момент ни фюрер, ни Дитль и понятия не имели о том, какое значение в ближайшие годы приобретет Мурманская железная дорога для советской военной экономики. Они не знали, что, когда Германия станет воевать с Россией, в Мурманск через Северный Ледовитый океан потекут конвои с грузами и военной помощью.

Тогда для Гитлера эта железнодорожная ветка являлась линией коммуникаций, по которой Сталин мог быстро перебросить воинские контингенты, артиллерию, авиацию и танки из Центральной России к советско-финской границе на Северном Ледовитом океане, чтобы лишить Германию жизненно важных никелевых рудников Петсамо и руды Нарвика.

Подобные перспективы терзали Гитлера в ночных кошмарах. Но существовала другая, куда более серьезная, вероятно, решающая по важности угроза, крившаяся в Мурманской железной дороге, - угроза, которой он тогда не замечал или же не осознавал в полной мере. Вместе с тем он или кто-то из стратегов его штаба должен был предугадать ее.

Когда во время Первой мировой войны царь спешил со строительством железной дороги, он делал это не для завоевания Норвегии или для захвата никелевых рудников Петсамо, но чтобы использовать единственный незамерзающий (в прямом и переносном смысле) порт своей империи, из которого Россия могла осуществлять связь с мировыми океанами. Во всей гигантской Российской империи Мурманск являлся единственным незамерзающим портом, обеспечивающим ей свободный доступ в Атлантику.

Конечно, Архангельск на Белом море тоже представляет собой порт с выходом в открытое море, но, хотя расположен он и южнее Мурманска, на протяжении трех месяцев доступ в него закрыт льдами. Владивосток, что в переводе означает "владыка Востока", тоже замерзает примерно на сто дней в году. Кроме того, расположен он у черного хода России, с европейской частью которой его связывают 7000 километров железнодорожного полотна. Порты на Черном море может блокировать тот, кто контролирует Босфор, а на Балтике путь лежит через проливы между Данией и Швецией. Поэтому Мурманск является для России единственными открытыми воротами в мир. Своей исключительности порт обязан капризу природы - Гольфстриму. Теплые воды его образуют 1200-километровый коридор между Гренландией и Норвегией, где встречаются Северный Ледовитый и Атлантический океаны. Массы теплой воды Гольфстрима не дают замерзнуть норвежским фиордам, а последнее тепло, которое течение приносит из пригреваемого жарким солнцем Мексиканского залива на север, перед тем как быть поглощенным Северным Ледовитым океаном, согревает воды Кольского залива, который не замерзает даже суровой арктической зимой, когда столбик термометра опускается до 40 и даже 50 градусов ниже нуля.

Вот с какой целью царь строил железную дорогу из Санкт-Петербурга к рыбацкому селу Мурманск. И в 1917 г., когда Америка вступила в войну против Германии на стороне России, Мурманская железная дорога стала наикратчайшей и круглогодичной линией снабжения между США и Россией. Совещательное помещение с картами в здании Рейхсканцелярии утопало в лучах апрельского солнца. Большое окно, выходящее в сад, было открыто. Из этой вот самой комнаты правители старушки Европы созерцали зеленые кроны прекрасных древних деревьев. Совещательное помещение Гитлера в стенах Рейхсканцелярии являлось тем самым залом, где в 1878 г. заседал Берлинский конгресс Бисмарка, решавший проблему обуздания гегемонии России на Балканском полуострове.

Когда генерал Дитль вошел в это помещение 21 апреля, генерал Йодль уже предложил вниманию Гитлера черновик коммюнике Верховного командования. Надев старомодные очки в никелированной оправе, Гитлер прочитал текст и внес одну или две коррективы. Победы - везде

победы. В Греции немецкие дивизии стремительно продвигались на юг через Лариссу и преследовали в горах отступавших англичан. В Северной Африке полки Роммеля прорвали оборонительные рубежи Тобрука в районе Рас-эль-Мадаур и теперь вели бои на Хальфайском перевале на полпути к Каиру. Тремя днями ранее капитулировала югославская армия. Для захвата этой страны понадобилось всего одиннадцать дней. Исход боев за Грецию был предрешен. Для германского солдата не существовало ничего невозможного.

Гитлер снял очки и поприветствовал генерала Дитля. Фюрер любил простого баварского героя, командира горных стрелков и завоевателя Нарвика. Майор Энгель, адъютант Верховного командования, развернул карту с масштабом 1:1 000 000, на которой изображлся регион Финляндии и Норвегии.

– Надеюсь, подготовка продвигается полным ходом? - спросил Гитлер. Времени у нас осталось совсем немного. - Не дожидаясь ответа, он вновь надел очки, подошел к столу и склонился над картой. Уверенно, так, точно всю жизнь только и делал, что планировал крупные военные операции, фюрер начал излагать: - Мурманск наиболее опасный центр развертывания русских войск на Крайнем Севере. Порт и железнодорожная линия обладают значительной пропускной способностью, а город и аэродром, по всей вероятности, контролируются крупными воинскими контингентами. Сталину потребуется совсем немного времени для переброски в район Мурманска дополнительных дивизий и последующей атаки в западном направлении. Не для этого ли Мурманск рос и ширился? В тысяча девятьсот двадцатом году это был поселок с населением в две тысячи шестьсот человек, а сегодня там проживают сто тысяч. Наша воздушная разведка выявила огромные железнодорожные сооружения, гигантские причалы, заводы, подъездные пути - короче, современный укрепленный центр, грозный опорный пункт на малонаселенной территории у Северного Ледовитого океана. - Гитлер перешел непосредственно к делу. Он поместил указательный палец правой руки на точку, обозначающую Мурманск, а указательный палец левой - на Петсамо. - Расстояние до никелевых рудников всего сто километров. - Он ткнул в другую точку на карте. - А от Петсамо до Киркенеса на Варангер-фиорде - всего пятьдесят километров. Выход русских в этот район будет означать катастрофу. Мы не только лишимся никеля, имеющего неопределимое значение для нашей металлургической промышленности, по всей нашей Восточной кампании будет нанесен мощный стратегический удар. Русские окажутся на северной дороге - важнейшей магистрали Северной Финляндии. Она ведет в глубокий тыл фронта финских войск, прямо к шведскому черному ходу. Русские на Варангер-фиорде создадут огромную угрозу для наших портов на севере Норвегии и на Северном Ледовитом океане вообще. - Гитлер выпрямился, снял очки и посмотрел на Дитля. - Все зависит от вашего горнострелкового корпуса, Дитль. Нам нужно устранить угрозу в самом начале Восточной кампании. Не ждать, но атаковать. Вы должны пройти эти смешные сто километров от Петсамо до Мурманска с вашими горными стрелками и положить конец угрозе.

"Смешные 100 километров" - именно так сказал Гитлер, в чем нет никаких сомнений. Но кто посмеет упрекнуть его за оптимизм, принимая во внимание коммюнике Верховного командования, которое он только что подписал?

Генерал Эдуард Дитль не впервые поразился тому, с какой четкостью бывший обер-ефрейтор мог вникать в суть аспектов большой стратегии и обрисовывать оперативные задачи. Однако счастья генералу подобные открытия не добавляли. 100 километров от Петсамо до Мурманска для него отнюдь не выглядели смешными километрами, и он со свойственной ему прямоотой высказал Гитлеру свои соображения. Шаг за шагом он провел его по путям, которыми последние месяцы ходил сам с офицерами своего штаба.

– Мой фюрер, - проговорил он с подкупающе простым выражением, местность в тундре, где расположен Мурманск, и по сей день такая, какой ее сотворил Создатель. Там нет ни дерева,

ни кустика, ни человеческого жилья. Нет дорог и даже троп. Нет ничего - только камни и пустота. Там полно озер, ручьев и быстрых речек. Летом тундра превращается в болото, а зимой ее покрывают снега и льды, а температура там сорок и даже пятьдесят градусов ниже нуля. Восемь месяцев там стоит полярная ночь, завывают вьюги, дуют пронизывающие насквозь ветры. Эти сто километров тундры, опоясывающие Мурманск точно защитное бронирование, есть одна большая пустыня. Никто прежде не воевал в тундре, поскольку голая каменистая пустыня непригодна для развертывания в ней войск. Если, конечно, не проложить в ней дороги или хотя бы гужевые тропы, чтобы там могли пройти люди и - что еще важнее вьючные животные. Но если мне придется делать это только теми силами, которыми я располагаю, все труды лягут на плечи боевых частей, не говоря уж о том, что две мои горные дивизии недостаточно хорошо экипированы для решения данного рода задач. Самое первое, что узнают мои солдаты и офицеры, это выражение "экономия снаряжения". У нас мало тягачей, мало мулов, у нас не хватает подвижной артиллерии, а в состав каждой из дивизий входит всего по два полка.

Любого, кто осмеливался говорить в подобной манере с Гитлером, не ждало ничего хорошего. Но Дитль мог себе это позволить. Он приводил веские аргументы, трезвые доводы, в нем не чувствовалось ни тени зазнайства, а речь свою он перемежал баварскими словечками и поговорками. Цель командира горных стрелков - об этом Дитль не раз и не два говорил со своим великолепным начальником штаба, подполковником фон Ле Сюиром, - заключалась в том, чтобы заставить Гитлера отказаться от наступления на город-крепость Мурманск и убедить фюрера вместо этого отдать предпочтение обороне стратегически и экономически значимого Петсамо. По мнению Дитля, Мурманскую железную дорогу следовало перерезать гораздо южнее, в районе, где местность более подходила для проведения боевых операций.

— Очень даже может оказаться так, что русские атакуют, - продолжал Дитль излагать свои соображения, двигая пальцем по карте от Мурманска к Петсамо. - Им это проще, чем нам. База снабжения у них находится близко в тылу, а железная дорога идет прямо к полосе ведения боевых действий, в то время как нам придется везти каждый снаряд, каждую буханку хлеба, каждую охапку сена и каждый мешок овса за тридевять земель по Балтийскому морю из Гамбурга и других портов через Киркенес или из Рованиеми шестисоткилометровым маршрутом, пролегающим через Северный Ледовитый океан к Петсамо, а оттуда сначала на грузовиках, потом на телегах, а потом на мулах и, наконец, на спинах людей. И даже если мы где-то и перережем железную дорогу, то нам от этого в результате будет ничуть не лучше, чем русским.

Доводы Дитля произвели на Гитлера глубокое впечатление. Он вдруг увидел, что устранение угрозы со стороны Мурманска необязательно сопряжено с лобовой атакой. Перерезать 1350-километровую железнодорожную магистраль, а значит, лишить город его "дороги жизни" можно в любом месте. Таким образом все, что будет доставлено в Мурманск, там и останется, и прекрасный незамерзающий порт потеряет свое значение.

— Оставьте мне ваши выкладки, - задумчиво проговорил Гитлер. - Я все обдумую.

Когда генерал Дитль уходил от фюрера, вопрос оставался открытым. Исполненный надежд, командир горных стрелков рассказал о результатах беседы своему штабу.

Через три недели, 7 мая 1941 г., решение Гитлера прибыло в корпус с курьером через штаб командующего армией в Норвегии генерал-полковника фон Фалькенхорста. Фюрер избрал скверный компромисс. Он приказал армии в Норвегии, на которую теперь возлагалась ответственность за ведение боевых операций на севере Финляндии, нанести удар по Мурманской железной дороге в трех точках. Горнострелковому корпусу Дитля предстояло силами своих двух дивизий выступить из Петсамо на город и порт Мурманск, двум пехотным

дивизиям 36-го корпуса одновременно наступать через Салла в направлении Кандалакши, примерно в 350 км южнее, чтобы там перерезать железнодорожную линию. И наконец, еще 150 км южнее финский 3-й корпус, также силами двух дивизий, должен был атаковать через Кестеньгу на Лоухи и перерезать линию там. На трех разных участках развертывалось в общем и целом шесть дивизий.

Главная задача отводилась австрийским 2 и 3-й горнострелковым дивизиям Дитля. В день начала кампании им надлежало выйти из Киркенеса с территории Норвегии, пересечь финскую границу и занять район Петсамо. Через семь дней должна была начаться операция "Чернобурая лисица" - атака через тундру на порт и город Мурманск.

Неизвестно, кто убедил Гитлера отставить веские аргументы Дитля. Единственное, чего добился баварский герой, так это переброски в район боевых действий своего корпуса двенадцати весьма эффективных и способных хорошо работать подразделений Службы труда рейха, а именно групп K363 и K376 под началом Везеля. Курьер, доставивший 7 мая Дитлю приказ Гитлера, снабдил генерала необходимыми картами. На них обстановка представлялась иной - не столь сложной. Только на сравнительно небольшом приграничном участке района боевых действий отсутствовали дороги и торные тропы. А дальше, уже через несколько километров они появлялись: одна шла от моста через пограничную реку Титовка к р. Лица, а другая - южнее от озера Чапр к Мотовскому. Оттуда еще одна дорога вела на север к Западной Лице. Все эти пути имели связь с главной дорогой, ведущей на Мурманск. Так дела выглядели более обнадеживающе.

Было 22 июня, 02.00, но окутанное легкой дымкой солнце висело над горизонтом словно очень большая бледная полная луна. По 2000-километровой линии, проходившей по всему континенту от Балтийского до Черного моря, 3 000 000 солдат напряженно ожидали приказа о начале великой войны. Но на самом севере, недалеко от Мурманска, под полуночным солнцем сохранение фактора внезапности с самого начала представляло собой проблему. Между исходными позициями немцев в Норвегии и советской границей пролегла финская территория. В Петсамо, однако, находилась резиденция советского консула. Он мог засечь подготовку к войне накануне 22 июня и послать тревожный сигнал в Москву. Под угрозой утраты тогда оказался бы фактор внезапности всей операции "Барбаросса".

По этой причине, по договоренности с финской стороной, военнослужащие одной саперной роты малыми группами в гражданской одежде пересекли территорию Финляндии в ночь с 20 на 21 июня, чтобы подготовить переправу через реку Петсамо.

Внешне финны вели себя самым правильным образом. Финские пограничники с бюрократической точностью выждали, когда стрелки на их часах покажут 02.31 по восточному времени. Все в порядке: война против России началась минуту назад. Шлагбаум открылся. Солдаты из Штирии, Тироля и Зальцбурга поднялись и устремились вперед к завоеванию города за Полярным кругом.

К 24 июня немцы провели рекогносцировку местности вплоть до самой границы. Местные финские проводники провели немцев через скалы и валуны, мимо сверкающего красного гранита через ручьи и речки и снежные сугробы.

Первым крупным препятствием стала Титовка - холодная как лед горная река. Около ее устья, на восточном берегу, неподалеку от одноименного городка разбили лагерь части пограничного полка НКВД. Финские разведчики установили наличие там взлетно-посадочной полосы.

Отдельную проблему представлял полуостров Рыбачий. Никто не знал, есть ли на нем крупные части противника. Генерал-майор Шлеммер получил приказ перерезать полуостров в его узкой горловине силами частей 2-й горнострелковой дивизии, чтобы обеспечить прикрытие

фланга корпуса на случай внезапного нападения противника. Одновременно батальонам 136-го горнострелкового полка предписывалось занять мост через Титовку неподалеку от места впадения реки в фиорд.

Сначала все шло хорошо. 136-й полк блокировал Рыбачий. Войска захватили мост и перешли через реку. Военный лагерь и аэродром немцы нашли покинутыми. Батальоны 137-го горнострелкового полка столкнулись, однако, с трудностями. Им пришлось иметь дело с хорошо подготовленными рубежами обороны противника вдоль границы. К счастью для немцев, спустился туман. Хотя он не позволял вступить в дело немецкой артиллерии и пикирующим бомбардировщикам "Штуки", поддержав пехотинцев в атаке на доты, в то же время он давал возможность солдатам продвигаться через вражеские позиции без особых потерь. Пехота обошла доты, оставив уничтожение их защитников "Штуки" и батареям ПВО.

Противодействие сибирских и монгольских защитников дотов стало предвестником того сопротивления, с которым нападавшим предстояло столкнуться и позднее. Оборонявшиеся не хотели уступать ни пяди земли. Даже огнеметы не могли принудить их к сдаче. Они дрались, пока были живы, пока не погибали от пуль, ножей, лопаток и прикладов или не сгорали заживо. В плен удалось взять всего около сотни человек.

Советская авиация особой активности не проявляла. Русские даже после 22 июня не потрудились спрятать или замаскировать сотню своих "ишачков" и "чаек" на двух аэродромах под Мурманском. В результате налета эскадрильи немецких бомбардировщиков на эти летные поля большинство советских истребителей так и сгорело на земле.

Вечером 30 июня передовые части 2-й горнострелковой дивизии генерал-майора Шлеммера вышли к реке Лица. Полки 3-й горнострелковой дивизии генерал-майора Крейзинга упорно продвигались в районе позади озера Чапр в поисках указанной на карте дороги к Мотовскому. Если все пошло правильно, они должны были вот-вот соединиться с 1-й ротой из 40-го танкового батальона специального назначения под командованием майора фон Бурстина. Эта часть, укомплектованная за счет трофейных французских танков, продвигалась к Мурманску по новой русской дороге.

Но все пошло не так, как предполагалось. Для начала никто не мог отыскать и следа дороги. Наступил волнующий момент, забегали связные. Сообщили в штаб корпуса. Люфтваффе получили приказ вмешаться и помочь горным стрелкам найти дорогу. Затем воздушная разведка подтвердила неприятный факт: дорога на Мотовский отсутствует - нет даже проселка или тропы, где могли бы пройти хотя бы вьючные животные. Вскоре после этого во 2-й горнострелковой дивизии тоже сделали мало обнадеживающее открытие дороги от Титовки к Западной Лице не было, как не было и дороги оттуда к Мотовскому.

Картографы-аналитики в Верховном командовании Вермахта приняли за основу условные обозначения, применяемые ими в Центральной Европе: они посчитали прерывистые двойные линии на русских картах за проселки. Фактически же так обозначались телеграфные линии и приблизительные маршруты движения кочевавших зимой по тундре лопарей.

На сем оригинальный план применения 3-й горнострелковой дивизии подошел к концу. Наступать без дороги она не могла. Конечно, в случае необходимости она могла бы углубиться по бездорожью километров на 10-15, но долго бы продержаться там не смогла, не говоря уже о дальнейшем продвижении - пришлось бы прокладывать хотя бы гужевые тропы для подвоза всего самого необходимого на телегах.

Поэтому приходилось перегруппировываться. Без отдыха молодые парни из Службы труда, совсем еще мальчишки, строили пути для повозок и вьючных животных.

3 июля 1-й батальон 137-го горнострелкового полка вышел к рыбацкому поселку Западная Лица, расположенному немного выше устья на западном берегу реки Лица. Стрелки

переправились через нее на надувных лодках. Они вошли в брошенный военный лагерь, где обнаружили выпеченный хлеб, крупу, махорку и - что уж совсем неожиданно - 150 грузовиков. Последняя находка вызвала удивление - если есть грузовики, то должна быть где-то рядом и дорога. Тут удивление сменилось радостью. По долине пролегла прекрасная современная дорога - дорога на Мурманск.

Возбужденные стрелки ожидали прибытия грузов, боеприпасов и подхода артиллерии. Наконец 6 июля на широком фронте была развернута атака через Лицу. Солдаты 3-й горнострелковой дивизии форсировали водную преграду в надувных резиновых лодках. Саперы из 83-го инженерного батальона подполковника Клятта без устали налегали на весла. То и дело им приходилось братья за карабины и отражать нападения русских. Советская артиллерия принялась обстреливать переправу. Но что еще хуже, в дело вступили самолеты штурмовой авиации. Люфтваффе в операции не участвовали. Эскадрильи 5-го воздушного флота были переброшены на другой участок - на поддержку второго клина наступления через Салла на Мурманскую железную дорогу в 400 километрах южнее.

Дорога на Мурманск находилась от солдат 138-го горнострелкового полка на расстоянии протянутой руки. Будь у них десяток "Штук", десяток танков и несколько тяжелых орудий, они бы сумели прорвать советский заслон. Но в отсутствие необходимой поддержки им это не удалось. Их победила местность орудия на гужевой тяге не смогли подтянуться им на помощь. Две батареи горной артиллерии, сумевшие все же выдвинуться на передовую, имели всего где-то сорок выстрелов. Организовать пехотную поддержку тоже не представлялось возможным. Две трети дивизии приходилось задействовать на обеспечение снабжения, оставляя на выполнение боевых задач только одну треть. Русские же со своей стороны доставляли пополнения длинными колоннами грузовиков прямо на поле боя. Батальон за батальоном выпрыгивал из кузовов и развертывался для контратак против рвавшихся к дороге немцев.

В этот и без того сложный момент в штаб корпуса Дитля в Титовке пришли другие тревожные новости: русские использовали морские части для высадки трех батальонов в заливе Лица, чтобы ударить во фланг и в тыл 2-й горнострелковой дивизии. Десант удалось отразить, но лишь ценой ослабления и так уже растянутых горнострелковых полков генерал-майора Крейзинга.

Но солдаты из Штирии и Каринтии не думали уступать неприятелю. Фланговая атака против господствующих высот должна была обеспечить им пространство для развертывания. Таким *tour de force* Дитль хотел получить доступ к дороге. Тем временем немецкой 6-й флотилии миноносцев капитан II ранга Шульце-Гинрихса предстояло сдерживать противника в бухте Лицы. Это был великолепный план. Из штаба корпуса в полки отправились детально разработанные приказы. Тот, что предназначался 136-му полку, доставлял мотоциклист, который, заблудившись среди скал и валунов, проехал мимо полкового штаба. Немецкий часовой окрикнул мотоциклиста, затем закричал во все горло и, наконец, выстрелил из винтовки в воздух. Но рев двигателя заглушал все звуки. Так мотоциклист и ехал со скоростью десять километров в час вперед, пока не оказался перед позициями русских. Сообразив, что случилось, он резко развернул машину. Один из русских выстрелил. Пуля попала в связного. Трое красноармейцев поволокли его в советский блиндаж. Немцы немедленно бросились на выручку мотоциклисту, но было поздно. Так план наступления оказался в руках русских.

13 июля Дитль попробовал применить другой. Немцы сумели вклиниться в советские позиции, но прорыва не получилось. Противник не ушел с хорошо укрепленных господствующих высот 322 и 321,9 около "Длинного озера". Эти окаянные пригорки не достигали в высоту и трехсот метров, но овладеть ими немцам не удавалось. Им недоставало артиллерии и пикирующих бомбардировщиков, не хватало резервов.

Личный состав штаба, частей Службы труда и проводники мулов работали без отдыха и практически даже без сна. Чтобы доставить одного раненого на тыловой перевязочный пункт, требовалось две группы из четырех человек каждая, поскольку нести его приходилось до десяти часов. Подобным образом использовались целые батальоны.

Вечером 17 июля Дитль с тяжелым сердцем принял решение приостановить наступление и перейти к обороне. До Мурманска оставалось 45 километров. Сегодня историк, возможно, удивится и не поверит: почему кто-то вознамерился сделать голыми руками то, для чего требовался паровой молот? В конце концов, Дитль нарисовал Гитлеру вполне четкую картину. Сам же Гитлер так горячо и убедительно говорил о важности Мурманска. Почему же тогда операция проводилась с недостаточными для ее осуществления силами? Зачем понадобилось атаковать на трех отдельных участках фронта силами двух дивизий на каждом и почему авиацию перебрасывали то туда, то сюда вместо того, чтобы применить все силы сосредоточенно в одной точке?

Ответ на этот вопрос таков: финны ошиблись в расчетах и дали немцам скверные советы. Верховное командование генерал-фельдмаршала Маннергейма заявляло, что, ввиду особенностей местности, на Лапландском фронте невозможно развернуть и снабжать всем необходимым более двух дивизий одновременно. Вот вам и причина, почему по плану Гитлера надо было атаковать на трех участках по две дивизии на каждом. Но в результате ни на одном из них не удалось осуществить заметного продвижения.

Две дивизии 36-го корпуса под командованием генерала кавалерии Файге - 169-я пехотная дивизия и боевая группа СС "Север", - которые 1 июля развернули наступление в 400 километрах южнее Дитля с целью выхода к Мурманской железной дороге в районе Кандалакши, проследовав через Салла, дошли до Алакуртти, что в 35 километрах от заданной точки. Но тут стало не хватать численности, и продвижение остановилось.

6 и 3-я дивизии финского 3-го корпуса генерал-майора Сииласвуо аналогичным образом не смогли пробиться дальше Ухты и Кестеньги и увязли в 70 километрах от железнодорожного полотна.

Финны оказались плохими советчиками для немцев. Их соображения основывались на возможностях их армии и их снаряжения. Но в ретроспективе становится очевидным, что можно было бы действовать, собрав все силы в кулак на одном направлении, наступать на сам Мурманск или - что лучше атаковать из Салла в направлении Кандалакши (в последнем случае в распоряжении наступающих находилась бы железнодорожная линия из Рованиеми к линии фронта). Естественно, такая операция, осуществляемая силами от четырех до шести дивизий, потребовала бы революционных методик снабжения, вероятно, поставок атакующим всего необходимого по воздуху, а также широкого применения труда дорожных строителей и соответствующей техники.

Но германское Верховное командование не могло или не хотело осуществлять операцию на столь высоком уровне напряжения сил. Оно - хотя, может, и не вполне ясно - представляло себе всю важность объекта, но тем не менее рассматривало ТВД на Крайнем Севере как второстепенный. Что же до "смешных 100 километров", то для их покорения считалось достаточным героизма ударных войск и мастерства выдающегося командира.

Верховное командование не хотело признать того факта, что действовать в арктической тундре так, как оно планировало, просто невозможно. Поэтому немецкие части ждала вторая попытка. 8 сентября, когда танковые дивизии генерала Гёпнера стремились к Ленинграду, а группа Гудериана поворачивала на юг для разгрома запертых в Киевском котле окруженных советских войск, горные стрелки Дитля опять взяли в руки поводья мулов, погрузили на них ящики с боеприпасами, подставили плечи под горные орудия, с тем чтобы вновь покорять

тундру, сражаться с советскими войсками и наступать на Мурманск.

К тому моменту стало очевидным, что, вдобавок к имевшимся у них на фронте 14 и 52-й стрелковым дивизиям, русские подтянули туда и другие ударные части. Вместе с тем горнострелковый корпус получил в качестве пополнений два полка - 9-й пехотный полк СС "Мертвая голова" и 388-й пехотный полк. Ни тот ни другой не имели опыта ведения боевых действий в условиях гористой местности.

Случилось то, что и должно было случиться. Блестяще разработанный фланговый маневр после многообещающего начала увяз перед последним рубежом советской обороны в лабиринте озер и болот на подступах к Мурманску.

Беспрерывно проносились над головами немецких солдат пикировщики "Штука", сбрасывавшие бомбы на позиции русских. Части 3-й горнострелковой дивизии вышли к новой дороге на Мурманск. На левом фланге полки 2-й горнострелковой дивизии выбили советский 58-й стрелковый полк с господствующих высот в районе "Длинного озера". Затем началась череда советских контратак, подпитывавшихся из близко расположенных баз. Сибиряки атаковали снова и снова. Они прятались за валунами, неожиданно появлялись из пещер и расщелин в скалах. Они падали под огнем немцев, но неизменно приходили снова. На каждый шаг, каждый метр продвижения уходили часы, и за все приходилось платить высокой ценой - потери росли.

19 сентября полкам Дитля пришлось отойти на другой берег Лицы - этой судьбоносной реки в полярной тундре. Третья попытка прорыва тоже провалилась. Треклятая река уже стоила немцам 2211 погибших, 7854 раненых и 425 пропавших без вести.

В то время как под палящим солнцем из Киевского котла непрерывным потоком шли на запад 665 000 советских военнопленных, в Мурманске 23 сентября выпал первый снег. Начиналась северная зима с ее беспросветной мглой и ледяным холодом Арктики. До Мурманска оставалось всего каких-то 50 километров - в условиях полярной зимы это расстояние становилось значительным. Так что же, несмотря ни на что, больше и пробовать не стоило?

День ото дня значение Мурманска все возрастало. Краны на пирсах не ржавели в бездействии. Повсюду виднелись суда с британскими и американскими названиями. Поступление западной помощи набирало обороты. И поскольку Архангельский порт в ноябре замерзал, грузы и вооружение для отчаянно сражавшихся под Москвой и Ленинградом войск приходилось доставлять через Мурманск. Все необходимое текло и текло непрерывным потоком, и поток этот лишь становился все более широким и все более полноводным, чтобы в конечном итоге решить исход войны между немцами и русскими.

Вот только несколько цифр, которые доказывают верность последнего замечания. В течение первого года выполнения программы помощи Советскому Союзу лишь северным путем - т.е. через Мурманск и Архангельск - в Россию девятнадцатью конvoями поступило:

3052 самолетов - Германия вступала в войну на Востоке с 1830 самолетами;

4048 танков - немецкие войска по состоянию на 22 июня 1941 г. располагали 3580 единицами боевых бронированных машин;

520 000 автомобилей различных типов - Германия начинала кампанию с 600 000 единиц.

Путь через Северный Ледовитый океан становился все более и более опасным для немцев. Разве нельзя было перекрыть его? 2. Битва в полярной ночи От Афин до Лапландии - 1400 коней обречены на смерть - Река Петсамойоки - Кризис со снабжением - Кошмарное путешествие по дороге к Северному Ледовитому океану - Советская 10-я стрелковая дивизия празднует годовщину Октябрьской революции - Юбилейная атака - Бои на гранатовой скале - Конвой PQ 17 - Советская 155-я стрелковая дивизия гибнет от мороза - Фронт на Крайнем Севере вмерзает в лед.

– Будь проклят снег! Будь проклята вся эта страна!

Крики людей тонули в завываниях вьюги, ветер уносил их в никуда. Видимость не превышала десяти шагов. Уже двадцать четыре часа метель кружила над тундрой в снежных водоворотах мелкие колючие снежинки, превращая серый, больше похожий на ночь полярный день в сумерки ледяной преисподней. Холодный ветер пронизывал насквозь, колот иголками в глаза, словно бы стараясь через них пробраться в самые мозги.

Ганс Ридерер споткнулся. Вещмешок съехал на затылок. Вьюга смеялась над ним?

Длинной вереницей в шеренгу по одному они пробивались через вертящуюся снежную крупу. Такая же крупа лежала под ногами. Она не утаптывалась под подошвами сапог, и ноги скользили. Вдруг словно призрак впереди колонны вырос укутанный в сто одежек часовой. Он направил роту вправо по небольшой тропе, отходившей в сторону от дороги к Северному Ледовитому океану.

Теперь обер-лейтенант Айхгорн мог различить очертания моста через Петсамойоки - моста, который вел на передовую, в тундру, к тому участку, куда направлялась рота.

– Взять правее! - закричал лейтенант идущим следом за ним бойцам. Приказ прошел по шеренге. Длинная колонна подалась вправо к краю дороги у пандуса моста.

С противоположного берега шла другая шеренга закутанных до кончиков носов людей. Они клонились на ходу вперед, сгибаясь под тяжелой поклажей.

– Вы кто такие? - долетел сквозь вьюгу вопрос.

– Шестая горнострелковая дивизия, идем вам на смену, - отозвались солдаты Айхгорна. Некоторые из тех, кто проходил по мосту, устало приветствовали их взмахами рук.

– Вы не из Греции?

– Да.

– Ну и повезло же вам. Хорошенькая замена!

Они шли дальше. Обрывки ругательств тонули в шуме вьюги. Словно привидения проходили мимо роты Айхгорна бредущие с передовой солдаты. Вот протащились четверо ходячих раненых, через повязки на их головах и лицах проступала запекшаяся кровь, руки покрывали толстые слои бинтов. За ними шестеро человек волокли олени санки. На них лежало что-то завернутое в брезент.

Они остановились и принялись хлопывать себя.

– Так вы из Шестой?

– Да. А вы?

– Сто тридцать восьмой стрелковый полк. - Это означало - часть из состава 3-й горнострелковой дивизии.

Ефрейтор перед санями заметил офицерские погоны на шинели Айхгорна. Он взял под козырек и отдал приказ своим:

– Пошли!

Они пошли. На санях, завернутый в кусок брезента, лежал их лейтенант. Его убили пять дней назад.

"Он заслужил нормальной могилы, - сказал тогда ефрейтор. - Мы не можем оставить его в этой пустыне". Поэтому они унесли его с высоты, на которой окопались, вниз мимо гранитных валунов, мимо пяти чахлах березок к первой елке. Там стояли сани. Они тащили тело командира уже четыре часа. До Парккина, где находилось военное кладбище, им оставалось еще часа два.

Было 9 октября. Днем раньше немцы закончили мост "Принц Евгений" через Петсамойоки. Не успели вбить последний гвоздь, как началась метель, ознаменовавшая приход полярной зимы. Пятьюдесятью часами ранее остановился весь двигавшийся в сторону фронта транспорт. Дорогу к Северному Ледовитому океану перекрыли сугробы, а новые пути, проложенные в

передовом районе, исчезли под толстым слоем снега.

Батальоны 2 и 3-й горнострелковых дивизий на передовой последние десять дней только и делали, что ждали смены, снабжения, боеприпасов и почты, они мечтали о табаке и о бутылочке коньяка.

Но с 28 сентября грузы поступали нерегулярно. Происходило это из-за странного происшествия во второй половине дня 28 сентября, в результате чего оказался полностью разрушенным 100-метровый деревянный мост через Петсамойоки в районе Парккина.

На берег под самым мостом упало несколько советских авиабомб. Через минуту-другую весь берег заходил ходуном, точно движимый рукой гиганта. Осело примерно 3 000 000 кубометров грунта. Пролежавший между рекой и дорогой к Северному Ледовитому океану шельф шириной 500 метров обрушился в долину реки на протяжении 800 метров.

Целые рощицы чахлых березок сползли в реку. Воды Петсамойоки, довольно большой реки, поднялись, вышли из берегов и затопили дорогу к Северному Ледовитому океану.

Массы земли раздавили мост в Парккине, точно спичечный коробок. Телеграфные столбы вдоль дороги исчезли в оползне вместе с проводами. Изменился весь ландшафт.

Но хуже всего то, что нарушилась связь тыла с передовой, находившейся по другую сторону реки. В штаб летели срочные депеши. Офицеры с беспокойством взирали на дорогу к Северному Ледовитому океану - линию жизни для всего фронта.

Что произошло? Что это было? Дьявольские козни русских? Ничего подобного, хотя противник, разумеется, обрадовался. Оползень на Петсамойоки стал следствием любопытного геологического феномена.

Русло реки глубиной от 7 до 9 метров пролегалo в мягкой глинистой почве. Дно Петсамойоки было некогда морским дном и потому состояло из отложений океанского происхождения. Со временем слой почвы под влиянием геологических факторов сдвинулся, а отложения повисли по обеим сторонам реки как глинистый шельф 500-метровой ширины между массивами гранита.

Когда полдюжины 250-килограммовых бомб, сброшенных русскими на мост, одна за другой попали в берег, сцепление мягких грунтов с твердыми утратило свою прочность и образовался огромный провал длиной около 1000 метров. Тут же смежные пласты породы, словно гигантский бульдозер, свалили массы земли в долину реки, глубина которой составляла примерно 7-8, а ширина 50 метров.

Нигде в анналах мировой военной истории не говорится о том, чтобы снабжение целого фронта двух дивизий прерывалось столь курьезным и в то же время драматичным образом. В несколько мгновений от 10 000 до 15 000 человек, равно как и 7000 лошадей и мулов оказались совершенно отрезанными от тыловых коммуникаций.

Генерал-майор Шёрнер немедленно направил все части и личный состав штаба своей 6-й горнострелковой дивизии, уже находившиеся в зоне природного бедствия, для ликвидации его последствий. Чтобы обеспечить скопившейся воде возможность стока, саперы прорыли широкие каналы через массы земли, сползшие в речное русло. За двенадцать часов непрерывной работы с помощью штабистов, водителей транспорта и бойцов спецподразделений они соорудили пешеходный мостик, связавший оба берега. Были созданы колонны носильщиков: сменяемые каждые два часа, группы из ста человек несли продовольствие, фураж, боеприпасы, горючее, стройматериалы и уголь из складов, наскоро оборудованных на западном берегу. Каждый день на передовую перебрасывалось по 150 тонн грузов.

Одновременно саперы 6-й горнострелковой дивизии начали строительство нового моста. Тут, на краю света, даже такая, по сути дела, ординарная вещь, как наведение моста, превращалась в неопишимо сложное и весьма опасное занятие.

Большие брусья для нового моста в Парккина солдатам 91-го горного инженерно-саперного батальона пришлось доставлять с вновь построенной лесопилки, расположенной в 200 километрах. Более легкие доски везли водным путем из Киркенеса в Петсамо. Где-то 25 000 бревен саперы достали со склада пиломатериалов на никелевых рудниках.

Тем временем батальоны 2 и 3-й горнострелковых дивизий находились на передовой без замены и без соответствующего снабжения продовольствием. Как же они могли сражаться? Как можно было в таких условиях зимой удержать передовые позиции? Батальоны, непрерывно сражавшиеся с противником начиная с июня, были измотаны и обескровлены. Люди несли службу на пределе и даже за пределами как физических, так и моральных сил. Поэтому германское Верховное командование с тяжелым сердцем согласилось отвести обе дивизии с передовой и заменить их усиленной 6-й горнострелковой дивизией генерал-майора Шёрнера. На момент принятия решения солдаты Шёрнера из Инсбрука находились в Греции. Весной 1941 г. они прорвали "линию Метакса", сломали сопротивление греков на позициях на горе Олимп, во взаимодействии с венской 2-й танковой дивизией штурмом взяли Лариссу, овладели Афинами и затем сражались на Крите.

И вот этих солдат перебросили с берегов Средиземного моря на Крайний Север, в холодные края, на Лицкий плацдарм. Осенью 1941 г. австрийская горнострелковая дивизия Шёрнера с большей пользой могла бы использоваться под Ленинградом или Москвой. Тот факт, что Гитлер не перебросил ее туда, а отправил в самый дальний закоулок Восточного фронта, доказывает твердую решимость германского командования не сдавать ни сантиметра земли на подступах к Мурманску. На этом участке не могло - не должно было - быть сделано ни шага назад. Постоянно растущая в масштабах американская помощь Советскому Союзу сделала Мурманск не просто важным - жизненно важным для страны городом.

Если в начале войны Гитлер рассматривал захват Мурманска единственно как способ устранить угрозу необходимым для военной промышленности никелевым рудникам и дороге к Северному Ледовитому океану, теперь овладение этим портом и обслуживавшей его железнодорожной линией имело непосредственное влияние на развитие боевых действий и исход войны. Именно поэтому приходилось сохранять завоеванные позиции немецких войск - трамплин для броска к Мурманску.

8 октября - на два дня раньше срока - саперы закончили новый мост в Парккина. Он получил название "Мост принца Евгения", в честь Евгения Савойского и австрийских горных войск, составлявших ядро горнострелкового корпуса генерала Дитля.

Длинные колонны грузовиков на целые недели застряли на дороге к Северному Ледовитому океану. Теперь они могли продолжить движение.

Но какой-то злой рок преследовал немцев на этом участке фронта. Зима пришла на удивление рано, впрочем, как и повсюду на Восточном фронте. Только тут на севере она началась с ужасной полярной вьюги. К вечеру 9 октября все движение в сторону передовой остановилось. Водители, решавшиеся бросить вызов стихии и, несмотря на заносы, отправлявшиеся в путь, находили могилы в огромных сугробах, где задохались от выхлопных газов двигателей. Колонны носильщиков сбивались с пути и замерзали. Даже олени и те не хотели тащить сани в такую погоду. Рота обер-лейтенанта Айхгорна застряла перед мостом.

На передовой задержка с поступлением снабжения имела ужасные последствия. Солдаты голодали, замерзали; из-за нехватки боеприпасов им становилось нечем воевать. Хуже всего приходилось раненым. Недоставало людей, чтобы быстро переправлять их в тыл. Лошади и мулы падали от бескормицы и болезней.

Майор Гесс, интендант горнострелкового корпуса "Норвегия", в своей книге "Фронт на Северном Ледовитом океане, 1941 г." говорит, что особенно плохо обстояло дело с ломовыми

лошадьми в 388-м пехотном полку и в 1-м дивизионе 214-го артиллерийского полка. За несколько недель пало 1400 животных. Из всех маленьких греческих мулов, прибывших на север с дивизией Шёрнера, ни один не пережил ада тундры.

Но, несмотря ни на что, Лицкий рубеж держался. Австрийские горные стрелки выстояли в полярную зиму, ударившую по ним на месяц раньше, чем по войскам под Москвой. И вот наконец явилась смена. Роты 6-й горнострелковой дивизии Шёрнера, высвободившие солдат 2 и 3-й горнострелковых дивизий в конце октября, выдвинулись на позиции на Лицком плацдарме и на Титовке.

Передача столь трудного участка фронта, да еще в самом начале полярной зимы, части, которая только что прибыла с солнечного юга и понятия не имела о том, как вести боевые действия в условиях Крайнего Севера, стала самым рискованным экспериментом за время всей войны.

Длинными колоннами, в шеренгу по одному роты прокладывали себе путь через снега между озерами вверх на гранитное плато. Глубина снега составляла сантиметров тридцать. Температура уже - 10 градусов ниже нуля.

Неподалеку от передовой новички встречали укутанных во все что попало людей - унтер-офицеров, которых специально отрядили проводить вновь прибывших на их позиции. Приглушенные крики, взмахи рук. Осторожно русские всего в нескольких сотнях метрах впереди. Время от времени с их позиций взлетали в небо ракеты, ударили рыхлившие снег пулеметные очереди.

– За мной! - Следуя за унтер-офицерами, взводы, разбиваясь на отделения, отправлялись в разные стороны. И вот уже длинная колонна растворилась во мгле. Куда их вели?

Ефрейтор Зайлер с восемью солдатами из Инсбрука шагал за проводником.

– Куда он нас ведет, черт бы его побрал? - пробормотал Зайлер.

Унтер-офицер проворчал нечто невнятное, а через секунду остановился и произнес:

– Пришли.

Массивный гранитный валун с пулеметом на его вершине. Позади несколько землянок из наваленных камней, пространства между ними заполнены мхом, в качестве крыши - еловые ветки, придавленные камешками поменьше, вместо двери - заледеневший брезент. Все это одновременно и боевые позиции, и зимние квартиры.

Стрелки лишились дара речи. Ни блиндажа, ни дота, ни окопа, ни сплошного рубежа. В землянке человек не мог даже выпрямиться во весь рост, людям приходилось жаться друг к другу. Так выглядела зимняя линия фронта на Лицком плацдарме.

Тут кончалось длинное путешествие. Они пришли из сжигаемых солнцем Афин, от стен Акрополя, с торговых площадей колыбели цивилизации, проехали через всю Европу, проплыли Ботническим заливом, промаршировали по 650-километровой дороге к Северному Ледовитому океану из Рованиеми.

Другие шли к берегу Северной Норвегии на кораблях, когда в море на траверзе Хаммерфеста их засекли британцы и загнали в фьорды. Оттуда они выступили на Киркенес по дороге № 50, прошагав пешком 500 километров. А теперь оказались в тундре на подступах к Мурманску, проглоченными полярной ночью.

Исхудавшие солдаты 2 и 3-й горнострелковых дивизий передали сменившим их позиции, не забыв дать на прощанье несколько дельных советов и немного успокоить.

– Вам конечно же дадут материалы для обустройства жилья и строительства укрытий, - утешали они новичков, затем собирали вещмешки и с огромным облегчением уходили в ночь. Многие из них, особенно батальоны 3-й горнострелковой дивизии, шли тем же длинным путем по дороге к Северному Ледовитому океану на юг к Рованиеми, который проделали их товарищи

из 6-й дивизии, но только в противоположном направлении. Один 139-й горнострелковый полк остался в районе боевых действий горнострелкового корпуса "Норвегия" как армейский резерв. Таким образом, ему не пришлось проделать кошмарного путешествия на юг по дороге к Северному Ледовитому океану, поскольку к тому времени зима по-настоящему вступила в свои права и путь в Южную Лапландию превратился в пытку.

Дорога к Северному Ледовитому океану являла собой дорогу жизни для передовой. Все, кто двигался от фронта, должны были пропускать тех, кто ехал туда. В результате каждый день на юг проходил только один батальон, всегда по строгому расписанию и с определенными стоянками. Все шли пешком, только поклажа - на транспорте. Разобранные на части орудия, пехотное вооружение и боеприпасы следовали за шагавшими по дороге солдатами и конями.

Генерал Клятт, а тогда подполковник Клятт, командовавший 138-м горнострелковым полком, так повествует о путешествии в отчетах 3-й горнострелковой дивизии:

"Когда мы достигли лесов, худшее осталось позади. Теперь каждый день для нас заканчивался ярко пылающим костром. Наступило облегчение и для наших несчастных отощавших животных, первые из которых начали не выдерживать и падать примерно через десять дней. Что мы делали? Собирали ветки, разводили огонь и, подняв, держали над ним коня или мула, пока тот не отогревался и не обретал возможности встать на ноги. Если после этого животное возвращалось на свое место среди других, мы знали - в этот раз мы смогли перехитрить смерть. У нас это получалось довольно часто, но, конечно, не всегда, обычно мы сразу знали, сумеет или нет мы спасти жизнь нашим не наделенным даром речи косматым друзьям".

За Ивалотом начинались первые поселения лопарей, а за ними хутора финских крестьян. Солдаты, возвращавшиеся с полярного фронта, вновь видели играющих детей, олени упряжки, электрический свет в домах и железную дорогу в Рованиеми. Последний переход форсированным маршем, и вот уже виден Ботнический залив. Всё - они дошли. 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, дата, которая после введения в 1918 г. в России григорианского календаря стала приходиться на 7 ноября, отмечали в Москве под гром приближавшейся орудийной канонады немецкого наступления. Советская столица голодала и тряслась от холода. Мародеры наводняли улицы. Без устали заседали особые суды.

Ввиду сложившейся ситуации, 8 и 9 ноября правительство объявило рабочими днями. Только седьмого числа проходили непродолжительные торжества. Традиционный митинг, проводившийся обычно в центре Москвы в канун праздника, пришлось перенести под землю, на станцию метро "Маяковская". С обращением к народу, партии и Красной Армии выступил Сталин. Он выражал уверенность в победе и требовал лояльности и повиновения.

Утром 7 ноября отправлявшиеся на фронт колонны войск проследовали по заснеженной Красной площади мимо Сталина. Сталин стоял на трибуне Мавзолея Ленина - там, где позднее его забальзамированному телу предстояло пролежать семь лет, - и приветствовал армейские части, шагавшие в безмолвии под падавшим снегом. Вокруг площади стояло множество зениток - русские опасались налета немецкой авиации. Но Люфтваффе Геринга не появились.

Примерно в 2500 километрах от Москвы, на закованных в ледяную броню рубежах обороны перед Мурманском, командир советской 10-й стрелковой дивизии вздумал по-своему отметить 24-ю годовщину революции - он решил подарить Сталину победу.

В ночь с 6 на 7 ноября обер-ефрейтор Андреас Бранднер на опорном пункте КЗ приложил ладонь к уху. Восточный ветер доносил отзвуки пения и веселой пирушки. На советских позициях солдаты распевали "Интернационал".

Обер-ефрейтор отправил в роту "особое донесение". Ротный командир позвонил комбату. Солдат на передовой призвали к бдительности - когда русским дают водки, жди беды. Как

узнать, что это, просто праздник или прелюдия к атаке?

К 04.00 немцы знали ответ: русские идут. С криками "Ура!" один полк ударил на К3, а другой на К4. Сибиряки дрались как дьяволы. Они прорвались за линию заградительного артиллерийского огня и закрепились на двух незанятых высотах прямо перед немецкими позициями.

В результате немедленной контратаки немцам удалось выбить противника отовсюду, за исключением конической скалы перед К3. Здесь в течение следующих нескольких недель шла битва саперных лопаток и ручных гранат такого рода бои вообще были характерны для данного участка фронта. Подобные операции напоминают Верден и Долмиты времен Первой мировой войны.

Сибиряки закрепились под прикрытием свисавшего сверху козырька прямо под верхушкой скалы, в "мертвой зоне", всего 10 метрами ниже немцев. Ни стрелковое оружие, ни тем более артиллерия не давали результатов. В сложившейся обстановке единственным эффективным оружием становились ручные гранаты.

Вновь и вновь, точно кошки, сибиряки вскарабкивались на выступ на своей стороне и появлялись прямо перед маленьким немецким опорным пунктом. Они палили из автоматов и бросались на защитников аванпоста. Потом завязывалась рукопашная - в ход шли шанцевый инструмент, приклады и штыки.

И так продолжалось пять дней. Гранитный выступ вскоре получил прозвище "гранатовой скалы". Забираясь на нее с немецкой стороны, чтобы прийти на помощь своим, солдаты 2-го батальона 143-го стрелкового полка с тревогой спрашивали себя: доведется ли мне спуститься на своих ногах или же меня понесут на носилках? За короткий период немцы израсходовали 5000 гранат, а русские оставили перед их позициями 350 убитых.

После этого на Лицком плацдарме наступил период зимней спячки, продолжавшийся до середины декабря 1941 г. Аналогичным образом не происходило ничего выдающегося и на горловине полуострова Рыбачий, где занимали позиции 13 и 14-й пулеметные батальоны, а также роты 388-го пехотного полка 214-й пехотной дивизии. Полярная зима, находившаяся теперь в самом разгаре, не давала возможности воюющим сторонам проводить крупные операции. Всюду лежал глубокий снег, холодные метели мели на скалах и в долинах. Война продолжала "жить" только благодаря дозорам.

Немцы рубили телеграфные столбы и жгли их в буржуйках, которые начали наконец поступать на передовую. Русские платили противнику тем, что напали на часовых и на колонны носильщиков.

21 декабря, за три дня до Сочельника, советское зимнее наступление, всюю бушевавшее на других участках фронта уже в течение полумесяца, началось также и на Крайнем Севере. Советская 10-я стрелковая дивизия, получившая за свою атаку в годовщину Октябрьской революции статус гвардейской, а кроме того, 3 и 12-я морские бригады вновь ударили на К3 и на сей раз также на К4 и К5, находившиеся на участке 143-го стрелкового полка.

Полк той же дивизии, 141-й стрелковый, удерживавший южную часть плацдарма, поначалу атака не задела, вследствие чего его оказалось возможно использовать для ликвидации вражеского прорыва.

Один полк из советской 12-й морской бригады, прорвавшийся через немецкие позиции, подвергся контратаке, начатой в сильный мороз и при ослепляющей метели на высоту 263,5, и был разгромлен находившимся до того в резерве 3-м батальоном 143-го стрелкового полка. Уцелевшие солдаты противника угодили прямо под огонь немецкой артиллерии.

На побережье Северного Ледовитого океана сталинское зимнее наступление не продвинулось ни на шаг. Причиной провала численно превосходящего, прекрасно снаряженного

и подготовленного к ведению боев в условиях морозной зимы противника стали местность и погода, которые становились непреодолимыми препятствиями на пути нападающих и мощным оружием в руках готовых драться до конца обороняющихся.

Но Сталин, точно так же как и Гитлер, не желал считаться с фактами. Опасность, угрожавшая мурманской дороге жизни, казалась кремлевскому вождю слишком грозной. Если бы немцам удалось перерезать ее, они нанесли бы неприятелю фатальный удар.

Поэтому, задействовав все имевшиеся в распоряжении силы, Сталин попытался устранить угрозу и уничтожить немецкий горнострелковый корпус. Никакая цена не казалась ему высокой за обладание Мурманском.

Во время битвы за Киев осенью 1941 г., в ходе самого крупного окружения на Востоке, немецкие армии после нескольких недель боев захватили или уничтожили приблизительно 900 танков, 3000 орудий и от 10 000 до 15 000 автомашин. По результатам последовавших за тем сражений за Вязму и Брянск, где в немецкие котлы угодило огромное количество войск и вооружений противника, советская сторона потеряла 1250 танков. Тогда Гитлер велел руководству СМИ Третьего рейха заявить, что "противник никогда не оправится от нанесенного ему удара".

На деле же поставки американского вооружения за 1942 г. почти полностью покрыли материальные потери Красной Армии. Данный факт наглядно демонстрирует, сколь значительным было воздействие американской помощи на судьбы войны.

Западные страны скоро научились защищать свои конвои от немецких подводных лодок в Северном Ледовитом океане и от немецкой авиации, действовавшей с аэродромов в Северной Норвегии и Северной Финляндии. Мощное военно-морское охранение стало сопровождать огромные конвои из тридцати, сорока и даже более торговых судов прямо в Мурманск или в Белое море. Но они заплатили за уроки высокой ценой - ценой катастрофы, обрушившейся на конвой PQ 17.

В то же самое время этот печальной памяти конвой служил предостережением германскому Верховному командованию о том, в каких колоссальных размерах поступают из Америки в северные порты России военные и прочие грузы. В этом смысле PQ 17 стал важной вехой в войне - причем для обеих сторон.

В начале июля 1942 г. конвой из тридцати трех транспортных судов, двадцать два из которых были американскими, вышел в Северный океан. Почти такое же количество боевых кораблей - крейсеров, эсминцев, корветов, кораблей ПВО, подлодок и минных тральщиков - эскортировали армаду, шедшую сомкнутым строем. Дальнее прикрытие обеспечивал британский флот метрополии силами двух линкоров, одного авианосца, двух крейсеров и четырнадцати миноносцев.

4 июля, когда конвой обогнул остров Яна Майена, чтобы повернуть в Баренцево море, в Британское адмиралтейство в Лондоне поступил срочный сигнал от агента разведки: "Немецкие надводные суда - линкор "Тирпиц", тяжелые крейсера "Адмирал Шеер" и "Хиппер", а также семь эсминцев и три торпедоносца - вышли в море из Альтен-фьорда в Северной Норвегии".

Это означало, что PQ 17 вот-вот подвергнется нападению превосходящих сил противника. Флот метрополии находился слишком далеко, чтобы вовремя прийти в нужную точку. Поэтому эскорт получил указание вести маневры на уклонение от боевого столкновения и приказать конвою рассредоточиться. Грузовым судам предписывалось добираться к пунктам назначения поодиночке.

Это решение стало фатально ошибочным. Немецкий океанский флот, опасаясь авианосцев, вообще не имел намерений атаковать PQ 17, и его корабли вернулись в порт.

Однако рассредоточившиеся суда конвоя, точно овцы, брошенные своими пастухами,

подверглись нападению "волчьих стай" адмирала Дёница, а также эскадрилий бомбардировщиков и торпедоносцев "командующего авиацией в Киркенесе". Драматичное сражение продолжалось несколько дней. В результате двадцать четыре транспорта и спасательных судна пошли на дно. Подлинные масштабы произошедшего становятся понятны, если знать, какие грузы находились в трюмах затонувших кораблей. В список погибшей материальной части входило 3350 автомашин, 430 танков, 210 самолетов и 100 000 тонн прочих грузов. Такие потери нес противник в ходе средних по размаху сражений на окружение, таких, например, как Уманьский котел.

Союзники извлекли урок из случившегося. Никогда больше они не посылали своих конвоев, не обеспечив их по максимуму прикрытием из боевых судов и авианосцев. В результате из 16,5 миллионов тонн снабженческих грузов, отправленных из Америки в Советский Союз, 15 миллионов тонн достигли пунктов назначения - в большинстве своем через Мурманск. В эти 15 000 000 тонн входят 13 000 танков, 135 000 пулеметов, 100 миллионов метров ткани для пошива формы и 11 миллионов пар армейской обуви. Но вернемся к Мурманску. Ближе к концу апреля 1942 г., после длившегося несколько месяцев затишья, генерал-лейтенант Фролов, командующий советскими войсками на Карельском фронте, развернул широкомасштабное наступление силами своей 14-й армии. Наступление замышлялось как решительное, целью которого являлось уничтожение немецкого горнострелкового корпуса, с января 1942 г. находившегося под командованием генерал-лейтенанта Шёрнера. Путем смелых ударов с моря и суши Советы намеревались разгромить 6-ю горнострелковую дивизию, зажав ее в клинья с двух сторон, выйти к Киркенесу и рудникам и занять Северную Финляндию.

Прелюдией наступления стала фронтальная атака советских 10-й гвардейской и 14-й стрелковой дивизий на Лицкий плацдарм. После сосредоточенного огня артиллерии в 03.00 в молочном свете полярной ночи русские атаковали нескончаемыми волнами. Сначала они шли молча, потом загремело "Ура!".

Под разрывами снарядов, ослепленные метелью, снижавшей видимость до 10 метров, австрийские 143 и 141-й стрелковые полки стояли на своих позициях, не сдавая врагу ни пяди земли. Повсюду, где русские, несмотря на пулеметный и ружейный огонь, прорывались на опорные пункты, австрийцы отражали атаку в жестоких рукопашных.

Три дня советские 14 и 10-я дивизии ломались вперед как бешеные, потом их натиск ослабел. Они не продвинулись ни на шаг. Но генерал Фролов не сдавался. У него имелся еще один козырь. 1 мая шесть лыжных бригад, включая знаменитую 31-ю бригаду на оленьих упряжках, обогнули южный фланг линии немецких опорных пунктов и совершили охватный маневр с выходом в тыл 6-й горнострелковой дивизии.

Одновременно доукомплектованная и переформированная советская 12-я морская бригада численностью от 10 000 до 12 000 человек высадилась на западном берегу Мотовского залива. Под прикрытием огня советских торпедных катеров морская пехота прорвала рубеж, обороняемый всего двумя немецкими ротами, и продолжила продвижение к артерии снабжения Парккина-Западная Лица. "Отомстим за 28 декабря" - таков был лозунг русских, и казалось, им вот-вот удастся воплотить в жизнь свое стремление.

Сложилась чрезвычайно критическая ситуация. Генерал Шёрнер лично привел тыловые части и личный состав штаба к угрожаемому пути. Командир с карабином в руках возглавлял своих стрелков, организовывал контратаки и без конца повторял солдатам:

– Держитесь! Держитесь! Нам надо выиграть время!

Получилось. Немцам удалось выиграть время, чтобы им на помощь из Киркенеса перебросили наскоро собранные батальоны 2-й горнострелковой дивизии. 3 мая, перед полночью части 136 и 143-го стрелковых полков вступили в бой.

Тяжелые кровопролитные бои продолжались до 10 мая, когда морской пехоте генерала Фролова пришлось отступить. Советские морские суда в Мотовском заливе эвакуировали уцелевших солдат. Немцы разгромили северный клин наступления противника.

Южный клин с 31-й бригадой на оленьих упряжках в центре столкнулся с линией застав 139-го стрелкового полка по реке Титовка. Опорные пункты, обороняемые закаленными в боях солдатами, прошедшими сражение за Нарвик, держались. Но советские войска просачивались через линию фронта, их части на оленьих упряжках угрожали дороге к Северному Ледовитому океану, аэродромам и никелевыми рудникам.

Шёрнер развернул удачную контратаку. Батальоны 137 и 141-го стрелковых полков вместе со смешанной боевой группой, состоявшей из 112-го разведывательного подразделения и 91-го инженерного батальона, остановили и разгромили врага.

Но в рукаве у советского Верховного Главнокомандования имелась еще одна карта - очень опасная. Однако ему не удалось разыграть ее. Военное счастье улыбнулось Шёрнеру самым чудовищным для противника образом.

Вдоль совершенно не защищенного южного фланга немецкого фронта, в самой безжизненной и труднопроходимой тундре, генерал Фролов развернул советскую 155-ю стрелковую дивизию. По замыслу, ей предстояло нанести немецкому горнострелковому корпусу последний смертельный удар. Но и у русских снабжение работало на пределе возможностей.

155-я дивизия своевременно не получила зимнего снаряжения. Целыми ротами красноармейцы замерзали в тундре. Они лежали погребенные под огромными сугробами на линии своего наступления. Все происходившее с ними напоминало трагедию Наполеона: из 6000 русских солдат и офицеров в район боя вышли только 500 человек. Они были настолько ослаблены, что даже маленькие группы с немецких застав могли справиться с ними.

Так или иначе, несмотря на успешную оборону, результаты кампании на Крайнем Севере выглядели удручающе. Из-за нехватки численности наступление действовавших на трех направлениях германо-финских войск увязло в бескрайней тундре между границей Финляндии и Мурманской железной дорогой.

Продвижение горнострелкового корпуса "Норвегия" остановилось на плацдарме восточнее реки Лица.

36-й армейский корпус генерала Файге сумел овладеть Салла, разгромить советский 46-й корпус и захватить высоты Войтая и Лысяя. Однако на этом наступление его выдохлось.

Финский 3-й корпус генерала Сииласвуо застрял к западу от Ухты на плацдарме восточнее узкой полосы земли между озерами Топозеро и Пыя. Достигнуть главной цели - выйти к Мурманской железной дороге, которая все время находилась рядом, - немцам и их союзникам так и не удалось.

Неизбежно возникает один вопрос: если не удавалось перерезать жизненно важный для России путь от берегов Северного Ледовитого океана к фронтам под Ленинградом и Москвой, почему же тогда все-таки железнодорожные пути, мосты и объекты порта Мурманск не были уничтожены посредством воздушных ударов? Ответ на этот вопрос мы находим в документах командования Люфтваффе, и это показательно для войны на Востоке в целом. Люфтваффе могли достигнуть лишь частичного успеха. Выведение из строя на длительный срок железной дороги или значительное разрушение инженерных объектов и электростанций оказалось невозможным. Почему? Да просто у Люфтваффе не хватало для этого самолетов. 5-му воздушному флоту приходилось расплывать свои силы на Северном фронте, поскольку он оказывался вынужден осуществлять поддержку одновременно слишком многих операций, а потому не мог сосредоточить свои эскадрильи для нанесения одного мощного и концентрированного, способного принести решающий успех удара.

Фронты на Крайнем Севере вмерзли в лед. Овладеть Мурманском, что являлось главной задачей кампании на данном участке, не удалось. А Архангельск, конечная точка в планах войны на Востоке, лежал еще очень и очень далеко.

Часть шестая.

КАВКАЗСКАЯ НЕФТЬ.

Автомобиль генерал-полковника Гальдера выехал из Мауэрского леса в Восточной Пруссии, где в очень хорошо замаскированном месте располагалось ОКХ - Главное командование сухопутных войск, - на дорогу в Растенбург. Весенний ветер ерошил листву вековых буков. Из-за его дуновений поверхность Мауэрского озера покрывалась белыми барашками. Облака, которые он гнал по небу, висели так низко над землей, что казалось, они вот-вот врежутся в камень на холме, где располагалось военное кладбище Лётцен.

Шла вторая половина дня 28 марта 1942 г. Генерал-полковник Гальдер, начальник Главного армейского штаба, держал путь в Ставку Гитлера, в его "Вольфшанце", затерянное в лесах под Растенбургом.

На коленях у дежурного офицера лежал портфель - в тот момент, наверное, самый ценный портфель в мире. В нем находились оперативные планы немецких главных штабов на 1942 г.

Гальдер мысленно вновь и вновь прокручивал свои предложения. Идеи, соображения и пожелания, высказанные Гитлером как главнокомандующим сухопутных войск и верховным главнокомандующим вооруженных сил на ежедневных совещаниях, посвященных обсуждению ситуации, Гальдер тщательно внес в черновые записи. Главной составляющей плана кампании 1942 г. являлась полномасштабная атака на южном участке в направлении Кавказа. Цель состояла в уничтожении русских войск между Донцом и Доном, овладении перевалами через горы Кавказа и, наконец, в захвате огромных нефтяных месторождений Каспия.

Начальника Главного штаба подобный план в восторг отнюдь не приводил. Его терзали сомнения, оправданно ли крупное наступление ввиду потерь, понесенных немцами в ходе зимней кампании. Многие опасные кризисные ситуации, уже разрешившиеся для того, кто прочитал предыдущие главы данной работы, тогда, в конце марта 1942 г., еще служили поводом для беспокойства германского Верховного командования и штаба сухопутных войск. В тот момент еще не завершился разгром армии генерала Власова на Волхове. Граф Брокдорфф-Алефельдт с дивизиями 2-го корпуса все еще находился в Демянском котле. Операция "Мостостроение" началась, но еще оставалась далека от благополучного завершения. Боевая группа Шерера в Холме пока сражалась в окружении.

Даже в районе Дорогобуж-Ельня, всего в 40 км восточнее Смоленска, обстановка в конце марта продолжала быть критической. Советские войска действовали силами 33-й армии, 1-го гвардейского кавалерийского и 4-го воздушно-десантного корпусов. Севернее советские 39-я армия и 11-й кавалерийский корпус продолжали удерживать опасный выступ на линии фронта западнее Сычевки.

Однако то были конечно же не единственные заботы, терзавшие начальника Главного штаба в конце марта. В Крыму Манштейн со своей 11-й армией по-прежнему неподвижно стоял под Севастополем, а в январе русским даже удалось отбить у немцев Керченский полуостров. Но самая критическая ситуация складывалась под Харьковом, где с середины января не утихали тяжелые бои. Советское Верховное Главнокомандование во что бы то ни стало стремилось с помощью двустороннего охвата вырвать Харьков из рук противника. Северный клин охвата застрял в районе Белгорода и Волчанска, но вот южный - советская 57-я армия - сумел прорвать немецкий фронт на Донце по обе стороны от Изюма, в результате чего образовалась брешь

шириной 80 километров. Советские дивизии уже создали плацдарм глубиной 100 километров. Головные атакующие части противника угрожали Днепропетровску, центру снабжения группы армий "Юг". Превратится или нет вклинение Советов в районе Изюма в прорыв дамбы бурной рекой с непредсказуемыми последствиями зависело от того, сумеют ли немцы удержать два краеугольных камня обороны Балаклею и Славянск. Последние несколько недель оба населенных пункта защищали батальоны двух немецких пехотных дивизий, проявляя чудеса подлинного героизма. От результатов этой борьбы зависело будущее всего Южного фронта. Славянск обороняла 257-я пехотная дивизия из Берлина, Балаклею - 44-я пехотная дивизия из Вены.

В жестоких и кровопролитных боях берлинские полки под командованием генерала Сакса, а позднее - полковника Рюхлера разгромили войска противника на южном крае Изюмской излучины. Боевая группа полковника Драббе, командовавшего 457-м пехотным полком, продемонстрировала такое воинское умение, отвагу и самопожертвование в схватках за крохотные деревушки, колхозы и маленькие хутора, что даже в советских оперативных сводках - как правило, скупых на освещение подвигов немецких солдат - говорилось о них с восхищением. Сражение за станицу Черкасскую стало примером такого рода боев. За одиннадцать дней группа Драббе в составе 1000 человек лишилась почти половины личного состава. Около 600 защитников держали круговую оборону по 14-километровому фронту. Количество погибших советских солдат перед позициями немцев в станице достигало 1100 человек. В конце концов русские овладели станицей, но к тому моменту, когда это произошло, в сражении за нее со стороны противника участвовало до пяти полков.

Прежде чем во второй половине дня 28 марта выехать из своей штаб-квартиры и направиться в "Вольфшанце", генерал-полковник Гальдер запросил оперативные сводки 257-й пехотной дивизии, где содержались сведения о битве, полыхавшей уже семьдесят суток. Он хотел, чтобы дивизию упомянули в коммюнике Главного командования: на тот момент ее полки отразили 180 неприятельских атак, и 12 500 убитых красноармейцев осталось лежать перед линией ее обороны. Три советских стрелковых и одна кавалерийская дивизия были серьезно потрепаны и еще четыре стрелковых дивизии и одна танковая бригада понесли значительные потери. Конечно, и потери немцев говорили о степени ожесточенности боев: 652 убитых, 1663 раненых, 1689 обмороженных и 296 пропавших без вести - итого 4300 человек, половина всех потерь дивизии за десять месяцев ведения боевых действий в России. Так обстояли дела под Славянском.

На северной оконечности зоны прорыва на Изюме, в районе Балаклеи, действовала венская 44-я пехотная дивизия, 134-й пехотный полк из состава которой являлся наследником полка "Хох-унд-Дойчмайстер"¹. Дивизия под командованием полковника Дебуа удерживала позиции, проходившие от Андреевки через Балаклею и Яковенково к Волкову Яру - то есть линию протяженностью 100 километров. И на этом 100-километровом фронте атаковал целый советский корпус, пользовавшийся поддержкой бронетехники и батарей реактивной артиллерии.

Здесь тоже боевые группы и их командиры стали душой сопротивления. Подвиги боевой группы полковника Бойе, командира 134-го пехотного полка, действовавшей на жизненно важных участках в районе Яковенково и Волкова Яра, на высоком, продуваемом ледяными ветрами берегу Балаклеи, заслуживают места на страницах, где описаны деяния величайшего героизма, совершенные немцами на Востоке.

Бои шли вокруг деревень и хуторов - иными словами, за места расквартирования солдат. При температуре 50 градусов ниже нуля хата с теплой печкой обеспечивала возможность короткого сна, и обладание ими становилось вопросом жизни и смерти. Немцы дрались за села,

а русские пытались выбить их оттуда, потому что тоже хотели перебраться из утопавших в снегу укреплений, за которыми сосредотачивались для атаки, под крышу, к теплым печам, чтобы получить шанс поспать несколько часов без страха замерзнуть насмерть.

Вновь борьба шла за элементарное выживание. И немцы и русские находились на пределе своих сил. На сей раз интересы солдат в окопах и штабах совпали: и те и другие хотели, чтобы 44-я пехотная дивизия удержала Балаклею и села к северу от нее. Правда, первые нуждались в тепле и крове, а вторыми двигали соображения стратегического характера. Если бы немцы потеряли угловую точку, Балаклею, и высоты, господствующие над дорогой к западу от города, Тимошенко смог бы превратить изюмскую брешь в крупномасштабный прорыв на Харьков.

Но Балаклея держалась, со всем упорством обороняемая 131-м пехотным полком полковника Поппинга. Однако севернее опорный пункт № 5 с находившимся на нем 1-м батальоном 134-го пехотного полка подвергся такому массивному штурму, что удержать позиции стало невозможно. Батальон отражал атаки советских танков до последнего человека. Среди погибших в тех боях был и обер-лейтенант фон Хаммерштайн, племянник бывшего начальника Управления сухопутных войск, фон Хаммерштайн-Экворда. В тех оборонительных батальях участвовало немало молодых офицеров, подобных Хаммерштайну, готовых пожертвовать собой ради других. Вместе с прокопченными дымом сражений бесстрашными старыми унтер-офицерами и обер-ефрейторами они создавали небольшие боевые команды, неизменно проявлявшие чудеса подлинного героизма.

Так, обер-лейтенант Форманн с оставшимися в живых бойцами 2-й роты в жестоком ночном бою разгромил целый советский батальон.

Обер-лейтенант Иордан, командир 13-й роты, сам, лежа перед русскими позициями в районе Яковенкова, ночь за ночью направлял огонь своих пехотных орудий на пулеметные точки противника на холме, уничтожая их одну за другой. И Форманн и Иордан оба нашли свою смерть и могилы в Сталинграде.

Сколь ожесточенными были бои на Балаклеинском участке, можно судить по тому факту, что полковнику Бойе вместе со своим штабом не раз приходилось участвовать в рукопашных схватках, с пистолетами и гранатами в руках отражая атаки русских. В конце концов советский лыжный батальон вышел к крайне важной дороге Балаклея-Яковенково на южном фланге боевой группы и обосновался в огромных скирдах соломы. Бойе бросил последние имевшиеся в его распоряжении резервы, чтобы спасти свою боевую группу от смертельной опасности окружения. Русские словно вгрызлись в землю и не подавались ни на шаг. Даже когда солома запылала от бомб пикирующих бобардировщиков, они стреляли из пушек и оборонялись до последнего.

Что интересно в тех тяжелейших боях, так это то, что решающая роль в них часто принадлежала отдельным личностям. В общем и целом все успешные оборонительные сражения, которые вели немецкие войска зимой и весной 1942 г., выигрывались по большей части благодаря солдатам. В то время немецкий солдат превосходил своего русского противника и опытом, и боевым духом. Уже одним этим фактом можно объяснить поразительные подвиги, совершаемые часто вынужденными полагаться только на самих себя немцами на передовой от Шлиссельбурга до Севастополя, где им повсеместно приходилось иметь дело с численно превосходящим и технически лучше оснащенным противником.

Приводимый далее пример храбрости, хладнокровия и практической смекалки из района жарких схваток под Харьковом вполне и вполне типичен.

В марте 1942 г. 3-я танковая дивизия действовала на данном участке в роли пожарной команды на фронте, где постоянно то там, то тут возникали угрозы прорыва. В районе населенного пункта Непокрытая унтер-офицер Эрвин Дрегер с пятнадцатью солдатами 1-й роты

3-го стрелкового полка удерживал линию протяженностью почти два километра. Это, естественно, оказалось возможным только благодаря особому тактическому подходу Дрегера и стальным нервам его людей - всех как один ветеранов Восточного фронта. Используя трофеи, Дрегер вооружил каждого из них пулеметом, оставив три ствола про запас, просто на всякий случай. В селе и на его окраине, а также на подступах к нему Дрегер приказал сложить большие запасы пулеметных боеприпасов, чтобы стволы могли обслуживаться без привлечения второго номера расчета.

Солдаты Дрегера располагались широкой дугой перед рощицей, откуда русские постоянно разворачивали свои атаки. Это как раз и была та точка, в которой передовые части противника намеревались осуществить прорыв, хотя, конечно, ни Дрегер, ни даже командование 3-й танковой дивизии о том не знали. Советы выбрали дату 17 марта. Ближе к 10.30 русские пошли в атаку силами батальона. Дрегер со своим пулеметом находился по центру - то есть в самой удаленной от противника точке дуги. Русские всё приближались - ни выстрела. Дрегер отдал строгий приказ:

– Не стреляйте, пока я не начну.

Противник находился уже в 50 метрах, когда заговорил "ведущий пулемет" Дрегера. Несмотря на весь свой опыт, бывалые солдаты испытали большое облегчение, услышав сигнал открыть огонь. Поскольку противник нацеливался как раз в середину дуги, немцы действовали своего рода охватом. Под плотным огнем с обоих флангов русский штурм сорвался уже через двадцать минут после начала. В группе Дрегера не погиб никто, в то время как русские понесли тяжелейшие потери.

После получасового затишья русская артиллерия открыла прицельный огонь по выявленным пулеметным точкам немцев. Дрегер и его люди только потешались над этим - надо ли говорить, что они давным-давно уже оставили прежние позиции и заняли новые.

Русские за четырнадцать часов ходили в атаку пять раз. Пять раз батальоны рушились на землю под сосредоточенным огнем пулеметов группы Дрегера. Шестнадцать упорных храбрецов противостояли противнику, превосходившему их численно примерно в сто раз.

Однако через три дня война заставила Дрегера заплатить за победу дорогой ценой. Противник в конце концов вынудил унтер-офицера и его взвод оставить село. Но при 30-градусной температуре и на пронизывающем ветру они нуждались в крыше над головой - в хате, комнате или хотя бы подвале. Дрегер решил отбить колхоз у противника неожиданным ударом. Командира скосила автоматная очередь. Солдаты оттащили его за скирду соломы. Дрегер постукивал леденевшими пальцами одной руки о пальцы другой, словно желая согреть их. Делая так, он вслушивался в холодный мрак ночи. И вдруг этот обычно не склонный к каким-то жестам и тем более к громким фразам человек сказал своим товарищам:

– Слышите? Это смерть стучится в двери.

С этими словами он и умер. Генерал-полковник Гальдер не знал о том, что случилось с унтер-офицером Дрегером, но 28 марта он внимательно изучил оперативную сводку, отправленную штабом 44-й пехотной дивизии из района боев под Балаклеей.

13 февраля он передал документы Йодлю для включения в коммюнике Главного командования. Четырнадцатого числа венцев упомянули впервые. С тех пор прошло шесть недель. В общем и целом советское наступление истощило силы и обломалось об удивительную стойкость немецких солдат на ключевых точках обороны в Изюмской излучине. Но даже и при оптимизме и уверенности, что кризис этот, как и другие, будет преодолен, все же остается резонный вопрос: не лучше ли было бы сделать паузу на всем Восточном фронте, включая и участок группы армий "Юг", и пусть бы русские атаквали, изматывая себя, разбивая лбы о немецкую оборону и постепенно истощая свои резервы?

Этот вопрос Гальдер вновь и вновь задавал себе и своим офицерам в ходе подготовки планов кампании 1942 г.

Но начальник оперативного управления генерал-майор Гейзенгер возражал, что подобный подход повлечет за собой утрату инициативы и соответственно потерю непредсказуемого количества времени. Время же играло на руку противнику. Если немцы хотели сломить его волю, поставить врага на колени, то должны были поспешить и сделать это как можно скорее.

Гальдер с подобным доводом согласился, но, по его мнению, главный удар нового наступления следовало вновь нацелить в сердце Советского Союза - на Москву.

Однако как раз именно против этого Гитлер и возражал, причем категорически. Он, похоже, побаивался Москвы. Теперь, после всего случившегося на Центральном фронте, ему хотелось предпринять нечто совершенно новое - поискать решения на юге, лишить Сталина кавказской нефти и нанести удар по Персии. Определенная роль в этом плане отводилась Африканской армии Роммеля. "Лису пустыни", который готовился развернуть наступление из Киренаики против британцев в Газале и Тобруке - сердца обороны англичан в Северной Африке, - предстояло затем через Египет и Арабскую пустыню выйти к Персидскому заливу. Таким образом был бы перерезан единственный сухопутный мост между Британией и Россией и перекрыт наикрупнейший канал поступления американской помощи в СССР после Мурманска. Более того, кроме русской нефти немцам в данном случае достались бы и куда более богатые арабские нефтяные месторождения. Марса произвели в боги экономической войны.

Автомобиль Гальдера остановился перед заграждением у 1-го подъезда 1-й специальной зоны "Вольфшанце" - Ставки Гитлера. Часовой отдал честь. Шлагбаум поднялся. По узкой асфальтированной дорожке машина въехала в лесной форпост Гитлера. Низкие выкрашенные в защитный цвет бетонные бункеры с плоскими усаженными кустами крышами надежно скрывались среди высоких буков. Засечь постройки было невозможно даже с воздуха. Весь район дислокации ставки окружали плотные кольца колючей проволоки и минных полей. На всех дорогах располагались блокпосты. Короткую железнодорожную ветку вывели из употребления, теперь по ней ходил только дизель с вагоном Геринга, курсировавший от ставки к боевому штабу маршала авиации в Иоганнисбергском лесу возле озера Шпирдинг, что южнее Растенбурга.

Генерал-полковник Йодль как-то заметил, что "Вольфшанце" являл собой некий гибрид концентрационного лагеря и монастыря. Ставка, вне сомнения, была спартанским военным лагерем и отличалась от остальных такого рода объектов тем, что Гитлер, работая до двух, трех и даже четырех утра, превратил в нем ночь в день. Нравилось им это или нет, ближайшим помощникам фюрера приходилось подлаживаться под его ритм жизни.

Гальдер проехал мимо справочно-информационного бюро начальника СМИ рейха. Справа располагалась радиотелефонная станция лагеря, а рядом с ней квартиры Йодля и Кейтеля. На левой стороне дороги находились бункеры Бормана и службы безопасности рейха. На самом дальнем конце леса жил и работал Гитлер в бункере, обнесенном высокой проволочной изгородью. Вместе с восточноевропейской овчаркой Блонди эта проволочная изгородь являлась последним барьером перед отшельничьим гнездом Гитлера в Растенбургском лесу.

На совещание 28 марта Гитлер созвал только представителей самого ближнего круга, только самых главных командиров вооруженных сил - Кейтеля, Йодля и Гальдера вместе с полудюжиной высших офицеров трех родов войск. Одни стояли, другие сидели на высоких деревянных стульях вокруг дубового стола с картой. Гитлер сидел посередине широкой стороны стола, а начальник Главного штаба занимал место с узкой стороны.

Получив слово, Гальдер начал излагать свою схему действий. Она скрывалась за кодовым названием операция "Блау". Изначально предполагалось назвать операцию "Блау" операцией

"Зигфрид", но после того, как император Фридрих Барбаросса подвел его, Гитлер больше не хотел избирать в покровители боевых операций Германии непобедимых мифологических героев¹.

Гитлер постоянно прерывал Гальдера, задавая всевозможные вопросы. Они все время уклонялись от темы, однако через три часа Гитлер в конечном итоге одобрил план в общих чертах. Схема действий выглядела следующим образом: Часть 1. Две группы армий образуют огромные клещи. Северный клин продвигается из района Курск-Харьков к среднему течению Дона на юго-восток, тогда как правый - быстро выдвигается в южном направлении из района Таганрога. Оба клина соединяются западнее Сталинграда, окружая и уничтожая главные силы советских войск между Донцом и Доном. Часть 2. Наступление на Кавказ, 1100-километровая череда гор которого протянулась между Черным и Каспийским морями, а затем выход к нефтяным месторождениям России.

Стоял полдень, когда Гальдер покинул "Вольфшанце" и отправился обратно в Мауэрский лес. Начальник штаба сухопутных войск чувствовал себя утомленным и подавленным, его переполняли сомнения и раздражение из-за всезнайства Гитлера. Но в то же время Гальдер видел, что ему удалось убедить Гитлера принять по меньшей мере практически осуществимый план, в соответствии с которым немецкие войска не бросались бы дивизиями в топку войны, а продвижение осуществлялось бы медленно, поэтапно, от одного хорошо укрепленного форпоста к другому. Если бы замысел удался, Сталин лишился бы всего Кавказа, а заодно с ним Астрахани и устья Волги - иными словами, как сухопутной, так и водной связи с Персией. Таким образом, на юге удалось бы решить задачи, поставленные планом "Барбаросса".

Все, что оставалось, облечь проект в форму коротких и понятных приказов различным родам войск вооруженных сил.

Спустя неделю, 4 апреля 1942 г., генерал-полковник Йодль подал на рассмотрение фюрера проект директивы. Штаб оперативного руководства Вермахтом разрешил проблему в типичной для германских штабистов манере: он начал с краткого обзора обстановки, перечисления отдельных оперативных задач, оставляя значительную свободу действий командующему группой армий "Юг", генерал-фельдмаршалу фон Боку, в том, что касалось практической реализации плана гигантской по масштабам операции. Такого подхода требовали штабные традиции на протяжении 130 лет, начиная с Шарнхорста, Шлиффена и Людендорфа.

Но проект плана операции "Блау", представленный Главным командованием, получил нокдаун уже на старте. В ходе критических ситуаций, возникавших на протяжении прошедшей зимы, Гитлер утратил веру в лояльность генералов. Командующие и командиры корпусов не раз недвусмысленно демонстрировали нежелание подчиняться его приказам. После громкого ухода Браухича Гитлер возложил обязанности главнокомандующего сухопутными войсками на себя, а он не был готов ограничить собственную власть "растяжимыми рамками задач".

Ознакомившись с проектом плана, он не стал подписывать его. План, как заявил фюрер, предоставлял командующему группой армий "Юг" слишком большую свободу действий. Гитлер не собирался отдавать растяжимых приказов.

Он настаивал на подробных указаниях. Он хотел наблюдать ход выполнения операции буквально поминутно и видеть все до мельчайших деталей. Когда Йодль не согласился с ним, Гитлер взял бумаги у него из рук со словами: "Я сам займусь этим делом". На следующий день на десяти машинописных страницах появился результат его трудов - "Директива фюрера № 41 от 5 апреля 1942 г.". Как и план "Барбаросса", или директива № 21, этот новый приказ стал одним из самых судьбоносных документов во время Второй мировой войны. Он представлял собой нечто среднее между боевым приказом, основополагающим решением, регламентом практического выполнения задач и мерами обеспечения безопасности.

Поскольку директива являлась не просто планом громадной военной кампании, но также и детальным графиком событий, приведших в итоге к Сталинграду, - документом, в котором фактически уже закладывались предпосылки поворотного пункта войны, - наиболее важные абзацы из него стоят того, чтобы процитировать их тут.

Уже в преамбуле мы находим смелое заявление: "Зимняя битва в России близится к завершению. Враг понес очень большие потери в живой силе и технике. Стремясь развить то, что казалось на первых порах успехом, он в ходе зимы истратил большинство своих резервов, предназначенных для дальнейших операций".

Исходя из данного тезиса, автор документа продолжал: "Как только позволят погода и условия местности, германское командование и германские войска, имея превосходство над противником, должны вновь захватить инициативу, чтобы диктовать свою волю неприятелю. Цель состоит в том, чтобы уничтожить живую силу, оставшуюся в распоряжении Советов для продолжения сопротивления, и настолько, насколько возможно лишить их жизненно важного военно-экономического потенциала".

И вот как Гитлер предполагал реализовывать план: "Продолжая придерживаться первоначальной главной линии кампании на Востоке, в центре фронта нам надо временно избрать тактику сдерживания... в то же время сосредоточив все имеющиеся в распоряжении силы для проведения главной операции на южном участке, с целью уничтожения противника на Дону, впоследствии овладеть нефтяными месторождениями Кавказского региона и перейти сам Кавказ".

Что же касается детального плана практической реализации кампании, в директиве говорилось: "Задача сухопутных войск и Люфтваффе после окончания периода распутицы - создать условия для выполнения планов главной операции. Это подразумевает очистку от противника и укрепление всего Восточного фронта и тыловых районов. Следующими задачами будет очистка от противника Керченского полуострова в Крыму и взятие Севастополя". Ключевой проблемой в этой крупной операции являлся вытянутый вдоль Дона фланг. Чтобы устранить коренящуюся в этом угрозу, Гитлер принял пагубное решение, которое ускорило сталинградскую катастрофу. Он отдал следующий приказ: "Поскольку Донской фронт в процессе операции будет все более и более растягиваться, позиции на нем займут наши союзники... венгры на самом севере, далее итальянцы и затем ближе всего к юго-востоку румыны".

Довольно большой стратегии и теории. Что же до практического выполнения поставленных задач, кампания начиналась с операции "Охота на дроф" в Крыму. В своей книге "Наиболее важные операции Великой Отечественной войны" советский военный историк полковник П.А.Жилин говорил о ситуации в Крыму весной 1942 г. следующее: "Упорное сопротивление советских войск и Черноморского флота лишило врага стратегических преимуществ и сорвало его расчеты. Немецкая 11-я армия, связанная боями в Крыму, не могла участвовать в наступлении на Волгу и на Кавказ".

И это совершенно верно. Поскольку для Советов было очень важно держать 11-ю армию Манштейна запертой в Крыму, Сталин мобилизовал с этой целью огромные силы.

Три советские армии - 47, 51 и 44-я - всего семнадцать стрелковых и две кавалерийские дивизии, три стрелковые и четыре танковые бригады блокировали 18-километровый Парпачский перешеек - проход из Крыма к Керченскому полуострову. Керчь, в свою очередь, являлась трамплином для прыжка к восточному побережью Черного моря и оттуда к предгорьям Кавказа.

Каждый километр этого жизненно важного перешейка обороняло приблизительно 10 000 человек - по десять человек на метр.

Советские войска занимали позиции за противотанковым рвом шириной 10 и глубиной 5 метров, пролежавшим по всей ширине перешейка. Позади рва тянулись густые проволочные заграждения, лежали обширные минные поля. Противотанковые ежи, сваренные из перекрещенных между собой рельсов, прикрывали подступы к пулеметным гнездам, дотам и орудийным окопам. При том, что с обоих флангов 18-километровый фронт защищала вода, возможность охватного маневра для нападающих отсутствовала.

– И что же, господин генерал-полковник, нам здесь придется наступать? - спросил Манштейна его водитель и доверенное лицо, Фриц Нагель, посмотрев в оптический прибор на наблюдательном пункте 114-го артиллерийского полка, откуда открывался хороший вид на советские позиции.

– Да, Нагель, здесь нам придется наступать, - кивнул Манштейн. Он сдвинул назад пилотку и взглянул в стереотрубу, в которую только что смотрел унтер-офицер.

Фрица Нагеля знали и любили во всех штабах. Уроженец Карлсруэ, он служил водителем Манштейна с 1938 г. Когда бы Манштейн ни выезжал на передовую, за рулем неизменно сидел Нагель. Он был само спокойствие и не раз с честью выходил из опасных ситуаций. Несколько раз его ранило. Однако Манштейна не задевали ни пуля, ни осколок. Нагель являлся еще и чем-то вроде талисмана.

Манштейн приехал на передовой наблюдательный пункт 114-го артиллерийского полка на участке 46-й пехотной дивизии в северной части фронта, пролежавшего через Парпачский перешеек, чтобы еще раз посмотреть на советскую систему обороны.

– Какие еще новости? - спросил он командира 46-й пехотной дивизии.

– Ничего особенного, господин генерал-полковник, - ответил генерал-майор Гакциус.

– Что ж, хорошо. Удачи вам и до послезавтра, - проговорил Манштейн. Пойдемте, Нагель. Едем домой.

Послезавтра было 8 мая, день начала операции "Охота на дроф" прорыва в Керчь.

Если имеешь дело с втрое численно превосходящим тебя врагом, к тому же закрепившимся на продуманных рубежах обороны, выбить его с позиций можно только храбростью и хитростью. Поэтому в основу своего плана Манштейн положил хитрость.

Советский фронт на перешейке отличался довольно своеобразными очертаниями: в южной части он шел ровно на север, но в северной имел выступ в западном направлении. Образовался выступ после того, как зимой советские войска обратили в бегство румынскую 18-ю дивизию, тогда немецким батальонам едва удалось залатать брешь и остановить прорыв неприятеля.

Атаковать во фланг выступа - такое решение лежало на поверхности. Но ввиду его очевидности русские хорошо подготовились к подобному шагу противника, сосредоточив на данном участке две армии и едва ли не все резервы, и Манштейну пришлось побороть соблазн. Тот факт, что он избрал другой путь, вновь обнаруживает в нем выдающегося стратега Второй мировой войны.

Конечно, Манштейн сделал все, чтобы убедить разведку противника в своем намерении ударить на севере. Сооружались ложные артиллерийские позиции, постоянно тасовались войска на северном и центральном участках фронта, посылались сообщения, предназначенные для служб радиоперехвата неприятеля, проводились обманные разведывательные операции.

Но Манштейн тем временем готовил штурм на противоположной оконечности фронта - на южном участке. 30-му армейскому корпусу генерал-лейтенанта Максимилиана Фреттер-Пико предстояло силами трех пехотных дивизий - 50, 28-й легкой и 132-й - пробить дыру в обороне советской 44-й армии. После этого 22-я танковая дивизия генерал-майора Вильгельма фон Апелля, а также механизированная бригада полковника фон Гроддека должны были устремиться в проход с целью углубиться в советский тыл и, впоследствии повернув вправо,

совершить охват советских войск, после чего осуществить прорыв дальше на восток.

Это был смелый, почти отчаянный план - пять пехотных и одна танковая дивизия против трех армий. Поддержку немецких пехотинцев осуществляли эскадрильи бомбардировщиков "Штука" из 8-го авиакорпуса генерал-полковника фрайгерра фон Рихтгофена и части 9-й дивизии ПВО генерал-майора Пикерта. Для ведения артподготовки из-под Севастополя перебросили батареи тяжелых армейских орудий.

Для преодоления главного препятствия, противотанкового рва, Манштейн придумал особую хитрость.

На побережье восточнее Феодосии в ночь с 7 на 8 мая царило непонятное оживление. На воду спускались штурмовые суда, на борт которых грузились саперы и пехотинцы баварской 132-й пехотной дивизии. Однако двигатели молчали. Суда одно за другим под взмахи весел бесшумно скользили по воде все дальше от берега. Вскоре таинственный флот исчез во тьме ночи - четыре штурмовых роты качались на волнах Черного моря. Около 02.00 они взяли курс вдоль берега на восток.

В 03.15, точно первые раскаты весенней грозы, заговорили орудия немецкой артиллерии. Заухали тяжелые минометы, завывли реактивные снаряды, заколотили зенитки. Огонь, дым и утренняя дымка окутывали южный участок фронта на Парпачском перешейке. Ревели в вышине, камнем падая вниз, пикировщики "Штуки". Бомбы сыпались на позиции противника, крушили проволочные заграждения.

В 03.25 в воздух взлетели две белые ракеты: в атаку устремились пехотинцы. Впереди шли саперы. Им доставалась худшая доля - обезвреживать мины и прокладывать ходы в "коллочке", находясь под огнем противника.

Русские вели заградительный огонь из всех стволов. Советским пулеметчикам за бойницами дотов не надо было целиться - только нажимать на спусковые крючки. Они давно пристреляли свое оружие для ведения перекрестного огня. Пространство перед дотами простреливалось полностью.

Заговорили советские морские пушки. Захлопали минометы. Снаряды, бомбы и пули вдоль и поперек взрыхлили узкий отрезок суши, который предстояло пройти атакующим. Иного пути не существовало.

Когда началась артиллерийская подготовка, взревели двигатели штурмовых лодок. Теперь уже русские никак не могли слышать звуков моторов.

Быстрые словно стрелы лодки устремились к берегу - к одной главной точке, где выходил в море советский противотанковый ров, широкий, как ворота амбара, и наполненный водой.

Штурмовые лодки вошли в него как в реку или канал, а сидевшие на них пехотинцы открыли огонь из пулеметов. Советские солдаты в их блиндажах вдоль края рва пали под пулями прежде, чем успели сообразить, что же произошло.

Но тут изрыгнули струи горючей жидкости русские огнеметы. Солдаты первой волны немецкого штурма бросились на землю. Неприятель словно бы пришел их к ней.

На бреющем полете со стороны моря появился истребитель "Мессершмитт". Стреляя из авиационных пушек и пулеметов, он промчался над окопами противника, заставляя вражеских солдат искать укрытия.

Немцы из штурмовой команды немедленно вскочили и ворвались в траншеи. И вот уже первые русские подняли руки вверх. Они находились в полном замешательстве.

Тем временем левее 132-й пехотной дивизии, по обеим сторонам дороги Феодосия-Керчь, 49-й стрелковый полк из силезской 28-й легкой пехотной дивизии прокладывал путь через минные поля. Капитан Грефе возглавлял атаку 1-го батальона южнее дороги. Он со своими людьми бежал по узким проходам в минных полях.

Дивизия получила в свое распоряжение некоторое количество штурмовых орудий из 190-го дивизиона штурмовых орудий. Лейтенант Буфф, командовавший тремя такими стальными гигантами, продвигался вместе с 1-м батальоном, обеспечивая огневую поддержку солдатам Грефе.

К 04.30 стрелки вышли к противотанковому рву. Капитан, тяжело дыша, упал на его край, устроившийся поблизости унтер-офицер Шельдт палил из своего пулемета вправо и влево. Саперы спешили к ним с штурмовой лестницей. Грефе скатился в ров первым.

Майор Кутцнер, командир 2-го батальона, получил тяжелое ранение у "Татарской горки". Тут у Советов находились пушки целого полка противотанковой артиллерии. Положение спас лейтенант Фюрншусс со своими штурмовыми орудиями 190-го дивизиона. Его 75-мм длинноствольное орудие уничтожило русские противотанковые пушки.

Обер-лейтенант Райсснер возглавлял атаку 7-й роты. Он бегом преодолел зону обстрела тяжелой артиллерии противника и бросился на землю. Затем вскочил и снова побежал. Впереди находился противотанковый ров. Край его обработала огнем немецкая артиллерия. Райсснер скатился вниз. Тут его сразила автоматная очередь. Несмотря на ранение, обер-лейтенант продолжал руководить действиями своих стрелков, направляя их на советский пехотный блиндаж.

50-я пехотная дивизия на левом фланге прорыва продвигалась через минные поля и заграждения из колючей проволоки. Хорошо замаскированные пулеметные гнезда, уцелевшие после артиллерийской подготовки, встречали наступающих продольным и перекрестным огнем. 1-й батальон 123-го пехотного полка понес тяжелые потери и остановился.

Подполковнику фон Фибану, командиру полка, пришлось уничтожать советские огневые пулеметные точки, атакуя под прямым углом к фронту. С наступлением ночи 3-му батальону удалось наконец выйти к противотанковому рву.

Лейтенант Райманн со своей 9-й ротой и подразделениями из состава 10-й роты, также находившимися под его командованием, подавил советские позиции вдоль рва от правого фланга полка вплоть до озера Парпач. В отчаянной рукопашной его солдатам удалось заставить замолчать все пулеметные гнезда, оборудованные в противотанковом рве и, взорвав, сровнять его стенки, подготовив для прохода немецкой бронетехники. Таким образом, немцы овладели главным препятствием в системе советской обороны по всему фронту атаки.

Роты механизированной бригады полковника фон Гроддека, состоявшей из смешанных румынских и немецких частей - таких, как разведывательный батальон 22-й пехотной дивизии, - сумели уже во второй половине дня первых суток наступления выйти к морю на участке 132-й пехотной дивизии в той точке, где ранее в тот день команды на штурмовых лодках захватили противотанковый ров, чтобы перейти препятствие по наскоро наведенной переправе и ударить в тыл советским позициям.

Передовые части 22-й танковой дивизии тем временем ожидали команды к наступлению. Но плацдармы на участке 28-й легкой и 50-й пехотной дивизий удалось расширить до пределов, обеспечивающих возможность продвижения всех остальных частей не ранее середины утра 9 мая.

Танковые роты и бронетранспортеры, быстро развернувшись, ударили на вторые и третьи рубежи советской обороны, сломили сопротивление противника, вышли к повороту дороги на Арма-Эли и обрушились прямо на район сосредоточения советской танковой бригады.

Так, точно все было заранее отрепетировано, шесть стальных гигантов из 190-го дивизиона штурмовых орудий капитана Пайтца появились там одновременно с танкистами. Не успел противник занять позиции, как его уже всю гнали немецкие танки и штурмовые орудия.

Как и планировалось, теперь 22-я танковая дивизия повернула в северном направлении, в

тыл двум советским армиям, которые все еще вели бои с франконско-судетской 46-й пехотной дивизией и румынскими бригадами. Все шло в соответствии с замыслом Манштейна. Но тут вдруг ситуация поменялась. Ближе к вечеру 9 мая начался сильный дождь. За несколько часов грунтовые дороги и глинистая почва по обочинам превратились в бездонную трясиину. В ней безнадежно вязли колесные вездеходы и грузовики, способность продвигаться сохраняла лишь техника на гусеничном ходу. Воля Манштейна столкнулась с силами природы.

Бронированные боевые машины 22-й танковой дивизии продолжали наступление до глубокой ночи, а затем заняли позиции для круговой обороны. Когда забрезжил ясный рассвет нового дня, 10 мая, они находились уже в глубоком тылу советской 51-й армии. Немцы отразили мощную атаку противника с привлечением крупных соединений бронетехники. Поднявшийся ветер скоро высушил землю. Дивизия продолжила движение на север. 11 мая она находилась в Ак-Монай у моря и, следовательно, в тылу советской 47-й армии. В котле оказались десять русских дивизий. Остальные бежали в восточном направлении. Этим смелым рейдом 22-я танковая дивизия смыла запятнавшее ее 20 марта 1942 г. позорное пятно. В этот день вновь сформированная и не прошедшая боевой подготовки как единая часть дивизия, которую перебросили в Крым приказом Главного командования сухопутных войск, в составе 11-й армии участвовала в контратаке на парпачском фронте.

В утреннем тумане части 22-й дивизии столкнулись с готовившимися к атаке советскими войсками, смешались и понесли большие потери. Генерал-фельдмаршал фон Манштейн позднее признавал, что с его стороны было ошибкой использовать необстрелянную дивизию в крупной операции. Но что толку в признаниях командующего? На передовой солдаты других частей 11-й армии с 20 марта поглядывали на 22-ю танковую дивизию искоса. Главное командование сухопутных войск тоже взяло прощтрафившуюся часть "на карандаш". Сколько бы ни геройствовали военнослужащие дивизии потом, все без толку - на них незаслуженно продолжало лежать клеймо позора 20 марта.

Тем временем полковник фон Гроддек и его подвижная бригада решительно стремились на восток, не давая русским образовать новый фронт. Где бы ни пытались окопаться советские полки, всюду их атаковал фон Гроддек. Атаковал, громил и рвался все дальше вперед.

Когда бригада углубилась на 50 километров в тыл противника и неожиданно появилась у Турецкого вала - далеко позади штаба генерал-лейтенанта Д.Т.Козлова, командующего советскими войсками на Крымском фронте, - у советского командования сдали нервы. Части и штабы рассеивались. По дорогам к Керчи, к восточным берегам полуострова, брели огромные колонны солдат отступавшего противника. Выйдя туда, они рассчитывали спастись, переправившись через пролив на "большую землю".

Советские тактические резервы отчаянно дрались, пытаясь остановить немецкое наступление, чтобы дать возможность как можно большему количеству скапливавшихся на берегах Керченского полуострова частей выбраться оттуда. Русские надеялись проделать то же, что удалось британцам в Дюнкерке почти день в день два года назад.

Но Манштейн не собирался допустить умаления размеров победы советским Дюнкерком. Он послал танковые и моторизованные части, а также 213-й пехотный полк северонемецкой 170-й пехотной дивизии генерал-майора Зандера на перехват отступавшего противника. Однако полковник фон Гроддек более уже не мог внести своего вклада в успех. Он получил серьезные ранения, от которых вскоре и скончался. 16 мая немцы вышли к Керчи. Советское Верховное Главнокомандование не успело повторить Дюнкерка. Сталину не удалось спасти свои армии. Штурмовые орудия из 30-го армейского корпуса, из 190, 197 и 249-го дивизионов штурмовых орудий, вскоре уничтожили импровизированные паромы неприятеля.

Призом победителям стали 170 000 военнопленных, 1133 артиллерийских орудий и 258

танков. Три советские армии подверглись разгрому от всего нескольких немецких дивизий в течение восьми дней.

Рано утром 17 мая Манштейн и генерал-полковник фрайгерр фон Рихтгофен стояли на невысоких горах поблизости от Керчи. Перед ними лежало море Керченский пролив, - а за ним лишь в 20 километрах в лучах жаркого солнышка купалась Тамань - подступы к Азии, ворота Кавказа. Своей победой Манштейн распахнул двери черного хода к нефтяным месторождениям Сталина.

В тот самый час, когда Манштейн смотрел вдаль, туда, где находилась цель его наступления, в 650 километрах к северу, в районе Харькова, дивизии группы армий фон Клейста разворачивали атаку, которая должна была обеспечить им выход на исходные позиции на Дону для предстоящего летнего наступления.

После бессонных ночей и тщательных расчетов, после внезапных атак советских войск генерал-полковник фон Клейст начинал наступление, не знавшее себе равных по смелости и широте стратегического замысла. - Три часа, - сказал лейтенант Тойбер, ротный командир из 466-го пехотного полка. Все промолчали. Да и что говорить? В конце концов лейтенант лишь констатировал факт. Это означало - еще пять минут.

На востоке небо медленно краснело. На нем не было ни облачка. Стояла полная тишина, так что различимы становились даже звуки человеческого дыхания и, конечно, тиканье большого хронометра на руке лейтенанта, которой он опирался о край стенки окопа. С каждой секундой в безбрежный океан времени падала одна крохотная капелька.

И вот момент пришел. Воздух наполнился громовыми раскатами. "Зеленым" новичкам, впервые оказавшимся на поле боя крупного сражения, эти раскаты казались вынимающим душу, оглушающим грохотом, но слух опытного солдата, ветерана Восточного фронта, различал глухое уханье гаубиц, резкие выстрелы пушек и даже "голоса" пехотного вооружения.

Из леса впереди, где находились советские позиции, поднимался дым. Фонтаны земли вздымались в небо, летали в воздухе ветки деревьев и кустов обычная картина, так бывает всегда во время массивной артиллерийской подготовки, предшествующей наступлению.

Все происходило на исходной позиции "Медвежьей" дивизии из Берлина, но то же самое наблюдалось на участках полков 101-й легкой дивизии, гренадеров 16-й танковой дивизии и стрелков 1-й горной дивизии - передовых частей наступления 3-го танкового корпуса фон Макензена. По всему фронту между Славянском и Лозовой южнее Харькова утром 17 мая 1942 г., слушая грохот канонады, ожидали момента атаки роты из армейской группы Клейста.

Наконец линия огня перед немецкими штурмовыми формированиями совершила видимый скачок вперед. В тот же самый момент пикировщики "Штуки" из 4-го авиакорпуса прорывали двигателями над немецкими позициями.

- Вперед! - закричал лейтенант Тойбер. Подобно ему, еще 500 лейтенантов и оберлейтенантов поднимали в тот момент в атаку своих бойцов таким же "Вперед!".

Солдаты и офицеры забыли вопрос, беспокоивший их на протяжении последних нескольких дней, - главный вопрос, которым задавались все: сумеют ли немецкие войска нанести решающий удар в основание русского наступления, разворачивавшегося в западном направлении последние пять суток?

Что же происходило 17 мая? В чем заключалась задача армейской группы Клейста? Для ответа на этот вопрос нам придется бросить взгляд немного назад.

С целью обретения подходящих исходных позиций для большого летнего наступления 1942 г. из района Харькова в направлении Кавказа и Сталинграда, в соответствии с директивой фюрера № 41, немецким войскам предписывалось охватывающим маневром ликвидировать советский выступ по обеим сторонам от Изюма, представлявший постоянную угрозу для

Харькова. Для осуществления данной операции командующий группой армий "Юг", генерал-фельдмаршал фон Бок, разработал простой план: 6-я армия генерала Паулюса должна была атаковать с севера, а группа фон Клейста частями 1-й танковой армии и 17-й армии - с юга. Таким образом скопление войск Тимошенко на выступе оказывалось отрезанным, и собранные там советские армии ждало окружение и уничтожение. Операция получила кодовое название "Фридрих".

Но у русских тоже имелся свой план. Маршал Тимошенко намеревался повторить январское наступление, а потому подготовил атаку даже большими силами, чем накануне, - атаку, которая, как он предполагал, решит исход войны. Пятью армиями и целой танковой армией он собирался ударить с Изюмского выступа и из района севернее него, из Волчанска, где остановились советские войска зимой, и прорвать немецкий фронт двумя мощными клиньями. В ходе крупного охватывающего маневра предполагалось отбить у немцев областной город Харьков - важнейший центр тяжелой промышленности Украины. В результате немцы лишились бы огромной базы снабжения - базы, на которой скопились гигантские запасы разного рода грузов.

Одновременно Тимошенко хотел повторить предпринимавшуюся ранее попытку вырвать из рук немцев Днепропетровск, а также и Запорожье, что в 100 километрах дальше, с его крупнейшей гидроэлектростанцией, считавшейся в сороковые годы чем-то вроде восьмого чуда света.

Реализация этого плана стала бы для немецкой группы армий "Юг" еще большей катастрофой, чем просто потеря тыловой базы снабжения, коей служил Харьков. Через Днепропетровск и Запорожье пролегали автомобильная и железная дороги к низовьям Днепра. В тех местах река походила на цепь озер, и больше между теми городами и Черным морем переправиться через нее было негде. Все снабженческие грузы для немецких армий на южном фланге, для войск, действующих восточнее Днепра в районе Донца и в Крыму, неминуемо проходили через эти две узловые станции. Потеря их обернулась бы тяжелейшими последствиями.

Итак, весной 1942 г. внимание обеих воюющих сторон сфокусировалось на огромном Изюмском выступе, вокруг которого предстояло разыгаться судьбоносным как для фон Бока, так и для Тимошенко сражением. Вопрос стоял просто: кто ударит первым, кто выиграет схватку за время - Тимошенко или Бок?

Немцы наметили начало наступления на 18 мая, но Тимошенко опередил их.

12 мая он развернул операцию по охвату 6-й армии генерала Паулюса неожиданно очень сильными войсками. Северный клин, направленный из района Волчанска, образовывала советская 28-я армия, насчитывавшая в своем составе шестнадцать стрелковых и кавалерийских дивизий, три танковые и две механизированные бригады. Имевшему, таким образом, численное преимущество противнику немцы противопоставили два своих корпуса - 17-й корпус генерала Холлидта и 51-й армейский корпус генерала фон Зейдлиц-Курцбаха насчитывавшие вместе только шесть дивизий.

Южный клин Тимошенко, нацеленный на немецкий фронт с Изюмского выступа, наносил удар еще более сосредоточенными силами. В составе двух советских армий, 6 и 57-й, на позиции 8-го корпуса генерала артиллерии Гейтца и румынского 6-го корпуса наступали двадцать шесть стрелковых и восемнадцать кавалерийских дивизий, а также четырнадцать танковых бригад. Полдюжины немецких и румынских пехотных дивизий, изначально не располагавшие ни одним танком, оказались под натиском значительно превосходящих сил противника, пользовавшегося к тому же поддержкой огромного количества бронетехники.

Нельзя было и надеяться пресечь прорыв русских в этих двух главных точках. Противник

прорвал фронт. В то же время, точно так же, как и во время зимней кампании, отдельные немецкие опорные пункты продолжали держаться, даже оказавшись в глубоком тылу противника.

Генерал Паулюс бросил все имевшиеся в распоряжении его 6-й армии части для того, чтобы остановить русский поток, мчавшийся через немецкие рубежи. Ему удалось достигнуть цели буквально в последний момент, когда враг находился уже в 20 километрах от Харькова, ударив во фланг северному клину Тимошенко в спешном порядке переброшенными туда 3 и 23-й танковыми и 71-й пехотной дивизиями.

Но небывало мощный южный клин Тимошенко, нацеленный с Изюмского выступа, сметал на своем пути все. Катастрофа казалась неотвратимой. Русские рвались все дальше и дальше на запад, 16 мая их кавалерийские соединения уже приближались к Полтаве, где располагался штаб генерал-фельдмаршала фон Бока, находившийся в 100 километрах западнее Харькова. Ситуация сделалась опасной. Бок оказался перед трудным выбором.

Через два дня должна была стартовать операция "Фридрих". Однако советское наступление кардинально изменило обстановку. 6-я армия генерала Паулюса увязла в жесточайших оборонительных боях с противником, следовательно, как наступательный контингент ее приходилось списывать со счетов. Это означало, что маневр охвата войск противника становился невыполнимым.

Правильно ли будет вообще отказаться от операции "Фридрих" или все же наступать, пусть и всего одним клином? Начальник штаба Бока, генерал пехоты фон Зоденштерн, подталкивал командующего к "одноклиновому" решению. Учитывая численность войск противника, шаг был рискованный, однако аргументом в его пользу выступал тот факт, что с каждым километром продвижения на запад Тимошенко все больше открывал свой фланг.

Тут у Бока возникал шанс, и в конце концов генерал-фельдмаршал решил рискнуть. Он отважился реализовывать операцию "Фридрих" с одной "рукой". Чтобы лишить русских возможности прикрыть их растянутый фланг, он даже передвинул дату начала наступления на один день раньше.

Итак, группа фон Клейста - называвшаяся теперь армейской группой начала атаку 17 мая из района южнее Изюма частями 1-й танковой армии и 17-й армии. В ударную группировку Клейста входило восемь пехотных, две танковых и одна мотопехотная дивизия. Левый фланг прикрывали румынские дивизии.

В 03.15 лейтенант Тойбер выскочил из окопа и повел свою роту в атаку на русские позиции в лесу. Бомбардировщики "Штуки" завывали над головой, пикируя и сбрасывая бомбы на выявленные советские опорные пункты, блиндажи и огневые точки.

Ввиду нехватки танков наступление взводов Тойбера поддерживало небольшое количество 20-мм армейских зениток на самодвижущихся лафетах. Ведя огонь прямой наводкой, эти 20-мм орудия из состава армейского 616-го дивизиона ПВО били в центр советского сопротивления. Пехотинцы любили самоходчиков со смертоносными установками, никогда не отсиживавшихся позади, а все время выдвигавшихся на самый передний край.

Первые тщательно оборудованные советские позиции пали под градом бомб и снарядов. Вместе с тем русские солдаты, уцелевшие после артподготовки, оказывали яростное сопротивление. Штурмовой батальон, на позиции которого осуществлял свой натиск 466-й пехотный полк, держался до последнего человека. Четыреста пятьдесят погибших русских солдат и офицеров - вот наглядные доказательства того, с каким ожесточением сражались здесь противники.

Медленно, шаг за шагом продвигался полк среди зарослей кустарника, через минные поля и препятствия в виде стволов поваленных деревьев. Лейтенанту Тойберу и его роте пришлось

столкнуться с наиболее упорным сопротивлением неприятеля, окопавшегося на пасеке Маяки, расположенной невдалеке от главной линии фронта. Русские вели огонь из пулеметов, карабинов и минометов. Рота остановилась.

– Прошу артиллерийской поддержки, - крикнул Тойбер артиллерийскому офицеру связи.

По переносной радиации офицер связи передал:

– Огонь в квадрат четырнадцать.

Через несколько минут на противника обрушился шквал огня. Со своей стороны русская артиллерия ответила заградительным огнем, прикрывая своих на пасеке.

Тойбер и его солдаты бросились вперед. Там совсем рядом находились окопы русских. Противник оставался в них. Атакующие прыгали в траншеи среди снарядов, падавших повсюду - впереди, сзади, слева и справа.

Вжимаясь в пыль, немцы лежали в окопах рядом с русскими плечом к плечу друг к другу. Никто и не думал сражаться. Все стремились поглубже уйти в землю. В тот момент все они стали просто живыми существами, чьей единственной целью было спастись от смертоносных раскаленных докрасна кусков железа. словно бы некая высшая сила лишила их взаимной ненависти, слепив в единый комок русских и немецких солдат.

Прошло еще полчаса, прежде чем, когда артиллерийский обстрел внезапно прекратился, бойцы Тойбера вскочили на ноги и закричали:

– Руки вверх! Сдавайтесь!

И русские, побросав автоматы и винтовки, подняли вверх руки.

Взводы Тойбера продолжили продвижение. Через два километра от пасеки они натолкнулись на десять русских полевых кухонь, где готовились чай и просынная каша. Глаза русских поваров округлились, когда они увидели немцев, протягивавших свои котелки.

– Клади, не жалеи, Иван!

Поначалу советские повара заколебались, но потом заулыбались и положили в котелки немцам каши, а во фляги налили ароматного чая.

Но завтрак закончился на иной ноте. Внезапно с неба спикировал советский биплан, открывший пулеметный огонь по расположившимся на отдых немцам. Солдаты роты Тойбера принялись палить по "этажерке" из пулеметов и винтовок. Несколько пуль попало в двигатель, а обшивку на плоскостях разорвало в лохмотья. Самолет стал крениться к земле и в конце концов упал примерно в 200 метрах от того места, где немцы угощались русской кашей.

1-й взвод направился к самолету. Летчик продолжал стрелять из пулемета. Когда патроны у него подошли к концу, он и его напарник - оба в кожаных пилотских куртках - выбрались из разбитого фюзеляжа.

– Руки вверх! - закричали немцы по-русски. Но летчики рук не подняли, а вместо этого достали свои пистолеты.

– Ложись! - крикнул взводный командир. Но в том не было необходимости. Летчики не собирались стрелять в немцев, просто не желали попадать в плен. Сначала офицер, пассажир биплана, а потом и сам пилот выстрелили себе в висок. Когда солдаты роты Тойбера, все еще качавшие головами в недоумении, подошли поближе, то обнаружили, что вторым офицером была девушка в звании лейтенанта.

С наступлением ночи 17 мая полки 257-й пехотной дивизии полковника Пухлера вышли к Донцу по всей ширине фронта своего наступления. 18 мая они овладели самым северным объектом - Богородичное. Когда обер-лейтенант Густ, командовавший 3-м батальоном 477-го пехотного полка, со своим головным взводом вышел к реке, речной паром со сгрудившимися на нем тридцатью лошадьми в последний раз попытался оторваться от плывавших повсюду барж. Однако, увидев немцев, паромщик передумал. Горящие лодки поплыли по течению словно

огненные островки.

Левее 101-я легкая дивизия также вышла к Донцу вечером 18 мая. В удушающую 30-градусную жару батальонам пришлось прокладывать себе путь через огромный участок леса, осторожно пробираясь через отлично замаскированные в кустах и деревьях советские позиции, двигаясь друг за другом и обходя мины. Саперы творили чудеса. В первый день наступления 213-й инженерный батальон, действовавший со 101-й легкой пехотной дивизией, обезвредил 1750 мин различных типов.

Впервые после прошлогоднего летнего наступления вновь появились мины-собаки - восточноевропейские овчарки и доберманы-пинчеры несли на спинах противотанковые заряды. Проводники собак, скрывавшиеся на тщательно замаскированных позициях, выпускали своих питомцев на атакующие ряды немцев. Тем приходилось устраивать настоящую охоту на животных и без жалости уничтожать их. Но собак становилось все больше - целые стаи. Они стремились, как их натаскивали, заскочить под машину, танк или лафет орудия. Там, где им это удавалось, где стержень взрывателя зацеплялся за преграду, раздавался взрыв, разносивший на куски собаку и все в радиусе нескольких метров.

После овладения берегом Донца 257-я пехотная и 101-я легкая дивизии взяли на себя задачу прикрытия восточного фланга длинного броска ударных танковых групп - броска, целью которого являлось создание котла. 16-я танковая дивизия, действовавшая во главе наступления ударных войск генерал-лейтенанта Хубе, устремилась через русские позиции силами трех боевых групп под началом фон Витцлебена, Крумпена и Зикениуса. Они выбили противника с его рубежей и отразили мощные контратаки. Затем продолжили натиск, продвигаясь вперед и вперед прямо в пригороды Изюма.

К 12.30 18 мая танкисты и мотоциклисты из вестфальской 16-й танковой дивизии прикрывали единственную крупную дорогу с востока на запад, пересекавшую Донец в районе Донецкого. Боевая группа Зикениуса, основой которой служил 2-й батальон 2-го танкового полка, повернула влево и устремилась в западном направлении - прямо в котел.

Но главный удар операции "Фридрих" предстояло нанести генералу кавалерии фон Макензену с его 3-м танковым корпусом. Она атаковал силами дрезденской 14-й танковой дивизии в центре, а также венской 100-й легкой и баварской 1-й горнострелковой дивизии, соответственно, на правом и на левом фланге. Русские оказались застигнуты врасплох и разгромлены у заболоченной реки Сухой Торец. Немцы взяли Барвенково. Построили мост. 14-я танковая дивизия переправилась на другой берег и устремилась на север. Клубящиеся облачка пыли шлейфами стелились за танками. Прекрасный чернозем превращал людей в трубочистов.

Во взаимодействии с танковыми ротами боевой группы Зикениуса солдаты 3-го корпуса форсировали реку Берека, успешно отразили танковую контратаку противника. Во второй половине дня 22 мая 14-я танковая дивизия вышла к Байраку на северной излучине Донца.

Операция достигла кульминации. На той стороне реки, на дальнем берегу, находились головные части 6-й армии - роты венской 44-й пехотной дивизии, или "Хох-унд-Дойчмайстер". После соединения Изюмский выступ оказывался как бы подрезанным, а армии Тимошенко, продолжавшие свое наступление на запад, отсеченными от своих. Крышка котла закрылась.

Маршал Тимошенко осознал опасность слишком поздно. Подобной реакции противника на свое наступление он никак не ожидал. Теперь у него не оставалось выбора, кроме как остановить многообещающее продвижение на запад, развернуть дивизии и попытаться вырваться из западни в восточном направлении. Смогут ли тонкие стенки немецкого котла выдержать напор масс неприятеля? Началась решающая стадия операции.

Перед генерал-полковником фон Клейстом стояла задача укрепить фронт окружения настолько, чтобы он мог противостоять попыткам прорыва советских войск изнутри, с запада, и

ударам деблокирующих соединений через Донец с востока. Вновь началась гонка за время. Применяв великолепнейшее искусство тактика, генерал фон Макензен сгруппировал все находившиеся в его распоряжении пехотные и механизированные дивизии веером вокруг оси 14-й танковой дивизии. 16-я танковая дивизия сначала повернула на запад, а потом - в северном направлении к Андреевке на Донце. 60-я моторизованная пехотная, 389-я пехотная, 380-я пехотная и 100-я легкая дивизии развернулись веером на запад, образовав фронт сдерживания запертых в котле армий Тимошенко с востока.

В центре, точно паук в паутине, расположилась 1-я горнострелковая дивизия генерала Ланца. Ее фон Макензен перебросил с фронта, чтобы задействовать как "пожарную команду".

Предосторожность командира корпуса в итоге решила судьбу сражения, поскольку подчиненные Тимошенко командующие армиями вели свои дивизии на прорыв немецкого котла с яростной решимостью. Они сосредоточили усилия на прорыве бреши в немецком фронте - прорыве любой ценой, - чтобы спасти себя выходом к Донецкому фронту, находившемуся всего в 40 километрах.

На Духов день окруженным армиям удалось паровым катком продавить себе путь через барьер, воздвигнутый на их пути 6-й моторизованной и 389-й пехотной дивизиями и выдвинуться к Лозовенке. Не оставалось сомнений в том, что русские стремятся выйти к главной дороге на Изюм. Вот тут и сыграла свою роль предосторожность Макензена. Советские войска столкнулись с 1-й горнострелковой дивизией, которая заняла позиции восточнее Лозовенки. Группы прикрытия 384-й пехотной дивизии при поддержке 4-го авиакорпуса тоже бросились преградить путь противнику. Завязавшееся сражение стало одним из самых кровопролитных за всю войну в России.

Рассказ об этом мы находим в архиве 1-й горнострелковой дивизии генерал-майора Ланца. Под отсветами тысяч белых ракет русские колонны атаковали немецкие рубежи. Размахивая пистолетами, командиры и комиссары резкими выкриками гнали вперед свои батальоны. Плечом к плечу, сцепившись руками, красноармейцы шли на штурм. Хриплое надсадное "Ура!" ревело в ночи.

— Огонь! - командовали немецкие обер-ефрейторы у пулеметов и пехотных орудий. Первая волна атакующих не прошла. Бурые, как земля, колонны повернули на север.

Но и здесь тоже они наталкивались на блокировочные позиции горных стрелков. Волны русских откатывались назад и снова, невзирая на потери, атаковали и атаковали немцев. Они крушили на своем пути всё и вся, отбивали у противника несколько сотен метров, но потом натиск слабел, и грозные валы рушились под шквальным продольным огнем немецких пулеметчиков. Те, кто не погиб, брели, шатаясь и спотыкаясь, или ползли обратно в овраги реки Берека.

Следующим вечером все вновь повторилось. Но на сей раз атаку пехоты поддерживало несколько Т-34. Русские солдаты, все также сцеплявшие руки, находились под действием алкоголя. Как иначе могли бы эти бедняги идти на смерть с криками "Ура!"?

Когда где-нибудь после захвата опорного пункта немцев противника удавалось отбросить решительной контратакой, немцы находили тела защитников с проломленными прикладами черепами, с телами, истерзанными штыками, и лицами, разбитыми русскими сапогами до неузнаваемости. Стороны сражались с дикой яростью. Эта битва была страшной столбовой дорогой к смерти.

На третий день натиск русских спал - немцам удалось достигнуть перелома. Оба командующих советскими 6 и 57-й армиями - генерал-лейтенант Городнянский и генерал-лейтенант Подлас - вместе с офицерами своих штабов лежали мертвыми на поле битвы. Сражение завершилось поражением Тимошенко. Противник лишился главных сил двадцати двух

стрелковых и семи кавалерийских дивизий. Полному разгрому подверглись четырнадцать танковых и моторизованных бригад. Около 239 000 красноармейцев брели в плен; немцы уничтожили или взяли в качестве трофеев 1250 танков и 2026 орудий. Так завершилось сражение к югу от Харькова - битва, в которой советские войска, пытавшиеся окружить немцев, сами попали в окружение. Такой победы немцы еще не одерживали - находясь на грани поражения, они в течение нескольких дней сумели достигнуть громадного успеха.

Однако победоносные солдаты немецких дивизий даже не подозревали, что победа, которую принесла им их величайшая отвага и воинское искусство командиров, лишь открывала для них дорогу к мраку трагедии: армия шла к Сталинграду.

На немецкие войска еще не опустилась тень этого города. В умах солдат и в коммюнике Верховного командования звучали победные репортажи - Керчь и Харьков. В конце концов, они добились поразительных успехов - две битвы на окружение и две победы. Были разгромлены шесть советских армий, в плен попало 409 000 советских солдат и офицеров; 3159 орудий и 1508 танков осталось на полях сражений или досталось немцам в качестве военных трофеев. Немецкие армии на Востоке опять доказали свое безусловное превосходство над противником. Военное счастье вновь сопутствовало знаменам Гитлера. Страшная зима и горечь поражений ушли в прошлое.

И в то время как выстрелы еще звучали в котле южнее Харькова, когда малыми группами полуголодные русские солдаты выползали из своих укрытий, колеса машины войны все еще крутились - шла битва за Севастополь, последний советский рубеж на юго-западе Крыма, за мощнейшую крепость в мире. 2. Севастополь Могила на ялтинском кладбище - Между Бельбекской долиной и Розовой горой - 324 выстрела в секунду - Гигантские мортиры "Карл" и "Дора" Огнедышащая крепость - Батарея "Максим Горький" взорвана - "Нас осталось двадцать два... Прощайте!" - Бои за Розовую гору - Комсомольцы и комиссары.

– Мы готовы к выступлению, господин генерал-полковник. - Лейтенант итальянского ВМФ отдал честь. Манштейн приложил руку к фуражке, кивнул, улыбнулся и повернулся к своим спутникам:

– Ну что же, господа, тогда добро пожаловать на борт нашего крейсера.

Крейсером являлся на деле итальянский торпедный катер - другими морскими силами Манштейн не располагал. И этот как-то раздобыл капитан Иоахим фон Ведель, комендант Ялтинского порта. 3 июня 1942 г. Манштейн хотел пройти по воде вдоль южного побережья Крыма, чтобы найти место, откуда бы идущая по берегу дорога просматривалась с моря. По ней приходилось доставлять все снабжение 30-му корпусу генерала Фреттер-Пико на Южном фронте под Севастополем. Любая угроза этому пути со стороны советского флота могла смешать карты немцев в битве за Севастополь.

Солнце играло на волнах Черного моря, которые разрезал форштевень катера, скользившего вдоль побережья. Белые загородные домики и дворцы отлично смотрелись на фоне высоких деревьев ялтинских садов и парков. Катер шел западным курсом до тех пор, пока не оказался в виду Балаклавы. Два массивных бастиона этого древнего форта, расположенного на голой вершине скалы, уходили башнями в голубое небо.

Вода в бухте, врезавшейся в подножье скалы казалась радужно-синей. В 1854-1855 гг., во время Крымской войны, французы, англичане, турки и войска из Пьемонта, высадившись в Евпатории, вели нескончаемое сражение, чтобы навязать свою волю царю Николаю. Осада Севастополя тянулась около года 347 дней, если уж быть точным, - и только потом русские сдали город. Количество потерь, включая и гражданских лиц, по тем временам выглядело очень значительным. По разным оценкам оно варьировалось от 100 000 до 500 000 человек.

Генерал-полковник фон Манштейн знал об этом. Он прочитал все, что смог найти о

Крымской войне. Знал он и другое - то, что под старинными фортами Советы оборудовали совершенно новые, самые современные оборонительные сооружения: огромные галереи, усиленные бетоном орудийные окопы с бронированными башнями и лабиринты подземных интендантских складов. Не возникало никаких сомнений, что в 1942 г. Сталин намерен защищать эту морскую крепость столь же упорно, как царь Николай I в 1854-1855 гг. Севастополь с его удобной естественной гаванью являлся главной базой советского ВМФ на Черном море. С его падением военным судам придется находить себе убежища где-нибудь на восточном побережье.

Манштейн и капитан фон Ведель вели оживленный разговор, когда в воздухе раздался громкий рев двигателей и протяжный свист.

— Вражеский самолет, - закричал ординарец Манштейна, обер-лейтенант Шпехт. Итальянские моряки, бросившиеся к своим зенитным пулеметам, опоздали. Зайдя от солнца, советские истребители из Севастополя ударили по катеру из своих пушек.

Полетели обломки палубного покрытия, начался пожар. Капитан фон Ведель, стоявший рядом с Манштейном, рухнул замертво. Помощник капитана, итальянец, тоже мертвым упал на перила.

Фриц Нагель, водитель и верный товарищ Манштейна, прошедший с генералом всю войну с самого первого дня, получил тяжелейшее ранение в бедро. У него была перебита артерия. Кровь хлестала из раны. Итальянский офицер разорвал рубашку, чтобы перевязать Нагеля.

Лейтенант Шпехт сбросил с себя одежду, бросился в море и поплыл к берегу. Совершенно голый он выскочил из воды, остановил крайне изумленного водителя грузовика и велел ему везти себя в Ялту. Там, взяв буксир, лейтенант поспешил к горевшему катеру и отвел его в Ялтинский порт.

Манштейн сам отвез Нагеля в военный госпиталь. Но было поздно. Помощь унтер-офицеру уже не требовалась.

Два дня спустя, когда на летных полях под Севастополем эскадрильи 8-го авиакорпуса генерала Рихтгофена прогревали моторы перед началом первого акта великого сражения, Манштейн стоял над свежевыкопанной могилой на ялтинском кладбище. Слова, произнесенные генерал-полковником над гробом унтер-офицера, заслуживают места в и без того страшной хронике ужасной войны: "За годы, проведенные нами как в повседневных трудах, так и в великих делах, мы стали друзьями. Узы дружбы не может разорвать даже злосчастная пуля, сразившая тебя. Наша благодарность тебе и чувство глубокой приязни, мысли всех нас пусть будут с тобой в вечности за чертой смерти. Покойся с миром и прощай, мой лучший товарищ".

Загремел над кронами деревьев ружейный залп. С запада точно эхом докатились отзвуки отдаленного грома: эскадрильи Рихтгофена вступили в действие над Севастополем. Началась великая, длившаяся двадцать семь дней битва за самую мощную в мире крепость.

С вершины скалистой горы открывался прекрасный вид на весь район Севастополя. Саперы взорвали скалу и в углублении оборудовали наблюдательный пункт, удачно защищенный от вражеской артиллерии и авиации. Оттуда в окуляры раструба телескопа были, точно со смотровой платформы, отлично видны и весь город, и укрепления вокруг него.

На этом наблюдательном пункте Манштейн провел многие часы со своим начальником оперативного отдела, полковником Буссе, и ординарцем, "Пепо" Шпехтом, оценивая эффект усилий Люфтваффе и артиллерийской подготовки. Было 3 июня 1942 г.

В тот месте, где древние греки создали свое первое торговое поселение, где на заре христианства готы возводили замки на холмах¹, где генуэзцы и татары сражались за удобные гавани и богатые долины и где в девятнадцатом столетии лились рекой потоки английской, французской и русской крови, у скалы сидел немецкий генерал, который вел новую битву за

порты и бухты Крыма - идиллического полуострова на Черном море.

– Отличная работа, - отозвался об огневой подготовке Шпехт. Буссе кивнул, хотя и не разделял подобного мнения.

– Я все же не думаю, что мы пробили достаточно глубокие бреши, чтобы посылать в них пехоту.

Манштейн стоял у стереотрубы, рассматривая Бельбекскую долину с высившимся над ней горным пиком, который солдаты прозвали Масличной горой. В небе, ревя моторами, пронеслись эскадрильи пикировщиков "Штука". Они пикировали на Севастополь, сбрасывали бомбы и поливали противника огнем из пушек и пулеметов. Отбомбившись, "Юнкерсы" возвращались. На бреющем полете неслись над плато штурмовики. В вышине блистали на солнце крыльями истребители. Тянулись нескончаемые армады бомбардировщиков. 11-я армия располагала полным контролем над воздушным пространством в течение нескольких часов с начала огневой подготовки. Слабые советские ВВС Приморской армии были разгромлены. В бой они вступили всего с пятьюдесятью тремя самолетами.

Пилоты 8-го авиакорпуса генерала фон Рихтгофена совершали 1000, 1500 и даже 2000 боевых вылетов в день. Специалисты прозвали эти конвейерные налеты "безостановочной атакой".

В то время как бомбовый дождь падал на головы защитников Севастополя с неба, немецкие орудия всех калибров утюжили позиции противника. Артиллеристы высматривали орудийные окопы. Нацеливали пушки и гаубицы на траншеи и заграждения из колючей проволоки. Они слали снаряд за снарядом в бойницы в бетонированные укрепления и бронированные башни. Они вели огонь днем и ночью - двадцать четыре часа на протяжении пяти суток.

Таков был замысел Манштейна - решительная и внушительная увертюра наступления, а не час или даже два артподготовки и налетов Люфтваффе перед атакой пехоты. Манштейн понимал, что обычный артиллерийский обстрел массивных оборонительных сооружений Севастополя ничего не даст, так как не сможет уничтожить сотен бетонных и бронированных орудийных позиций, толстого пояса дотов, мощных батарей и трех линий обороны с 350 километрами окопов, бесконечными проволочными заграждениями и бескрайними минными полями, а также вырубленных в скалах площадок, где занимали позиции реактивные минометы.

Вот поэтому план Манштейна предусматривал пятидневную огневую подготовку уничтожающего огня артиллерии, минометов, зенитных и штурмовых орудий. Всего 1300 стволов отправляли свои снаряды на фортификационные сооружения и полевые позиции противника. Сюда следует прибавить и бомбы, сброшенные эскадрильями 8-го авиакорпуса. Стальной град беспрестанно рыхлил землю.

Это была убийственная увертюра. Никогда на протяжении всей Второй мировой войны - ни до Севастополя, ни после него - немцы не применяли столь массивно свою артиллерию.

В конце октября 1942 г. в Северной Африке Монтгомери начинал историческое британское наступление против Роммеля с обстрела немецких позиций под Эль-Аламейном из 1000 орудий. Манштейн применил под Севастополем на 300 больше.

Особую роль в артиллерийской подготовке играли тяжелые минометы. Здесь впервые это зловещее оружие задействовалось крупными соединениями. Под крепостью сосредоточились два минометных полка - 1-й тяжелый минометный и 70-й минометный полки, - а также 1 и 4-й минометные дивизионы. Все эти силы - двадцать одна батарея из 576 стволов, включая батареи 1-го тяжелого минометного полка, стрелявшие 280- и 320-мм фугасными и зажигательными снарядами, особенно эффективными в борьбе с укреплениями, - находились под командованием полковника Ниманна.

Каждую секунду обстрела только один полк выпускал 324 мины по довольно

ограниченному участку полевых фортификационных сооружений противника. Физический эффект, производимый попаданиями снарядов на укрепления, вполне соответствовал силе воздействия обстрелов на психику защитников. Вид тридцати шести громадных ракет, с воем и шипением летящих только от одной батареи, вызывал трудно поддающиеся описанию ощущения.

Количество осколков при взрыве одной такой мины было меньше, чем у артиллерийского снаряда, но, когда несколько их падало рядом, у обороняющихся лопались кровяные сосуды. Даже те, кто находился на удалении, испытывали на себе деморализующее воздействие оглушительного рева и силу ударной волны. Страх и ужас порождали панику. Как считается, только пикирующие бомбардировщики "Штуки" производили аналогичный эффект на обычно стойких и бесстрашных русских. Надо, однако, справедливости ради заметить, что сосредоточенный огонь русских реактивных минометов, или "сталинских оргбнов", навел страх и ужас на немецких солдат.

Среди обычной и реактивной артиллерии у ворот Севастополя действовали и три гигантских орудия особого назначения, навсегда вошедших в мировую военную историю: орудие "Гамма", мортира "Карл" (также называемая "Тор"1) и гаубица на железнодорожной платформе "Дора". Три эти чуда инженерной мысли - последнее слово техники в традиционной артиллерии - создавались специально для обстрелов крепостей. Перед войной единственными крепостями, не считая оборонительных валов в Бельгии и французской линии Мажино, являлись Брест-Литовск, Ломша, Кронштадт и Севастополь. Ленинград больше не был крепостью в подлинном смысле этого слова, а старинные французские крепости вдоль побережья Атлантики уже давно в счет не шли.

Мортира "Гамма" представляла собой "оживленную" "Большую Берту" времен Первой мировой войны. Дальность полета ее 420-мм снаряда весом 923 кг - без малого тонна - составляла 15 километров. Длина ствола - более 6,5 метров. Обычно орудие-гигант обслуживалось расчетом из 235 артиллеристов.

Но "Гамма" смотрелась пигмеем рядом с 600-мм гаубицей, или мортирой "Карл" (иначе "Тор") - одним из самых мощных орудий во время Второй мировой войны, - специализированным оружием, предназначенным для обстрела крепостей. Его 2200-килограммовый бетонобойный снаряд пробивал даже самые толстые бетонные крыши1. Со своим сравнительно недлинным 5-метровым стволом, огромным лафетом и гусеничным шасси "Карл" более всего походил не на артиллерийское орудие - гаубицу или мортиру, - а на обрезанную дымовую трубу.

Но даже и "Карл" не мог считаться самым-самым. Самое-самое орудие дислоцировалось в Бахчисарае, во "Дворце садов" - некогда резиденции татарских ханов. Называлось оно "Дора", или иногда "Большой Густав"2, и являлось самым тяжелым во время Второй мировой войны. Калибр ствола длиной более 30 метров составлял 800 мм. Для транспортировки чудовища задействовались шесть железнодорожных платформ и вагонов. Дальность огня 4800-килограммового снаряда - т.е. почти пятитонного - свыше 45 километров. Более тяжелым, семитонным бронебойным снарядом орудие могло поражать цели на расстоянии 38 километров. Длина всего снаряда в сборе составляла около 8 метров. Если бы его поставили вертикально, то в высоту он достигал бы двухэтажного дома.

"Дора" могла делать до трех выстрелов в час. Гигантское орудие стояло на двух двойных рельсах. Для охраны постоянно использовались два дивизиона ПВО. Всего в обслуживании "Доры", включая боевую работу, охрану и техническое обеспечение, участвовало 4120 человек. Управление огнем и боевую работу осуществляли один генерал-майор, один полковник и еще 1500 военнослужащих.

Данные заставляют задуматься об экономическом эффекте, получаемом от гиганта. Одним выстрелом "Дора" уничтожила склад боеприпасов в Северной гавани Севастополя, несмотря на то что находился он на глубине 30 метров под землей.

Манштейн стоял в своем "Орлином гнезде" на вершине горы в течение трех часов огневой подготовки. Он наблюдал взрывы и сравнивал свои впечатления с результатами данных, поставляемых ему двумя командующими артиллерией из его армии - генерал-лейтенантом Цукертортом, начальником артиллерии 54-го корпуса, и генерал-лейтенантом Мартинекком, занимавшим такую же должность в 30-м корпусе. Гениальный стратег, Манштейн уделял большое внимание деталям. В этом-то и заключался секрет его успеха.

– Там, где восьмидесяти восьмимиллиметровые снаряды ложатся точно в цель, не видать потом ни одного Ивана, - заметил Пепо Шпехт, как раз наблюдавший за обстрелом в телескоп.

– Да, зенитки неопенимы для борьбы с такими сооружениями, согласился Манштейн. И, точно в подтверждение его слов, в грохоте канонады отчетливо прозвучал металлический хруст, издаваемый 88-мм пушкой.

Эти зенитные орудия и правда были неопенимыми. Именно во время осады Севастополя стяжал себе славу 18-й зенитный полк. "Восемьдесят восьмая" с настильной траекторией ее снаряда представляла собой лучшее оружие для поражения укреплений, расположенных над поверхностью земли. Применяемые с передовых позиций, также как минометы, 88-мм пушки - фантастическое по результативности оружие Второй мировой войны - уничтожали доты и орудийные окопы огнем прямой наводкой. Только одни батареи 88-мм пушек 18-го зенитного полка сделали 18 787 выстрелов в ходе боев за Севастополь.

С наблюдательного пункта Манштейна хорошо просматривались три эшелона оборонительных рубежей, опоясывавшие ядро крепости.

Первый имел в глубину от полутора до трех километров и состоял из защищенных заграждениями из колючей проволоки четырех линий окопов, между которыми располагались деревянные опорные пункты и бетонные доты. Детонировавшие от разрывов снарядов мины перед траншеями и между ними говорили о том, что вдобавок ко всему русские поставили там противотанковые мины. Можно было ожидать, что невидимые препятствия такого рода заготовлены и для пехотинцев.

Второй ряд оборонительных сооружений имел в длину где-то полтора километра. На нем, особенно в северном секторе между долиной Бельбека и бухтой Северная, располагалось несколько особо мощных укреплений, которым немецкие артиллерийские наблюдатели присвоили легко запоминающиеся названия: "Сталин", "Молотов", "Волга", "Сибирь", "ГПУ" и - сверх всего "Максим Горький I", где дислоцировалась батарея 12-дюймовых орудий (305-мм). Аналогичный форт, прозванный "Максим Горький II", находился южнее Севастополя и имел такое же вооружение.

С восточной стороны крепости трудная местность, изобилующая глубокими скалистыми оврагами и холмами, где русские оборудовали огневые позиции, особенно благоприятствовала защитникам. "Орлиное гнездо", "Сахарная голова", "Северный нос" и "Розовая гора" - те, кто сражался на восточном участке обороны Севастополя, никогда не забудут этих названий.

Третий пояс пролегал сразу за городской чертой и представлял собой целый лабиринт траншей, пулеметных точек, минометных и артиллерийских позиций.

Согласно советским источникам, Севастополь обороняли семь стрелковых дивизий, одна спешенная кавалерийская дивизия, две стрелковых, три морских бригады, два полка морской пехоты, а также танковые батальоны и различные отдельные части - всего 101 238 человек. Десять артиллерийских полков и два минометных дивизиона, полк противотанковых пушек и сорок тяжелых морских орудий - всего в обороне фронта применялось 600 артиллерийских

стволов и 2000 минометов. И эту изрыгающую огонь крепость Манштейн намеревался взять семью немецкими и двумя румынскими дивизиями.

Ночь с 6 на 7 июня выдалась душной и жаркой. Ближе к утру с моря задул прохладный ветерок. Но и он не принес облегчения, потому что лишь гнал пыль с перепаханых снарядами и бомбами подступов к Севастополю. Облака пыли и дыма, тянувшиеся с пылавшего склада боеприпасов на юге города, застилали немецкие позиции.

С рассветом возобновился обстрел - немецкая артиллерия еще увеличила количество дыма и грязи. 03.50. Настал час пехотинцев подняться из окопов. Под прикрытием артиллерийского огня пехота и саперы ударили по противнику на главных рубежах.

Главный натиск осуществлялся на северном участке фронта. Тут в атаку шли части 54-го корпуса - 22, 21, 50 и 132-я пехотные дивизии и усиленный 213-й пехотный полк, входивший в 73-ю пехотную дивизию и составлявший корпусной резерв.

30-й корпус наступал с запада и с юга. Но все это еще не была решающая атака. 72-я пехотная дивизия, 28-я легкая пехотная дивизия и 170-я пехотная дивизия вместе с румынскими частями имели задачу обеспечить исходные позиции для главной атаки, запланированной несколькими днями позже.

В Бельбекской долине и в Камышлинской балке саперы прокладывали проходы в минных полях, чтобы дать возможность штурмовым орудиям 190 и 249-го дивизионов как можно быстрее выступить для поддержки пехоты. Она же тем временем вела бой с противником за первую линию рубежей. Хотя артиллерия разрушила окопы и укрытия, уцелевшие русские сражались отчаянно. Только с помощью ручных гранат и дымовых шашек немцам удалось выбить противника из его хорошо замаскированных огневых ячеек.

22-я пехотная дивизия из Нижней Саксонии под началом генерал-майора Вольфа вновь сумела решить важную задачу - овладеть фортом "Сталин". Во время прошедшей зимы штурмовые роты 16-го пехотного полка захватили внешние укрепления крепости, но потом им пришлось отступить и отойти обратно в Бельбекскую долину.

Теперь немцам приходилось вновь повторять кровопролитный путь. Первый приступ, предпринятый 9 июня, не принес успеха. 13 июня 16-й полк под командованием полковника фон Хольтица вновь штурмовал форт. Форт "Сталин" превратился в груды камней, однако огонь из него велся во всех направлениях. На Андреевском крыле комендант задействовал только комсомольцев и членов Коммунистической партии. В оперативной сводке 22-й пехотной дивизии мы читаем: "Это был, наверное, самый упорный противник, с которым нам приходилось встречаться".

Вот только один пример из многих. В одном доте прямым попаданием в амбразуру убило тридцать человек. Но десятеро уцелевших бойцов дрались точно дьяволы.

Они стащили тела мертвых товарищей к разбитым бойницам, точно мешки с песком.

– Саперы вперед! - закричали пехотинцы. Огнемечкики направили жерла своих аппаратов на страшную баррикаду. Пошли в дело ручные гранаты. Некоторых немецких солдат рвало. Но лишь во второй половине дня четверо трясущихся и утративших человеческий вид русских выползли из-под развалин. Они сдались после того, как застрелился их политрук.

В этих ожесточенных боях два батальона 16-го пехотного полка понесли тяжелые потери. Вскоре не осталось ни одного офицера. Лейтенант из "командирского резерва" возглавил оставшихся бойцов стрелковых рот двух батальонов.

Кровопролитное сражение за второй пояс обороны кипело в удушающую жару до 17 июня. Невыносимая вонь стояла над полем битвы, устланным бесчисленным множеством мертвых тел, по которым тучами ползали мухи. Баварская 132-я пехотная дивизия, действовавшая справа от нижнесаксонцев, понесла столь крупные потери, что ее пришлось временно отозвать с

передовой. На ее место выдвинулась 24-я пехотная дивизия, которую смененную в свою очередь румынской 4-й горнострелковой дивизией дислоцировали между 132 и 22-й пехотными дивизиями.

Ситуация для немецких войск складывалась отнюдь не радужная. Потери всё росли и росли, а нехватка боеприпасов вынуждала командование время от времени приостанавливать боевые действия. Некоторые командиры уже начали предлагать приостановить атаку до прибытия подкреплений. Но Манштейн хорошо знал, что ни на какие подкрепления ему рассчитывать не приходится.

17 июня он отдал приказ о новом генеральном штурме по всему фронту на севере. Потрепанные полки вновь вступили в дело, твердо намереваясь на сей раз преодолеть главные препятствия.

В Бельбекскую долину, в четырех километрах западнее "Масличной горы", на огневые позиции подтянули две 355-мм гаубицы. Они принадлежали тяжелому механизированному 641-му армейскому артиллерийскому дивизиону, расчеты которого получили приказ уничтожить бронированные башни батареи "Максим Горький I". Этот советский форт огнем 12-дюймовых орудий контролировал Бельбекскую долину и пути к побережью.

Сам по себе вывод на позиции двух гигантов представлял собой нелегкую работенку. После четырех часов тяжкого труда группы сборщиков командир батареи, лейтенант фон Хадим, получил наконец возможность отдать первый боевой приказ (в походном состоянии орудие весило 123,5 тонны, а в боевом 78 тонн).

С ужасающим грохотом чудовища изрыгнули пламя. После третьего залпа унтер-офицер Майер, выполнявший роль передового наблюдателя на самом переднем крае 213-го пехотного полка, сообщил, что попадания бетонобойных снарядов пока не дали никакого эффекта и что бронированные башни стоят как прежде.

– Специальными рёхлингскими гранатами, - скомандовал фон Хадим. 3,5-метровые снаряды весили по тонне каждый и заряжались с помощью специального крана. "Рёхлинги" уже доказали свою действенность в ходе Западной кампании против фортификационных сооружений Льежа. Они взрывались не при соприкосновении с поверхностью цели, а только войдя в нее на некоторую глубину. Унтер-офицер Фридель Фёрштер со своими четырнадцатью товарищами из прислуги орудия № 1 разом зажали уши, увидев, как лейтенант поднял руку.

– Огонь!

Через двадцать минут завершилась следующая операция заряжания.

– Огонь!

Вскоре поступило сообщение от унтер-офицера Майера:

– Бронированная башня слетела с погона!

"Максиму Горькому" свернули голову. Стволы 12-дюймовых морских пушек смотрели в небо. Батарея смолкла.

Пришел момент для полковника Гитцфельда, завоевателя керченского Турецкого вала. Во главе батальонов своего 213-го полка он пошел на форт и захватил бронированные башни и подступы к ним.

Стрелять "Максим Горький I" больше не мог, но советские защитники внутри огромного бетонного бункера длиной свыше 300 метров и шириной 40 метров не сдались. Их группы совершали молниеносные вылазки через потайные ходы и вентиляционные отверстия.

Вторая рота 24-го инженерного батальона получила приказ положить конец этим противодействиям противника. На требование сдаться советские солдаты ответили автоматными очередями. На подготовку первого крупного взрыва ушла гора динамита, воспламеняющейся жидкости и дымовых шашек. Когда дым рассеялся, красноармейцы все еще

стреляли из амбразур и проломов.

Вторым взрывом обнажилась внутренняя структура огромного бетонного бункера. Саперы увидели, как устроен "Максим Горький I" - трехуровневое здание походило на маленький город.

В форте имелись автономная подача воды и электроэнергетики, полевой госпиталь, столовая, мастерские для ремонта вооружения и оборудования, лифты для подачи боеприпасов, арсеналы и боевые посты. Каждая комната, каждый коридор перекрывались двойной стальной дверью. Все их приходилось взрывать по отдельности.

Саперы вжимались в стены. Когда взрывалась дверь, они бросали в помещение гранаты и ждали, пока рассеется дым. Затем принимались за следующую дверь.

В коридорах валялось полным-полно погибших советских солдат. Они казались похожими на чудовищ из-за масок надетых на них противогаров. Носить их красноармейцев вынуждали дым и вонь.

В следующем коридоре немцев встретили автоматным огнем. Полетели ручные гранаты, автоматные выстрелы смолкли. Хлопнула железная дверь. Жестокая игра повторилась. Так она продолжалась час за часом, по мере того как бой приближался к мозгу крепости - командному пункту. За боем в форте "Максим Горький" пристально следили в Севастополе, в штабе вице-адмирала Октябрьского, поблизости от порта. Офицер-радист лейтенант Кузнецов сидел у радиостанции и слушал. Каждые полчаса с "Максима Горького" поступали сообщения. Приказ адмирала командирам и комиссарам был прост: "Оборона до последнего человека".

Поступило сообщение. Кузнецов принял его и передал:

– Нас осталось сорок шесть. Немцы барабанят по нашей бронированной двери и требуют сдаваться. Дважды мы открывали смотровой люк и стреляли в них. Теперь это больше невозможно.

Через полчаса пришло новое сообщение: "Нас осталось двадцать два. Готовимся подорвать себя. Сообщений больше не будет. Прощайте".

Они сдержали слово. Мозговой центр форта взлетел на воздух, подорванный защитниками. Битва окончилась. Из всего гарнизона форта численностью 1000 человек в плен попало всего пятьдесят - все раненые. Цифры говорят сами за себя.

17 июня, когда сражение за "Максим Горький I" еще вовсю полыхало, саксонские батальоны 31-го пехотного полка 24-й пехотной дивизии овладели фортами "ГПУ", "Молотов" и "Чека".

22-я пехотная дивизия из Бремена под командованием генерал-майора Вольфа аналогичным образом продвинулась на юг левее саксонцев, и 17 июня ее 65-й пехотный полк, усиленный 2-й батареей штурмовых орудий 190-го дивизиона, взял форт "Сибирь". 16-й пехотный полк разгромил форты "Волга" и "Урал". 22-й дивизии довелось первой выйти 19 июня к Северной гавани последнему барьеру с севера на пути к южной стороне Севастополя.

50-й пехотной дивизии из Бранденбурга и Мекленбурга под командованием генерал-майора Фридриха Шмидта, а также румынской 4-й горнострелковой дивизии генерала Ласара досталась неблагоприятная задача продираться по поросшей кустарником скалистой местности с северо-востока в направлении Гайтанской возвышенности. Они сумели справиться с заданием и вышли к восточной оконечности Северной гавани.

На западном фронте 30-й корпус генерал-лейтенанта Фреттер-Пико 11 июня, согласно плану, развернул атаку силами сначала 72-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Мюллер-Гехарда и 28-й легкой дивизии генерал-лейтенанта Зиннгувера, а позднее также 170-й пехотной дивизии генерал-майора Зандера. Дивизии наступали по обеим сторонам главной дороги, которая вела к городу с берега. Все зависело от овладения господствующей высотой - Сапун-горой. Этот холм являлся ключом к южной части города; бои шли за вершины гор и

овраги. Приходилось вести самую настоящую войну в миниатюре за хорошо замаскированные опорные пункты укрепившегося на скалах противника - "Северный нос", "Часовенная гора" и Камарские пещеры стали важнейшими местами сражения. Солдатам 72-й пехотной дивизии вовек не забыть этих названий.

Стрелковые полки 28-й легкой дивизии пробивали себе путь через крутые скалы в прибрежных горах. Порт Балаклаву еще осенью 1941 г. неожиданным налетом захватил 105-й пехотный полк, но даже и в июне 1942 г. стрелкам тут хватало работы. Не приходилось скучать без дела штурмовым командам, возглавляемым такими храбрецами, как лейтенант Косляр, унтер-офицер Кединг и унтер-офицер Гиндемит. "Гора головастик", "Киноварь I, II и III", "Розовая гора" и знаменитые виноградники - вот где в основном разыгрывались ожесточенные бои.

Усиленная 170-я пехотная дивизия, до недавнего времени находившаяся в резерве, а теперь расположенная между двумя штурмовыми дивизиями, захватила жизненно важную Сапун-гору. Душой атаки стал обер-лейтенант Биттлингмайер со своим 1-м батальоном 391-го пехотного полка. За полтора часа его батальон проложил себе путь на вершину. Тут, едва его часть достигла цели, Биттлингмайер пал, сраженный вражеской пулей, успев напоследок взглянуть на город и порт Севастополь.

18 июня майор Бааке с 72-м разведывательным батальоном захватил "Орлиное гнездо".

420-й пехотный полк, временно приданный 170-й пехотной дивизии, получил малоприятное задание. Задача состояла в том, чтобы штурмом овладеть старым британским военным кладбищем, где лежали погребенными солдаты Крымской войны. Советы оборудовали на кладбище позиции тяжелой артиллерийской батареи - зловещая крепость.

20 июня усиленный 97-й пехотный полк 46-й пехотной дивизии овладел Северным фортом и знаменитой Константиновской батареей на узкой Северной косе. Таким образом, немцы контролировали теперь порт, и Севастополь оказался в тисках. Манштейн владел всеми укреплениями вокруг Севастополя. Тем не менее 26 июня на всех имевшихся в распоряжении судах советское Верховное Главнокомандование послало в город 142-ю стрелковую бригаду. Подкрепление поступило в крепость как раз вовремя, чтобы стать свидетелем ее падения.

Честь нанесения последнего смертельного удара досталась 22 и 24-й пехотным дивизиям. 22-й артиллерийский полк выпустил свой стотысячный снаряд. Он упал на противоположном берегу Северной гавани.

Полки собрались в пыльной "Волчьей долине" для последнего штурма в лунную ночь.

27 июня, вскоре после полуночи, роты начали форсировать бухту на надувных лодках и резиновых плотках. Враг слишком поздно заметил их продвижение. Первые штурмовые команды уже добрались до электростанции и захватили ее.

Батальоны осторожно пробирались к окраине города. С рассветом в небе появились "Штуки". Они очистили проходы для пехотинцев. Наступающие преодолели последний большой противотанковый ров.

Советская оборона рушилась, всюду царили паника и хаос. То тут, то там комиссар, командир или комсомолец дрались до последнего вздоха.

В забаррикадированной галерее в скалах бухты укрывались около 1000 человек - женщин, детей и солдат. Командовавший обороной комиссар отказался открывать двери. Саперы стали подкладывать взрывчатку. В этот момент комиссар взорвал галерею со всеми, кто там находился, включая и себя. При взрыве погибла дюжина немецких саперов.

3 июля все закончилось. Севастополь, сильнейшая крепость в мире, пал. Было разгромлено две советские армии, в плен попало 90 000 человек. На опустевших полях битвы среди тысяч трупов русские оставили 467 стволов артиллерии, 758 минометов и 155 противотанковых и

зенитных орудий.

Офицеры, руководившие обороной крепости, адмирал Октябрьский и генерал-майор Петров, избежали смерти и плена. 30 июня их вывезли из города на моторке 1.

Теперь 11-я армия Манштейна могла принять участие в реализации грандиозного плана - наступления на Сталинград и Кавказ. 3. План, преданный врагу Оленина и крымское шампанское - Прерванный праздник - Майор Райхель исчез - Катастрофическое бегство - Две таинственных могилы - Русским известен план наступления - Тем не менее наступление разворачивается Рождение трагедии.

Комиссарская дача на окраине Харькова оказалась на удивление со вкусом обставлена. Двухэтажное здание с вместительным подвалом окружал сад. Товарищ комиссар мог гордиться собой. Впрочем, он занимал весьма высокий пост - курировал тяжелую промышленность Харьковской области. Теперь дачей владели генерал танковых войск Штумме и штаб его 40-го танкового корпуса.

Коренастый Штумме - прекрасный офицер и влюбленный в жизнь человек буквально излучал энергию и не умел сидеть на месте. Он никогда, с самых молодых лет, со времен службы в кавалерии не расставался с моноклем. Из-за повышенного давления с лица его не сходила краснота. Из-за внешности и темперамента генерал получил у офицеров своего штаба прозвище Шаровая Молния. Он, разумеется, знал об этом, но делал вид, что не знает, благодаря чему мог никак не реагировать, если вдруг слышал, как кто-то произносил его.

Штумме не принадлежал к числу штабных схоластов, как многие офицеры, будучи человеком практическим, он имел настоящее чутье на ситуации и умел верно распознавать тактические возможности. Он являлся одним из лучших немецких танковых командиров, с умом планировал свои операции и с большой решимостью претворял планы в жизнь. Он был боевым офицером, любившим передовую, идолом солдат, о которых неизменно заботился. Любили его и офицеры, восхищавшиеся энергией командира и его талантом тактика.

Он имел слабость - слабость, которая не могла причинить вреда подчиненным, - любил хорошо поесть и выпить.

– Война и так скверная штука, так зачем же делать жизнь еще хуже, плохо питаюсь? Нет-нет, господа, это не для меня! - частенько говаривал Штумме. Но деликатесы, которые раздобывал для командира комендант штаб-квартиры, генерал неизменно делил с гостями.

Вот такой ужин и давал Штумме у себя в штаб-квартире вечером 19 июня 1942 г. В числе гостей присутствовали три командира дивизий корпуса и командующий корпусной артиллерией: генерал-майор фон Бойнебург-Ленгсфельд, командир 23-й танковой дивизии, генерал-майор Брайт, командир 3-й танковой дивизии, генерал-майор Фремерай, командир 29-й мотопехотной дивизии, и генерал-майор Ангело Мюллер, командующий артиллерией. Кроме них за столом находились подполковник Франц, начштаба корпуса, подполковник Гессе, начальник оперативного отдела, лейтенант Зайтц, порученец, и подполковник Гарри Момм, адъютант корпуса и призер международных конкурсов.

Ужину предстояло стать их "последней трапезой приговоренного", как в шутку сказал Штумме.

– Несколько последних деньков досуга, господа, а потом мы вновь выступаем. Будем надеяться, теперь-то нам удастся поставить Сталина на колени.

– Будем надеяться, - проворчал генерал Брайт, здоровяк-танкист из Палатината.

Два дня тому назад всех трех дивизионных командиров устно поставили в известность о задачах корпуса на первом этапе операции "Блау". Только устно, потому что Гитлер издал строжайший секретный приказ: дивизионным командирам не позволялось знать о планах корпуса до начала наступления.

"Не могли бы мы получить хотя бы краткие письменные инструкции?" спросил один из командиров. Насчет этого также имелись строгие распоряжения, но Штумме разрешил. "Нельзя командовать танковым корпусом, слишком натягивая поводья, - пояснил он тогда своим начальнику штаба и начальнику оперативного отдела и продиктовал общий план действий всего на полстранички машинописного текста. - Исключительно для дивизионных командиров". В тексте освещалась только первая фаза операции "Блау". Подполковник Гессе позаботился о том, чтобы сверхсекретный документ доставляли в дивизии особо надежные курьеры.

Это было обычной практикой во многих танковых корпусах. В конце концов, как может дивизионный командир, руководящий действиям подвижной части, принять правильное решение в случае появления возможности совершить прорыв, если он не знает, куда ему придется наступать дальше - на север, на юг или на запад?

Задача корпуса Штумме на первом этапе операции "Блау" состояла в нанесении удара через Оскол в составе 6-й армии с последующим поворотом на север с целью окружения противника. Если бы дивизиям удалось быстро форсировать реку, для командиров очень важно было бы знать план хотя бы в общих чертах, чтобы действовать правильно и не терять времени.

Штумме всегда считал, что, коротко в письменном виде обрисовывая задачу дивизионным командирам, поступает правильно. Так он никогда не упускал шанса, и ничего плохого не случалось - по крайней мере, не случалось до 19 июня.

Штумме не без удовольствия наблюдал за тем, какую реакцию у гостей вызывают блюда из его обеденного меню. На второе подавали жареную оленину самца косули, подстреленного подполковником Францем во время разведки. Гвоздем программы являлась, конечно, черная икра, которую все присутствовавшие за столом запивали крымским шампанским. И то и другое обнаружил на товарном складе в Харькове проворный начальник столовой - и говорить гостям "угощайтесь, господа" дважды не приходилось.

Ничто не способствует созданию атмосферы веселья так быстро, как крымское шампанское, - факт, проверенный на царских банкетах в старые времена, а затем и на празднествах большевиков. Вот и на ужине у Штумме 19 июня тоже царило веселье. Офицеры, все хорошо помнившие ужасную зиму, начинали смотреть в будущее с крепнувшей надеждой.

Сам хозяин и командир корпуса источал энергию и оптимизм. После полудня он говорил с командованием армии, где тоже никто не находил причин для грусти. Генерал фон Макензен со своим усиленным танковым корпусом только что пробил для 6-й армии брешь в позициях противника в районе Волчанска, севернее Харькова и восточнее Донца, обеспечив таким образом великолепные исходные позиции для крупного наступления вдоль Бурлука на дальнем берегу Донца.

Смелым и быстрым обходным маневром Макензен со своими четырьмя подвижными и четырьмя пехотными дивизиями разбил значительно превосходящие силы противника, прочно окопавшиеся на господствующих высотах по Донцу. Корпус овладел высотами и взял в плен 23 000 советских военнослужащих. Теперь в ходе предстоящего широкомасштабного наступления 6-й армии генерала Паулюса не придется ценой больших жертв форсировать Донец под огнем противника.

С помощью столового ножа, вилки, десертной ложки и стакана для коньяка подполковник Франц обрисовал интересную операцию, которую провел Макензен, достигнув значительного успеха без заметных потерь. Акция Макензена стала еще одним свидетельством того, что немецкие армии на Востоке вновь обрели прежнюю ударную мощь.

— А теперь Макензен вот-вот повторит тот же самый спектакль к юго-востоку от нас, чтобы очистить от неприятеля эту сторону Донца и обеспечить нам Оскол как исходную позицию для старта операции "Блау". Макензен симпатяга, он не подведет, вот увидите.

Штумме поднял стакан. Оптимизм и жизнерадостность царили за столом безраздельно.

Часы показывали без пяти минут десять. Нет, на стене не появилась надпись, подобная той, что видели на пиру у Валтасара, и бомба не разорвалась среди от души веселившихся штабистов. Ничего не случилось, просто вошел писарь, унтер-офицер Одинга, наклонился к подполковнику Гессе и что-то прошептал ему на ухо. Начальник оперативного отдела поднялся со своего места и обратился к Штумме:

– Прошу прощения, господин генерал. Меня срочно вызывают к телефону.

Штумме рассмеялся:

– И не смей возвращаться с плохими новостями!

– Нет, не думаю, господин генерал, - отозвался Гессе. - Это всего лишь дежурный офицер из Двадцать третьей танковой дивизии.

Когда они вышли из комнаты, где продолжалась пирушка, и стали спускаться вниз, унтер-офицер Одинга заметил:

– У них там в Двадцать третьей, похоже, что-то случилось, господин подполковник.

– Да?

– Да. Вроде бы майор Райхель, их начальник оперативного отдела, куда-то пропал. Во второй половине дня его уже никто не видел.

– Что?

Оставшиеся ступеньки Гессе преодолел бегом и схватил трубку.

– Да, что там у вас, Тайхгребер? - Выслушав, он сказал: - Нет, тут его точно нет. - Гессе посмотрел на часы у себя на запястье. - Говорите, убит в четырнадцать ноль-ноль?.. Но сейчас двадцать два ноль-ноль. Скажите мне, что у него было при себе? - Гессе весь обратился в слух. - Планшетка с картами?.. Что?.. Конверт с машинописным текстом тоже? Но, черт возьми, зачем ему они в разведывательном полете?

Гессе на мгновение окаменел. Затем бросил трубку на рычаг и побежал наверх, в столовую. Атмосферы веселья как не бывало. По выражению лица начальника оперативного отдела офицеры поняли, что что-то случилось.

Обращаясь то к Штумме, то к фон Бойнебург-Ленгсфельду, подполковник Гессе рассказал о происшествии. В 14.00 майор Райхель, начальник оперативного отдела 23-й танковой дивизии, прекрасный и вполне благонадежный офицер, на управляемом лейтенантом Дехантом "Физелер Шторхе" полетел в штаб 17-го армейского корпуса, чтобы еще раз взглянуть на район дислокации дивизии и свериться с планом в письменных инструкциях, данных командирам дивизий. Райхель, должно быть, пролетел мимо штаба к передовой. Он до сих пор не вернулся, и если и приземлился где-то, то только не в расположении частей дивизии. При нем находились не только отпечатанные указания командира корпуса, но и карты, на которых были отмечены места дислокации дивизий корпуса, а также оперативные задачи первой фазы операции "Блау". Штумме вскочил со стула. Бойнебург-Ленгсфельд попытался успокоить всех:

– Он мог сесть где-нибудь в стороне от наших дивизий. Не надо сразу думать о наихудшем. - На лицах читалось другое, то, во что так не хотелось верить: "Его вместе с инструкциями и планом первой фазы операции "Блау" схватили русские".

Поведение Штумме вполне оправдывало данное ему прозвище. Он немедленно связался со всеми дивизиями на передовой: дивизионные и полковые командиры получили приказ выяснить у командиров рот и их передовых наблюдателей, не случилось ли каких-нибудь аварий самолетов.

Штаб корпуса превратился в растревоженный улей. Телефоны раскалились добела, и вот наконец минут через сорок пять позвонили из 336-й пехотной дивизии. Где-то между 15.00 и 16.00 передовой артиллерийский наблюдатель заметил в дымке жаркого дня "Физелер Шторх".

Самолет накренился и, повернув, нырнул в низкую облачность, а затем в итоге, когда над всем районом загремела мощная летняя гроза, сел поблизости от позиций русских.

– Немедленно послать туда сильную штурмовую команду, - распорядился Штумме.

Подполковник Гессе отдал разведчикам подробный приказ. Главное, конечно, найти обоих офицеров. Если обнаружить Райхеля и пилота не удастся, тогда надо искать планшетку и портфель. Если же в точке приземления самолета первым оказался противник, надо осмотреть местность на предмет возможно происходившего там боя; может быть, встретятся свидетельства уничтожения документов.

В серых предрассветных сумерках 20 июня усиленная рота 336-й пехотной дивизии отправилась на задание по довольно трудной местности. Вторая рота обеспечивала фланговое прикрытие первой и создавала видимость боевой активности, чтобы сбить с толку русских.

Самолет обнаружили в маленькой низине. В кабине никого не нашли. Ни портфеля, ни планшета с картами там тоже не оказалось. Отсутствовали даже приборы с приборной доски - излюбленный русский обычай, они всегда поступали так с попавшими к ним немецкими самолетами. Следов огня, которые могли бы свидетельствовать об уничтожении документов, нигде не было, как не было следов крови и вообще каких-то признаков борьбы. В баке самолета виднелась пулевая пробоина. Бензин вытек.

– Общитесь все вокруг, - приказал капитан. Маленькими группами солдаты отправились в разные стороны. Через несколько секунд послышался голос унтер-офицера:

– Сюда! - Он указал на два холмика земли метрах в 30 от самолета две свежих могилы. Командира роты находка удовлетворила. Он отозвал отправившихся на поиски бойцов и вернулся на свои позиции.

Генерал Штумме только головой покачал, услышав донесение о двух могилах.

– С каких это пор русские оказывают такое почтение нашим погибшим, что даже хоронят их? Да еще рядом с самолетом!

– Мне это, безусловно, кажется странным, - согласился подполковник Франц.

– Я хочу знать все точно, тут возможен какой-то дьявольский трюк, проговорил Штумме.

336-я пехотная дивизия получила приказ вновь отрядить группу к самолету, раскопать могилы и удостовериться, что в них именно майор Райхель и лейтенант Дехант.

Солдаты из 685-го пехотного полка вновь отправились на задание, взяв с собой денщика майора Райхеля для опознания. Вскрыли могилы. Парень опознал своего майора, но не очень уверенно, поскольку на погибшем было только нижнее белье, да и вообще зрелище получилось малоприятное. Во второй могиле тоже не обнаружилось деталей военной формы.

Какое именно заключение относительно найденных в могилах тел направили в штаб армии из 40-го танкового корпуса, штаб которого и вел расследование, сейчас уже достоверно неизвестно. Некоторые штабные офицеры вообще не припоминают, чтобы там были обнаружены какие-то тела. Офицер разведки 40-го танкового корпуса, который находился всего в нескольких километрах от точки приземления самолета и действовал как своего рода аванпост штаба генерала Штумме, считает, что майор Райхель исчез бесследно. Подполковник Франц - то есть в ту пору подполковник - уверен, что тела были уверенно опознаны. Вне зависимости от мнений штабных офицеров 336-й пехотной дивизии, возникают серьезные подозрения, что русские проделали с немцами весьма ловкий трюк. Известно, что госпожа Райхель получила письмо от полковника Фельтера, начальника оперативного отдела 6-й армии, в котором ей сообщалось о том, что ее муж "со всеми воинскими почестями похоронен на немецком военном кладбище в Харькове". Ей даже прислали фотографию могилы, но она не получила обручального кольца, которое муж не снимал с пальца. Естественно, все это и по сей день вызывает сильные сомнения относительно обстоятельств данного дела.

Для германского командования в конце июня 1942 г. было очень и очень важно знать, погиб ли Райхель или же находился в плену у русских. Если первое, то противнику стало известно только то, что говорили ему карты и напечатанные инструкции в конверте - задачи первой фазы операции "Блау". Если же майора взяли живым, существовала опасность, что специалисты из ГПУ заставили его рассказать все, что он знал. А знал Райхель о предстоящем наступлении, естественно, почти все, хотя и в общих чертах. Он знал, что цель - Кавказ и Сталинград. Мысль о том, что Райхель попал в руки советской разведки, где его заставили говорить, была самой неприятной для немецкого командования. И все же имелись все основания думать, что именно так и случилось.

Не являлось секретом, что советские солдаты на передовой имели строжайший приказ обращаться с любым немецким офицером, у которого обнаружится малиновый кант на галифе - т.е. со штабным офицером, - как с вазой из китайского фарфора и немедленно отправлять его в штаб своей части, а оттуда в вышестоящий штаб и т.д. Более того, убитых в бою штабных офицеров предписывалось уносить с места их гибели подальше от передовой, чтобы немцы терялись в догадках, живы ли они или нет. А неуверенность эту русские поддерживали с помощью искусной пропаганды.

Почему вдруг красноармейцы сделали исключение? И даже если уж они сделали его, то зачем похоронили тела?

Существует только одно логическое объяснение случившемуся. Райхеля и его летчика захватили в плен советские дозорные, захватили, а затем убили. Когда старший патруля доставил планшет с картами и портфель с документами своему командиру, последний тут же понял, что погибший был старшим штабным офицером. Чтобы избежать неприятностей и возможных вопросов относительно тел, он отправил дозор обратно, с тем чтобы солдаты похоронили убитых ими двух немецких офицеров.

Нет нужды говорить, Штумме тотчас же пришлось сообщить о случившемся с Райхелем командованию армии, подполковник Франц уже доложил об этом по телефону в ночь с 19 на 20 июня ближе к 01.00 начальнику штаба 6-й армии, полковнику Артуру Шмидту, позднее генерал-лейтенанту Шмидту. Генералу танковых войск Паулюсу не оставалось ничего иного, как в свою очередь сделать донесение о происшествии через группу армий в ставку фюрера в Растенбурге.

К счастью, Гитлер находился в тот момент в Берхтесгадене, а потому сообщение достигло его ушей не сразу. Отвечал за расследование на начальном этапе генерал-фельдмаршал Кейтель. Он склонялся к тому, чтобы рекомендовать Гитлеру принять самые суровые меры против "офицеров, виновных как сообщники".

Кейтель, конечно, предугадывал реакцию Гитлера. В приказе фюрера совершенно ясно говорилось, что штабы высшего уровня могут отдавать оперативные приказы только устно. В директиве № 41 Гитлер вновь обозначил строгие правила секретности при проведении наиважнейшей для немцев операции - операции "Блау". Гитлер всегда боялся шпионов и не упускал случая подчеркнуть свой принцип: никто не должен знать больше, чем ему необходимо для выполнения задания.

Генерал Штумме вместе со своим начальником штаба, подполковником Францем, и генералом фон Бойнебург-Ленгсфельдом, командиром 23-й танковой дивизии, были освобождены от занимаемых должностей за три дня до начала наступления. Дело Штумме и Франца слушалось Специальным советом военного суда рейха под председательством рейхсмаршала Геринга. В вину офицерам вменялось преждевременное и излишнее раскрытие приказов.

В ходе двенадцатичасового слушания Штумме и Франц сумели доказать, что о "преждевременном" отдавании приказов не может идти и речи. Один только вывод танкового

корпуса на Волчанский плацдарм по единственному доступному мосту через Донец занимал пять коротких июньских ночей. Оставалось "излишнее раскрытие приказов", которое и стало главным козырем обвинения. Указывалось на то, что корпус уведомил свои танковые дивизии о том, что после переправы через Оскол и поворота в северном направлении они могут встретить венгерские части в форме цвета хаки, сходной с русской. Предупреждение было необходимым, поскольку существовала опасность, что немецкие танкисты примут венгров за русских. Трибунал не принял этого объяснения. Обвиняемых приговорили одного к пяти, другого к двум годам заключения. Правда, в конце заседания Геринг подошел и пожал обоим руки, сказав при этом:

– Вы излагали свои доводы честно, храбро и не пытались увилить. Я доложу об этом фюреру в своем рапорте.

Геринг, похоже, выполнил обещание. Генерал-фельдмаршал фон Бок тоже замолвил словечко за двух офицеров в личной беседе с Гитлером в его ставке. Чье вмешательство смягчило сердце Гитлера, сказать в настоящее время не представляется возможным. Однако через месяц Штумме и Франц получили по одинаковому письму, в которых говорилось, что, ввиду их прошлых заслуг и выдающейся храбрости, фюрер отменяет наказания. Штумме послали в Африку в качестве заместителя к Роммелю, а Франц отправился вслед за командиром как начальника штаба Африканского корпуса. 24 октября генерала Штумме убили под Эль-Аламейном. Там он и похоронен.

После снятия с должности Штумме 40-й корпус принял генерал танковых войск Лео фрайгерр Гейр фон Швеппенбург - успешно командовавший 24-м танковым корпусом. Ему досталось нелегкое задание.

Самое позднее к 21 июня не осталось уже никаких сомнений, что советскому Верховному Главнокомандованию известен план и боевое расписание немецких частей на первую фазу генерального немецкого наступления. В Кремле знали также о намерении противника совершить прямой бросок с запада на восток из района Курска очень крупными силами, овладеть Воронежем за счет обходного маневра 6-й армии из района Харькова, чтобы таким образом окружить советские войска перед Воронежем и уничтожить их в котле между Осколом и Доном.

Чего Советы не могли увидеть на картах и прочитать на клочке бумаги, которые несчастный Райхель имел при себе в тот злополучный день, так это того, что армейской группе Вейкса впоследствии предстояло наступать на юг и юго-восток по Дону и что главными стратегическими задачами ставилось овладение Сталинградом и Кавказом. Если, конечно, русские не взяли Райхеля живым и не "поджарили ему пятки", положив в могилу возле самолета труп кого-нибудь другого.

Учитывая хитрость и изобретательность советской разведки, такую возможность не приходилось сбрасывать со счетов. Следовательно, вопрос, на который должны были ответить в ставке фюрера, звучал следующим образом: надо ли менять план операции и дату начала наступления?

И генерал-фельдмаршал фон Бок, и генерал Паулюс возражали против подобного решения. До старта наступления оставались считанные дни, а значит, Советы все равно не могли предпринять каких-либо кардинальных шагов для того, чтобы сорвать замыслы немцев. Больше того, 22 июня генерал Макензен развернул вторую свою "новаторскую операцию" с целью подготовить подходящие исходные позиции для 6-й армии, и вел небольшие сражения, окружая и уничтожая противника вместе с частями 1-й танковой армии в районе Купянска, в результате чего взял 24 000 военнопленных и захватил территорию на противоположном берегу Донца вплоть до Нижнего Оскола.

"Стартовые площадки" для операция "Блау" были подготовлены. Если теперь начать переналаживать сложный механизм плана, немцы рискуют поставить под угрозу саму его реализацию. Если уж маховик закрутился и продолжает вращаться без скрипа, то неверно будет тормозить его теперь. Поэтому Гитлер решил дать "зеленый свет" наступлению так, как и предусматривалось: днем "Д" для армейской группы Вейхса на северном фланге оставалось 28 июня, а для 6-й армии с 40-м танковым корпусом - 30 июня. Жребий был брошен.

Случившееся в дальнейшем тесно связано с трагическим делом майора Райхеля и содержит в себе семя немецкой катастрофы в России. Отсюда начинает свой счет череда стратегических ошибок, которая неизбежно приводит к Сталинграду - поворотному пункту в войне на Востоке и, следовательно, к поражению Германии. Чтобы понять причины поворота и перемены военного счастья, так неожиданно отвернувшегося от немецких армий на Востоке, когда они находились на пике успеха, необходимо более внимательно присмотреться к стратегическим ходам, так или иначе связанным с операцией "Блау".

Основой первой фазы немецкого наступления лета 1942 г. являлось взятие Воронежа. Этот расположенный на двух реках важный нерв экономической жизни и центр военной индустрии контролировал Дон и многочисленные переправы через него, а кроме того, и меньшую реку Воронеж. Более того, город представлял собой важный транспортный узел на пути с севера на юг России - из Москвы к Черному и Каспийскому морям, - как по шоссе, так и по железной дороге и по воде. В операции "Блау" Воронеж являлся точкой поворота на юг, а также главной базой, с помощью которой предполагалось обеспечивать фланговое прикрытие.

28 июня армейская группа фон Вейхса начала наступление на Воронеж силами немецкой 2-й армии, венгерской 2-й армии и 4-й танковой армии. При этом 4-я танковая армия Гота действовала как главный ударный кулак. Ядром ее - ее тараном - служил 48-й танковый корпус генерала танковых войск Кемпфа, состоявший из 24-й танковой дивизии в центре, а также 16-й моторизованной дивизии и дивизии "Великая Германия", соответственно, справа и слева.

Задание овладеть Воронежем получила 24-я танковая дивизия - ранее 1-я кавалерийская дивизия из Восточной Пруссии и единственная кавалерийская дивизия в составе Вермахта, переформированная и переукомплектованная в танковую дивизию зимой 1941-1942 гг.

Дивизия под командованием генерал-майора риттера фон Гауэншильда ударила на врага всей своей мощью. Под прикрытием с воздуха, обеспечиваемым 8-м авиакорпусом, танкисты прорвали советские оборонительные рубежи, вышли к реке Тим. Во время штурма моста немцам в самую последнюю секунду удалось обезвредить взрыватель. После чего командир дивизии поспешил на другой берег в своей бронемашине, впереди усиленного танкового полка.

Кавалерийским наскоком танкисты помчались к реке Кшень, разгромив артиллерийские и транспортные колонны советских 160 и 6-й стрелковых дивизий. Еще один мост удалось взять целым. Это была стремительная гонка. Дивизионный командир и штаб возглавляли атаку, рвались вперед, невзирая на открытые фланги, точно в соответствии с девизом Гудериана: "Действиями танковых частей надо руководить, находясь во главе их, танковые войска такие войска, которые могут позволить себе роскошь открывать свои фланги".

Когда наступающим пришлось сделать остановку для заправки техники горючим, командование провело перегруппировку, и в темпе сформированные боевые группы помчались дальше. К вечеру первого дня мотоциклисты и части 3-го батальона 24-го танкового полка атаковали село Ефросиновка.

- Так-так, и что у нас тут? - проговорил капитан Айхгорн. На окраине села виднелся целый лес столбов с указателями, а также несколько радиофургонов, множество грузовиков и вещевого обоз штаба, судя по масштабам, командования высокого уровня.

Мотоциклисты чуть-чуть опоздали к большой добыче: личный состав располагавшегося

здесь командного пункта советской 40-й армии успел покинуть село в последнюю минуту. Но, несмотря на то что русским удалось унести ноги, армия, штаб которой в бегах, это - армия без головы.

Таким образом, 24-я танковая дивизия жарким летом 1942 г. вновь продемонстрировала верность традициям классического танкового броска в духе первых недель войны и показала, что хорошо снаряженная, свежая танковая дивизия вполне в состоянии громить русских. Только ливень ненадолго задержал уверенно продвигавшиеся танковые порядки. Они заняли круговую оборону, дождались подхода гренадерских полков, после чего авангард наступления продолжил путь под командованием полковника Рибеля.

К 30 июня 24-я танковая дивизия покрыла половину расстояния до Воронежа. Тут им преградили путь четыре советские стрелковые бригады на заранее подготовленных позициях. Позади них, как установили немцы, находились две танковых бригады. Дела принимали серьезный оборот.

В попытке остановить немецкий прорыв, окружить острие наступления и прикрыть Воронеж Советы развернули три танковых корпуса. Руководство операцией лично принял на себя генерал-лейтенант Федоренко, заместитель наркома обороны и командующий танковыми войсками. Безусловно, русские осознавали значение наступления противника на Воронеж.

Но Федоренко не повезло. Задуманный им грандиозный танковый бросок против головных частей 4-й танковой армии Гота провалился. Превосходство немецкой тактики, грамотная разведка и более гибкое командование помогли немцам одержать победу в схватках с более мощными советскими Т-34 и КВ.

30 июня, в день, когда 24-я танковая дивизия вступила в первую большую танковую битву, в 150 километрах южнее немецкая 6-я армия начала продвижение на северо-восток, имея задачей овладение Воронежем. Огромные "клещи" приготовились вырвать первый "зуб" Сталину. Операцию поддерживали самолеты 4-го авиакорпуса под командованием генерала авиации Пфлюгбайля.

40-й танковый корпус наносил удар из района Волчанска могучим бронированными кулаком из крещенных огнем соединений - 3 и 23-й танковых дивизий, 100-й стрелковой дивизии и 29-й моторизованной дивизии. Только 23-я танковая дивизия была новичком на Востоке в 1942 г. Ее тактическим знаком была Эйфелева башня, что само по себе говорило о том, откуда прибыла эта дивизия в Россию; до недавнего времени она располагалась во Франции как оккупационное соединение. Советы не преминули воспользоваться данным обстоятельством в целях психологической войны. Над местами дислокации 23-й с самолетов сбрасывались листовки, где говорилось: "Солдаты 23-й танковой дивизии, мы приветствует вас на территории Советского Союза. Веселая парижская жизнь закончилась. Ваши товарищи расскажут вам, каково им приходится тут у нас, но скоро вы и сами все увидите". Уловка сработала. На личный состав 23-й танковой дивизии произвела впечатление осведомленность русских.

Первый приказ фрайгерра фон Гейра выглядел следующим образом: "Выйдя на Оскол, войскам повернуть на север, чтобы в районе Старого Оскола создать котел во взаимодействии с 48-м танковым корпусом Кемпфа".

Но произошло нечто неожиданное. Немцы обнаружили, что, несмотря на упорство русских арьергардов, сражавшихся на заранее подготовленных позициях, главные силы советских войск отходили на восток в порядке. Впервые русские не принимали широкомасштабного сражения. Они выскальзывали из формирующегося котла. Что это означало? Они до такой степени хорошо были осведомлены о планах немцев? 4. Новая советская тактика Фатальная ошибка с Воронежем - Тимошенко не принимает боя - Гитлер снова меняет план - Военный совет в Кремле - Районом боев становится Южный Дон - Сражение за Ростов - Уличные бои с частями НКВД - Батайский

мост.

Когда командиру 40-го танкового корпуса доложили об отходе советских войск, он немедленно осознал, что подобным шагом противник ставит под угрозу всю первую фазу немецкой операции. Ввиду изменившейся ситуации он запросил разрешения незамедлительно продвигаться на восток к Дону. Но командование 6-й армии настаивало на реализации плана - формировании котла - и потому приказало: "40-му танковому корпусу повернуть в северном направлении, чтобы соединиться с 4-й танковой армией". Приказ есть приказ. Крышка котла закрылась, западня захлопнулась, но внутри никого не было. Русские смогли отвести даже тяжелое вооружение. Гора родила мышь.

К тому времени даже в ставке фюрера начали понимать, что обстоятельства развиваются не в соответствии с планом. Русские быстро отходили к Дону. А если они смогут перейти реку, пока 4-я танковая армия наступает на Воронеж? В этом случае вся первая фаза операции "Блау" летит ко всем чертям. Угроза нешуточная. Нельзя терять ни минуты.

Осознав ситуацию, Гитлер 3 июля пришел к совершенно верному заключению, что, продолжая ставить на первое место взятие Воронежа, он подвергает опасности провала всю операцию "Блау". Поэтому во время короткого как вспышка молнии посещения штаба фон Бока фюрер сказал генерал-фельдмаршалу:

– Я более не настаиваю на захвате этого города, Бок, как и вообще не считаю это необходимым. Пожалуйста, если считаете нужным, можете сейчас же наступать на юг.

Настал решительный момент. Чаша весов, на которых лежали гирьки военного счастья, уравнились. В какую же сторону качнется стрелка?

Гейр вздохнул с облегчением, когда поздно вечером 3 июля получил из 6-й армии приказ выступать прямо на восток, в направлении Дона, чтобы отрезать отступавших русских, но к полудню следующего дня, 4 июля, пришел новый приказ: в итоге Гейру предстояло наступать не на юг, а на север, к Воронежу, чтобы прикрыть фланг 4-й танковой армии. Что случилось? Что произошло под Воронежем? Что стояло за всеми этими шараханьями из стороны в сторону?

Существует странный факт: все правильные решения, принятые Гитлером в первую половину войны, принимались им в некоторой необычной манере, с какой-то непонятной застенчивостью. То же самое и с Воронежем.

Он не сказал генерал-фельдмаршалу фон Боку: "Обойдите город и, не теряя времени, осуществляйте нашу схему действий в отношении Сталинграда". Нет, он только сообщил Боку, что более не настаивает на взятии Воронежа. Таким образом ответственность за принятие решения о повороте войск без взятия важного стратегического центра ложилась на командующего группой армий "Юг". Перед генерал-фельдмаршалом встал нелегкий выбор: взять город или все же обойти его? Поразмыслив как следует, фон Бок стал приходить к мысли, что неплохо было бы все же сначала овладеть ключевым пунктом, Воронежем, при условии, если удастся сделать это быстро. Почему же хотя бы не попробовать? Бок сомневался и колебался.

В этот момент пришло сообщение о том, что усиленный 26-й стрелковый полк 24-й танковой дивизии захватил плацдарм на противоположном берегу Дона. Немецкие батальоны перешли реку по советскому мосту, смешавшись с колоннами отступавших русских частей. С наступлением ночи подразделения разведчиков находились в трех километрах от Воронежа.

Слева от 24-й моторизованная пехотная дивизия "Великая Германия", обеспечивавшая прикрытие северного фланга 24-й танковой дивизии, аналогичным образом сумела продвинуться далеко вперед и ближе к 18.00 4 июля вышла к Дону. Южнее усиленный мотоциклетный батальон 16-й моторизованной дивизии также достиг берега реки.

В Семилуках противник оставил не взорванным мост через Дон по дороге к Воронежу.

Данное обстоятельство доказывало тот факт, что русские сами намеревались отвести главные силы своих армий через реку. Посредством мощных контратак при поддержке Т-34 противник пытался удержать широкий плацдарм на западном берегу и не допустить немцев к мосту.

Около 20.00 4 июля лейтенант Блюменталь с солдатами своей 7-й роты из состава 1-го мотопехотного полка дивизии "Великая Германия" овладел мостом через Дон и дорогой к Воронежу, создав плацдарм на восточном берегу. В последний момент противник постарался взорвать мосты, но, по всей видимости, электрического детонатора на месте не оказалось. Поэтому русские подожгли шнур. Маленький огонь, весело шипя, быстро скользил по шнуру к заложенным между балками зарядам динамита.

Унтер-офицер Гемпель из роты Блюменталья бросился в реку и, продвигаясь по пояс в воде, забрался под мост, где погасил огонь в нескольких сантиметрах от 50-килограммового заряда взрывчатки.

Тем временем русские колонны продолжали идти по мосту с запада прямо в руки солдат 7-й роты Блюменталья, встречавших их на восточном берегу.

– Руки вверх!

Мост был взят. Может статься, и Воронеж падет так же легко?

Группы 1-го пехотного полка дивизии "Великая Германия" на броне штурмовых орудий провели разведку боем в направлении города и вышли к железной дороге. Разумеется, им пришлось отступить под яростным натиском контратаковавшего противника, но, несмотря ни на что, немцам практически уже удалось прорваться в город. Вот такие обстоятельства побудили генерал-фельдмаршала фон Бока не последовать предложению Гитлера обойти Воронеж, а вместо того штурмовать город. Командующий хотел использовать благоприятную возможность, которую, как он считал, предоставляла ему ситуация, и попытаться захватить важный город с ходу. Он считал, что подвижные части его группы армий своевременно успеют зайти в тыл армиям Тимошенко из Воронежа и отрезать им путь отступления через Дон. Это была судьбоносная ошибка, из которой шаг за шагом и выросла сталинградская трагедия.

С наступлением ночи 5 июля, после удушающе жаркого дня, когда температура достигала 40 градусов, подвижные соединения 48 и 24-го танковых корпусов, а также два моторизованных полка дивизии "Великая Германия", 24-я танковая дивизия и мотоциклисты 3 и 16-й моторизованных пехотных дивизий удерживали плацдармы восточнее Дона на подступах к Воронежу. На севере прикрытие обеспечивали подтягивавшиеся пехотные дивизии. Но командование группы армий ошиблось в оценке сил неприятеля. Город был наводнен советскими войсками. В последний момент русские предприняли особые усилия для укрепления обороны Воронежа. Совершенно очевидно, Тимошенко сделал правильные выводы из бумаг, найденных у майора Райхеля.

Когда Гитлеру сообщили об этом, он внезапно вновь вмешался и строго-настрого запретил продолжать штурм города. Атаковать, настаивал он, надлежит в южном направлении - там главная цель операции.

Но 6 июля части 24-й танковой дивизии и дивизии "Великая Германия" ворвались в город. Русские, похоже, дрогнули и отходили. Под влиянием этих событий Гитлер заколебался и вновь одобрил взятие Воронежа. Однако он распорядился, чтобы по меньшей мере один танковый корпус - 40-й безотлагательно продолжил начатое 4 июля наступление на юг к низовьям Дона. Командование 4-й танковой армии получило указание по мере возможности как можно скорее высвободить свои танковые соединения, чтобы поддержать бросок 40-го танкового корпуса.

Таким образом, во вторую фазу операция "Блау" вошла в несколько "искривленном" виде. Захват важного населенного пункта Воронеж осуществлялся силами танковых частей, не очень хорошо подходивших для ведения такого рода боевых действий, а Бока постепенно лишали

самых эффективных ударных войск. И что еще хуже, некоторые из них встали на прикол южнее Воронежа из-за отсутствия горючего. В результате группа армий "Юг" более не располагала достаточными силами для того, чтобы добиться решительного перелома в битве за сам Воронеж, в то время как одного танкового корпуса, даже и усиленного позднее подтягивавшимися к нему мобильными частями, для быстрого выдвижения на юг и пресечения вражеского отступления через Дон было явно маловато.

7 июля 3 и 16-я моторизованные дивизии после ожесточенных боев взяли западную часть Воронежа. Но батальонам не удалось переправиться за реку Воронеж, которая протекала через город с севера на юг. Вновь и вновь русские переходили в контратаку силами пехоты при поддержке танковых частей.

Тимошенко сосредоточил в Воронеже главные силы советской 40-й армии девять стрелковых дивизий, четыре стрелковых бригады, семь танковых бригад и две истребительно-противотанковые. Данный факт говорит о том, что Тимошенко ознакомился с планом Гитлера и принимал верные контрмеры связывал главные силы немецких войск на северном фланге на подступах к Воронежу, чтобы выиграть время, необходимое на отвод основных сил его фронта с Оскола и Донца за Дон.

И в каком же направлении он отводил свои войска? Как ни странно, к Сталинграду.

Хотя немецкое радио сообщило о взятии Воронежа 7 июля, бои в квартале университета и в лесах севернее города шли до 13 июля. Но даже и после тринадцатого числа немцам не удалось овладеть восточной половиной города и мостом в северной части, что дало бы им возможность парализовать движение с севера на юг по железной дороге вдоль восточного берега реки - по жизненно важному для снабжения советских войск пути. Главный путь для поставок всего необходимого - автомобильная дорога из Москвы - тоже оставался в руках русских.

В соответствии с оригинальным планом, немецким механизированным частям, осуществив быстрый захват Воронежа, предстояло ударить на юг вдоль Дона, чтобы помешать дивизиям Тимошенко отступить из громадного района между Донцом и Доном и перехватить их на Дону. Вместо того ценные для наступления моторизованные и танковые дивизии 48-го корпуса и части 24-го танкового корпуса вели ожесточенные сражения за проклятый город, в то время как 9 и 11-я танковые дивизии все еще оставались связанными на севере блокировочных позиций 4-й танковой армии. Операцией руководил лично маршал Тимошенко. Воронеж нужно было удерживать как можно дольше, чтобы оттянуть бросок немецких войск на юго-восток. Каждый следующий день шел в плюс Тимошенко.

Вечером 6 июля головные части 40-го танкового корпуса - 1-й батальон 3-го стрелкового полка 3-й танковой дивизии - находились южнее Воронежа, примерно в 80 километрах от Россоши. Но у них заканчивалось горючее. Майор Вельманн, веривший в то, что снабженцы не подведут, тем не менее решил продолжить продвижение силами двух танковых рот и одной батареи 75-го артиллерийского полка.

В ясную звездную ночь они покатали по степи. Впереди рота Буша, за ней - Бремера. Командир батальона рассказывает об этом так: "Мы знали, что, если захватить мост через Калитву целым, нам удастся выйти к Россоши на рассвете, избежав столкновения с противником, нежелательного из-за нехватки у нас горючего и боеприпасов. Таким образом, придерживаясь нашего расписания, мы продолжали путь мимо русской артиллерии и пехотных частей, которые, по счастью, не догадывались, кто мы такие".

Незадолго до 03.00 впереди показались первые избышки Россоши. Батальонный переводчик, унтер-офицер Краковка, допросил схваченного русского. Перепуганный товарищ показал, что кроме двух отмеченных на карте мостов через Калитву есть еще один - танковый, построенный совсем недавно. Командиры рот Бремер и Буш вместе с командиром батальона составили план

действий.

В сером сумраке рассвета колонны Вельманна проследовали через все еще спавшую и ни о чем не подозревавшую Россошь. На спортплощадке стояло несколько курьерских самолетов. Там же оказался один танк. Возле трехэтажного здания несли вахту несколько часовых, которые, однако, не находили в приближавшемся облаке пыли ничего подозрительного.

Командирская бронемашина майора Вельманна ехала немного позади бронетранспортеров 1-й роты. Рота переезжала через мост. Когда Вельманн подъехал к советскому часовому на северном берегу, тот понял, что происходит, и схватился за висевшую у него на плече винтовку. Радист Вельманна, рядовой Теннинг, выскочил из бронемашины, с быстротой молнии подскочил к русскому и ткнул его в живот дулом своего автомата, выбил из рук красноармейца винтовку и поволок к командирской бронемашине первого и очень важного пленного. Русский уверял, что в Россоши базируется штаб очень высокого уровня и что в охрану входят восемь танков.

В это время с дальнего берега реки прогремели выстрелы. Так начался почти пятичасовой бой за город с его застигнутыми врасплох, но все равно очень упорно сопротивлявшимися защитниками.

Стреляли отовсюду. То там, то тут рычали двигатели Т-34. Советские пехотинцы перегруппировались. Но люди Вельманна держали мост. Спасением их стала батарея полевых гаубиц. Опытные бойцы расчетов так умно расставили орудия, что они находились на господствующих позициях над широкой дорогой, проходившей вдоль реки.

Сражение было ожесточенным и кровопролитным, но храбрость и крепкие нервы обеспечили победу немцам. Советские танки удалось по большей части лишить хода в ближнем бою. Унтер-офицер Науманн внес особый вклад в дело: он со своими солдатами захватил двадцать два старших офицера штаба фронта Тимошенко, преимущественно в звании полковников. Сам Тимошенко тоже находился в ту ночь в Россоши, но, по-видимому, в последний момент сумел улизнуть.

Однако, несмотря на всю отвагу, бой, вероятно, закончился бы для группы Вельманна плохо, если бы к Россоши вовремя не подошли главные силы 3-й танковой дивизии. Советское сопротивление было сломлено. Берлинская дивизия генерал-майора Брайта захватила еще одну важную позицию на пути к Дону.

Тем не менее настроение, внесенное в расписание немецкого наступления из-за топтания под Воронежем, чувствовалось повсюду. Предполагалось, что в районе южнее Россоши, возле Миллерова, находятся крупные силы противника. Прежде чем немцы могли продолжить продвижение, им предстояло уничтожить это скопление сил врага. Вот и еще один отход от плана, еще одно прегрешение против самого духа операции - быстрого наступления на Сталинград.

В такой весьма непростой обстановке должна была стартовать третья фаза операции "Блау" - фаза, которой, в соответствии с директивой № 41, предстояло стать провозвестником решающего этапа летнего наступления 1942 г.: атаки южного клина - 17-й армии генерала Руоффа и 1-й танковой армии генерал-полковника фон Клейста 9 июля. Цель: соединение в районе Сталинграда - заметьте, районе, а не в городе, - с тем чтобы окружить и уничтожить русские войска между Донцом и Доном.

Но на юге Тимошенко поступал так же, как и на севере, противодействие немцам оказывалось только в нескольких избранных точках, в то время как главные силы советских армий отходили в восточном и южном направлениях.

В результате своим наступлением южный немецкий клин не достигал ничего, кроме того, что заталкивал отступавших перед ним русских в огромную излучину Дона. Но там немцы еще

не создали своего рубежа, с помощью которого могли бы отрезать отступавшие русские соединения.

Когда Гитлер уразумел, что операция по окружению противника на Среднем Дону более невозможна из-за быстрого отхода русских и из-за задержки у Воронежа, он захотел перехватить, окружить и уничтожить, по крайней мере, те вражеские войска, которые, как он считал, все еще сосредоточены в нижнем течении Дона. С тем чтобы достигнуть этого, он 13 июля отказался от главной составляющей своего плана - быстрого броска всех сил к Сталинграду с целью перерезать низовья Волги.

Гитлер вполне мог осуществить эту операцию - в данных обстоятельствах она являлась единственно верным решением. Поскольку, если противник не желает угодить в окружение и отступает, его надо преследовать. Ему нельзя позволить создать новый рубеж обороны. Главной задачей немцев сейчас было уничтожение войск неприятеля в районе Сталинграда, что представлялось возможным достигнуть за счет энергичного преследования русских.

В конце концов в распоряжении Гитлера имелись две танковые армии, и некоторые важные переправы через Дон тоже находились в руках немцев. Они могли бы выйти к Сталинграду за очень короткий отрезок времени. Но Гитлер пребывал в плену пагубного заблуждения: он считал, что силы противника на исходе. Он рассматривал отступление советских войск как самое настоящее бегство - управленческий и моральный коллапс, тогда как в действительности противник осуществлял запланированный отход.

Случаи возникновения паники часто являлись следствием некомпетентности русских командиров нижнего уровня. В стратегическом же плане Тимошенко строго контролировал процесс отступления. Его он начал быстро с главной целью - сохранить главные силы советских войск для упорного противодействия в более отдаленных районах.

Гитлер подобной опасности не замечал или не хотел замечать. Он считал, что сможет "одной рукой" осуществить задуманное под Сталинградом и одновременно вести широкомасштабное сражение на Нижнем Дону с Ростовом в центре. По этой причине он дал "красный сигнал" продвижению 4-й танковой армии по Дону к Сталинграду, остановил ее напротив большой Донской излучины и - совершенно отклоняясь от плана третьей фазы операции - повернул прямо вниз, на юг. Аналогичным образом ранее - в начале осени 1941 г. - он приостановил наступление на Москву, направив подвижные части Гудериана для завершения окружения противника под Киевом, теперь же собирался победить русских в Ростове с помощью еще одной неожиданной импровизации. Это должна была быть величайшая битва на окружение противника за всю войну.

Тем временем 6-я армия продолжала в одиночку продвигаться к Сталинграду, лишённая подвижных частей 40-го танкового корпуса, которые тоже перебросили к Ростову.

В день принятия этого судьбоносного решения генерал-фельдмаршал фон Бок оставил свой пост. Он возражал против стратегических планов Гитлера и не хотел дробления группы армий, желая лично руководить ею как единой боевой единицей.

Однако в ставке фюрера уже издали приказ о разделении группы армий "Юг". 7 июля генерал-фельдмаршал фон Бок записал в своем дневнике: "Поступили приказы, в соответствии с которыми генерал-фельдмаршал Лист принимал на себя командование 11 и 17-й армиями и 1-й танковой армией. Это означало разрушение сражения на две половины".

Именно это и происходило: баталия дробилась на две части. Гитлер менял не только расписание летнего наступления, но и всю структурную организацию Южного фронта.

Группа армий "А" генерал-фельдмаршала Листа, к которой была позднее временно придана 4-я танковая армия, неофициально называлась еще "Кавказским фронтом". Группа армий "В", состоявшая из 6-й армии, венгерской 2-й армии и 2-й армии и с отстранением Бока

находившаяся под командованием генерал-полковника фон Вейхса, выполняла изначальное задание - наступала на Сталинград. Подобная перегруппировка сил ясно показывает: 13 июля Гитлер верил в то, что сможет одновременно достигнуть двух главных стратегических целей летнего наступления 1942 г. - задачи, которые прежде планировалось решать одну за другой, - просто за счет разделения сил. Он был безнадежно ослеплен своей ложной уверенностью в том, что русским "настал конец".

Но русским ни в коем случае не "настал конец". В тот самый день, когда Гитлер отдавал катастрофический приказ о повороте армий на юг, дробил войска и снимал с должности командующего фон Бока, в Кремле проходил военный совет под председательством самого Сталина.

Присутствовали министр иностранных дел Молотов, маршал Ворошилов, начальник Генерального штаба Шапошников, а также американский, британский и китайский офицеры связи. Советский Генштаб наглядно показал Сталину, что больше он не может позволять себе битв вроде тех, что разыгрывались под Киевом или Вязьмой, - иными словами, удерживать позиции любой ценой стало теперь невозможно. Сталин согласился с мнением военных. Он одобрил решение Генштаба, озвученное Шапошниковым на совещании 13 июля. Советские войска будут отступать к Волге и на Кавказ; они будут оказывать противодействие врагу, вынуждая его встретить зиму на неблагоприятной для него территории. Все ключевые производства будут эвакуированы на Урал и в Сибирь.

С середины июля германский Генеральный штаб из донесений агента знал об этом важнейшем совещании, но Гитлер отказывался верить сообщениям, считая их дезинформацией.

Если кто-нибудь еще сомневался в том, что Тимошенко в действительности выводит свою группу армий из района между Донцом и Доном выводит до последнего человека, до последнего орудия, - скоро тому нашлось подтверждение под Миллеровом. 40-й танковый корпус, действовавший после начала выдвижения из Россоши на юг как внешний восточный клин, ударил прямо по отступавшим войскам русских своими тремя передовыми дивизиями.

По железной и автомобильным дорогам южнее Миллерова массы советских солдат лились на юго-восток. Дивизии немецкого танкового корпуса не обладали достаточной силой, чтобы остановить колонны противника. Как не могли они, ввиду сопротивления, оказанного неприятелем возле Миллерова, создать рубеж для перехвата его частей южнее, на Нижнем Дону.

Район боевых действий смещался на юг. Именно там, на юге, Гитлер надеялся найти и разгромить врага. Он был так уверен в победе на юге, что даже исключил из участия в операции 11-ю армию Манштейна, которая стояла в Крыму, готовая ударить через Керченский пролив. Вместо этого солдатам 11-й армии предстояло погрузиться в эшелоны и отбыть на север для захвата Ленинграда.

После серии тяжелых боев 20 июля 40-й танковый корпус Гейра вышел к низовьям Дона и создал плацдармы в районе Константиновки и Николаевской.

В то же время 1-я танковая армия, соединения которой формировали внутренний клин охвата, аналогичным образом проложила себе путь на юг, форсировала Донец и во взаимодействии с 17-й армией начала продвижение из района Сталино к Ростову, который противник защищал с особым упорством как свой ключевой плацдарм на Дону.

57-й танковый корпус на левом и 5-й корпус на правом фланге 17-й армии сумели 19 июля прорвать позиции противника на Донском направлении и теперь продвигались западнее Ростова между Ростовом и Батайском. Генерал Кирхнер, вновь при поддержке своего верного полковника Венка, осуществил смелый бросок к Ростову силами 57-го танкового корпуса с целью внезапно овладеть этим важным городом в устье Дона и захватить целым большой мост через Дон между Ростовом и Батайском. В его корпус входила 13-я танковая дивизия,

мотопехотная дивизия СС "Викинг", 125-я пехотная дивизия и подвижная словацкая дивизия.

С севера в голове 1-й танковой армии на Ростов наступал 3-й танковый корпус генерала фон Макензена силами 14 и 22-й танковых дивизий. Вновь, как и в ноябре 1941 г., соединение фон Макензена сражалось за этот город. 22 июля 22-я танковая дивизия полковника Родта вела тяжелые бои к северо-востоку от Ростова. 204-й танковый полк рвался на юг. 14-я танковая дивизия наступала на Новочеркасск. Целыми днями и ночами не утихали ожесточенные схватки на хорошо укрепленных рубежах противника на подступах к городу.

В тот же день 13-я танковая дивизия генерал-майора Герра и мотопехотная дивизия СС "Викинг" генерала войск СС Штайнера атаковали с запада и северо-запада. С начала года русские превратили Ростов в сильнейший оборонительный район, окружив его в дополнение к мощным линиям обороны на подступах тремя кольцами рубежей с широкими минными полями, противотанковыми рвами и другими противотанковыми препятствиями. Тем не менее штурмовым командам 57-го танкового корпуса удалось с ходу прорваться через все заслоны к окраине города. Пехотная группа 13-й танковой дивизии атаковала с запада силами 93-го стрелкового полка, тогда как танковая группа усиленного 4-го танкового полка, продвигаясь по дороге Сталино¹ -Ростов, вышла в северную часть города. Справа от нее танковая группа Гилля из состава мотопехотной дивизии СС "Викинг" ударила на прорыв прямо через многочисленные опорные пункты и противотанковые рвы внешнего кольца обороны, в результате чего силами танкового батальона СС штурмбаннфюрера² Мюленкампа захватила аэродром Ростова.

23 июля 22-я танковая дивизия медленно, но верно теснила противника из северных предместий к окраине города. На участке 57-го танкового корпуса 13-я танковая дивизия продолжала наступать уже через городские кварталы танками, стрелковыми ротами и частями мотоциклистов. Поначалу мотопехотная дивизия СС "Викинг" увязла в тяжелейших уличных боях, 125-я пехотная дивизия застряла позади нее. С первыми лучами рассвета обер-лейтенант фон Газа прорвался через позиции противника со своей 2-й ротой 66-го стрелкового полка, форсировал маленькую речку и захватил автодорожный мост.

Мотоциклисты 43-го батальона атаковали на своих машинах. 13-я танковая дивизия очищала от противника многочисленные опорные пункты и баррикады и медленно теснила русских к Дону. Но когда головные части прорывались вперед, очаги сопротивления противника вспыхивали у них за спиной: враг появлялся из переулков и боковых улочек, из подвалов сильно укрепленных городских кварталов, а особенно с открытых площадей с флангов.

Поначалу танки дивизии "Викинг" увязли в уличных боях. Но штурмбаннфюреру Дикманну с его батальоном удалось выбить врага и продолжить продвижение в юго-западном направлении.

Ко второй половине дня мотоциклетный батальон 13-й танковой дивизии вышел к северному берегу Дона, но, заблудившись в промышленных и портовых кварталах, оказался значительно восточнее главного автодорожного моста. Прежде чем мотоциклисты сумели достичь моста через Дон, ведущего к Батайску, произошел взрыв, и один из пролетов рухнул в воду. В то время как 13-я танковая дивизия зачищала район моста, саперы на протяжении всего дня и ночи лихорадочно трудились над приведением переправы в порядок. Поначалу по мосту могли следовать только пешие части и легкие транспортные средства. С наступлением ночи район к северу от моста находился в руках немцев. 1-й батальон 66-го стрелкового полка занял позиции вокруг главпочтамта и штаба НКВД, где противник упорно и умело оборонялся. С наступлением темноты все активнее подтягивались пехотинцы, прикрывавшие танки со всех сторон. Во многих кварталах города занимались пожары. В первые ночные часы части 22-й танковой дивизии, продвигавшиеся с севера, соединились с головными частями 3 и 57-го танковых корпусов в центре Ростова. Рано утром 24 июля бои в городе возобновились. В районе

почтамта сопротивление противника удалось подавить довольно быстро, но штаб НКВД умело защищало ударное подразделение. Только к полудню стрелки 13-й танковой дивизии при поддержке танков 22-й танковой дивизии смогли преодолеть сопротивление противника и овладеть зданием.

Другие части 13-й танковой и дивизии "Викинг" тем временем успели произвести зачистку почти всего центра города и отбросить упорно оборонявшегося противника в западном и восточном направлениях. В то время как 13-я танковая дивизия удерживала район к северу от батайского моста, танковый батальон "Викинг" под командованием штурмбаннфюрера Мюленкампа осуществил бросок по северному берегу Дона и с ходу захватил брод в десяти километрах к западу от города - переправу, которой противник пользовался для отступления, - таким образом давая возможность головным частям 49-го горнострелкового корпуса и головным частям 73 и 298-й пехотных дивизий переправиться там через Дон в ночь с 24 на 25 июля.

В центре же Ростова продолжались ожесточенные уличные бои, которые не утихали на протяжении нескольких дней. Операция описана генералом Альфредом Рейнгардтом, который - в то время, в июле 1942 г., полковник - командовал 421-м пехотным полком 125-й пехотной дивизии. Он рассказывает о крайне кровопролитных уличных схватках, в которых немцам приходилось отбивать у противника дом за домом, прокладывая себе путь через забаррикадированный центр, - подобных сражений, вероятно, никто и никогда еще прежде не вел. Такие бои разгорелись бы, наверное, на улицах Москвы или Ленинграда, если бы немцам удалось войти туда.

К вечеру ужасно душного и жаркого дня 23 июля батальоны швабского 421-го пехотного полка овладели северной частью Ростова. Танковые роты и стрелки 13 и 22-й танковых дивизий и мотопехотной дивизии СС "Викинг" вышли к Дону с обеих сторон города. Они также упорно сражались в центре, но не могли прорваться через очень мощную оборону противника, особенно из-за нехватки пехоты, необходимой для осуществления подобного рода операций. Но если немцы хотели получить большой мост через Дон для продвижения на юг, к Кавказу, им было необходимо прорваться в центр.

Солдаты войск НКВД и саперы перегородили Ростов баррикадами и сражались на них до последнего патрона. Это говорит само за себя. Войска НКВД, политические стражи большевистского режима, СС Сталина, спинной хребет внутренних органов, боевые отряды тайных служб, являлись своего рода ударными частями - фанатиками, прекрасно подготовленными, жесткими и даже жестокими, поднаторевшими во всевозможных военных хитростях и беспредельно преданными режиму. Кроме всего прочего, солдаты войск НКВД являлись экспертами в области ведения уличных боев, что и неудивительно, ведь как у опоры режима это была бы их главная задача в случае волнений или восстаний.

Уму непостижимо, во что превратили Ростов эти спецы. Они подняли мостовые, построив из булыжника толстые баррикады метровой и более толщины. Боковые улицы перекрывались массивными кирпичными заграждениями. Врытые в землю стальные балки и мины не давали возможности захватить пункты обороны с ходу. Входы в здания энкавэдэшники заложили кирпичами, окна - мешками с песком, за которыми скрывались стрелки, на балконах оборудовали пулеметные гнезда. На крышах и чердаках располагались прекрасно замаскированные лёжки снайперов НКВД. В подвалах хранились десятки тысяч бутылок с "коктейлем Молотова", этим примитивным, но весьма действенным против танков оружием из бензина и фосфора или других компонентов, вызывавших мгновенное возгорание жидкости при контакте с воздухом.

Если вход в дом оказывался почему-то не забаррикадированным, можно было не сомневаться, там смельчака ждала смертельная ловушка - только толкни дверь, и она сработает:

взорвется граната или бабахнет динамитная шашка.

Тут негде было развернуться танковым частям и не приходилось рассчитывать на легкую победу. Конечно, танкисты первыми осуществили решительный прорыв, но центр Ростова стал местом битвы штурмовых команд. С величайшим тщанием им приходилось очищать от противника каждый дом, каждый подвал, каждую улицу.

Швабам Рейнгардта досталась эта нелегкая работенка - пробиваться через искусно обустроенный укрепрайон. Но полковник противопоставил хитрости неприятеля свою хитрость, воинское мастерство своих солдат и яростную волю к победе.

Каждый из двух батальонов - 1-й батальон (421-го пехотного полка) под началом майора Ортлиба и 3-й батальон капитан Винцена - был разделен на три штурмовых роты. Каждая из них получила по одному станковому пулемету, одной противотанковой пушке, одному пехотному орудью и по одной легкой полевой гаубице для главных улиц.

Направление продвижения определялось с севера на юг. На плане город разделили на строго определенные оперативные участки. Каждая штурмовая рота могла двигаться только до того места, куда ей позволяла линия, проведенная на схеме через дорогу север-юг с запада на восток. Линии обозначались буквами "А", "В", "С" и "D".

Таким образом штурмовые группы зачищали весь сектор и соединялись друг с другом. Каждой части предписывалось ждать на линии, когда подтянутся соседи и когда из полка придет приказ о продолжении операции. Так все шесть штурмовых рот, при условии соблюдения установленных правил, станут двигаться в линию в пределах досягаемости друг от друга, не опасаясь фланговой атаки противника, если та или иная из них продвинется быстрее, чем другая. Благодаря такому подходу операция в лабиринтах зданий, улиц и переулков находилась под контролем.

Как только роты 1-го и 3-го батальонов очистили отведенные им участки, Рейнгардт немедленно отправил еще шесть штурмовых групп из состава 2-го батальона. Их задача заключалась в том, чтобы "собрать второй урожай" - обыскать здания от крыш до подвалов. Всех гражданских лиц, включая женщин и детей, предписывалось выводить из района боевых действий в специальные пункты накопления.

После ухода штурмовых команд в доме не должно было оставаться никого, кто мог бы бросить гранаты или дать очередь из автомата. Ротам, прокладываям себе путь вперед, был необходим крепкий тыл.

План отлично срабатывал. Наверное, во многом благодаря этому Ростов удалось так быстро очистить от отчаянно сопротивлявшегося противника всего за пятьдесят часов яростных безжалостных боев.

В отчете об операции генерал Рейнгардт пишет: "Сражение за центр Ростова велось беспощадно. Защитники его не желали сдаваться в плен, они дрались до последнего дыхания, и если их обходили, не заметив, даже раненые, они вели огонь из своего укрытия до тех пор, пока не погибали. наших раненых нам приходилось прятать в бронетранспортеры и выставлять охрану, иначе мы находили их зарезанными или забитыми до смерти".

Самими ожесточенными были бои на Таганрогском шоссе, которое вело прямо к мосту через Дон. Здесь немцам постоянно приходилось останавливать атаку, потому что никак не удавалось уничтожить хорошо замаскированные пулеметные гнезда солдат НКВД.

Улицы окутывали пыль, дым и искры, летевшие от горящих зданий. Прижимаясь к стенам домов, майор Ортлиб перебежками шел к расположенной впереди большой баррикаде. Оттуда он дал сигнал вывести вперед полевую гаубицу.

– Для начала срежьте все эти балконы.

Упираясь руками в щит и лафет, а ногами в землю, солдаты выкатывали противотанковую

пушку, чтобы тоже установить ее на позиции у баррикады. В итоге пришлось выдвигать вперед и пехотное оружие.

Расчеты начинали обстрел "подозрительных точек" - дымоходов, полуподвалов и заваленных мешками с песком балконов. Рейнгардт лично прибыл на передовую. Прижав к глазам бинокль, он расположился за отвоёванной у противника баррикадой на главной улице. Вновь и вновь стегали по мостовой очереди из станкового пулемета "Максим".

– Бюзинг, - позвал Рейнгардт. Обер-лейтенант Бюзинг, командир 13-й роты, пригибаясь, побежал к полковнику и залег рядом. Рейнгардт показал на балкон на третьем этаже здания. - Вон там, Бюзинг, - видите балкон с оранжевыми ящиками? Там что-то шевельнулось. Там русские. Надо уничтожить, к чертям, весь балкон!

Бюзинг поспешил обратно к своему тяжелому пехотному оружию.

– Огонь!

Вторым снарядом им удалось попасть в балкон. Он рухнул. Среди кусков кирпича и вороха штукатурки на мостовую упали тела расчета и пулемет. В конце концов Рейнгардт вызвал на помощь пехоте несколько танков из 13-й танковой дивизии. Они устремились по улице зигзагом от одной стороны к другой. Под прикрытием брони вперед пошли малые штурмовые команды.

Труднее всего приходилось в старом городе и в районе порта. Там улицы, до того более или менее прямые и ровные, превращались в извилистый лабиринт. Среди кривых улочек и переулков не было места для пехотных пушек: даже пулеметы оказывались бесполезны.

Здесь все чаще вспыхивали рукопашные. Солдаты часто ползком подкрадывались к окнам полуподвалов, к дверям и к углам домов. Они слышали дыхание врага. Слышали клацанье затворов. Слышали, как русские перешептываются между собой. Они покрепче вцеплялись с рукоятки автоматов, вскакивали, давали очередь и вновь бросались в укрытие.

На другой стороне дома рычал огнемёт. Взрывались ручные гранаты. Крик раненого неожиданно громко и пронзительно звучал в зловещем грохоте боя:

– Санитара, санитара...

Деревянные дома пожирал огонь. Из-за дыма сражаться становилось еще труднее, несмотря даже на то, что благоприятный для наступающих ветер гнал его к Дону. К тому времени, когда немцы вышли на линию "D", уже стемнело. Всего несколько сотен метров отделяли роты 421-го пехотного полка от танковых боевых групп 57-го танкового корпуса, занимавших позиции на северном берегу Дона по обеим сторонам от автодорожного моста к Батайску. Наступила ночь. Солдаты лежали среди деревянных построек и куч мусора. Ночь прорезывали пулеметные очереди. На несколько секунд взлетая в черное небо, ракеты освещали все вокруг светом маленьких солнц.

Унтер-офицер Риттманн со своим взводом 11-й роты лежал в ангаре в порту. Из весовой постреливали русские.

– Пошли, - скомандовал Риттманн. С тремя солдатами он уничтожил русский пулеметный расчет в весовой. Затем они побежали дальше, бросая налево и направо ручные гранаты. Ближе к 23.00 Риттманн и его люди достигли берега Дона и окопались там.

С рассветом 25 июля штурмовые роты 125-й пехотной дивизии возобновили атаку. Неожиданно для них продвижение оказалось более легким, чем они ожидали. Последние части противника на берегу реки ночью отошли за Дон. К 05.30 все штурмовые команды полка вышли к Дону. Ростов полностью находился в руках немцев. Но Ростов имел значение как путь к воротам Кавказа только в том случае, если и воротами этими тоже владели бы немцы: мостом через Дон и шестью с лишним километрами дамбы, проложенной через заболоченную местность и служившей продолжением моста - дороги на Батайск. За Батайском лежала равнина - чистая дорога для наступления на юг к Кавказу.

Ворота во взаимодействии с 13-й танковой дивизией в итоге открыли солдаты полка "Бранденбург" - этой таинственной особой части, которую то и дело склоняли кому не лень, но которая всегда состояла из бесстрашных добровольцев.

24 июля 43-й мотоциклетный батальон стал первой немецкой частью, переправившейся через Дон. Лейтенанта Эберляйна, командира 1-й роты, переправили через реку по воде с двадцатью восемью добровольцами саперы 13-й танковой дивизии. Одновременно в другой точке форсировала Дон половина роты полка "Бранденбург". Задача их состояла в захвате важных мостов около Батайска, а кроме того, длинной дамбы на южном берегу Дона - дамбы, состоявшей из множества мостов меньшего размера, по которым пролегла единственная дорога на юг.

В ночь с 24 на 25 июля 1942 г. обер-лейтенант Граберт с половиной роты продвигался по дамбе к Батайску. Горстка солдат из 43-го мотоциклетного батальона, находившаяся под началом лейтенанта Эберляйна, уже заняла позиции перед большим мостом, чтобы обезвредить советских часовых.

Но мотоциклисты едва успели поднять головы над землей: не успев двинуться, они немедленно угодили под огонь с железнодорожного моста, расположенного примерно в 200 метрах слева от них, где у противника были оборудованы пулеметные гнезда. Стреляли оттуда и из минометов. Изю всех сил вглядываясь в темноту, немцы высматривали, откуда появляются вспышки выстрелов русских, чтобы скорректировать по ним огонь своих минометов.

В 02.30 лейтенант Граберт поспешил к мосту с головным отделением. Пулеметчики лежали в укрытии, держа пальцы на спуске. Но на стороне русских не наблюдалось никакого движения. Точно призраки скользили над мостом по обеим сторонам дорожного полотна Граберт и его отделение, за которыми с небольшими интервалами следовали два взвода. Тут русские что-то заметили. Застрочили их пулеметы, захлопали минометы. Немецкая команда прикрытия немедленно открыла огонь из всех стволов. Все зависело о того, сумеет ли Граберт прорваться.

Он сумел. Его солдаты справились с сильным сторожевым охранением противника и создали маленький плацдарм. Целых двадцать четыре часа они удерживали его под постоянными контратаками советских солдат.

Роты и их командиры в буквальном смысле пожертвовали собой ради моста. Лейтенант Граберт и лейтенант Гиллер из полка "Бранденбург" погибли в бою. Ряды унтер-офицеров и солдат поредели под беспрестанным огнем советских войск.

В последний момент появились "Штуки". Затем прибыли первые подкрепления. У последней опоры моста лежал Зигфрид Граберт - убитый. Далее в 200 метрах в луже - лейтенант Гиллер. Рядом с ним навеки уснул с пакетом первой помощи в руках унтер-офицер - медик; голову его пробил вражеская пуля. Но 27 июля танковые и стрелковые роты 57-го танкового корпуса продвигались по мостам на юг к Кавказу. 5. Боевые действия на высокогорье Бункер под Винницей - Директива фюрера № 45 - На штурмовой лодке в Азию - Манычстрой и Мартыновка - Подступы к Кавказу - Гонки по Кубани Макензен берет Майкоп - В земле кавказской.

В июле 1942 г. ставка фюрера размещалась на территории Советского Союза, около Винницы на Украине. Личный состав Главного командования сухопутных войск вместе с начальником Генерального штаба квартировал на окраине г. Винница. Для Гитлера и его оперативного штаба организация Тодта построила несколько хорошо замаскированных бункеров среди высоких сосен в бескрайнем бору. Гитлер вселился туда 16 июля. Стояла такая удушающая жара, что и тень пахучих сосен не приносила облегчения. Даже в ночи воздух продолжал казаться осязаемым - густым и липким. Климат действовал на Гитлера скверно, он по большей части пребывал в раздражении, злился на всех и никому не доверял. Генералы, офицеры и личный состав, ответственный за политические связи в свите Гитлера, все единодушно сходятся

на том, что период пребывания на Украине отмечался постоянными трениями и конфликтами. Ставка фюрера под Винницей носила кодовое название "Вервольф"¹. А Гитлер, бушевавший в своем маленьком бункере, и в самом деле походил на оборотня.

23 июля он вызвал к себе генерал-полковника Гальдера. Гитлер ужасно страдал от жары, а новости с фронта не содействовали улучшению его настроения. Немецкие войска шли от победы к победе, русские бежали, но, как ни странно, ожидаемого широкомасштабного уничтожения вражеских войск между Донцом и Доном, или под Старым Осколом, или под Миллеровом не произошло. По всей видимости, не ожидалось его и в случае с Ростовом. Почему? В чем причина?

– Русские систематически уклоняются от боевых столкновений, мой фюрер, - пояснил Гальдер.

– Ерунда! - бесцеремонно оборвал его Гитлер. - Русским уже конец. Они бегут. Они не в состоянии оправиться от ударов, которые мы нанесли им в последние месяцы.

Гальдер, сохраняя спокойствие, указал на лежавшую на большом столе карту и возразил:

– Мой фюрер, мы не смогли поймать в западню главные силы войск Тимошенко. Наши охватные операции под Старым Осколом и Миллеровом закончились ничем. Тимошенко отвел ядро своей группы армий, а также почти все тяжелое снаряжение через Дон на восток, в район Сталинграда, или на юг, на Кавказ. Мы понятия не имеем, какие у него там резервы.

– Опять вы с вашими резервами! Я вам говорю, я, мы упустили бегущие армии Тимошенко в районе Старого Оскола и потом в Миллерово потому, что Бок слишком долго топтался под Воронежем. Мы опоздали перехватить южную группировку севернее Ростова, когда она удирала в панике, просто потому, что слишком поздно повернули наши подвижные войска на юг, и потому, что 17-я армия начала теснить их фронтом на восток слишком рано. Но я не потерплю, чтобы это вновь произошло. Мы не должны оставлять наши подвижные войска в районе Ростова и должны задействовать 17-ю армию, а также 1-ю танковую и 4-ю танковую армии для того, чтобы зажать русских к югу от Ростова, на подступах к Кавказу, окружить их и уничтожить. Одновременно надо, чтобы 6-я армия нанесла последний удар по остаткам русских войск, которые сумели бежать к Волге, в район Сталинграда. Ни на одном из этих жизненно важных фронтов противнику нельзя давать ни минуты передышки. Но главная роль должна быть отведена группе армий "А" и ее наступлению на Кавказ.

Напрасно генерал-полковник Гальдер, начальник Генерального штаба сухопутных войск, пытался во время своего разговора с Гитлером 23 июля 1942 г. переубедить фюрера. Он уговаривал Гитлера не разделять сил и не наносить удара по Кавказу раньше, чем будет покончено со Сталинградом и немецкие тыл и фланг на Дону, а также между Доном и Волгой не будут надежно обеспечены.

Гитлер отметал все предостережения начальника Генерального штаба. Он пребывал в уверенности, что победа уже у него в кармане и что Красная Армия решительным образом разгромлена. Свою уверенность фюрер в очередной раз продемонстрировал еще более ошеломляющими решениями. Он перебросил главные силы 11-й армии генерал-фельдмаршала фон Манштейна (пять дивизий) из Крыма, где она ожидала приказа принять участие в завоевании Кавказа, к Ленинграду с целью взять наконец эту давно уже бесившую его крепость.

Но и это еще не все. Гитлер снял с Восточного фронта прекрасно укомплектованную и снаряженную мотопехотную дивизию СС "Лейбштандарт" и отправил ее во Францию на отдых и переформирование в танковую дивизию. Вскоре после этого с Южного фронта предстояло снять также и еще одну из лучших ударных частей - моторизованную дивизию "Великая Германия". Гитлер распорядился, чтобы как только немецкие войска выйдут к Манычской плотине, эту дивизию перебросили с передовой в глубокий тыл - во Францию, где она должна была

оставаться в распоряжении Верховного командования. Решение отчасти принималось ввиду нехватки горючего на Южном фронте. Но главная причина заключалась в том, что по сведениям, которые Гитлер считал достоверными, вскоре ожидалось вторжение союзников в Западную Европу. Непостижимая и роковая ошибка. Этим семи дивизиям, которые совершенно напрасно сняли с Южного фронта, безусловно хватило бы, чтобы предотвратить сталинградскую катастрофу.

В свою штаб-квартиру на окраине Винницы после той беседы с фюрером 23 июля Гальдер вернулся в подавленном настроении. Он написал в своем дневнике: "Его упорная недооценка потенциала противника постепенно принимает гротескные формы и становится опасной".

Но Гитлер упорствовал в своем неверном видении ситуации и суммировал свои умозаключения в фундаментальной "Директиве фюрера № 45", которую он продиктовал в тот же самый день, 23 июля, после своего спора с Гальдером.

Группы армий получили директиву 25 июля. В преамбуле, невзирая на факты и опыт боев трех прошедших недель, говорилось, что лишь незначительным по численности частям армий Тимошенко удалось избежать окружения и выйти на южный берег Дона.

Вразрез с директивой № 41 (основой операции "Блау"), в соответствии с которой сначала предполагалось выйти к Сталинграду, а затем разворачивать наступление на Кавказ с целью захвата русской нефти, в новом приказе ставились следующие задачи: (1) Задача групп армий "А" состоит в окружении и уничтожении вражеских войск, спасающихся бегством через Дон, в районе к югу и юго-востоку от Ростова. Для этого крупные подвижные соединения должны действовать с плацдармов, которые необходимо создать в районе Константиновская-Цимлянская, в общем юго-западном направлении на Тихорецк через Дон. Эти соединения должны состоять из пехотных, стрелковых и горных дивизий. Одновременно следует перерезать железнодорожную линию Тихорецк-Сталинград...

(2) После уничтожения вражеских войск южнее Дона главной задачей группы армий "А" становится овладение всем восточным побережьем Черного моря, с целью захвата черноморских портов противника и разгрома Черноморского флота.

Другая группа, которую предстоит создать за счет объединения всех оставшихся горных и стрелковых дивизий, форсирует Кубань и захватит Майкопские и Армавирские высоты.

(3) Одновременно другая группа, которую надо будет создать из подвижных частей, овладеет районом вокруг Грозного, некоторыми из своих подразделений перережет Осетинскую и Грузинскую военные дороги - если получится, на перевалах. Впоследствии эта группа будет наступать вдоль Каспия с целью овладения районом Баку.

Итальянский Альпийский корпус будет придан группе армий позднее.

Данная операция группы армий "А" получает название "Эдельвейс".

(4) Группа армий "В" - как уже указывалось ранее - в дополнение к организации обороны по линии Дона будет наступать на Сталинград, чтобы разгромить скопления противника в этом районе и занять сам город, блокировав участок суши между Доном и Волгой.

Как только это будет достигнуто, подвижные соединения начнут действовать вдоль Волги с целью наступать вплоть до Астрахани, чтобы перерезать русло Волги также и там.

Операция групп армий "В" получает кодовое наименование "Цапля". Далее шли указания Люфтваффе и Кригсмарине. Генерал-фельдмаршал Лист, уроженец Оберкирха в Баварии, человек, прошедший школу подготовки баварского штаба, отличившийся в кампаниях в Польше и во Франции, получил назначение на пост командующего группой армий "А". Умный человек и холодный расчетливый стратег - совсем не тот военачальник, который привык ломиться в закрытые двери, но, напротив, полководец, верящий в разумное планирование и руководство, - он ненавидел военные авантюры.

Когда 25 июля в Сталине специальный курьер вручил ему пакет с директивой № 45, Лист покачал головой. Впоследствии, уже находясь в плену, он в присутствии небольшого круга близких людей как-то раз заметил, что только уверенность в том, что Верховное командование располагает исключительной и достоверной информацией о положении дел у противника, заставила его и начальника штаба группы армий "А", генерала фон Грайфенберга, примириться с новым планом.

Всегда создавайте опорные пункты - вот главное, чему учил Клаузевиц. Но тут урок этот был со всей решительностью отвергнут. Достаточно привести лишь один пример: за 6-й армией, которая продвигалась к Сталинграду и долине Волги, следовали части усиленного итальянского Альпийского корпуса превосходные горные дивизии. В то же время группа армий "А", которой командовал Лист и которой предстояло завоевывать Кавказ, т.е. вести боевые действия в условиях высокогорья - впервые за всю кампанию на Востоке, имела в своем составе только три горные дивизии - две немецкие и одну румынскую. Стрелковые дивизии равной по составу армии боевой группы Руоффа (усиленной 17-й армии), во-первых, не обладали опытом ведения боевых действий на высокогорье, во-вторых, не располагали необходимым обмундированием и снаряжением. Части четырех немецких дивизий, сформированных из специально подобранных уроженцев альпийских районов, прекрасно подготовленных к ведению войны в горах, не применялись как единое целое, а были разбросаны повсюду. Через несколько дней, когда уже было слишком поздно, когда горнострелковые батальоны генерала Конрада лежали словно пришитые на хребтах Кавказа совсем рядом со своими целями, в ставке фюрера кусали локти, вспоминая об этом.

Учитывая те силы, которыми он располагал, генерал-фельдмаршал Лист сумел превратить директиву № 45 в довольно сносный план. Группе Руоффа, усиленной 17-й армии, предстояло осуществлять фронтальный натиск из района Ростова в направлении Краснодара. Подвижным частям 1-й танковой армии Клейста - а затем находившейся у нее на левом фланге 4-й танковой армии Гота - ставилась задача, стартовав с их плацдармов на Дону, наступать на Майкоп, образуя внешний клин охватного маневра. Таким образом, при взаимодействии менее быстрых пехотных дивизий Руоффа и подвижных войск Клейста, группа армий собиралась окружить и уничтожить врага, предположительно скапливавшегося южнее Ростова.

4-я танковая армия генерал-полковника Гота на восточном участке наступления должна была обеспечивать фланговое прикрытие. Первой ее целью был Ворошиловск¹.

Так выглядел план атаки на юг - операции, которая развивалась весьма драматичным образом и оказала решающее влияние на исход войны на Востоке.

В то время как группа Руоффа все еще сражалась за Ростов, некоторые части 1 и 4-й танковых армий продвигались к Дону. К 20 июля мотоциклетный батальон 23-й танковой дивизии сумел форсировать реку в районе Николаевской и создать плацдарм на южном берегу Дона. Тремя днями позже боевая группа 3-й танковой дивизии совершила бросок на юг и перешла Сал в Орловке. Оттуда силами 3 и 23-й танковых дивизий 40-й танковый корпус развивал наступление на Маныч.

Советское командование совершенно очевидно намеревалось не допустить в очередной раз окружения своих войск. Советский Генштаб и боевые командиры строго придерживались новой, или, вернее, старой, стратегии - стратегии, которая помогла России победить Наполеона: заманивания противника в глубь огромной страны, чтобы заставить его расточить свои силы и потом в подходящий момент нанести по нему удар широким фронтом.

Южнее Дона немецким войскам приходилось сражаться в новых для них условиях. Впереди лежало 500 километров степей, а за ними высились одни из самых высоких гор в мире, хребты которых протянулись от Черного моря до Каспия, встав прямо на пути у атакующих немецких

армий.

Степь севернее Кавказа предоставляла противнику превосходный шанс для гибкого противодействия наступающим. Бесчисленные реки и речушки, бегущие с Кавказа к Каспийскому, а также к Черному морю, представляли собой естественные препятствия, которые обороняющиеся могли защищать сравнительно малыми силами.

Так же как и в пустыне, маршруты наступления диктовались наличием пунктов снабжения водой. Боевые действия переносились в странный и незнакомый прежде мир. Почти 700-километровый Маныч являл собой границу между Европой и Азией - форсировать его означало оставить Европу на том берегу.

Вестфальская 16-я моторизованная пехотная дивизия из 3-го танкового корпуса и берлинско-бранденбургская 3-я танковая дивизия из 40-го танкового корпуса первыми среди немецких войск должны были перебраться в Азию.

3-я танковая дивизия генерала Брайта во главе 40-го танкового корпуса преследовала отступавших русских от Дона через Сал вплоть до Пролетарской на Карычеплаке, притоке Маныча. Так танкисты Брайта вышли на берег полноводной реки Маныч. Строго говоря, река представляла собой цепь водохранилищ, созданных с помощью строительства плотин; озера эти часто бывали шириной более километра и даже полутора. Водоохранилища и плотины позволяли здесь построить гидроэлектростанцию, известную как Манычстрой.

На дальнем берегу находились закрепившиеся на заранее подготовленных позициях тыловые прикрытия советских войск. Маныч представлял собой идеальную линию обороны Советов - мощный рубеж на подступах к Кавказу.

– Как же нам туда перебраться? - озабоченно спросил генерал Брайт у своего начальника оперативного отдела, майора Помтова, и командира 3-го стрелкового полка, подполковника Циммерманна.

– Там, где река эже, там русская оборона крепче, - отозвался Помтов, указывая на папку с данными воздушной разведки.

– Согласно показаниям военнопленных, на том берегу засели бойцы войск НКВД, - добавил Циммерманн.

– Они тоже успели хорошо окопаться, если верить фотографиям с воздуха, - кивнул Брайт.

– Почему бы не обмануть их, выбрав самое широкое место, - то, что около большой плотины, где река добрых три километра шириной? Там они нападения не ждут, - предложил Помтов.

Замысел пришелся Брайту по душе и был принят. К счастью, 39-й танковый инженерно-саперный батальон имел при себе двадцать одну десантную лодку. Решили осмотреть матчасть. От жары лодки так рассохлись, что, когда их стали проверять на воде, две затонули, камнем уйдя на дно. Остальные девятнадцать безбожно протекали, но могли выдержать, при условии, если солдаты будут энергично вычерпывать из них воду. Лейтенант Мёвис и дюжина бесстрашных "бранденбуржцев" разведали два подходящих места для переправы почти в том самом широком месте. Обе переправы располагались выше по течению от небольшого городка Манычстрой, который находился прямо на дальнем конце плотины. Сама же плотина оказалась заминирована и перегорожена лишь в нескольких местах. Городок предстояло захватить неожиданно с налета, чтобы не позволить командам советских подрывников полностью уничтожить дамбу.

В целях проведения данной операции из частей 3-й моторизованной бригады была сформирована боевая группа. 2-й батальон 3-го моторизованного полка действовал слева, а 1-й батальон - справа. Из частей 2-го батальона 3-го мотопехотного полка собрали мощную штурмовую роту, передав ее под командование обер-лейтенанта Танка, опытного командира 6-й роты. Приказ звучал так: "Под покровом ночи сформировать плацдарм на том берегу

водохранилища. После перехода на другую сторону всех частей боевой группы прорвать линию застав противника и штурмом овладеть г. Манычстрой".

Чтобы обеспечить операции эффективную артиллерийскую поддержку с северо-восточного берега, боевой группе был придан артиллерийский наблюдатель. Смелая атака 40-го танкового корпуса через Маныч удалась. В ответственный момент 3-я танковая дивизия развернула ложную атаку с северо-запада силами батальона 6-го танкового полка, в то время как в действительности реку форсировал 1-й батальон 3-го мотопехотного полка. Перед акцией между 24.00 и 01.00 дивизионная артиллерия провела неожиданную массированную артподготовку.

Солдаты Танка залегли на берегу. Саперы потихоньку подтаскивали свои лодки к воде. Снаряды, со свистом пролетая над головами немцев, падали на тот берег, и дым и пыль от их разрывов заволакивали сушу плотной пеленой.

– Пошли! - приказал Танк. Солдаты прыгнули в лодки и оттолкнулись от берега. Чтобы лодки не затонули, сидевшим в них людям приходилось без устали вычерпывать воду жестянками из-под консервов. Звуки лодочных моторов тонули в грохоте артиллерийских залпов. Русские не сделали ни выстрела.

Переправа завершилась без потерь. Кили девятнадцати лодок с хрустом заскользили по гравию на дальнем берегу. Первым на землю спрыгнул Танк. Он находился уже в Азии.

– Белую ракету - крикнул он. Взлетела к небу белая ракета. Тут же снаряды немецкой артиллерии стали падать дальше. Саперы запрыгнули в лодки и отправились за новой партией солдат.

Люди Танка побежали по пологому берегу. Советские солдаты в первом окопе разинули рты от изумления и ударились в бегство. Прежде чем они смогли поднять тревогу в следующем окопе, пулеметы Танка уже косили вражеские боевые охранения и дозорных.

Но тут всполошились русские справа и слева от места высадки десанта. Когда стали приближаться штурмовые лодки второй волны, они угодили под перекрестный огонь советских пулеметов. Две лодки пошли ко дну. Остальные семнадцать с 120 солдатами, с запасом боеприпасов и со штабом 2-го батальона благополучно достигли берега.

Но на этом проведение переправы таким способом закончилось. Командиру батальона майору Бёму удалось расширить плацдарм на южном берегу Маныча. Потом комбат получил серьезное ранение, и руководство войсками на плацдарме принял лейтенант Танк, старший ротный командир во 2-м батальоне. Русские простреливали весь берег продольным огнем. Район утюжила советская артиллерия всех калибров. В любом случае с рассветом пришлось отказаться от попыток переправляться через реку на лодках.

Лейтенант Танк и его люди лежали на земле у реки в советских окопах и спешно готовились к отражению атаки. Русские обстреляли их из минометов и пулеметов, потом провели две контратаки, не дойдя всего нескольких метров до позиций немцев.

Хуже всего то, что у наших солдат кончались боеприпасы. У пулеметного расчета на правом фланге осталось всего две ленты. У других дела тоже обстояли не лучшим образом. Минометчики истратили весь боезапас.

– Но где же Люфтваффе? Почему их не видно? - спрашивали люди Танка, вглядываясь в затянутое облаками небо. Ближе к 06.00, так, словно бы офицер, командовавший эскадрильей бомбардировщиков услышал мольбы пехоты, над Манычем заревели двигатели немецких штурмовиков - встало солнце, которое несколько минут назад разогнало туман с летных полей. Самолеты подавили советскую артиллерию и пулеметные гнезда. Под прикрытием штурмовиков, осыпавших противника бомбами и поливавших его из пулеметов, немцам удалось доставить на плацдарм третью волну пехоты.

Лейтенант Танк с пользой распорядился вынужденным ожиданием. Перебегая от позиций

одного взвода к позициям другого, он подробно проинструктировал командиров в отношении дальнейших действий. Потом началась атака - взвод за взводом пехота устремилась на Манычстрой.

Появление немцев стало для противника полным сюрпризом. Русские не ожидали штурма сильно укрепленного города с тыла и с фланга. Все свое внимание они сфокусировали на том, что находилось впереди, - на плотине. Солдаты Танка быстро подавили тыловые позиции русских.

К тому времени, когда советский командир перегруппировал своих людей, развернув их спиной к плотине, первые немецкие танки и бронетранспортеры моторизованного батальона Вельманна уже катили по узкой дороге, пролегавшей через плотину.

Манычстрой пал. Батальон Вельманна перебрался через плотину невредимым. Немцы преодолели Маныч - последнее крупное препятствие на дороге к югу, к Кавказу и нефтяным месторождениям, было устранено.

Утром 2 августа 3-я танковая дивизия осуществила бросок к Икитуктуну¹ силами боевой группы фон Либенштейна, в то время как группа Папе создала плацдарм в районе Прегатное. 40-й танковый корпус Гейра фон Швеппенбурга и справа от него 3-й танковый корпус генерала фон Макензена сражались уже в Азии.

Как бы вдобавок к смелой переправе через Маныч и открытию ворот Кавказа, 23-я танковая дивизия из Баден-Вюртемберга тоже провела весьма успешную операцию. Танкисты стерли с лица земли мощную и хитро расставленную советскую ловушку, которая серьезным образом угрожала флангу немцев, при этом никто даже не подозревал об опасности.

У переправы через Сал возле Мартыновки на хорошо замаскированных позициях Тимошенко расположил целый механизированный корпус с множеством танков.

Генерал-майор Мак продвигался позади 3-й танковой дивизии со своим усиленным 23-м мотоциклетным батальоном к Мартыновке, которую, по сведениям немецкой воздушной разведки, обороняло "незначительное подразделение противника".

Мак начал штурм в тот самый момент, когда русский корпус выдвигался на позиции. Мак тотчас же осознал угрозу. Он связал противника фронтальной атакой, окружил его смелым маневром 201-го танкового полка из боевой группы Бурмайстера и ранним утром 28 июля ударил в тыл оказавшимся совершенно застигнутыми врасплох русским.

В танковой дуэли, где смешалась русская и немецкая техника, огонь часто велся на предельно короткой дальности - 20 или 30 метров. Т-34 противника были подбиты, а его противотанковые пушки уничтожены. Только одна 9-я рота 201-го танкового полка - первая немецкая часть, ворвавшаяся в Мартыновку, - записала на свой счет двенадцать Т-34 и шесть Т-70, а также несколько противотанковых и пехотных орудий. Капитан Фриц Фехнер вывел из строя несколько Т-34 с помощью "липких бомб"¹.

Танковый бой под Мартыновкой стал первой за долгое время операцией, в которой немцы, благодаря умелому тактическому руководству и лучшей подготовке к ведению танковых сражений смогли разгромить крупное советское соединение. Всего было подбито семьдесят семь вражеских танков, а также захвачено большое количество орудий. Пока grenадеры и танкисты 3-й танковой дивизии преследовали отступавшего вдоль Маныча неприятеля, продвигаясь по Калмыцкой степи в 50-градусную жару мимо мирно пасущихся вдалеке стад и отар, мимо любопытных одно- и двугорбых верблюдов, Гитлер находился в душном бункере в украинской ставке под Винницей и разглядывал большую оперативную карту. Генерал Йодль делал доклад.

Однако темой обсуждения служила не успешная операция на Маныче, о которой сообщалось в коммюнике главного командования, а крайне неприятная ситуация, в которой

оказалась 6-я армия в излучине Дона.

Надо сказать, что ударные войска генерала Паулюса вышли к Дону на северном и на южном фланге, но плацдарм в районе Калача, контролировавший узкую полосу земли между Доном и Волгой, не только находился в руках противника, более того, использовался им в качестве трамплина для контрудара.

Генерал-лейтенант Гордов, командующий советским Сталинградским фронтом, уже вывел четыре армии - 21, 62, 63 и 64-ю, - а также две находящиеся в процессе формирования танковые армии - 1 и 4-ю - на позиции перед немецкой 6-й армией.

Советская 4-я танковая армия начала окружать 14-й танковый корпус Паулюса. В то время как 51-й армейский корпус генерала фон Зейдлиц-Курцбаха уже находился в серьезной опасности. Всю 6-ю армию начал постепенно охватывать паралич, вызываемый нехваткой топлива и боеприпасов.

Решение Гитлера об одновременном наступлении на Кавказ и на Сталинград означало также и разделение снабжения. А поскольку войскам на юге приходилось преодолевать большие расстояния, начальник главного управления тыла Главного штаба сухопутных войск, генерал Вагнер, отдал приоритет в снабжении горючим Кавказскому фронту. Многие механизированные колонны тылового обеспечения, изначально предназначавшиеся для 6-й армии, были переадресованы на юг.

К 31 июля Гитлер стал наконец осознавать, что его оптимизм ни на чем не основан. Он больше не мог закрывать глаза на тот факт, что сил 6-й армии, да еще испытывавшей острую нехватку снабжения, совершенно недостаточно для взятия Сталинграда в условиях сильного советского противодействия.

Таким образом, в тот день он вновь изменил свой план. 4-я танковая армия - хотя и без 40-го танкового корпуса - снималась с Кавказского фронта, переходила в распоряжение группы армий "В" и выдвигалась в район Дона на северо-восток, чтобы нанести удар во фланг советским армиям у Калача, перед Сталинградом.

Идея была хороша, но время упущено. Переброска 4-й танковой армии ничего не меняла в том, что касается рассеивания сил. Части, которые Гитлер забирал у группы армий "А", просто ослабляли ударную мощь ее наступления на Кавказ, что же касается усиления группы армий "В", подкрепления были слишком малочисленными и прибыли чересчур поздно, чтобы обеспечить быстрый захват Сталинграда. Одинаковые по силе группы армий двигались в разных направлениях, под прямым углом друг к другу, к целям, расположенным очень и очень далеко одна от другой. Самая острая проблема - проблема снабжения стала совершенно неразрешимой из-за того, что вся операция в целом не имела четко определенного направления главного удара.

Германское Верховное командование загнало себя в безнадежную ситуацию и само сделало себя заложником воли противника. В районе Сталинграда Советы уже диктовали время и место сражения.

Согласно директиве фюрера, 31 июля операции "Эдельвейс" на Кавказском фронте предстояло вступить во вторую стадию - захват побережья Черного моря. Группе армий "А" надлежало использовать свои подвижные части, сейчас группировавшиеся под командованием 1-й танковой армии, для наступления в направлении Армавира и Майкопа. Другие формирования группы армий армейская боевая группа Руоффа силами 57-го танкового корпуса генерала Кирхнера - должны были наступать через Новороссийск и Туапсе вдоль побережья к Батуми. Немецким и румынским горным дивизиям 49-го горнострелкового корпуса генерала Конрада отводился левый фланг, где они должны были через высокогорные перевалы Кавказских гор обойти с фланга Туапсе и Сухуми.

Сначала все шло в соответствии с планом, причем с необыкновенной точностью. В день,

когда фюрер издал свою директиву, 3 и 57-й танковые корпуса также осуществили большие броски в направлении Кавказа. В тот же вечер генерал фон Макензен силами 13-й танковой дивизии, недавно переданной под его командование, взял Сальск. Проложив себе путь через несколько противотанковых рвов, дивизия 6 августа захватила Курганную на Лабе, тогда как 16-я моторизованная дивизия овладела Лабинском.

Вечером 9 августа 13-я танковая дивизия генерал-майора Герра штурмовала нефтедобывающий город Майкоп - административный центр в огромном регионе, где находились нефтяные месторождения. На летном поле немцы нашли пятьдесят самолетов в рабочем состоянии. Танки нефтехранилища, однако же, были уничтожены, а сам завод не мог начать работу из-за того, что русские вывезли все основное оборудование.

Продвинулись также 49-й горнострелковый и 5-й армейский корпуса, которые форсировали Дон восточнее Ростова. К 13 августа дивизии овладели Краснодаром и форсировали Кубань.

Аналогичным образом успешно развивалось наступление 57-го танкового корпуса. После стремительного броска на юг через Кубанскую степь танковая боевая группа Гилля из состава мотопехотной дивизии СС "Викинг" и следовавшие за ней боевые группы "Нордланд" и "Германия" развернулись на северном берегу Кубани. Танковая группа Гилля перешла реку, а группа под командованием фон Шольца переправилась в районе Кропоткина и быстро создала плацдарм, таким образом очищая дорогу к южному берегу Кубани армейской боевой группе Руоффа.

Затем дивизия "Викинг" повернула на юго-запад, в направлении Туапсе, возглавляя 57-й танковый корпус. Действовавшие в составе дивизии "Викинг" под началом генерала войск СС Феликса Штайнера добровольцы из скандинавских стран, прибалтийских республик и Германии овладели северо-западной и юго-западной частью майкопских нефтяных месторождений.

На протяжении первых нескольких дней августа 1942 г. подвижные соединения группы армий "А" стремительно наступали по всему фронту через р. Кубань и калмыцкие степи, с тем чтобы, вступив в полное боевое соприкосновение с ведущими гибкую оборону и откатывающимися назад русскими дивизиями в предгорьях Кавказа, не позволить противнику улизнуть в горы и создать там новую линию обороны.

Связист Отто Теннинг, ехавший в бронемашине разведки головного батальона 3-й танковой дивизии, рассказал автору данной книги: "Следующим местом, к которому мы подходили, был Сальск. Мы получили приказ, по мере дальнейшего нашего продвижения по Калмыцкой степи, не стрелять по самолетам противника. Так русские не смогли бы понять, где находятся наши передовые части, поскольку из-за туч пыли, поднятых техникой, не представлялось возможным с воздуха отличить, кто внизу - свои или чужие. Меня с моей машиной придали 1-й роте, и я вместе с унтер-офицером Гольдбергом вел разведку. Мы осторожно приближались к маленькой деревушке, когда командир дозора заметил что-то подозрительное и сообщил по радиации: "На окраине деревни стоят вражеские танки". К нашему удивлению, как потом выяснилось, то, что мы приняли за танки, было на самом деле верблюдами. Мы долго смеялись. Начиная с того момента верблюды и дромадеры не были для нас диковинкой. Наши тыловики успешно использовали этих надежных животных".

3 августа передовые части 3-й танковой дивизии вышли к городу Ворошиловску. Русские войска в городе оказались застигнутыми врасплох, и после непродолжительных перестрелок около 16.00 немцы овладели Ворошиловском. Контратака русских при поддержке танков и кавалерии была отбита.

Наступление продолжалось. Солдаты полка "Бранденбург" шли в первых колоннах, всегда готовые к выполнению специальных заданий. Горные румынские части также действовали в составе 3-й танковой дивизии. Местное кавказское население встречало немцев радушно и

воспринимало как освободителей.

Нельзя не признать того очевидного факта, что целые племена и селения охотно и даже против желания германского Верховного командования выражали желание сражаться против Красной Армии. Эти свободолюбивые народы верили, что для них настал час национальной независимости. Сталинский гнев, настигший их позднее, был страшен: все эти племена были вывезены из родных мест и насильственно переселены в Сибирь.

Чем быстрее немцы продвигались к Кавказу, тем очевиднее становилось, что русские продолжают отступать, не неся крупных потерь в живой силе и технике. Немцы захватывали все больше и больше территории, но им никак не удавалось нанести противнику большого урона, не говоря уж о том, чтобы уничтожить его. Несколько перевернутых подвод, несколько конских трупов вот и все, что находили немцы по ходу своего наступления.

Чтобы прикрыть все больше вытягивающийся восточный фланг наступления на Кавказ, командование развернуло широким фронтом 111 и 370-ю пехотные дивизии 52-го армейского корпуса генерала Отта в направлении Каспия. Элиста, единственный крупный город в Калмыцкой степи, пал 12 августа.

Тем временем 3 и 23-я танковые дивизии продолжали продвижение в южном направлении. Выжженной лежала Калмыцкая степь под палящими лучами солнца. Столбик термометра достигал 55-градусной отметки. Далеко-далеко, на фоне ясного синего неба солдаты видели огромное облако. Облако не двигалось. И завтра, и послезавтра, и еще через день оно все так же оставалось на месте. Это было не облако, это была гора Эльбрус высотой 5600 метров. Со своими ледниками и вечным снеговым покровом - крупнейший горный массив Кавказа. - Сколько километров мы прошли сегодня? - спросил командир 421-го пехотного полка полковник Рейнгардт своего адъютанта. Обер-лейтенант Болль посмотрел в карту, на которой отмечались маршруты продвижения 125-й и следовавшей за ней 198-й пехотных дивизий из состава 5-го корпуса. Болль замерил расстояние:

– Шестьдесят пять километров, господин полковник.

Шестьдесят пять километров. Такое расстояние сегодня прошагала пехота. Под жарким небом, через лишенную и деревца Кубанскую степь. На марше колонны окутывали густые облака серо-коричневой пыли. Только головы всадников торчали из нее. Чем дальше на юг они продвигались, тем все менее прочной становилась связь между отдельными полками. Только видные издали шлейфы пыли говорили о том, что где-то там справа или слева другие колонны точно так же продвигаются к югу. В тени командирской машины Рейнгардт просмотрел карты.

– Совершенный кошмар такие расстояния, - посетовал адъютант.

Рейнгардт кивнул. Его палец заскользил по карте в направлении Калмыцкой степи.

– Танкистам Клейста ничуть не легче.

Им и правда было ничуть не легче. 10 августа 40-й танковый корпус, со 2 августа действовавший в составе 1-й танковой армии, силами 3 и 23-й танковых дивизий взял Пятигорск и Минеральные Воды, таким образом, вышел к подножью гор Кавказа. Последним крупным препятствием на пути немецкого наступления оставалась река Терек. Удастся ли форсировать ее, а затем, пройдя Осетинской и Грузинской военными дорогами, овладеть горными перевалами?

Тем временем 3 и 57-й танковые корпуса в центре фронта продвигались в духоте и пыли с Дона в нефтяной район Майкопа, стремясь перехватить отступавшего противника. Полковник Рейнгардт ткнул пальцем в карту там, где находился Краснодар:

– Вот наша цель. - Затем он указал на Майкоп: - А вот сюда должен выйти Клейст. А потом посмотрим, что мы соберем в этих котлах, созданных нашей 17-й армией и 1-й танковой армией Клейста.

Адъютант кивнул:

– План хороший, господин полковник. Но я чувствую, русские не собираются делать нам одолжение - сидеть и ждать, пока мы захлопнем западню.

Рейнгардт отдал карту Боллю.

– Посмотрим, - проворчал он. - Вода осталась?

– Ни капли, господин полковник. Мой язык прилип к небу, точно кусок клейкой ленты.

Они забрались обратно в командирскую машину.

– Поехали. Нам надо пройти еще десять километров.

В таких условиях развивалось наступление 421-го пехотного полка 125-й пехотной дивизии, и то же самое происходило на маршрутах продвижения пехотинцев, стрелков и горных стрелков из частей группы Руоффа в начале августа 1942 г. На какое-то время боевые действия на Южном фронте приняли для немцев характер войны в пустыне. Преследование советских войск через Кубанскую степь превратилось в гонку от одного пункта водоснабжения до другого. Иногда части останавливались для приема пищи. Конечно, неприкосновенные запасы питьевой воды двигались вместе с войсками в больших цистернах, но, безусловно, армия не могла взять с собой достаточного количества воды также и для лошадей. В результате ежедневно приходилось беспокоиться об обеспечении водопоев.

На правом фланге группы армий "А" под натиском 17-й армии русские осуществляли гибкий отход - так же, как они делали это на Среднем Дону. Тыловое охранение советских войск "зацеплялось" за различные населенные пункты и реки, поначалу упорно их обороняло, а затем так быстро оставляло, что немцам почти не доставались пленные. Так русские выполняли новые указания маршала Тимошенко: препятствовать продвижению противника, но в самый решительный момент отходить, чтобы любой ценой избежать окружения.

Такова была гибкая стратегия русских. Советский Генштаб отказался от подхода Сталина не сдавать ни пяди земли - подхода, который приводил к окружениям и, как следствие, к колоссальным потерям.

Советские командиры нижнего звена скоро усвоили гибкую тактику ведения боевых действий - технику, которую практиковали в немецкой армии с 1936 г. Искусно пользуясь бесчисленными речками и речушками, пересекавшими направление немецкого наступления, русские вновь и вновь препятствовали продвижению противника и отводили свою пехоту.

В таких условия немецким дивизиям армейской боевой группы Руоффа и 1-й танковой армии не удалось выполнить главных задач, поставленных директивой № 45: "Вражеские войска, бегущие через Дон, надо окружить и уничтожить в районе к югу и юго-востоку от Ростова". Вновь план Гитлера дал осечку.

Они наступали и наступали. Продвигались все дальше и дальше. Солдаты шли от реки к реке: переправились через Кагальник, форсировали Ею. Вюртембергскому 5-му корпусу предстояло преодолеть еще восемь рек на пути к Кубани. Корпус наступал на Новороссийск между румынской 3-й армией справа, с 57-м танковым корпусом позади и 49-м горнострелковым корпусом слева. 44-й стрелковый корпус следовал за подвижными дивизиями генерала Кирхнера.

В Тихорецке старый нефтепровод Баку-Ростов пересекал железную и автомобильную дороги. Русские отчаянно защищали эту ключевую точку с применением большого количества полевой и противотанковой артиллерии, а также трех бронепоездов. Расчетам приданных 125-й пехотной дивизии 88-мм зениток пришлось изрядно потрудиться. Но вот наконец передовые части 125 и 198-й пехотных дивизий соединились. Тихорецк пал. Русские отступили отступили, но не побежали в панике.

Нанося удары из поля высоких - в рост человека - подсолнухов, русские часто причиняли

немцам большой урон. Но как только те пытались связать их боем, тотчас же исчезали. Ночью отдельные единицы техники попадали в засаду. Посылать с донесениями и приказами мотоциклистов по одиночке стало невозможно.

В таких условиях 125, 198, 73 и 9-я пехотные дивизии 5-го корпуса 10 августа 1942 г. вышли в район Краснодара. За шестнадцать дней пехотинцы покрыли расстояние свыше 300 километров от Ростова к столице казачьей Кубани, с боями продвигаясь по выжженной солнцем степи и плодородным долинам рек.

Они проходили бескрайними полями подсолнухов, пшеницы, проса, конопли и табака. Огромные стада скота паслись в степи. Сады в казачьих станицах казались своего рода оазисами. Абрикосы, сливы, яблоки, груши, арбузы, виноград и помидоры - все это зрело и росло там в громадных количествах. Яиц было точно гальки на морском берегу, в каждом дворе жирели тучные свиньи. Для поваров и казначеев наступили лучшие времена.

Население Краснодара, центрального региона, расположенного на северном берегу Кубани, в ту пору насчитывало около 200 000 человек. В городе имелись крупные нефтеперерабатывающие заводы.

Генерал Витцель развернул свой 5-й корпус для массированного штурма города: 73-ю пехотную дивизию из Франконии - с северо-запада, гессенские полки 9-й - с севера, а солдат из вюртембергской 125 и 198-й пехотных дивизий - с северо-востока и с востока. Русские оказывали упорное и ожесточенное противодействие в садах и в пригородах. Они не давали немцам прорваться в центр города, где располагался мост через Кубань, чтобы переправить по нему на другую сторону как можно больше людей и, что еще важнее, всю возможную технику и оборудование. Все, что не получалось взять с собой на южный берег, поджигалось, включая огромные танки для хранения нефти. К полудню 11 августа майор Ортлиб с 1-м батальоном 421-го пехотного полка проложил себе путь в точку всего в 50 метров от моста, откуда представлялось возможным нанести удар этому объекту, заполоненному колоннами русских.

2-я рота получила приказ атаковать. Капитан Зальцлер вскочил с пистолетом в поднятой руке. Он успел сделать только три шага, после чего рухнул на землю с простреленной головой.

Рота бросилась вперед. Передовые отделения ее находились уже в 20 метрах от пандуса. В этот момент бдительный офицер советского поста охраны моста привел в действие взрывную машинку.

Прогремели взрывы сразу в нескольких точках, и мост с грохотом начал оседать в воду прямо с находившимися на нем русскими колоннами. В клубах пыли виднелись летящие в воздухе люди и кони, машины и вооружение. Все это точно в замедленной съемке вращалось, крутилось и падало в воду, скрываясь под ее поверхностью.

Взрыв моста означал, как многому научились русские в последние месяцы. Поворот рукоятки взрывной машинки обошелся немцам в два дня задержки. Только в ночь с 13 на 14 августа солдаты 125-й пехотной дивизии смогли переправиться через реку на штурмовых лодках и плотках.

Перед этим днем майор Ортлиб разведал места для переправы прямо на глазах у бдительных советских солдат, окопавшихся на противоположном берегу. Переодетый казачкой, с мотыгой и с корзиной он спокойно прошел вдоль берега реки.

Под сосредоточенным огнем артиллерии и 37-мм зениток немецкие части сумели форсировать Кубань и навести понтонный мост. 5-й корпус вступал на территорию Кавказа. Мусульманское население поднимало над своими домами знамена с полумесяцем - символом ислама - и приветствовало немцев как освободителей из-под ига атеистов-коммунистов. 6. Между Новороссийском и Клухорским перевалом "Море, море!" - Горные перевалы Кавказа - Бои за старые военные дороги - Экспедиция к вершине Эльбруса - Всего 30 километров до

побережья Черного моря - Из-за отсутствия последнего батальона.

С переходом через Кубань для армейской группы Руоффа осталась позади последняя крупная водная преграда на пути к цели. Теперь дивизия могла приступить к решению реальных боевых задач - захвату портов Новороссийск, Туапсе, Сочи, Сухуми и Батуми, объектов, имевших крайне большое значение. Овладение ими давало возможность немцам лишить советский Черноморский флот последних баз и таким образом наладить снабжение своих войск на Кавказском фронте по морю. Кроме того, если бы последние принадлежавшие еще Советам участки побережья Черного моря оказались заняты немцами, Турция, вполне вероятно, вступила бы в союз с Германией. Подобная перспектива сама по себе имела бы далеко идущие последствия в стане союзников. Рухнули бы британско-советские позиции в Северной Персии, и южный путь поступления военной помощи Сталину - через Персидский залив, Каспий и далее вверх по Волге - оказался бы перерезан.

Даже смелый план направить Африканский корпус Роммеля через Египет в Месопотамию приобрел бы реальное практическое значение. В то время солдаты германо-итальянской танковой армии в Африке, осуществив летом 1942 г. великолепный бросок через пустыню, стояли под Эль-Аламейном, у ворот Каира. Саперы уже подсчитывали, какое количество понтонов понадобится для форсирования Нила, и когда кто-нибудь из солдат спрашивал: "Где будет следующий привал?" - ему в шутку отвечали: "Во дворце Ибн Саида".

О таких фантастически грандиозных планах любили поговорить в боевой группе Руоффа. Как только в частях 49-го горнострелкового корпуса прослышали о том, что их посылают на Кавказ, они тут же изобрели новые девизы. В книге "Горные стрелки на всех фронтах" Алекс Бухнер приводит ответ одного стрелка на вопрос, с какой целью они совершают свой долгий марш через степи: "Чтобы выйти к Кавказу, повернуть за угол, ударить англичанам в тыл и сказать Роммелю: "Привет, генерал, мы здесь!"

Ближе к концу августа 1942 г. дивизии 5-го корпуса начали штурм Новороссийска - крупной морской крепости на восточном побережье Черного моря. Новороссийск, население которого составляло тогда 95 000 человек, представлял собой важный порт с судостроительными доками, холодильными установками, комбинатами по переработке рыбы и другими промышленными предприятиями.

125 и 73-я пехотные дивизии проложили себе путь через предгорья Кавказа и вышли на подступы к городу. Море открылось им совершенно неожиданно. Увидев его с высоты, полковник Фрибе, командир 419-го пехотного полка, приказал радировать своему другу, полковнику Рейнгардту из 421-го пехотного полка: "Таласса, таласса - море, море!" Так, согласно древнегреческому историку Ксенофону, 2400 лет назад восклицали греческие авангарды, когда после тяжелейшего перехода горами Малой Азии вышли к Трапезунду, расположенному как раз напротив Новороссийска.

Однако для овладения им полкам 125 и 73-й пехотных дивизий понадобилось пролить немало пота и крови. Только после ожесточенных сражений оборонявшие Новороссийск части советской 47-й армии оставили город.

6 сентября 1942 г. лейтенант Циглер повел 1-й батальон 186-го пехотного полка - головную часть 73-й пехотной дивизии - на штурм порта и гавани.

К 10 сентября город и пригороды полностью находились в руках немцев. С первой задачей боевая группа Руоффа справилась. Следующим пунктом был Туапсе - ключевой пункт на узкой прибрежной равнине. Туапсе стал поворотным пунктом в судьбе армейской группы Листа.

Кроме 5-го пехотного корпуса, 44-го стрелкового корпуса и 57-го танкового корпуса, 17-я армия включала в свой состав 49-й горнострелковый корпус, состоявший из немецких 1 и 4-й горнострелковых дивизий, а также румынской 2-й горнострелковой дивизии. Такое сочетание

пехотных, стрелковых и горных войск было выбрано неспроста. В то время как пехотные дивизии генерала Витцеля овладевали Новороссийском фронтальной атакой через лесистые подножья Северо-Западного Кавказа, 97 и 101-я стрелковые дивизии, продвигавшиеся за 57-м танковым корпусом через Майкоп, уже прокладывали себе путь дорогами "Лесного Кавказа" к порту Туапсе. Стрелковые дивизии имели прекрасную подготовку к ведению боевых действий в горных районах. Горным же стрелкам генерала Конрада приходилось пробиваться к побережью Черного моря через расположенные на высоте 3000 и 4000 м высокогорные перевалы Центрального Кавказа, чтобы, так сказать, войти с черного хода. Целью их являлось взятие Сухуми - города на поросшем пальмами субтропическом берегу и столицы Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики. Отсюда до турецкой границы в районе Батуми оставалось около 150 километров.

Позади передовых моторизованных боевых групп мотопехотной дивизии СС "Викинг" и словацкой моторизованной дивизии горные стрелки генерала Конрада 13 августа развернули атаку из степи на высокогорные перевалы Кавказа - 4-я горнострелковая дивизия справа, с целью овладеть перевалами в истоках реки Лаба, а 1-я горнострелковая дивизия слева, чтобы наступать через перевалы вдоль ледников Эльбруса, от которых берет свое начало река Кубань. Самой важной переправой служил Клухорский перевал, расположенный на высоте 2800 метров, из которого начиналась старая Сухумская военная дорога.

На участке 1-й горнострелковой дивизии майор фон Гиршфельд с 2-м батальоном 98-го горнострелкового полка осуществил смелый бросок к самому входу на перевал, который блокировали крупные силы русских. Взять рубеж с фронтальной атаки было невозможно. Но фон Гиршфельд показал русским, как умеют воевать в горах немцы. Он связал противника боем по фронту и обошел его по отвесным горным склонам, после чего ударил в тыл. Самая высокая точка Сухумской военной дороги находилась в руках немцев к вечеру 17 августа.

Стремительный как молния майор фон Гиршфельд, продолжая быстрое продвижение в Клычскую долину, овладел селением Клыч у подножья гор и оказался посередине роскошных лесов на Черноморском побережье. Еще один последний прыжок - и немцы овладеют прибрежной равниной.

Но неожиданное продвижение на равнину не осуществить ослабленными войсками. Русские с яростным упорством защищали выходы с гор. Один из главных объектов, Сухуми, находился всего в 40 километрах. Но положение майора фон Гиршфельда, далеко оторвавшегося от своих, имевшего в своем распоряжении только горстку людей, вынужденного полагаться только на самого себя, становилось очень опасным. На левом фланге образовалась огромная пустота - танковая армия Клейста все еще оставалась в степи к северу от Эльбруса.

Оказавшись перед лицом подобной ситуации, генерал Конрад решил на смелую операцию с целью прикрыть левый фланг корпуса. Капитан Грот с ротой высокогорных альпинистов, состоявшей из проводников и скалолазов, получил задание пройти на перевалы Эльбруса, расположенные на высоте около 4000 метров, и отрезать долину Баксана, откуда противник угрожал немецкому флангу.

Такого поля битвы война еще не знала. Изрезанные глубокими расщелинами горы с отвесными ржаво-красными порфиристыми склонами поднимались на тысячи метров. Далекое льды ледника Асау блистали на солнце.

Ожесточенные бои бушевали за бывшую царскую охотничью резиденцию Кругозор, расположенную на высоте более 3000 метров над широкой расщелиной Баксанской долины. Рядом возвышалась одна из красивейших в мире гор - гора Ушба высотой 4700 метров. Только Казбек, расположенный далее на восток по Военной грузинской дороге, да два пика Эльбруса превосходили ее высотой. Вполне естественно, солдаты 1-й горнострелковой дивизии, на пути

наступления которых стояла гора Эльбрус, хотели покорить гигантскую вершину. Подобная операция не имела, конечно, никакой военной ценности, но что будет с миром, если там узнают о том, что на самой высокой горе Кавказа развевается знамя со свастикой.

Поэтому генерал Конрад разрешил совершить восхождение, на условиях, что оно будет осуществляться совместно солдатами 1 и 4-й дивизий. Мудрое решение, поскольку оно не задевало альпинистской гордости 4-й дивизии.

Экспедицию возглавлял капитан Грот. Участники ее от 4-й горнострелковой дивизии находились под командованием капитана Гэммерлера. Уже очень скоро скалолазов ждал любопытный сюрприз. Обер-лейтенант Шнайдер с командой связистов выступил из лагеря раньше основной группы, поскольку позднее тяжелое радиооборудование стало бы задерживать их в пути. Далеко впереди, на дальнем конце огромного ледника солдаты увидели фантастический Дом интуриста, который Советы возвели на высоте 4000 метров, - массивное овальное сооружение без каких-либо выступов, полностью покрытое алюминием. Оно походило на гондолу гигантского воздушного судна. В этом поразительном ледниковом отеле имелось сорок номеров, способных принять сто человек. Над ним находилась метеостанция, а под главным строением располагалась кухня.

Шнайдер со своей командой быстро продвигался по снегу ледника, который еще не умягчился под лучами дневного солнца. Внезапно в бинокль обер-лейтенант увидел перед зданием советского солдата.

– Осторожно, - предупредил Шнайдер своих людей. По его приказу они свернули с прямого пути, обошли отель и заняли боевые позиции среди скал.

Затем появился капитан Грот. Один. Немцы не могли предупредить его, и русские захватили капитана. Советский гарнизон состоял из трех офицеров и восьми солдат. Они разместились там только утром.

Грот тут же разобрался в ситуации и стал действовать. Один из русских офицеров говорил по-немецки, и Грот объяснил ему, сколь безнадежна их ситуация. Он указал на приближавшиеся группы альпинистов и на взвод связи, который занял позиции в скалах. Так ему удалось уговорить русских уйти добровольно. Однако четверо красноармейцев пожелали остаться с Гротом и подождать подхода главных сил экспедиции, чтобы предложить им себя в качестве носильщиков.

Следующий день, 18 августа, объявили днем отдыха. Горным стрелкам надо было привыкнуть к высоте. 19 августа предстояло начать штурм горной вершины. Но внезапная вьюга расстроила планы. 20 августа сильные грозы с градом вынудили альпинистов ждать в здании на горе Эльбрус.

21 августа ясное утро обещало хороший день. Они выступили в 03.00 капитан Грот с шестнадцатью людьми и капитан Гэммерлер с пятью.

В 06.00 радужным надеждам пришел конец. Ветер с черноморского побережья принес непогоду. Туман, а потом и снег встали на защиту пика гигантской горы. Найдя маленькое убежище, Грот и Гэммерлер со своими людьми остановились для передышки. Вернуться и попытаться позднее? Нет - горные стрелки не желали отступить.

Они пошли. Подъем в разреженном воздухе, в обжигающем холоде стал зловещей гонкой. Снег залеплял людям глаза. Метель завывала на ледяном склоне хребта. Видимость не превышала 10 метров.

К 11.00 они покорили ледяной склон. Капитан Гэммерлер стоял на самой высокой точке хребта. Впереди вновь начинался склон. Совершенно ясно, что офицер находился на вершине.

Унтер-офицер Куммерле из 1-й горнострелковой дивизии утрамбовывал снег вокруг древка боевого знамени рейха. Затем солдаты воткнули в землю штандарты 1 и 4-й горнострелковых

дивизий с эдельвейсом и горечавкой. Короткое рукопожатие - и экспедиция начала спуск. Теперь весь мир узнает, что знамя со свастикой развивается на высочайшем из хребтов Кавказа.

Завоевание Эльбруса немецкими горными стрелками, успешный подъем на совершенно незнакомую им гору, да еще в такую ужасную погоду, стал грандиозным достижением в деле покорения вершин. Его не умаляет даже тот факт, что через несколько дней, когда установилась хорошая погода, доктор Рюммлер, специальный корреспондент при корпусе, обнаружил, что флаги установлены не в тригонометрической точке самого высокого пика, а примерно в 40 метрах ниже. В тумане и ледяной вьюге 21 августа горные стрелки приняли эту точку за настоящую вершину.

Но вернемся к боям на горных перевалах. В то время как батальоны 1-й горнострелковой дивизии прокладывали себе путь через Клухорский перевал и по старой обветшавшей Сухумской военной дороге, в виду 5600-метрового Эльбруса, генерал-майор Эглзеер вел солдат своей 4-й горнострелковой дивизии из Австрии и Баварии через высокогорные перевалы главного хребта. Полковник фон Штеттнер с 1 и 3-м батальонами 91-го горнострелкового полка овладели перевалами Санчаро и Алустраху, расположенными на высоте 2500 и 3000 метров. Таким образом был преодолен главный горный хребет, и теперь дорога лежала вниз к перевалам у подножья и в субтропические леса района Сухуми.

Майор Шульце с 3-м батальоном 91-го горнострелкового полка штурмом взял Бгаларский перевал и оказался непосредственно над лесистыми склонами, резко обрывающимися к прибрежной равнине. Берег - главная цель - находился всего в 20 километрах.

Стрелки прошли более 200 километров по горам и ледникам. Небольшие по численности подразделения вели бои на высоте 3000 метров, громили превосходящие силы противника, взбираясь на головокружительные высоты, проходя под пронизывающим до костей ветром по отполированным ледяным склонам, выбивая врага с позиций, считавшихся неприступными. Теперь эти люди в буквальном смысле видели перед собой цель похода, но не могли достигнуть ее.

Для решающего броска на побережье боевая группа Штеттнера располагала всего двумя орудиями с боезапасом по двадцать пять выстрелов на каждое.

– Пришлите боеприпасы, - радировал командир. - Где же наши самолеты? Где альпийские стрелки со своими мулами?

Нет - самолетов не было. Что до Альпийского корпуса, то он маршировал к Дону в направлении Сталинграда.

Полковник фон Штеттнер, командир храброго 91-го горнострелкового полка, находился в долине Бзыби в 30 километрах от Сухуми.

Майор фон Гиршфельд со своими солдатами стоял в долине Клыча, в 40 километрах от берега.

97-я стрелковая дивизия генерал-майора Руоффа с боями пробилась в точку на расстоянии 50 километров от Туапсе. В составе этой дивизии сражались валлонские добровольцы из бригады "Валлони" подполковника Люсьена Липпйра.

Но ни в одном из этих мест не было достаточно крупных для последнего рывка сил. Советские войска оказывали упорное сопротивление. Штурмовые формирования группы армий "А" были измотаны неделями тяжелых боев, а пути снабжения - растянuty свyше всех мыслимых пределов. Люфтваффе приходилось делить силы между Доном и Кавказом. Вдруг получилось так, что в воздухе стали господствовать советские ВВС. Советская артиллерия также имела численное превосходство. Немецким войскам не хватало всего нескольких десятков истребителей, полдюжины батальонов и несколько сотен мулов. Теперь, когда до цели оставались считанные километры, все это отсутствовало.

Та же картина наблюдалась и на всех других фронтах - повсюду. Везде, где операции достигали кульминации и где важнейшие задачи находились на грани решения, немецкие армии фатальным образом страдали от нехватки войск, снабжения и техники. Под Эль-Аламейном, всего в 100 километрах от Нила, Роммель умолял прислать ему несколько десятков самолетов, чтобы противодействовать воздушным армадам британцев, и несколько сотен танков с несколькими тысячами тонн горючего. В селах к западу от Сталинграда штурмовые роты 6-й армии просили о нескольких штурмовых орудиях, о двух или трех свежих полках, располагавших противотанковыми орудиями, штурмовыми саперными частями и танками. В пригородах Ленинграда и на подступах к Мурманску - везде командиры сетовали на нехватку того самого знаменитого последнего батальона, который всегда решает исход битвы.

Но Гитлер не мог послать этого последнего батальона ни на один из своих фронтов. Война сделалась слишком большой для Вермахта. Всюду от солдат требовалось сражаться на пределах сил и возможностей, и всюду фронты были опасно растянутыми.

Над полями боев всюду от Атлантики до Волги и Кавказа кружились призраки катастрофы. Где прогремит первый гром? 7. Дальняя разведка к Астрахани 130 километров через вражескую территорию на бронемашине разведки Неизвестная железнодорожная ветка нефтеснабжения - Лейтенант Шлип звонит начальнику станции Астрахани - Казаки капитана Загородного.

В районе боевых действий 1-й танковой армии, которая образовывала восточное крыло группы армий "А", 16-я моторизованная пехотная дивизия прикрывала открытый левый фланг посредством цепи опорных пунктов. Было 13 сентября 1942 г. в Калмыцкой степи восточнее Элисты.

– Поспешите, Георгий, надо подготовиться - через час выступаем.

– Слушаюсь, господин обер-лейтенант, так точно, - прокричал казак Георгий и поспешно удалился. Обер-лейтенанту Готтлибу импонировало его рвение.

Георгий был уроженцем Краснодара. Немецкий он выучил в педучилище. Прошлой осенью, будучи посыльным, он угодил прямо в руки мотоциклистов 16-й моторизованной дивизии. С тех пор он оказывал разные услуги 2-й роте сначала как помощник повара, а позднее как переводчик. У Георгия, которому в роте все доверяли, так что в критических ситуациях он даже стрелял из пулемета, имелся ряд причин ненавидеть Сталина и большевизм.

Лейтенант Готтлиб только что вернулся с совещания с командиром 165-го мотоциклетного батальона - части, которая позднее стала 116-м танковым разведывательным батальоном. На совещании обговаривались последние детали разведывательного рейда через Калмыцкую степь к берегам Каспия. Генерал-лейтенант Хайнрици, командир 16-й моторизованной дивизии, которая недавно сменила 52-й корпус в районе Элисты, хотел знать, что происходит в огромной пустыне, протянувшейся вдоль фланга Кавказского фронта. Между районом к югу от Сталинграда и рекой Терек, на которую 30 августа около Моздока вышел 394-й мотопехотный полк майора Папе 3-й танковой дивизии, образовалась брешь шириной 300 километров. Огромным туннелем тянулась эта неизведанная территория между Волгой и Терекком; основанием треугольника служил берег Каспийского моря. Оттуда можно было ожидать любых сюрпризов. Поэтому следовало проверить, что там происходит.

Задача патрулирования громадного куска ничейной земли в конце августа была поставлена, по сути дела, одной немецкой дивизии - 16-й моторизованной. Базировалась она в районе Элисты в Калмыцкой степи. Поначалу дозоры и разведка к берегам Каспия и устью Волги осуществлялись силами подразделений дальней разведки. Усиления ждать не приходилось до конца сентября, когда должны были подтянуться части специального командования "F" генерала авиации Фельми.

Именно тогда 16-я моторизованная дивизия и заработала свое прозвище "Борзая дивизия" -

название, которое впоследствии уже 16-я мотопехотная дивизия, а затем и 116-я танковая дивизия носили с гордостью.

Не считая некоторых незаменимых специалистов, в операции принимали участие только добровольцы. Первая крупная экспедиция отправилась в путь по обеим сторонам дороги Элиста-Астрахань в середине сентября. Участвовали четыре разведывательных команды. Им ставили следующие задачи: (1) Установить факт присутствия войск противника в окне между Терekom и Волгой, и если они есть, то где именно; пытается ли противник переправлять свои войска по Волге; где располагаются его части, и отмечается ли какое-либо движение войск по дороге вдоль реки между Сталинградом и Астраханью.

(2) Предоставить подробные сведения о состоянии дороги, характере берега Каспийского моря и западного берега Волги, а также новой и пока неизвестной железнодорожной линии между Кизляром и Астраханью.

Команды отправились на задание в воскресенье, 13 сентября, в 04.30. Пронизывающий ветер дул из степи, с момента захода солнца становилось все холоднее и холоднее.

Разведывательные команды, отправлявшиеся в свой авантюрный 150-километровый рейд по неизведанной, негостеприимной вражеской территории, располагали соответствующим снаряжением. В каждую команду входило две четырехосных разведывательных бронированных машины с 20-мм зенитными орудиями, мотоциклетный взвод (двадцать четыре человека), две или три 50-мм противотанковых пушки - самоходные или же установленные на пехотных бронетранспортерах - и одно инженерно-саперное отделение с соответствующим снаряжением. В колонну входило пять грузовиков - на двух везли горючее, еще на двух воду, а на пятом запас продовольствия - и команды ремонтников и техников-эксплуатационников на вездеходах. И наконец, врач, связисты, вестовые и переводчики - тоже на колесах.

Разведывательной команде лейтенанта Шредера не повезло с самого начала. Вскоре после начала экспедиции, уже за Уттой, команда наткнулась на вражеский дозорор. Лейтенант Шредер погиб, переводчик Мареш и унтер-офицер Вайсмейер получили ранения. Команда вернулась обратно и вновь тронулась в путь на следующий день под началом лейтенанта Ойлера.

Лейтенант Готтлиб, лейтенант Шлип, лейтенант Гильгер тем временем продвигались со своими командами дальней разведки на север, на юг и непосредственно вдоль большой дороги, связывающей Элисту и Астрахань. Лейтенант Готтлиб первым проехал по дороге и, свернув на северо-восток, в степь в направлении Садовской, 14 сентября достиг точки в 40 километрах от Астрахани. 15 сентября его от берега Волги отделяло всего 25 километров. С высоких песчаных дюн открывался вид на реку. Песок и соляные болота делали местность почти непроходимой, но танковые разведывательные команды неизменно находили пути.

Карты, которые имел при себе Готтлиб, оставляли желать лучшего. Поэтому у каждого колодца казаку Георгию приходилось вести долгие беседы с кочевниками калмыками, выясняя, где находятся дороги и тропы. Калмыки относились к немцам дружелюбно.

– Большая железная дорога? Да, между Кизляром и Астраханью каждый день проходит по несколько поездов.

– А русские?

– Да, их тут много проезжает. Только вчера много их ночевало у соседнего колодца, отсюда до него около часа пути на восток. Они приехали из Садовской. Там их должно быть много.

– Серьезно? - Георгий понимающе кивнул и протянул словоохотливым кочевникам несколько сигарет.

Они засмеялись, но смех их вдруг оборвался. Один что-то крикнул и показал на север. Оттуда на галопе приближалось двое советских всадников.

Калмыки словно растворились. Две немецкие бронемашины разведки стояли за дюнами и

не были видны русским. Лейтенант Готтлиб крикнул Георгию:

– Назад! - Но казак не ответил. Он спрятал пилотку под широкий плащ, сел на край колодца и закурил.

Двое русских - офицер и его ординарец - приближались осторожно. Георгий что-то крикнул им. Офицер спешил и подошел к нему.

Лейтенант Готтлиб и его люди видели, как они беседуют, смеются, стоя рядом друг с другом.

– Мерзкая собака, - проговорил радист. Но в тот же момент Георгий быстро выхватил свой пистолет со словами "Руки вверх!". Подобный поворот событий так удивил советского офицера, что тот покорно поднял руки и приказал сделать то же самое и ординарцу.

Разведывательная команда Готтлиба вернулась в Хальхуту с двумя ценными языками.

Особое задание лейтенанта Ойлера состояло в том, чтобы выяснить точно, что представляет собой оборона Садовской и перевозит ли противник войска через Волгу в районе севернее Астрахани.

Расстояние от Утты до Садовской по прямой составляло 240 километров. Ойлер почти сразу же свернул с большой дороги на север. Проехав десять километров, Ойлер внезапно почувствовал, как у него перехватывает дыхание: огромное облако пыли двигалось прямо на команду на значительной скорости.

– Рассредоточить технику! - приказал лейтенант и поднес к глазам бинокль. Облако быстро приближалось. Внезапно Ойлер засмеялся. Силы, которые атаковали их, оказались вовсе не советской бронетехникой, а громадным стадом антилоп - сайгаков, обитающих в степях Южной России. В какой-то момент, почуввав запах человека, они резко повернули и на галопе помчались в восточном направлении. Копыта их топтали сожженную траву степи, поднимая такие клубы пыли, точно по бескрайней равнине на полном газу шел в атаку танковый полк.

Ойлер провел разведку на северо-восток и выяснил, что в селениях Юста и Хазык расположены крупные силы противника. Он обошел их и повернул к Садовской - своей главной цели.

16 сентября Ойлер с двумя бронемашинами разведки находился в 5 километрах от Садовской и, следовательно, всего в 7 километрах от берега Нижней Волги. До Астрахани пришлось бы пройти еще 30 километров. По всей видимости, разведывательной команде Ойлера удалось продвинуться на восток дальше, чем какому-то другому немецкому подразделению в ходе операции "Барбаросса", и, следовательно, подойти ближе всех к Астрахани - точке на линии, на которой по плану должно было закончиться продвижение немецких частей на Востоке. Разведывательная команда выяснила крайне важные вещи: русские вырыли противотанковый ров вокруг Садовской и оборудовали глубокоэшелонированные позиции дотов.

Таким образом противник создал хорошо подготовленный плацдарм, по всей видимости, с целью прикрытия запланированной переправы советских войск через Нижнюю Волгу.

Когда русские часовые опознали немецкие машины разведки, на позициях вспыхнула самая настоящая паника. Пребывавшие еще секунду назад в полнейшем благодушии солдаты бросились к своим дотам и дзотам и открыли мощный заградительный огонь из противотанковых ружей и пулеметов. Ойлер со своей машиной разведки преградил путь двум русским, бежавшим поблизости в полном замешательстве.

– Руки вверх!

С перепугу оба красноармейца - штабной офицер 36-го пулеметного батальона и его связной - сдались. Немцам повезло.

Лейтенант Юрген Шлип, командир танковой роты разведки из состава 16-й моторизованной дивизии, тоже отправился в путь со своей командой 13 сентября. Его маршрут

пролегал к югу от главной дороги. Задача состояла в том, чтобы выяснить, верны ли показания военнопленных относительно наличия пригодной для использования железнодорожной линии из Кизляра в Астрахань, поскольку данные о такой ветке на карте отсутствовали. Сведения о железной дороге нефтеснабжения имели большую важность, поскольку ветку также можно было использовать для переброски воинских частей.

Шлип обнаружил железную дорогу. Он вспоминает: "Ранним утром второго дня нашего задания мы увидели вдалеке блестящие на солнце соляные большие озера. Мотоциклистам нелегко давался путь по глубокому песку, и нашим двум техникам-механикам все время приходилось что-нибудь чинить".

Когда Шлип в конце концов разглядел в свой бинокль железнодорожное полотно, то, оставив позади основную часть своей маленькой разведгруппы, с двумя машинами разведки и инженерно-саперной командой поехал к будке путевого обходчика. В действительности это оказалась станция Зензели.

Дальше Шлип рассказывает следующее: "Издали мы увидели пятьдесят или шестьдесят гражданских, работавших на верхних строениях пути. Это была однокорейка, прикрытая с обеих сторон песчаными валами. Начальники, едва завидев нас, дали деру, но оставшиеся рабочие нас радостно приветствовали. Они оказались украинцами, которых целыми семьями, всех - стариков, женщин и детей, насильственным образом вывезли из их домов и в последние несколько месяцев использовали здесь для работы. Многие украинцы говорили по-немецки и приветствовали нас как своих освободителей".

Пока солдаты разговаривали с рабочими, на юге показался дымок.

– Поезд, - закричали украинцы.

Шлип расположил свои машины разведки за песчаными дюнами. Натужно пыхтя и пуская пар, по дороге медленно катились два паровоза с товарным составом из цистерн с нефтью и бензином. Шесть выстрелов из 20-мм пушек, и из котлов локомотивов повалил пар, а из топок полетел раскаленный докрасна уголь. Поезд встал. Теперь одну за другой немцы поджигали цистерны.

– Что за черт! Столько топлива! - ворчали стрелки. Но украинцы хлопали в ладоши всякий раз, когда взрывалась очередная цистерна. В конце концов немецкие саперы взорвали рельсы и верхнее строение пути.

В то время когда они подготавливали к взрыву здание станции, зазвонил телефон. Саперы подскочили от неожиданности.

– Фу-ты! У меня все так и ёкнуло! - проговорил ремонтник унтер-офицер Энг, однако быстро взял себя в руки и позвал Шлипа: - Господин лейтенант, телефон!

Шлип, тут же уяснив себе ситуацию, захватил переводчика и с ним побежал в здание.

– Станция Зензели, говорит начальник станции, - сказал переводчик по-русски и широко улыбнулся. - Да-да, товарищ... - продолжал он разговор.

На другом конце провода находилась товарная станция Астрахань. Астрахань - южный "терминал" линии "А-А" - Астрахань-Архангельск. Командир передовой немецкой части разговаривал с Астраханью по телефону.

Диспетчер в Астрахани хотел знать, прошел ли поезд с нефтью из Баку. На запасном пути в Басах ждал состав, идущий в противоположном направлении.

Поезд в противоположном направлении! Переводчик попытался убедить товарища в Астрахани отправить состав немедленно. Но это вызвало подозрения у товарища из Астрахани. Он задал собеседнику несколько каверзных вопросов, ответы на которые выдали в нем неспециалиста.

Диспетчер начал кричать и грязно ругаться. Переводчик же, перестав играть роль, сказал:

– Подожди, приятель, скоро мы встретимся в Астрахани.

Выругавшись, товарищ в Астрахани бросил трубку. Таким образом он никак не мог слышать раздавшегося две минуты спустя взрыва, который поднял на воздух жалкую лачугу, носившую название здания станции Зензели.

Лейтенант Шлип, потерявший радиоконтакт с дивизией еще в первый день, попытался продолжить разведку в сторону Басов. Но, по всей видимости, начальник станции в Астрахани поднял тревогу. За селением заняли позиции советские артиллеристы и расчеты станковых пулеметов.

Дальняя разведывательная команда Шлипа повернула обратно и 17 сентября благополучно вернулась в Утту. В тот же день Шлипа вызвали в дивизию, где он рапортовал лично генерал-полковнику фон Вейхсу, командующему группой армий "В", оказавшемуся в штабе генерал-лейтенанта Хайнрици. 16-я моторизованная дивизия входила теперь в состав группы армий "В".

Все смогли вздохнуть спокойно. Пока опасности со стороны степи и низовий Волги - т.е. с фланга Кавказского фронта - не существовало. Это была главная информация, которую доставили разведывательные команды. Важность ее заключалась прежде всего в том, что с конца августа группа армий "А" пыталась вновь развернуть наступление на левом фланге. Танковой армии Клейста предстояло приложить все усилия, сделать все возможное и невозможное, чтобы открыть ворота в Баку, с тем чтобы овладеть советскими нефтяными месторождениями и тем самым достигнуть одной из главных целей летнего наступления.

Последним препятствием на их пути являлась река Терек, перед которой остановилось танковое острие наступления армии Клейста. Клейст вновь пытал удачу, и, похоже, на сей раз военное счастье не собиралось покидать германский Вермахт, суля ему новую победу.

Посоветовавшись с командиром 40-го танкового корпуса, генерал-полковник фон Клейст отвел 3-ю танковую дивизию из Баксанской долины, где противник оказывал очень упорное противодействие, и искусным боковым маневром двинул ее позади позиций 23-й танковой дивизии на восток вдоль Терека. После ожесточенных уличных боев 25 августа дивизия овладела Моздоком. Затем вторая боевая группа неожиданно для неприятеля развернулась для осуществления переправы в районе Ищерской. Жизненно важный прыжок через Терек выполнил 394-й мотопехотный полк из Гамбурга, сформированный в 1940-1941 гг. из харбургского 69-го моторизованного пехотного полка.

Было 30 августа 1942 г., время - около 03.00. Штурмовые лодки, саперы и панцергренадеры находились в полной боевой готовности. Они ждали только, когда артиллеристы обеспечат огневое прикрытие их операции по форсированию водной преграды.

В назначенное время заговорили пушки: в тылу раздался грохот, над головами - свист, а на вражеском берегу начали рваться снаряды. Полных десять минут огненный дождь из восьмидесяти восьми стволов лился на русские позиции. Этого времени вполне хватало саперам и гренадерам. Они выскочили из своих укрытий и принялись сталкивать в воду десантные лодки.

Первые группы 1-го батальона пошли на другую сторону. Но русские очнулись. Их превосходные полевые орудия вновь и вновь осыпали снарядами место немецкой переправы. Эти полевые пушки по праву считались одним из самых эффективных и самых опасных советских средств вооружения.

Терек, ширина которого на участке переправы достигала 275 метров, представлял собой предательскую горную реку с мощным течением и опасными водоворотами. Белые фонтаны вздымались тут и там около лодок - это, пока промахиваясь, били вражеские минометы.

Суденьшки безжалостно бросало в бурлящих водах. На корме, низко пригибаясь, сидели гренадеры. Как-то им удалось пройти через ад.

В самом начале атаки, все еще находясь на немецком берегу, погибли командир 1-го батальона, капитан фрайгерр фон дер Гейден-Ринш, и его адъютант, лейтенант Циглер. Лейтенант Вурм тоже рухнул на землю смертельно раненный. Обер-лейтенант Дюрргольц, командир 2-й роты, получил ранение в ходе переправы и вывалился за борт. Он считался пропавшим без вести, но все знали, что он погиб.

Штурмовая лодка вырулила из-за поворота.

– Быстро, быстро!

– Три, четыре, пять... еще один, - считал пехотинцев сапер у руля. Мотор завелся с полуоборота. Они отчалили.

Снаряды рвались справа и слева. Взлетали вверх фонтаны и фонтанчики там, где падали в воду снаряды и их осколки. Сапер у руля стоял прямо, не пригибаясь, невозмутимо он вел лодку через реку. А вот и берег. Небольшой поворот - и солдаты спрыгивают на сушу.

Под прикрытием огня своей артиллерии стрелки метр за метром прокладывали себе путь вперед. Начало создания плацдарма было положено, то пока лишь начало и не более того. Очень скоро выяснилось, что враг оказался сильнее, чем предполагалось. Советские солдаты успели прочно закрепиться на позициях вдоль берега на окраине села Мундар-Юрт и оказывали упорное противодействие. Со своих заранее подготовленных рубежей они имели возможность постоянно держать под огнем находившихся на открытом месте немецких гренадеров.

Во второй половине дня майор Гюнтер Папе, молодой командир полка, переправился через Терек с передовым командным пунктом 394-го мотопехотного полка, чтобы лично оценить ситуацию на месте. Главная линия боя и войска на плацдарме были организованы так, что, несмотря на свою малочисленность, могли оборонять его. Целых пять дней солдаты 394-го панцергренадерского полка держали оборону на дальнем берегу Терека. Они сражались южнее 44-й параллели. Единственными немецкими частями, действовавшими южнее их, были части 1-й горнострелковой дивизии в Клычской долине, которые находились неподалеку от 43-й параллели, если говорить точно, на широте 43 градуса 20 минут - самой южной точке, которой смогли достигнуть немецкие войска на советской территории в ходе операции "Барбаросса".

На неблагоприятной местности, без тяжелого вооружения солдаты Папе противостояли численно превосходящему и яростно сражавшемуся противнику. Полк связывал боем три советских дивизии. Это заставляло советское командование снимать войска отовсюду. Плацдарм, захваченный и удерживаемый 3-й танковой дивизией ценой больших потерь, создал условия для атаки вновь сформированного 52-го армейского корпуса. В результате 111 и 370-я пехотные дивизии успешно переправились через Терек в районе Моздока и создали еще один плацдарм. 394-й полк получил возможность оставить свои невыгодные позиции.

Но в Моздоке, как и везде, войскам не хватало сил для продолжения наступления. Русские просто оказались слишком сильны, а немецкие войска слишком малочисленны и вымотаны боями. Последний шанс завладеть нефтяными месторождениями Баку так и остался нереализованным.

Так же как и в западных предгорьях Кавказа, около Черноморского побережья, операция застопорилась и на Тереке. Фронт замерз. Вблизи от главных целей кампании наступательный порыв принимавших участие в операции "Барбаросса" войск иссяк. Терек стал границей немецкого завоевания.

На оборонительных позициях вдоль Терека, среди немецких батальонов 3-й танковой дивизии в районе Ищерской, плечо к плечо с гренадерами сражалось необычное подразделение - казачья часть. В том, что казачий эскадрон капитана Загородного воевал на стороне немцев, не было, по меркам войны на Востоке, ничего необычного.

Когда летом в районе Миллерова 40-й танковый корпус генерала фрайгерра фон Гейра взял

18 000 военнопленных, возникла большая проблема: кто поведет советских солдат в тыл? Поредевшие немецкие дивизии не располагали людьми для подобной работы. Тут-то у капитана Кандуча, офицера корпусной разведки, и возникла идея отделить явно прогермански настроенных кубанских и донских казаков от остальных пленных, посадить их на во множестве обретающихся вокруг потерявших всадников коней и использовать в качестве конвоя красноармейцев.

Казаки, никогда не питавшие симпатий к большевизму, обрадовались. Капитан Загородный тут же собрал эскадрон и отправился выполнять задание конвоировать 18 000 советских военнопленных. Никто в штабе корпуса и не думал еще встретиться с Загородным и его казаками.

Но в один из дней первой недели сентября в дверь офицера разведки в штабе 40-го танкового корпуса в Руссом на Тереке постучали. На пороге стоял одетый в живописную форму казачий офицер, который на ломаном немецком доложил:

– Капитан Загородный со своим эскадроном прибыл в ваше распоряжение.

Кандуч лишился дара речи. "Его казак" вернулся.

Но что было делать с казаками? Кандуч позвонил начальнику штаба, подполковнику Карлу Вагенеру. Пришлось поспорить и поломать голову. В конце концов решили, что Загородный со своими людьми будут переформированы в казачий эскадрон 1/82, пройдут четырехнедельную боевую подготовку и отправятся на фронт.

Затея сработала. На передовых позициях под Ищерской часть капитана Загородного являла собой пример дисциплины и порядка. Только однажды в первую ночь командир обнаружил двух часовых, заснувших в окопе. Пистолет Загородного гавкнул дважды. Никогда больше ни один казак не заснул на посту, и ни один не дезертировал.

Самым надежным помощником капитана стал командир 1-й сотни лейтенант Кобан, широкоплечий казак, остававшийся верным эскадрону - как и сам Загородный - до самого конца. Если Кобан хворал, сотней командовала его жена. Привлекательная, смелая казачка воевала в сотне мужа с самого начала. Как и мужчины, она отправлялась в дозор. В итоге она погибла вместе с эскадроном.

Гибель эскадрона произошла при мрачных и трагичных обстоятельствах в тысячах километрах от родины, за освобождение которой они пошли воевать в 1942 г.; случилось это после многих боев на Восточном фронте, где часть храбро сражалась.

Капитан Кандуч говорит: "В конце мая 1944 г., когда 40-й танковый корпус переходил румынскую границу в западном направлении, пришел приказ о переброске казачьего эскадрона во Францию. Действуя от имени командира корпуса генерала фон Кнобельсдорффа, майор Патов, адъютант корпуса, попрощался с казаками. Капитан Загородный наконец получил столь долгожданный Железный крест 1-го класса. Он заслужил его по всем статьям. После этого казаки - наверное, в последний раз - построились в колонну и прошли на рыси торжественным маршем. Это было незабываемо".

Шесть недель спустя, во время вторжения союзников во Францию эскадрон угодил под налет тяжелых истребителей-бомбардировщиков около Сен-Ло и был полностью уничтожен.

Только нескольким посчастливилось уцелеть. Они принесли новости о судьбе казаков в Германию. Среди погибших оказались все офицеры, включая и жену лейтенанта Кобана. Но и по сей день солдаты 40-го танкового корпуса не забыли своих товарищей по оружию, с которыми побывали во многих жестоких боях. 8. Терек становится границей немецкого наступления Столкновение Гитлера с Йодлем - Начальник Генерального штаба и генерал-фельдмаршал Лист освобождены от занимаемых постов - Одержимость нефтью - Панцергренадеры на Осетинской военной дороге - Кавказский фронт цепенеет.

7 сентября 1942 г. в украинских лесах стояла жара позднего лета. В лишенных дуновения ветерка бункерах ставки фюрера, называемой "Вервольф", столбик термометра стоял на 30-градусной отметке. Гитлер страдал от жары больше обычного, оттого и больше обычного раздражался по поводу ситуации между Кубанью и Терекком. Донесения с "нефтяного фронта" говорили о том, что войска там исчерпали свои силы.

Группа армий "А" завязла на Кавказе и на Тереке. Долины, ведущие вниз на Черноморское побережье, а в особенности к Туапсе, прочно закрыли советские части, и Терек тоже оказался сильно укрепленным препятствием последним препятствием перед старыми военными дорогами, которые вели к Тифлису, Кутаиси и Баку.

Мы не можем пробиться, доносили командиры дивизий.

– Мы не можем, мы не можем - как же мне надоело слышать эти слова! Гитлер кипел от ярости. Он отказывался верить в то, что дальнейшее продвижение на Терек или на горном фронте невозможно просто из-за недостаточной численности войск. Он во всем винил боевых командиров и то, что он называл ошибками при проведении операций.

По этой причине Гитлер утром 7 сентября отправил начальника штаба оперативного руководства Вермахтом генерала артиллерии Йодля в Сталино, чтобы тот встретился с генерал-фельдмаршалом Листом и лично выяснил, почему нет никакого продвижения по дороге на Туапсе. Своим появлением там Йодлю предстояло подчеркнуть важность приказов Гитлера.

Йодль вернулся поздно вечером. Его доклад вызвал самый крупный кризис в германском Верховном командовании с начала войны. Йодль встал на защиту генерал-фельдмаршала Листа и поддержал его точку зрения относительно того, что для выполнения поставленных задач войскам не хватает численности и снаряжения. Как и Лист, начальник оперативного штаба настаивал на перегруппировке всего фронта.

Гитлер не соглашался. Он вбил себе в голову, что Лист ввел Йодля в заблуждение. Генерал, уставший от жары и утомившийся за день, взорвался. В ярости он перешел на крик и процитировал Гитлеру его же собственные приказы и указания последних нескольких недель, которым Лист следовал с мелочной дотошностью и которые привели к тому, что группа армий "А" оказалась теперь в затруднительном положении.

Гитлер опешил от обвинений Йодля. Генерал, которому он более других доверял, не просто поднял бунт против своего патрона, но и откровенно ставил под сомнение его талант стратега, обвиняя в кризисе на Кавказе и в маячащем на горизонте поражении немцев на Южном фронте.

– Вы лжете! - взвился Гитлер. - Я никогда не отдавал подобных приказов! Никогда!

Затем он покинул Йодля и умчался из бункера в темноту украинского леса. Прошли часы, прежде чем он вернулся, бледный, осунувшийся, с воспаленными глазами.

Степень того, какое впечатление произвела на Гитлера эта встреча, показывает тот факт, что, начиная с того момента, он никогда больше не обедал со своими генералами. С тех пор он всегда ел в своей по-спартански обставленной штаб-квартире в обществе одной лишь восточноевропейской овчарки Блонди.

Но это были не единственные последствия брошенных Йодлем обвинений. Дело пошло куда дальше. Генерал-полковник Гальдер, начальник Генерального штаба сухопутных войск, и генерал-фельдмаршал Лист лишились своих должностей. Гитлер даже решил сместить с постов генералов Кейтеля и Йодля и предполагал заменить их генерал-фельдмаршалом Кессельрингом и генералом Паулюсом - замысел, который, к сожалению, остался нереализованным, поскольку боевой опыт этих военачальников мог, по крайней мере, помочь предотвратить сталинградскую катастрофу.

В конце концов, однако, Гитлер не решился расстаться со своими приближенными генералами Кейтелем и Йодлем, служившими ему так давно. Он только приказал, чтобы в

дальнейшем во время совещаний стенографировались все его слова, равно как и замечания генералов. Вместе с тем он упорно настаивал на продолжении наступления на Кавказском фронте. Он ни за что не желал отказаться от главных целей летнего наступления. Нефть Кавказа, Грозного, Тифлиса и Баку, равно как и перевалочные порты Черноморского побережья предстояло захватить любой ценой. Летом 1942 г. немецкие войска должны были наконец решить задачи русской кампании, по меньшей мере, на юге. Отношение Гитлера к данному вопросу стало еще одним - одним из многих - показателей роста его упрямства также и в военных вопросах. Эта черта его характера начала становиться роковой для фронта. Пристрастия Гитлера и раньше казались очевидными.

Что касается экономической сферы, то тут он был буквально помешан на нефти. Нефть для него служила составляющей прогресса, необходимым условием движения в войне моторов. Он прочитал все, что кто-нибудь когда-нибудь писал о нефти. Он изучил историю арабских и американских нефтяных месторождений, знал о том, как нефть добывается и как перерабатывается. Любой, кто в разговоре касался темы нефти, мог не сомневаться в том, что привлечет внимание Гитлера. Геринг отвечал за реализацию четырехлетнего экономического плана потому, что разыгрывал любимую карту Гитлера - нефть.

Хорошо демонстрируют отношение Гитлера его слова, сказанные о весьма деловитом гражданском служащем в управлении торговой политики немецкого Министерство иностранных дел: "Я не выношу этого человека, но он понимает, что такое нефть". Балканская политика Гитлера целиком базировалась на нефти Румынии. В план "Барбаросса" он включил отдельную кампанию по завоеванию Крыма просто потому, что беспокоился о румынских нефтяных месторождениях, которым, как он считал, могли угрожать расположенные на аэродромах в Крыму советские ВВС.

Более того, одержимость нефтью привела к нежеланию Гитлера обратить внимание на такое революционное направление науки XX века, как атомная физика. Его разум не смог постичь громадного военного потенциала, который таила в себе ядерная реакция, хотя именно ученые Германии первыми открыли и начали использовать процессы ядерного деления. Вновь становилось совершенно очевидным, что Гитлер был человеком девятнадцатого, а не двадцатого столетия.

Все *idées fixes* Гитлера играли фатальную роль в ходе войны с Россией, но наиболее пагубной из них являлась, конечно, его одержимость нефтью. С самого начала нефтяная идея довела над планами кампании на Востоке, а летом 1942 г. одержимость Гитлера заставила его принимать такие решения и ставить такие задачи войскам на Южном фронте, которые в итоге предопределили исход кампании 1942 г., а следовательно, и всей войны. Последний взгляд на события на "нефтяном фронте" в 1942 г. подтверждает это.

Группа армий "А" застряла на северном и западном краях Кавказа. Но Гитлер не хотел принимать очевидного - того, что у немцев недостаточно сил для дальнейшего продвижения. Он желал выйти к Тифлису и Баку по старым кавказским военным дорогам и поэтому приказал продолжить наступление через Терек.

Приказ есть приказ. На протяжении недель тяжелых боев 1-я танковая армия пыталась расширить плацдарм на Тереке в южном направлении буквально по шагу в день. Были сосредоточены все войска: 52-й армейский корпус усилили частями 40-го танкового корпуса, а также 13-й танковой дивизией 3-го танкового корпуса, именно той, которая 20 сентября сумела осуществить переправу через Терек к юго-западу от Моздока. 25 сентября генерал фон Макензен всеми силами 3-го танкового корпуса развернул атаку на г. Орджоникидзе, расположенный на дороге в Тифлис. Пока 23-я танковая дивизия медленно продвигалась вперед вместе с частями 111-й пехотной дивизии, мотопехотная дивизия СС "Викинг", переброшенная с Западного

Кавказа, наступала южнее на Грузинскую военную дорогу. Немецкие войска вышли к старинной дороге на Тифлис.

По прибытии к местам ведения боевых действий из лесистой части Кавказа боевой группы мотопехотного полка СС "Нордланд" дивизия "Викинг" смогла проложить себе путь в северные районы нефтяных месторождений Грозного и в двух местах блокировать Грузинскую военную дорогу. Батальон финских добровольцев, сражавшихся в составе дивизии "Викинг", после кровопролитного штурма овладел ключевой точкой, называвшейся высотой 711, и смог отбить все контратаки противника. Но с какими силами преодолевать последние 100 километров?

Прошло четыре недели, прежде чем 3-й танковый корпус получил необходимые пополнения в живой силе, технике и горючем, чтобы развернуть новую - и, как они надеялись, последнюю - атаку.

25 и 26 октября корпус начал продвижение с плацдарма на западном берегу Терека с целью пробиться на юго-восток. Батальоны упорно сражались. Они разгромили группу из четырех дивизий противника, взяв в плен 7000 военнослужащих. Румынские горные части блокировали долину, ведущую на юг. 13 и 23-я танковые дивизии наступали на юго-восток. В результате решительного штурма 1 ноября они овладели Алагиром и перерезали Осетинскую военную дорогу с обеих сторон от города. 13-я танковая дивизия генерал-майора Герра на волне этого смелого танкового броска 5 ноября вышла в точку в пяти километрах западнее Орджоникидзе.

К тому моменту были истрачены последние силы. Контратаками с севера советские войска отрезали немецкие дивизии от тыловых баз снабжения. Сначала командование 1-й танковой армии не могло оказать помощь и, невзирая на противодействие ставки фюрера, приказало отрезанным группам пробиваться обратно самостоятельно. Позднее, в самый ответственный момент подтянулась передовая боевая группа из мотопехотной дивизии СС "Викинг", которая на полпути встретила своих старых боевых товарищей из 13-й танковой дивизии, чтобы вывести их из вражеской ловушки.

В ночь с 11 на 12 ноября 13-я танковая дивизия вновь соединилась с корпусом. В кровопролитных боях 13-я и "Викинг" отразили ожесточенный натиск преследовавших их войск неприятеля.

Примерно в середине ноября резкое изменение погоды положило конец всем попыткам продолжения операции.

На правом фланге, на участке 17-й армии, горнострелковые войска уже оставили занесенные снегом высокогорные перевалы Кавказа потому, что туда перестало поступать снабжение. Пехотные и стрелковые полки окопались. Наступление на черноморские порты, на нефтяные месторождения и на Баку, Тифлис и Батуми потерпело крушение в нескольких десятках километров от цели. Продвижение на всем фронте остановилось.

Почему?

Потому что новая советская тактика гибкого отхода сорвала замыслы операций на окружение вражеских войск в районе между Доном и Донцом. Потому что советский главнокомандующий сумел в последний момент восстановить контроль над частями и соединениями, отступавшими с Дона на Кавказ. И наконец, потому, что американская помощь продолжала поступать к потрепанным советским армиям из Ирана через Каспий. Измотанные боями немецкие войска были слишком слабы, чтобы сломить последнее сопротивление противника. Здесь, как и везде, немцам не хватило одного последнего батальона.

Часть седьмая.

СТАЛИНГРАД.

Любого, кто занимался изучением обстоятельств битвы за Сталинград, удивляет тот факт, что город этот не фигурировал в числе главных целей летнего наступления. В операции "Блау" Сталинграду отводилось лишь незначительное внимание. Его предстояло "взять под военный контроль" иными словами, уничтожить как центр военной индустрии и порт на Волге. Задача эта отводилась авиации и дальнебойной артиллерии, но никак не целой армии. Поскольку Сталинград не имел стратегического значения, цель можно было достигнуть за счет бомб и снарядов. В соответствии с генеральным стратегическим планом, задачей 6-й армии являлось прикрытие фланга Кавказского фронта и в достижении на нем немецкими войсками военно-экономических целей. Для выполнения задачи захват Сталинграда представлялся целесообразным, но не обязательным. Это задание по прикрытию фланга, данное 6-й армии, в итоге привело к повороту в войне, решило судьбу целой кампании и стало одним из трагических аспектов сталинградской катастрофы. Это показывает, как сильно случайности и ошибки способны влиять на исход войны.

В сентябре 1942 г., когда операции на основных направлениях летнего наступления - на Кавказе и на Тереке - начали застопориваться, в ставку фюрера прибывали обнадеживающие новости со Сталинградского фронта. На участке, где захват излучин Дона и Волги в районе Сталинграда предусматривался лишь с целью обеспечения фланга основного наступления на нефтяные месторождения, после нескольких недель кризиса внезапно произошел значительный прогресс. 13 сентября из 6-й армии поступило донесение о том, что 71-я пехотная дивизия, входившая в состав 52-го корпуса генерала артиллерии фон Зейдлиц-Курцбаха, захватила глубокоэшелонированные рубежи обороны на подступах к Сталинграду и штурмом овладела господствующими высотами около центра города.

На следующий день, 14 сентября 1942 г., генерал-лейтенант фон Гартманн с частями своей нижнесаксонской 71-й пехотной дивизии после упорных и кровопролитных уличных боев прорвался к Волге, пройдя севернее двух железнодорожных станций. Хотя штурмовые команды Гартманна представляли собой очень тонкий клин, тем не менее они прошли через город, а в центре его теперь развевался флаг со свастикой. Такой впечатляющий успех вернул надежды на то, что хотя бы Волго-Донскую операцию удастся победоносно завершить до наступления зимних холодов, а тогда, после обеспечения флангового прикрытия, можно будет продолжить наступление на Кавказе.

За счет чего же немцы сумели добиться такого грандиозного успеха 14 сентября 1942 г.? Чтобы ответить на этот вопрос, нам надо бросить взгляд назад, на события лета и боевые действия между Донцом и Доном, где во второй половине июля 6-я армия в одиночестве продвигалась по Дону к Сталинграду, тогда как главные силы группы армий "Юг" - 1 и 4-я танковые армии - по приказу Гитлера повернули на юг, чтобы окружить противника под Ростовом.

В авангарде 6-й армии действовал 16-й танковый корпус генерала фон Витерсгейма, единственный танковый корпус армии, состоявший из 16-й танковой и 3 и 60-й моторизованных пехотных дивизий. Под ударами этого бронированного кулака русские отходили через Дон на север и на восток в направлении Сталинграда.

Отход, вне сомнения осуществлявшийся по приказу советского командования и задумывавшийся как стратегическое отступление, тем не менее на участках многих советских дивизий превратился в беспорядочное бегство, главным образом потому, что приказы об отступлении пришли неожиданно и не были четко сформулированы. Организация отхода находилась на низком уровне. Офицеры и солдаты не имели знакомства с подобной тактикой. В результате командиры среднего и младшего звена теряли контроль над своими частями. Во многих местах вспыхивала паника. Важно принимать во внимание данные обстоятельства, чтобы понять, почему немцы расценили все происходящее у противника как полное крушение.

Вне сомнения, признаки крушения наблюдались во многих местах, но оно не затронуло высшего советского командования, которое имело четкую программу действий. Сталинград, город в излучине Волги, носивший имя Сталина - в прошлом Царицын, - рассматривался советским Генштабом как последняя точка обороны. Сталин с неохотой позволил своим генералам отступить с Донца и Дона, но теперь провел решительную черту по Волге.

– Я приказываю сформировать Сталинградский фронт. Шестидесят вторая армия должна будет защищать город до последнего человека, - сказал Сталин маршалу Тимошенко 12 июля 1942 г. В этом стратегически благоприятном районе Сталин намеревался повернуть течение войны, так, как сделал это раньше, во время революции, в 1920 г., когда сражался с белоказачьим генералом Деникиным¹. Сталину нужно было выиграть время, чтобы собрать и подтянуть резервы и возвести оборонительные рубежи на северных подступах к городу по полосе суши между Доном и Волгой, а также вдоль выгодной линии господствующих высот, протянувшейся к югу от Сталинграда до Калмыцкой степи.

Но дадут ли немцы Красной Армии достаточно времени на мобилизацию ее сил и перегруппировку в районе Сталинграда?

Командовал 62-й армией генерал-майор Колпакчи. Офицеры его штаба находились у переправы через Дон в районе Калача с готовыми к стрельбе автоматами и пытались привести в порядок валом откатывавшиеся советские полки.

Но немцы не появлялись.

– Боевые столкновения с противником более не отмечаются, - доносили из русских арьергардов. Колпакчи качал головой и докладывал в группу армий:

– Немцы нас не преследуют.

– В чем дело? - спрашивал маршал Тимошенко своего начштаба. - У немцев изменились планы?

Агенты превосходно налаженной советской шпионской сети ничего не знали об изменении планов. Ни Рихард Зорге¹ из немецкого посольства в Токио, ни лейтенант Шульце-Бойзен из Министерства авиации в Берлине не докладывали о корректировке задач немецкого наступления. Не сообщали ничего и агенты, работавшие на высшем уровне, такие, как Александр Радо в Швейцарии и Жильбер в Париже. Хоть кто-нибудь из них что-то бы да пронюхал, поскольку не оставалось сомнений относительно продолжавшейся утечки информации из германского Верховного командования. Донесения Рёсслера, одного из советских шпионов в Швейцарии, который называл своим информатором некоего "Вертера" и действительно пользовался сведениями, получаемыми от хорошо информированного сотрудника германского Верховного командования, доказывали, что канал по-прежнему исправно функционирует. Потому не было причин полагать, что немцы изменили свои планы относительно Сталинградской операции.

Но становилось совершенно очевидным: то самое танковое острие наступления генерала Паулюса, которого так боялись, не появляется. Советская воздушная разведка доносила о том, что передовые немецкие части остановились севернее Миллерова. Советские не понимали, что

происходит. Они даже и представить себе не могли, что главной причиной остановки является отсутствие топлива у 14-го танкового корпуса.

После принятого 3 июля ставкой фюрера решения - решения развернуть операцию на Кавказе, не дожидаясь разгрома Сталинграда, - основные запасы горючего, изначально предназначавшиеся для 6-й армии, стали переадресовываться на Кавказский фронт, поскольку именно там Гитлер сосредоточил свои основные усилия. В результате значительная часть подвижных частей и колонн тылового обеспечения 6-й армии внезапно оказалась парализованной.

По этой причине главные силы 6-й армии - в особенности 14-й танковый корпус - стояли на приколе в течение восемнадцати суток. Две с половиной недели - длительный период.

Русские с пользой употребили это время. "Если немцы не преследуют нас, то есть возможность организовать оборону на западном берегу Дона", решил Тимошенко. Генерал-майор Колпакчи собрал главные силы своей 62-й армии на большой излучине Дона и создал плацдарм в районе Калача. Таким образом жизненно важная переправа через Дон оказалась блокированной в 70 километрах к западу от Сталинграда. Укрепленная "Донская петля" выступала на запад как балкон, обрамляя реку с севера и юга.

К 20 июля, когда 6-я армия вновь обрела способность наступать, генерал Паулюс оказался перед необходимостью сначала прорваться через советский оборонительный рубеж вокруг Калача. Так началась битва за Калач, интересная и весьма важная для дальнейших событий операция - фактически первый акт сталинградского сражения.

Генерал Паулюс построил свое наступление на Калачский плацдарм как классическое окружение. Он приказал 14-му танковому корпусу наступать широкой дугой на юге, а 24-му танковому корпусу, приданному ему из танковой армии Гота, осуществить аналогичный маневр на севере, чтобы оба корпуса соединились в Калаче. 8-й пехотный корпус прикрывал длинный фланг армии на севере, тогда как 51-й корпус Зейдлица вел фронтальный штурм Калача между двух танковых корпусов.

Главный груз сражения на большой излучине Дона лег на две танковых дивизии - 16-ю танковую из 14-го танкового корпуса и 24-ю танковую дивизию 24-го танкового корпуса. Моторизованные дивизии прикрывали фланги. 24-я танковая дивизия из Восточной Пруссии под командованием генерал-майора фон Гауэншильда получила приказ перейти Чир и повернуть на север вдоль Дона к Калачу. Ей противодействовали крупные силы советской 64-й армии, которой в то время командовал генерал-лейтенант Чуйков.

Первая атака двумя танковыми ротами и частями мотопехотных полков поначалу не увенчалась успехом - немцы не смогли пройти минных полей, за которыми окопались русские. Но 25 июля около 03.30 24-я возобновила натиск и на сей раз сумела выбить противника с хорошо подготовленных позиций, захватив важные высоты западнее речки Солоная.

21-й мотопехотный полк под началом полковника фон Ленгерке отразил опасный бросок противника на северном фланге. Во второй половине дня разразился сильнейший ливень, и из-за раскисшей земли наступление сделалось почти невозможным. Погода и упорное противодействие советских 229 и 214-й стрелковых дивизий, которые буквально вгрызались в свои позиции, лишили немцев возможности внезапного выхода к Дону.

26 июля продвижение наконец возобновилось. 26-й мотопехотный полк пробил брешь в обороне противника на речке Солоная. На броне легкой бронетехники гренадеры стремились на восток. Прорыв осуществился.

Мотопехотный полк и один танковый батальон поспешили к переправе через Чир в районе Нижне-Чирской. В 14.00 головные части атакующих вышли к реке и повернули на юг в направлении моста. В ходе ночных уличных боев немцы овладели крупным населенным

пунктом, и перед полуночью в их руках находились брод и мост через Чир.

В то время пока мотопехота создавала плацдарм на восточном берегу, танки и бронетранспортеры продвинулись через удерживаемый противником лес к мосту через Дон. К утру они вышли на берег этой огромной реки судьбоносной для всей операции "Барбаросса".

К счастью, попытка неприятеля взорвать мост оказалась безуспешной. Уничтожены были лишь небольшие участки, которые вскоре привели в порядок саперы. Вновь 24-й танковой дивизии повезло захватить важный мост целым.

Однако бросок через реку на узкую полосу земли между Доном и Волгой в направлении Сталинграда осуществить пока не представлялось возможным. Предстояло сначала уничтожить крупные силы русских к западу от реки, и в особенности потому, что противник успел сосредоточить восточнее Дона две армии, против которых танковые части 6-й армии сами ничего поделать не могли. 6 августа начался последний этап сражения за Калач. Штурмовая танковая группа (24-й танковой дивизии) под началом полковника Рибеля, командира 24-го танкового полка, выдвинулась с Чирского плацдарма через части прикрытия 297-й пехотной дивизии на север, в направлении Калача. Цель находилась в 35 километрах.

Русские бились отчаянно. Они понимали, что поставлено на карту: если немцы прорвутся, все советские войска к западу от реки будут отрезаны, а дорога на Сталинград открыта.

Однако "бронированный кулак" 24-й пробил путь через советские оборонительные рубежи и минные поля, отразил несколько контратак вражеской бронетехники и провел пехотные и другие части дивизии через вражеские линии, которые во многих местах были еще не смяты.

Колонна за колонной части 24-й танковой дивизии, рыча моторами и скрежеща гусеницами, промчались по степи и с наступлением ночи вышли к господствующей высоте 184, прямо перед Калачом, в тылу у противника.

В левом клине охватных клещей, на участке 14-го танкового корпуса, операция тоже развивалась согласно графику.

Вестфальцы из 16-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Хубе начали атаку 23 июля силами четырех боевых групп, продвигавшихся через верховья Чири. Добровольческая дивизия из состава советской 62-й армии оказала яростное противодействие на высотах Рошки. Мотопехота из батальона Мёса на бронетранспортерах прорвалась прямо к вражеским дотам и полевым позициям, обрушивая на противника всю мощь пулеметного огня. Гренадеры прыгнули со своих машин и с пистолетами и гранатами в руках выбили русских из их укрытий.

Ко второй половине дня в рубежах противника образовалась широкая брешь. Солдаты боевой группы фон Витцлебена на броне танков и бронемашин сумели прорваться на юго-восток и на следующий день, 24 июля, вышли в район р. Лиска северо-западнее Калача. От цели их отделяло всего 20 километров.

Танковый батальон под командованием графа Штрахвица - 1-й батальон 2-го танкового полка, усиленный артиллерией, мотоциклистами и гренадерскими "десантами" на броне танков, - устремился на восток в составе боевой группы полковника Латманна и к утру вышел к последнему барьеру противника севернее Калача. В результате тяжелых боев немцам удалось выбить неприятеля с его позиции. Граф Штрахвиц продолжил продвижение на юг и смял всю советскую оборону. Оставалось пройти всего 10 километров.

Тем временем части 60 и 3-й моторизованных пехотных дивизий, наступавшие с северо-запада, двигались между 16-й танковой дивизией и Доном в южном направлении. Здесь им пришлось вести крайне трудные бои с танковыми бригадами и стрелковыми дивизиями неприятеля, подтянувшимися с противоположной стороны реки через мосты в Калаче и Рычове. В итоге части обеих немецких штурмовых групп сражались уже в тылу у оборонявших плацдарм советских войск. Дивизии генерала Колпакчи постепенно стали оказываться в котле.

Советское командование осознавало опасность и бросило все имевшиеся в распоряжении силы против северного клина немецкого охвата. Разгорелась битва не на жизнь, а на смерть - противник сражался с яростным упорством, располагая при этом неожиданно мощными частями бронетехники.

В официальной истории 16-й танковой дивизии описывается драматичная картина танковой баталии. Друг перед другом оказались сильные танковые части. Каждая сторона пыталась обойти и отрезать другую. Линия фронта перестала существовать.

Точно миноносцы и крейсера, танки маневрировали в песчаном океане степи, стремясь выйти на более удобные огневые позиции, обойти врага, прячась в деревьях по несколько часов и даже дней, нанося оттуда стремительные удары, поворачивая назад и преследуя противника. И в то время как танковые части, точно хищники, рвали друг друга зубами и когтями в степной траве, в безоблачном небе над Доном разыгрывалось ожесточенное воздушное сражение. Каждая сторона стремилась напасть на скопления техники неприятеля, уничтожить колонны грузовиков с боеприпасами и горючим.

Только на одном участке боевой группы Райниша русские использовали 200 танков. Шестьдесят семь из них немцам удалось подбить. Остальные обратились в бегство.

Группа полковника Крумпена очутилась в советском окружении. Командование дивизии перебросило все имеющиеся в распоряжении силы в опасную точку. Тыловые коммуникации были перерезаны: сражавшиеся части приходилось снабжать горючим по воздуху. Понадобилось напряжение всех сил, чтобы разрешить кризис.

8 августа острия наступлений 16 и 24-й танковой дивизий соединились в Калаче. Крышка котла плотно захлопнулась. Кольцо образовывали 14 и 24-й танковый корпус, а также 11 и 51-й пехотные корпуса. В котле оказались девять советских стрелковых дивизий, две моторизованные и семь танковых бригад из состава советских 1-й танковой армии и 62-й армии. Немцы захватили или уничтожили тысячу танков и другой бронетехники, а кроме того, 750 артиллерийских орудий.

Наконец-то немецким войскам удалось осуществить еще одно окружение противника - первое после начала лета, со сражения за Харьков, но также и последнее в операции "Барбаросса". Битва велась в 65 километрах от Волги, и следует заметить, что здесь, у ворот Сталинграда, солдаты и офицеры 6-й армии вновь продемонстрировали свое бесспорное преимущество в ведении мобильных операций над численно значительно превосходившим их противником. Вновь стало очевидным, что, при условии достаточного тылового обеспечения при таком соотношении численности живой силы и техники, немецкие войска были в состоянии преодолевать вражеское сопротивление.

Ввиду упорного сопротивления противника на операции ликвидации противника в районе Калача, захват мостов и создание плацдармов на другом берегу Дона для наступления на Сталинград ушло еще полмесяца. Тем временем 24-я танковая и 297-я пехотные дивизии вернулись из 6-й армии в состав 4-й танковой армии Гота.

Никакая отчаянная храбрость не могла помочь русским. 16 августа в результате смелого броска лейтенант Кляйниоганн с частями 3-й роты 16-го инженерного батальона захватил большой мост в Калаче, который саперам пришлось тушить. Ущерб, причиненный пожаром дорожному покрытию и самому основанию моста, скоро удалось ликвидировать. Далее события следовали одно за другим в быстрой последовательности.

21 августа пехотные части корпуса фон Зейдлица - 76 и 295-я пехотные дивизии - переправились через Дон в двух точках, там, где ширина его составляла примерно 100 метров, и создали плацдармы на крутом берегу в районе Лучинской и Вертячего. План Паулюса был прост: он намеревался пройти коридором между Доном и Волгой, чтобы блокировать

Сталинград с севера и взять город с юга.

Генерал-лейтенант Хубе, начинавший в пехоте, но сделавшийся блестящим танковым командиром, сидел неподалеку от понтонного моста в Вертячем, в саду возле крестьянской хаты вместе с подполковником Зикениусом, командиром 2-го танкового полка. Перед ними на поросшем травой холмике лежала расстеленная карта.

Хубе провел над ней правой рукой. Левый, заправленный в карман рукав мундира, был пуст. Хубе потерял руку во время Первой мировой войны. Командир 16-й танковой дивизии был единственным одноруким танковым генералом в Вермахте.

– Здесь у нас самое узкое место на участке между Доном и Волгой, всего где-то шестьдесят пять километров, - проговорил он. - Возвышенность, отмеченная как высота сто тридцать семь, которую, согласно приказу армии, нам предстоит взять, идеальным образом подходит для ведения танкового боя. Тут мы имеем возможность прорвать позиции неприятеля и выйти к Волге одним решительным броском.

Зикениус кивнул:

– Русские будут защищать эту полоску суши всеми имеющимися у них силами, господин генерал. Здесь у них исстари проходили оборонительные рубежи. Татарская балка, что пролегает от Дона к Волге, служила в древности заслоном для тех, кто, наступая с севера, стремился выйти к устью Волги.

Хубе провел пальцем по Татарской балке и сказал:

– Нет сомнений в том, что русские превратили ее в противотанковый ров. Но нам уже приходилось преодолевать противотанковые рвы. Главное тут в том, чтобы сделать это быстро, молниеносно - совершенно необычным образом.

Примчался связной на мотоцикле. Он привез последний приказ из корпуса осуществить бросок к Волге.

Хубе пробежал взглядом лист бумаги, а потом поднялся и сказал:

– Шар полетит завтра в четыре тридцать, Зикениус.

Подполковник отдал честь. Все детали атаки, за исключением времени ее начала, командование дивизии знало по приказу армии еще с 17 августа. Теперь стал известен и час "Ч" - 04.30 23 августа.

16-й танковой дивизии предстояло безостановочно наступать на восток вплоть до берега Волги у северной окраины Сталинграда. Фланги этого смелого танкового броска должны были прикрывать справа 60-я моторизованная пехотная дивизия из Данцига и слева 3-я моторизованная пехотная дивизия из Бранденбурга. Задание пришлось по сердцу Хубе - точь-в-точь в духе танковых рейдов первых месяцев войны.

Завтра они выйдут к Сталинграду - на берег Волги. Хубе и Зикениус хорошо знали, что Сталинград и Волга представляли собой самые восточные точки, на линии, где немецкое командование планировало завершить войну. Здесь завершится наступление, и подойдет к последней победной черте операция "Барбаросса".

– До завтра, Зикениус.

– До завтра, господин генерал.

Правая рука Хубе взлетела к козырьку фуражки. Прежде чем уйти, он произнес:

– Завтра вечером в Сталинграде.

Ночью 16-я танковая дивизия огромными колоннами выдвигалась на плацдарм, созданный 295-й пехотной дивизией в районе Лучинской. Русские бомбардировщики без конца атаковали жизненно важный мост, к которому их вела служившая ориентиром горящая техника. Но русским не повезло. Разрушить мост им не удалось. Примерно около полуночи соединения вышли на позиции перед самой линией фронта, на местности, где не было никакого укрытия.

Гренадеры немедленно принялись окапываться, а для большей надежности сверху над окопами ставили бронетехнику. Всю ночь советская артиллерия и "сталинские оргбны" перекапывали плацдарм протяженностью около пяти и шириной около двух с половиной километров. Ту ночь приятной не назовешь.

Утром 23 августа 1942 г. головные части 16-й танковой дивизии переправились по понтонному мосту в Вертячем. На дальнем берегу части разворачивались веером, образуя широкий клин. Впереди находилась боевая группа Зикениуса, позади нее эшелонами шли боевые группы Крумпена и фон Ареншгорфа.

Не встречая противодействия противника справа и слева от высоты, а также на маленьких речушках и в оврагах, танки, бронемашины и тягачи 16-й танковой дивизии и танковые части 3 и 60-й моторизованных дивизий катились на восток. Над ними, ревя моторами, проносились на пути к Сталинграду штурмовики и пикировщики "Штуки" 8-го авиакорпуса. На обратном пути самолеты проносились над танками, неизменно включая сирены.

Советы пытались сдержать немецкий танковый бросок на Татарской балке, но тщетно. Наступающие подавили сопротивление русских и преодолели высокие скаты древнего рва. Противник совершенно очевидно оказался застигнут врасплох стремительной атакой и, потеряв голову - как почти всегда в подобных ситуациях, - не смог быстро организовать эффективную оборону.

Часто ширина бреши не превышала 150 или 200 метров. Генерал Хубе возглавлял атаку с передовой из командирской машины роты связи. Так он все время получал самую свежую информацию о ситуации на том или ином участке наступления. А полная информация является залогом успешной танковой атаки.

Это был великий день для связистов - унтер-офицера Шмидта и обер-ефрейторов Квентойкса и Лукнера. Все вместе они внесли важный вклад в успех наступления. Только в первый день сражения связистам дивизии пришлось принять и передать 456 зашифрованных радиосигналов.

Основную проблему представляли очаги советского противодействия, возглавляемые решительными офицерами и комиссарами, продолжавшими сражаться повсюду вдоль линии продвижения немцев. Для уничтожения таких очагов приходилось применять новую технику. Разведывательные самолеты устанавливали наличие таких зон сопротивления и сообщали о них по радио или сбрасывали дымовые шашки, после чего небольшие боевые группы отправлялись для ликвидации.

Вскоре после полудня командир головного танка сказал своим людям в ларингофон:

– Далеко справа видны очертания Сталинграда.

Командиры танков, открыв люки, взирали на длинную линию зданий древнего Царицына - современного промышленного центра, протянувшегося вдоль Волги на 40 километров. Здания шахт, заводские трубы, кварталы высоких домов, а южнее старый город с вздымающимися к небу церковными колокольнями, увенчанными луковками церквей. В тех местах, где "Штуки" бомбили перекрестки и казармы, вверх поднимались огромные клубы пыли и дыма.

Танковые гусеницы утюжили сожженную солнцем степную траву. За кормой боевых бронированных машин тянулись шлейфы пыли. Головные танки батальона Штрахвица продвигались к северным пригородам - Спартаковке, Рынку и Латашинке. Внезапно, точно повинуясь некоему тайному приказу, с окраины города загрохотали артиллерийские залпы - советские тяжелые зенитки дали старт началу обороны Сталинграда. Батальон Штрахвица уничтожал орудие за орудием - всего тридцать семь единиц прямыми попаданиями.

Как ни странно, батальон при этом почти не понес потерь. Причина скоро стала понятна: когда танкисты овладели разгромленными орудийными окопами, то, к своему удивлению и

ужасу, увидели, что расчеты зениток состояли из женщин - работниц военного завода "Баррикады". Вне сомнения, они прошли курс элементарной подготовки как зенитчицы, но понятия не имели, как применять свои орудия против наземных целей.

На исходе дня 23 августа первый немецкий танк вышел на высокий западный берег Волги около пригорода Рынок. Почти 90-метровой высоты берег возвышался над рекой, ширина которой в данной точке доходила до двух километров. Сверху вода казалась темной. Буксиры с баржами и пароходы двигались вверх и вниз по течению. На восточном берегу лежала уходящая в бесконечность азиатская степь.

У реки, поблизости от северной окраины города, дивизия заняла крутовую оборону на ночь. Прямо в центре района обороны расположился дивизионный штаб. Не умолкали рации, сновали туда-сюда связные. Работа кипела всю ночь: солдаты обустроивали позиции, ставили мины, заправляли горючим и ремонтировали танки, пополняли запасы боеприпасов перед следующим днем боев - битвы за северные промышленные пригороды Сталинграда.

Военнослужащие 16-й танковой дивизии не сомневались в победе и гордились успехами, достигнутыми в течение дня. Никто из немцев и не подозревал тогда, что эти пригороды и их промышленные предприятия так никогда и не будут окончательно захвачены ими. Никто не знал, что здесь, где прогремели первые выстрелы Сталинградской битвы, спустя несколько месяцев прозвучат также и последние.

Дивизия утратила соприкосновение с частями, следовавшими позади нее. Полки 3 и 60-й моторизованных дивизий еще не подтянулись, что неудивительно, поскольку в своем броске к Волге танковые формирования Хубе за один день покрыли около 70 километров. Цель - Волга - была достигнута, а все коммуникации через 65-километровый перешеек между Доном и Волгой перерезаны. Противник совершенно очевидно оказался застигнутым врасплох подобным развитием событий. Ночью позиции дивизии обстреливались артиллерией лишь спорадически. Может быть, Сталинград падет на следующий день, свалившись к ногам Хубе как перезревшее яблоко? 2. Бои на подступах Татарская балка - Т-34 прямо со сборочной линии - Контратака советской 35-й дивизии - Подтягивается корпус Зейдлица - Несокрушимая Бекетовка - Смелый маневр Гота - Оборона Сталинграда прорвана.

24 августа в 04.40 боевая группа Крумпена развернула атаку на Спартаковку - самый северный промышленный пригород Сталинграда - силами танков, гренадеров, артиллерии, саперов и минометчиков при поддержке бомбардировщиков "Штука".

Но противник, с которым им всем довелось столкнуться, оказался готов к встрече и выказывал все признаки решимости сражаться. На гренадеров и танкистов обрушился шквал огня. Пригород был очень хорошо защищен, каждый дом в нем превращен в крепость. Господствующую высоту, называвшуюся "большим грибом", покрывали доты, пулеметные гнезда и минометные установки. Оборону держали стрелковые батальоны и рабочее ополчение с заводов Сталинграда, а также части советской 62-й армии. Советские защитники стойко сражались за каждую пядь земли. В приказе, который получили они, четко и ясно говорилось: "Ни шагу назад!"

Два человека отвечали за выполнение приказа любой ценой генерал-полковник Андрей Иванович Еременко, командующий Сталинградским и Юго-Восточным фронтами, а также комиссар и член военного совета Никита Сергеевич Хрущев. Именно тогда, больше двадцати лет назад, офицеры 16-й танковой дивизии впервые слышали это имя от советских военнопленных.

С теми силами, которые имелись у немцев, взять Спартаковку не представлялось возможным. Советские укрепления казались неприступными. Решимость, проявленная советскими войсками в стремлении удержать свои позиции, выражается в том факте, что они даже начали атаку на северном фланге круговых оборонительных рубежей Хубе с целью

ослабить немецкий натиск на Спартакровку. Боевые группы Дорнеманна и фон Ареншторфа с трудом сдерживали мощные атаки противника.

Новенькие Т-34, некоторые без окраски и орудийных прицелов, вновь и вновь бросались вперед. Они шли в бой прямо со сборочной линии тракторного завода им. Дзержинского, часто с экипажами из рабочих. Некоторые Т-34 пробились к самому штабу 64-го мотопехотного полка, и их пришлось уничтожать в ближнем бою.

Единственными, кому удалось неожиданным ударом достигнуть успеха, стали саперы, артиллеристы и экипажи противотанковых штурмовых орудий из боевой группы Штрельке, овладевшие пристанью большого железнодорожного парома на Волге и таким образом перерезавшие путь, пролежавший из Казахстана через Волгу к Сталинграду и далее к Москве.

Солдаты Штрельке окопались в виноградниках на берегу Волги. Ореховые деревья и каштаны скрывали немецкие пушки, которые препятствовали движению по реке и возможной попытке противника произвести высадку с противоположного берега.

Но, несмотря на все успехи, позиции 16-й танковой дивизии были весьма шаткими. Советские войска удерживали подступы к северным районам города и одновременно с помощью частей, подтянувшихся из района Воронежа, осуществляли натиск на рубежи круговой обороны дивизии. Все зависело от того, сумеют ли немцы обеспечить коридор через перешеек, и в 16-й с тревогой ожидали появления 3-й моторизованной дивизии.

Передовые части этой дивизии вышли с Донского плацдарма бок о бок с 16-й танковой дивизией 23 августа и двинулись в восточном направлении. В полдень их пути, однако, разошлись. В то время как 16-я продолжала наступать на северную часть Сталинграда, полки генерал-майора Шлёмера повернули на север, чтобы занять позиции прикрытия по Татарской балке в районе Кузьмичей.

Генерал двигался вперед с головным батальоном. В бинокль он увидел, как русские в спешке разгружают товарные составы на станции 564-й километр, к западу Кузьмичей.

– Атакуем!

Мотоциклисты и бронетехника 103-го танкового батальона устремились в бой. Артиллеристы 312-го армейского зенитного дивизиона выпустили несколько снарядов в поддержку атакующих. Русские колонны рассеялись.

В товарных составах находилось полным-полно разного рода полезных вещей из Америки. Все это прибыло через Атлантический и Индийский океаны через Персидский залив, Каспийское море, а затем вверх по Волге в Сталинград, а уже оттуда по железной дороге прямо на фронт, на 564-й километр. Теперь все это - прекрасные новенькие грузовики "форд", тягачи, джипы, ремонтное оборудование, мины и инженерно-саперное снаряжение - с благодарностью принимали солдаты 3-й моторизованной дивизии Шлёмера. Танки передового батальона продолжали продвижение, когда внезапно впереди появились пять Т-34, по всей видимости с намерением отбить ценные подарки из США. Их 76-мм снаряды буквально падали в суп, которым собиралось пообедать командование дивизии. Генерал и начальник оперативного отдела бросили котелки и побежали в укрытие. К счастью, два танка из батальона застряли около товарных составов из-за повреждения гусениц. Они подбили два Т-34 и спасли положение. Остальные три танка показали корму.

В то время как части Шлёмера шли позади 16-й танковой дивизии, сложилась опасная ситуация: советская 35-я стрелковая дивизия, усиленная танками, шла по перешейку с севера форсированным маршем. Задача ее, как стало известно из документов, добытых у перехваченного курьера, заключалась в том, чтобы блокировать немецкие плацдармы за Доном и открыть доступ на перешеек для подтягивавшихся частей Красной Армии.

Советская 35-я дивизия двигалась в южном направлении в тыл немецкой 3-й

моторизованной дивизии. Она уже смяла тыловое охранение двух передовых дивизий танкового корпуса фон Витерсгейма, проложила себе путь между плацдармом, созданным немецким 8-м пехотным корпусом и немецкими войсками по Татарской балке, в результате чего не позволяла немецкой пехоте, которая только переправлялась через Дон и выдвигалась в коридор, соединиться с находившимися впереди своими частями.

В итоге тыловые коммуникации передовых немецких дивизий оказались перерезанными, вследствие чего дивизии эти оказались предоставленными сами себе. Правда, 3-я моторизованная и 16-я танковая дивизии успешно соединились, но теперь им двум приходилось образовывать круговую оборону длиной почти 30-километрового коридора, протянувшегося от Волги до Татарской балки, чтобы отражать со всех сторон советские атаки. Предметы снабжения приходилось доставлять самолетами Люфтваффе или же провозить через советские позиции под усиленным танковым конвоем.

Такая неудовлетворительная и критическая ситуация просуществовала до 30 августа. После чего наконец пехота 51-го корпуса генерала артиллерии фон Зейдлица выдвинулась силами двух дивизий на правый фланг. Также и 60-я моторизованная дивизия сумела все-таки пробиться в коридор с тяжелыми боями.

В результате к концу августа перешеек между Доном и Волгой оказался блокирован с севера. Создались условия для развертывания фронтального штурма Сталинграда, а обходной маневр танковой армии Гота с юга был теперь обеспечен от всяких нежелательных сюрпризов с северного фланга.

Весной 1942 г. генерал фон Зейдлиц-Курцбах получил дубовые листья к своему Рыцарскому кресту. Именно этот выдающийся командир мекленбургской 12-й пехотной дивизии пробил и прогрыз путь в Демянский котел и со своей корпусной группой освободил шесть дивизий графа Брокдорфф-Алефельдта из удушающих объятий противника.

Поэтому и теперь, в битве за Сталинград, Гитлер вновь возлагал большие надежды на личную храбрость и тактическое мастерство этого генерала, уроженца Гамбург-Эппендорфа, отпрыска выдающейся семьи прусских военных.

В конце августа Зейдлиц начал фронтальную атаку на центр Сталинграда силами двух дивизий, наносивших удар через перешеек из центра диспозиции 6-й армии. Первой целью стал Гумрак, аэропорт Сталинграда.

Пехотинцам приходилось нелегко. Советская 62-я армия заняла сильные и глубокоэшелонированные позиции на возвышенности вдоль долины реки Россошка. Эти рубежи являлись частью внутреннего пояса оборонительных сооружений Сталинграда, которые окружали город на расстоянии от 30 до 50 километров.

До 2 сентября этот рубеж сдерживал продвижение частей Зейдлица. Затем внезапно 3 сентября советские войска отступили, Зейдлиц преследовал их, прорвал последние русские позиции перед городом и 7 сентября находился восточнее Гумрака, всего в восьми километрах от городской черты Сталинграда.

Что произошло? Что заставило русских сдать свой внутренний и последний пояс обороны вокруг Сталинграда и оставить открытыми подступы к городу? Что же, может быть, их войска уже не в состоянии сражаться? Командование не контролирует ситуацию? Волнующие возможности.

Нет никаких сомнений в том, что данное обстоятельство в цепи событий сражения за Сталинград имело жизненно важное значение для происходившего в дальнейшем. Дела на этом участке фронта еще не получили должного освещения в немецких публикациях, посвященных Сталинграду, но исход боя за волжскую столицу, безусловно, зависел от тех сорока восьми часов - от того, что случилось 2 и 3 сентября. Судьба города, казалось, была предрешена.

Маршал Чуйков, тогда еще только генерал-лейтенант и заместитель командующего 64-й армией, в своих мемуарах проливает некоторый свет на тайну внезапного крушения русской обороны на сильно укрепленном рубеже вдоль речки Россошки. Объяснение нужно искать в решениях и действиях двух выдающихся противников в мобильной войне, каковой являлась битва за Сталинград, - Гота и Еременко.

Еременко, смелый и отчаянный и при этом и стратегически одаренный командующий Сталинградским фронтом, в своих последних воспоминаниях открывает несколько интересных деталей этого великого сражения. Мемуары Чуйкова заполняют белые пятна и высвечивают разные аспекты того, что происходило тогда под Сталинградом.

Генерал-полковник Гот, командующий 4-й танковой армией, теперь живущий в Госляре, где до войны он служил в гослярском стрелковом полку, так же как Гудериан и Роммель, дал возможность автору данной книги ознакомиться с планом и ходом проведения наступления, которое привело к крушению советского фронта.

В конце июля 4-я танковая армия Гота покинула Кавказский фронт и двинулась с юга через Калмыцкую степь к излучине Волги южнее Сталинграда. Целью броска было ослабить натиск противника на 6-ю армию Паулюса, которая даже тогда вела тяжелые бои с неприятелем в излучине Дона.

Но вновь, как уже случалось, германское Верховное командование удовлетворилось полумерами. Гот наступал с половиной своих войск: один из двух танковых корпусов - 40-й - пришлось оставить на Кавказском фронте. Таким образом, Гот располагал в итоге только 48-м танковым корпусом Кемпфа, насчитывавшим в своем составе одну танковую и одну моторизованную дивизию, а также тремя пехотными дивизиями 4-го корпуса фон Шведлера. Позднее Гот получил еще 24-ю танковую дивизию. Четыре пехотные дивизии румынского 6-го корпуса генерал-лейтенанта Драгалина были приданы Готу для прикрытия его фланга.

Советы мгновенно осознали, что атака Гота влечет за собой самую большую угрозу для Сталинграда. В конце концов танки его находились уже за Доном, тогда как 6-я армия Паулюса все еще вела бои с русскими к западу от реки.

Если бы Гот, наступавший из Калмыцкой степи, сумел овладеть излучиной Волги с господствующими высотами в районе Красноармейска и Бекетовки, участь Сталинграда была бы решена, и Волга - главная артерия снабжения, по которой потоком текла американская помощь из Персидского залива, - была бы перерезана.

19 августа Гот вышел к самым южным рубежам обороны советской 64-й армии и с первой попытки смог осуществить прорыв в районе Абганерова. 24 и 14-я танковые, а также 29-я мотопехотная дивизия из танкового корпуса Кемпфа пробивались через вражеские позиции. Вслед за ними на левом фланге атаковали пехотинцы Шведлера.

Двадцатью четырьмя часами позже танкисты и гренадеры Гота атаковали высоты в районе Тундутова - краеугольный камень внутреннего кольца советской обороны Сталинграда.

На этих удобных и жизненно важных позициях генерал-полковник Еременко сосредоточил все имевшиеся силы. Танковые части советской 1-й танковой армии, полки советской 64-й армии, рабочее ополчение держали оборону на линии высот, укрепленных выстроенными в эшелоны проволочными заграждениями, бункерами, долговременными земляными огневыми точками. Красноармейск на волжской излучине находился всего в 15 километрах от Сталинграда.

Роты 24-й танковой дивизии атаковали вновь и вновь, возглавляемые опытными командирами и закаленными в боях вожаками боевых групп. Но успех не приходил к ним. Полковник Рибель, командир 24-го танкового полка, много лет бывший адъютантом Гудериана, погиб в бою. Полковник фон Ленгерке, командир 21-го мотопехотного полка, получил

смертельное ранение в ходе атаки на железнодорожную ветку, ведущую в Красноармейск. Командиры батальонов, рот и старые бывалые унтер-офицеры гибли под дьявольским огнем оборонявшихся русских.

Видя все это, Гот остановил наступление. Он - холодный стратег, а не игрок - осознавал, что у атакующих недостаточно сил.

В своем боевом штабе в населенном пункте Плотовитое Гот сидел, склонившись над картами. Начальник штаба армии, полковник Фангор, вносил коррективы в расположение войск на карте в соответствии с последними донесениями. Всего за два часа до этого Гот побывал у генерала Кемпфа в штабе его корпуса и вместе с ним поехал к генералу Риттеру фон Гауэншильду, чтобы узнать об обстановке в 24-й танковой дивизии. Он также заглянул к генерал-майору Гейму в район железнодорожной станции Тингута. В балке, одном из обычных для Южной России глубоких оврагов, Гейм объяснил трудное положение, в котором очутилась 14-я танковая дивизия. Здесь дальнейшее продвижение также не представлялось возможным.

– Я должен разгрызть этот орех как-то по-другому, Фангор, - размышляя вслух, произнес Гот. - Мы просто истекаем кровью перед этими чертовыми высотами. Тут негде развернуться бронетехнике. Мы должны перегруппироваться и развернуть атаку где-то в другом месте, где-то далеко отсюда. Вот что, слушайте внимательно...

Генерал-полковник принялся развивать свою мысль. Фангор быстро чертил на карте, сверяя разведывательные донесения и измеряя расстояния.

– Наверное, такое возможно, - то и дело бормотал он негромко. Но план Гота Фангору не очень нравился, главным образом из-за потери времени на перегруппировку. Кроме того, для всех этих перемещений требовалось много горючего. А горючего оставалось мало. И все же эти "чертовы высоты" перед Красноармейском и Бекетовкой надо было как-то взять, поскольку они господствовали над всей южной частью города и подступами к нему. Точно такие же аргументы против перегруппировки выдвигал и генерал Кемпф. Но в итоге командующий убедил обоих - и Фангора и Кемпфа.

Гот связался с группой армий. У него состоялся получасовой разговор с Вейхсом. Вейхс согласился и пообещал прибыть лично для обсуждения оперативно-тактических вопросов и в особенности проблемы обеспечения горючим.

Все пришло в движение: забегали с донесениями связные, залились беспрестанными трелями телефоны. Весь личный состав штаба носился на "последней передаче". Осуществлялась операция по перегруппировке.

Незаметно для противника Гот ночью снял с фронта свои танковые и механизированные части и заменил их пехотинцами саксонской 94-й дивизии. Смелым броском, похожим на рокировку в шахматах, он за две ночи провел свои подвижные войска в тылу 4-го корпуса и сосредоточил их в 50 километрах за линией фронта, в районе Абганеро, построив в широкий клин для атаки.

29 августа эта армада совершенно неожиданно для противника ударила в северном направлении во фланг советской 64-й армии. Вместо того чтобы прорываться к волжской излучине через мощные укрепления Бекетовки и Красноармейска, где противник собрал большое количество танков и артиллерии, Гот намеревался обойти эти позиции и вражеские войска к западу от Сталинграда, чтобы повернуть и ударить на высоты к югу от города обходным маневром, одновременно устраивая западню для левого крыла советской 64-й армии.

Началась операция поразительно успешно. Совместно с пехотинцами 4-го корпуса подвижные части 30 августа прорвались через рубежи внутреннего кольца Сталинграда в районе Гавриловки и смяли тыловые позиции советской артиллерии. К вечеру 31 августа Гауэншильд со своей 24-й танковой дивизией вышел к железнодорожной линии Сталинград-Карповка,

неожиданно продвинувшись на 30 километров в глубину вражеской обороны.

В результате изменилась вся картина. Для немцев открылась великолепная возможность. Теперь они могли не просто захватить высоты в районе Бекетовки и Красноармейска, но и окружить западнее Сталинграда две советские армии - 62 и 64-ю. К успеху оставалось только руку протянуть, надо было лишь, чтобы подвижные части 6-й армии быстро выдвинулись на юг на соединение с формированиями Гота, и ловушка захлопнется. Смелая операция Гота предоставляла шанс уничтожить две вражеские армии, прикрывавшие Сталинград.

Командование группы армий немедленно осознало открывавшиеся возможности. В приказе генералу Паулюсу, переданном по радиации в полдень 30 августа, говорилось:

"Ввиду того обстоятельства, что сегодня в 10.00 4-я танковая армия захватила плацдарм в Гавриловке, теперь все зависит от того, сможет ли 6-я армия, несмотря на тяжелые оборонительные бои, которые ей приходится вести, сосредоточить максимально возможные силы для атаки в генеральном южном направлении... с целью уничтожения вражеских войск к западу от Сталинграда во взаимодействии с 4-й танковой армией. Это решение предполагает совершенное оголение второстепенных участков фронта". Когда 31 августа в группе армий, кроме того, получили сообщение о глубоком прорыве 24-й танковой дивизии западнее Воропонова, Вейхс 1 сентября послал Паулюсу следующий приказ, в котором формулировались многие детали и который, нет сомнения, служил в качестве напоминания. В его пункте 1 сказано: "Решительный успех, достигнутый 4-й танковой армией 31.8, предоставляет возможность для нанесения сокрушительного поражения противнику южнее и западнее линии Сталинград-Воропоново-Гумрак. Важно, чтобы соединение двух армий осуществилось быстро, с целью последующего захвата центра города".

4-я танковая армия реагировала стремительно. В тот же день, 1 сентября, генерал Кемпф повел 14-ю танковую и 29-ю мотопехотную дивизии в направлении Питомника, совершенно оголив участки, которые до того удерживала 24-я танковая дивизия.

Но 6-я армия не пришла. Даже в такой ситуации генерал Паулюс не нашел способа высвободить свои подвижные войска для броска на юг, ввиду мощного советского натиска на его северный фронт. Он не считал возможным успешно удерживать северный рубеж без противотанковых штурмовых орудий, а также небольшого числа танков и штурмовых орудий даже при поддержке самолетов штурмовой авиации 8-го авиакорпуса. Паулюс боялся, что, если он сформирует танковую группу из пяти танковых батальонов 14-го танкового корпуса для выдвижения на юг, северный фронт у него рухнет.

Возможно, он был прав. Возможно, другое решение стало бы авантюрой. В любом случае величайшая возможность оказалась упущенной. Двадцатью четырьмя часами позже, утром 2 сентября, боевая разведка 24-й танковой дивизии установила, что перед позициями немцев противника не осталось. Русские отступили с южного рубежа точно так же, как в тот же день они оставили рубежи перед корпусом Зейдлица на западном участке обороны. Что побудило русских к совершению этого неожиданного шага?

Генерал Чуйков, заместитель командующего 64-й армией, разглядел опасную ситуацию, которая сложилась в результате прорыва Гота, и поспешил сообщить об этом генерал-полковнику Еременко. Еременко не только осознал угрозу, но действовал молниеносно, совершенно не так, как в подобных положениях обычно реагировало неуклюжее советское командование. Еременко принял трудное и рискованное - вместе с тем единственно верное - решение оставить заранее подготовленные рубежи обороны. Он пожертвовал опорными пунктами, проволочными заграждениями, противотанковыми препятствиями и пехотными окопами ради спасения своих дивизий, которым в противном случае грозило бы окружение, и отвел две армии на новые, наскоро оборудованные позиции у самой городской окраины.

Операция показала, сколь последовательно придерживался противник новой тактики, принятой советским Верховным Главнокомандованием ранее летом. Русские стремились ни в коем случае не допустить окружения крупных соединений. Ради своих новых принципов они шли на риск потерять Сталинград.

Во второй половине дня 2 сентября генерал Паулюс в конечном итоге решил отправить подвижные части 14-го танкового корпуса на юг, и 3 сентября пехотинцы корпуса Зейдлица соединились с головными танковыми частями Гота. Так котел, который намеревалось создать командование группой армий 30 августа, был создан, и крышка его захлопнулась, однако внутри не оказалось войск противника. Маневр осуществился на сорок восемь часов позднее. Промедление стоило немцам Сталинграда. Но тогда еще никто об этом не догадывался.

В связи со сложившейся ситуацией командование группы армий приказало Паулюсу и Готу развить успех и как можно быстрее захватить город. 3. Прорыв в город Генерал Лопатин хочет оставить Сталинград - Генерал Чуйков клянется Хрущеву - Полки 71-й пехотной дивизии штурмуют центр Сталинграда Гренадеры 24-й танковой дивизии на главном железнодорожном вокзале Последняя бригада Чуйкова - Десять решающих часов - Гвардейцы Родимцева.

Прямо посередине города Сталинграда протекает река Царица. Ее глубокое устье разрезает город на северную и южную части. Когда Царицын переименовали в Сталинград, Царица сохранила свое название, она и теперь, когда Сталинград стал Волгоградом, осталась Царицей. В 1942 г. знаменитое или печально знаменитое русло Царицы стало местом стыка между армиями Гота и Паулюса. По нему флангам двух армий предстояло быстро выдвинуться к Волге. По всему казалось, что противник ведет лишь арьергардные бои и собирается вот-вот оставить город.

Из мемуаров маршала Чуйкова мы узнаем, в сколь катастрофичном положении находились две советские армии в Сталинграде после того, как сдали позиции на подступах к городу. Даже опытные командиры считали, что шансов удержать Сталинград практически нет. Генерал Лопатин, командующий 62-й армией, полагал, что отстоять его будет невозможно, и потому решил оставить город. Но когда Лопатин попытался осуществить свое намерение, его начальник штаба, генерал Крылов, отказался дать свое согласие и отправил срочный рапорт Хрущеву и Еременко. Лопатина освободили от командования, хотя трусом он ни в коем случае не был.

Понять решение Лопатина нетрудно, если только ознакомиться с тем, что рассказывает в своих воспоминаниях Чуйков по поводу ситуации в Сталинграде и около него. Чуйков пишет: "Было больно от того, что приходится сдавать эти последние километры и метры под Сталинградом и видеть превосходство противника в числе, военном искусстве и инициативности".

Маршал описывает, как искали спасения рабочие совхозов, где располагались различные штабы 64-й армии. "По дорогам к Сталинграду и к Волге шли толпы. Снялись с мест семьи колхозников и рабочих совхозов, вместе со скотиной. Они все шли к переправам через Волгу, гнали перед собой животных и несли на спинах свои пожитки. Сталинград пылал. Слухи о том, что немцы в городе, только усиливали панику".

Так выглядела сложившаяся обстановка. Но Сталин не собирался сдавать город без кровопролитной борьбы. Он послал одного из своих верных соратников, пламенного большевика Никиту Сергеевича Хрущева, на фронт как члена военного совета, чтобы он сплотил солдат и офицеров двух армий и гражданское население на последний бой - бой до конца. Пожертвовать собой, чтобы отстоять город Сталина, должно было стать делом чести каждого коммуниста.

Трехтомная история Второй мировой войны генерал-лейтенанта Платанова содержит некоторые данные, наглядно иллюстрирующие ситуацию: 50 000 гражданских лиц добровольцами записались в народное ополчение, 75 000 жителей поступило на службу в 62-ю

армию, 3000 девушек было мобилизовано в качестве медсестер, телефонисток и радисток, 7000 комсомольцев в возрасте от тринадцати до шестнадцати лет получили оружие и влились в боевые части. Все стали солдатами. Рабочие являлись на поле боя с оружием, которое выпускали на заводах, где работали. Орудия, произведенные на заводе "Баррикады", едва сойдя с конвейера, устанавливались на территории завода и открывали огонь по врагу. В роли артиллерийской прислуги выступали сами же рабочие завода.

12 сентября Еременко и Хрущев вверили генералу Чуйкову командование 62-й армией, которой с момента отстранения Лопатина руководил начальник штаба, Крылов, и поручили оборону крепости на Волге. Выбор был превосходный. Едва ли Хрущев и Еременко смогли найти лучшего командующего, чем Чуйков, - жесткого, честолюбивого, наделенного талантами стратега и невероятно целеустремленного. Ему не довелось пережить катастроф, выпавших на долю Красной Армии в 1941 г., потому что в то время Чуйков находился на Дальнем Востоке. Его переполняли нерастраченные силы и не преследовали призраки пережитых потерь, как многих из его товарищей.

12 сентября ровно в 10.00 Чуйков докладывал о прибытии Хрущеву и Еременко в штабе фронта в Ямах, маленькой деревне на дальнем, левом берегу Волги. Интересно, что беседу вел Хрущев, а не Еременко, командующий.

Согласно мемуарам Чуйкова, Хрущев сказал: "Генерал Лопатин, бывший командующий 62-й армией, считает, что его армия не может удержать Сталинград. Но отступить больше нельзя. Поэтому его и освободили от занимаемой должности. По согласованию с Верховным Главнокомандующим, военный совет фронта предлагает вам, товарищ Чуйков, принять на себя командование 62-й армией. Как вы понимаете вашу задачу?"

"Вопрос застал меня врасплох, - пишет Чуйков, - но у меня не было времени на обдумывание, и я сказал: "Сдача Сталинграда нанесет удар по моральному духу нашего народа. Я клянусь не сдавать города. Мы удержим Сталинград или умрем там". Н.С.Хрущев и А.И.Еременко посмотрели на меня и сказали, что я верно понимаю свою задачу".

Через десять часов корпус Зейдлица начал штурм центра Сталинграда. Командный пункт армии Чуйкова на высоте 102 разрушила бомба, и генералу вместе со всем штабом, поваром и официанткой пришлось перемещаться в блиндаж в устье Царицы поблизости от Волги.

На следующий день, 14 сентября, солдаты 71-й пехотной дивизии генерала фон Гартманна находились уже в городе. Неожиданным броском они ворвались в центр и пробили узкий коридор к берегу Волги.

В тоже самый час танкгренадеры 24-й танковой дивизии атаковали часть города, расположенную южнее устья Царицы, прокладывая себе путь через кварталы старого Царицына, захватили железнодорожный вокзал, а 16 сентября батальон фон Гейдена также вышел к Волге. Части 14-й танковой и 29-й моторизованной дивизий заняли позиции между Бекетовкой и Сталинградом в пригороде Купоросное с 10 сентября, отрезав город и реку с юга. Только в северной части города Чуйков продолжал держаться.

- Нам нужно выиграть время, - сказал он своим командирам. - Время, чтобы подтянуть резервы, время, чтобы измотать немцев. Время - кровь, заметил он, перефразируя американскую аксиому: время - деньги.

Время действительно было кровью. Вся суть происходившего в ходе битвы за Сталинград выражена одной этой короткой фразой.

Глинка, повар Чуйкова, вздохнул с облегчением, когда смог попасть на свою кухню в блиндаже. Над головой у него находилось десять метров земли. Не в силах сдержать радости, он сказал официантке:

- Тася, голубка ты моя, тут в наш суп не будут сыпаться осколки. Ни один снаряд не пробьет

такую крышу.

– А вот и пробьет, - отозвалась Тася, зная, чего боится Глинка. Однотонная бомба спокойно пробьет ее - генерал сам так говорил.

– Однотонная бомба? А таких что, много? - забеспокоился повар.

Тася успокоила его:

– Один шанс из миллиона. Только если она попадет прямо в наш блиндаж. Так сказал генерал.

Шум сражения проникал в глубокие подземные помещения лишь издали. Потолок и стены покрывали доски. В блиндаже насчитывалось примерно десять комнат для работников штаба армии. Прямо в центре находилась большая комната для генерала и начальника штаба. Один из выходов так называемой царицынской землянки, построенной летом для штаба фронта, вел к устью Царицы возле высокого берега Волги, а другой заканчивался на улице Пушкина. К дощатой стене в кабинете Чуйкова крепился нарисованный от руки план Сталинграда размерами примерно три на два метра - штабная оперативная карта. Фронта больше не было; расстояния на оперативной карте измерялись не в километрах, а в метрах. Борьба велась за углы улиц, кварталы и отдельные здания.

Генерал Крылов, начальник штаба Чуйкова, вносил последние изменения в картину происходящего, обозначая атакующие немецкие войска синим, а оборонительные позиции русских красным цветом. Синие стрелки подбирались все ближе и ближе к штабу.

– Батальоны Семьдесят первой и Двести девяносто пятой пехотных дивизий яростно атакуют Мамаев курган и главный железнодорожный вокзал. Их поддерживает Двести четвертый танковый полк, который входит в состав Двадцать второй танковой дивизии. Двадцать четвертая танковая дивизия сражается у южного железнодорожного вокзала, - доложил Крылов.

Чуйков внимательно рассматривал план города.

– Чем закончились наши контратаки?

– Они выдохлись. Немецкие самолеты опять висят над городом с рассвета. Они нигде не дают нашим войскам развернуться.

Связной доставил описание обстановки от командира 42-й стрелковой бригады, полковника Батракова. Крылов взял карандаш и очертил полукруг вокруг боевого штаба.

– Фронт уже меньше чем в километре от нас, товарищ командующий, сообщил он в подчеркнуто официальной манере.

Всего меньше километра. Было 12.00 14 сентября. Чуйков понимал, что хочет сказать Крылов. В резерве у них осталась одна танковая бригада из девятнадцати Т-34. Бросить или не бросить ее в бой?

– Какова обстановка на левом фланге в южном городе? - спросил Чуйков.

Крылов протянул синюю стрелку, обозначающую немецкую 29-ю моторизованную дивизию, за Купоросное. Пригород пал. Тюрингцы генерала Фремерая продолжали наступать в направлении элеватора. Деревообрабатывающие производства и завод пищевых консервов находились уже на захваченной немцами территории. Линия советской обороны тянулась только от южной паромной пристани до высокого здания элеватора. Чуйков снял трубку телефона и позвонил в штаб фронта. Он описал положение Еременко. Еременко сказал ему:

– Ты должен удержать центральный речной порт и пристань любой ценой. Верховное Главнокомандование направляет к вам Тринадцатую гвардейскую стрелковую дивизию. В ней десять тысяч человек, это ударное соединение. Обеспечьте доступ на плацдарм в течение еще двадцати четырех часов и постарайтесь не потерять паромной пристани в южной части города.

Бисерины пота покрывали лоб Чуйкова. В блиндаже было не продохнуть.

– Так, Крылов, собирай всех, кого сможешь. Офицеров штаба командирами боевых частей. Мы должны удержать переправу для гвардейцев Родимцева.

Последняя бригада из девятнадцати танков пошла в бой - один батальон перед штабом армии, откуда он мог прикрыть главный железнодорожный вокзал и речной порт, а второй на линию между элеватором и южной паромной пристанью.

В 14.00 генерал-майор Родимцев, легендарный боевой командир и Герой Советского Союза, появился в штабе армии, окровавленный и покрытый грязью. Он едва ушел от преследовавших его немецких истребителей. Родимцев доложил, что его дивизия стоит на левом берегу реки и переправится через Волгу ночью, и, нахмурившись, принялся разглядывать синие и красные линии на плане города.

В 16.00 Чуйков вновь говорил с Еременко по телефону. До наступления ночи оставалось пять часов. В своих мемуарах Чуйков описывает, что чувствовал и о чем думал в те пять часов: "Смогут ли наши потрепанные и измотанные части на центральном участке продержаться еще десять или двенадцать часов? Это заботило меня в тот момент более всего. Если солдаты и офицеры не сумеют справиться с этой почти нечеловеческой задачей, 13-й гвардейской стрелковой дивизии не удастся переправиться, и она лишь станет свидетелем горькой трагедии".

Вскоре после наступления сумерек в штабе появился майор Хопка, командир последнего резерва, развернутого в районе речного порта. Он доложил:

– Один-единственный Т-34 еще сохранил способность стрелять, но уже не может передвигаться. От бригады осталось человек сто.

Чуйков холодно посмотрел на майора:

– Собирай своих людей вокруг танка и держи подходы к порту. Если пропустишь немцев туда, я тебя расстреляю.

Хопка погиб в бою, как и половина бывших с ним людей. Но оставшиеся держались.

Наконец пришла ночь. Все офицеры штаба находились в порту. Когда роты гвардейской дивизии Родимцева переправились через Волгу, они немедленно вступили в боевые действия в главных точках обороны, с тем чтобы сдержать продвижение 71-й пехотной дивизии и остановить 295-ю пехотную дивизию на Мамаевом кургане, господствующей высоте 102. То были самые решающие часы. Гвардейцы Родимцева не позволили немцам взять центр Сталинграда 15 сентября.

Их жертва спасла Сталинград. Через двадцать четыре часа бомбардировщики "Штуки", артиллерийские снаряды и пулеметные очереди разнесли 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию вдребезги.

В южном городе сражалась другая гвардейская дивизия - 35-я под командованием полковника Дубянского. Ее резервные батальоны подтягивались на паромках с левого берега Волги к южной пристани и немедленно пускались в бой против головных частей 29-й моторизованной пехотной дивизии с целью удержать линию между пристанью и элеватором.

Но пикировщики "Штуки" 8-го авиакорпуса генерал-лейтенанта Фибига засыпали батальоны бомбами, а то, что от них осталось, угодило в жернова между 94-й пехотной и 29-й мотопехотной дивизиями. Только на элеваторе, полном пшеницы, ожесточенные бои продолжались еще какое-то время: огромное бетонное здание представляло собой настоящую крепость, за каждый этаж которой шли яростные схватки. Там, среди дыма и запаха тлевшего зерна, штурмовые команды и саперы 71-го пехотного полка вели битву с остатками советской 35-й гвардейской стрелковой дивизии.

Утром 16 сентября обстановка на плане города в кабинете Чуйкова вновь выглядела плохо. 24-я танковая дивизия захватила южный железнодорожный вокзал, повернула на запад и разгромила вражескую оборону вдоль окраины города и холма, где располагались казармы.

Кровопролитные бои продолжались на Мамаевом кургане и в районе главного железнодорожного вокзала.

Чуйков позвонил Никите Сергеевичу Хрущеву, члену военного совета фронта:

– Еще несколько дней таких боев, и армии конец. Мы опять остались без резервов. Совершенно необходимы две или три свежие дивизии.

Хрущев связался со Сталиным. Сталин выделил две полностью укомплектованных ударных части из личного резерва - бригаду морской пехоты, состоявшую из закаленных в боях моряков с Севера, и танковую бригаду. Танковую бригаду применили в центре города, чтобы обеспечить работу речного порта, через который на фронт поступало снабжение. Морскую пехоту развернули в южном городе. Эти два войсковых формирования 17 сентября спасли фронт от крушения.

В тот день германское Верховное командование поставило под командование 6-й армии все немецкие части и соединения, действовавшие на Сталинградском фронте. Таким образом, 48-й танковый корпус был выведен из состава 4-й танковой армии Гота и поставлен под командование генерала Паулюса. Гитлер проявлял нетерпение:

– Нужно закончить работу - овладеть городом окончательно.

Почему взять город не удалось, несмотря на то что немецкие танкисты, гренадеры, саперы, бойцы истребительно-противотанковых батарей и зенитчики упорно сражались за каждый дом, объясняют следующие данные. Благодаря решительной борьбе Хрущева за последние резервы Красной Армии, в период между 15 сентября и 3 октября Чуйков получал одну дивизию за другой - всего шесть свежих, полностью укомплектованных и снаряженных пехотных дивизий, две из них гвардейские. Все эти войска развертывались на руинах центра Сталинграда, на заводах, фабриках и в промышленных районах северного города, превращенных в самые настоящие крепости.

Немецкое наступление на город на начальной стадии вели семь дивизий измотанные боями соединения, ослабленные неделями боев между Доном и Волгой. Ни на каком из этапов в боях за город с немецкой стороны не участвовало больше десяти дивизий.

Совершенно верно, что и отважная некогда сибирская 62-я армия тоже не была такой же сильной, как в начале боев. Силы ее, физические и моральные, были ослаблены кровопролитными операциями и отступлениями. В начале сентября на бумаге считалось, что она состоит из пяти дивизий, пяти танковых и четырех стрелковых бригад - всего где-то девять дивизий. Звучало это значительно, но, например, в 38-й механизированной бригаде осталось 600 человек, а в 244-й стрелковой дивизии - только 1500 солдат и офицеров. Иными словами, меньше полка.

Неудивительно, что генерал Лопатин не считал возможным защитить Сталинград с такой армией, предлагая отойти на другую сторону Волги. Но решимость стоит многого, и военное счастье, которое так часто следует за отважным командиром, не раз меняло исход сражений и в прошлые времена.

К 1 октября Чуйков, преемник Лопатина, располагал уже одиннадцатью дивизиями и девятью бригадами - то есть примерно пятнадцатью с половиной дивизиями, - не считая рабочей гвардии и ополченцев.

С другой стороны, немцы господствовали в воздухе. 8-й авиакорпус генерала Фибига совершал в день в среднем 1000 боевых вылетов. В своих воспоминаниях Чуйков вновь и вновь подчеркивает катастрофический эффект применения немецких пикирующих бомбардировщиков Ju-87 и штурмовиков против защитников города. Скопления войск для контратак подверглись разгрому, опорные пункты превращались в руины, линии коммуникации перерезались, ровнялись с землей командные пункты.

Но что толку от успехов "летающей артиллерии", если у пехоты не хватало сил сломить последнее сопротивление противника? Правда, после того, как разрешилась ситуация на Дону, 6-я армия смогла подтянуть 305-ю пехотную дивизию и заменить ею одну из наиболее вымотанных дивизий 51-го армейского корпуса. Но генерал Паулюс не получил ни единой свежей дивизии. За исключением пяти инженерно-саперных батальонов, по воздуху доставленных из Германии, все пополнения, которые получали его обескровленные полки, брались из зоны ведения боевых действий армии. Осенью 1942 г. у германского Верховного командования на всем Восточном фронте не осталось резервов. Серьезные кризисы наметились на участках всех групп армий от Ленинграда до Кавказа.

На севере генерал-фельдмаршалу фон Манштейну приходилось использовать главные силы бывших крымских дивизий для контратак против советских войск, пробивавших глубокие бреши в немецком фронте. После ожесточенных оборонительных боев на Волхове, продолжавшихся до 2 октября, группа армий "Север" оказалась вынужденной отвоевывать себе пространство для развертывания в первой битве за Ладожское озеро.

В районе Сычевка-Ржев генерал-полковник Модель применял все свое мастерство и использовал все части для того, чтобы не дать русским прорваться. Ему противостояли три советские армии.

В центре и на южном фланге Центрального фронта генерал-фельдмаршал фон Клюге аналогичным образом был вынужден бросать в бой все силы, чтобы не пустить советские войска к Смоленску.

И наконец, на перевалах Кавказа и на Тереке войска группы армий "А" в преддверии пугающих холодов приближавшейся зимы вновь прилагали все усилия, чтобы овладеть черноморским побережьем и нефтяными месторождениями Баку.

В то же время немало дивизий находилось во Франции, в Бельгии и в Голландии. Солдаты их коротали время за картами. Гитлер, который постоянно недооценивал русских, сделал ровно противоположную ошибку, переоценив западных союзников. Уже осенью 1942 г. он страшился англо-американского вторжения. Американская, британская и советская тайные службы питали эти опасения умно сеемыми слухами об открытии второго фронта. Искусно созданный призрак вторжения с запада, который материализовался лишь спустя двенадцать месяцев, уже приковал к месту двадцать девять немецких дивизий, включая превосходно экипированные "Лейбштандарт" и 6 и 7-ю танковые дивизии. Двадцать девять дивизий! Четвертая их часть могла бы переломить ситуацию на Сталинградско-Кавказском фронте. 4. Последняя линия фронта вдоль утеса Чуйков ускользает из подземного выхода около Царицы - Южный город в руках немцев - Секрет Сталинграда: крутой берег реки - Элеватор Хлебозавод - "Теннисная ракетка" - Девять десятых города завоевано немцами.

В ночь с 17 на 18 сентября Чуйков оставил глубокий блиндаж, защищавший штаб от бомб, около Царицы. Фактически это было бегством, поскольку ближе к полудню гренадеры нижнесаксонской 71-й пехотной дивизии дивизии, тактическим знаком которой служил лист клевера, - внезапно появились на улице Пушкина возле входа в бункер. Офицеры штаба Чуйкова схватили автоматы. Подземное убежище быстро заполнялось ранеными и солдатами, отставшими от своих частей. Водители, вестовые и офицеры искали способа укрыться в блиндаже под разными предлогами, в основном "чтобы обсудить неотложные дела". Поскольку в подземных помещениях отсутствовала вентиляция, скоро в них стало невозможно дышать от дыма, нестерпимой духоты и вони. Ничего не оставалось, как только убраться оттуда.

Охрана штаба прикрывала отход командующего, покидавшего блиндаж через второй выход - тот, что вел к Царице. Но даже тут уже появлялись солдаты из штурмовых команд 191-го пехотного полка майора Фредебольда. Прихватив с собой только самые ценные документы и

оперативную карту, Чуйков, тайно пробравшись через занятую немцами территорию к берегу Волги, в ночном тумане вместе с Крыловым переправился на восточный берег на лодке.

После этого Чуйков в бронированном катере немедленно вернулся на западную сторону к верхней пристани в северном городе. Здесь в пещере в отвесном утесе, возвышавшемся на 200 метров над рекой позади завода "Баррикады", в "мертвой зоне" для немецкой артиллерии, командующий расположил свой новый командный пункт. Сеть блиндажей в отвесном склоне связывали хорошо замаскированные ходы сообщения.

Кухня Глинки разместилась в смотровом люке выводящего канала завода "Баррикады". Официантке Тасе приходилось проделывать поистине акробатические трюки, таская свои кастрюли и котелки по стальной лестнице колодца наружу и пробегая с ними по мостику вдоль обрыва к блиндажу командующего.

Правда, количество едоков, которых приходилось обслуживать Глинке и Тасе, значительно сократилось. Многие старшие офицеры, включая заместителей Чуйкова по артиллерии, инженерно-саперным войскам, по бронетехнике и механизированным войскам, тихонько смылись в ходе переезда штаба и остались на левом берегу Волги. "Мы не проронили и слезинки по ним, - пишет Чуйков. - Воздух без них стал чище".

Перемещение, которое произвел командующий сталинградской обороной, символизировало перенос боевых действий на север города, удержать южную и центральную части которого уже не представлялось возможным.

22 сентября поднялся занавес в последнем акте сражения за южный город. Штурмовые команды 29-й моторизованной пехотной дивизии во взаимодействии с гренадерами 94-й пехотной и 14-й танковой дивизий пошли на последний приступ элеватора. Когда саперы взорвали входы, горстка советских морских пехотинцев пулеметного взвода сержанта Андрея Хозяинова, наполовину обезумевшие от жажды, сдались в плен. Они оказались последними, кто уцелел в том аду.

Солдаты 2-го батальона советской 35-й гвардейской дивизии лежали в руинах бетонного здания, задохнувшиеся от гари и дыма, обожженные или разорванные на куски. Двери были заложены кирпичами - таким образом командиры и комиссары делали отступление или бегство невозможными.

Аналогичным образом немцы взяли и южную паромную пристань на Волге. Гренадеры саксонской 94-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Пфайффера дивизии, тактическим знаком которой служили скрещенные клинки как на майсенском фарфоре, - патрулировали берег Волги на южной оконечности города.

В центре Сталинграда, в его сердце, советское сопротивление в общем и целом почти полностью прекратилось. Осталось лишь несколько очагов сопротивления, где среди развалин главного железнодорожного вокзала и у пристани большого парового парома в центральном речном порту продолжали держать отчаянную оборону остатки советских 34 и 42-го стрелковых полков.

Если применять в оценках традиционные критерии ведения уличных боев, к 27 сентября Сталинград можно было уже считать завоеванным. 71-я пехотная дивизия, например, вышла к Волге по всей ширине своего фронта: 211-й пехотный полк - к югу от устья Минины, 191-й пехотный полк - между устьями Минины и Царицы и 194-й пехотный полк - к северу от Царицы.

Бои теперь велись главным образом в северной части города, где находились рабочие поселки и промышленные предприятия. Названия их вошли не только в военную, но и в мировую историю вообще - завод по производству артиллерийских орудий "Баррикады", металлургический комбинат "Красный Октябрь", тракторный завод им. Дзержинского, химкомбинат "Лазурь" со своей печально знаменитой "теннисной ракеткой", как из-за своей

формы назывались железнодорожные подъездные пути предприятия. Все это были "форты" промышленного города Сталинграда.

Бои за северный Сталинград превосходили своей ожесточенностью и кровопролитностью все сражения войны. По решимости, с которой бились солдаты, по плотности войск, сосредоточенных на сравнительно малой территории, и концентрации огня битва эта вполне сравнима с величайшими сражениями времен Первой мировой войны, особенно с Верденом, где на протяжении шести месяцев 1916 г. полегло более полумиллиона немецких и французских солдат. За северный Сталинград дрались в ближнем бою - резались в рукопашной. Русские, которые лучше немцев умели действовать в обороне, выигрывали из-за преимуществ грамотной маскировки и из-за того, что сражались на родной земле. Кроме того, они имели больше опыта в уличных боях и в особенности в боях на баррикадах. И наконец, Чуйков находился под личным присмотром Хрущева и потому догнал советскую оборону до температуры красного каления. Когда та или иная рота переправлялась через Волгу в Сталинград, солдаты слышали три лозунга, которые должны были служить им руководством к действию: Каждый человек - крепость!

За Волгой для нас земли нет!

Выстоять или умереть! Это была тотальная война. Это было реальное воплощение в жизнь тезиса "Время - это кровь". Хронист 14-й танковой дивизии, Рольф Грамс, тогда майор и командир 64-го мотоциклетного батальона, приводит весьма примечательный фрагмент битвы: "Шло жуткое изматывающее сражение на земле и под землей, на руинах, в подвалах, в канализационных тоннелях большого города и на промышленных предприятиях - война человека против человека. Танки взбирались на горы обломков и мусора, скрежетали гусеницами между разрушенных заводских зданий, стреляли прямой наводкой по остовам домов и узким заводским дворам... Но все это еще было терпимо. Гораздо хуже обстояло дело с глубокими оврагами в песчанике, спускавшимися к самой Волге, откуда противник, бывало, бросал в бой новые войска. На другой стороне реки, в густых лесах пологого восточного берега противник перемещался невидимо, его батареи и части пехоты были скрыты от наших глаз. Но тем не менее враг находился там, стреляя через реку и что ни ночь переправляя подкрепления своим в разрушенный до основания город".

Советские тыловики непрерывно доставляли через реку все необходимое для оборонявшихся. Свежая кровь постоянно притекала в город по жизненно важной артерии, которой являлась Волга, и это представляло собой острейшую проблему для немцев. За крутым обрывом берега Волги, куда не доставали снаряды немецкой артиллерии, располагались советские штабы, полевые госпитали, склады боеприпасов. Здесь по ночам осуществлялись высадка живой силы и выгрузка техники. Тут находились исходные позиции для контратак. Сюда выходили каналы сточных сооружений промышленных предприятий и городской канализации, теперь пересохшие и превратившиеся в ходы, которые вели в немецкий тыл. Советские штурмовые отряды проползали по ним, осторожно открывали люки и выводили на огневые позиции пулеметы. Внезапные очереди косили огнем тыловиков и солдат частей обеспечения в тылу у наступающих немецких частей. Через минуту советские диверсанты вновь спускались в колодец, закрывали его за собой и исчезали.

Немецкие боевые части, которым поручалось обезопасить тыл от подобных вылазок, оказывались бессильными что-либо предпринять. Обрывистый западный берег Волги стоил глубокоэшелонированных рубежей обороны с бетонными бункерами, защищающими от бомб и снарядов. Часто во время боевых операций немецкие полки отделяло от волжского берега всего несколько сотен метров.

В своем эссе, посвященном боям за Сталинград, генерал Дёрр совершенно справедливо замечает: "Те несколько сот метров перед Волгой имели решающее значение как для

нападавших, так и для оборонявшихся".

Путь к этому жизненно важному берегу в северном Сталинграде вел через укрепленные рабочие поселки и промышленные здания. Они представляли собой преграду на дороге к Волге. Понадобилась бы целая глава для описания этих операций. Несколько характерных примеров наглядно показывают героизм, который проявляли солдаты с обеих сторон.

В конце сентября генерал Паулос попытался генеральным штурмом одним за другим овладеть последними бастионами Сталинграда. Но сил для полномасштабной атаки на всю промышленную зону ему не хватало.

Закаленная в сражениях 24-я танковая дивизия из Восточной Пруссии, наступавшая с юга через аэродром, захватила жилые микрорайоны заводов "Красный Октябрь" и "Баррикады". Танковый полк и части 389-й пехотной дивизии также заняли микрорайон тракторного завода им. Дзержинского, а 18 октября проложили себе путь на кирпичный завод. Солдаты из Восточной Пруссии вышли к обрывистому берегу Волги. Наконец-то на данном участке удалось достигнуть цели. Затем дивизия вновь выдвинулась на юг в район химкомбината "Лазурь" и железнодорожных подъездных путей "теннисная ракетка".

24-я выполнила поставленную задачу. Но какой ценой! Каждый из гренадерских полков по составу равнялся теперь не более чем батальону, а из того, что осталось от танкового полка, можно было собрать лишь усиленную роту боевых бронированных машин. Экипажи, лишившиеся танков, сражались как пехотинцы в стрелковых ротах.

Огромный тракторный завод имени Дзержинского, одно из крупнейших танковых производств Советского Союза, штурмовали 14 октября солдаты из гессенской 389-й пехотной дивизии генерала Енеке и полки саксонской 14-й танковой дивизии. Через руины зданий на необъятном заводском дворе гренадеры 14-й ударили к Волге, повернули на юг, ворвались на артиллерийский завод "Баррикады" и таким образом оказались в непосредственной близости от командного пункта Чуйкова.

Развалины громадных сборочных цехов тракторного завода стали местом, где вновь и вновь вспыхивали очаги советского сопротивления, которые приходилось шаг за шагом подавлять 305-й пехотной дивизии из Баден-Вюртемберга, с озера Констанс, переброшенной в Сталинград с Донского фронта 15 октября и задействованной для захвата тракторного завода. Солдаты с озера Констанс вели непрерывные бои с ротами советской 308-й стрелковой дивизии полковника Гуртьева. Операция являла собой превосходную иллюстрацию слов, записанных в дневнике генералом Чуйковым: "Штабную карту заменил план улиц города, набросок лабиринта каменных развалин, некогда бывших заводом".

24 октября 14-я танковая дивизия вышла к заданной цели - хлебозаводу на южном углу завода "Баррикады". Атаку возглавлял 64-й мотоциклетный батальон. В первый день боев капитан Заувант поддержал штурм первого здания частями своего 36-го танкового полка.

25 октября штурм второго здания захлебнулся под яростным заградительным огнем русских. Унтер-офицер Эссер сидел на корточках за подбитой бронемашинной. Через дорогу на углу здания лежал убитый командир. В десяти шагах позади него взводный командир - тоже мертвый. Рядом с ним тихо стонал раненный в голову командир отделения. В мгновение Эссера охватила ярость. Он вскочил и закричал:

– Вперед!

Взвод последовал за ним. От здания их отделяло всего 60 метров - 60 метров открытой местности без укрытия. Но они дошли. Пригибаясь, они перебежками устремились вдоль стены, пробили в ней брешь подрывным зарядом и вползли внутрь. У окон на противоположной стороне сидели русские и стреляли по двору. Падая под очередями немецких автоматов, они даже не успели понять, что произошло.

Теперь следующая дверь. Солдаты осторожно поднялись по бетонной лестнице. У каждого дверного проема стояло по человеку.

– Руки вверх!

Ошалевшие русские подняли руки. Таким образом Эссер всего с двенадцатью солдатами овладел зданием, взяв восемьдесят пленных, захватив противотанковую пушку и шестнадцать станковых пулеметов. Сотни убитых советских солдат остались лежать на зловещем поле боя, в которое превратилось второе здание хлебозавода.

Через дорогу, где располагались административные строения, сражался с противником капитан Домашк, возглавлявший остатки 103-го стрелкового полка. Все ротные командиры погибли.

Из штаба бригады прислали лейтенанта Штемпеля, так что хотя бы одного офицера можно было поставить командиром роты. Унтер-офицер ввел его в курс дела.

Через секунду Штемпель с мотоциклистами бросился в атаку между железнодорожной линией и полуразвалившейся стеной. Впереди пикировщики "Штуки" подавляли очаги сопротивления противника. Не успели отгреметь взрывы бомб, как немецкие солдаты ворвались на руины административных зданий и подступы к крутому волжскому берегу.

Но осталось всего два с половиной десятка человек. А из оврагов от реки поднимались новые массы советских солдат. Раненые с повязками под командованием штабных офицеров, водители транспортных средств, даже матросы с паромов. Они падали на землю под автоматными и пулеметными очередями, точно сухие осенние листья. Но они шли и шли.

Штемпель отправил связного:

– Без подкреплений мне не продержаться!

Вскоре прибыло семьдесят человек, присланных передовым командованием. Вел их лейтенант. Двумя днями спустя все семьдесят были либо убиты, либо ранены. Солдаты 103-го стрелкового полка под командованием Штемпеля оказались вынуждены отойти и оставить берег реки.

Несмотря ни на что, к тому моменту в руках немцев находилось около четырех пятых Сталинграда. Ближе к концу октября, когда вестфальская 16-я танковая дивизия и пехотинцы 94-й пехотной дивизии смогли наконец овладеть пригородом Спартаковкой, за которую ожесточенные бои шли еще с августа, и разгромить советские 124 и 149-ю стрелковые бригады, немцы стали контролировать уже девять десятых территории города.

Советская 45-я стрелковая дивизия перед штабом Чуйкова на обрывистом утесе удерживала лишь узкую полосу земли, приблизительно 200 метров шириной. Южнее, на развалинах металлургического завода "Красный Октябрь", русские владели только развалинами восточного блока, сортировочным и сталелитейным цехами и трубопрокатным станом. Здесь за каждый камень упорно дрались солдаты и офицеры 39-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Гурьева. За каждый угол, каждый склад металлолома штурмовым командам 94-й и 79-й пехотных дивизий приходилось платить кровью. Контакт с 14-й танковой дивизией на севере поддерживали роты 100-й стрелковой дивизии, которую в конце сентября перебросили с Дона в Сталинград, - еще одна иллюстрация того, как ради овладения проклятым городом Сталинградом повсюду обнажался длинный Донской фронт. Южнее от металлургического завода "Красный Октябрь" противник удерживал только химкомбинат "Лазурь" с его подъездными путями в виде теннисной ракетки, а также временный плацдарм у паромной пристани в центральном порту.

К началу ноября в руках Чуйкова оставалась лишь одна десятая часть Сталинграда - несколько заводских зданий и несколько километров берега реки. 5. Катастрофа на Дону Тревожные сигналы с фланга 6-й армии - Мыши уничтожают танки Ноябрь - месяц катастроф -

Возобновление штурма волжского берега - Крушение румынского участка фронта - Сражение в тылу 6-й армии - Прорыв также и на юге от Сталинграда - 29-я моторизованная пехотная дивизия атакует - Русские в Калаче - Паулюс летит в котел.

Сталинград расположен на той же параллели, что и Вена, Париж или Ванкувер. На этой широте погода в начале ноября довольно теплая. Поэтому генерал Штеркер, командир 11-го корпуса, дислоцированного на большой излучине Дона, все еще носил легкую шинель, когда отправлялся в штаб австрийской 44-й пехотной дивизии - дивизии "Хох-унд-Дойчмайстер".

В полях солдаты занимались уборкой картофеля и кормовой свеклы, заготавливали сено и солому - делали запасы на зиму.

11-му корпусу генерала Штеркера отводилась задача прикрытия левого фланга Сталинграда вдоль большой излучины Дона. Но длина "Донской петли" составляла 100 километров - нельзя удерживать 100-километровую полосу силами трех дивизий. В результате генералу пришлось занимать позиции по хорде дуги. Так он сокращал протяженность рубежа примерно на 50 километров, но одновременно отдавал советским войскам участок излучины в районе Кременской.

Генерал-лейтенант Батов, командующий советской 65-й армией, немедленно воспользовался открывшейся возможностью, перешел Дон и обосновался на сравнительно глубоком плацдарме на южном берегу. Полки Батова ежедневно наносили удары по дивизиям Штеркера в попытке привести к крушению немецкий фланг на Дону.

Но дивизии Штеркера занимали выгодные позиции. Так, например, полковник Бойе, принимая командира корпуса в штабе 134-го пехотного полка и сознавая то, как разумно построена его оборона на высотах позади реки, мог с чистой душой заверить начальство:

– Здесь ни один русский не пройдет, господин генерал.

Штеркер попросил подробно докладывать ему обо всем, особенно о том, что заметят с наблюдательного пункта дивизии на опушке небольшого леса к юго-западу от Сиротинской с конца октября, не упуская ни малейшей детали.

С опушки открывался превосходный вид на другой берег Дона. Через стереотрубу можно было различить позиции немецкого 8-го корпуса почти до самой Волги. Но самое главное, вражеский тыл лежал словно на ладони, будто бы нарисованный на рельефной карте. И конечно, наблюдатели видели многое очень многое: нескончаемыми потоками днем и ночью живая сила и техника русских текла к Дону как в район напротив фронта Штеркера, так и граничащей с ним слева румынской 3-й армии.

В штабе корпуса ежевечерне с тревогой фиксировали данные донесений наблюдателей. Сведения подтверждали и пилоты разведки 4-го воздушного флота. Каждое утро Штеркер направлял сообщения в Голубинскую, где дислоцировался штаб генерала Паулюса. Паулюс, в свою очередь, с конца октября докладывал обо всем в группу армий.

В докладе группы армий в ставку фюрера говорилось: "Русские разворачиваются глубоко на фланге 6-й армии".

На этом фланге вдоль Дона рядом с корпусом Штеркера по фронту протяженностью около 150 километров располагалась румынская 3-я армия. За ней следовала итальянская 8-я армия и далее венгерская 2-я армия.

– Господин генерал, почему такой широкий участок обороняют только румынские войска? - спрашивали своего командира штабные офицеры. Они ничего не имели против румын - те были храбрыми солдатами, - но все знали, что со снаряжением у них настоящая беда, даже хуже, чем у итальянцев. Оружие их годилось разве что для антикварной лавки, им не хватало мощного противотанкового вооружения, система снабжения работала плохо. Ни для кого это не являлось секретом.

Но маршал Антонеску, глава румынского государства - точно так же, как и Муссолини, - настаивал на том, что те войска, которые его страна смогла направить на Восточный фронт, должны действовать только как единые части и только под командованием своих офицеров. Гитлер неохотно соглашался, хотя предпочел бы последовать совету собственных генералов, предлагавших применить "композитный" метод - т.е. перемежать немецкие и союзнические части, с тем чтобы первые служили в качестве "твердых слоев". Но из-за опасения ранить национальные чувства союзников Германии от подобной идеи пришлось отказаться. В результате фланговое прикрытие основного немецкого воинского контингента в районе Сталинграда, насчитывавшего в своем составе тринадцать пехотных дивизий, три механизированные дивизии и три танковые дивизии, осуществляли иностранные армии, боевая эффективность которых находилась ниже требуемого уровня.

Естественно, Гитлер тоже читал доклады о сосредоточении советских войск перед фронтом румынской армии. На оперативных совещаниях румынский генерал-полковник Думитреску предупреждал об опасности и просил о том, чтобы румынской 3-й армии придали противотанковые и танковые части или же позволили сократить протяженность фронта. Подобные идеи вызывали особенное негодование Гитлера. Сдавать территории было не в его обычае. Он хотел удержать все, забывая о том, что еще Фридрих Великий справедливо говаривал: "Тот, кто собирается защищать все, не сможет защитить ничего".

Оценивая ситуацию на Дону осенью 1942 г., Гитлер черпал уверенность и оптимизм в документе, подготовленном для него главным штабом армии, документе, до сих пор широкой известности не получившем. В нем говорится, что отчет аналитиков отдела штаба "Иностранные армии Востока" по состоянию на 9 сентября 1942 г. свидетельствует об отсутствии у русских сколь-либо значительных оперативных резервов на Восточном фронте. В это Гитлер с готовностью верил. Так зачем же уступать территорию?

Что же до просьбы румынской стороны о противотанковой и танковой поддержке, Гитлер считал это разумным. Но единственное крупное формирование, которым располагало командование для направления в район за румынской 3-й армией, не считая нескольких частей ПВО, танковых и стрелковых батальонов и армейской артиллерии, был 48-й танковый корпус генерал-лейтенанта Гейма - одна немецкая и одна румынская танковая дивизия, - а также части 14-й танковой дивизии. Корпус временно вывели из состава 4-й танковой армии и перебросили в район южнее Серафимовича.

В обычных условиях немецкий танковый корпус представлял собой довольно значительную боевую единицу, более чем соответствующую задачам поддержки пехотной армии. Его вполне хватило бы для прикрытия угрожаемого фронта румынской

3-й армии. Но корпус Гейма являлся чем угодно, только не корпусом. Главные силы его составляла немецкая 22-я танковая дивизия, которая располагалась в тылу итальянской 8-й армии с сентября для отдыха и пополнения. Вразрез с планами Генерального штаба сухопутных войск переукомплектование дивизии немецкими танками, призванными заменить чешские, было произведено только частично, и на тот момент соединение располагало лишь незначительным количеством Т III и Т IV. Более того, несколько месяцев назад дивизии пришлось расстаться со своим 140-м мотопехотным полком под началом полковника Михалика, отправив его в распоряжение 2-й армии, действовавшей в районе Воронежа. Там "бригаду Михалика" переформировали в 27-ю танковую дивизию. В итоге танковый инженерно-саперный батальон дивизии несколько месяцев принимал участие в уличных боях в Сталинграде.

Важно помнить об этих фактах, чтобы понять, какими частями - а вернее, тенями частей - германское Верховное командование собиралось встретить вполне реальную угрозу румынскому фронту на Дону.

Осознавал ли все это Гитлер? Поставили ли его в известность о том, что 22-я танковая дивизия еще недоукомплектована? Есть все признаки того, что ему об этом не докладывали.

10 ноября в штаб корпуса и в 22-ю танковую дивизию пришли приказы о передислокации дивизии на участок румынской 3-й армии. Последние части 22-й дивизии начали выдвижение на юг к "Донской петле" 16 ноября. Им предстояло пройти 250 километров по снегам в мороз.

Но ни то, ни другое не стало на сей раз главной сложностью. Словно бы проклятие лежало на этом танковом корпусе: один отвратительный сюрприз следовал за другим.

Занимая позиции на "тихом фронте", 22-я танковая дивизия почти не получала горючего для подготовки личного состава и эксплуатационных проверок техники. Соответственно, техника 204-го танкового полка стояла рассредоточенная в тылу итальянского фронта на Дону, замаскированная в камышах и практически недвижимая. Танки находились в глубоких окопах, защищенные от мороза соломой. Танкистам не удалось убедить начальство в том, что механизированные части должны гонять свою технику даже в периоды отдыха, для чего требуется горючее. Горючего они не получили, а потому проверять двигатели не могли. Вот в таком состоянии полковник фон Оппельн-Брониковский нашел 204-й танковый полк незадолго до выступления. Когда прибыл неожиданный срочный приказ и танки пришлось поспешно выводить из окопов, удалось завести моторы только 39 из 104 машин, да и то с трудом. На марше вышли из строя еще 34: у них глохли двигатели, а у многих не поворачивались башни. Короче говоря, испортилось электрооборудование.

Что же произошло? Ответ сногсшибательно прост. Мыши, которые завелись в соломе, прикрывавшей покоившиеся в окопах танки, пробрались внутрь их в поисках пищи и съели резиновую изоляцию проводов. В результате перестала работать электрика - отказало зажигание, стало невозможно изменять углы горизонтальной и вертикальной наводки башенных орудий. Несколько танков даже загорелось из-за коротких замыканий и искр. А поскольку беда никогда не приходит одна, едва часть отправилась в путь, резко упала температура, а у танкового полка не оказалось специальных траков для ведения боевых действий зимой. Траки просто потерялись где-то на длинном пути к Дону.

В результате танки бросало на дороге из стороны в сторону, они скользили и продвигались крайне медленно. 204-ю танковую ремонтную роту в поход из-за нехватки горючего не взяли, что означало невозможность произвести никакой крупный ремонт на марше.

Вместо 104 танков, записанных в документах группы армий за 22-й танковой, дивизия вышла на исходные позиции в районе боевых действий 48-го танкового корпуса, имея 31 боевую бронированную машину. Позднее подтянулось еще 11. Таким образом, 19 ноября дивизия могла похвастаться 42 единицами бронетехники - которых было как раз достаточно для того, чтобы объединить танки, бронетранспортеры и мотоциклетные части, равно как и моторизованные батареи в танковую боевую группу под командованием Оппельна.

Второе крупное соединение из состава корпуса - румынская 1-я танковая дивизия - располагало на 19 ноября 108 танками. Но 98 из них являлись чешскими Т-38 ч - превосходными бронированными боевыми машинами, но уступавшими по броневой защите и вооружению даже легким советским танкам. Таким образом, "композитный" метод, призванный усилить румынскую 3-ю армию на Среднем Дону "твердыми слоями" немецкой бронетехники, в середине ноября в действительности никого и никак не усиливал. А именно на этом участке сосредоточивались силы русских армий.

Ноябрь 1942 г. стал месяцем катастроф. 4 ноября Африканская армия Роммеля подверглась сильнейшему удару британских частей Монтгомери под Эль-Аламейном и оказалась вынуждена ради собственного спасения отступить от Египта к Триполи. Через четыре дня армия вторжения Эйзенхауэра высадилась в тылу у немецких войск на западном побережье Северной Африки и

начала продвижение к Тунису.

Эффект, вызванный шоком в Африке, ощущался на всех фронтах Германии. Гитлеру пришлось даже оккупировать Южную Францию, остававшуюся до того не занятой немецкими войсками. В результате четыре превосходно экипированных подвижных соединения - 7-я танковая дивизия и дивизии войск СС "Лейбштандарт", "Рейх" и "Мертвая голова", которые в противном случае можно было бы использовать на Восточном фронте, - оказались связанными во Франции. Против огневой мощи и боевой численности этих четырех дивизий Чуйков со своими частями на волжском берегу не продержался бы и сорока восьми часов.

9 ноября Гитлер вернулся в Берхтесгаден после визита в подвал Лёвенброй в Мюнхене, где уверял своих товарищей по путчу 1923 г.:

– Никакая сила на земле не заставит нас уйти из Сталинграда!

Теперь Йодль вручил ему последние донесения. Из них становилось ясно, что русские войска разворачиваются не только к северо-западу от Сталинграда, на Среднем Дону, перед румынской 3-й армией, но также и к югу от так отчаянно оспариваемого воюющими сторонами города, где два корпуса румынской 4-й армии прикрывали фланг 4-й танковой армии Гота. Советские передвижения, о которых докладывали из разных источников, указывали на скорое нападение.

Хмурясь, Гитлер изучил донесения и склонился над картой. Хватало одного взгляда, чтобы понять, как высока ставка. Сосредоточения советских войск вдоль флангов Сталинградского фронта осуществлялись с целью охвата и окружения 6-й армии.

Несмотря на сохранившуюся у него тенденцию недооценивать советские резервы, Гитлер все же осознал угрозу, которая создавалась на растянутых участках, где располагались румынские войска.

– Если бы фронт там удерживали немецкие соединения, я бы и секунды не беспокоился на данный счет, - заявил он. - Но тут дело другое. Шестая армия должна покончить со всем этим и быстро овладеть оставшимися частями Сталинграда.

Быстрых действий - вот чего хотел Гитлер. Он заботился о том, чтобы положить конец ситуации, в которой столько дивизий со стратегической точки зрения совершенно бесполезно топтались на одном месте; он хотел обрести оперативный простор.

– Мне хорошо известно, с какими трудностями вам приходится сталкиваться в боях за Сталинград, и то, что вам не хватает подкреплений, сказал фюрер по радию в разговоре с генералом Паулюсом 16 ноября. - Но и русским будет куда тяжелее теперь, когда по Волге идет лед. Если мы с толком воспользуемся этим периодом, в будущем нам не придется проливать так много крови. Поэтому я рассчитываю, что командиры вновь продемонстрируют свою энергичность, которую они не раз показывали в прошлом, а солдаты станут сражаться с прежней отвагой, чтобы пробиться к Волге, по крайней мере взяв артиллерийский и металлургический заводы и овладев этими частями города.

Гитлер совершенно справедливо упоминал о сложностях, возникших у русских из-за льда на реке. Это же подтверждают и записи генерал-лейтенанта Чуйкова. В связи со сложившейся для советской 62-й армии оперативной обстановкой и с трудностями со снабжением Чуйков в своем дневнике замечает:

"14 ноября. В войсках не хватает боеприпасов и продовольствия. Дрейфующий лед лишает нас сообщения с левым берегом".

"27 ноября. Пришлось приостановить подвоз боеприпасов и эвакуацию раненых".

Советское командование стало задействовать для доставки боеприпасов и продовольствия через Волгу самолеты По-2. Но пользы от применения самолетов было немного, поскольку пилотам приходилось сбрасывать грузы на полосу шириной всего в 100 метров. Малейшая

ошибка, и груз попадали в реку, или в руки немцев. 17 ноября Паулюс приказал зачитать командирам частей и соединений послания Гитлера, в которых тот призывал армию к скорейшему взятию Сталинграда. 18 ноября штурмовые команды сталинградских дивизий возобновили наступление. Они надеялись, что это будет последний удар.

Вновь они - измотанные солдаты 50, 162, 294 и 336-го инженерно-саперных батальонов - бросались на русские позиции. Гренадеры 305-й пехотной дивизии выскакивали из укрытий, стремились вперед короткими перебежками, с подсумками, полными гранат, держа оружие на взводе. Пригибаясь, они тащили пулеметы и минометы по взрыхленной воронками земле через лабиринты в развалинах заводских построек. Скапливаясь вокруг самоходных зениток, прячась за танками и штурмовыми орудиями, они атаковали под вой сирен "Штука" и грохот вражеских пулеметов. Промокшие насквозь от дождя и мокрого снега, грязные, в превратившейся в лохмотья форме, они штурмовали вражеские позиции у паромной пристани, на хлебозаводе, у элеватора и на подъездных путях "теннисная ракетка". В первый день они "отвоевали" у противника где 30, где 50, где даже 100 метров. Они теснили врага - медленно, но верно. Еще двадцать четыре часа, может быть, сорок восемь, и дело будет сделано.

Однако на следующее утро, 19 ноября, на самой заре, как раз тогда, когда немцы возобновили свое упорное продвижение через руины заводских зданий и обломки кирпичной кладки, штурмуя баррикады из старых орудийных стволов русских пушек, бросая подрывные заряды в люки канализации, медленно прокладывая себе путь к волжскому берегу, русские начали свое наступление на позиции румынской 3-й армии на Дону, в 150 километрах к северо-западу.

Генерал-полковник фон Рихтгофен, командующий 4-м воздушным флотом, записал в своем дневнике: "И снова русские сумели мастерски воспользоваться плохой погодой. Дождь, снег и холодный туман сделали невозможными любые действия Люфтваффе на Дону".

Советская 5-я танковая армия наносила удар из района Серафимовича точно в том месте, где должен был располагаться немецкий танковый корпус, но находилась в действительности только его тень - корпус Гейма. Советские войска наступали силами двух танковых корпусов, одного кавалерийского корпуса и шести стрелковых дивизий. Одновременно слева от 5-й танковой армии устремлялась в южном направлении из района Клетской советская 21-я армия - один танковый корпус, один гвардейский кавалерийский корпус и шесть стрелковых дивизий.

Такое количество советских корпусов звучит угрожающе. Но, как правило, численность личного состава в советских армиях равнялась численности личного состава полного немецкого корпуса, а советский корпус был более или менее сравним с дивизией, советская же дивизия - с немецкой бригадой. Генерал-полковник Гот как-то очень верно заметил: "Мы переоцениваем силы русских на фронте, но неизменно недооцениваем их резервы".

Предваряла советское наступление восьмидесятиминутная массированная артиллерийская подготовка. Затем из густого тумана появились первые волны атакующих. Румынские батальоны храбро сопротивлялись. Более того, 1-я кавалерийская дивизия и полки румынской 6-й пехотной дивизии под началом генерала Михаила Ласкария упорно сражались и удерживали свои позиции.

Но скоро румыны оказались в ситуации, к которой не были готовы. Они стали жертвой того, что Гудериан назвал "боязнь танков", - поддались панике, в которую впадают пехотинцы, не привыкшие сражаться с вражеской бронетехникой. Танки противника, прорвавшиеся через румынские рубежи, внезапно появились у них в тылу. Кто-то закричал: "Вражеские танки в тылу!" - и обороняющихся охватил ужас. Они побежали. К несчастью, действия румынских артиллеристов в значительной мере парализовал туман - прицельная стрельба стала практически невозможной.

К середине дня 19 ноября наметились все признаки катастрофы. Целые дивизии румынского фронта - в особенности 13, 14 и 9-я пехотные дивизии рассыпались в прах, солдаты бежали.

У них в тылу Советы осуществляли бросок на запад в направлении Чира, на юго-запад и на юг. Теперь же, однако, их войска повернули на юго-восток. Стало очевидным, что цель противника - выход в тыл 6-й армии.

Вот тут и настало время сказать свое слово 48-му танковому корпусу. Но у формирований генерала Гейма сразу все не заладилось. Группа армий приказала корпусу контратаковать в северо-восточном направлении к Клетской - т.е. действовать против пехоты советской 21-й армии, располагавшей 100 танками. Но не успела техника прийти в движение, как в 11.30 из ставки фюрера прибыл приказ, отменявший предыдущий: теперь корпусу предстояло атаковать на северо-запад, где противник осуществлял куда более опасный прорыв силами подвижных формирований советской 5-й танковой армии в районе Блинов-Песчаный. Поворот на сто восемьдесят градусов! Поддерживать действия 48-го корпуса должны были три дивизии румынского 2-го корпуса сильно потрепанные и потерявшие всякое желание сражаться части.

С наступлением ночи 19 ноября танковое острие советского наступления углубилось в брешь в районе Блинова на 50 километров.

Немецкий корпус - особенно танковая группа полковника фон Оппельн-Брониковского из состава 22-й танковой дивизии - осуществил блестящий маневр, развернувшись на 180 градусов и ударив на бронетехнику противника в районе Песчаного. Но тут ущерб, нанесенный мышами, дал себя знать в полной мере; форсированный марш по обледеневшим оврагам без специальных зимних траков неминуемо вел к дальнейшему росту потерь. В результате храбрая, но невезучая дивизия прибыла на поле боя в район Песчаного, имея всего двадцать танков. К счастью, поблизости оказался дивизион противотанковых самоходных орудий. Отвага расчетов немецких противотанковых орудий, вступавших в огневые дуэли с вражескими танками, помогла сломать бронированное острие советского наступления.

Двадцать шесть Т-34 остались гореть перед наскоро занятыми позициями. Если бы только слева и справа оказался один танковый полк - всего один танковый полк, - красная буря могла быть остановлена там - в самом опасном месте. Но ни справа, ни слева не было никого - никого, кроме бегущих румын. Советские войска валом лились в образовавшиеся бреши.

22-я танковая дивизия, которая не располагала никакими танковыми частями, за исключением группы Оппельна, имела только истребительно-противотанковые штурмовые орудия, один мотопехотный батальон и несколько батарей, оказалась под угрозой окружения. Ей пришлось отходить.

В результате румынская 1-я танковая дивизия, которая отважно сражалась под командованием генерала Раду восточнее, оказалась отделенной от 22-й танковой дивизии. Корпус был расколот и утратил боевую мощь. В группе армий увидели опасность и спешно отправили по радиации распоряжение румынской 1-й танковой дивизии повернуть на юго-запад и соединиться с группой Оппельна. Но у корпуса Гейма все продолжало не ладиться - так, точно на нем лежало какое-то проклятье. Немецкая радиостанция, действовавшая в составе румынской 1-й танковой дивизии, была выведена из строя, и сигнала командование не получило. В результате вместо того, чтобы повернуть на юго-запад, храбрая дивизия продолжала сражаться фронтом в северном направлении. В то время как русское наступление на юго-восток не встречало противодействия.

Намерения командования советских войск становились совершенно очевидными. Русские рвались к Калачу, а немцы уже не имели возможности помешать им в этом. Ядро румынской 3-й армии находилось на грани распада, личным составом все больше и больше овладевала паника.

За четыре дня армия потеряла 75 000 человек, 34 000 лошадей и все тяжелое снаряжение пяти дивизий.

Советское наступление строилось по четкому и глубоко продуманному плану, по образу и подобию немецких охватывающих маневров 1941 г. В то время как северный клин с двумя остриями прорубался через смятенные части румынской 3-й армии, 20 ноября второй клин ударил в южный фланг Сталинградского фронта с исходных позиций в районе Бекетовка-Красноармейск и двух других районов сосредоточения, расположенных южнее.

И здесь для наступления Советское Главнокомандование выбрало участок, на котором располагались румынские соединения - 6 и 7-й корпуса. Еременко начал прорыв силами двух полностью механизированных корпусов, а также кавалерийского корпуса и шести стрелковых дивизий из состава советских 57 и 51-й армий. Между двумя этими армиями скрытно действовал 4-й механизированный корпус, состоявший из ста танков. Как только будет осуществлен прорыв, задачей корпуса становился стремительный и широкий охватывающий маневр в направлении Калача.

Западнее Красноармейска ядро советской 57-й армии вступило в боевое соприкосновение с румынской 20-й дивизией, с первого удара разгромив ее танковыми и моторизованными батальонами.

Складывалась опаснейшая ситуация, поскольку удар был нацелен прямо и по кратчайшему пути в тыл немецкой 6-й армии.

Но тут мы видим, на что способна одна-единственная опытная и хорошо снаряженная немецкая дивизия, а также то, что участвовавшие в советском наступлении армии вовсе не являлись выдающимися по боевым качествам войсковыми объединениями.

Когда случилось несчастье, закаленная в боях 29-я моторизованная дивизия из Тюрингии и Гессена располагалась в степи примерно в 50 километрах к юго-западу от Сталинграда как резерв группы армий. Ее сняли со Сталинградского фронта в конце сентября, полностью укомплектовали боевым личным составом и держали для запланированного ставкой фюрера броска к Астрахани. В начале ноября, ввиду трудного положения на Кавказском фронте, она получила приказ через танковую армию Гота подготовиться к отправке на Кавказ к концу ноября. Таким образом, 29-я изготовилась для весеннего наступления. (В начале ноября германским Верховным командованием, несмотря на обстановку в Сталинграде, владел огромный оптимизм.) Вскоре после того примерно тысяча военнослужащих дивизии отправилась на отдых в Германию.

19 ноября эта полностью укомплектованная личным составом дивизия под командованием генерал-майора Лейзера стала настоящим подарком судьбы для немцев. Поскольку генерал-полковник Гот не мог связаться с группой армий по телефону, он действовал по собственному почину и в 10.30 20 ноября отправил дивизию Лейзера, занимавшуюся подготовкой личного состава, навстречу частям советской 57-й армии, прорвавшейся к югу от Сталинграда.

29-я устремилась в бой. 129-й танковый батальон шел впереди широким клином из пятидесяти пяти Т III и Т IV. По флангам двигались истребительно-противотанковые штурмовые орудия, позади - гранадеры на бронемашинках, а за ними - артиллерия. Невзирая на туман, они продвигались вперед на гром орудий.

Командиры танков высывались из башенных люков. Видимость не превышала 100 м. Внезапно туман рассеялся.

В этот момент командиры поспешили изготовиться к бою. Прямо впереди, всего в 400 м, приближалась советская танковая армада 13-го механизированного корпуса. Люки захлопнулись. Зазвучали знакомые слова команды:

– Орудие на двенадцать часов. Бронебойным. Дальность четыреста. По скоплению

вражеских танков. Беглый огонь!

Засверкали вспышки выстрелов, загрохотали 75-мм танковые пушки. Снаряды нашли цель. Вспыхнули костры из неприятельской бронетехники. Советские танки смешались. Необходимость принимать быстрые решения в случае внезапного изменения обстановки не была их коньком. Они кружили один вокруг другого, сбивались в кучу, откатывались назад и загорались от немецких снарядов.

Тут появился новый объект. На небольшом расстоянии на железнодорожном пути стояли товарные составы, из которых выгружалась советская пехота. Русских доставляли на передовую по рельсам.

Артиллерийские дивизионы 29-й моторизованной дивизии отыскивали многообещающую цель и начали отрабатывать по ней. Атака советской 57-й армии захлебнулась.

Но не успели немцы благополучно заделать эту брешь, как пришло известие о том, что в 30 километрах южнее, на участке румынского 6-го корпуса, в центре вдоль южного фланга прорвалась советская 51-я армия, которая продолжала продвижение на Сеты силами своего подвижного 4-го корпуса. Наступил критический момент. 29-я моторизованная дивизия находилась в отличной форме. Если бы эта часть смогла продолжить свою оборону, ударив на юго-запад во фланг советского механизированного корпуса, располагавшего примерно девятью десятками танков, по всей видимости, заделать дыру удалось бы и здесь. Поэтому генерал-полковник Гот приготовился нанести второй удар, на сей раз во фланг корпуса генерал-майора Вольского.

Но тут, 21 ноября, из группы армий пришел приказ: прекратить атаки, занять оборонительные позиции для защиты южного фланга 6-й армии. 29-ю дивизию вывели из состава 4-й танковой армии Гота и вместе с 4-м корпусом генерала Енеке передали в подчинение 6-й армии. Но генералу Паулюсу о том, что 29-я моторизованная дивизия находится теперь под его командованием, сообщили не ранее 22 ноября.

Таким образом, эту превосходную боевую часть, обладавшую значительным ударным потенциалом, отвели назад и задействовали исключительно для обороны и прикрытия, словно пехотную дивизию, хотя в действительности оборонять и прикрывать ей было нечего. Конечно, классические военные принципы требуют защищать угрожаемый неприятелем фланг армии, но в том данном конкретном случае командованию группы армий следовало бы понять, что южный клин советского наступления в тот момент нацеливался вовсе не на Сталинград, а на Калач, с целью соединиться с северным клином на Дону и захлопнуть ловушку за 6-й армией.

Группу армий Вейхса обвиняли, и справедливо, в стратегии постепенного решения - стратегии, суть которой "решать проблемы по мере их поступления". Конечно, легко быть мудрым потом. По всей вероятности, командование группы армий не осознавало, какова цель атак русских. Тем не менее исправно работавшая разведка должна была выяснить истинный смысл происходившего в течение нескольких часов. 4-й механизированный корпус генерал-майора Вольского тем временем продвинулся к Сетам. Тут еще до темноты русские заняли позиции для отдыха. Они остановили свое продвижение. По какой причине? Ответ довольно любопытен.

Неожиданное появление 29-й моторизованной дивизии на поле боя лишило командира советского корпуса генерал-майора Вольского, который получил сообщение по радиации о беде, постигшей советскую 51-ю армию, самообладания. Он опасался атаки где-нибудь по своему длинному незащищенному флангу. Он боялся как раз того, что намеревался сделать Гот. Поэтому он остановил продвижение своих частей, хотя командующий армией требовал от него продолжения наступления. Только 22 ноября, когда ожидавшейся атаки немцев не последовало и когда Вольский получил от Еременко категорический приказ продолжить продвижение,

корпус повернул на северо-запад и спустя двадцать четыре часа вышел к Калачу на Дону.

Цепь событий показывает, что целенаправленный удар 29-й моторизованной дивизии и частей корпуса Енеке мог бы изменить ситуацию и предотвратить окружение 6-й армии с юга. Но когда во время крупных прорывов поступали верные разведывательные донесения? Что еще хуже, в те решающие дни и ночи Паулюс и его начштаба почти все время находились в процессе движения.

21 ноября Паулюс перенес штаб своей армии из Голубинской на Дон, в Гумрак, ближе к Сталинградскому фронту. Тем временем сам, сопровождаемый начальником штаба Артуром Шмидтом, вылетел в Нижне-Чирскую, поскольку там в точке, где Чир впадает в Дон, - для его армии была построена хорошо оборудованная штаб-квартира с прямой связью с группой армий, Главным штабом сухопутных войск и ставкой фюрера. Нижне-Чирская рассматривалась как зимняя штаб-квартира 6-й армии - на период после захвата Сталинграда.

Паулюс и его начальник штаба намеревались использовать развитые средства связи в штабе в Нижне-Чирской, чтобы всесторонне ознакомиться с обстановкой перед своим переездом в Гумрак. Не вызывало ни тени подозрения - как не вызывает и по сей день, - что Паулюс хотел оказаться вне котла, подальше от своего штаба. Но Гитлер совершенно ясно неправильно понял намерения и мотивы, двигавшие командующим 6-й армией. Не успел Паулюс прибыть в Нижне-Чирскую, как Гитлер категорическим образом потребовал его возвращения в котел.

Генерал-полковник Гот тоже оказался в Нижне-Чирской утром 22 ноября по приказу командования группы армий, с целью обсудить обстановку с Паулюсом, которого нашел раздраженным и совершенно убитым унижительным приказом Гитлера. Лицо военного-интеллектуала приобрело болезненное выражение, Паулюса очень заботила ситуация, складывавшаяся вокруг его армии. Между тем начштаба генерал-майор Шмидт был само спокойствие. Он постоянно звонил то одному, то другому, то третьему боевому командиру, собирал информацию, стараясь нарисовать картину намерений неприятеля и обсудить меры оборонительного порядка. Он был типичным спокойным, хладнокровным профессиональным штабным офицером. Ему предстояло доказывать силу своего характера на протяжении двенадцати лет советского плена.

Данные, которые Шмидт наносил на карту, расстеленную рядом с телефоном, ни в коем случае не внушали оптимизма. Обстановка в тылу 6-й армии западнее Дона складывалась скверная. Не лучшим образом обстояли дела и по юго-западному флангу. 6. 6-я армия в котле "Унесите, к черту, отсюда ноги!" - "Мой фюрер, я прошу свободы действий" - Геринг и снабжение по воздуху - Верховное командование сухопутных войск отправляет в котел своего представителя - Генерал фон Зейдлиц призывает к неповиновению - Манштейн принимает командование - Венк спасает ситуацию на Чире.

Небо покрывала обложная облачность, метель мела по степи, слепя глаза солдат наземной и воздушной разведок и делая невозможным применение самолетов штурмовой авиации и пикирующих бомбардировщиков "Штука". Вновь погода встала на сторону Сталина. Решаясь на отчаянные операции, Люфтваффе, едва ли способные применить за один раз более двух машин, нанесли удары по остриям наступления противника в областях прорыва. Наскоро сколоченные группы снабжения 6-й армии, подразделения тылового обеспечения, армейские железнодорожные роты, зенитчики и личный состав наземных частей Люфтваффе усердно сооружали первую линию обороны по берегу Чира, с целью, по крайней мере, предупредить разрастание русского прорыва на незанятые территории к юго-западу в направлении Ростова.

Особенно удручающими стали сообщения о том, что передовой аэродром в Калаче захвачен противником, а разведывательные самолеты ближнего радиуса действия из состава 8-го авиакорпуса уничтожены. Севернее Калача 44-я пехотная дивизия все так же располагалась на

удобных позициях к западу от Дона. Безусловно, она была отрезана от своих частей снабжения, и ей приходилось во всем полагаться на себя, тем не менее она служила жизненно важным пунктом кристаллизации сил к западу от реки. Дивизия надеялась на лучшее. Но все это продолжалось недолго.

По приказу группы армий генерал Паулюс приостановил все наступательные действия в Сталинграде с вечера 19 ноября. До цели оставалось всего несколько сотен метров. Из частей трех танковых дивизий 14, 16 и 24-й - были сформированы боевые группы, которые сняли с фронта и отправили на Дон против наступавшего с северо-запада противника.

Но ввиду стремительного развития событий в районе прорыва эти незначительные по численности силы не могли оказать решительного влияния на ситуацию.

22 ноября в 14.00 Паулюс и Шмидт полетели в Гумрак, в котел, над занятыми врагом территориями. Новый штаб армии располагался примерно в двух километрах к западу от небольшой железнодорожной станции.

С наступлением ночи 22 ноября северный клин советского наступления достиг высот у Дона и внезапным броском овладел мостом в Калаче. Аналогичным образом и южная атакующая группа находилась возле города. 23 ноября Калач пал. Ловушка за 6-й армией захлопнулась.

Что же теперь делать?

Вопрос этот тысячу раз задавался в многотомных трудах, посвященных Сталинградской битве, на него давали множество противоречащих друг другу ответов. Хорошо известно, что после того как отгремели бои, разве только ленивый кадет из военного училища не расскажет, что следовало сделать для того, чтобы выиграть сражение. Что интересует военного историка, это каким образом и почему были совершены те или иные ошибки, где допущен просчет, который привел в результате к трагедии. В конце концов все битвы проигрываются из-за ошибок и просчетов. Цепь ошибок и просчетов, вследствие которых 6-я армия очутилась в котле, берет свое начало не в ноябре. Нельзя поставить их в вину Паулюсу, потому что они стали естественным порождением директив и приказов, отданных самыми высшими немецкими командующими еще в конце лета.

Вероятно, правильно сказать, что время между 19 и 22 ноября предоставляло последний шанс исправить ошибки. Германскому Верховному командованию следовало бы осознать 19 ноября масштабы угрожавшей армии опасности и спасти ситуацию, приказав ей прекратить попытки овладения берегом Волги и оставить Сталинград. Совершить такой шаг командование 6-й армии по собственному почину не могло. Генерал Паулюс не имел перед собой картины достаточно ясной для принятия самостоятельно столь далеко идущего решения о поспешном отступлении 6-й армии со своих позиций - решения, которое, возможно, поставило бы под угрозу весь южный фронт. Кроме того, трезвый взгляд на обстановку убеждает наблюдателя признать тот факт, что 19, 20 и даже 22 ноября катастрофа еще не была неминуемой. Это становится ясным из внимательного изучения положения дел. В высшем штабном училище I военного округа в Кенигсберге в Восточной Пруссии Артур Шмидт и Вольфганг Пикерт оба были учениками позднее ставшего генералом Освальда - эксперта в области военной тактики. Учащиеся называли его "Южный крест". Любимый его ход состоял в том, чтобы, быстро обрисовав ситуацию, сказать классу: "Господа, у вас десять минут, потом я хотел бы услышать от вас решение с кратким обоснованием". Этого выражения не мог забыть никто из тех, кто учился у Освальда.

Когда генерал Пикерт, командир 9-й дивизии ПВО, 22 ноября прибыл в Нижне-Чирскую, там старый товарищ Артур Шмидт встретил его коронной фразой Освальда:

– Пикерт - решение с кратким обоснованием.

Пикерт ответил, не раздумывая:

– Унесите, к черту, отсюда ноги!

Шмидт кивнул:

– Это как раз то, что мы хотели бы сделать, но... - Затем начальник штаба Паулюса объяснил старому другу официальную точку зрения армии: нет никаких причин для принятия панических мер; не существует пока ничего такого, что бы оправдало отдельные независимые решения, идущие вразрез с ситуацией в целом. Главное состоит в том, чтобы прикрыть тыл армии. Поспешное отступление с безопасных позиций в Сталинграде может повлечь за собой катастрофические последствия. Справедливость подобных суждений выявилась только несколько дней спустя.

Но 22 ноября, когда происходил тот разговор, Шмидт не мог еще знать о решении Гитлера оставить армию в Сталинграде. Следовательно, в период, когда состоялась та беседа с Пикертом в Нижне-Чирской, сделать можно было только две вещи: обезопасить угрожаемый тыл армии - т.е. образовать плотный фронт на западе и на юге, - а затем приготовиться к прорыву в юго-западном направлении. Более всего для реализации данной программы требовалось горючее - горючее для танков и тягачей артиллерийских орудий, - доставку которого предстояло обеспечить силами Люфтваффе.

Это мнение вполне совпадало с замыслом командования группы армий Вейхса, который 21 ноября издал приказ удерживать Сталинград и Волжский фронт "в любых обстоятельствах" и вести подготовку к прорыву. Но Пикерт, сомневавшийся в способности Люфтваффе осуществлять снабжение армии даже на протяжении короткого периода, настаивал на как можно более раннем прорыве. Шмидт указывал на то, что нельзя бросить части 14 и 11-го корпусов, все еще находившиеся на западном берегу Дона, и 10 000 раненых.

– Это будет отступлением, подобным наполеоновскому, - сказал он.

Тот факт, что Паулюс и Шмидт твердо решили после соответствующих приготовлений идти на прорыв, доказывают события следующих нескольких часов. Во второй половине дня 22 ноября Паулюс получил по радию через группу армий от Главного командования сухопутных войск приказ: "Держаться и ждать дальнейших приказаний". Совершенно очевидно, приказ служил предостережением против излишне поспешного отступления. Паулюс тем временем составил четкую картину происходящего на юго-западном фланге, где советские войска действовали силами примерно ста танков, и в 19.00 послал в группу армий "В" радиogramму, в которой содержались следующие слова:

"Южный фронт все еще открыт к востоку от Дона. Дон замерз, и по нему можно переправляться. Горючее на исходе. Танки и прочее тяжелое вооружение теряют возможность передвигаться. Боеприпасы кончаются. Продовольствия хватит на шесть дней. Армия намерена удерживать оставшиеся под ее контролем части района Сталинграда вплоть до обоих берегов Дона и принимает ряд соответствующих мер. Для этого необходимо успешно закрыть бреши в южном фронте и осуществлять снабжение по воздуху в достаточных объемах. Прошу свободы действий на тот случай, если попытка занять круговую оборону на юге потерпит неудачу. Ситуация может потребовать оставления Сталинграда и отвода войск с северного фронта, с тем чтобы разгромить врага всеми силами на южном фронте между Доном и Волгой и восстановить связь с румынской 4-й армией..." Данное сообщение не оставляет сомнений в намерениях Паулюса. Он тщательно разработал план, предусматривавший все возможные варианты развития событий. Он намеревался занять оборону, но также просил свободы действий - т.е. разрешения на быстрое отступление, если того потребует ситуация.

В 22.00 пришло личное сообщение от Гитлера. Он отказывал Паулюсу в свободе действий и приказывал армии оставаться на месте. "6-я армия должна знать, - говорилось в сообщении, -

что я делаю все для того, чтобы помочь ей. Я буду отдавать приказы своевременно".

Итак, Гитлер строго запретил любые попытки прорыва из котла. Паулюс отреагировал немедленно. В 11.45 23 ноября он радировал в группу армий: "Я полагаю, что прорыв в юго-западном направлении к востоку от Дона за счет переброски 11 и 14-го армейских корпусов через Дон в настоящий момент возможным, хотя материальной частью придется пожертвовать".

Вейхс поддержал его настойчивую просьбу в телетайпном сообщении в адрес Главного командования сухопутных войск, подчеркнув: "Адекватное снабжение по воздуху невозможно".

В 23.45 23 ноября Паулюс, обдумав все как следует и обсудив положение со старшими командирами армии, послал радиogramму непосредственно Гитлеру, уговаривая его санкционировать попытку прорыва. Он упирал на то, что все командиры корпусов разделяют его мнение. "Мой фюрер, - радировал Паулюс, с момента прибытия вашего приказа вечером 22.11 произошло серьезное ухудшение ситуации. Блокировать бреши на юго-западе и западе не удалось. Прорыв противника на данных участках неминуем. Боеприпасы и горючее почти закончились. Многие батареи и противотанковые части сидят без снарядов. Не может быть и речи о своевременных и достаточных поставках всего необходимого. В самом ближайшем будущем армии грозит уничтожение, если не нанести решительного поражения атакующему с юга и запада противнику за счет сосредоточения всех сил. Для этого необходимо снять все дивизии с позиций в Сталинграде и соединения с северного фронта. Неминуемым последствием данного шага будет прорыв на юго-запад, поскольку не останется возможности удерживать оборону на оголенных таким образом восточном и северном фронтах. Конечно, мы потеряем большое количество техники, но главные силы армии - ее солдаты - будут спасены. Я по-прежнему готов принять полную ответственность за сделанное мной заключение, хотя и хочу отметить, что генералы Гейтц, фон Зейдлиц, Штеркер, Хубе и Енеке разделяют мою оценку ситуации. Ввиду сложившихся обстоятельств я вновь прошу о предоставлении мне свободы действий".

Ответ Гитлера пришел в 08.38 24 ноября в радиogramме под заголовком "декрет фюрера" - самая высшая и самая категоричная форма приказа. Гитлер отдал категоричные распоряжения относительно создания линий обороны в котле и отводе через Дон в котел всех частей армии, еще остававшихся к западу от реки. Заканчивалась директива следующими словами: "Любой ценой удержать ныне существующий волжский фронт и ныне существующий северный фронт. Снабжение будет осуществляться по воздуху".

Теперь приказ высшего начальства буквально приковал 6-ю армию к Сталинграду, несмотря на то что командование группы армий, армии и командование Люфтваффе на месте сомневались в реальной возможности обеспечения снабжения воздушным путем. Как могло такое случиться?

Повсеместно признано, что Геринг лично гарантировал снабжение армии по воздуху и таким образом стал ответственным за катастрофическое решение Гитлера. Но исторические факты не во всем оправдывают такую точку зрения.

Вопреки всем легендам, судьбоносный разговор с Гитлером в Бергхофе в Берхтесгадене вел не Геринг, а его начальник штаба, Йешоннек, трезвый и разумный человек. Он довел до сведения Гитлера положительный ответ Геринга на вопрос относительно возможности снабжения 6-й армии по воздуху, но увязал это с рядом условий, таких, как наличие необходимого количества прифронтовых аэродромов и летная погода.

Считать согласие командующего Люфтваффе на снабжение армии по воздуху единственной причиной, заставившей Гитлера совершить ложный шаг, значит переваливать ответственность с Гитлера на Геринга - т.е. на Люфтваффе. Гитлер очень спешил ухватиться за соломинку Геринга, потому что не хотел отдавать Сталинград. Он все еще надеялся, что можно нанести

смертельный удар русским, захватив у них побольше территории.

Никаких отступлений, во что бы то ни стало. Он заставлял своих генералов вспомнить зиму 1941 г. под Москвой, когда его бескомпромиссный приказ спас от уничтожения группу армий "Центр". Он забывал при этом, что верное решение в случае с Москвой зимой 1941 г. совершенно не обязательно будет верным зимой 1942 г. на Волге. Держаться и не сдавать ни метра земли ни в коем случае не может быть панацеей.

Кроме того, не было стратегической необходимости цепляться за Сталинград, рискуя оставить в окружении целую армию. Настоящая задача 6-й армии заключалась в том, чтобы прикрывать фланг и тыл операции на Кавказе. По крайней мере, так она была четко и недвусмысленно изложена в плане операции "Блау". Выполнение данной задачи не требовало обязательного захвата Сталинграда - армия могла бы, например, занять позиции на Дону.

Выступая перед офицерами немецкого Бундесвера, генерал-полковник Гот так сформулировал этот важнейший аспект проблемы Сталинграда:

"Из директивы № 41 следует, что главная цель кампании лета 1942 г. заключалась не в захвате Сталинграда, но в овладении Кавказом с его нефтяными месторождениями. Этот район имел действительно жизненно важное значение для возможности противника продолжать войну, кроме того, германское командование остро нуждалось в нем с экономической и политической точки зрения. В конце июля 1942 г., когда головные части двух немецких групп армий приближались к Нижнему Дону ранее, чем ожидалось, в то время как армии русского Юго-Западного фронта в беспорядке откатывались через Средний Дон, Гитлер 23 июля приказал продолжать операцию в южном направлении, на Кавказ, силами группы армий "А", которая для этой цели располагала четырьмя армиями. Только 6-я армия продолжала действовать против Сталинграда. Начальник Генерального штаба сухопутных войск, который с самого начала возражал против далеко идущих задач операции на Кавказе, считал необходимым выявить сосредоточения вражеских войск в районе Сталинграда и разгромить их до перехода гор Кавказа. Поэтому он настаивал на усилении 6-й армии за счет придания ей двух танковых дивизий, которые и были переведены в ее состав из 4-й танковой армии. Вскоре после этого группа армий "А", хотя и оставаясь на главном участке кампании, была лишена 4-й танковой армии и румынской 3-й армии, обе из которых были переброшены на Дон и вошли в состав группы армий "В". Фокус кампании, таким образом, сместился на захват Сталинграда. Ослабленная же группа армий "А" остановила свое продвижение на Северном Кавказе".

В тот момент действия 6-й армии в Сталинграде потеряли все свое стратегическое значение. Согласно законам стратегии, теперь армию следовало отвести с выступающих далеко вперед на восток позиций, чтобы избежать вполне ожидаемого вражеского контрудара и получить резервы. 12 сентября Паулюс лично вылетел в ставку фюрера и попытался уговорить Гитлера принять разумное решение. Но все тщетно. Гитлер оставался непреклонным. Он продолжал пребывать в плену уверенности, порожденной злополучными докладами отдела иностранных армий Востока генштаба относительно отсутствия у русских сколь-либо значительных резервов на Восточном фронте.

Гитлер упорно настаивал на овладении Сталинградом, и ослабленная 6-я армия вгрызалась в город зубами. Чем дальше продолжалась битва, тем больше вопрос захвата последних производств и последних сотен метров земли на берегу реки превращался для Гитлера в вопрос престижа, особенно в свете неудач в Африке и на Кавказе; он считал, что теперь ни в коем случае не может отдать Сталинград. Престиж, а не соображения стратегического порядка, диктовал необходимость овладения оставшимися развалинами города.

Это мнение разделяли и в группе армий Вейхса, начальник штаба которого, генерал фон Зоденштерн, сказал:

"Сталинград был взят и разрушен как центр производства вооружений; движение судов по Волге - перерезано. Несколько технических плацдармов, которыми противник располагал в городе, не являлись объектами, ради овладения которыми следовало задействовать главные силы немецких войск. Командование группы армий считало жизненно необходимым как можно скорее отвести части на подходящие зимние позиции, пополнить подвижные формирования и вдобавок сделать их пригодными для ведения маневренной войны в зимних условиях, оно было чрезвычайно озабочено созданием необходимых тактических резервов в тылу у ключевых точек оборонительной линии, а в особенности трех армий союзников Германии на Дону. Черпать подобные резервы мы могли только из состава 6-й армии. Поэтому в конце сентября или в начале октября, как только мы поняли, что взять Сталинград первым приступом невозможно, командование группы армий "В" предложило вообще приостановить наступление на Сталинград. Мы также просили разрешения ликвидировать сталинградский выступ фронта и, вместо того чтобы действовать по этой дуге, занять позиции по хорде, прикрыв район между Волгой и Доном. Левый фланг 4-й танковой армии надлежало бы выгнуть в обратную сторону юго-западнее Сталинграда и образовать новую линию на северо-западе в направлении Дона. Начальник Главного штаба сухопутных войск выражал свое согласие, но ему не удалось добиться одобрения этого предложения у Гитлера".

Вот подоплека катастрофического приказа Гитлера, отданного Паулюсу 24 ноября и диктовавшего неперемное выполнение двух пунктов: держаться и ждать снабжения по воздуху. Обещание Геринга лишь давало Гитлеру аргумент против точки зрения генералов, но не оно стало определяющим мотивом при отдавании судьбоносного приказа. Решение было продиктовано не высокомерием одного из паладинов Гитлера, но его собственными устремлениями. Катастрофа под Сталинградом являлась плодом его стратегического мышления, продуктом войны, изначально представлявшей собой гигантскую авантюру, основанную на принципе "пан или пропал".

Теперь нередко можно услышать мнение, что, поскольку приказ Гитлера держаться любой ценой в сочетании с обещанием организовать снабжение по воздуху являлся, вне сомнения, смертным приговором армии, Паулюс не должен был подчиняться ему.

Но как мог Паулюс и ближайшие его помощники в Гумраке судить о стратегических соображениях, двигавших Верховным командованием? Кроме того, разве прошедшей зимой 100 000 человек не сидели в окружении в Демянском котле два с половиной месяца, получая снабжение только по воздуху, и разве в конечном итоге им не помогли вырваться оттуда? И разве не держалась 9-я армия Моделя в Ржевском котле, в соответствии с приказом? А как же Холм? Или Сухиничи?

В оперативном центре управления окруженной 6-й армии начиная с 25 ноября и далее находился человек, наблюдения и выводы которого относительно событий Сталинградской битвы до сих пор не получили должного внимания. Это Кёлестин фон Цитцевитц, в настоящее время ганноверский бизнесмен, тогда же - штабной майор в Главном командовании сухопутных войск. 23 ноября его с отделением связи направил в Сталинград начальник Генерального штаба генерал Цайтцлер как своего личного представителя с приказом ежедневно докладывать в Главное командование сухопутных войск об обстановке в 6-й армии. Цитцевитца вызвали к Цейтцлеру в 08.30 23 ноября и сообщили о предстоящем поручении.

То, как Цитцевитц получал свое задание от начальника Генерального штаба, проливает свет на то, как оценивали ситуацию в Главном командовании сухопутных войск. Вот что рассказывает Цитцевитц:

"Без лишних слов генерал подошел к расстеленной на столе карте: "6-я армия окружена начиная с этого утра. Сегодня вы вылетите в Сталинград с отделением из состава полка

оперативной связи. Я хочу, чтобы вы обо всем докладывали напрямую мне, как можно более полно и как можно скорее. У вас не будет никаких оперативных полномочий. Мы не обеспокоены: генерал Паулюс прекрасно со всем справляется. Вопросы есть?" - "Нет, господин генерал". "Скажите генералу Паулюсу, что необходимо сделать все, чтобы восстановить связь (с остальными войсками группы армий). Благодарю вас". Затем я отправился выполнять задание".

24 ноября майор фон Цитцевитц с отделением связи - один унтер-офицер и шесть солдат - вылетел из Лётцена через Харьков и Морозовск в котел. Какие же суждения он там услышал?

Цитцевитц говорит: "Естественно, первым делом генерал Паулюс поинтересовался, как Главное командование сухопутных войск собирается помогать 6-й армии выходить из окружения. Ответить на этот вопрос я не мог. Он сказал, что более всего его волнуют проблемы снабжения. Прежде еще никто не осуществлял снабжение целой армии по воздуху. Он уведомил группу армий и Главное командование сухопутных войск, что для выживания и поддержания в боевом состоянии частей ему потребуется на первое время 300 т грузов в день, а позднее - 500 т. Это ему пообещали.

Требование командующего показалось мне совершенно резонным: армия могла держаться только при условии получения всего необходимого, прежде всего горючего, боеприпасов и продовольствия, и при том, что помощь извне можно будет ожидать в обозримом будущем. Теперь Главное командование должно было провести необходимую штабную работу, спланировать доставку снабжения и разработать схему выхода армии из окружения, после чего отдать соответствующие приказы.

Лично Паулюс считал отступление 6-й армии необходимым на фоне общей картины происходящего. Он постоянно подчеркивал, что 6-ю армию с большей пользой можно задействовать по прорванному фронту между Воронежем и Ростовом, чем в районе Сталинграда. Более того, можно было бы высвободить железнодорожные службы и Люфтваффе, а также всю снабженческую машину и использовать их для решения задач, служащих на пользу общей обстановки.

Однако самостоятельно подобного решения он принять не мог. Как не мог он предвидеть, что его требования, касавшиеся снабжения и помощи в снятии кольца, не будут выполнены, поскольку для этого у него отсутствовала необходимая информация. Командующий обсуждал все соображения со своими генералами - все они, как и он, выступали за попытку прорыва - и затем отдавал им приказы о ведении оборонительных действий".

Что еще мог сделать Паулюс - военный, прошедший типичную школу германского Генштаба? Райхенау, Гудериан или Гёпнер, возможно, повели бы себя по-другому. Но Паулюс не был бунтарем, он был чистой воды стратегом.

В Сталинграде находился один генерал, мнение которого диаметрально противоположным образом отличалось от точки зрения Паулюса и который не желал принимать ситуацию, создавшуюся в результате приказа фюрера, - генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах, командир 51-го корпуса. Он убеждал Паулюса не подчиняться приказу фюрера и требовал на свой страх и риск осуществить прорыв из котла.

В служебной записке от 25 ноября, направленной командующему 6-й армией, он изложил доводы и соображения, которые столь жарко отстаивал на совещании в присутствии всех старших командиров 23 ноября, хотя и не был тогда услышанным. Смысл того, в чем он убеждал всех: необходим немедленный прорыв.

Записка начиналась следующими словами: "Перед армией стоит ясная альтернатива: прорыв на юго-запад на генеральном направлении к Котельникову или уничтожение в течение нескольких дней".

Основные доводы служебной записки относительно необходимости прорыва не отличались

от точек зрения других старших командиров 6-й армии и от мнения, которого придерживался сам Паулюс. Точным анализом обстановки, сделанным полковником Клаузиусом, блестящим начальником штаба 51-го армейского корпуса, озвучивалось мнение всех штабных офицеров во всех частях и соединениях, находившихся в котле.

Зейдлиц предлагал создать ударные группы за счет оголения северного и волжского фронтов, чтобы группы эти атаковали по южному фронту, Сталинград был бы оставлен, а прорыв осуществлялся бы в направлении наименьшего противодействия - т.е. к Котельникову.

В служебной записке говорилось:

"Решение предполагает оставление значительного количества техники, но, с другой стороны, принятие его дает возможность разгромить южный клин наступления противника, спасти значительную часть армии и ее снаряжения от гибели и сохранить все это для продолжения боевых действий. Таким образом, определенная часть вражеских войск окажется связана боями, в то время как, если армия будет уничтожаться на статичных позициях, количество связанных ею войск противника окажется меньше. Внешне, подавая подобную акцию, морального ущерба можно будет избежать: после полного разрушения центра производства вооружений противника, Сталинграда, армия уходит с Волги, в процессе своего отхода грома сосредоточения вражеских войск. Перспективы успеха прорыва тем более высоки, что, как показали последние боевые соприкосновения с противником, его пехота не обладает значительным запасом стойкости на открытой местности". Все вышеприведенные доводы были верными, убедительными и логичными. Под этим может подписаться любой штабной офицер. Проблема заключалась в последнем абзаце служебной записки. Вот что там говорилось: "Если Главное командование сухопутных войск немедленно не отменит своего приказа удерживать оборонительные позиции, нашим долгом перед нашей совестью, нашим долгом перед армией и перед немецким народом неизбежно становится насильственное принятие на себя свободы действий, чтобы использовать существующую в данный момент возможность отвлечь катастрофу через самостоятельный переход в атаку. На карту поставлена судьба 200 000 солдат и офицеров и всего снаряжения армии, которых в противном случае ждет гибель. Выбора у нас нет". Этот весьма эмоциональный призыв к неповиновению не мог убедить Паулюса - холодного штабиста. Как не пришелся подобный клич по нутру другим командирам корпусов. Кроме того, несколько излишне цветистые выражения, к тому же не вполне соответствующие действительности, не произвели ожидаемого впечатления на Паулюса. "Уничтожение армии в течение нескольких дней" - это являлось безбожным преувеличением. К тому же довод Зейдлица относительно снабжения тоже был неверным. Зейдлиц утверждал: "Даже если 500 самолетов будут приземляться ежедневно, они смогут доставить не более 1000 тонн грузов, а этого количества недостаточно для удовлетворения нужд армии, насчитывающей в своем составе около 200 000 человек, вынужденной вести крупномасштабные боевые действия и не располагающей никакими складами".

Если бы армия в действительности получала 1000 тонн грузов в день, тогда бы она, вероятно, смогла продержаться и выйти из котла.

Тем не менее служебную записку Паулюс в группу армий отправил. Он добавил к этому, что оценка оперативной ситуации совпадает здесь с его собственной, а потому в очередной раз попросил развязать ему руки на случай, если прорыв станет необходимым. Вместе с тем идею прорыва без приказа группы армий и ставки фюрера он отверг. Генерал-полковник фрайгерр фон Вейхс передал документ генералу Цайтцлеру, начальнику Генерального штаба.

Разрешения на прорыв Паулюс не получил. Так, может, прав был Зейдлиц, настаивая на неподчинении? Оставляя в стороне моральные и психологические аспекты этого дела, зададимся вопросом: а чем обернулось бы преднамеренное неподчинение на практике?

Как поступил Хрущев, когда генерал Лопатин собирался вывести 62-ю армию из Сталинграда в начале сентября, памятуя о понесенных потерях и не предвидя ничего, кроме окончательной гибели соединения? Хрущев отстранил Лопатина прежде, чем тот успел приступить к осуществлению своего намерения.

Так же и Паулюс едва ли сумел бы зайти далеко в своем отказе от подчинения Гитлеру. Было бы заблуждением считать, что в век раций и телетайпов, ультракоротковолновых передатчиков и курьерских самолетов какой-то генерал мог бы действовать как комендант крепости в эпоху Фридриха Великого, принимая решения, противоречащие воле верховного главнокомандующего, при неспособности высшей власти что-либо с ним поделаться. Не прошло бы и часа после того, как намерения его открылись, Паулюса уже отстранили бы от командования. Его освободили бы от всех постов и полномочий и отправили бы в отставку.

И в самом деле, личный пример Зейдлица показывает, как надежно и как быстро срабатывала связь между Сталинградом и ставкой фюрера в Вольфшанце, расположенной за тысячи километров от Волги. Более того, инцидент наглядно иллюстрирует опасность, таившуюся в поспешном отступлении с безопасных позиций на Волге.

В ночь с 23 на 24 ноября - т.е. перед вручением служебной записки генерал Зейдлиц отвел назад левый фланг своего корпуса на волжском фронте котла, в нарушение четкого приказа. Зейдлиц рассчитывал таким шагом подать сигнал к прорыву - вставить запал в генеральное отступление из Сталинграда. Он намеревался подтолкнуть Паулюса к действию.

94-я пехотная дивизия, которая дислоцировалась на выгодных позициях и еще не утратила контакта со своим тылом, отошла с фронта в соответствии с приказом Зейдлица. Все громоздкое и тяжелое снаряжение солдаты вывели из строя или сожгли: бумаги, дневники, летнее обмундирование - все летело в костры. Затем личный состав покинул свои бункеры и блиндажи и отошел в направлении северной городской окраины. Окопчики в снегу и обледеневшие овраги стали для войск заменой теплым квартирам, которые они покинули: вот в таком положении очутился авангард предполагаемого прорыва. Но вместо того чтобы стать затравкой грандиозной авантюры, дивизия неожиданного оказалась вынуждена отбивать атаки немедленно начавших преследовать ее советских полков. Она была смята и раздавлена. 94-я пехотная дивизия перестала существовать.

Такие последствия возымело спонтанное отступление с целью перехода в прорыв. Но что особенно важно, это то, что прежде, чем в штабе 6-й армии узнали о случившемся на левом фланге, Гитлера уже обо всем поставили в известность. Отделение связи Люфтваффе в районе, где разыгралась катастрофа, доложило офицеру связи Люфтваффе в ставке фюрера. Несколькими часами спустя Гитлер послал по рации запрос в группу армий:

– Требую немедленно доложить, почему отводите части с фронта на севере Сталинграда.

Паулюс все выяснил, установил, что произошло, и оставил запрос ставки фюрера без ответа, не выдав Зейдлица Гитлеру. Таким образом, Гитлера не информировали о подоплеке дела, и он не знал, что виновником катастрофы стал Зейдлиц. Своим молчанием Паулюс принял ответственность на себя. Многие ли командующие отреагировали бы таким образом на вопиющий факт нарушения воинской дисциплины? Реакция же Гитлера, однако, стала ударом по Паулюсу. Гитлер высоко ценил Зейдлица со времен снятия кольца блокады с запертых в Демянском котле немецких частей, а теперь считал его самым надежным человеком в котле Сталинградском. Фюрер был уверен, что сокращение фронта дело рук Паулюса. Поэтому он, радиogramмой 24 ноября в 21.24., приказал передать ответственность за северную часть района Сталинграда "в подчинение одному воинскому начальнику", который бы лично отвечал перед ним за этот участок и безоговорочно выполнял приказ держаться любой ценой.

И кого же назначил Гитлер? Он назначил генерала фон Зейдлиц-Курцбаха. В соответствии

с любимым им принципом "разделяй и властвуй", Гитлер решил поставить рядом с Паулюсом второго начальника, сделав его кем-то вроде надзирателя, который бы подталкивал первого к решительным действиям. Когда Паулюс лично вручил радиogramму фюрера Зейдлицу и спросил его: "И что же вы намерены делать теперь?", Зейдлиц ответил: "Думаю, делать мне нечего, только подчиняться".

Во время плена и после освобождения генерал Паулюс не раз вспоминал тот разговор с Зейдлицем. Генерал Раске, командир немецкого контингента в центре Сталинграда, привел слова генерала Паулюса, которые тот говорил Зейдлицу еще до пленения: "Если мне придется теперь сложить с себя командование 6-й армией, нет сомнения, что вы, будучи *persona grata* у фюрера, будете назначены на мое место. Я хочу спросить вас, станете ли вы тогда осуществлять прорыв вопреки приказам фюрера?" После некоторых колебаний Зейдлиц, как говорит Раске, ответил: "Нет, я буду держать оборону".

Странноватое заявление ввиду служебной записки Зейдлица, но слова его подтверждены свидетелями. И офицеры, хорошо знавшие Зейдлица, не считают это невозможным. "Я буду держать оборону". Вот именно этим Паулюс и занимался. Как и Чуйков по ту сторону линии фронта, Паулюс со своим штабом тоже жил под землей. Штаб-квартира армии размещалась в двенадцати глубоких земляных бункерах в шести километрах от Сталинграда, неподалеку от железнодорожной станции Гумрак. Площадь бункера генерал-полковника Паулюса составляла четыре на четыре метра. Двухметровая крыша из промерзшей до состояния окаменелости земли служила надежным укрытием от снарядов артиллерии среднего калибра. Внутри землянки отделялись досками и любым другим подходящим материалом, который оказывался под рукой. Кустарно сложенные печи согревали помещения, если у истопников хватало дров, которые приходилось доставлять из центра Сталинграда. Входы завешивались одеялами, чтобы туда не задувал ветер и чтобы не утекало драгоценное тепло. Транспортные средства парковались на некотором расстоянии от бункеров, так что с воздуха наблюдатель не мог заметить внизу ничего особенного. Степь и степь, только иногда то тут, то там покажется дымок, поднимающийся от покрытого снегом холмика.

В тот полный событиями день 24 ноября, вскоре после 19.00, офицер связи лейтенант Шетц вошел в бункер генерала Шмидта с только что расшифрованной радиogramмой из группы армий. Надпись гласила: "Совершенно секретно - только для сведения командующего". В сообщении говорилось: "Принимаю командование группой армий "Дон" 26.11. Мы сделаем все, чтобы вытащить вас. Пока армия должна держаться на позициях у Волги и на северных фронтах, в соответствии с приказом фюрера, и иметь наготове мощные силы с целью, как можно скорее, пусть даже временно, пробить путь для снабжения на юго-запад". Радиogramма была подписана "Манштейн". Паулюс и Шмидт вздохнули с облегчением.

Перед генерал-фельдмаршалом стояла нелегкая задача. Он принимал командование, не имея при себе свежих войск, получая в наследство окруженную 6-ю армию, разгромленную румынскую 3-ю армию, армейскую боевую группу Холлидта, состоявшую из сколоченных в единое целое на Чире разрозненных частей, и вновь сформированную армейскую боевую группу Гота.

Штаб вновь созданной группы армий "Дон", под управление которого перешла и армия Паулюса, располагался в Новочеркасске. Манштейн прибыл туда утром 27 ноября и тут же принял командование.

Несмотря на все сложности, план Манштейна казался смелым и многообещающим. Он намеревался провести фронтальную атаку с запада, с Чира, силами боевой группы генерала Холлидта, прямо на Калач, в то время как боевой группе Гота предстояло прорвать советское кольцо с юго-запада, из района Котельникова.

Чтобы представить себе общую картину, надо бросить взгляд назад, на ситуацию на Чире и под Котельниковом - на двух главных участках исходной позиции немецкого деблокирующего удара.

Вопреки всем ожиданиям, ситуация между Доном и Чиром стабилизировалась. Произошло это в значительной степени благодаря усилиям одного человека, с которым мы уже прежде встречались, - полковника Венка, 19 ноября все еще начальника штаба 57-го танкового корпуса, который вел тяжелые бои за Туапсе на Кавказском фронте. 21 ноября Венк получил приказ Главного командования сухопутных войск немедленно вылететь специально предоставленным Люфтваффе самолетом в Морозовск, с тем чтобы занять пост начальника штаба румынской 3-й армии.

Тем же вечером Венк прибыл в расположение сильно потрепанной румынской 3-й армии. Вот что он рассказывает: "Я доложил о своем прибытии генерал-полковнику Думитреску. С помощью переводчика, лейтенанта Иванзена, меня ознакомили с обстановкой. Она выглядела совершенно безнадежной. На следующее утро я на "Физелер Шторхе" вылетел на фронт в излучину Чира. От румынских частей там мало что осталось. Где-то западнее Клетской, на Дону, все еще держались части храброй группы Ласкария. Остальные наши союзники улепетывали без оглядки. С имевшимися в нашем распоряжении средствами остановить отступление мы не могли. Поэтому мне пришлось полагаться на остатки 48-го танкового корпуса, на части Люфтваффе, на тыловые подразделения 6-й армии, которые сколачивали в боевые группы энергичные офицеры, и на солдат 6-й армии и 4-й танковой армии, постепенно возвращавшихся из отпусков. Сначала войска по дуге Дон-Чир на участке в несколько сот километров состояли только из групп генерал-лейтенанта Шпанга, полковника Штабеля, капитана Зауэрбруха и полковника Адама, из собранных где попало сводных формирований, сколоченных из тыловых служб и ремонтников 6-й армии, а также из танковых экипажей и танковых рот без танков, из саперов и военнослужащих частей ПВО. К ним позднее добавились главные силы 48-го танкового корпуса, которые пробились на юго-запад 26 ноября. Но я не мог установить контакта с танковым корпусом генерал-лейтенанта Гейма до тех пор, пока 22-я танковая дивизия из этого корпуса не проложила себе путь к южному берегу Чира. Поначалу мы подчинялись командованию группы армий "В" генерал-полковника фрайгерра фон Вейкса. Однако я часто получал приказы и распоряжения напрямую от генерала Цайтцлера, начальника главного штаба сухопутных войск, поскольку у группы армий Вейкса хватало своих забот, к тому же там, по всей видимости, все равно не могли составить детальную картину происходившего на моем участке.

Первой моей задачей было поставить обороняющиеся части под командование энергичных офицеров, которым предстояло удерживать протяженный фронт по Дону и Чире по обеим сторонам от уже существовавших боевых групп Адама, Штабеля и Шпанга, во взаимодействии с формированиями 8-го авиакорпуса Люфтваффе - по крайней мере, в плане разведки. Что до моего штаба, офицеры буквально жили на дороге, как и мотоциклисты, водители штабных машин и операторы средств связи, - короче говоря, все те, без кого невозможно руководство даже самым маленьким штабом. Старые унтер-офицеры, обладавшие опытом участия в боевых действиях на Восточном фронте, оказались совершенно незаменимыми: они быстро адаптировались и справлялись с любым заданием.

Я не располагал собственными линиями связи. К счастью, я мог пользоваться связью в районе снабжения 6-й армии, а также сетью Люфтваффе. Только после бесчисленного множества бесед, которые я провел благодаря этим каналам, мне постепенно удалось представить себе картину происходящего на нашем участке, где действовали немецкие обороняющиеся части и где еще попадались румынские части. Я сам с несколькими

сопровождающими выезжал на места, чтобы получить личное впечатление и тут же принять необходимое решение - где лучше избрать тактику гибкой обороны, а где стоять насмерть.

Единственными резервами, которые мы могли почерпнуть на нашем участке района прорыва, являлись потоки возвращавшихся из отпусков солдат. Их экипировали тем, что имелось на складах группы армий, в мастерских или просто из "найденного".

Чтобы собрать группы блуждающих, отбившихся от своих частей и потерявших в ходе русского прорыва своих командиров солдат, нам порой приходилось прибегать к самым неожиданным и даже оригинальным мерам.

Вот, например, помню, как пришлось уговаривать командира пропагандистской роты Вермахта в Морозовске организовать показ фильмов на транспортных развязках. Людей, привлеченных таким образом, мы затем собирали, реорганизовывали и заново снаряжали. В большинстве случаев они хорошо себя зарекомендовывали в ходе боев.

В одном случае унтер-офицер полевой контрразведки прибыл ко мне и доложил о том, что обнаружил у обочины дороги брошенный "ничейный топливный склад". Нам горючка была ни к чему, но мы очень нуждались в технике для транспортировки наших вновь сформированных частей. Поэтому я приказал всюду в тыловом районе поставить указатели с надписями "К пункту раздачи топлива". Таким образом, к нам потянулись желавшие заправиться водители на своих грузовиках, штабных машинах и тому подобном автотранспорте. В районе склада их ждали специальные команды, возглавляемые энергичными офицерами. Мы давали всем желающим заправиться, но проверяли, что это за машина и какое задание у водителя. В итоге у нас оказалось множество всякой техники вместе с обслуживающими ее экипажами - людьми, которые просто ехали по дорогам подальше от фронта, - так что наша самая трудная транспортная проблема благополучно разрешилась.

Вот за счет таких хитростей обеспечивались новые формирования. Хотя официально они считались сводными частями, на деле же они представляли собой ядро новой, сформированной позднее 6-й армии. Под руководством опытных офицеров и унтер-офицеров эти части прекрасно показали себя в те критические месяцы. Благодаря храбрости этих собранных с бору по сосенке подразделений удалось спасти ситуацию на Чире, остановить советский прорыв и преградить противнику дорогу к Ростову".

Вот рассказ полковника - впоследствии генерала танковых войск Венка. Прочной скалой в боях на Дону и Чире встала танковая группа 22-й танковой дивизии. Своими молниеносными контратаками в те трудные недели она снискала себе высокую репутацию у пехотинцев, став настоящей легендой. Конечно, через несколько дней в группе осталось только шесть танков, двенадцать бронетранспортеров и одна 88-мм зенитка. Командир группы, полковник фон Оппельн-Брониковский, сидя в своем танке концерна "Шкода", руководил действиями своей части с самой передовой в кавалерийском стиле. Эта танковая группа действовала на Чире как настоящая пожарная команда. Венк бросал ее всюду, где возникала опасная ситуация.

Когда 27 ноября генерал-фельдмаршал фон Манштейн принял командование вновь созданной группой армий "Дон", Венк явился к нему для доклада в Новочеркасск. Манштейн знал полковника. Поэтому приказ командующего звучал лаконично:

– Венк, вы отвечаете мне головой за то, чтобы русские не прорвались к Ростову на участке вашей армии. Фронт на Дону-Чире необходимо удержать. Иначе мы потеряем не только Шестую армию в Сталинграде, но и всю группу армий "А" на Кавказе.

А в группе армий "А" насчитывался миллион человек. Неудивительно поэтому, что в такой ситуации боевые командиры часто прибегали к отчаянным мерам.

Сверх всего прочего, немцам отчаянно не хватало подвижных танковых тактических резервов, чтобы противостоять вражеским танкам, массы которых появлялись повсюду, сея

страх и панику в тыловых районах группы армий. Штаб Венка создал танковую часть из поврежденных танков, потерявших ход штурмовых орудий и бронемашин. Часть эта весьма эффективно действовала в ключевых точках обороны на Дону и Чире.

Конечно, часть приходилось пополнять. Так офицерам Венка пришла в голову мысль "подбирать отдельные танки из числа транспортировавшихся через район их армии в группу армий "А" или в 4-ю танковую армию, снабжать их экипажами из опытных профессионалов своего дела и включать в состав своих танковых рот". Так постепенно Венк собрал "свой собственный танковый батальон". Но однажды, когда начальник его оперативного отдела, подполковник Хорст, докладывая вечером обстановку, по неосторожности упомянул о том, что опасный прорыв противника на Чире удалось ликвидировать силами "нашего танкового батальона", генерал-фельдмаршал и его штаб насторожились. Венка вызвали в штаб-квартиру группы армий.

– Каким это танковым батальоном ваша армия исправила положение? спросил Манштейн. – Согласно нашим сведениям, у вас нет такого батальона.

Ничего не поделаешь - Венку пришлось признаваться. Он доложил о том, как все происходило, и добавил:

– У нас не было иного пути, если мы хотели разрешать все те критические ситуации. Если необходимо, я прошу, чтобы мои действия расследовал военный трибунал.

Пораженный услышанным, генерал-фельдмаршал фон Манштейн только покачал головой. Потом на губах его появилась тень улыбки. Он решил придать весь инцидент забвению, но "умыкание танков" в дальнейшем строго запретил. "Мы передали некоторые из наших машин в распоряжение 6 и 23-й танковых дивизий и отныне и впредь применяли только танковые части не более роты, чтобы не привлекать внимания высшего начальства".

Таким образом широкая брешь, прорванная советским наступлением в немецком фронте в тылу 6-й армии, была заделана - настоящий триумф талантливых военных руководителей. В течение недель рубеж протяженностью 200 километров удерживался формированиями из железнодорожников, личного состава служб труда, строительных подразделений организации Тодта и добровольцев из кавказских и украинских казаков. Нужно также добавить, что многие румынские части, отбившиеся от своих армий, поступили под немецкое командование. Под руководством немцев и сверх того с немецким вооружением и снаряжением они прекрасно сражались, а многие по своему личному почину на долгое время оставались служить в немецких войсковых формированиях.

Первое крупное регулярное соединение, появившееся на чирском фронте, прибыло в конце ноября, когда 17-й армейский корпус генерала пехоты Холлидта проложил себе путь в район боевых действий румынской 3-й армии. Все вздохнули с облегчением.

По предложению Венка, командование группы армий вверило под начало генерала Холлидта весь участок Дон-Чир со всеми сражавшимися там формированиями. Они были сформированы в "Оперативную группу Холлидта". Таким образом, пестрая мешанина частей, известная как "Армия Венка", прекратила свое существование. Она с блеском выполнила свою задачу, по сложности едва ли имевшую себе равную в военной истории.

Кроме всего прочего, своими действиями она заложила основу для второго акта боевых действий на Чире - захвата высот на юго-западном берегу реки, необходимых для любой контратаки. Эту задачу удалось выполнить в начале декабря специально переброшенной в этот район 336-й пехотной дивизии и подтянувшейся вслед за ней 11-й танковой дивизии.

Немцы овладели высотами в ходе ожесточенных боев и отбили все советские атаки. В соответствии с планом Манштейна, позиции на Чире имели жизненно важное значение для освобождения запертых в Сталинграде войск. Для этого наступления генерал-фельдмаршал

использовал армейскую группу Гота из района Котельникова к востоку от Дона. Чирский фронт обеспечивал фланговое и тыловое прикрытие операции по спасению 6-й армии. Более того, как только позволила бы ситуация, 48-й танковый корпус, находившийся теперь под командованием генерала танковых войск фон Кнобельсдорффа, должен был поддержать Гота атакой в северо-восточном направлении силами 11-й танковой, 336-й пехотной дивизий и полевой дивизии Люфтваффе. Трамплином для этой вспомогательной операции предстояло послужить последнему донскому плацдарму 6-й армии в районе Нижне-Чирской, в том самом месте, где Чир впадает в Дон. Там полковник Адам, адъютант генерала Паулюса, держал ключевую точку силами наскоро собранных сводных частей 6-й армии, ведя поистине героические оборонительные бои.

Итак, делалось все необходимое, все, что было в человеческих силах, чтобы военным талантом и беспримерной храбростью исправить ошибки Гитлера и спасти 6-ю армию. 7. Гот начинает операцию по деблокированию "Зимняя гроза" и "Удар грома" - 19 декабря - Еще только 50 километров - Довод в пользу "Удара грома" - Рокоссовский предлагает почетную капитуляцию.

12 декабря Гот начал атаку. Задача, стоявшая перед его опытными, изобретательными и смелыми танковыми командирами, была трудной, но выполнимой.

Обеспечение правого фланга группы Гота осуществлялось, как и оборона на Чире, самыми необычными методами. Полковник Дёрр, возглавлявший немецкий штаб взаимодействия в румынской 4-й армии, создал тонкую линию прикрытия силами сводных частей и надерганных отовсюду где только можно и нельзя "лоскутов" немецких мобильных формирований, действуя методами, похожими на те, к которым прибегал полковник Венк на севере. Боевые группы под командованием майора Зауванта из частей 14-й танковой дивизии и полковника фон Паннвица из казачьих эскадронов, частей ПВО и сводных формирований восстановили некое подобие порядка в отступавших румынских войсках и немецких тыловых службах, на которые перекинулась паника.

16-я моторизованная пехотная дивизия отступила из Калмыцкой степи на заранее подготовленные позиции. По пути на южном фланге ей также удалось предотвратить попытку русских ударить с востока в тыл группы армий "Кавказ" и отрезать ее.

Резонно было предположить, что уж теперь-то Гитлер направит все имеющиеся в его распоряжении войска на деблокировочный рейд Гота, чтобы тот мог осуществить 100-километровый прорыв по вражеской территории с максимальной отвагой и скоростью. Но Гитлер вновь поскупился. За исключением 23-й танковой дивизии, он не снял с Кавказского фронта ни одного войскового формирования. Единственной в полной мере сильной и эффективной частью, приданной группе Гота, являлась переброшенная на Восточный фронт из Франции 6-я танковая дивизия генерала Рауса, насчитывавшая в своем составе 160 танков. Она прибыла 12 декабря с 136 танками. 23-я танковая дивизия прибыла с 96 танками.

Готу предстояло преодолеть сто километров - сто километров территории, удерживаемой крупными силами противника. Но началось все хорошо. Почти без труда 11-й танковый полк 6-й танковой дивизии, которым командовал полковник фон Гюнерсдорф, в первый же день выбил советские части с позиций и заставил их спасаться бегством на восток. Русские оставили южный берег реки Аксай, а подполковник фон Гейдебрек с частями 23-й танковой дивизии создал плацдарм на противоположном берегу.

Советские войска оказались застигнутыми врасплох. Генерал-полковник Еременко позвонил Сталину и с волнением доложил:

– Есть опасность, что Гот может ударить в тыл нашей Пятьдесят седьмой армии, которая держит юго-западный участок Сталинградского кольца. Если одновременно Паулюс атакует

изнутри котла в юго-западном направлении, будет трудно предотвратить его прорыв.

Сталин очень разозлился.

– Вы будете держаться. Мы собираем для вас резервы, - произнес он жестко. - Я посылаю вам Вторую гвардейскую армию - лучшее, что у меня осталось.

Но до прибытия гвардейцев Еременко предстояло выкручиваться самостоятельно. Со своего кольца вокруг Сталинграда он снял 13-й танковый корпус и бросил его наперерез 6-й танковой дивизии Гота. Он рискнул лишить свою группу армий последних резервов и послал против немецкого наступления 235-ю танковую бригаду и 87-ю стрелковую дивизию. Бои за высоты к северу от реки Аксай продолжались в течение пяти дней. К счастью для Гота, 17-я танковая дивизия, на которую в последний момент расщедрился Гитлер, поспела в срок. В результате 19 декабря немцам удалось вытеснить противника с его позиций.

После незабываемого ночного марша, ранним утром 20 декабря танковая группа 6-й танковой дивизии вышла на участок реки Мышкова в районе Васильевки. Но 2-я гвардейская армия Сталина уже находилась там. Несмотря ни на что, частям генерала Рауса удалось создать плацдарм глубиной три километра. Всего от 50 до 55 километров по прямой отделяло острие рейда Гота от передовых постов Сталинградского фронта.

А как тем временем складывалась обстановка в котле? Снабжение 230 000 немецких и союзнических солдат оказалось на поверку болезненным занятием. Скоро выяснилось, что в середине зимы Люфтваффе не в состоянии осуществлять снабжение армии в глубине России по воздуху с временных взлетных полос. Не хватало транспортных самолетов. В качестве таковых задействовались бомбардировщики. Но они не могли нести более полутора тонн грузов. Более того, их снятие с боевых полетов скверно отразилось на всех участках фронта. Вновь обнажилась самая большая проблема кампании: материальные ресурсы Германии не соответствовали потребностям этой войны.

Генерал фон Зейдлиц определил ежедневные потребности в 1000 тонн. Данные, безусловно, завышенные. Командование 6-й армии считало цифру 600 тонн желательной, а 300 тонн - минимальной, при которой армия сохраняла возможность вести боевые действия. Только хлеба зажатом в кольце войскам требовалось сорок тонн в день.

4-й воздушный флот старался доставить в котел эти необходимые 300 тонн в день. Генерал-лейтенант Фибиг, опытный командир 8-го авиакорпуса, получил это нелегкое, но на первый взгляд казавшееся выполнимым задание. Вскоре, однако, грозный враг преградил путь немецким летчикам - холод и плохая погода стали для них более опасными, чем советские истребители или советские средства ПВО. Обледенение, плохая видимость и становившиеся следствием этого катастрофы пополняли лист немецких потерь куда более заметно, чем действия противника. Несмотря ни на что, экипажи самолетов проявляли невиданные прежде чудеса героизма и отваги. Никогда в истории воздухоплавания люди не отправлялись в полет с таким презрением к смерти и с такой решимостью выполнить задание, как летали немецкие летчики, осуществлявшие снабжение окруженных войск в Сталинграде. Потери составили 550 машин. Это означает, что треть действовавших самолетов была потеряна вместе с экипажами, став жертвами плохой погоды, истребителей и зениток. Одна машина из трех - такого ущерба не перенесли бы ни одни ВВС во всем мире.

И все же только дважды удалось достигнуть минимальной планки 300 тонн грузов или около того. 7 декабря, согласно дневнику начальника хозяйственного управления 6-й армии, 188 самолетов, приземлившись на аэродроме в Питомнике, доставили 282 тонны. 20 декабря показатель составил 291 тонну. В соответствии с прекрасно написанным эссе генерал-майора Гергундта фон Родена, основанным на данных Люфтваффе, пика снабжение по воздушному мосту достигло 19 декабря, когда 154 самолета доставили в Питомник 289 тонн грузов и вывезли

1000 раненых.

В среднем же, однако, тоннаж перевозок в период с 25 ноября по 11 января достигал 104,7 тонны. За этот период удалось эвакуировать всего 24 910 раненых. При таком уровне снабжения люди в котле были вынуждены голодать и испытывать серьезную нехватку боеприпасов.

Но, несмотря ни на что, дивизии держались. По сей день Советы не публиковали определенных данных по немецким дезертирам. По немецким же подсчетам, число это даже к середине января не являлось сколь-либо значительным. Как только распространился слух о том, что дивизии Гота начали деблокировочный рейд, боевой дух окруженных вновь поднялся на значительную высоту. Не было солдата и офицера, который бы не верил, что Манштейн выручит их. И даже измотанные боями батальоны находили силы ударить по кольцу советского окружения, чтобы встретить своих освободителей на полпути. То, что такой план внутри котла существовал, широко известно. Части двух моторизованных и одной танковой дивизий стояли на южном фронте котла в состоянии готовности к удару в направлении наступления дивизий Гота, когда те окажутся на достаточно близком для этого расстоянии и прозвучит приказ к началу операции "Зимняя гроза".

Во второй половине дня 19 декабря стояла холодная, но ясная погода отличные условия для полетов. Над Питомником беспрестанно ревели двигатели транспортных самолетов. Они приземлялись, разгружались, под завязку забивались ранеными и улетали. Высились горы бочек с бензином, один на другом громоздились ящики с боеприпасами. Снаряды развозились по батареям и танковым частям. Если бы такая погода бывала всегда!

Двадцатью четырьмя часами раньше в котел прибыл эмиссар от Манштейна с целью познакомить командование армии с замыслами генерал-фельдмаршала и планом прорыва. Теперь майор Айсманн, офицер разведки группы армий "Дон", отправился назад. Никто не ожидал, что этот визит станет досадным эпизодом в сталинградской трагедии просто потому, что не сохранилось записей разговоров, а рассказ, записанный майором по памяти десять лет спустя, позднее стал причиной многих спорных выводов. Никто по сей день точно не установил, о чем в действительности говорили в тот день Паулюс, Шмидт и Айсманн и что они хотели сказать. Передал ли Айсманн ясно и точно мнение Манштейна, что в сложившейся обстановке существовала лишь одна жестокая альтернатива - прорыв или уничтожение? Ясно ли он объяснил, что группа Холлидта на Чире так глубоко увязла в боях с контратакующими советскими войсками, что нет и речи о том, что она поддержит атаку Гота? Доложил ли он, что противник развертывает против Гота все более крупные силы? И более того, заявил ли он недвусмысленно, что генерал-фельдмаршалу безусловно понятно одно - прорыв требует поэтапной сдачи Сталинграда, какой бы ярлык ни приклеивался к операции, с целью не вызвать преждевременных подозрений Гитлера? И что со своей стороны сказали на это Паулюс и Шмидт? Вопросы опять вопросы, и ни на один из них не находится сегодня четкого ответа. Миссия Айсманна, вероятно, еще долго будет притягивать к себе внимание историков.

19 декабря можно назвать днем решений - днем, когда сталинградская драма достигла своей кульминации.

Паулюс и его начальник штаба, генерал-майор Шмидт, стояли в блиндаже начальника оперативного отдела армии перед телетайпом, который был подключен к дециметровому аппарату - на этих частотах его не могли засечь советские службы радиоперехвата. Таким образом, 6-я армия располагала неоценимым, хотя и несколько неудобным для использования прямым каналом связи с группой армий "Дон" в Новочеркасске.

Паулюс ждал минуты начала оговоренного сеанса связи с Манштейном. И вот момент наступил. Машина затарахтела и написала:

– Господа присутствуют?

Паулюс приказал передать ответ:

– Да.

– Прокомментируйте, пожалуйста, коротко доклад Айсманна, - спросил Манштейн посредством телетайпного аппарата.

Паулюс сжато сформулировал свои комментарии.

Вариант № 1. Прорыв из котла с целью соединиться с Готом возможен только при наличии танков. Численности пехотинцев недостаточно. Для реализации данного варианта все танковые резервы, до того задействованные для отражения атак противника, должны оставить крепость.

Вариант № 2. Прорыв без соединения с Готом возможен только в самом крайнем случае. Он приведет к большим потерям в технике. Необходимое условие - предварительная доставка достаточного для улучшения состояния войск количества продовольствия и горючего. Если Готу удастся осуществить временное соединение и пригнать буксировочную технику, данный вариант будет проще реализовать на практике. Пехотные дивизии фактически лишились возможности свободно передвигаться, поскольку все большее число лошадей идет на корм людям.

Вариант № 3. Дальнейшее продолжение сопротивления противнику зависит от поставок всего необходимого по воздуху в более крупных размерах. В настоящее время они неадекватны.

Затем Паулюс продиктовал оператору телетайпа:

– Продержаться дальше в сложившихся условиях долго не удастся.

Оператор поставил три креста. Через несколько секунд машина принялась выбивать текст Манштейна:

– Когда самое раннее вы можете приступить к выполнению варианта два?

Паулюс ответил:

– На приготовления потребуется от трех до четырех дней.

Манштейн спросил:

– Сколько горючего и продовольствия вам понадобится?

Паулюс сказал:

– Сокращенные пайки на десять дней для двухсот семидесяти тысяч человек.

Сеанс связи прервался. Через четверть часа, в 18.30, он возобновился, и Манштейн с Паулюсом продолжили беседу через посредство операторов телетайпов. Слова появлялись на бумаге словно бы сами по себе:

– Генерал-полковник Паулюс на связи, господин генерал-фельдмаршал.

– Добрый вечер, Паулюс.

Манштейн сообщил, что 57-й танковый корпус генерала Кирхнера, осуществлявший прорыв в рамках деблокировочной операции Гота, вышел к реке Мышкова.

Паулюс, в свою очередь, доложил, что противник атакует его войска, сосредоточенные для предполагаемого прорыва на юго-западном углу котла.

Манштейн сказал:

– Ждите приказа.

Через несколько минут под треск телетайпного аппарата начал появляться приказ. Вот что в нем говорилось:

Приказ!

6-й армии.

(1) 4-я танковая армия нанесла силами 57-го танкового корпуса поражение противнику в районе Верхнекумского и достигла района Мышковы. В районе Каменки и севернее начата атака против крупных сил противника. Ожидаются тяжелые бои. Ситуация на чирском фронте не допускает выдвигания войск, расположенных западнее Дона, в направлении Сталинграда. Мост через Дон в Чирской в руках противника.

(2) 6-я армия начнет атаку "Зимняя буря" так быстро, как только представится возможным. Нужно принять меры для соединения с 57-м танковым корпусом, если необходимо, через Донскую Царицу с целью провести конвой.

(3) Развитие ситуации может потребовать расширения задания по осуществлению прорыва армии на соединение с 57-м танковым корпусом к Мышкове. Кодовое название: "Удар грома". В этом случае главной задачей снова становится как можно более быстрое - с применением танков соединение с 57-м танковым корпусом, с целью провести конвой. Армия - при том, что фланги ее прикрыты по Нижней Карповке и Червленной, - должна затем выдвигаться в направлении Мышковы, тогда как войска из района крепости выводиться подразделением за подразделением.

Операция "Удар грома" может последовать сразу за атакой "Зимняя гроза". Грузы по воздуху, в общем и целом, должны будут поступать в процессе без создания больших запасов. Аэродром в Питомнике необходимо удерживать как можно дольше.

Все вооружение и артиллерия, которые могут передвигаться, нужно взять с собой, особенно орудия для проведения операции с запасом боеприпасов, но также и такое вооружение и снаряжение, которое трудно возместить. Оно должно быть сосредоточено в юго-западной части котла в надлежащее время.

(4) Осуществить подготовку к (3). Приводить в исполнение только по особому приказу "Удар грома".

(5) Доложить день и время атаки (2).

Это был исторический документ. Великий час наступил. Армии предстояло выйти на исходные позиции для марша к свободе. На тот момент, однако, в силе находилась только "Зимняя гроза" - т.е. Паулюс получал приказ очистить путь для дивизий Гота, но эвакуировать войска из Сталинграда ему пока еще не разрешалось.

Во второй половине дня Манштейн вновь попытался получить согласие Гитлера на немедленный тотальный прорыв 6-й армии - на операцию "Удар грома". Но Гитлер одобрил только "Зимнюю грозу", отказавшись принять решение в полном объеме. Тем не менее Манштейн, как видно из текста документа, отдал 6-й армии приказ приготовиться к "Удару грома" и ясно выразился в (3): "Развитие ситуации может потребовать расширения задания по осуществлению прорыва армии". Расширить задание означает вырваться из котла.

Накал страстей в драме достиг своего апогея. Судьба четверти миллиона солдат зависела от двух кодовых названий - "Зимняя гроза" и "Удар грома".

В 20.30 два начальника штаба вновь сидели у телетайпов. Генерал Шмидт сообщал, что противник атакует и связывает боями главные силы бронетехники 6-й армии и часть ее пехоты. Шмидт добавил:

– Прорыв станет возможен только после того, как эти войска выйдут из боевого соприкосновения с противником в обороне. Самая ранняя дата двадцать второе декабря.

Оставалось еще три дня.

Ночь была холодной. В земляных бункерах в Гумраке кипела лихорадочная деятельность. На следующее утро, в 07.00, Паулюс уже находился на пути к самым кризисным точкам в котле. На протяжении дня на многих участках велись бои местного значения. Во второй половине дня, когда два начштаба, Шульц и Шмидт, вновь общались по телетайпу, Шмидт доложил:

– В результате потерь, понесенных за последние несколько дней, ситуация с живой силой на западном фронте и в Сталинграде чрезвычайно сложная. Вклинения противника можно будет ликвидировать только за счет ввода в действие войск, предназначенных для "Зимней грозы". В случае крупного вклинения неприятеля, не говоря уже о прорывах, придется использовать наши армейские резервы, в особенности танки, если мы вообще собираемся удерживать крепость. Положение могло бы рассматриваться несколько под другим углом, - добавил Шмидт, - если

знать наверняка, что за "Зимней грозой" немедленно последует "Удар грома". В этом случае местные вклинения на оставшихся фронтах можно принять, при условии, что они не ставят под угрозу отход армии в целом. В этом случае мы имели бы возможность собрать значительно большие силы для прорыва на юг, поскольку могли бы тогда сосредоточить на юге большое количество местных резервов со всех фронтов.

Сложился порочный круг - решить проблему представлялось возможным, только имея разрешение на операцию "Удар грома". К сожалению, генерал Шульц отвечал через посредство телетайпа, потому собеседник не слышал умоляющих ноток в голосе начальника штаба группы армий, когда тот диктовал текст оператору:

– Дорогой Шмидт, генерал-фельдмаршал считает, что Шестая армия должна начать "Зимнюю грозу" как можно быстрее. Вы не можете ждать, пока Гот будет в Бузиновке. Мы прекрасно понимаем, что ваши силы для атаки "Зимняя гроза" будут ограниченными. Поэтому генерал-фельдмаршал пытается получить одобрение операции "Удар грома". Невзирая на наши постоянные напоминания, борьба за решение в Главном командовании сухопутных войск еще не завершилась. Но, несмотря на отсутствие решения относительно "Удара грома", генерал-фельдмаршал настоятельно подчеркивает, что необходимо как можно скорее начать "Зимнюю грозу". Что же до продовольствия, топлива и боеприпасов, свыше 3000 тонн грузов на грузовиках уже находятся в тылу армии Гота и будут переправлены к вам, как только осуществится соединение. Вместе с грузами к вам направляется большое количество тягачей для обеспечения тяги вашим артиллерийским орудиям. Более того, тридцать автобусов готовы к эвакуации ваших раненых.

Тридцать автобусов! Совершенно очевидно, начальство не забыло ни о чем. И все, что отделяло 6-ю армию от спасения, - 50 километров по прямой, или 60-70 километров по дороге.

И вот в тот самый момент в ходе всех этих калькуляций и вычислений, соображений и приготовлений на немецкий фронт с востока обрушилось новое несчастье: 16 декабря три советские армии развернули атаку против итальянской 8-й армии на Среднем Дону. Вновь русские выбрали участок, удерживаемый слабыми войсками союзников Германии.

После коротких, но ожесточенных боев советские войска прорвали фронт. Итальянцы обратились в бегство. Русские быстро продолжили продвижение на юг. Одна танковая и две гвардейских армии ударили по искусно построенным, но обороняемым малочисленным контингентом немецким позициям на Чире. Если бы русским удалось смять немецкие рубежи на Чире, ничто не смогло остановить их на пути к Ростову. А если бы русские взяли Ростов, группа армий "Дон" Манштейна оказалась бы отрезанной, а группа армий фон Клейста на Кавказе лишилась бы связи с тыловыми коммуникациями. Это был бы супер-Сталинград. На кону теперь стояла не судьба 200 000 или даже 300 000 человек, но полутора миллионов.

23 декабря, когда исполненные надежд на лучшее солдаты 6-й армии ждали освободителей, танковые колонны наступавшего противника уже рвались с севера к летному полю под Морозовском, в 150 километрах к западу от Сталинграда; от этого аэродрома зависела вся система снабжения окруженной армии. Таким образом, складывалась катастрофическая ситуация. Группа Холлидта на Чире более не имела никакого флангового прикрытия.

В такой обстановке у Манштейна больше не осталось выбора, как только приказать Готу повернуть одну из трех его танковых дивизий влево, к низовьям Чира, чтобы предотвратить дальнейший прорыв русских. Гот не колебался, он отрядил для выполнения задания самую сильную часть.

Атака 6-й танковой дивизии в направлении Сталинграда находилась как раз в самом разгаре, когда прибыл приказ поворачивать. Оставшись всего с двумя измотанными боями дивизиями, Гот пришел к выводу о невозможности продолжать наступление на Сталинград. В

действительности под натиском советской 2-й гвардейской армии ему в Сочельник даже пришлось отойти за реку Аксай.

Генерал-фельдмаршал фон Манштейн не мог сидеть сложа руки. Он послал срочное телетайпное сообщение в ставку фюрера, умоляя его: "Резкое изменение обстановки на левом фланге группы армий требует немедленной переброски войск в эти районы. Данный шаг означает отказ на неопределенный период от операции по деблокированию 6-й армии, что в свою очередь означает необходимость организации адекватного снабжения этой армии в течение длительного периода. По мнению Рихтгофена, рассчитывать на поставку более чем 200 тонн грузов в среднем в день нельзя. Если невозможно обеспечить адекватное снабжение 6-й армии по воздуху, единственная альтернатива - как можно более скорейший прорыв 6-й армии из кольца ценой возникновения значительной угрозы на левом фланге группы армий. Риск, сопряженный с операцией, принимая во внимание состояние, в котором находится армия, хорошо известен". На военно-канцелярском языке в этом послании говорилось все, что надо было сказать: 6-я армия должна немедленно прорываться, или она потеряна. В Новочеркасске с нетерпением ждали ответа. Цайтцлер направил его по телетайпу: "Фюрер дает разрешение на отступление войск из армейской группы Гота на Чир, но приказывает Готу удерживать исходные позиции для атаки на Сталинград, чтобы возобновить ее, как только представится возможность".

Это находится за гранью понимания. Конечно, у Гитлера имелся убедительный аргумент для отказа санкционировать "Удар грома". Паулюс, как замечал фюрер, не располагал достаточными запасами горючего для прорыва к Готу. Мнение это основывалось на докладе 6-й армии относительно того, что горючего у танков оставалось на прохождение с боями всего 20 километров. Эти данные с тех пор не раз оспаривались, но генерал Шмидт отдавал строгие приказы по установлению запасов "левого" бензина, а Паулюс замечал, и вполне справедливо, что ни одна армия не может начинать операцию, от которой зависит ее жизнь или смерть, в расчете на возможно существующее в частях какое-то количество неучтенного "левого" бензина.

Оказавшись лицом к лицу с подобной ситуацией, Манштейн во второй половине дня 23 декабря вновь связался с Паулюсом по телетайпу и попросил его выяснить, можно ли начать операцию "Удар грома", если иного выхода не останется.

Паулюс спросил:

– Означает ли этот разговор, что я имею позволение начать "Удар грома"?

Манштейн:

– Я не даю вам такого позволения сегодня, но я надеюсь на положительное решение завтра.

- Генерал-фельдмаршал добавил: - Сейчас самое важное, считаете ли вы, что ваша армия сможет пробиться к Готу, если не получит снабжения на долговременной основе.

Паулюс:

– В данном случае у нас нет альтернативы.

Манштейн:

– Сколько топлива вам нужно?

Паулюс:

– Тысячу кубометров.

Тысяча кубометров, это тысяча тонн.

Почему, может спросить кто-то, Паулюс не начал ту операцию немедленно, несмотря на риск и на нехватку всего самого для нее необходимого? Почему не выполнил приказ о начале "Зимней грозы" - невзирая на ситуацию с горючим и продовольствием, - зная, что в любом случае на карте стоит спасение армии?

В своих воспоминаниях генерал-фельдмаршал фон Манштейн подчеркивает величину

ответственности, которая возлагалась на Паулюса этим приказом. Три дивизии в юго-западном углу котла, где предполагалось осуществить прорыв, были полностью связаны оборонительными боями. Мог ли Паулюс пойти на риск начать атаку только силами частей этих дивизий в надежде на прорыв через плотное кольцо окружения? Кроме того, предоставили ли бы постоянно атакующие советские войска ему шанс сделать это? И еще, смог ли бы он удержать оставшиеся фронты до получения из группы армий команды: "Удар грома" - разрешения пойти на полномасштабный прорыв с целью вывода всей армии из окружения? Хватило ли бы у его танков горючего, чтобы вернуться обратно в котел, если бы "Зимнюю грозу" постигла неудача? Что случилось бы тогда с 6000 больных и раненых?

Паулюс и Шмидт видели лишь одну возможность - начать "Зимнюю грозу" и "Удар грома" одновременно. И даже в случае получения разрешения на это им потребовались бы поставки значительного количества горючего.

Со своей стороны группа армий хотела инициировать полномасштабный прорыв одной "Зимней грозой", придерживаясь того мнения, что советское кольцо следовало сначала прорвать по юго-западному фронту, а уж затем начинать выводить войска с различных участков фронта котла - иными словами, до того, как в действие будет приведен "Удар грома".

Если отстраниться от соображений чисто военного характера, схема действий Манштейна основывалась на допущении, что только поэтапный вывод войск мог привести Гитлера к принятию неизбежного оставления Сталинграда; только так тот мог согласиться на этот шаг. Генерал-фельдмаршал фон Манштейн прекрасно знал, что, если бы командование группы армий приказало 6-й армии изначально развернуть крупномасштабный прорыв с оставлением Сталинграда, Гитлер бы тотчас же вмешался и отменил такой приказ.

В то же время Паулюс, связанный делами внутри котла, вынужденный что-то изобретать для того, чтобы отбивать советские атаки, в тот момент не мог в полной мере видеть общую картину происходящего.

Ясно, что поиск причин сталинградской трагедии в действиях командования 6-й армии, или группы армий "Дон", или в приклеивании ярлыка главного виновника катастрофы к какому-то определенному лицу, находившемуся в том районе, ни к чему хорошему не ведет.

Стратегическая ошибка Гитлера, покоившаяся в основе своей на недооценке сил неприятеля и переоценке собственных, породила ситуацию, которую нельзя уже было исправить удачной импровизацией, военной хитростью или приказом во что бы то ни стало держать позиции. Только своевременное отступление 6-й армии в октябре могло предотвратить катастрофу, обрушившуюся на головы четверти миллиона немецких солдат и офицеров на Волге. Правда, даже и это не могло уже изменить исхода войны.

Более того, сегодня из известного нам о силах русских благодаря трудам советских военных авторов ясно, что даже "Зимняя гроза" и "Удар грома" не спасли бы 6-ю армию как боееспособную единицу. Но оставалась еще надежда выручить из беды главные силы запертых в Сталинградском котле солдат. Когда в преддверии Рождества пришлось приостановить деблокировочную атаку Гота, даже и эта надежда была утрачена. На участке 2-го батальона 64-го мотопехотного полка находилось нечто необычное - заснеженное поле пшеницы, колосья которой выглядывали из-под снежного покрывала. Ночью солдаты подползали туда, срезали колосья и также ползком возвращались в свои укрытия, где отделяли зерна и бросали их в сваренный на конском мясе бульон. Солдаты брали мясо тех животных, которые погибли от пуль или осколков или же умерли естественной смертью и валялись теперь то там, то тут, окаменевшие от мороза и превратившиеся в снежные холмики.

8 января ефрейтор Фишер тщательно собрал последние несколько колосков и - трясущийся от холода - принес их в свою землянку. Вернувшись туда, он застал товарищей, охваченных

возбуждением. Из батальонного штаба просочилось известие о том, что русские предложили почетную сдачу. Новость распространилась по котлу, точно пламя лесного пожара, - одному Богу известно, по каким каналам.

Все случилось в районе Мариновки, на участке 3-й моторизованной пехотной дивизии. Перед передовыми позициями боевой группы Виллига появился русский капитан с белым флагом в руке. Солдаты послали за своим командиром, майором Виллигом. Русский передал письмо, адресованное "генерал-полковнику танковых войск Паулюсу или его представителю".

Виллиг поблагодарил русского парламентаря и позволил ему удалиться. Зазвонили телефоны. Курьер доставил письмо в Гумрак. Паулюс лично передал по телефону приказ, чтобы никто не вел никаких переговоров о сдаче ни с какими русскими офицерами.

На следующий день все солдаты могли прочитать, что написал командующему немецкой 6-й армии генерал-полковник Рокоссовский, советский командующий Донским фронтом. Повсюду в котле русские самолеты разбрасывали листовки с текстом советского предложения о капитуляции. Обращение было сделано в письменной форме и подписано генералом из Ставки Верховного Главнокомандующего советскими войсками, а также Рокоссовским: "Всем офицерам, унтер-офицерам и рядовым, кто прекратит сопротивление, мы гарантируем жизнь и безопасность, а также возможность по окончании войны вернуться в Германию или какую-либо другую страну по выбору военнопленного.

Всем сдавшимся военнослужащим Вермахта будут сохранены их форма, знаки различия и награды, личные вещи и ценности. Старшие офицеры могут оставить при себе шпаги и кортики.

Тем офицерам, унтер-офицерам и солдатам, кто сдастся в плен, будет сразу же гарантировано нормальное питание. Все раненые, больные и обмороженные получают медицинскую помощь. Мы ожидаем вашего ответа в письменной форме 9 января 1943 г. в 15.00 по московскому времени через представителя, лично уполномоченного вами, который должен приехать на штабной машине с хорошо заметным белым флагом по дороге из Конной к станции Котлубан. Вашего представителя встретят в 15.00 9 января 1943 г. уполномоченные советские офицеры в районе 8, в 0,5 километра к юго-востоку от обгонного пути № 564.

В случае отказа принять наше предложение о капитуляции, мы настоящим заверяем вас в том, что войска Красной Армии и Красных Военно-Воздушных Сил будут вынуждены приступить к ликвидации немецких войск. Ответственность за их гибель ляжет на вас". В листовке, которую сбрасывали вместе с текстом письма, содержалась, кроме того, зловещая строчка: "Любой, оказывающий сопротивление, будет безжалостно уничтожен".

Почему же 6-я армия не приняла предложения о капитуляции? Почему не прекратила своей бесполезной борьбы, пока солдаты сохраняли остатки как физических, так и моральных сил? Любой, кто обладал неплохим здоровьем, мог рассчитывать пережить русский плен. Вопрос это не перестает звучать и сегодня.

Паулюс даже в плену продолжал заявлять, что не принял по собственной инициативе решения о капитуляции потому, что в начале января видел стратегическую перспективу в продолжении сопротивления. Суть ее заключалась в том, чтобы, связывая крупные войска русских, защищать угрожаемый южный фланг Восточного фронта.

Ту же самую точку зрения и теперь высказывает генерал-фельдмаршал фон Манштейн. Он выражается совершенно ясно: "С начала декабря 6-я армия приковывала к себе шесть крупных советских объединений. Если бы в начале января Паулюс сдался, ситуация для двух групп армий - "Дон" и "Кавказ" могла обернуться катастрофой".

До недавнего времени этот тезис мог отвергаться как аргумент, выдвигаемый людьми, старающимися обелить себя. Сегодня, однако, приходится смотреть на это под другим углом. Советские маршалы Чуйков и Еременко в своих мемуарах полностью поддерживают точку

зрения Манштейна. Чуйков сообщает, что в середине января армия Паулюса приковывала к себе семь советских армий. Еременко совершенно ясно дает понять, что необычное предложение, сделанное Паулюсу 9 января - предложение о "почетной капитуляции", - было продиктовано надеждой на высвобождение семи советских армий, чтобы двинуть их на Ростов с целью разгрома южного фланга немецкого Восточного фронта. Решение командования 6-й армии драться до конца скомкало планы противника. Имеет или не имеет эта жертва смысл с точки зрения политической оценки войны - уже другой вопрос.

Но в намерении не сдаваться Паулюса подкрепило и еще одно обстоятельство. 9 января генерал Хубе вернулся в котел после беседы с Гитлером и доложил, что фюрер, а также офицеры Главного командования сухопутных войск сказали ему о планировавшемся новом деблокировочном наступлении с запада. Пополненные танковые формирования уже были приведены в движение и сосредотачивались в районе к востоку от Харькова. Предстояло полностью реорганизовать воздушные поставки снабжения. Подобно зимнему харьковскому кризису 1941-1942 гг., считал Хубе, Сталинград тоже можно превратить в великую победу. Предпосылкой, естественно, служило то обстоятельство, что южный участок Восточного фронта выправился и группа армий "Кавказ" отходила в порядке. По этой причине 6-я армия должна была продолжать держаться - если придется, постепенно сокращая площадь котла до зоны застройки Сталинграда. Это была гонка за время.

Новости Хубе совпадали со сведениями, которые доставил в Сталинград майор фон Белов, начальник оперативного отдела 71-й пехотной дивизии. Белов, теперь офицер Бундесвера, находясь в Сталинграде в сентябре 1942 г., заболел, и его по воздуху переправили в Германию. 9 января он возвратился в котел вместе с Хубе.

Перед возвращением, в конце декабря, Белов побывал в Главном командовании сухопутных войск. Там генерал-майор Кизингер, начальник оперативного управления, и Цайтцлер, начальник главного штаба, дотошно расспрашивали Белова относительно возможности атаки с запада через Дон в районе Калача. У Белова создалось впечатление, что Главное командование сухопутных войск смотрело на положение 6-й армии с оптимизмом и считало шансы на успех новой деблокировочной операции вполне благоприятными. Прежде чем разрешить майору уйти, генерал Цайтцлер произнес такие слова:

– Конечно, офицеров Генерального штаба у нас в Сталинградском котле хватает. Но если я не отправлю вас туда, они могут подумать, что мы уже списали их со счетов.

Принимая во внимание стратегическую обстановку, с одной стороны, и проблески надежды - с другой, можно ли винить Паулюса в том, что 9 января он отклонил советское предложение о капитуляции? 8. Конец Последний удар советских войск - Дорога к Питомнику - Конец Южного котла - Паулюс отправляется в плен - Штеркер продолжает драться - Последний полет над городом - Последний хлеб для Сталинграда.

Как и обещал Рокоссовский в своих листовках, 10 января, через двадцать четыре часа после отклонения предложения о сдаче в плен, началась советская полномасштабная атака на находившиеся в котле немецкие войска. То, что случилось потом, военная история видела только дважды: в одном случае у русских, в другом - у немцев, когда голодающие, плохо экипированные войска, отрезанные от всех коммуникаций, противостояли численно превосходящему их противнику, дрались с беспримерной яростью и храбростью. Так было прежде, в Волховском котле, когда советская 2-я ударная армия сражалась до полного своего уничтожения. Безжалостными, такими, как бои в холодных лесах по берегам Волхова, стали и последние схватки в Сталинграде. Только роли поменялись. Страдание, нужда, отвага и горе - остались.

Советы начали атаку на окруженных в котле с чрезвычайной свирепостью. Зенитчики

Люфтваффе со своими 88-мм пушками на передовых рубежах пытались остановить танковый вал. Они бились до последнего снаряда и подбили огромное количество вражеских танков. Но наступающие смяли пехоту на ее позициях. Русские прорвались сразу в нескольких местах. Число боевых потерь в вымотанных немецких частях росло с каждой минутой, как и количество обмороженных. Температура достигала 35 градусов ниже нуля, и вьюга мела по степи.

На западном фронте очаги сопротивления батальонов из развернутых там дивизий походили на острова в океане. Одной из таких дивизий была австрийская 44-я пехотная дивизия, оборонявшая подступы к жизненно важному аэродрому Питомник. Любой, кто рассматривает Сталинград только с точки зрения человеческих страданий, нужды, ошибок, самонадеянной гордыни и глупости, должен бросить взгляд на эти батальоны - например, на один из многих, 1-й батальон 134-го пехотного полка.

Его поредевшие роты окопались на высотах перед Бабуркином. Совсем недавно, в середине декабря, командир батальона майор Поль получил Рыцарский крест. Вместе с наградой генерал Паулюс послал майору небольшой пакет, на котором собственной рукой написал: "С наилучшими пожеланиями". Внутри находились буханка хлеба и банка селедки в томатном соусе драгоценный дар для Сталинграда в то время, вполне совместимый с высокой наградой за храбрость.

Вооруженный карабином Поль сидел в окопе, как и все его солдаты. Севернее расчет последнего крупнокалиберного пулемета расстреливал ленту за лентой. "Никто не заставит меня уйти оттуда, господин майор", - сказал унтер-офицер Полю несколько дней назад. Прозвучала еще одна очередь, и пулемет умолк. Солдаты видели, как русские бросились на позицию расчета. Короткая рукопашная, последняя драка прикладами и шанцевым инструментом - и все. Всю ночь батальон продолжал удерживать позицию, поддерживаемый 46-м дивизионом противотанковых штурмовых орудий - несколькими 20-мм зенитками и тремя трофейными советскими 76-мм пушками.

Когда утром им пришлось отходить, пушки они взять не смогли - не осталось горючего, чтобы заправить захваченные джипы, которые применялись для буксировки орудий. Так каждый шаг назад становился Ватерлоо для артиллеристов - одну за одной им приходилось взрывать свои пушки. И даже если бы они все же утащили какую-то из них с собой, то все равно не смогли бы раздобыть для нее снарядов.

На следующую ночь майор Поль поехал в Питомник, чтобы узнать об обстановке у своего друга майора Фройденфельда, начальника связистов Люфтваффе в котле. Путешествие выдалось не из приятных. Чтобы обозначить дорогу на заснеженных полях, немцы отрубали мертвым коням ноги и втыкали их копытами вверх в качестве столбиков по обочинам - чудовищные знаки чудовищной битвы.

Аэродром тоже производил гнетущее впечатление. Жизненно важный центр снабжения армии покрывали груды искореженного железа. Тут и там на поле валялись сбитые и поврежденные самолеты. Две санитарные палатки были переполнены ранеными. И в этом хаосе продолжалась жизнь. Прилетали новые самолеты, разгружались, загружались и улетали.

Два дня спустя, 14 января, Питомник пал. Снабжению по воздуху и эвакуации раненых настал конец. С того момента все покатило снежным комом под гору. Последние боевые группы откатывались с фронтов в котле в направлении города Сталинграда. Майору Полю с его людьми тоже пришлось совершить поездку через ад. На обочине дороги лежала группа немецких солдат, убитых бомбой. Те, кто уцелел, лишились конечностей - кто руки, кто ноги. Кровь их превратилась в красный лед. Никто не перевязал раненых, никто даже не оттащил в сторону убитых. Колонны брели мимо в тупом оцепенении, озабоченные только собой. Поль приказал перевязать раненых и положил их рядом друг с другом. Он оставил с ними санитаря, чтобы тот

дождался попутного грузовика и отправил на нем несчастных калек. Но грузовик не пришел.

Таковы были последние дни Сталинградского котла. Жуткий голод и полная беспомощность перед лицом полномасштабного советского наступления привели к быстрому упадку боевого духа и утрате частями боеспособности. Потери росли. Уцелевших охватывало уныние. На пунктах оказания первой медицинской помощи в санитарных частях стояли очереди. Медикаменты и бинты кончились. Повсюду шлялись шайки мародеров.

24 января в 16.45 начальник оперативного отдела 6-й армии послал Манштейну сигнал - сообщение, заставляющее содрогаться своим лишенным эмоций слогом: "Противник атакует с неубывающей яростью по всему западному фронту, части которого с боями прокладывают себе путь на восток к Городищу с утра двадцать четвертого числа. В южной части Сталинграда западный фронт вдоль окраины города на западной и южной оконечностях Мининой держался до 16.00. Наблюдаются местные вклинения русских на этом участке. На волжском и северо-восточном фронтах - без изменений. Ужасные условия в самой черте города, где в руинах прячутся 20 000 лишенных помощи раненых. Там же примерно такое же количество умирающих от голода и обморожения, а также отбившихся от своих частей солдат, в основном без оружия, которого они лишились в боях. Весь район города простреливает тяжелая артиллерия. Последний бой будет дан на окраинах города в южной части Сталинграда 25.01 под руководством сражающихся на передовой энергичных генералов и храбрых офицеров, вокруг которых собираются те немногие солдаты, которые еще сохранили способность воевать. Тракторный завод, возможно, продержится немного дольше.

Начальник оперативного отдела штаба 6-й армии". Энергичные генералы. Храбрые офицеры. Немногие солдаты, сохранившие способность сражаться. Вот такая картина.

У железнодорожной насыпи южнее устья Царицы генерал-лейтенант фон Гартманн, командир нижнесаксонской 71-й пехотной дивизии, стоя во весь рост, не пригибаясь и не прячась, стрелял из карабина в атакующих русских до тех пор, пока не пал, сраженный пулеметной очередью.

Когда генерал-фельдмаршал фон Манштейн прочитал сообщение начальника оперативного отдела 6-й армии, он понял, что теперь не может быть и речи о выполнении армией какой бы то ни было задачи. "Поскольку армия более не могла связывать боями сколь-либо значительные силы противника, - пишет генерал-фельдмаршал, - я в длинном телефонном разговоре с Гитлером 24 января попытался получить от него приказ о сдаче. К сожалению, тщетно. В тот момент, но не прежде, задача армии по связыванию вражеских войск завершилась. Она спасла пять немецких армий".

То, что Манштейн пытался сделать по телефону, майор фон Цитцевитц надеялся достичь в личной беседе с Гитлером.

Цитцевитц улетел из котла по приказу Главного командования сухопутных войск 20 января. 23 января генерал Цайтцлер повел его на встречу с Гитлером. Встреча имела огромное значение. Вот собственный рассказ о ней Цитцевитца:

"Когда мы прибыли в ставку фюрера, генерала Цайтцлера приняли сразу, а мне пришлось подождать в приемной. Немного позднее дверь открылась, и меня пригласили войти. Я доложил о своем прибытии. Гитлер подошел ко мне и обеими руками пожал мою правую руку. "Вы приехали из скорбного места", сказал он. Свет в просторном помещении был приглушенным. Перед камином стоял большой круглый стол с креслами вокруг, справа находился длинный освещенный сверху стол с огромной оперативной картой всего Восточного фронта. В стороне сидели стенографы, фиксирующие каждое слово. Кроме генерала Цайтцлера присутствовали только генерал Шмундт и два личных адъютанта сухопутных войск и Люфтваффе. Гитлер знаком показал мне сесть на табурет возле оперативной карты и сам сел лицом ко мне.

Остальные присутствующие господа сидели в креслах в затемненных частях комнаты. Только адъютант сухопутных войск стоял у дальнего конца стола с картой. Говорил Гитлер. Вновь и вновь он указывал на карту. Он излагал новый замысел, суть которого сводилась к атаке силами батальона совершенно новых танков "Пантера" через вражеские позиции на Сталинград, с целью доставить в котел грузы и усилить 6-ю армию танками. Меня охватило изумление. Один танковый батальон будет прорываться через несколько сотен километров вражеской территории, где полным-полно войск противника, когда целая танковая армия не смогла справиться с подобной задачей.

Я воспользовался первой паузой в монологе Гитлера, чтобы описать тяжелейшее положение 6-й армии. Я привел примеры, зачитал специально подготовленные мной данные с листка бумаги. Я говорил о голоде, о потерях из-за обморожений, нехватке всего необходимого и об ощущении армии, что ее списали со счетов. Я говорил о раненых и о недостатке медикаментов и перевязочных средств. Я закончил рассказ словами: "Мой фюрер, позвольте мне утверждать, что солдатам в Сталинграде более нельзя приказывать сражаться до последнего патрона, потому что они физически не способны сражаться и потому что у них не осталось даже последнего патрона". Гитлер посмотрел на меня с удивлением, но я чувствовал, что он смотрит словно бы сквозь меня. Потом он произнес: "Человек очень быстро приходит в себя". Затем мне позволили удалиться".

Гитлер радировал в Сталинград: "О сдаче не может быть и речи. Войска должны держаться до конца".

Помпезные заявления, однако, больше не действовали. Даже самые отважные офицеры лишались присутствия духа и последних надежд. В подвале бывшей тюрьмы ОГПУ в грязи лежали раненые, умирающие от язв и желудочных колик командиры полков, батальонов и рот, штабные офицеры, не знавшие, что им делать. У них больше не было полков, батальонов и рот, не было хлеба и часто оставался лишь последний патрон в пистолете - последний патрон на крайний случай.

Некоторые пускали этот последний патрон себе в висок. Штабы и малые подразделения подрывали себя динамитом среди руин на своих последних позициях. Несколько штабных офицеров, летчиков и связистов и кучка несгибаемых унтер-офицеров попытались счастья в прорыве, решившись на отчаянную авантюру. Многие из них в действительности лишь хотели тем или иным способом приблизить конец. И таких было немало. Но случалось и по-другому. Прославленный орденосец, храбрый командир не раз отличавшегося в самых отчаянных схватках полка, полковник Бойе, 27 января встал перед своими солдатами в подвале бывшей тюрьмы ОГПУ и сказал:

– У нас нет хлеба, у нас нет оружия. Я предлагаю сдаться.

Солдаты закивали, и полковник, раненый и с высокой температурой, повел их за собой из тюрьмы ОГПУ.

Расстояние от передовой вдоль железнодорожной насыпи составляло 50 метров. У переправы через устье Царицы стояли остатки дивизии генерал-лейтенанта Эдлера фон Даниэльса. Командир находился со своими солдатами. Ни у кого из них не было оружия. Они шли сдаваться. Скорбная процессия. По обеим сторонам дороги стояли красноармейцы с автоматами наперевес. Сдающихся фотографировали, снимали на кинокамеру, загружали в кузова грузовиков и увозили. Степь бесстрастно проглатывала их.

Тем временем части 11-го корпуса генерала Штеркера держались на своих последних позициях, отрезанные в северном котле. По радиосвязи пришло одно из самых худших сообщений из Сталинграда:

"В группу армий "Дон". Ситуация с продовольствием вынуждает прекратить выдачу

питания раненым и больным, чтобы здоровые могли сражаться.

Начальник оперативного отдела штаба 6-й армии".

Несмотря на все это, 31 января в 01.30 Гитлер приказал начальнику Генерального штаба послать еще одну депешу в Сталинград: "Фюрер просил меня подчеркнуть, что каждый день продолжения сопротивления Сталинградской крепости имеет очень важное значение".

Через пять часов в подвале универсама на Красной площади Сталинграда лейтенант штабной охраны вошел в кабинет командующего и доложил:

– Русские за дверью.

В предыдущую ночь Гитлер радировал приказ о производстве Паулюса в генерал-фельдмаршалы. Он не спал и с шести утра разговаривал с подполковником фон Беловом, начальником оперативного отдела своего штаба. Паулюс был усталым и подавленным, но твердо решил положить всему конец. Однако командующий хотел сделать это, как он сам выражался, "без суматохи" - т.е. без документов о капитуляции и официальных церемоний.

В этом, вероятно, и состоит причина того, почему в отношении пленения Паулюса ходит так много разных небылиц. Он придерживался приказа не сдаваться от имени всей армии и отправлялся в плен только с личным составом своего штаба. Различные командиры отдельных участков обороны сами договаривались с русскими об условиях прекращения огня. В центре Сталинграда все закончилось 31 января.

В северном котле, на недоброй памяти тракторном и на артиллерийском заводе "Баррикады" - в том месте, где летом прозвучали первые выстрелы Сталинградской битвы, - опорные пункты 11-го корпуса продолжали сопротивление еще и 1 февраля. Сражение завершилось там же, где и началось.

Хотя бои среди развалин не имели более никакого стратегического значения, Гитлер настаивал на этом, давая обветшалые объяснения. Генералу Штеркеру он радировал: "Я ожидаю от солдат в северном котле Сталинграда, что они будут держаться до конца. Каждый день, каждый час продолжения сопротивления оказывает решающее воздействие на остальной фронт".

Но 11-й корпус тоже умер медленной смертью. В ночь с 1 на 2 февраля Штеркер находился на командном пункте боевой группы подполковника Юлиуса Мюллера. На рассвете Штеркер сказал:

– Мне надо идти.

Мюллер понял.

– Я выполню свой долг, - произнес он.

Не было громких слов. Когда рассвело, боевые действия в северном котле подошли к концу.

В 08.40 Штеркер радировал в ставку фюрера: "11-й армейский корпус и все шесть его дивизий выполнили свой долг".

И здесь тоже умирающие от голода люди с пустыми глазами, солдаты самых прославленных дивизий, поднимались из окопов, вставали из-за развалин и вливались в серые колонны. Бесконечные вереницы их брели в степь. Сколько их было?

На данный счет нет единого мнения и теперь - происходят странные фокусы с данными, будто цифры могут иметь отношение к страданиям, смерти и отваге. Тем не менее существует статистика, существуют факты. Согласно боевым журналам 6-й армии, находящимся теперь в распоряжении у американцев, и ежедневным докладам различных корпусов, численность личного состава немецких и союзнических частей в котле на 18 декабря 1942 г., зарегистрированная 22 декабря, составляла 230 000 человек, включая 13 000 румынских военнослужащих. В дополнение в докладах говорится о 19 300 русских военнопленных и служащих во вспомогательных службах.

Из этих 230 000 солдат и офицеров 42 000 раненых, больных и ценных специалистов было эвакуировано по воздуху на 24 января 1943 г. Согласно советским данным, 16 800 попало в плен между 10 и 29 января. В ходе капитуляции с 31 января по 3 февраля сдалась 91 000 человек.

Примерно 80 500 осталось на поле Сталинградской битвы убитыми или зачастую тяжелоранеными и оставленными умирать без помощи и без еды; другие же умерли из-за неполучения своевременной помощи после сдачи в плен.

Из этих 107 800 человек на родину на сегодняшний момент вернулось около 6000 человек. 3 февраля 1943 г. лейтенант Герберт Кунц на своем "He-111" из 100-й бомбардировочной группы стал последним немецким пилотом, пролетевшим над Сталинградом.

– Посмотрите, продолжают ли еще где-нибудь бои и не видно ли пытающихся спастись бегством групп, - сказал экипажу капитан Бетхер, - а потом сбрасывайте груз.

Груз состоял из хлеба, шоколада, бинтов и небольшого количества боеприпасов.

Кунц облетел город на высоте около 2000 метров. Ни одна зенитка не выстрелила. Над степью лежал густой туман. Штурман Ганс Аннен бросил взгляд в сторону радиста Вальтера Кребса. Кребс отрицательно покачал головой:

– Нигде ничего и никого.

Кунц спустился до 100 метров, потом до 75. Бортинженер Паске обладал острым зрением. Внезапно дымка рассеялась: они летели всего в каких-то 60 метрах над изрытым воронками полем недавней битвы. Кунц быстро поднялся на более безопасную высоту и продолжил поиски. Разве там внизу под туманной дымкой были не люди?

– Сбросить груз! - крикнул он, и груз полетел к земле. Буханки хлеба упали в снег Сталинграда среди убитых, замерзших и немногих тех, кто ждал прихода смерти.

Может быть, груз найдет одна из маленьких групп, которые ушли в надежде прорваться к своим. Многие сделали так - штабные офицеры с целыми боевыми группами, например, из штаба 4-го корпуса и 71-й пехотной дивизии. Лейтенанты и унтер-офицеры шли сквозь ночь и туман во главе взводов. Обер-ефрейторы, ефрейторы, стрелки и артиллеристы потихоньку выбирались из руин города по четверо, по трое и даже поодиночке. Отдельные группки летчики видели в степи еще в середине февраля. Потом они куда-то пропадали. Известен только один случай, когда человеку удалось добраться до своих. Этим счастливицом стал зенитчик унтер-офицер. Впрочем, через двадцать четыре часа после своего спасения он погиб от разрыва шальной минометной мины на перевязочном пункте 11-й танковой дивизии.

Библиография

BATLEY, GEOFFSEY: The Conspirators (Harper amp; Row, New York, 1960).

BENARY, ALBERT: Die Berliner Вдren-Division, Geschichte der 257 (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1955).

BLUMENTMTT, GЪNTHERR: "The Battle of Moscow", in The Fatal Decisions (Michael Joseph, London, 1956).

ВЦНМЛЕР, РУДОЛФ: Fallschirmjдger (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1961).

BRAUN, J.: Enzian und Edelweiss, 4.Geb.Div. (Podzua Verlag, Bad Nauheim, 1955).

BREITHAUPT, HANS: Die Geschichte der 30. Infanterie-Division (Podzu Verlag, Bad Nauheim, 1955).

BUCHNER, ALEX: Gebirgsjдger an allen Fronten (Adolf Sponholz Verlag, Hanover, 1954).

BUXA, WERNER: 11. Infanterie-Division. (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1952).

CARELL, PAUL: The Foxes of the Desert (translated by Mervyn Savill; Dutton, New York, 1961). Invasion-They're Coming! (translated by E. Osers; Dutton, New York, 1963).

CASSIDY, HENRY CLARENCE: Moscow Dateline, 1941-1943 (Houghton Mifflin, Boston, 1943).

CHALES DE BEAULIEU, WALTER: Der Vorstoss der Panzergruppe 4 auf Leningrad (Kurt Vowinckel Verlag, Neckargemьnd, 1961).

ЧУЙКОВ, В.И.: Начало пути (Москва, 1959; на русском языке).

CONZE, WERNER: Die Geschichte der 291 I.D. (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1953).

DALLEN, ALEXANDER: Die Sowjetspionage (Verlag fьr Politik und Wirtschaft, Kьln, 1956).

DBECKHOFF, G.: Die 3.I.D. (mot.) (Erich Bornes Druck und Verlag, Gьttingen, 1960).

DOERR, HANS: Der Feldzug nach Stalingrad (E. S. Mittler amp; Sohn, Darmstadt, 1955).

ERNSTHAUSEN, ADOLF VON: Wende im Kaukasus (Vowinckel Verlag, Neckargemьnd, 1958).

ESTEBAN-INFANTES, GENERAL: Blaue Division (Druffel Verlag, Leoni, 1958).

FRETTERR-PICO, M.: Missbrauchte Infanterie (Verlag fьr Wehrwesen Bernard amp; Graefe, Frankfurt, 1957).

FЬLLER, JOHN FREDERICK CHARLES: The Second World War, 1939-1945 (Duell, Sloan and Pearce, New York, 1962).

GAREIS, MARTIN: Kampf und Ende der Fьdnkisch-Sudetendeutschen 98. Division (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1956).

GARTHOFF, RAYMOND LEONARD: How Russia Makes War (George Allen amp; Unwin, London, 1954).

ГЦРЛИЦ, ВАЛТЕР: General feldmarschall Keitel, Verbrecher oder Offizier? (Musterschmidt Verlag, Gьttingen, 1961).

Paulus and Stalingrad (translated by Colonel R. H. Stevens; Citadel Press, New York, 1964).

GRAMS, ROLF: Die 14. Panzer-Division, 1940-1945 (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1957).

GRASER, G.: Zwischen Kattegat und Kaukasus, 198.I.D. (privately published, 1961).

GROSSMANN, HORST: Geschichte der 6.I.D. (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1958).

Rschew, Eckpfeiler der Ostfront (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1962).

GSCHЦPP, DR. RUDOLF: Mein Weg mit der 45.I.D. (Oberster. Landesverlag, Linz, 1955).

GUDERIAN, HEINZ: Panzer Leader (translated by Constantine Fitzgibbon; Dutton, New York, 1952).

HAUPT, WERNER: Demjansk, Ein Bollwerk im Osten (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1961).

HENNECKE, K.: Die Geschichte der 170.I.D. (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1952).

HERHUDT VON ROHDEN, HANS-DETLEF: Die Luftwaffe ringt um Stalingrad (Limes Verlag, Wiesbaden, 1950). HESS, WILHELM: Eismeerfront 1941 (Scharnhorst Buchkameradschaft, Heidelberg, 1956).

HOTH, HERMANN: Panzer-Operationen (Scharnhorst Buchkameradschaft, Heidelberg, 1956).

HUBATSCH, WALTHER: 61. Infanteriedivision (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1958).

JACOBSEN, HANS-ADOLF: 1939-1945, Der zweite Weltkrieg in Chroniken und Dokumenten (Wehr und Wissen Verlagsgesellschaft, Darmstadt, 1959).

JACOBSEN, ROHWER: Entscheidungsschlachten des zweiten Weltkrieges (Verlag für Wehrwesen, Bernard amp; Graefe, Frankfurt-on-Main, 1960).

KALDTOW, KYMLL D.: Sowjetmarschdille haben das Wort (Hansa Verlag, Hamburg, 1950).

KEBLIO, WOLF: Das deutsche Heer 1939-1945 (Podzun Verlag, Bad Nauheim, n.d.).

KESSELRINO, ALBERT: Kesselring: A Soldier's Record (translated by Lynton Hudson, Morrow, New York, 1954).

KISSEL, HANS: Angriff einer Infanteriedivision (Kurt Vowinckel Verlag, Heidelberg, 1958).

KLATT, PAUL: Die 3. Gebirgsdivision 1939-1945 (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1958).

VON KNOBELSDORFF, O.: Geschichte der 19.Pz. D. (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1958).

KONRAD, R.: Kampf um den Kaukasus (Copress Verlag, Munich, 1954).

KRIGER, HEINZ: Bildband der 263.I.D. (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1962).

LANZ, HUBER.T: Gebirgsjäger (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1954).

LEMELSEN, JOACHIM: 29.I.D. (mot.) (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1960).

LIDDELL HART, BASIL HENRY: The Red Army (edited by B. H. L. Hart; Harcourt, Brace, New York, 1956).

LOHSE, GERHARDT: Geschichte der 126.I.D. (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1957),

LUSAR, RUDOLF: German Secret Weapons of the Second World War (translated by P. Heller amp; M. Schindler; Philosophical Library, New York, 1959).

VON MACKENSEN, EBERHARD: Das III. Panzer-Korps im Feldzug 1941/42 gegen die Sowjetunion, Mitteilungsblatt der 23.Pz.D. (April 1959).

MANN, MENDEL: Vor Moskaus Toren (Verlag Heinrich Scheffler, Frankfurt-on-Main, 1961).

MANNERHEIM, MAKSHAL CARL GUSTAV EMIL: Memoirs of Marshal Mannerheim (translated by Count Eric Lewenhaupt; Cassell, London, 1953).

VON MANSTEIN, FRITZ ERIC: Lost Victories (edited and translated by Anthony G. Powell; Methuen, London, 1958).

VON MELLENTHIN, F. W.: Panzerschlachten (Kurt Vowinckel Verlag, Heidelberg, 1963).

MELZER, WALTER: Geschichte der 252.I.D. 1939-1945 (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1960).

VON METZSCH, FRIEDRICH AUGUST: Die Geschichte der 221.I.D.

(Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1952).

MEYER-DETRINO, WILHELM; Die 137.I.D. (Kameradschaft der Bergmann-Division 1962).

MBDDELDORF, EKE: Taktik im Russlandfeldzug (E. S. Mittler amp; Sohn, Berlin/Frankfurt, 1957).

MORISON, SAMUEL ELIOT: The Battle of the Atlantic, 1939-1943, Vol. I of History of United States Naval Operations in World War II (Little, Brown, Boston/Toronto, 1947-1962).

MUNZEL, OSKAB: Panzer-Taktik (Kurt Vowinckel Verlag, Nechargemünd, 1959).

NEHRING, WALTHER K.: Die 18.Pz.Div. 1941 in Deutscher Soldatenkalender (1961).

NITZ, GBNTHNER: Die 292. Infanteriedivision (Verlag Bernard amp; Graefe, Berlin, 1957).

ORLOW, ALEXANDER: The Secret History of Stalin's Crimes (Jarrolds, London, 1954).

PANZERMEYER: Grenadiere (Schild Verlag, Munich, 1957).

PHILPPI, ALFRED: Das Pripietproblem (Wehrwissenschaftliche Rundschau, Mdrz, 1956).

- PHILIPPI, ALFRED, and HEIM, FERDINAND: Der Feldzug gegen Sowjetrußland 1941 bis 1945 (W. Kohlhammer Verlag, Stuttgart, 1962).
- ПЛАТАНОВ, С. П.; ПАВЛЕНКО, Н. Г.; ПАРОТЬКИН, И. В.: История Второй мировой войны, 1939-1945 (в трех томах. Москва, 1958, на русском языке).
- PLOETZ, A. G.: Geschichte des zweiten Weltkrieges (A. G. Ploetz Verlag, Würzburg, 1960).
- POHLMAN, HARTWIG: Geschichte der 96.I.D. (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1959).
- RADEK, KARL BERNGARDOVITCH: "Leo Schlageter, der Wanderer ins Nichts", Speech of 20th June 1923 before the Executive of the Communist Internationale.
- REINHARDT, HANS: Der Vorstoss des XXXXI. Panzer-Korps im Summer 1941 von Ostpreussen bis vor die Tore von Leningrad, Wehrkunde, Book 3 (March 1956).
- REINICKE, ADOLF: Die 5. Jäger-Division (Podzuo Verlag, Bad Nauheim, 1962).
- РЦНРИХТ, EDGAR: Probleme der Kesselschlacht (Condor Verlag, Karlsruhe, 1958).
- ROSKILL, SFEPHEN WENTWORTH: The War at Sea, Vol. II (Her Majesty's Stationery Office, London, 1956).
- САМОСОНОВ, АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ: Великая битва за Москву, 1941-1942 (Москва, 1956; на русском языке).
- САМЯЛОВ, А. С. и КАЛЯДИН, Т. Е.: Битва за Кавказ (Москва, 1956; на русском языке).
- SCHEIBERT, HORST: Nach Stalingrad-48 Kilometer (Kurt Vowinckel Verlag, Neckargemund, 1956).
- SCHELM, W. and MEHRLE, DR. H.: Von den Kämpfen der 215.I.D. (privately published, n.d.).
- SCHMIDT, G: Regimentsgeschichte Pz.A.R.73 (Boettcher Verlag, Bremen, n.d.).
- SCHRÖDER, JÜRGEN, and SCHULTZ-NAUMANN, JOACHIM: Die Geschichte der pommerschen 32. Inf.Div. (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1956).
- SCHRÖTER, HEINZ: Stalingrad (translated by Constantine Fitzgibbon; Dutton, New York, 1958).
- SELLE, H.: Die Tragödie von Stalingrad (Verlag Das andere Deutschland, Hanover, 1948).
- VON SENGER u. ETTERLIN, DR. FERDINAND M.: 24. Panzerdivision, vormals 1. Kavalleriedivision (Kurt Vowinckel Verlag, Neckargemund, 1962).
- СМИРНОВ, СЕРГЕЙ: В поисках героев Брестской крепости, 1941 (Москва, 1956; на русском языке).
- Soviet War News, Vols. I-IV (published by the Press Department of the Soviet Embassy in London, 1941-42).
- SPAETER, HELMUTH: Die Geschichte des Panzerkorps Grossdeutschland (privately published).
- SPEIDEL, HELM: Reichswehr und Rote Armee (Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 1/1953).
- STEETS, HANS: Gebirgsjäger bei Uman (Kurt Vowinckel Verlag, Neckargemund, 1955).
- Gebirgsjäger in der Nogaischen Steppe (Kurt Vowinckel Verlag, Neckargemund, 1956).
- Gebirgsjäger zwischen Dnjepr und Don (Kurt Vowinckel Verlag, Neckargemund, 1957).
- STOVES, ROLF: Die 1. Panzerdivision (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1962).
- STRAUSS, FRANZ JOSEF: Geschichte der 2. Pz. Div. (Kitzingen, 1960).
- THORWALD, JÜRGEN: Wen sie verderben wollen (Steingraben Verlag, Stuttgart, 1952).
- TIEMANN, R.: Geschichte der 83. Infanteriedivision (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1960).
- TIPPELSKIRCH, KURT VON: Geschichte des zweiten Weltkrieges (Athenäum Verlag, Bonn, 1951).
- ТОЕРКЕ, ГÜNTER: Stalingrad wie es wirklich war (Koage Verlag, Stade, 1959).
- TRESS, KARL, and others: Das Infanterie- und Sturm-Regiment 14 im zweiten Weltkrieg (Kameradschaft ehemaliger 114er und 14er, Constance, 1959).
- VOYETEKHOV, BORIS: The Last Days of Sewastopol (translated by R. Parker and V. M. Genne;

Cassell, 1943).

WAGENER, CARL: "Der Vorstoss des XXXX. Pz. Korps von Charkow zum Kaukasus" in Wehrwissenschaftliche Rundschau (September/October 1955).

WERTHEN, WOLFGANG: Geschichte der 16. Panzerdivision (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1958).

WICH, RUDOLPH: Baden-Württembergische Divisionen im 2. Weltkrieg (Verlag G. Braun, Karlsruhe, 1957).

WIEDER, JOACHIM: Stalingrad (Nymphenburger Verlagshandlung, Munich, 1962).

ЕРЕМЕНКО, А. И.: На запад (Москва, 1959; на русском языке).

Сталинград (Москва, 1961; на русском языке).

ZEITZLER, KURT: "The Battle of Stalingrad" in The Fatal Decisions (Michael Joseph, London, 1956).

ЖИЛИН, П. А.: Основные операции Великой Отечественной войны, 1941-1945 (Москва, 1956; на русском языке).

ZYDOWITZ, KURT VON: Die Geschichte der 58J.D. (Podzun Verlag, Bad Nauheim, 1958).

Частные публикации:

Geschichte der 21. Infanterie-Division (1960).

Geschichte der 24. Infanterie-Division, Study Group of the Division (1956).

Das Buch der 78. Sturm-Division (1956).

Der Weg der 93. Inf. Div., 1939-1945 (1956).

Taten und Schicksale der 197. Infanterie-Division (n.d.). 290. Infanterie-Division (1960).

Geschichte der 56. Infanterie-Division, 1938-1945, Study Group of the Division (n.d.). Panzerkeil im Osten (Verlag "Die Wehrmacht", Berlin, 1941).